

И *народы*
России
XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Российского этнографического музея.

Руководители проекта:

В.М. Грусман, директор Российского этнографического музея,
заслуженный работник культуры Российской Федерации, доктор педагогических наук

Е.Е. Герасименко, заместитель директора Российского этнографического музея
по научной работе, кандидат культурологии

Научный редактор:

В.А. Дмитриев, научный сотрудник главной категории отдела этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, доктор исторических наук

Коллектив авторов:

Д.А. Баранов, В.В. Горбачева, В.А. Дмитриев, Н.М. Калашникова, Л.В. Королькова,
Л.М. Лойко, О.В. Лысенко, А.Б. Островский, Л.Ф. Попова, Н.Н. Прокопьева,
Л.А. Сланикова, В.Г. Холодная, О.М. Фишман

Составление справочного материала:

И.И. Баранова, В.А. Дмитриев, Е.Н. Котова

Редакторы: Е.В. Дианова, А.В. Минеева, О.А. Федосеенко

Дизайн: Т.Е. Иванова

Коллектив авторов. — Народы России. XVIII — начало XX века.
Санкт-Петербург: АО «Славия», 2014. — 620 с., 1022 ил.

Книга дает представление о традиционной культуре народов России и сопредельных стран на основе подлинных исторических источников, которыми являются вещевые предметы и иллюстративный материал, составляющие часть собрания Российского этнографического музея. Культура народов России описывается в том ее состоянии, которое было характерно для периода конца XIX — начала XX века, когда этническое своеобразие было выражено более ярко, чем в наше время вследствие еще слабого воздействия на него урбанизационных влияний. Не сказались тогда еще и результаты революционных преобразований и войн, заполнивших XX столетие.

«Ветряк» – ветряная мельница
Русские. Курская губ., Белгородский у.,
Болховецкая вол., с. Болховец.
Фотография 1911 г. РЭМ 2188-43

«Народы России» – огромная тема, затрагивающая разные аспекты изучения народов, населяющих нашу страну. Российский этнографический музей, созданный в начале XX века и призванный хранить и изучать сокровища народной культуры, обладает уникальной коллекцией: в его хранилищах сосредоточены вещевые памятники, характеризующие этнокультурные традиции 158 народов Евразии (территории России и сопредельных стран), а также богатые коллекции фотографий и этнографических рисунков, позволяющих комплексно представить традиционную культуру как больших, так и малых этносов, численность которых иногда не превышает нескольких сотен человек.

Основная часть экспонатов, датируемая XIX – началом XX века, дает возможность показать хозяйственную деятельность, народную архитектуру и домашний быт, традиционный костюм, обрядовые практики и религиозные представления, традиционный опыт воспитания детей, образцы художественного творчества разных народов

Книга «Народы России» соединяет на своих страницах прошлое и настоящее. Мы с одинаковым интересом вглядываемся в лица на старых фотографиях, рассматриваем изображения замысловатых узоров, возрождаемых современными мастерами.

Эта книга, в работе над которой приняли участие ведущие специалисты Российского этнографического музея, повествует о наших предках, а значит, и о нас самих, наших детях. Ведь каждый человек несет в себе частичку прошлого своего народа, заключенную подчас в самых простых вещах: услышанной в детстве колыбельной и увиденном народном гулянии, в звуках гармоники и в веселом узоре полотенца, которым накрывали такой вкусный хлеб.

В этой книге – наше прошлое, без которого нет будущего, и об этом надо всегда помнить.

В.М. Грусман,
директор Российского этнографического музея,
доктор педагогических наук

Издание «Народы России», подготовленное Российским этнографическим музеем совместно с издательством «Славия», представляет собрание музея и одновременно культуру многих народов нашей страны. Эта книга содержит необходимые статистические сведения, обширные и фундированные очерки об этнической истории, особенностях образа жизни народов Северо-Запада, Поднепровья, Поволжья, юга России, Кавказа, Центральной Азии и Сибири, их обычаях и традициях. Отдельно представляется этническая культура русских – народа, интегрировавшего различные историко-этнографические области в единую российскую территорию.

В целом, авторами представляется полный этнографический свод сведений о национальной культуре значительной части Евразии, объединенной единым цивилизационным качеством и общей исторической судьбой. По форме издание приближается к богато иллюстрированному альбому, но значительно превышает подобного рода издания по качеству и объему информации.

Другой важной особенностью издания является очерк, отведенный представлению истории этнографических знаний в России и характеристики принципов этнографической науки, подготовленный с позиции этнографического музейного знания.

Подобное издание осуществляется впервые и является своевременным и отвечающим на «вызовы» нашего времени в области межнациональных отношений как, очевидно, самой тонкой и значимой социальной ткани.

Уверен, что, прочитав эту захватывающую воображение книгу, читатель приобретет нужную и интересную информацию о нашей Родине.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "V. Zorin", is placed on a light-colored, slightly textured background.

В.Ю. Зорин,
заместитель директора Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
член Совета при Президенте Российской Федерации
по межнациональным отношениям, доктор политических наук, профессор

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	9
Русские	32
Украинцы и белорусы в полиэтническом пространстве Восточной Европы	116
Молдаване и другие народы Юго-Запада России	174
Народы европейского Севера и Северо-Запада России	214
Народы Балтики	278
Народы Среднего Поволжья и Приуралья	332
Народы Сибири и Дальнего Востока	382
Народы Кавказа	446
Народы Крыма	510
Народы Средней Азии и Казахстана	540
Приложения	
Общие понятия в этнологии (краткий словарь толкования терминов)	600
Именной справочный указатель	605
Библиография	616

Священная сосна
на Староладожском шоссе
Русские.
Санкт-Петербургская губ.,
Новолодожский у.,
Михайловская вол., д. Кисельня.
Фотография 1913 г.
РЭМ 2818-1

ВВЕДЕНИЕ

ПРИНЦИПЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭТНОСЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Широко известная метафора представляет человечество как «мыслящий тростник», подчеркивая, что Человек, оставаясь частью природы, одновременно не является ею. Неизбывное желание понять собственный феномен породило бесконечный процесс научного познания, который условно можно разделить на две ветви: науки о природе (естественные и точные) и науки о Человеке (гуманитарные: антропологические, исторические, культурологические и т. п.).

Одной из проблем процесса самопознания Человека является понимание того, что человечество существует в разнообразных формах, развивается в этом избыточном «многообразии себя» и культивирует непохожесть своих частей. Ранние попытки ответить на вопрос о групповых различиях человечества были предприняты в рамках племенного сознания, утверждавшего, что только круг близких, «своих» людей является настоящими людьми, а все остальные — «странные», «другие», неправильно себя ведущие, неправильно говорящие, возможно, даже не люди. Такой тип мировосприятия существовал очень долго, он существует и сейчас, определяя импульсы поведения необразованного, невежественного человека. На переходе от варварства и древности к цивилизации и средневековью исчерпывающий ответ на вопрос о многообразии человечества дала религия: всем в той или иной степени известна библейская легенда о Вавилонской башне и божественной воле, разделившей людей.

С отделением науки от веры в Новое время началось образование антропологических дисциплин, благодаря которым сегодня в большинстве случаев можно понять отличия между группами: мужчин и женщин, крестьян и учителей, подростков и стариков, разных народов. Есть ответы и на вопросы, почему люди имеют различные оттенки цвета кожи, почему одни из них стали земледельцами, а другие кочевниками,

когда возникли языковые семьи или современные языки и т.п. На многие до сих пор невыясненные вопросы ответы могут быть получены на следующих стадиях познания.

Интерес к другому, порожденный любопытством — человеческим вариантом биологического исследовательского инстинкта, и практические потребности, вызванные к жизни необходимостью дальних путешествий или взаимодействия с соседями, а зачастую и стремлением утвердить вокруг свою модель миропонимания, породили сначала интерес к непохожему, а затем и его научное изучение и, по мере сил, объяснение. Ранними трудами в этой области были свидетельства очевидцев или их систематизированные переложения крупными учеными древности и средневековья. Можно назвать «Историю» Геродота (V в. до н.э.), «Записки о галльской войне Юлия Цезаря (I в. н.э.), «Записки о странах Запада» китайского паломника Сюань-Цзана (648), «Сообщение о делах в Юкатане» католического монаха Диего де Ланды (1566). Путешественники пополняли собрания заморских курьезов, положившие начало известным музеям.

В XVIII веке возникли научные общества, деятельность которых была направлена на изучение особых групп человечества: Общество наблюдения за человеком (Франция, 1799), Парижское общество этнологии (1839), Русское географическое общество (1845), Этнологическое и Антропологическое общества (Англия, 1863), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1864), Общество антропологии, этнологии и преистории (Германия, 1867). С 1830 года, когда французский естествоиспытатель Жан-Жак Ампер разработал общую классификацию гуманитарных наук, статус научной дисциплины обрела этнография, или этнология. Близкими дисциплинами в англоязычных странах, а с 1990-х годов и в России, являются социальная и культурная антропология, в Германии две дисциплины народоведения (исследование немцев и исследования других народов мира).

Европейская наука XIX — начала XX века уделяла внимание общим социологическим теориям происхождения особенностей культуры, присущих различным народам. Были созданы

На с. 8

Девушки
в праздничной одежде
Олонецкая губ.,
Петрозаводский у.
Фотография 1901 г.
РЭМ 63-124

Антропологическая выставка 1879 г., Москва, Манеж
Депутаты ученых учреждений и обществ
Из собрания РЭМ

школы: эволюционизма, предполагавшего универсальность развития всего человечества; диффузионизма, видевшего существование культурных различий во влияниях, выходящих из одного или нескольких центров цивилизации; социологическая школа, рассматривавшая каждую общность как закрытую статическую систему, объединенную также общими коллективными представлениями. В российской науке было одновременно утверждено направление, провозглашавшее народоведческий подход: задачей этнографического отделения Русского географического общества обозначалось «познание разных племен, обитающих в пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедческой».

В первой половине XX века значимыми школами мировой науки были функционализм, в рамках которого обосновывались принципы существования механизмов реализации потребностей человека, самостоятельных в каждом отдельном случае; фрейдизм и неопрейдизм, определявшие способы преодоления запрещенных инстинктов в виде своеобразных общественных норм, формирующих общность. Зна-

чительным шагом к отказу от общих моделей понимания разнообразия в пользу изучения конкретной общности была американская историческая школа, требовавшая не только комплексного изучения местных особенностей, включая знание языка, но и освобождения исследователя от оценок, присущих его культуре. Важной особенностью англо-американской науки, оказавшей к концу XX века сильное влияние на другие национальные школы, включая российскую, было перенесение внимания в системном представлении общности на один из ее элементов — культуру как систему норм, представлений и запретов. Примечательно, что одной из ведущих тем для антропологов США в середине XX века была проблема аккультурации, распространения культурных норм на другие общности. Сильной стороной американской антропологии было развитие технологии многих методик — от психологического исследования личности до широкого применения методов естественных наук. Акцентация культуры была усилена с развитием этноархеологии — методологии изучения общности по остаткам материальной составляющей культуры.

Советская и российская школа исследователей выделяла материалистическую сторону той же системы общности, людей, территорию и т.п.; неслучайно было появление в итоге развития термина индивид-носитель этнических качеств — «этнофор». В 1950-х годах в СССР утвердилась школа С.М. Широкогорова — Ю.В. Бромлея, обосновавшая существование этноса как человеческого социально-исторического коллектива, наделенного своеобразием, и настаивающая на том, что это своеобразие имеет объективное существование и объективные параметры. Материалистическая школа этноса в рамках российской науки имела в 1960—1980-х годах альтернативу в виде информационной концепции С.А. Арутюнова — Н.Н. Чебоксарова (этнос как система синхронно-диахронных информационных связей) и пассионарной концепции Л.Н. Гумилева (этнос — природно-географическое явление, создаваемое группой особо активных индивидов).

С середины — второй половины XX века ведущей концепцией европейской и американской антропологии становится концепция этничности как качества, присущего групповой сплоченности: американские антропологи и этнологи принимают ее на смену «теории плавильного котла», предполагавшей несостоявшееся слияние этнических групп на Североамериканском континенте. Этничность рассматривается как групповая принадлежность, регулируемая и выбираемая наряду с другими видами групповой идентичности. Подобное представление принято сейчас и частью российских исследователей, например, В.А. Тишковым, рассматривающим в качестве основного вида сплоченности гражданскую идентичность.

В настоящее время российскими учеными признается наличие нескольких теорий этноса. Данный плюрализм мнений является не только признаком научной толерантности, но и отражением того, что побудительными причинами сохранения этнических ценностей и ориентаций могут быть различные мотивы: от приверженности традициям до стремления обрести психологическую устойчивость в меняющемся мире. Данные мотивы реализуются в различных социальных средах, где полярными состояниями являются территория компактного проживания этноса, ведущего традиционный образ жизни и хозяйствования, и диаспорно-дисперсное расселение индивидов, адаптирующихся к миру информационных технологий и полиэтничного мегаполиса.

Вместе с тем широкий спектр подходов заставляет обращать еще большее внимание на своеобразие групп, связанных этническими узами, специфически отличающимися от общественных связей естественно-природного (демо-

графические, гендерные) или конкретно-социального (производственные, властные и т.п.) характера. Отмечено, что в мировом масштабе этнические связи продолжают сохраняться при кардинальных изменениях социально-экономического строя.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Российская этнография прошла тот же путь, что и вся мировая наука, но с той разницей, что многообразие народов, познававшихся по мере расширения страны, было не признаком экзотики дальних морей, а каждодневным обстоятельством жизни государства.

Свидетельства о народах, населявших территорию России до конца раннего средневековья, содержатся в археологических памятниках и сообщениях географов и путешественников древних империй, границы которых были приближены к Восточной Европе (Рим, Византия), Центральной Азии (Иран, Арабский халифат) и Сибири (Китай). Из этих источников были получены сведения о ранних государствах Северной Евразии Урарту и Согде, о скифах, о народах эпохи Великого переселения. Римские источники первых веков новой эры рассказывают не только о народах Причерноморья, но и о населении Восточной Прибалтики, а китайские упоминают о Центральной Азии, Монголии и Дальнем Востоке.

Рождение древнерусской государственности привело к появлению на Руси собственной историографии. Ее первый памятник «Повесть временных лет» приводит картину мира, в центре которой находятся славяне Среднего Поднепровья в окружении других восточнославянских племен, а также народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера. В древнерусский и московский периоды этнографические сведения содержатся в летописях, хронографах, фольклорно-литературных памятниках («Слово о полку Игореве»), житиях святых, путевых записях монахов и купцов, своеобразных политических сводках («Повесть о земле Казанской») и фантастических описаниях («Сказания о человеках неизвестных»). С покорением Сибири возник жанр военно-топографического сообщения. Возобновившаяся в XVI—XVII веках внешнедипломатическая деятельность стимулировала появление описаний сопредельных стран и рассказов иностранцев о России. Венцом познания страны в допетровский период была «Книга большого чертежу» — карта Московской Руси с комментариями.

Со времен правления Петра I изучение этнического состава страны обрело целенаправ-

ленный характер. В XVIII веке оно было частью государственной политики, направленной на изучение нерусских районов империи. Инструментом научного познания под влиянием идей европейского Просвещения стала созданная Петром I Академия наук. Первоначально ведущую роль в академической науке играли немецкие ученые, однако успехи русских коллег не заставили себя ждать. Большой описательный материал был получен в результате длительных комплексных экспедиций. Их насчитывалось более пятидесяти, в том числе 1-я и 2-я Камчатские, 1-я и 2-я Академические. Постоянно пополнялись коллекции первого в России музея — Петровской Кунсткамеры. Итогом века явилась первая этнографическая энциклопедия «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», составленная И.-Г. Георги (СПб., 1776—1777).

На рубеже XVIII—XIX веков, когда возник интерес к русской этнографии, началось изучение древних литературных памятников и славянского мифологического творчества. В это же время российский флот осуществил серию кругосветных плаваний, в ходе которых был собран разнообразный этнографический материал, ставший базой для широких межкультурных сопоставлений и таким образом послуживший развитию науки. Сложности, возникшие при продвижении России в Среднюю Азию и на Кавказ, потребовали тщательного изучения местных обычаев. Руководил процессом Генштаб Российской гвардии. Именно военные стали авторами многих прекрасно выполненных этнографических описаний.

Патриотический подъем после Отечественной войны 1812 года вызвал интерес к русской народной культуре, что в сочетании с более тесным знакомством с общественным бытом Западной Европы привело к идее создания Национального музея. Его прообразом был основанный в Петербурге в 1831 году Румянцевский публичный музей, позднее переведенный в Москву. Активное развитие академической науки привело к ее дифференциации, в частности, к выделению из Кунсткамеры ряда музеев, в том числе — Этнографического.

В 1845 году по инициативе энтузиастов из круга ученых, военных, участников дальних плаваний и при поддержке Императорского двора было создано Русское географическое общество (РГО). Данное событие можно считать свидетельством определения этнографии как самостоятельной науки. РГО до конца XIX века создало свои филиалы в крупных российских административных центрах, имело большое количество активных членов в разных местностях, провело множество дальних экспедиций, внесло существенный вклад в изучение русской

этнографии, народной поэзии, сельской общины, обычного права многих народов России. Его наследником стало Географическое общество СССР, сейчас — Национальное географическое общество, продолжающее свою деятельность в Санкт-Петербурге и в московском филиале.

С середины XIX века набрал силу процесс образования новых научных обществ, на этот раз связанных с университетской наукой. В 1864 году было создано Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ), в 1878 году — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ). Этнографическая проблематика занимала существенное место в деятельности восточного и естественного факультетов Петербургского университета.

Изучение этнографии было продолжено в советское время в крупнейших университетах страны. В первые годы советской власти в Петроградском, Московском, Казанском университетах было введено этнологическое образование. В настоящее время подготовка специалистов-этнографов и исследовательская работа ведутся на кафедре этнологии Московского государственного университета, кафедре этнографии и физической антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, кафедре археологии и этнографии Казанского университета и на кафедре этнографии и музееведения Омского университета.

С 1860-х годов начался процесс расширения старых и создания новых этнографических музеев. После Всероссийской этнографической выставки в Москве в 1867 году, которая продемонстрировала большой интерес к этнографии Российской империи и славянского мира, на базе Румянцевского музея возник крупный музей с этнографическим подразделением. В 1878 году при слиянии в Петербурге Этнографического отдела с Анатомическим кабинетом Кунсткамеры был образован Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (МАЭ), унаследовавший и само здание Кунсткамеры. Сейчас МАЭ является крупнейшим музейным и одновременно академическим центром нашей страны.

В 1895 году в столице империи был организован Русский музей Александра III, включавший этнографический отдел. В 1870—1890-х годах развитие земского управления отозвалось становлением краеведческих музеев, поддержанных инициативами со стороны различных столичных научных обществ. Еще одним стимулом роста музеев и характерным для конца времени российских царей источником этнографических знаний, особенно Сибири, была работа политических ссыльных. Ряд из них вошел в когорту

основателей советской этнографической науки. Кроме того, с 1880—1890-х годов появилась научная периодика, активно развивалось краеведение.

Организационное и методологическое становление этнографической науки завершилось в советское время. Центральным моментом явилось создание сети академических учреждений в Москве и Ленинграде, в столицах союзных и автономных республик. Основным учреждением является Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН). Он был создан в 1933 году в Ленинграде на базе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, а в 1943 году переведен в Москву, где и находится в настоящее время. В 1947 году Институту было присвоено имя выдающегося русского путешественника и ученого Н.Н. Миклухо-Маклая.

К достижениям этнографической науки советского периода можно отнести дифференциацию этнографического знания, выделение таких направлений, как исследование этногенеза, этнической истории, материальной и духовной культуры, этнографии современности. В течение всего этого периода создавались региональные историко-этнографические атласы, в начале 1960-х годов была опубликована многотомная серия «Народы мира». В республиках сложились национальные исследовательские коллективы. В 1950-х годах была выдвинута концепция хозяйственно-культурного типа, в 1970—1980-х велась разработка теории этноса. В последнее десятилетие XX века в российской науке наметилась тенденция сближения ее основ с положениями западной этнологии.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ

Этнографическими источниками являются способы и приемы получения и хранения этнографической информации. Как всякий информационный процесс, этнографический источник состоит из трех компонентов: объекта познания, канала передачи информации и человека, получающего необходимые сведения. Таким получателем может выступить любой индивид, но без специального образования он останется лишь пассивным созерцателем, не готовым к процессу извлечения информации. Только ученый-профессионал, обладающий широким научным кругозором и развитым общественным сознанием, способен участвовать в процессе формирования этнографического источника.

Существует несколько точек зрения на то, что является предметом исследовательского интереса в этнографии, ее объектом познания.

Мнения специалистов по этому поводу можно свести к двум позициям: во-первых, этнография изучает то, что составляет специфику каждого народа, его особый коллективный характер; во-вторых, — повседневность, быт в их национальных формах. Обе точки зрения сходятся в том, что в поле зрения этнографов находятся и люди, и созданные ими материальные и духовные ценности, то есть культура. Некогда существовавшее представление о том, что этнография изучает только бесписьменные народы, несколько устарело с появлением этнографии индустриального общества. Однако правомочность этой отошедшей на задний план точки зрения состоит в том, что изучаемые данной наукой этнические традиции передаются не столько в письменных текстах, сколько в устном фольклоре, мифологии и стилистике всей народной культуры. По общей классификации этнографические источники относятся скорее к категории «остатков» (предметных памятников), чем «преданий» (сообщений с собственной идеологией).

Источники формируются при помощи различных методов: непосредственного наблюдения, работы с собеседниками, изучения культуры народа. Основой непосредственного наблюдения является полевая работа этнографа в экспедициях. Здесь можно выделить включенное наблюдение, то есть метод работы, когда исследователь длительное время живет в среде изучаемого народа. С собеседниками можно работать в прямом контакте, а можно опраши-

Гамистевис таси – ритуальная чаша для пива Грузии-хевсурь. Тифлисская губ., Тионетский у., с. Ахиели. XIX в. РЭМ 2614-1

Чаша предназначалась в дар святилищу, являвшемуся организационным и идеологическим центром общины горцев-христиан. Скорее всего, ее использовали в ночных рождественских бдениях, одной из целей которых было обеспечение преемственности времени в конце одного года и начале следующего. Нанесенный на чашу текст, зафиксировавший узколокальную разновидность некогда существовавшего диалекта Горной Грузии, представляет собой памятник одной из древнейших письменностей Евразии.

Этнограф в поле
Казахстан.
Фотография 1970-х гг.
РЭМ Ф 1068-103

Главным источником знаний для исследователя-этнографа является непосредственное общение с людьми в их естественной среде обитания, наблюдение за их занятиями, включение в их ритм и образ жизни. Поведение исследователей не только не должно противоречить местным нормам, но и вызывать максимальное уважение. Впрочем, для настоящего этнографа такая проблема не стоит, поскольку он сам может выступить в роли признанного знатока народных традиций.

Фрагмент дневника
А.А. Макаренко
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

вать их через посредников или через средства массовой информации. Особо результативна работа с так называемыми «знающими людьми», обладателями особой информации. За явлениями культуры можно наблюдать в их «живом» состоянии или по фотографиям и рисункам, а также исследовать предметы из музейных и частных коллекций.

Главные этнографические источники образуются во время полевой работы. К ним относятся: фиксация наблюдений исследователя, записи его бесед со знающими людьми, зарисовки и фотографии, фонофиксация звуковых сигналов (речь, музыка и т.п.), сбор вещевых предметов. Такие источники называются «живыми». Впоследствии в обработанном виде они будут находиться в архивах и музеях как «мемораты» — свидетельства, предусмотренные для вечного хранения. На фотографиях, в записях и других подобных источниках фиксируются этнографические факты, которые выделяются исследователем как реалии жизни; вещевые же предметы сами являются такими фактами.

По мере развития этнографической науки меняются требования, предъявляемые к этнографическим зарисовкам. Профессиональные художники, участвующие в экспедициях, фиксируют материал на месте, работая сообща с профессиональными исследователями. Результатом

становятся четкие, реалистичные зарисовки, имеющие точные географические привязки, корректное цветовое решение и профессионально выбранный объект фиксации. Для этнографа первой половины XX века умение рисовать было обязательным.

Полевые заметки исследователя создают уникальный этнографический источник. Он дает неповторимое описание реальности, формируется как тот документ, который переводит данные непосредственных наблюдений, записи бесед с информаторами, отмеченные компоненты материальной и духовной культуры в письменный и графический текст, имеющий значение первоисточника, созданного из фиксации этнографического факта. Полевые заметки в целом тем шире собранных в них конкретных описаний, чем более многопланово видит и отмечает исследователь. Записи дополняются рисунками. Рисунок в полевом дневнике представляет особый жанр. Зарисовка зачастую оказывается точнее и информативнее описания. Чаще всего в полевых дневниках встречаются изображения планов поселений и жилищ, предметов обихода и традиционных орнаментов на них, способов соединения предметов между собой. Объединенные в комплекс иллюстрация и текст приближаются к определению идеального источника.

Классическими путевыми заметками можно назвать текст дневников Алексея Алексеевича Макаренко (1860—1942). Исследователь подробно фиксирует все наиболее важные события дня. Подобная форма ведения полевого дневника позволяет почерпнуть из него сведения не только об объекте изучения, но и о методике работы этнографа, стиле его отношений с местной администрацией.

Еще одним ценнейшим этнографическим источником в силу своей документальности служит фотография. Во второй половине XIX века

Европу, а вслед за ней и Россию, захлестнул интерес к фотографическим документам. Началось широкое применение фотографии для получения объективных данных по многочисленным отраслям естествознания. Владение съемочной аппаратурой, доскональное знание фотографических техник позволяли профессионально и с глубокой художественной выразительностью отражать красоту природного ландшафта, городского и сельского пейзажей, делать натурные снимки жизни людей в пространстве традиционного для них бытового уклада, а также различных праздников и ритуалов. Таким образом впервые появилась возможность сохранить в коллективной памяти конкретные детали жизни.

Мастерством фотографа постепенно овладевали ученые, члены различных экспедиций, военные, многим из которых удалось достичь высокого профессионального уровня. Фотографические экспозиции составляли целые разделы антропологических и географических выставок в Москве, Париже, Берлине, Венеции (1867, 1878, 1879, 1881).

С самого начала существования Этнографического отдела пристальное внимание уделялось получению этнографических материалов в виде фотографических снимков и негативов. Всякая

экспедиция, организованная Отделом, по возможности снабжалась аппаратами и пластинками. Отснятые пластинки обязательно возвращались в Отдел, где проявлялись и регистрировались наравне с прочими коллекциями. Отдел также активно сотрудничал со знаменитыми фотографами того времени — Д.И. Ермаковым, С.М. Дудиным, М.П. Дмитриевым, Я.И. Лейцингером, А. Энгелем и другими.

Написанные по результатам полевых исследований и работе в архивах и музеях научные труды, так же, как и музейные экспозиции, относятся к жанру этнографических пособий. Изложенные в них факты согласованы с принятыми в науке и публицистике концепциями, преподнесенными с авторской точки зрения.

Этнографическая информация может быть также получена из археологических памятников, в различной степени свидетельствующих о культуре предшественников ныне существующих народов. В одних случаях следы жизни древних людей объективны в силу непреднамеренности их возникновения, в других — потому, что земле доверялись тайны, не предназначенные для посторонних. Для этнографов археологические источники дают основание углубить во времени существование отмеченных ими культурных явлений, проследить предшествующие формы тех вещей и способов их использования, которые этнограф видит своими глазами.

Археологические памятники помогают представить последовательность смены форм человеческой деятельности и

Пример этнографической фотографии: Женщины с детьми Русские. Тамбовская губ., Кирсановский у., с. Иноковка. Фотография 1904 г. РЭМ 1046-43

Успешное применение фотографии в экспедициях, проводившихся в 80-х гг. XIX – начале XX в. в центральных и отдаленных регионах Российской империи, создало особый фонд достоверных свидетельств в отражении реалий и самобытности культуры разных народов. В работе с фотографией вырабатывались определенные требования к изображению, основывавшиеся на принципах документальной точности и высокой информативности, внимании к мельчайшим деталям, умении передать материальную сущность предмета.

Участники Лопарской экспедиции под руководством Д.А. Золотарев, Ф.Г. Иванов-Дятлов, В.В. Чарнолуцкий. Поселок Ловозеро. Фотография 1927 г. РЭМ 5754-31

Лопарская экспедиция под руководством Д.А. Золотарева работала в восточных районах Кольского полуострова с января по май 1927 г. Основной ее задачей было антропологическое, этнографическое и медико-гигиеническое изучение саамов (лопарей) и коми-ижорцев.

Лопарь
Иллюстрация из книги И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов и ...» (СПб., 1776–1777)

увидеть, насколько сложившееся настоящее повторяет прошлое или отличается от него. Для археологов наблюдения этнографов могут дать ключ к восстановлению реалий прошлого, а в иных случаях — к разгадке природы сделанных ими находок. Археологические памятники в этнографических музеях не только служат цели реконструировать историю культуры изучаемых народов, но и помогают посетителям зримо осознать связи между прошлым и настоящим.

В этнографическом изучении особые успехи приносят исследования, позволяющие увидеть трансформации устойчивых народных традиций под влиянием различных бытовых условий и в разное историческое время. Поэтому этнографы изучают культуру и первобытных племен, и наших современников, и их далеких, но еще незабытых предков. Связь времен реконструирует наука, пользуясь своими методами, она изучает и те случаи, когда эта связь живет в реальной жизни. В этом случае источники сведений отличаются многоплановостью, в них сочетаются материальные объекты, свидетельства об их использовании и народные представления об их назначении, поступки ныне живущих людей и их объяснения в соответствии с сохранившимися обычаями, записи этнографов и

мнения тех, чья жизнь стала предметом науки. Древние памятники, превратившиеся в этические символы как объекты привычных ритуальных действий, обретают все большую ценность для науки.

Вещевые этнографические памятники несут в себе разноплановую информацию, которая позволяет изучать технологию производства и обработки различных материалов, назначение вещи в жизни конкретного социального коллектива, ее применение в обстоятельствах повседневности и праздника, делавшее предмет больше чем только утилитарным, а также отразившиеся в вещи взаимоотношения людей. В полноценном вещевом источнике фиксируются нормы традиции выбора материала, компоновки деталей, украшения, использования в своей среде и самовыражения этноса перед внешним миром. Источник может быть свидетелем и отхода от этих традиций. В музейной практике важно, чтобы признаки предмета не только выявлялись в исследовательской работе, но и воспринимались посетителями музея как привлекательное и подлинное свидетельство своеобразной формы общечеловеческой культуры.

Огромное значение для этнографии имеет иллюстрация. С одной стороны, художник фикс-

сирует заинтересовавший его объект, тем самым сохраняя для последующих поколений образ культуры, с другой, личность художника и эпоха налагают на рисунок определенный отпечаток. Так, рисунки Иоганна-Готлиба Георги, сделанные им во время путешествий по России во второй половине XVIII века, для современного исследователя представляют одновременно источник этнографических знаний и информации по истории этнографической науки.

И.-Г. Георги осознанно зарисовывал казавшиеся ему диковинными костюмы и типы народов, населяющих территорию России, придавая изображаемым фигурам характерные вычурные позы, присущие большинству светских изображений XVIII века. Впервые увидевшие свет в издании П.С. Палласа «Reisen du/rch verschiedene Provinzen des russ. Reichs» (1771—1777), эти рисунки стали основой для гравюр к собственной книге И.-Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (СПб., 1-е изд.: 1776—1777; 2-е изд. в 4-х ч.: 1779).

Ранний этнографический рисунок требует очень корректной интерпретации, так как может содержать погрешности, проистекающие из стремления художника-профессионала к построению наиболее выгодной композиции и его зависимости от стереотипов мышления, заставляющих ретушировать рисунок в соответствии с шаблонными художественными канонами.

Ценные сведения этнографическая наука получает из языкознания, фольклористики, антропологии — тех дисциплин, в которых изучение этнической специфики занимает одно из важных мест. Исследование природно-географических объектов позволяет изучать невещевые памятники материальной культуры, глубже проникнуть в систему экологических связей народов и этнических групп.

При решении сложных научных проблем часто бывает недостаточно одних только этнографических источников. В таких случаях ученые используют данные других наук: биологии, медицины, агрономии, метрологии, литературоведения, в частности, широко привлекаются различного рода письменные свидетельства, содержащие этнографические сведения: летописи, хронографы, исторические повести, описания путешествий, автобиографии, мемуары, различного рода статистические и актовые данные, художественная литература, материалы периодической печати. Исследования памятников изобразительного искусства дают знания, построенные на расшифровке зрительных образов. Сложные научные проблемы — изучение традиционных знаний, народного искусства, этногенеза и т.п. — требуют комплексного применения различных источников.

МУЗЕЙНОЕ СОБРАНИЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ РОССИИ

В процессе развития этнографической науки постоянно менялись роль и значение музеев. К рубежу XIX—XX веков утвердилась триединая функция музеев: отбирать, хранить и демонстрировать обществу береженные культурные ценности. У этнографических музеев, в отличие от музеев другого профиля, существует проблема обоснования значимости памятников в связи с их происхождением из сферы бытового. Однако, учитывая то, что многонациональность человечества и культура повседневного существования являются неперенными свойствами мира людей, существование этнографических музеев остается важной частью гуманитарного познания.

В европейских странах становление этнографических музеев было связано с эпохой Просвещения (XVII—XVIII вв.) — периодом интенсивных географических открытий, а также с эпохой становления национальных государств в XIX веке. В России этот процесс затронул в основном вторую половину XIX столетия. К началу XX века здесь сложилась четкая структура как столичных музеев (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде, Этнографический музей в составе Московского публичного Румянцевского музея), так и краеведческих музеев в городах Европейской и Азиатской России. В 1923 году Этнографический музей в Москве был преобразован в Музей народов СССР. В 1948 году произошло слияние этнографических музеев Ленинграда и Москвы на базе первого. Кроме того, были организованы этнографические музеи в республиканских городах. Появились новые категории музеев, близких этнографическим: декоративно-прикладного искусства и народных ремесел, народной архитектуры, — так называемые музеи под открытым небом.

В современную структуру российской музейной этнографии входят этнографические музеи Санкт-Петербурга — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого и Российский этнографический музей, а также местные музеи в различных городах страны — этнографические, исторические, художественные, мемориальные, краеведческие и др.

Находящиеся в музее мемораты представляют собой ценный этнографический источник, значение которого постоянно растет вследствие нескольких причин. Первая из них состоит в том, что каждый музейный этнографический предмет является подлинным и сохраняет черты породившей его культуры. В материальном

Каменное изваяние
Улуг Хуртуях Тас
Конец III — начало
II тыс. до н.э.
Найдено в Хакассии
в 2004 г.
РЭМ 12288-31

Улуг Хуртуях Тас —
каменное изваяние
окуневской
археологической
культуры, найденное на
левом берегу р. Абакан.
О народной версии
происхождения памятника
говорится в сказании,
записанном от хакасского
хайджи (исполнителя
героических сказаний)
М. Е. Кильчикакова
(1919–1990). По легенде,
наблюдая гибельный для
предков хакасов бой,
жена кагана попросила
богиню Умай спасти Хут
(жизненную силу народа).
Сохраняя Хут
по повелению богини
в материнском лоне,
женщина умчалась
верхом, но перейдя реку,
нарушила наказ,
оглянулась на место
битвы, где гибли ее муж
и сыновья, и окаменела.
Издавна изваяние было
у хакасов объектом
почитания. В обрядах
женщины просили
избавить их от
бездетности, мужчины —
дать светлый разум.

В XVIII – начале XX века в столице Российской империи с учетом мирового опыта создавались архитектурные памятники, воплощавшие ступени процесса формирования системы представлений о музейном здании как о музее-храме. Венцом процесса может считаться корпус Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей) – уподобленное дворцу здание, в котором интерьеры экспозиционных залов были упрощены и снабжены специальной музейной мебелью, а модель храма помещена в центр здания как особый, отличающийся монументальностью зал.

И.Н. Крамской
Портрет императора Александра III. 1886
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

предмете нет признаков субъективности, которая может присутствовать в экспедиционных записях исследователя. Второй причиной является постепенный рост уникальности музейной вещи в соответствии с увеличивающимся возрастом памятника и, следовательно, возможной утратой подобных предметов в реальной жизни данной народной культуры. Третья причина связана со второй: этнографический предмет как результат индивидуального труда составляет основную альтернативу тиражированному, обезличенному продукту промышленного производства и может послужить эталоном для внесения в современный мир необходимого своеобразия. В-четвертых, музейный экспонат в состоянии сыграть важную роль в нахождении ориентиров для людей, интересующихся своей национальной культурой, но не находящих их в реальной жизни.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ
ОСНОВАНИЯ РУССКОГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
И ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА.
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.
ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОБРАНИЯ**

Этнографические памятники, отражающие разные стороны культуры народов России, объединены в собрании Российского этнографического музея (РЭМ) в Петербурге. Они относятся к народной культуре многих этносов Северной Евразии, включая территории, сопредельные России в границах 1913 года.

Здание Российского
этнографического музея
в Санкт-Петербурге

Зарождение музея произошло в ходе реализации проекта Русского музея императора Александра III, который был учрежден указом Николая II от 13 апреля 1895 года. Этнографический отдел в составе Русского музея начал свое существование 10 (23) января 1902 года. Здание Этнографического музея было построено архитектором Василием Федоровичем Свиньным (1865—1939), выходцем из крестьянской среды, в сформировавшемся к концу XIX века стиле специального музейного «здания — храма искусств». В 1892 году В.Ф. Свиньин окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге и получил диплом классного художника 1-й степени по архитектуре. В 1895 году он выиграл закрытый конкурс Академии художеств по реконструкции Михайловского дворца под музей и в 1898 году успешно закончил ее, одновременно разрабатывая перспективный план развития Русского музея императора Александра III. С 1897 по 1915 год Свиньин занимался проектированием и строительством здания Этнографического отдела музея, которое стало его самым значительным произведением.

Все крупные музеи империи курировались членами царской фамилии. Это происходило либо через Министерство двора, либо через прямое участие членов семьи Романовых в руководстве Академии наук, Академии художеств, ряда научных обществ. Управляющим Русского музея был великий князь Георгий Михайлович (1863—1919), внучатый племянник Николая I. Романовы — меценаты и ценители искусства — рассматривали этот музей как основу для позиционирования и демонстрации официальной концепции народности. Однако уже при создании Этнографического отдела в его деятельность была заложена база, характерная для

объективной науки. Большая заслуга в этом принадлежала выдающимся ученым России, воплощавшим принципы мировой и российской этнографии и разрабатывавшим научные основы работы отдела. Особого упоминания заслуживает его первый заведующий Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914), который сформировался как этнограф во время многолетней ссылки в Сибирь.

Поставленная задача — собрание единой по всей стране научной коллекции предметов, характеризующейся достоверностью, полнотой и точностью, — реализовывалась во все годы существования музея. Был установлен приоритет экспедиционного сбора экспонатов с долговременным выездом и постепенным охватом всей территории страны. Создавалась сеть корреспондентов музея на местах, была налажена работа по приобретению предметов у частных лиц.

Поступления с 1902 по 1914 год, осуществленные сотрудниками музея (заметим, что в начале работы его штат вместе с заведующим отделом насчитывал всего четыре исследователя-хранителя) и корреспондентами, среди которых были именитые ученые, составили более 140 тысяч экспонатов. Часть приобретенный финансировалась лично императором. Поездки не прерывались и во время Первой мировой войны.

В революционные годы сотрудниками была проделана большая работа по сохранению культурных ценностей не только музея, но и всей страны. Экспозиции были открыты в 1923 году с целью масштабного освещения быта всей России. В этом же направлении шла и экспедиционная работа научного коллектива. Главной формой исследовательской работы в 1920-х годах было проведение комплексных региональ-

В.Ф. Свиньин

Великий князь
Георгий Михайлович

Д.А. Клеменц

ЭКСПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Экспозиция в Зале 140-летия Первой этнографической выставки 1867 года Российский этнографический музей

ных экспедиций, в которых участвовали также сотрудники других учреждений России. Параллельно с этнографическими изысканиями шли антропологические, фольклорные, демографические, осуществлялись археологические раскопки и разведки. Научной концепцией полевых исследований были избраны идеи палеоэтнографии — раздела исторической этнографии, изучающего исчезнувшие этносы главным образом древности и средневековья и таким образом представляющего из себя синтез идеи этнографии и археологии.

Реорганизация деятельности музея была проведена в начале 1930-х годов в соответствии с коренным переустройством всей страны и ее гуманитарной науки в частности. Частью этого процесса было отделение Этнографического отдела от Русского музея и присвоение ему статуса самостоятельного учреждения под названием Государственный музей этнографии (ГМЭ). На него возлагалась задача пропаганды социалистических преобразований в жизни народов государства. Вульгарно-социологизаторский метод деятельности музея был, в основном, преодолен уже к концу десятилетия. Однако важные положения о роли и общественном влиянии экспозиционной работы на собирательскую в

дальнейшем были приняты в качестве основы работы музея.

С конца 1940-х годов музей возобновил собирательскую деятельность. Первостепенное значение приобрели монографические исследования традиционной культуры народов страны, ориентированные на нужды экспозиций и пополнения фондов. В 1948 году в собрание Государственного музея этнографии были переданы коллекции бывшего Музея народов СССР в Москве, после чего он обрел статус главного этнографического музея страны и стал называться Государственным музеем этнографии народов СССР.

С середины 1960-х годов начали проводиться исследования по проблемам интеграции этнических культур в советском обществе, появилась формула о двух видах этнографических фактов: традиционной этнографии и этнографии современности. К 1984 году коллекции музея достигли объема в 450 тысяч предметов различных категорий.

В 1990-х годах — при меньшем по независимости от музея причинам объеме полевых работ — продолжалось изучение культуры народов России. В исследовательской работе усилился интерес к региональной проблематике и структурным проблемам народной культуры.

К столетнему юбилею в 2002 году собрание музея насчитывало 278 698 вещевых предметов, 178 612 фотографий и негативов, 13 779 рисунков и чертежей, 13 000 архивных дел. Музей обладает обширной библиотекой. Его коллекции позволяют в различных ракурсах характеризовать культуру 158 народов и народностей, проживающих на территории бывшей Российской империи и пограничных с нею территориях стран Европы и Азии.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ, ЕГО ГЕНЕЗИС И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Россия занимает значительную часть Северной Евразии от Балтийского и Черного морей до Тихого океана. В этом пространстве начиналась и завершалась этническая история многих народов, созидались и рушились государства, взаимодействовали многие культуры и религии.

В эпоху раннего и среднего палеолита земли от Кавказа до Южной Сибири выступали северной периферией зоны возникновения человечества. Предположительно, территории к западу от Восточной Сибири в это время развивались в одном ритме с Западной Европой, а земли к

востоку — в одном ритме с Восточной Азией. Со времен верхнего палеолита граница ойкумены значительно отодвинулась, дойдя до северного Урала. В новокаменный век в Северной Евразии, как и в других районах земного шара, начался процесс возникновения языковых и этнических общностей. В науке существует предположение о наличии в XII—VIII тысячелетиях до н.э. языковых макросемей: ностратической, объединившей образовавшиеся позднее индоевропейскую, урало-алтайскую, картвельскую языковые семьи, и сино-кавказской, являвшейся предковой формой языков Северного Кавказа и Китая.

В дискуссии о происхождении индоевропейцев основными являются две точки зрения, предполагающие в качестве их прародины либо степи юга Европы, либо примыкающий к Кавказу ареал Передней Азии. Противники сходятся на том, что в III тысячелетии до н.э. на юге Восточной Европы и Урала находились выделившиеся из индоевропейской общности индоиранцы как носители языка, отъединившегося от языка арийско-армяно-эллинской части индоевропейцев. Древних индоиранцев в археологии сопоставляют с т.н. ямной культурой бронзового века. На этой же территории индоиранцы разделились на индийскую и иранскую ветви, а иранская на западную и восточную. Племена,

---

Экспозиции этнографических музеев, включающие постановочные сцены и отдельные предметы, являются средством общения их научных сотрудников и посетителей. Здесь демонстрируются всевозможные материалы бытовой культуры, свидетельствующие о национальном своеобразии в различных областях жизнедеятельности людей. Подлинные предметы старины, добытые в экспедициях, придают сценам черты реальности и являются своего рода эталоном традиционной культуры. Вместе с тем, создавая экспозиционные сцены, сотрудники музея имеют возможность предложить посетителям восприятие народной культуры в соответствии с научными принципами.

Среди экспонатов Российского этнографического музея есть несколько разновременных каменных изваяний, происходящих с территории Южной Сибири и Северного Причерноморья. Изваяния, датирующиеся древнетюркским временем (VII—IX века), относятся к нескольким группам и связаны с двумя разными обрядами. Первый — обряд поминовения конкретных людей, умерших своей смертью или погибших в многочисленных войнах, которые вели древние тюрки в период зарождения и расцвета своей государственности (Первый и Второй Тюркские каганаты). На могиле усопшего устанавливалось его «изображение». Во втором случае это различные обряды, связанные с культом предков. К этой группе относится, в частности, фигура мужчины с сосудом в руках. Отдельные элементы культа тюркского времени находят свои прототипы в обрядности предшествующих эпох. Обычай установки гранитных изваяний продолжает существовать и в более позднее время в южнорусских степях. Названные памятники позволяют исследовать особенности материальной культуры, общественной организации и мировоззрения древних и раннесредневековых тюрков, что позволяет глубже понять принципы образа жизни кочевников в целом.

говорившие на восточноиранских языках, до конца I тысячелетия до н.э. населяли юг Восточноевропейской равнины, Южную Сибирь, Среднюю Азию, часть западного Китая. Их соседями с юга были древневосточные деспотии, включая ранние государства южного Кавказа и Центральной Азии. К кругу восточных иранцев относятся известные по античным источникам скифы и сарматы, по восточным — саки и усунь. На современных восточноиранских языках говорят живущие в Средней Азии таджики и близкие к ним народности Памира, а также проживающие в центре Северного Кавказа осетины. Зонай западноиранских языков являются Иран и Афганистан (со II—I тыс. до н.э.), индийских — Северная Индия (с III тыс. до н.э.).

Соседями еще не разделившихся индоиранцев выступали в Поволжье и Приуралье предки носителей финно-угорских языков, сопоставляемые с археологической культурой ямочно-гребенчатой керамики. Очевидно, в лесостепной и степной частях Восточной Европы в это время могли находиться народы, говорившие на языках западной ветви индоевропейцев. Эти языки являются предковыми по отношению к славянским, балтским и германским языкам, оставившим свой след от Рейна до Камы в виде памятников культур боевых топоров и шнуровой керамики. На востоке соседями иранцев были народы алтайской языковой семьи. Праязык последних возник, очевидно, на пограничье Алтая и Саян в V—IV тысячелетиях до н.э.

Финно-угры, составлявшие в VI—IV тысячелетиях до н.э. с самодийскими народами приуральскую общность, в дальнейшем разделились на финско-пермскую ветвь на севере и северо-западе Европейской части России и угорскую в Поволжье и Западной Сибири.

В середине I тысячелетия до н.э. при отделении германских языков и их носителей в Южной Прибалтике—Восточной Европе образуется балто-славянская общность, из которой славяне выделяются только лишь тысячу лет спустя. Данный процесс был частью эпохи Великого переселения народов, охватившей все I тысячелетие н.э. и фактически продолжавшейся еще несколько столетий. Его итогами были разделение тунгусо-маньчжурских и тюркско-монгольских, а затем и тюркских и монгольских языков. Надо отметить и дальние миграции в западном направлении сначала тюркских, а в следующем тысячелетии и монгольских народов; в северном и западном направлении — аравийских арабов; в южном — германцев, славян, норманнов. На современную этническую картину северной Евразии, сложившуюся гораздо позднее, в тот период оказали особое влияние занятия тюркскими кочевниками зоны степей Восточной Европы в I тысячелетии н.э. и пере-

селение угров—венгров на Средний, болгар на Нижний Дунай и Среднюю Волгу, татаро-монгольское нашествие XIII века, походы Тамерлана XIV века. Был запущен механизм процесса тюркизации основной части населения Средней Азии. Последним всплеском движения народов с Востока на Запад было переселение калмыков в XVI—XVIII веках из Центральной Азии на Волгу и Дон.

К концу I тысячелетия до н.э. этнополитическая картина Евразии была полностью изменена по сравнению с античным периодом. Процессы экономического и политического развития в Северной Евразии привели к двум результатам. С одной стороны, были опробованы все возможности построения кочевых империй в степной ее части. Наиболее успешными оказались те, которые, как Хазарский каганат, имели подвластную развитую земледельчески-городскую периферию. С другой стороны, на участках развитых торгово-транспортных магистралей, пересекавших Евразию с севера на юг, возникли ранне-средневековые государства, положившие начало современной картине мира. Одним из таких государств было Древнерусское, расположенное на важных участках Волжского и Днепровского путей. С его возникновением начинается ретроспективно просматриваемая история большинства народов, вовлеченных в круг российской цивилизации. В общем пространстве части ойкумены с Древней Русью сосуществовали Волжская Булгария, Алания, Грузия, государство Ширваншахов и др. В Булгарии, также лежавшей на Великом Волжском пути, определяющим моментом был ранний синтез культуры тюркских и финно-угорских народов с проникновением ислама на Среднюю Волгу уже в X веке.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники (археологические, письменные и пр.) позволяют считать, что возникновение Древнерусского государства в IX—X веках явилось результатом объединения нескольких этнотерриториальных союзов восточных славян. По летописной традиции они были определены как племена, расселявшиеся по долинам рек сначала Днепровской водной системы в местах, удобных для пашенного земледелия, а потом вклинившихся в земли балтов и финно-угров. На начальном этапе центрами консолидации выступили города, находившиеся на узлах мировой торговли и военной деятельности того времени: Старая Ладога — на северо-востоке, Смоленск — на западе, Киев — на юго-западе. Особое место занимало Приазовье. Позднее главными центрами стали Новгород и Киев (с приоритетом последнего). Политическую основу образования государства составили дружины надплеменной знати, в которых был велик норманнский элемент. Экономическую — поступления от дальних

набегов этих дружин и сбора дани с окрестного населения.

Феноменом Древнерусского государства была быстрая внутриэтническая консолидация. По летописи только первые, до Святослава, князья носили неславянские имена, а племенное деление описывалось уже как анахронизм. Рано сложилась книжная культура, то есть возник наддиалектный язык верхушки, понятный массам. Большую роль в преодолении норм родоплеменного общества сыграли принятие христианства и создание «Русской Правды» — единого кодекса юридических норм. При этом государство оставалось полиэтничным, включая население финно-угорских и балтских земель. Полиэтничность росла и с продолжением колонизационных движений восточных славян в сторону Прибалтики, европейского Севера и верхнего Поволжья. В XI—XII веках, указав путь к образованию великорусской народности, восточные славяне переселялись на территории, расположенные в верхневолжском направлении. Одновременно тюркское население все дальше проникало от границ Руси с зоной степей внутрь ее южных окраин.

В XII—XIII веках Древнерусское государство находилось в состоянии кризиса, связанного с собственным внутренним развитием и геополитическим кризисом в Евразии. Первое обстоятельство выразилось в феодальной раздробленности, падении роли Киева как столярного города, региональной разобщенности северо-восточной (Владими́ро-Суздальской), юго-западной (Галицко-Волынской), северо-западной (Новгородской) и других его частей. Евразийский кризис проявился в противостоянии Запада и Востока, в крестовых походах европейцев, немецко-шведском натиске в Восточной Прибалтике и татаро-монгольском нашествии, направленном на запад. В XIII веке оба направления экспансии — с востока на запад и с запада на восток — ударили по Руси. В результате этого при успешном отражении агрессии с запада произошло сближение Северо-Восточной Руси и Новгорода. Под монгольской властью в Восточной Европе возникло новое государство — Золотая Орда, подчинившее себе не только степи от Дуная до Оби, но и после разрушительного вторжения Русь и Волжскую Булгарию. В конце XIII — начале XIV века на менее опустошенных западно-русских землях утвердилось вновь образовавшегося восточноевропейского государства — Литовского княжества. Произшедшее разъединение древнерусских земель стало одной из причин разделения в дальнейшем восточных славян на русских, украинцев и белорусов.

Монголы покорили и Кавказ, и Среднюю Азию; от них зависели также народы таежной Сибири. Прибалтика и Финляндия, завоеванные

соответственно немецкими и шведскими крестоносцами, вошли в католический мир Западной Европы.

В подчиненных Золотой Ордой русских землях в XIII—XIV веках произошли два крупных миграционных процесса: отток новгородского и суздальского населения на север — к берегам Белого и Баренцева морей, и сосредоточение населения в окрестностях Москвы. Московским князьям удалось при поддержке православной церкви сохранить легитимность преемственности власти от основателей династии правителей Древней Руси и, опираясь на возрождающуюся экономику земледельческого хозяйства, а также политически лавируя перед лицом ордынских властей, выступить в роли собирателей восточнорусских земель. Наблюдается широкий спектр заимствований в русской и татарской лексике. Многими заимствованиями обогатились области культуры, связанные с политическими установками: управление, военное дело, быт верхов и т.п. Еще до свержения ордынского господства московские государи становились сюзеренами отдельных татарских этнических групп. В начале XV века к Московской Руси была присоединена территория северо-запада Среднего Поволжья (северные земли мордвы), а в конце XV века — западные земли марийцев. Москва подчинила ранее находившихся в сфере влияния Новгорода карел, коми-зырян и пермяков.

Выход Московского княжества из экономической, а затем и политической зависимости от Золотой Орды во второй половине XV века означивал и распад этого государства. Соперничество с политиями, образовавшимися на развалинах монгольской империи Чингизидов, и, в частности, Золотой Орды, обеспечило расширение территории Московской Руси на восток и юг. В 1552 году было покорено Казанское ханство, в 1556 — Астраханское, в конце 1590-х годов — Сибирское, но только к концу XVIII века были разгромлена Ногайская Орда и подчинено Крымское ханство. С взятием Казани был окончательно установлен политический приоритет Москвы в части Северной Евразии к востоку от Днепровско-Волжского водораздела, что означивалось принятием Московским князем царского титула.

Золотоордынский период для многих народов, особенно тех, кто причисляет себе к общности «татар», является периодом этногенетического скачка в образовании этих народов из тюркоязычных кочевников и смешавшегося с ними населения соответствующих лесных, степных, горных территорий.

В XVII веке пересечением Уральского хребта продолжилось присоединение Сибири. Его основой было движение отрядов «служилых людей», делавших укрепления-остроги и приводивших в

Фигура мужчины с сосудом в руках
Древние тюрки.
VII–IX вв.
Из собрания РЭМ

подчинение сравнительно малочисленные народы: манси, хантов, эвенков, якутов, бурят. Это продолжалось и в XVIII — начале XIX века, когда были колонизованы Алеутские острова, Аляска, основан русский поселок в Калифорнии. К середине XIX века выяснилось, что в западном полушарии русская колонизация не создала основы для своего продолжения.

Со времен победы на Куликовом поле (1380) стало укрепляться сознание общерусского единства, воссоединенное с идеей православного избранничества. Оно дало большую поддержку политике московских князей, а затем и русских царей. Во внутренних делах это подкрепляло процесс превращения территориальных этнических групп ростовцев, тверичей, москвичей, новгородцев и т.д. в русскую народность. Во внешних связях это сознание рождало симпатии к Москве среди западнорусского населения, бывшего в составе Литовского, а затем Польско-Литовского государства. В конце XV века в состав восстанавливающегося Русского государства были мирно возвращены обширные территории от верхней Оки до верховьев Днепра, земли вдоль течения рек Десна и Сож. Однако дальнейшее продвижение Руси на запад вызвало конфликт с Литвой и Польшей. Для земель этих стран в XVI — начале XVII века было характерно внутреннее размежевание по религиозно-этническому принципу. Население западной части — собственно польские и литовские земли — сделало выбор в пользу католицизма, а восточной — православные украинские и белорусские территории — выявили желание сближения с Русским государством. Данная тенденция населения левобережья Днепра была реализована в середине XVII века, когда внутренний конфликт между двумя военизированными сословиями Речи Посполитой — шляхтой и казаками — перерос в украинско-польское этническое размежевание, и часть восставших выбрала переход в русское подданство.

Расширение Русского государства на юг и запад было вызвано как потребностями восстановления восточнославянского единства и сложения евразийской социополитической общности, так и необходимостью достижения побережий Черного и Балтийского морей в целях установления дальних связей. Это вовлекло страну в длительное противоборство с соседними странами. Череда русско-польских, русско-турецких и русско-шведских войн заняла большой отрезок времени с середины XVI до конца XVIII века с продолжением войн с Турцией и Ираном в XIX веке.

Эти задачи были решены Российской империей, прошедшей в петровское время модернизацию на европейский манер. По характеру освоения новых территорий имперское время можно

разделить на два периода: от начала XVIII века и до его конца и от наполеоновских войн до начала XX века. В первый период поставленные цели были достигнуты государством: за исключением части западноукраинских земель весь ареал восточного славянства был объединен российскими границами; полностью контролировался степной коридор Евразии; Россия превратилась в морскую державу. Можно говорить о достижении Россией своих естественных национальных границ. Исключением было присоединение Восточной Прибалтики, но именно ситуация русско-немецкого и русско-польского территориального и культурного пограничья во времена Российской империи оказалась стимулирующим фактором национального самоопределения эстонцев, латышей и литовцев.

Во второй период произошел выход за национальные границы с присоединением Финляндии, большей части Польши, завоеванием Кавказа и Средней Азии. Помимо необходимости больших экономических и людских затрат на расширение государственного пространства России, правительству пришлось столкнуться с организованным политическим сепаратизмом на западе и необходимостью адаптации государственной системы к реалиям на востоке. Не реализовалась идея объединения всех славян под эгидой России. Напротив, процессы национального самоопределения затронули и восточных славян (например, тенденция к самоопределению украинцев и белорусов).

XIX век можно рассматривать и как период постепенного признания роли национального фактора в жизни России. В числе многих доказательств усиления внимания к национальной принадлежности можно указать на организационное и идейное становление отечественной этнографии, а также включение признака национальности в государственную статистику.

Проводившиеся в России переписи населения, или так называемые «ревизии», в XVIII — первой половине XIX века преследовали цели хозяйственного и земельного учета податных сословий. С начала XIX века проходил конфессиональный учет с указанием национальной принадлежности. Эти данные, а также работа статистического комитета Русского географического общества, до 1850 года возглавляемого П.И. Кеппеном, позволили создать в 1851 году первую «Этнографическую карту Европейской России», которая содержала в прямом смысле несколько белых пятен. В 1872 году на Петербургском международном конгрессе было принято решение об использовании в статистических исследованиях вопроса о национальной принадлежности опрашиваемых.

В конечном счете, развитие государственной и земской статистики, как и мировой демогра-

**ТАБЛИЦА 1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ
СОГЛАСНО ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА
(В ТЫСЯЧАХ ЧЕЛОВЕК)**

Славянские наречия	Картвельские наречия	Чеченские	Башкирское	1321,4	Самоедские	15,9
Русский	Грузинский язык	Чеченское	Сартское	968,7	Чукотское	11,8
Великорусский	Имеретинское	Ингушское	Чувашское	843,8	Гиляцкое	6,2
Малорусский	наречие	Кистинское	Узбекское	726,5	Коряцкое	6,1
Польский	Мингрельское	Лезгинские	Туркменское	281,4	Камчадальское	4,0
Белорусский	наречие	Аваро-Андийское	Якутское	227,4	Маньчжурское	3,4
Болгарский	Сванетское наречие	Кюринское	Турецкое	208,8	Айнское	1,4
Чешский		Даргинское	Каракиргизское	201,7	Эскимосское	1,1
Сербский,	Остальные	Удинское	Тептярское	117,7	Енисейско-остяцкое	1,0
хорватский	индоевропейские языки	Кази-кумукское и др.	Каракалпакское	104,3	Юкагирское	0,9
	Армянский язык		Кумыкское	83,4	Алеутское	0,6
Литовско-латышские наречия	Таджикское наречие	Финские наречия	Ногайское	64,1	Чуванское	0,5
Латышское	Греческий язык	Мордовское	Таранчинское	56,5	Языки культурных народов крайнего Востока	
Литовское	Осетинские наречия	Эстонское	Мещерякское	53,8	Китайский	57,4
Жмудское	Курдские наречия	Вотяцкое	Карапапакское	29,9	Корейский	26,0
Романские языки	Татское наречие	Черемисское	Карачаевское	27,2	Японский	2,6
Молдавский	Цыганское наречие	Карельское	Кашгарское	14,9	Прочие языки и наречия	
и румынский	Тальшинское наречие	Зырянское	Кипчакское	7,6	Айсорское (сирохалдейское) наречие	5,3
Французский, итальянский, испанский и португальский	Персидский язык	Финское	Тюркские наречия без разделения	440,4	Арабский язык	1,7
	Албанское наречие	Пермяцкое	Монголо-бурятские наречия		Лица, не указавшие родного языка	5,0
Германские языки	Афганский язык	Чудское	Бурятское	288,7		
Еврейский	Индуское наречие	Остяцкое	Калмыцкое	190,6		
Немецкий	Наречия кавказских горцев	Ижорское	Монгольское	0,8		
Норвежский, датский, голландский, английский	Черкесские	Вогульское	Наречия остальных северных племен			
	Кабардинское	Лопарское	Тунгузские	66,3	Итого	125 640,1
	Абхазское	Венгерское				
	Черкесское	Турецко-татарские наречия				
		Киргизкайсацкое				
		Татарское				

ТАБЛИЦА 2. ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2002 ГОДА

Национальность / Численность (чел. в 2002 году)

Русские	115 889 107	Калмыки	173 996	Ханты	28 678	Венгры	3 768	Итальянцы	862
Татары	5 554 601	Молдаване	172 330	Латыши	28 520	Удины	3 721	Челканцы	855
Украинцы	2 942 961	Лакцы	156 545	Агулы	28 297	Евреи горские	3 394	Тофалары	837
Башкиры	1 673 389	Корейцы	148 556	Эстонцы	28 113	Турки-месхетинцы	3 257	Японцы	835
Чуваши	1 637 094	Табасараны	131 785	Вьетнамцы	26 206	Шапсуги	3 231	Нганасаны	834
Чеченцы	1 360 253	Адыгейцы	128 528	Курды	19 607	Ительмены	3 180	Французы	819
Армяне	1 130 491	Коми-пермяки	125 235	Эвены	19 071	Бесермяне	3 122	Дунгане	801
Мордва	843 350	Узбеки	122 916	Чукчи	15 767	Кумандинцы	3 114	Кубинцы	707
Аварцы	814 473	Таджики	120 136	Шорцы	13 975	Ульчи	2 913	Орочи	686
Белорусы	807 970	Балкарцы	108 426	Ассирийцы	13 649	Чехи	2 904	Чулымцы	656
Казахи	653 962	Греки	97 827	Гагаузы	12 210	Уйгуры	2 867	Словаки	568
Удмурты	636 906	Карелы	93 344	Нанайцы	12 160	Сойоты	2 769	Негидальцы	567
Азербайджанцы	621 840	Турки	92 415	Манси	11 432	Монголы	2 656	Алеуты	540
Марийцы	604 298	Ногайцы	90 666	Абхазы	11 366	Телеуты	2 650	Англичане	529
Немцы	597 212	Хакасы	75 622	Арабы	10 630	Тальши	2 548	Цыгане среднеазиатские	486
Кабардинцы	519 958	Поляки	73 001	Цахуры	10 366	Теленгиты	2 399	Караимы	366
Осетины	514 875	Алтайцы	67 239	Пуштуны	9 800	Таты	2 303	Ульта (ороки)	346
Даргинцы	510 156	Черкесы	60 517	Нагайбаки	9 600	Камчадалы	2 293	Ижорцы	327
Буряты	445 175	Литовцы	45 569	Коряки	8 743	Саамы	1 991	Тазы	276
Якуты	443 852	Ненцы	41 302	Вепсы	8 240	Эскимосы	1 750	Энцы	237
Кумыки	422 409	Абазины	37 942	Долганы	7 261	Удэгейцы	1 657	Арабы среднеазиатские	181
Ингуши	413 016	Эвенки	35 527	Румыны	5 308	Каракалпаки	1 609	Крымчаки	157
Лезгины	411 555	Китайцы	34 577	Нивхи	5 162	Тубалары	1 565	Русины	97
Коми	293 406	Финны	34 050	Индийцы	4 980	Испанцы	1 547	Водь	73
Тувинцы	243 442	Туркмены	33 053	хиндиязычные	4 249	Хемшиллы	1 542	Евреи	
Евреи	229 938	Болгары	31 965	селькупы	4 249	Юкагиры	1 509	евреи среднеазиатские	54
Грузины	197 934	Киргизы	31 808	Сербы	4 156	Кеты	1 494	Евреи грузинские	53
Карачаевцы	192 182	Езиды	31 273	Татары крымские	4 131	Американцы	1 275	Кереки	8
Цыгане	182 766	Рутульцы	29 929	Персы	3 821	Чуванцы	1 087		

фии, усилия ученых, рост общественного понимания роли национального фактора имели как результат проведение в 1897 году первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в которой были учтены этноязыковой и религиозный состав населения. В российской науке перепись 1897 года, как и следующая Всеобщая перепись 1926 года, уже в СССР, рассматриваются как свидетельства максимального этнического разнообразия России, подтвержденное объективными данными.

Во время переписи не задавался прямой вопрос о национальной принадлежности, в чем было отступление от решений Петербургского конгресса. Этническая характеристика определялась через ответ о владении тем или иным языком, хотя в материалах переписи упоминаются и этнонимы. Современного исследователя несколько смущает то, что в переписи 1897 года язык назван наречием, так как сейчас этот малоупотребительный термин считается синонимичным термину диалект, но употребляется и слово «язык», что не является признаком соподчиненности терминов. Сама номенклатура языков также отличается от современной — и по названиям языков и языковых групп, и по их структуре. Так, например, если в современной лингвистике группа языков называется дагестанской и лезгинский язык включается в нее, то в материалах 1897 года вся группа названа «лезгинскими языками», а лезгинский — «кюринским». Сейчас эрзянский и мордовский языки рассматриваются как два языка, принятых в мордовской этнической общности, а в переписи 1897 года они учитывались в виде одного «мордовского наречия». Вне всякой систематики в одну группу были объединены языки многих народов Сибири, названные «наречиями остальных северных племен». Не всегда совпадают этнические и связанные с ними языковые названия, поскольку в дореволюционной этнографии были приняты следующие правила: азербайджанцев называли татарами или тюрками, марийцев — черемисами, хантов — остяками; под названием «киргизы» могли подразумеваться и киргизы, и казахи. Термин «татарские наречия» включал не только собственно татар, но и все тюркские народы Поволжья, Сибири, Кавказа и Средней Азии.

Материалы Всеобщей переписи населения 1897 года учли 146 «языков и наречий», что можно рассматривать как признание наличия в Российской империи 146 этнических единиц (см. таблицу 1, с. 25).

В переписи 1920 года, ограниченной и неполной, был введен пункт «национальность» в значении «общность, выделяемая по самосознанию». В 1926 году графа «национальность» была заменена «народностью». Вопрос о родном языке существовал отдельно. Указывалось, что опрашиваемый должен был назвать родной язык, а если он затруднялся, то язык матери. В материалах переписи 1926 года содержались указания на более чем 150 языков и более 180 этнических единиц.

В дальнейшем сведения о национальной и языковой принадлежности собирались при переписях населения СССР 1959, 1979, 1989 годов и переписи населения Российской Федерации 2002 года. Число этнонимов в этих данных было различным: с одной стороны, из-за процессов этнической консолидации, когда представители ряда малочисленных народов начинали приобщать себя к более крупным этносам, а с другой, из-за стремления властей подчеркнуть наличие консолидационных изменений. Особенно эти явления отразились в переписи 1979 года.

В 1980-е годы стали набирать силу процессы другого направления, в том числе был отмечен рост национального самосознания. Данные 1989 года свидетельствуют об увеличении числа заявленных этнонимов. Проведенная в 2002 году в Российской Федерации перепись отразила общее уменьшение числа учтенных лиц, что вполне закономерно в связи с сокращением размеров территории РФ по сравнению с площадью СССР. При этом число заявленных этнических единиц возросло почти до 800. Если не считать некоторого числа выдуманных самоназваний, то увеличение числа названных этнонимов можно объяснить несколькими причинами. Одной из них является стремление назвать себя по наименьшей группе, что свидетельствует о наличии не только этнического, но и субэтнического, а также и земляческого сознания, тогда как языковое сознание не является столь дробным. Вторая причина состоит в том, что актуальными вновь стали полузабытые, а иногда и просто не признававшиеся официально исторические названия народов и их частей. Так, в Южной Сибири снова зазвучали самоназвания тоджинец, теленгит, телеут, на Северо-Западном Кавказе — шапсуг и т.д. Еще одна причина — это наличие среди населения Российской Федерации всех этносов и этнических групп, проживавших на территории царской России и Советского Союза, а также многих народов сопредельных

стран. Из таких народов, например, у армян России численность превысила миллион человек.

Сведения 2002 года по охвату этнического разнообразия страны напрямую перекликаются с данными 1897 и 1926 годов, что позволяет говорить о некотором постоянном числе народов Северной Евразии, связанных исторической судьбой с российскими государственностью и цивилизацией (см. таблицу 2, с. 25).

Перепись 2002 года по сведениям, предоставленным Институтом этнологии, выявила наличие 1810 этнических наименований, включая названия народов, этнических групп и т.п., записанных со слов опрашиваемых. Вся численность населения страны имела оценку в 145 166 731 чел.

К сожалению, в своих основных итогах Перепись 2002 года не обеспечила должной результативности, хотя число этнонимов показало, очевидно, максимально возможное количество этнических наименований.

2010 год был избран для проведения новой Переписи в нашей стране в соответствии с резолюцией Е/2005/24Е/CN.J/2005/27, принятой Экономическим и Социальным Советом Организации Объединенных Наций и определившей период с 2005 по 2015 год временем проведения во всемирном масштабе переписи населения и жилищного фонда. Все объявленные итоги этого обследования населения известны по данным Официального сайта Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года имели к концу 2013 год предварительный характер.

Численность населения Российской Федерации в 2010 году оценивается в 142 905 200 чел., что близко, но несколько больше предполагаемого прогноза в 142 025 тыс. чел. Различие между мужским и женским населением составило около 10 млн. чел в пользу женщин. Городское население по численности (73,3% населения РФ) значительно превышает сельское. Произошли изменения в численности ряда этносов, уменьшилась численность крупных этносов, в т.ч. русского и народов Поволжья, возросла численность народов Северного Кавказа и Дагестана, некоторых народов Севера и Сибири. По сравнению с переписью 2002 года численность населения сократилась в 63, а возросла в 20 субъектах Федерации. Наибольший демографический рост в 2000-е годы наблюдался

в Чеченской Республике, Республике Дагестан, и Карачаево-Черкесской Республике. Отмечен рост населения среди живущих в Российской Федерации представителей народов Среднеазиатского региона: киргизов, таджиков, узбеков. В предварительных данных по Переписи 2010 года упоминаются 204 этнонима, что является, прежде всего, результатом более строгой обработки собранного материала.

Настоящая публикация подготовлена издательством «Славия» и Российским этнографическим музеем в Санкт-Петербурге; ее задачей является представление традиционной культуры народов России и сопредельных стран на основе подлинных исторических источников, которыми являются вещевые предметы и иллюстративный материал, составляющие часть собрания Российского этнографического музея. Культура народов России описывается в том ее состоянии, которое было характерно для периода конца XIX — начала XX века, когда этническое своеобразие было выражено более ярко, чем в наше время, вследствие еще слабого воздействия на него урбанизационных влияний. Не сказались тогда еще и результаты революционных преобразований и войн, заполнивших XX столетие.

В общих чертах представляется бытовая культура народонаселения, входившего в Российскую империю, хотя это не совсем так: например, не вся Средняя Азия была частью Российской империи, как и территория Тувы, но в состав империи входили Финляндия и земли Польши. Более правильно будет говорить об отражении культуры народов особой части Северной Евразии, ядром которой была Россия. Эта обширная территория включала в себя региональные общности, такие, как, например, Балтия, Кавказ, Поволжье, Сибирь и др. Показать эти общности, так же, как и культуру отдельных этносов, входящих в них, имели своей целью авторы статей издания, являющиеся сотрудниками Российского этнографического музея. На фоне названных региональных общностей существует суперрегиональная общность русских, в ходе своего исторического развития создавших данное интегрированное пространство Северной Евразии. Решалась и еще одна задача — показать информативные и аттрактивные свойства этнографического предмета, указать на его историчность и возможности извлечения из него знаний различного рода.

НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На карте представлены лишь некоторые из народов, населявших Российскую империю в начале XX века.

Легенда	
[Color swatch]	Украинцы
[Color swatch]	Польские
[Color swatch]	Литовские
[Color swatch]	Грузинские
[Color swatch]	Армянские
[Color swatch]	Башкирские
[Color swatch]	Татарские
[Color swatch]	Кавказские
[Color swatch]	Сибирские
[Color swatch]	Другие народы

РУССКИЕ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ

РУССКИЕ

Д.А. Баранов, А.Б. Островский, В.Г. Холодная

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Русские являются крупнейшим этносом России, насчитывающим в настоящее время около 116 млн. человек (по данным переписи 2002 г.). Этническая территория русских чрезвычайно обширна; в основном она сложилась в результате освоения северной части евроазиатского континента, на западе территория доходит до Балтийского моря, на востоке — до Тихого океана; в меридиональном направлении она охватывает земли от Кольского полуострова на севере до Кавказа и Центральной Азии на юге.

По результатам переписи 1897 года на территории Российского государства насчитывалось 55 400 309 человек, признававших русский язык родным, что составляло 47,66% от общей численности населения империи. Наибольшее число русских — 48 063 116 человек — проживало в Европейской России, остальные в результате расширения территории государства в XVII—XIX веках и расселения стали неотъемлемым этническим компонентом на сопредельных территориях. Перепись 1897 года показала, что в регионах русское население составляло: в Сибири — 76,8%, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье — 57,9%, на Северном Кавказе — 42,2%, в Новороссии — 21,4%, на Украине — 8,3%, в Средней Азии — 7,6%, в Прибалтике — 4,8%, на Кавказе — 4,3%. Дисперсное проживание русских в непосредственном контакте с коренными народами создавало условия для культурного обмена, способствовало возникновению более тесной связи регионов и центра, их успешному включению в политическую и экономическую систему государства.

По высоте и характеру рельефа на территории проживания русских выделяются несколько крупных регионов: холмисто-равнинная европейская часть; низменно-равнинная Западная Сибирь; платообразно-плоскогорная Средняя

Сибирь; горы Южной Сибири; горы и равнины Северо-Востока; горы и равнины Дальнего Востока, а также горные системы Урала и Кавказа. Для них характерна высотная поясность природных зон и ландшафтов.

Огромное значение для внутренней колонизации земель русскими имели богатейшие водные ресурсы территории: моря, реки и озера, которые служили как транспортными и торговыми путями, так и местом формирования рыбных промыслов.

Природно-климатические характеристики этнической территории русских отличаются разнообразием — с севера на юг наблюдается смена следующих природных зон: арктических пустынь, тундр, лесотундр, тайги, смешанных и широколиственных лесов, лесостепей, степей, полупустынь. Почти все зоны тянутся с запада на восток на тысячи километров, и, тем не менее, они на всем протяжении сохраняют общие черты, обусловленные господствующими климатическими условиями, степенью увлажнения, типами почв, характером растительного покрова.

Зона арктических пустынь расположена на островах Северного Ледовитого океана и на крайнем севере полуострова Таймыр. Значительная часть поверхности покрыта льдами; зима долгая и суровая, лето короткое и холодное. Среди растений господствуют мхи и лишайники. Зона тундр занимает побережье морей Северного Ледовитого океана от западной границы страны до Берингова пролива. Тундры местами доходят до Северного полярного круга. Наибольшей протяженности (с севера на юг) зона достигает в Западной и Средней Сибири. Южнее узкой полосой протянулась лесотундра — переходная зона от тундры к тайге.

Леса занимают самую значительную площадь земель, освоенных русским народом, они образуют две природные зоны: тайгу и смешанные и широколиственные леса.

Зона тайги — крупнейшая по площади природная зона России. Темнохвойные елово-пихтовые леса преобладают в европейской части и в Западной Сибири, где к ним присоединяются кедровники. Большая часть Средней и Восточной Сибири покрыта лиственными лесами. Зона смешанных и широколиственных лесов расположена на Русской равнине южнее тайги, отсутствует во внутриконтинентальных областях и вновь появляется на юге Дальнего Востока. Лесостепная зона — это переходная зона от леса к степи. На междуречьях лесостепной зоны дубовые и мелколиственные леса на серых лесных почвах чередуются с разнотравными степями на черноземах. Лесостепь, как и расположенная южнее неширокой полосой степь на юге Русской равнины и Западной Сибири являются наиболее благоприятными для занятия земледелием. Наконец, на крайнем юго-востоке Русской равнины, в Прикаспийской низменности, под влиянием сухого климата сформировались полупустыни с каштановыми почвами и даже пустыни с сероземами, солончаками и солонцами. Растительность этих мест носит выраженные черты засушливости.

Подобное разнообразие географических условий проживания русского народа во многом предопределило и формирование в его составе групп, имеющих культурные, языковые, антропологические особенности.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Расселение славян — предков русских, белорусов и украинцев — в обширнейшей лесной зоне Восточноевропейской равнины относится к раннему средневековью. Освоение новых земель осуществлялось несколькими миграционными волнами (потоками) из разных этнографических областей праславянского ареала. О локализации этого ареала, совпадающего с прародиной славян, у ученых нет единого мнения. Популярна «автохтонная» гипотеза, утверждающая непрерывное проживание славян на берегах Днепра; вторая гипотеза указывает на бассейн Припяти как прародину всех славян; третья говорит о Висло-Одерской славянской колыбели. В последнее время новые лингвистические и исторические данные позволили реанимировать самую старую версию прародины славян — дунайскую. Но в любом случае не приходится говорить о четких границах исходного ареала и его универсальности, о каком бы хронологическом отрезке речь ни шла.

На Русской равнине первые славяне появились, по-видимому, в середине I тысячелетия н.э. Расселение проходило прежде всего вдоль рек и крупных озер, в долинах которых были благоприятные условия для земледелия и животноводства. Общая экспозиция восточнославянской колонизации может быть представлена следующим образом.

На с. 30–31

Обряд
«Проводы русалки»
Курская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ Ф 480-3

Дорога в лесу
Архангельская губ.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2637-4/2

С VI века в верховьях Волги и Западной Двины начали расселяться племена смоленских кривичей, а по Волхову, между озерами Псковским и Ильменским, и по речным системам этого региона — псковские кривичи, с которыми исследователи отождествляют культуру длинных курганов. Чуть позже вторая волна колонизации VIII—X веков, связываемая со словенами, принесла культуру сопок. Некоторые ученые утверждают, что освоение славянами северных лесных земель Русской равнины происходило независимо от миграций южной зоны Восточной Европы с территории бассейна Вислы.

На Верхней Оке первые славяне появились, по-видимому, в V—VI веках. Древности VIII—IX веков верхнеокского бассейна археологами определенно связываются с вятичами. Рязанские земли заселялись с двух сторон: с Дона и примерно в XI—XII веках с запада по Оке.

В IX веке в бассейне Сожа поселились радимичи, которые вступили в тесное взаимодействие с балтами. В речных системах Днепра и Припяти обосновались племенные союзы полян, северян, радимичей, дреговичей, древлян. Южнее — на Днестре и Южном Буге — племенные объединения волянян, уличей и тиверцев. В верховьях Дона и его притоках расселились северяне.

В результате этих миграций к концу IX века вся область от Волхова до низовий Дуная и Днепра была занята группировками восточных славян, переживавшими период вызревания государственных структур.

Некоторые географические факторы — отсутствие серьезных природных барьеров, густая речная сеть — стали во многом решаю-

щими для формирования особого этнокультурного пространства Русской равнины. Большую роль в интеграции славянских племен сыграло речное судоходство и торговля. В VIII веке появились ранние торгово-ремесленные поселения — протогорода. На Неве, Волхове, Западной Двине, Волге, Днепре образовалась система транзитных и местных торговых путей, и таким образом восточнославянские племена оказались в экономически благоприятных условиях. В начале IX века у восточных славян сформировались предгосударственные образования — племенные княжения.

Северо-западные племенные княжения словен, кривичей и некоторые финно-угорские народы создали межэтнический союз в обширной зоне от Волхова до Верхней Волги. Но в первой половине IX века эта территория была подчинена варягами, которые заставили союз платить дань. Около 860 года племена восстали и «изгнали варягов за море» («Повесть временных лет»). В 862 году согласно летописи новгородские словене, кривичи, меря и чудь — конфедерация славянских и финских племен севера Восточной Европы (этот союз часть историков считает государством) — призвали к себе варяжских князей с дружиной, чтобы править ими по «ряду» и «праву». Князем был избран легендарный Рюрик, который, по мнению некоторых ученых, может быть идентифицирован как датский и фрисландский конунг Рёрик. В качестве князя межплеменного союза словен, псковских кривичей и мери Рюрик присоединил к его территории обширную чудскую область до Белоозера. Его преемник Олег, используя экономический и военно-политический контроль над торговыми

Окрестности
села Иноковка
Тамбовская губ.,
Кирсановский у.
Фотография 1904 г.
РЭМ 1046-1

путями, подчинил кривичей и распространил власть до Среднего Поднепровья. «Стольным городом», где находилась княжеская резиденция, он сделал в 882 году Киев. Так произошло объединение двух центров государствообразования — северного (Новгород) и южного (Киев) под властью одной династии, и на карте средневековой Европы появилась Русь — новое обширное восточнославянское в этнической основе государство.

Само название «русь» по мнению лингвистов и историков напрямую связано с варягами и является производной от самоназвания скандинавских отрядов — «рос», что означало «гребцы». В финских языках оно отразилось как ruotsi, в древнерусском — «русь». Изначально слово «русь» имело этносоциальное, профессиональное значение и уже на восточнославянской почве развилось в этноним «русский».

Начало формирования этнокультурного единства по археологическим данным следует датировать X веком, окончательное же его оформление пришлось на XI—XII века. Важную роль в этом процессе играли города, население которых формировалось из разных областей Руси. Мощный импульс культурному и языковому сближению восточных славян придало принятие христианства в 988 году. Относительная культурная целостность проявилась в единой письменности, общем самосознании, идеологии, искусстве, бытовой культуре, обрядовых практиках. Само древнерусское государство консолидировало народ.

Татаро-монгольское вторжение и последовавшее за ним включение западнорусских земель в состав литовского государства полностью

нарушили интеграционные процессы восточного славянства.

Некоторые ученые связывают распад некогда единого этнокультурного ландшафта на будущие западный, юго-западный и северо-восточный не с монгольским нашествием, а с литовской экспансией. Но в любом случае расчленение в политическом, экономическом и культурном отношении приостановило формирование единого древнерусского этноса.

Кроме того, актуализировались внутренние факторы — в первую очередь изначальная культурная, антропологическая и языковая неоднородность. Областная и региональная обособленность стала заметной чертой развития древнерусских земель уже в первые десятилетия иноземного господства. В этноязыковом развитии возобладали дифференциальные процессы. Тем не менее говорить о полном разрыве древнерусской традиции в XIII веке преждевременно. Ряд филологов и историков доводят существование древнерусской культуры вплоть до XV века.

В условиях зависимости от Золотой Орды русские земли оказались изолированными от единых европейских цивилизационных процессов. Перед русским народом стояла задача освобождения от ордынского ига. Объединяющей идеей послужила принадлежность к христианскому, православному миру, что выразилось в самосознании сельского населения — крестьян (от «христьяне»).

Консолидация русских земель стала происходить вокруг Московского княжества. Первая победа русских войск во главе с Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году доказала возможность борьбы с ордынцами. В последую-

Крестьянин
Московская губ.,
Дмитровский у.
Фотография 1913 г.
РЭМ 2873-55/1

щее столетие преемники Дмитрия Донского, его сын Василий I и внук Василий II Темный, продолжили объединение русских земель вокруг Московского княжества. Правнук Дмитрия Иван III принял меры для создания политически единого государства и концентрации власти, что позволило ему освободить страну и подчинить Москве еще оставшиеся независимыми северо-восточные и северо-западные княжества. Таким образом, формирование русского народа было тесно связано с объединением земель вокруг Московского княжества.

Создание мощного Русского государства ясно обозначило его геополитические интересы: на востоке — выдвигание на Среднюю и Нижнюю Волгу; на юге — нейтрализацию опасных угроз крымских ханов, вассалов могущественной в это время Османской империи; на западе — возвращение русских земель; на северо-западе — борьбу за выход на Балтийское море, без чего были невозможны активные торговые и культурные связи со странами Западной Европы. Эти задачи начал решать Иван III, а продолжили его сын Василий III и внук Иван IV Грозный, при правлении которого произошло включение в состав России в 1552 году Казанского и в 1556 — Астраханского ханств.

В XIV—XVI веках происходило интенсивное освоение Севера (Поморье), Урала, Сибири, южнорусских лесостепных районов. В 1580—1590-х годах на южной границе началось строительство городов-крепостей (Воронеж, Елец, Белгород, Курск и др.).

Падение Казанского ханства создало предпосылки для массового заселения русскими Урала. В XVI веке миграция населения на восток стала одним из основных направлений колонизации. Русское заселение Сибири и ее хозяйственное освоение были следствием взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов административной и государственной деятельности, а также стихийных народных миграций в Сибирь. В первой половине XVI века широко использовался морской путь от Белого моря с волоком через полуостров Ямал и далее в Обскую губу, а также путь по Вишере далее через Урал и по речной системе рек Тавда—Тобол—Иртыш—Обь. Поход Ермака за Урал и поражение Кучума в 1582 году привели Сибирское ханство к развалу. Русская администрация стала возводить на завоеванных землях опорные пункты: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут (1594). В начале XVII века началось заселение более южных районов Сибири. Государственная власть, основывая в районах опорные пункты — остроги, становившиеся затем городами, привлекала земледельцев-новопоселенцев.

Одновременно с миграцией в Сибирь во второй половине XVI—XVII веках началось мощное

движение из центральных районов страны на юг и в том числе — на Северный Кавказ. Россия установила прочные связи с Северным Кавказом: появились поселения гребенских и терских казаков. В XVIII—XIX веках продолжалось расширение территории расселения русских с включением в их состав местных этнических компонентов. К концу XIX века окончательно сформировалась этническая территория русских.

Широкое расселение русского этноса явилось одной из причин возникновения различных этнографических групп. Адаптация к новым природным условиям, контакты с местным населением, процессы вторичной архаизации — эти и другие факторы послужили причиной формирования некоторых специфических локальных особенностей культуры этноса при сохранении таких общенациональных черт, как самосознание и язык, а также многих элементов материальной и духовной культуры, фольклора. Современные ученые все больше склоняются к тому, чтобы признать условность часто употребляемого понятия «общерусская/русская культура», которое весьма относительно и аналитически почти не улавливается. Культура существует только во множестве своих географических вариантов и представляет собой мозаику локальных традиций. При этом отдельные субэтнические местные черты культуры (например, сарафан, изба, былина) иногда приобретают статус общенациональной марки, и на них переносятся знаковые функции этноопределителя.

Традиционно в русской культуре выделяются две этнографические области: северно-русская и южнорусская. Решающими для данной классификации явились данные диалектологии, которые впоследствии были подкреплены уже собственно этнографическими материалами. Обнаруженные различия в жилище, одежде, фольклоре, хозяйстве оказались столь велики, что послужили основанием для выделения некоторыми учеными двух отдельных народов: северных великорусов и южных великорусов. Однако наличие в первую очередь общего самосознания указывает на русских как единый этнос.

Северно-русская культура, южная граница распространения которой проходит через Новгородскую, Ярославскую, Костромскую, Кировскую, Пермскую области, характеризуется такими отличительными чертами, как окающий говор, гнездовой тип поселения, состоящий из небольших деревень, дом-двор на высокой подклети, сарафанный комплекс женской одежды, сюжетная вышивка, былинный эпос в рапсодической форме. Наличие этих и других «архаичных» элементов культуры послужило основанием говорить о Русском Севере как заповеднике славянских (главным образом новгородских) древностей. Однако результаты прово-

дившихся в последнее время этнографических и фольклорных исследований свидетельствуют, скорее всего, о вторичной архаизации культуры в условиях периферии этнической территории русских.

Если северные великорусы отличаются только по так называемым объективным признакам при отсутствии самовыделения (общего самоназвания, самосознания), то более мелкие этнографические группы населения Русского Севера вычлняются также и по субъективным признакам — через реализацию оппозиции свои—чужие (в первую очередь через самоназвание). Соответственно этому выделяются поморы, кокшары, ваганы, устьяне, заонежане, пустозеры и другие этнографические группы, в процессе формирования которых принимали участие наряду с новгородцами и выходцами с Верхней Волги также местные и пришлые финно-угорские этносы. Наиболее ярко выражена обособленность поморов — населения берегов Белого и Баренцева морей, или в узком значении — жителей только Поморского берега (от Кеми до Онеги). Хозяйственный уклад — морские промыслы, связанные с долгим отсутствием мужского населения, — способствовал развитию особого психологического типа, созданию специфического промыслового календаря, формированию особых «поморских» обычаев и обрядов, затуханию многих домашних ремесел.

В отличие от северно-русской южнорусская культурная область (Пензенская, Калужская, Рязанская, Тульская, Липецкая, Тамбовская, Воронежская, Брянская, Курская, Белгородская, Орловская губ.) характеризуется большей пестротой локального своеобразия, которая объясняется, вероятно, более интенсивными перемещениями населения на протяжении всей истории обживания этой территории. Тем не менее и здесь можно выделить такие общекультурные черты, как акающий говор, большие поселения, наземное жилище, поневный комплекс женской одежды, геометрический орнамент и т.д.

Среди этнографических групп выделяются полехи, горюны, саяны (Полесье, Курская губ.), в культуре которых наблюдаются весьма архаичные следы контактов с западными соседями — белорусами, украинцами и литовцами. Особое сословное происхождение имеют однодворцы — потомки стрельцов, пушкарей, казаков, переселившихся из более северных районов и потому обнаруживающих в своей культуре отдельные северно-русские черты. Финно-угорские элементы в одежде, орнаменте и жилище прослеживаются у мещеры — этнографической группы Рязанской области, возникшей в результате ассимиляции местного финского населения.

Наибольшим культурным своеобразием отличались казаки — население области Войска

Донского, Новороссии, Кубанской, Терской областей, а также Урала, Забайкалья и Амура, составлявшее тринадцать войск. По своему происхождению, языку, культуре казачество не было однородным. В его формировании помимо русских принимали участие украинцы, северокавказские и сибирские народы. К началу XIX века казачество окончательно инкорпорировалось в государственную систему Российской империи и стало привилегированным военным сословием, имевшим свое самоуправление и пользовавшимся многими льготами. Следует отметить, что казачество участвовало практически во всех войнах, которые вела Россия в XVIII — начале XX века, поэтому в российской истории оно занимает особое место.

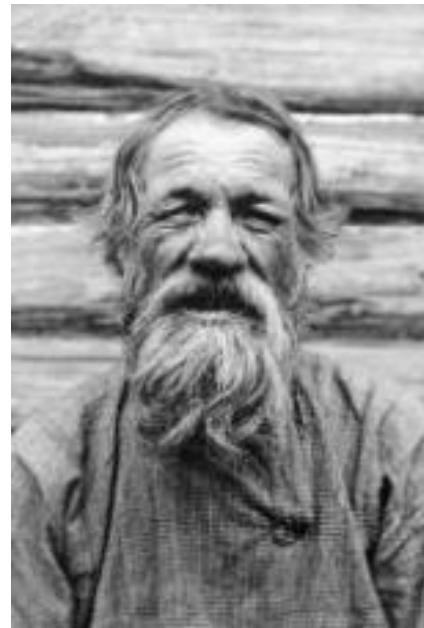
Среди русских жителей Сибири выделяются также многочисленные этнографические группы, формирование которых было связано со сложным процессом ее заселения. Для некоторых групп — поляков, каменщиков, семейских — определяющим стал конфессиональный фактор, так как их основу составляют потомки старообрядцев, переселившихся из европейской России в XVIII веке. В силу известной самоизоляции культура этих групп характеризуется наличием многих архаичных черт. Другие этнографические группы — марковцы, русскоустыинцы, камчадалы — сформировались в результате активных контактов с местным населением, восприняв от него способы хозяйствования, одежду, средства передвижения, адаптированные к сложным природным условиям.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

В расовом отношении русские относятся к большой европеоидной расе. Антропологи выделяют несколько антропологических типов, распространенных у русских, количество которых разнится в зависимости от применяемых методик. Но в любом случае результаты свидетельствуют о принадлежности русских к большой европеоидной расе в ее восточноевропейском варианте, который от центральноевропейского отличается определенной депигментацией глаз и волос, большим развитием складки верхнего века, отмечаемой в некоторых случаях незначительной уплощенностью лица и небольшой высотой носа.

Выявленные особенности антропологического типа русских имеют две возможные интерпретации. Согласно первой эти особенности есть не что иное, как наследие древнеевропейского расового типа, который в силу разных, до конца

Старик
Новгородская губ.,
Боровицкий у.
Фотография 1905 г.
РЭМ 771-17

Замужняя женщина
Курская губ.,
Новооскольский у.,
Березовской вол.,
с. Березы.
Фотография 1905 г.
РЭМ 833-5

Крестьянка
в праздничном костюме
Тульская губ.,
Новосильский у.,
с. Воротынцево.
Фотография конца XIX в.
РЭМ 8764-510

Замужняя женщина
Нижегородская губ.,
Горбатовский у.,
с. Павлово.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-452

Уральский казак
Местность
не установлена.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-589

не понятых причин сохранился преимущественно в среде русского населения. То есть выявленные расовые особенности являются не чем иным, как «европейским» архаизмом. Другая интерпретация видит в антропологическом типе русских результат сложных метисационных процессов так называемого западноевропейского, центральноевропейского и восточноевропейского типов.

В настоящее время антропология выделяет среди современного русского населения от восьми до пятнадцати антропологических типов, образующих переходные варианты от центральноевропейской до североевропейской малой расы. При этом все локальные типы различаются, по мнению антропологов, весьма незначительно и проявляются в пределах единого гомогенного типа.

Обобщенный тип русских выглядит следующим образом: средний или выше среднего рост, русые волосы и светлого или смешанного цвета глаза, умеренно широкое лицо, немного пониженный рост бороды, средневысокое переносье, складка верхнего века.

ЯЗЫК

Русский язык относится к восточнославянской подгруппе славянской группы языков индоевропейской языковой семьи. Наиболее близки к славянским балтские языки. Эта близость послужила основанием для выдвижения

рядом лингвистов гипотезы не только о существовании некогда языкового и этнического балто-славянского единства, но и о развитии славянского языка из балтийских диалектов. Однако последние исследования констатируют большое количество русско-индоевропейских и даже славянско-индоевропейских языковых сходств, не известных балтийскому и указывающих на славянский и, соответственно, на русский как самобытный индоевропейский язык. Выявленные же балто-славянские сходные черты носят постэтногенетический характер, то есть они были образованы в результате многовекового соседства этносов уже после их выделения из индоевропейской основы.

Несомненно тесная связь русского с родственными ему белорусским и украинским языками. Многие ученые возводят восточнославянскую близость к общему корню — древнерусскому языку, или языку древнерусской народности — предков современных русских, белорусов и украинцев. Другие исследователи подчеркивают изначальную разнородность древнерусского языка, диалекты которого не составляли единого гомогенного пространства. Таким образом, ставится под сомнение само существование правосточнославянского (древнерусского) языка. Например, древненовгородский диалект, реконструированный по берестяным грамотам, некоторые лингвисты противопоставляют южнорусским диалектам и сближают с западно-

славянскими языками, указывая на его западно-славянский генезис. Более аргументированной выглядит другая точка зрения, согласно которой некоторые общие для этих языков черты, характеризующиеся архаичностью, объясняются не западным происхождением северорусских диалектов и, соответственно, их носителей, а являются общими праславянскими архаизмами, сохранившимися на славянской периферии, в данном случае — на западе и севере славянского мира.

Наличие нескольких древнерусских диалектов не противоречило существованию единого древнерусского языка. Летописи приводят множество случаев непосредственного общения жителей разных городов друг с другом на общем языке.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Главным хозяйственным занятием русских издревле было земледелие. К началу XIX века в качестве основной системы землепользования утвердилось трехполье — разделение всей надельной земли на яровое, озимое поле и пар (незасеянное). На севере в таежной зоне изредка встречалась подсечно-огневая система земледелия. На севере и в среднерусской полосе землю пахали деревянной сохой с одним или двумя металлическими сошниками, в Центральной России — косулей, на юге — плугом. Каждое из этих орудий имело немало локальных вариантов, соответствовавших характеру почв, ландшафту и природно-климатическим условиям. Для разрыхления вспаханной почвы и после посева пользовались бороной. Сеяли, разбрасывая зерна (ржи, ячменя, пшеницы, овса, гречихи и др.) горстями из висящей на шее деревянной или плетеной севалки, в такт шагам. Началу каждого этапа полевых работ сопутствовал ритуальный зачин, сопровождавшийся молитвой, а также ряд запретов и рекомендаций.

Работа на земле требовала значительной физической силы и навыка и считалась мужской обязанностью. В бороньбе, реже в пахоте, женщина еще могла принимать участие, но сев ей не доверяли. В народе говорили: «Самим Богом положено, чтобы сеял мужик», «Бабе сеять — грех». Это правило нередко нарушалось в районах широкого распространения отхожих промыслов (в Костромской и Ярославской губерниях), но и здесь запустение в хозяйстве и низкие урожаи объясняли отсутствием мужских рук и тем, что женщина вынуждена делать не свое дело. Связано это было с комплексом представлений о севе как о символическом оплодотворении земли. Семантика зачатия прослеживается в атрибутике ритуального начала сева — засевок, во время которых пасхальные

яйца (символ возрождения, начала новой жизни) закапывали в землю или крошили по полю. Проявилась она и в локальном обычае везти зерно в поле, ссыпав вместо мешка в мужские штаны, а также в распространенной практике символического или реального обнажения: если при засеве зерновых снимали только пояс (из боязни сдержать рост злаков), то посев льна сеятель должен был осуществлять, приспустив или сняв штаны, а в одном из вариантов традиции по окончании работ он должен был голым объехать поле на лошади. Косвенным подтверждением этой связи служит и то обстоятельство, что юношей начинали учить посеву в самом конце их домашнего трудового обучения в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, когда признавали совершеннолетними и готовыми к женитьбе.

Крестьянки с детьми
Ярославская губ.,
Пошехонский у.
Фотография 1915 г.
РЭМ 3498-73

Посев льна
Рязанская губ.,
Касимовский у.,
д. Шемякино.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3185-8/1; 3185-8/2

Считалось, что для получения хорошего урожая льна сеятель должен был съесть на пашне два яйца, полученные от хозяйки семян, и сеять без портков.

Обрядовое
завершение жатвы
Рязанская губ.,
Касимовский у.,
д. Шемякино.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3185-9

В отличие от начала полевых работ их завершение (жатва — символические роды земли) считалось женской обязанностью. При уборке зерновых женщины пользовались серпами. Со второй половины XIX века при жатве овса или гречихи стали использовать косу-литовку, но это уже было мужской обязанностью. Девочек учили пользоваться серпом с 10—12 лет, при этом нередко специально для них заказывали маленькие серпы. Женщины работали парами — первая срезала колосья, вторая (это мог быть и мальчик-подросток) вязала снопы. Если в семье было несколько женщин-жней, они выстраивались по старшинству в ряд в шаге одна от другой, темп задавала старшая, остальные старались не отстать. Жатва была самым тяжелым временем для женщины (отсюда и ее название — страда). Она сопровождалась протяжными и тоскливыми жатвенными песнями, в

которых нередко рассказывалось о несчастной женской доле, при этом на поле разрешалось петь только замужним женщинам, девушки должны были работать молча. По окончании жатвы считалось необходимым восполнить затраченные силы, для этого женщины катались по ниве с приговором, известным во множестве вариантов: «Жнива, жнива, отдай мою силу». Последний (а иногда и первый) сноп пользовался особым почетом и наделялся магическими свойствами, его торжественно везли в деревню, украшали и устанавливали под иконами до Покрова. Затем его зернами «закармливали» скот, чтобы он благополучно перезимовал (Новгородская губ.), а оставшиеся смешивали с отборным зерном, предназначенным для засева в следующем году. Но полностью хлеб никогда не убирали. Было принято оставить на последней полосе небольшой пучок колосьев, в кото-

ром, по поверьям крестьян, сосредотачивалась вегетативная сила земли. Его называли «Спасова», «Николина» или «Ильина борода», обвязывали нарядным полотенцем, а в центр клали подношение — каравай хлеба, иногда ставили и рюмку водки.

Связанный в снопы хлеб укладывали в крестцы или сулоны на поле для первичной просушки. Затем хозяин перевозил снопы в деревню, где определял их на сушку огнем в овин или ригу. Высушенное зерно обмолачивали на току цепями (молотилами), а более тугие колосья — кичигой. Молотьба считалась мужской обязанностью, хотя в ней могли участвовать и женщины. Обмолоченное зерно при помощи граблей очищали от соломы, веяли (подбрасывали на лопате), а затем сгребали и при помощи специальных совков засыпали в амбар, где оно хранилось в сусеках или плетеных кадках. При необходимости его мололи в муку на

водяной или ветряной мельнице, а также перерабатывали вручную на домашних жерновах или в ступе — так изготавливали крупу и муку грубого помола для блинов.

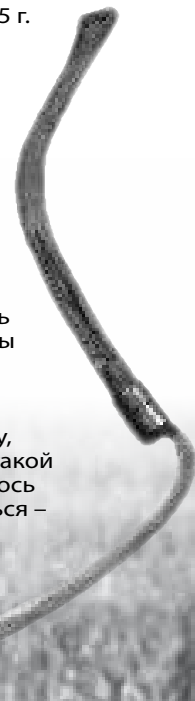
Огородничество у русских в целом было развито слабее и ограничивалось незначительным набором культур: картофель, капуста, морковь, репа, лук, огурцы. Но в то же время существовали регионы, население которых специализировалось на выращивании разнообразных овощей и трав, шедших на продажу в столицы и северные губернии (Ростовский у., Ярославская губ.). Ограниченное распространение имело и садоводство, которым занимались в основном на юге России.

Из скота крестьяне держали прежде всего лошадей, коров и овец, реже свиней, а также птицу (кур, уток, гусей). Скотоводство имело подсобный характер, оно обеспечивало тягловую силу и удобрение — навоз, без которого в нечер-

Молодежь на сенокосе в праздничной одежде Ярославская губ., Пошехонский у. Фотография 1915 г. РЭМ 3498-49/1

Коса-горбуша Пермская губ. Конец XIX в. РЭМ 2897-52

Коса-горбуша предназначалась для косьбы травы на неровной поверхности. Свое название получила потому, что при работе такой косой приходилось низко наклоняться — «горбиться».

Просушка мереж
Санкт-Петербургская губ.,
Новоладожский у.,
д. Извоз.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2070-17

Поморы
на морском судне
Архангельская губ.
Фотография конца XIX в.
РЭМ 8764-743

Терский берег
Архангельская губ.
Фотография конца XIX в.
РЭМ 225-10

ноземной полосе земля отказывалась давать весомые урожаи. От этого и коровы в некоторых местах получали название «навозницы». Скот был беспородный. С Егория по Покров он выпасался на общедеревенских пастбищах под надзором пастуха или без него на огороженных лесных полянах. С Покрова его ставили в хлев, в стойло. Корма заготавливали на сенокосах, разделенных пополосно между всеми домохозяевами деревни. Траву косили косой-литовкой, на севере использовали также более старый вариант косы — горбушу, с короткой изогнутой ручкой и более тяжелым лезвием. Сено сушили, разрыхля граблями, а после собирали в стога,

метавшиеся при помощи двузубых деревянных вил, иногда достигавших 3 м в длину. Хранилось сено на сеновале в пристроенном к дому дворе или в специальном сенном сарае. В период неурожая трав и, как следствие, весенней бескормицы в нечерноземных районах коров подкармливали ржаной соломой с крыши, измельчая ее и пересыпая для вкуса и питательности солью. Лошадям, на которых предстояло пахать весной, доставался лучший корм, их докармливали овсом. В средняцком хозяйстве средней полосы России было обычно две лошади, две—три коровы, теленок, парочка поросят, пять—шесть овец и куры. В Сибири, главным образом на

Алтае, где особенное развитие получило молочное животноводство, в богатом хозяйстве могли держать до десятка коров.

Рыболовство было распространено везде, где для него существовали условия, но как значимая отрасль крестьянского хозяйства развивалось преимущественно на Русском Севере, в Сибири, в бассейнах крупных рек, по берегам морей и больших озер. У поморов оно стало основой жизненного уклада, казакам служило важным подспорьем в хозяйстве, но в удаленных от крупных водоемов областях ловля рыбы часто считалась «баловством», занятием детей и стариков.

В зависимости от местных особенностей произошла естественная специализация регионов: на Волге, Урале, Оби велась добыча рыбы осетровых пород; на Дальнем Востоке и в устьях северных рек — лососевых; в реках и озерах Сибири ловили тайменя, хариуса, омуля; в Ильменском, Галичском, Чухломском озерах — снетков; на поморском севере с конца XIX века широко распространился лов сельди, трески, камбалы и т.п. Рыбу частиковых пород (судака, сазана, леща) ловили повсеместно. Наиболее распространенными орудиями лова были разнообразные ловушки (верши, или морды, вентери и т.п.), сети-невода различных размеров и назначений, а также крючковые снасти от удочки до переметов и ярусов. На некоторых мелководных реках в конце XIX века все еще сохранялась ночная охота на рыбу — лучение при помощи остроги. Важной составляющей промысла была перера-

Охотник
Архангельская губ.
Фотография 1913 г.
РЭМ 3169-4

Пастух
Олонецкая губ.
Фотография 1901 г.
РЭМ 63-53

Крестьяне
в охотничьем
снаряжении
Вологодская губ.,
Сольвычегодский у.,
д. Усть-Топса.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2313-3/1

ботка рыбы: копчение, сушка в специальных печах, замораживание на севере; вяление и сушка на солнце на юге. Вблизи от соляных промыслов рыбу чаще солили, а за неимением соли — квасили (Русский Север). В местах развитого рыболовства лов и переработка рыбы чаще всего имели артельный характер.

Охота, также известная повсеместно, играла важную роль в основном для населения таежной зоны Русского Севера и Сибири, где приобрела преимущественно товарно-пушное направление. Добывали белку, лису, песца, горностая и соболя (до начала XIX века он был основным промысловым зверем). Наиболее распространенной была индивидуальная охота с ружьем и собакой, использовались также разнообразные ловушки: капканы, силки, петли, западни, завалы. На территориях тесного соприкосновения русских с финно-угорскими и сибирскими народами славянские охотничьи традиции обогатились

Пасека в селе
Вышняя Залегощь
и ее хозяин
Тульская губ.,
Новосильский у.
Фотография 1902 г.
РЭМ 757-27

за счет влияния соседей, что нашло отражение в промысловой одежде, снаряжении, подсобных средствах и приемах охоты. У крестьян Европейской части России охота считалась уделом специалистов, в деревне редко бывало более одного охотника. Чаще всего охотились на зайца, птицу и боровую дичь; в зимнее время в случае необходимости практиковалась загонная охота на волков, известна была и охота на медведя, в том числе и в ее наиболее старом варианте — с рогатиной.

В нечерноземных областях Европейской России были широко распространены и такие лесные промыслы, как лесозаготовка, производство дегтя, сбор орехов, заготовка грибов и ягод, а также сбор меда диких пчел — бортничество. В конце XIX века бортничество было уже значительно потеснено пчеловодством и сохранялось во множестве переходных форм на Русском Севере, в северо-западных губерниях России и Полесье. В наиболее простом варианте промысла бортник ранней весной примечал место зимовки роя в дупле старого дерева, на стволе его ставил личную метку, а осенью вынимал мед. Этапом на пути к пасечному пчеловодству было устройство на удобной для медосбора поляне или вырубках так называемой «борти» — специально выдолбленного в стволе дупла или укрепленного на дереве небольшого полого обрубка, в который во время роения помещался слетевший рой диких пчел. Нередко для этого пользовались тем же инвентарем, что и на пасеках: маточником и роевней. Со временем борть все чаще стал заменять долбленный улей — колоду (колодка, кузовок, дуплянка, чурка, пень), представлявший собой часть ствола толстого дерева с крышей из коры и удлиненным отверстием сбоку

(должеей), закрывавшимся прямоугольным куском дерева, в котором устраивался леток (отверстие для вылета пчел). Соты размещались на находившемся внутри перекрестии из тонких жердей и извлекались через должею после окулирования улья дымом дымаря — закрывавшегося крышкой керамического сосуда круглой формы с двумя широкими длинными носиками.

Впервые вырезали соты в Ильин день, во Второй Спас, а чаще — в Первый (Медовый) Спас; этот мед обязательно освещали в церкви. С переходом от бортничества и лесного пчеловодства к пчеловодству пасечному ульи-колоды, значительно увеличенные в размерах и иногда достигавшие человеческого роста, устанавливались по несколько в ряд на огороженных лесных полянах, а затем и в пределах усадьбы. На Русском Севере, стремясь обезопасить лесную пасеку от колдовства и сглаза, на высоких жердях, входивших в ее ограждение, вывешивались обереги — лошадиные черепа. К началу XX века повсеместно появлялись современные дощатые рамочные ульи. Наиболее широко пасечничество было распространено в средне- и южнорусских губерниях, одним из его признанных центров считалась Тамбовская губерния.

Русские крестьяне видели в пчеле чистое, приближенное к Богу существо — «тварь Божью», а в меде — данную Богом милость, которая не могла принадлежать только одному человеку или служить средством наживы. Поэтому долго держался обычай раздавать первый мед, поддерживаемый представлениями о приумножении отданного и неизбежном наказании за скупость (уменьшением количества меда, уходом пчел). Изначальный запрет торговать медом отразился в обыкновении продавать его не весь

сразу, а мелкими порциями или прилагать при продаже небольшую вещицу, за которую якобы и брались деньги, а мед отдавался в придачу бесплатно. Связь пчеловодства с церковным бытом была предопределена использованием воска для изготовления свечей, а меда в качестве самой чистой пищи, разрешенной во время поста, частой жертвы в церковь. В ряде мест мед являлся обязательным компонентом поминаний и празднования престольных праздников и канунов.

Со второй половины XIX века значительным подспорьем в хозяйстве крестьян нечерноземной полосы России стали кустарные и отхожие промыслы.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Основными наземными средствами передвижения и перевозки грузов в русской деревне были телега и сани на конной тяге. Телега — четырехколесная повозка, состоящая из переднего (основного) и заднего хода, стана, дрог и кузова. В зависимости от вида запряжки, одинарной или парной, телега оборудовалась оглоблями или дышлом. Кроме обычной телеги крестьяне использовали несколько разновидностей повозок, конструкция которых очень близка к основному варианту, но корректировалась хозяйственными нуждами. Дроги — передок и задок телеги, связанные дрожинами, без кузова — применялись для перевозки тяжелых грузов, на них также устанавливали водовозную бочку или ездили в поле. Их вариантом являлись роспуски (колеса), состоявшие из рамы, скрепленной с осью колес, и коника — опорного бруса с откидными стойками, с помощью которого перевозили длинномерные грузы (бревна,

доски и т.п.). Полок — дроги с дощатой площадкой — также служил для грузовых перевозок. Меньшая по размеру телега (тележка-одноколка) с ящиком вместо кузова использовалась для возки земли, глины, вывоза навоза на поля, отчего в некоторых местах получила название «навозница». Длинной, широкой, с высокими решетчатыми бортами-грядками была телега для перевозки сена и снопов (андрец, одрец, одр в Костромской губ., одер в Ярославской и Тверской, колымага в Нижегородской; сноповозка, хлебная телега, рыдван). В начале XX века зажиточные крестьяне для поездок вместо телеги все чаще пользовались легковыми экипажами — таратайками, тележками, двухколесными одноколками, в разных местностях называвшихся по-разному: одерчик, одринка, опрокидка, беда, брыкуша, чертопхайка и т.п., а также четырехколесными безрессорными или полурессорными дрожками с мелким кузовом или тарантасами с открытым плетеным кузовом.

Сани — наиболее старый, престижный и ритуально отмеченный (в семейной и календарной обрядности) вид гужевого транспорта. Ими пользовались не только с установлением санного пути зимой, но в некоторых местах Русского Севера и Сибири и летом в условиях бездорожья, при необходимости перемещения по болотистой местности. Главными конструктивными деталями саней являлись полозья с загнутыми концами-головками, к которым привертывались оглобли; в полозья вставлялись копылья; над ними крепились грядки и кузов. В русской деревне бытовало несколько типов саней. Дровни, наиболее простые по конструкции, состояли из двух массивных круто загнутых полозьев и использовались для возки дров.

Крестьянин,
везущий хворост
из леса
Владимирская губ.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3307-150

Отъезд в поле
за сеном
Московская губ.
Фотография 1898 г.
РЭМ 8764-1539

Розвальни — грузовые сани с низким, расширяющимся сзади кузовом и отводами — гибкими жердями, крепившимися спереди к головкам, а сзади — на поперечном бруске. Отводы увеличивали емкость саней и предохраняли от падения. Кроме того, для увеличения емкости на них могли ставить большие плетеные корзины — кошевы. Пошевни — широкие сани, обшитые между накопильниками и отводами лубом, тесом или заплетенные веревкой. Большие и широкие выездные сани, в которых катались на Масленицу, ездили на свадьбу или в гости, назывались также «ковровыми» (спинка кузова застилалась ковром) или «троечными» (запрягались тройкой лошадей). Они богато украшались росписью, резьбой, кованными и точеными элементами. Обязательной принадлежностью выезда была нарядная, кожаная с литыми украшениями, а то и расцвеченная по случаю лентами или тряпочками упряжь, расписная или резная дуга, бубенчики.

По берегам морей, рек и озер получил развитие малый водный транспорт. В зависимости от целей использования лодки имели различные размеры, устройство, грузоподъемность. Самые крупные принадлежали артелям рыбаков или деревенским общинам, занимавшимся рыбным промыслом. Наибольшее распространение имели дощаники — лодки из проконопаченных и просмоленных досок, со скамьями и парой весел в уключинах. Но в ряде мест особенно для рыбной ловли или лучения рыбы на мелководье использовались старинные долбленные из целого ствола дерева колоды, иногда сдвоенные для большей устойчивости — кояги, но чаще с разведенными путем распаривания бортами.

Чаще всего долбленки направлялись шестом, стоя. На мелководье также использовались различные дощатые плоскодонки обтекаемой формы с узким плоским дном, ходившие на веслах и под парусом. Поморский морской промысел не мыслим без традиционного парусного судна — карбаса.

В хозяйстве, быту и на промысле важным подспорьем был ручной транспорт: волокуши, тачки, разнообразные двух- и четырехколесные тележки (колымажки, повозочки).

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Значительным подспорьем в хозяйстве крестьян нечерноземной полосы России были кустарные промыслы. Весь необходимый хозяйственный инвентарь, значительное количество видов утвари, транспортные средства, игрушки и многое другое изготавливалось на продажу крестьянами специализировавшихся на этом среднерусских и северных областей. В южно-русских губерниях кустарные промыслы были развиты значительно слабее. Мастерство кустарей передавалось из поколения в поколение, в производство были вовлечены все члены семьи, в соответствии с возрастом и полом определялся круг обязанностей. Отдельные мастера часто объединялись в артели или имели подрядчика, поставлявшего им сырье, забиравшего готовую продукцию и занимавшегося ее реализацией. Труд кустаря не требовал отлучек из деревни и совмещался с традиционным земледельческим хозяйством, хотя в некоторых местах уровень развития промысла и острая нехватка земельных угодий привели к появлению сел, жители которых занимались исключительно кустарным

производством. В каждой губернии, а то и в одном селе параллельно развивалось несколько направлений кустарной промышленности. В то же время в рамках одного направления промыслы имели зачастую очень узкую специализацию, например, изготовление ободий, полозьев, оглоблей, ткацких станов, мялок, самопрялок, кос, граблей, молотил, вил, веретен, вьюшек, цевок, сох, борон, веялок, ульев, спичечных коробок; стеклярусный, бахромный промыслы, плетение шнурков, шитье соломенных шляп, вязание чулок, варежек, перчаток, кушаков, витье веревок и т.д.

Расцвет кустарной промышленности пришелся на первую половину — середину XIX века. В конце XIX века увеличение спроса вызвало рост капитализации производства, а изготовление изделий на поток привело к значительному снижению качества продукции и в итоге вытеснению ее с рынка фабричными товарами. Эта судьба постигла и промыслы, изделия которых соединяли в себе утилитарное и эстетическое назначение и являлись признанными образцами народного искусства. Большинство существующих сейчас художественных промыслов, пережив упадок, было возрождено в XX веке благодаря ряду государственных мероприятий.

Наиболее распространенным направлением в кустарном производстве было изготовление изделий из дерева. При значительной географической широте распространения и разнообразии деревообрабатывающих промыслов лидировали Московская, Нижегородская, Владимирская, Ярославская, Вологодская, Архангельская и некоторые другие северные губернии. Популярными были изделия, украшенные русской кистевой росписью с мотивом крупных цветов, скомпонованных в букеты, гирлянды, ветви, помещенные в вазоны, с дополнением ягод, бутонов, листьев, иногда птиц и сказочных существ. Украшались различные по материалу и назначению предметы: коробы, швейки, грабли, вальки, уфтяжские, нижнетагильские, тюменские туеса, прялки, архангельские и вологодские буфеты и поставцы, нижегородские макарьевские и павловские сундуки (орнамент наносился поверх жести), а также некоторые виды нижнетагильских и вятских сундуков и т.д.

Одним из наиболее известных художественных промыслов была Хохлома. Промысел зародился на рубеже XVII—XVIII веков в Нижегородском Заволжье при участии старообрядцев-иконописцев, знавших секрет золочения без использования драгоценного металла, а свое название получил от наименования торгового села, откуда изделия отправляли на базары и ярмарки. Уже в XVIII — начале XIX века это было крупное мануфактурное производство. До середины XIX века мастера изготавливали, прежде

всего, токарную посуду, а также шкатулки, трости и табакерки, позднее в ассортимент вошли столярные изделия (столы, шкафы-теремки). В XIX веке роспись была лаконичной, к концу века она усложнилась: на крупных вещах создавались орнаменты — кудрины с золотыми цветами и листьями, изделия, шедшие на продажу в город, расписывались узорами в духе ситцевых платков, старинных набоек или орнаментов рукописных книг, но наиболее распространенным стало травное письмо — красные и черные травы, веточки и кусты на золотом фоне.

Другим знаменитым нижегородским промыслом является городецкая роспись. Она возникла на базе промысла по изготовлению подставок для прядильного гребня (до;нец), бытовавшего в деревнях по реке Узоле. Первоначально донца украшали изображениями всадников, коней, запряженных в карету, птиц на цветке или дереве, выполненными скобчатой резьбой и инкрустацией из мореного дуба. С середины 60-х годов XIX века на смену резьбе пришла роспись клеевыми красками, к 80-м годам новый промысел достиг расцвета, и изделия узольских мастеров распространились по всей России. Для яркой и выразительной городецкой росписи характерны сюжеты из крестьянского, купеческого и городского быта: нарядные дамы и кавалеры в узорчатых палатах, чаепитие, застолье, катанье на тройках. Наряду с донцами мастера делали игрушки: резанные и ярко расписанные изображения ямщицких троек, сказочных птиц и коней, а также детские стульчики.

Совершенно иной характер носят изделия другого нижегородского промысла, возникшего как производство токарной посуды в конце XVIII века в селе Полховский Майдан, но обретшего свой оригинальный облик только в начале XX века, когда для украшения изделий начинали применять выжигание, а затем и крашение. Тогда же сложились характерный пейзажный композиционный сюжет и орнамент, элементами которого являются цветы, травы, пестрение, домики и т.д. Но наибольшую известность ему принесла матрешка «тарарушка», отличающаяся от аналогов, в том числе и от более известной соседки — семеновской матрешки, яркой затейливой росписью.

На Русском Севере зародилось множество самобытных направлений художественной росписи деревянных изделий. Например, в начале XIX века на реке Мезень в Архангельской губернии возникла двухцветная мезенская или палащельская (от названия д. Палащелье) роспись. Сочетанием красного (охры, сурика) и черного (сажи) здесь расписывали предметы домашнего обихода — сундуки, ковши, короба, прялки, посуду, ложки, игрушки и пр. Другим широко известным промыслом была Северо-

Плетение корзин
Рязанская губ.
Фотография 1913 г.
РЭМ 2728-14

Двинская пермогорская роспись, отличавшаяся характерным сочетанием белого и золотисто-кремового фонов с мелким растительным орнаментом из копьевидных листьев, завитков, цветков, среди которых размещались изображения бытовых и хозяйственных сцен, а также фантастических существ (сиринов, львов, единорогов). Росписью украшалась разнообразная утварь: прялки, ткацкие станы, лубяные лукошки, грабли, токарная, бондарная и резная посуда (ставцы, скопкари, солоницы, жбаны) и т.д. Особенно разнообразно проявила себя северная художественная традиция в украшении прялок (борецких, шенкурских, тоемских и т.д.).

В XVIII — первой половине XIX века наиболее распространенным украшением деревянных изделий была резьба, которой славились Владимирская, Московская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Вологодская, Архангельская и другие губернии. Прекрасными образцами ее были братины, ковши, прялки, веретена, швейки, сергиевопосадские и владимирские игрушки, резные владимирские и нижегородские шкатулки и ящички, вальки, трепала и т.д. К концу XIX века результатом одной из попыток возрождения уходящих кустарных традиций стало возникновение абрамцево-кудринского резного промысла, развитие которого в значительной мере связано с работой художественной мастерской, организованной в 80-х годах в с. Абрамцево Московской губернии художницей и собирательницей Е.Д. Поленовой. Здесь производились

бытовые изделия, богато украшенные эклектичной резьбой в народном стиле, содержащей мотив изгибающихся ветвей с пальчатой листвой.

В Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Владимирской, Нижегородской губерниях, а также на Урале (Пермская губ.) и в Сибири (Тобольская губ.) находились промыслы, прославившиеся берестяными изделиями. Из целого куска бересты выработывали широкие открытые кузовки, набирушки, чекманы, лукошки, а также заплечники для грибов и ягод. Разнообразны были плетеные изделия. Но наиболее трудоемким считался шивной промысел — изготовление коробов (бураков, туесов). Первенствующим среди художественных берестяных промыслов был шегогодский, зародившийся в XVIII веке в д. Курово-Наволоч в окрестностях Великого Устюга. Его отличительной чертой являлся украшавший туеса просечной или прорезной растительный орнамент (переплетающиеся стебли, листья, цветы), в который иногда вводились изображения животных и птиц. Не менее известны расписные пермогорские и уфтяжские туеса. Крупные центры росписи берестяных изделий находились также в Сибири (тобольские) и на горнозаводском Урале (нижнетагильские туеса, набирушки и кузовки, расцвеченные букетами и отделанные «под малахит», «под яшму», «под черепашку»). Центры отделки берестяных изделий тиснением известны на Русском Севере, в Рязанской губернии, Прикамье

(чусовские бураки), на Среднем Урале (салдинские, нижнетагильские) и в Сибири (тобольские тисненные туески).

Промыслы по обработке глины (гончарство, производство кирпича) образовывались везде, где был в достатке необходимый для них материал. В каждом регионе был свой гончарный центр, наиболее крупные из них находились в Московской, Калужской, Курской, Костромской, Новгородской, Рязанской и Вятской губерниях. На ярмарках ценилась чернолощенная ростовская (Ярославская губ.) и казариновская (Лукояновский у., Нижегородская губ.) керамика, поливная псковская керамика, волховская посуда (Новгородская губ.), работа богородских (Нижегородская губ.), корчевских (Тверская губ.), хлудневских (Калужская губ.) и касимовских (Рязанская губ.) горшечников, кунгурская фаянсовая посуда (Пермская губ.). В Архангельской губернии признанными центрами гончарства были г. Каргополь и с. Вонгуда, в Вологодской губернии с глиной работали кустари Никольского и Кадниковского уездов. Знаменитыми и сегодня производителями художественной керамики были с. Гжель Московской губернии и г. Скопин Рязанской губернии. Гжель — один из старейших керамических центров, известный с XVI века, своей многокрасочной майоликой. В конце XVIII века в Гжели развивается производство полуфаянса, украшенного бесцветной прозрачной глазурью. По форме изготавливаемая в этот период посуда была близка майолике:

крупные кумганы, квасники со скульптурой, с простой синей цветочной росписью. В первой четверти XIX века было налажено производство фарфоровых изделий из привозного сырья и тонкого фаянса, но не прекращалось и производство полуфаянса. До третьей четверти XIX века Гжель оставалась одним из основных районов фарфоро-фаянсового производства в России, характерной чертой которого была и остается подглазурная роспись кобальтом по белому фону с последующей разделкой золотом. Во второй половине XIX века на месте промысла возникли крупные заводы, и ручная роспись была постепенно вытеснена механизированными способами украшения, что в итоге привело в начале XX века гжельское производство к упадку. Возрождение промысла приходится на 1920—1930-е годы. Ярким своеобразием формы и декора отличается скопинская художественная керамика. В Скопине с середины XIX века широкое распространение получило производство декоративных глазурованных сосудов, имевших нередко форму фантастических животных, сложную конструкцию и многочисленные лепные декоративные детали. Декоративность скопинских изделий усиливали покрывающие их блестящие желтые, зеленые или коричневые глазури.

Побочным продуктом почти каждого гончарного производства было изготовление глиняной игрушки. В ряде мест ее производство отличалось особенной художественной ярко-

Торговля горшками на базаре в Пошехонье Ярославская губ. Фотография 1912 г. РЭМ 3495-3

Горшечники Рязанская губ., Касимовский у. Фотография 1913 г. РЭМ 2728-18

Кустарная выделка изделий из мрамора
Олонецкая губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 63-238

На с. 51

Девушки-кружевницы
за работой
Московская губ.,
Дмитровский у.
Фотография 1913 г.
РЭМ 2873-51

Семья пекаря с
пряничными досками
Тверская губ.
Фотография 1905 г.
РЭМ 1512-8

Старуха за прялкой
Рязанская губ.,
Касимовский у.,
д. Большие Паксёлы.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-54

Торговля бондарными
изделиями на базаре
в Пошехонье
Ярославская губ.
Фотография 1912 г.
РЭМ 3495-6

стью и переросло в самостоятельный промысел. В середине XIX века зародился игрушечный промысел в с. Дымково Вятской губернии. Здесь по сей день расписывают глиняные фигурки, изображающие барынь-модниц, купчих, кормилиц с детьми, всадников, кавалеров, одетых по моде 40-х годов XIX века, полуфантастических птиц (петухи, павлины) и животных (олени, бараны). Игрушки раскрашивались яркими кра-

сками по белому фону, часто украшались сусальным золотом. Городской и деревенский быт, сказочные персонажи и образы животного мира стали источником вдохновения и для каргопольской (г. Каргополь, Архангельская губ.) и филимоновской (д. Филимоново, Тульская губ.) игрушки. В Каргополе в их расцветке преобладали синий, коричневый, зеленый и красный цвета, наиболее часто встречались медведь и олень, а для оригинальной филимоновской игрушки характерна удлиненность силуэта и роспись с использованием геометрического орнамента на бело-сером фоне.

Обработкой металлов, включавшей литейное, кузнечное, слесарное и ювелирное производства, занимались кустари Нижегородской, Тульской, Московской, Тверской, Ярославской, Вятской, Пермской и Новгородской губерний. По качеству литья и кузнечно-слесарных изделий, особенно замков и ножей, выделялись нижегородские села Павлово, Ворсма, Погост и Варез. С XVIII века в Туле процветало кустарное самоварное производство (позднее мануфактура). Самовары делали также в Москве, Петербурге, Архангельске, на Урале (нижнеиргинский промысел). Изготовлением подносов, декорированных лаковой росписью по металлу, прославились промыслы в с. Жостово Московской губернии и в г. Нижний Тагил Пермской губернии. Первый возник в начале XIX века, наиболее традиционным для его изделий является черный фон с орнаментом из крупных цветов, ягод и листьев, нанесенным свободной кистевой росписью. Подносный промысел в Нижнем Тагиле развивался с середины XVIII века, здесь выпускались подносы двух видов: утилитарные, с характерной цветочной росписью размером от «скатерных» во всю ширину стола до «чайных» и «рюмочных» и декоративные подносы-картины с пейзажами,

натюрморты, сюжетными сценами. Отличительной чертой нижнетагильских изделий была разделка (раскраска), «под малахит», «под черепашку», «под дерево».

Старинным центром художественной обработки металла был Великий Устюг Вологодской губернии, прославившийся серебряными изделиями с чернью, а также сундучно-ларцовым промыслом: окованными железными полосами с просечным кружевным узором и цветной подложкой ларцами с теремком, подголовнями, сундучками с покатым верхом и квадратными коробочками. Период расцвета промысла относится к XVIII веку, с середины XIX он приходит в упадок. Чеканный промысел бытовал в Ярославской, Вятской и Владимирской губерниях. Художественная обработка металла была тесно связана с сундучным производством. Широкую известность приобрели владимирские, вятские, а также нижегородские макарьевские сундуки. Последние изготовлялись из ольхи или дуба, окрашивались красной, синей или зеленой краской, обивались полосами железа с печатными узорами или «морозкой» и покрывались росписью. На Урале наивысшее развитие промысел получил в середине XIX века в работах кустарей Невьянского и Быньговского заводов Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Ювелирное дело достигло высокого развития в районе с. Красного Костромской губернии, в окрестностях Бронниц под Москвой, в с. Мстера Владимирской губернии и с. Казаково Нижегородской губернии, где изготавливались изделия с филигранью и гравированием. С XVIII века г. Ростов Ярославской губернии славился искусством живописной миниатюры на эмали — финифтью, которой украшали образки, предметы церковного обихода, а затем и табакерки, шкатулки, медальоны и т.д.

Своеобразной отраслью кустарной промышленности стало каслинское художественное литье. Промысел возник в начале XIX века на медеплавильном заводе в с. Касли на Урале, где вырабатывали котлы, кумганы, чаши, декоративные вазы, блюда, настольную скульптуру, архитектурные детали, решетки и т.д. Самостоятельное творчество мастеров проявилось в создании бытовых изделий: пресс-папье, шкатулок, подсвечников, ажурных вазочек, блюд, канделябров, браслетов, брошей, ожерелий и др., ухваты украшались замысловатыми виньетками, утюги — окошками, «сердечками», а на их крышках мастера ставили свои инициалы.

Косторезный и роговой промыслы развивались на Русском Севере и в Сибири. Старинными, известными с XVI—XVII веков центрами резьбы по кости были Сольвычегодск и Москва. В XVIII веке наибольшего расцвета достигает косторезный промысел холмогорских мастеров

Архангельской губернии. Основной его техникой была ажурная резьба в сочетании с низким рельефом и цветной гравировкой. Резчики заполняли тонко распиленные моржовые костяные пластинки орнаментом в виде сложных завитков, раковин («рокайли») и т.п., помещая среди них различные бытовые сценки. Резали гребни, всевозможные ларчики, шкатулки, а также туалетцы, оправы для зеркал, кубки, шахматы и др. Для XVIII века были особенно характерны ларцы с теремком, сундучки. Деревянную основу ларцов оклеивали костяными пластинками, часть которых окрашивали в интенсивный зеленый цвет. Пластины украшали гравировкой. Во второй половине XIX века зародился тобольский косторезный промысел. Его изделиями в основном была миниатюрная настольная скульптура, а также выполненные в технике ажурной резьбы предметы бытового назначения: ножи для бумаги, закладки, броши, мундштуки, трубки, портсигары, шкатулки, оклеенные пластинками инкрустированной кости.

Выделка кож была распространена преимущественно в Московской, Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Казанской, Вятской, Курской и отчасти Тверской губерниях.

Производство с целью сбыта изделий из растительных волокон, шерсти и шелка (ткачество, вышивка, кружевоплетение, вязание, выделка сукна, валяльное, красильное производства, набойка и т.д.) было наиболее развито в Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской и Ярославской губерниях. Крупнейшим кустарным центром льняного полотняного производства было с. Великое Ярославской губернии. Шелкоткачеством, в двух основных видах — выработке бархата и глади, занимались в основном во Владимирской губернии. Вышивку применяли для украшения элементов костюма и предметов домашнего убранства: скатертей, подзоров, полотенец. Основой чаще служил беленый льняной холст, но встречалась она и на шерстяных тканях, кумаче, шелке и бархате. Дорогие покупные шелковые и бархатные ткани, реже холст или сафьян, служили основой для шитья золотыми и серебряными нитями, которым, нередко с добавлением фольги, цветных стекол, перламутра и жемчуга, украшались северо- и среднерусские женские и девичьи головные уборы (платки, повязки, кокошники, повойники) и праздничные наряды. Признанным золотошвейным центром был г. Торжок Тверской губернии, славились изделия городецких, каргопольских и чернухинских (Нижегородская губ.) мастериц. Для ряда промыслов были характерны ажурные вышивки (сквозной шов

или строчка). Простейшие узкие и широкие строчки — мережки с различным закреплением нитей и заполнением пространства между ними, встречались чаще всего на изделиях Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Рязанской и Тверской губерний. Более сложные сновочные мережки до сих пор являются отличительной чертой крестецкого вышивального промысла (Новгородской губ.), производящего различные изделия из полотна, украшенного ажурной крестецкой белой строчкой. В ней вышивка дополнена мережками и вырезами — квадратными или прямоугольными отверстиями, заполненными воздушными узорами из переплетающихся нитей. Большое распространение получила белая строчка, выполняемая по сетке, полученной путем выдергивания 3—4 нитей основы и утка ткани; сетку перевивали и заполняли узорами (нижегородская, костромская, ярославская и вологодская вышивки). Чаще белая, изредка цветная строчка со сложным растительным и геометрическим орнаментом, выполненным по мелкой и крупной сетке на прозрачных тканях, получила широкое распространение в промыслах Костромской губернии. Кроме строчки вышивальщицы использовали счетную и свободную гладь, тамбур и различные декоративные мережки. Для нижегородского промысла также была характерна строчечая вышивка. В Смоленской, Калужской, Рязанской, Орловской и Тульской губерниях вместо белой строчки чаще использовали цветную перевить, при которой столбики сетки, плотно обвитые красными или золотистыми, реже малиновыми, лиловыми или розовыми нитями, составляют фон для белого узора, расцвеченного зеленым, золотым, голубым или оранжевым. Другой разновидностью вышивки были верховые швы: тамбур, гладь по рисовке (свободная гладь), владимирская гладь. В Костромской, Ярославской и Тверской губерниях тамбурным швом вышивали холст или фабричные гладкокрашенные ткани, преимущественно кумач. Как промысел вышивка свободной белой и цветной гладью наиболее полно развивалась во Владимирской губернии в рамках мстерского (с. Мстера) и александровского (г. Александров) кустарного производства. Мстера славилась прежде всего белой гладью, выполненной в три этапа по переведенному рисунку на тонких тканях (в частности батисту). Вышивка часто дополнялась мережками. Цветной гладью, так называемым «владимирским швом» на льняном или шелковом полотне выполнялись изделия мастериц г. Александрова. Украшавший их растительный орнамент содер-

жал мотивы полевых цветов и садовых ягод, вышитых толстой красной нитью с добавлением синих, желтых и зеленых нитей. Владимирский шов часто сочетался со стебельчатым, петельным и тамбурным. Им украшали скатерти, портьеры, наволочки, диванные подушки.

Основными центрами кустарного кружевоплетения были Вологодская губерния, г. Елец в Орловской губернии, сл. Кукарка в Вятской губернии, г. Михайлов Рязанской губернии и д. Кириши Санкт-Петербургской губернии (ныне д. Вятка Ленинградской обл.). Все они являются примером соединения старинных русских текстильных традиций и западноевропейских техник, прошли через период копирования зарубежных образцов в XVIII — начале XIX века, пережили расцвет в 70—80-х годах XIX века, затухание в начале XX века и последующее возрождение. Наибольшее развитие промысел получил в Вологодской губернии, где он был известен с XVII века. В тот период основным его продуктом было кружево из золотых и серебряных нитей, иногда с добавлением жемчуга, сохранявшееся кое-где и в первой половине XIX века. С XVIII века главным материалом кружевоплетения служили выбеленные хлопчатобумажные нити (исключение составляло михайловское цветное кружево и использование синих и красных нитей в киришском). Широко распространенным и востребованным в народе направлением кустарного производства было изготовление набойчатых тканей. Но к концу XIX века набойка была почти полностью вытеснена фабричными ситцевыми тканями. Исключение составили украшенные с помощью набивного рисунка шерстяные шали и платки. Наиболее известные из них — павлопосадские, или павловские. Производство в Павловском Посаде Московской губернии появилось в начале XIX века благодаря моде на кашмирские шали и вскоре по популярности обогнало уже существовавшие промыслы по изготовлению набивных платков. Для его изделий характерны платки с крупным цветочным узором, с гусиными мелкими рисунками, а также так называемыми «огурцовыми» мотивами, выполненными на ярком цветном фоне.

Отдельным направлением в народном искусстве являются художественные лаки. Старейший из центров, занимающихся росписью изделий из лакового папье-маше, — промысел в подмосковном с. Федоскино. Основанием для него послужило фабричное производство Лукутина, выкупившего и усовершенствовавшего в 1825 году предприятие купца Коробова. Лукутинские табакерки, коробочки, шкатулки, ларцы приоб-

рели широкую известность благодаря украшавшим их миниатюрам с тонкой, сложной по рисунку и колориту, декоративной росписью, содержавшей главным образом жанровые сцены. Материалом для их изготовления служил проклеенный и отформованный картон. Смонтированную и обработанную вещь густо шпаклевали, шлифовали и покрывали черным лаком. Внутренняя поверхность выкрашивалась красной киноварью. Готовые изделия украшали росписью, закреплявшейся несколькими слоями бесцветного лака, и полировали до блеска. В 1910 году мастера лукутинского производства основали артель в с. Федоскино. Федоскинская миниатюрная живопись реалистична, ее выполняли масляными красками в трехслойной классической последовательности письма. В некоторых случаях использовались подкладки под живопись сусального золота, перламутровых пластинок, поталь («письмо по-сквозному»). Лаковые производства в Палехе (Ивановская обл.), Мстере (Владимирская обл.) и Холуе (Ивановская обл.) относительно новые, они возникли после 1917 года, переняв технологию у федоскинцев. До революции здесь находились известные центры иконописного ремесла. Бывшие иконописцы привнесли в искусство лаковой миниатюры принципы письма темперными красками, изображения человеческих фигур, некоторые общие схемы композиций и способы трактовки пейзажа и архитектуры: декоративные «горки», «древесы», «палаты». Для этих промыслов характерно преимущественное обращение к сказочным, былинным и историческим сюжетам.

Со второй половины XIX века важным направлением в хозяйственной деятельности крестьян стали отхожие промыслы. Существовал городской, фабричный и деревенский (земледельческий) отход. Первый был развит в пристоличных губерниях, поставлявших в города маляров, плотников, каменщиков, слесарей, водопроводчиков, торговый и трактирный люд; второй активно развивался в промышленных губерниях центральной России (например, Владимирской, Московской и др.); третий был характерен для земледельческих районов юга или, наоборот, для северно-русских губерний, крестьяне которых приходили в опустевшие от городского отхода пристоличные деревни. Распространение отхода изменило лицо деревни, и хотя оно расширило кругозор крестьян и повысило уровень общей образованности, но, являясь проводником элементов городского быта и этики, способствовало нивелировке, угасанию и трансформации традиции.

Прялка
Ярославская губ.
Начало XX в.
РЭМ 3553-13

Прялка
Архангельская губ.
Начало XX в.
РЭМ 531-11

Донце намазное – донце прялки
Нижегородская губ.
Начало XIX в.
РЭМ 5159-4

Веретена
Архангельская губ. XIX в.
РЭМ 829-69; 1558-279; 12247-9

Совок и чашка
Нижегородская губ., Семеновский у.,
с. Хохлома.
Первая половина XIX в.
РЭМ 102-47, 2477-351

Игрушка глиняная
Вятская губ., слоб. Дымково.
Первая половина XIX в.
РЭМ 6677-27

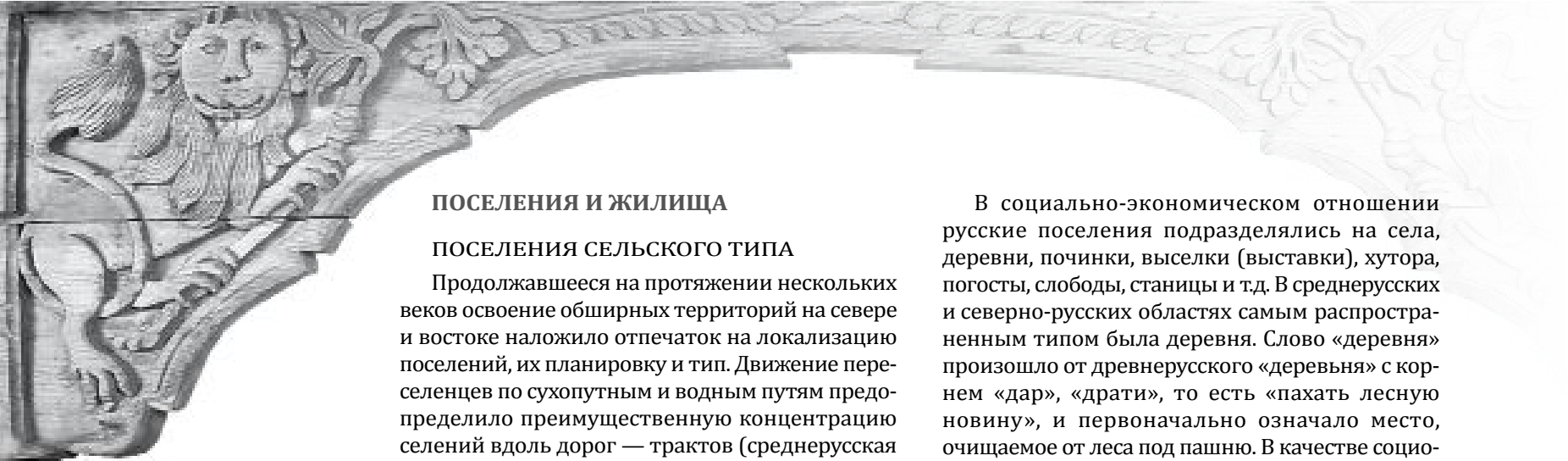
Игрушка
Московская губ.,
Богородицкий у.,
с. Богородское.
Первая половина XIX в.
РЭМ 6759-772/1, 2

Сосуд
Рязанская губ., Скопин. XX в.
РЭМ 1107-1 а, б

Ларец
Архангельская губ.,
с. Холмогоры.
Конец XVIII – начало XIX в.
РЭМ 1190-4

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Продолжавшееся на протяжении нескольких веков освоение обширных территорий на севере и востоке наложило отпечаток на локализацию поселений, их планировку и тип. Движение переселенцев по сухопутным и водным путям предопределило преимущественную концентрацию селений вдоль дорог — трактов (среднерусская полоса, южнорусские губернии) и по берегам рек и озер (Русский Север, Сибирь). Эта особенность послужила основанием для утверждения в качестве наиболее распространенной линейной (рядовой, уличной) планировки. Рядовая застройка была характерна прежде всего для малодворных, поречных и поозерных селений Русского Севера: дома ставились в одну или несколько линий вдоль дороги, берега реки или озера, при этом каждый следующий ряд был обращен фронтоном к «задам» предыдущего. Начиная с XVII века лидирующие позиции заняла уличная планировка, при которой дома в селении располагались по обеим сторонам дороги — «улицы», фронтоном друг к другу.

Следующим этапом развития стала квартално-уличная планировка как следствие роста населения в XVIII веке. Внедрению четкого плана застройки немало способствовали мероприятия правительства: в начале XVIII века было издано несколько регламентировавших ее указов, а в 1840-е годы — проектов Министерства государственных имуществ по перепланировке деревень. Кроме линейных форм планировки в конце XIX века в некоторых отдаленных местах, например, у старожильского населения Сибири, еще бытовала и наиболее древняя, известная с IX—X веков кучевая, или беспорядочная, застройка.

В социально-экономическом отношении русские поселения подразделялись на села, деревни, починки, выселки (выставки), хутора, погосты, слободы, станицы и т.д. В среднерусских и северно-русских областях самым распространенным типом была деревня. Слово «деревня» произошло от древнерусского «деревня» с корнем «дар», «драти», то есть «пахать лесную новину», и первоначально означало место, очищаемое от леса под пашню. В качестве социально-хозяйственного определения совокупности пахотной земли, сенокосов и леса, находившихся во владении одного или нескольких хозяйств (позднее общины), оно бытовало с XVI века. Представление о целостности этой административной единицы отразилось в определении северно-русского починка. Являясь разновидностью деревни и внешне не отличаясь от нее, он не имел полного комплекса угодий, ввиду того что выстраивался обычно на новых, отвоеванных у леса землях или пустошах. С образования починков, впоследствии часто превращавшихся в деревни, начиналось освоение Русского Севера, позднее причиной их возникновения служила земельная теснота. Следствием увеличения населения было возникновение и другого типа северно-русского поселения — выселок, или выставок, в отличие от починка не терявших связи с деревней, из которой они вышли, располагавшихся поблизости на ее землях и имевших с ней единую систему землепользования. В XIX веке к данному типу примыкали также хутора, которые только после столыпинской реформы обзавелись выкупленной в личную собственность землей. На севере распространенным типом поселения был также погост. Зна-

Верхняя часть ворот
крытого двора
Нижегородская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 1483-27

Северно-русская
деревня
Улица д. Лямица,
вымощенная бревнами
Архангельская губ.,
Онежский у.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2637-38

чально малодворный, он состоял из церкви, жилых и хозяйственных построек причта и кладбища, являлся центром прихода и часто со временем превращался в село, известном как тип поселения с X века. Этим словом называлось сравнительно крупное поселение с церковью, служившее для окрестных деревень центром административной, общественной, торгово-ремесленной и приходской жизни. Чаще всего в селах располагались волостное правление, почтовая станция, школа, лавка, магазин (общественное зернохранилище), больница, питейные заведения и т.п. В Южной России, где плотность населения была значительно выше, селом называлось каждое многодворное поселение. Особый территориально-административный характер имели станицы казаков, состоявшие из одного или нескольких мелких хуторов или поселков. Из неземледельческих населенных пунктов следует отметить также слободы — пригородные поселения торгово-ремесленного характера.

В административном отношении деревни и села составляли волости и приходы. Кроме того, в виду особенностей расселения северно-русские деревни образовывали «гнезда» — кусты деревень, получавших единое неофициальное название по наиболее крупному селению или рекам, на берегах которых они находились (например, «редья», «редяне» — по реке Редья Старорусского района Новгородской области; «маткома», «водога» — соответственно по названиям рек Пошехонского уезда Ярославской губернии). Такие селения имели общую систему праздников, гостеваний, гуляний молодежи, брачный круг и т.д. Более широкими, выходившими за рамки прихода и волости, были связи торгового,

условно мужского, и обетного — женского кругов. В торговый круг входили села с ярмарками, устраивавшимися один—два раза в год в дни престольных праздников, где велась торговля хлебом, скотом, промысловыми изделиями. Обетный составлял сеть почитаемых святых мест (источников, колодцев, часовен и т.д.), куда отправлялись на богомолья и по обету.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Природно-климатические и историко-культурные особенности ареала проживания русских обусловили разнообразие типов жилища, различия в его конструктивных элементах, в способах соединения с двором и в характере застройки усадьбы. Основным строительным материалом издревле служило дерево. Дом (избу или хату) рубили из целых, очищенных от коры стволов ели, сосны или плели из хвороста, а затем обмазывали глиной (юг России). Кирпичи и камень стали использоваться для крестьянского строительства только с конца XVIII века. Первые кирпичные «избы» появлялись в крупных поместьях у владельческих крестьян средней полосы России: Подмоскovie, север Тульской и Рязанской губерний. В селениях, расположенных по соседству с месторождениями камня (известняка, бутовой плиты и др.), нередко велось каменное строительство (Воронежская, Владимирская, Тульская, Московская и Новгородская губернии). Использование кирпича и камня в крестьянском строительстве хотя и не было массовым, но заметно возросло к концу XIX века. В лесистых северно-русских областях кирпичный дом являлся символом богатства и приобщенности к городской культуре, на юге же

Резное украшение избы. Деталь Архангельская губ., Онежский у. 1910 г. РЭМ 2637-64

Улица с. Увяз с распластанными для беления холстами Рязанская губ., Касимовский у. Фотография 1910 г. РЭМ 2177-2

Лицевые фасады
крестьянских изб северно-
русского типа
Ярославская губ.,
Пошехонский у.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2582-2

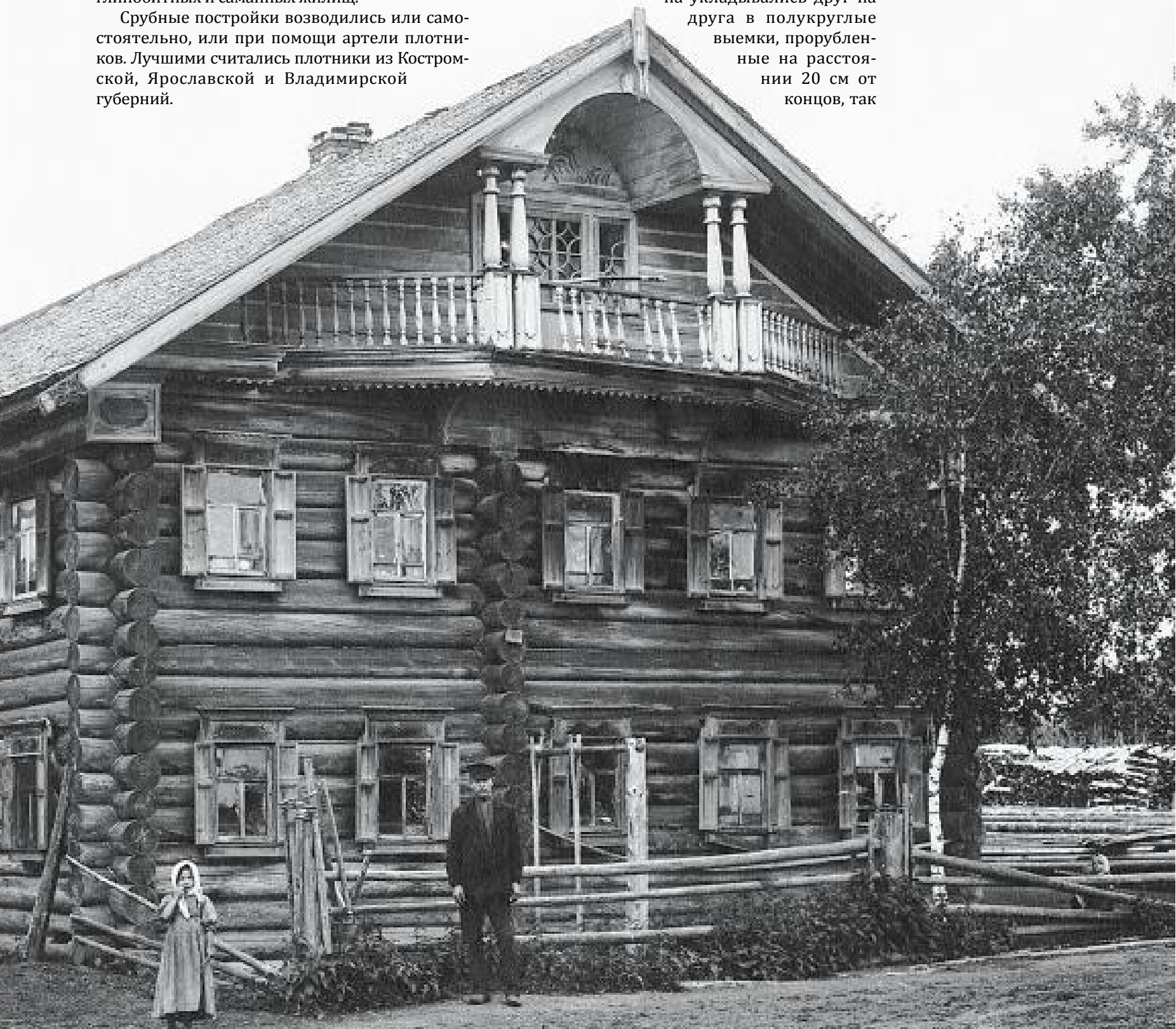

широкое распространение кирпича было обусловлено его дешевизной по сравнению со строевым лесом, а также льготными условиями страхования, установленными земством для таких построек. Дороговизной дерева было вызвано распространение у жителей Курской, Орловской и Воронежской губерний глиняной обмазки с побелкой срубных домов, строившихся из тонкого леса, а у беднейшего населения степных и лесостепных районов — турлучных, глинобитных и саманных жилищ.

Срубные постройки возводились или самостоятельно, или при помощи артели плотников. Лучшими считались плотники из Костромской, Ярославской и Владимирской губерний.

Уровень их мастерства, ритуальное оформление каждого этапа работы, связанное с комплексом представлений о тождестве судеб дома и его обитателей, а также использование различных приемов запугивания прижимистых хозяев придавали плотникам в глазах народа статус людей знающих, стоящих на границе человеческого и потустороннего миров. В строительной технике как северно-русского, так и южно-русского жилища было много общего. Чаще всего бревна укладывались друг на друга в полукруглые выемки, прорубленные на расстоянии 20 см от концов, так

Бревенчатый двухэтажный дом-двор
Ярославская губ.,
Пошехонский у.
Фотография 1915 г.
РЭМ 3498-3

что в углах сруба выступали концы бревен — «зауголки» (рубка «в угол», «в обло», «в чашку», «в коровку», «в зарубу»). Вдоль бревна делалась неглубокая борозда — паз, который утеплялся мхом, резе паклей, и прижимался следующим бревном. Основным инструментом плотника был топор, при помощи которого вытесывались доски — тес; пила для этого стала использоваться позднее. Как на севере, так и на юге фундаментом служили крупные камни, врытые в землю под углами будущего жилища, или короткие толстые столбы — «стулья», «подстолбки», а опорой для потолка — горизонтальная балка, так называемая «матица». Внутри дом обустраивали встроенной мебелью — лавками и полками для посуды и скарба (полавошниками).

Региональные особенности послужили основанием для выделения нескольких комплексов крестьянского жилища Европейской России, соответствующих историко-культурным областям: северно-русского, среднерусского, южно-русского, западнорусского регионов, Кубани и Терека, а также Дона.

Северно-русская изба ставилась на высоком нежилом (или жилом, если она строилась двухэтажной) помещении без окон — «подполье», «подклете», «подызбице», которое использовалось как кладовая или хлев.

Дом был обращен на улицу фронтоном с двускатной деревянной крышей на «самцах» (концы бревен фронтона), крытой тесом, короткой дранью — гонтом или дранкой. Двор, где располагались помещения для скота, хранилось сено, хозяйственный инвентарь, телеги, сани и др., находился под одной крышей с избой: в одних районах позади нее (однорядная связь), в других — сбоку (двурядная связь). Это давало возможность в зимний период попасть в любое хозяйственное помещение, не выходя на улицу.

В отличие от северно-русского среднерусский комплекс имел меньшие размеры и невысокий подклет, двор под отдельной крышей был ниже дома. В некоторых районах между двором и жилыми помещениями делалось небольшое открытое пространство (полузакрытый двор), а крыша крылась соломой.

Близок к первым двум и западнорусский комплекс, отличавшийся прежде всего трехрядной застройкой двора: с одной стороны от избы — крытый двор, с другой на некотором

Лицевой фасад северно-русского дома-двора
Деталь

расстоянии — ряд хозяйственных построек, пространство между которыми огорожено забором. Яркой особенностью внешнего облика домов на Русском Севере и в верхне- и средневолжских областях средней полосы России было обилие резных украшений, росписи, а также архитектурных деталей: резных крылечек, балконов, галерей, наличников, подзоров, причелин, карнизов, коньков и т.д.

В южнорусских районах дома ставились непосредственно на землю. Чаще всего это была рубленая из дерева «хата» под четырехскатной соломенной

крышей, с земляным или глинобитным полом. Если делался деревянный пол, он покрывал лишь небольшую часть общей площади и, как правило, служил спальным местом. К улице хата была обращена боковым фасадом, хозяйственные постройки располагались отдельно от нее и объединялись сплошной оградой с навесом, открытым внутрь широкого двора.

Лицевой фасад северно-русского дома-двора в с. Великая Губа Олонецкая губ., Петрозаводский у. Фотография 1912 г. РЭМ 2494-1

Дом и двор на высоком подклете под общей крышей из теса, укрепленной охлупнем.

Южнорусская изба
Тульская губ.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2210-6

Овин с крытым
гуменником
Ярославская губ.,
Мологский у.
Фотография XX в.
РЭМ 5294-22

Овин служил для просушки и обмолота на гуменнике (гумне, току) зернового хлеба в снопах. В отличие от риги, имевшей печь, огонь разжигался прямо в яме подовинья, а снопы устанавливались комлевой частью на толстые жерди – колосники, отделявшие второй этаж. Овин располагался обычно вдали от усадьбы, на границе с пахотной землей и имел, по народным представлениям, черты пограничного с потусторонним миром места, «хозяином» которого считался овинник. На Святки сюда приходили гадать девушки. Разжигание огня в овине и начало сушки хлебов в некоторых местах отмечалось как именины овина и сопровождалось праздничным угощением и выпивкой в чисто мужской компании. Для мальчика пребывание в овине с одной стороны было вовлечением в круг

мужских работ, с другой – испытанием на смелость и возрастную состоятельность.

Сходная организация жилого и хозяйственного пространства наблюдалась в станицах и селах Кубани и Терека. Отличие состояло лишь в том, что здесь преобладали глинобитные жилища, а крышу могли крыть не только соломой, но и камышом. На Дону бытовало два типа жилища. Первый — казацкий многокомнатный деревянный дом на высоком подклете, с четырехскатной крышей, крытой тесом, снабженный галереями. Второй — бедняцкая хата из самана под соломенной двускатной крышей. Для строительной практики русского населения Сибири были характерны типы жилых и хозяйственных построек, принесенные из Европейской

части России. Некоторые из них получили дальнейшее развитие, другие испытали влияние традиций коренного населения.

На территории расселения русских баня была известна далеко не везде, преимущественно в северных, северо-восточных, северо-западных районах и в Сибири; на остальной территории мылись в русских печках. Баня ставилась на окраине усадьбы или у воды; преобладали бани с печью-каменкой, топившейся по-черному, и двумя отходящими от нее полками для паренья.

В местах своего бытования баня считалась универсальным средством от всех болезней и играла важную роль в ритуалах жизненного цикла: при рождении ребенка, на свадьбе. Как в месте соприкосновения потустороннего и чело-

веческого миров, в ней гадали. Кроме того, ее считали местом обитания банника, обдерихи, святочиц и других «нечистых».

ИНТЕРЬЕР

Столь же разнообразной была и внутренняя планировка жилища. На всей территории России бытовали двух- и трехкамерные дома, состоящие из избы (хаты) — помещения с русской печью, сеней — неотапливаемого хозяйственного помещения и клетки (горницы, сельника) — неотапливаемого жилого помещения или кладовой. При всех различиях в размещении святого угла, положении печи и ориентации ее устья планировка жилого помещения имела одну важную особенность: печь всегда располагалась по диагонали к переднему углу. Эта диагональ разделяла в избе «чистое» и «нечистое» пространства, отделяла мужскую половину от женской.

Центром чистого был передний — «святой», или «красный», — угол, ориентированный по возможности на восток. Здесь на божнице (киоте), а нередко и по прилегающим стенам размещались иконы, стоял обеденный стол — «божья ладонь», за которым происходили каждодневные трапезы и отмечались все важнейшие события (крестины, свадьбы, похороны, календарные праздники). Расположение членов семьи за столом отражало семейную иерархию и половозрастную стратификацию. Место под иконами считалось самым почетным, в обычные дни оно принадлежало главе семьи, по праздникам сюда усаживали наиболее почитаемых гостей, например, священника. Рядом с хозяином, на «мужской» лавке, тянувшейся вдоль правой стены к выходу, садились по старшинству его сыновья, на «женской», идущей вдоль фронта, — дочери; хозяйка размещалась напротив мужа со стороны печи на приставной скамье. «Святой угол» старались выделить, украсить: его оклеивали обоями, рядом размещали лубочные картинки, литографии, позднее — фотографии родных, на божницу вешали вышитые или тканые полотенца — набожники, искусственные цветы. Наиболее пышно украшали «красный угол» в праздничные дни, когда к нарядному полотну добавлялся атрибут праздника: верба — в Вербное воскресенье, «верес» (можжевельник) — в Великий четверг, веточки березы — на Троицу и т.д.

Приблизительно четверть избы занимала русская духовая печь, традиционная для восточных славян. Ею обогревались, в ней готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, мылись (в тех местах, где не было бани), на ней спали, сушили одежду, продукты, в подпечке зимой содержали кур. Вплоть до конца XIX века у русских бытовали глинобитные печи, топившиеся по-черному; в так назы-

ваемых «курных» избах дым выходил через дверь и специальное отверстие в стене. Постепенно они были вытеснены «белыми» печами с дымоходом. В мифологическом сознании народа печь и пространство за ней наделялись свойствами границы между человеческим и потусторонним мирами. Считалось, что за печью живет домовая, прячется кикимора; в печь выкрикивали имя обмершего новорожденного, чтобы его оживить, звали потерявшуюся в лесу скотину, с печью были связаны различные лечебные и колдов-

Баня на берегу р. Волхов
Санкт-Петербургская губ.,
Новоладожский у.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2070-33

Ветряная мельница
Санкт-Петербургская губ.,
Новоладожский у.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2070-24

На севере были распространены стержневые мельницы (столбовки), поворачивавшиеся к ветру вокруг своей оси всем корпусом; на юге и в средней полосе — шатровые, у которых подвижной была только крыша с крыльями.

«Красный угол» избы
Орловская губ.,
Брянский у.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1319-7

Передний левый угол
избы с зыбкой
Архангельская губ.,
Онежский у.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2637-86

ские практики. От устья печи до передней стены тянулась женская половина дома (бабий кут, печь, середа, чулан), на которой готовилась пища и хранилась утварь для стряпни, иногда она отделялась занавесом или дощатой перегородкой. За печью вдоль боковой стены шла судная лавка (залавок), под ней располагался шкафчик для кухонной посуды и съестных припасов — судница (залавошник), над ней вешали полки для столовой посуды — грядки, над которыми на полке-половошнике располагали крупную кухонную утварь: опарницы, решета, сита, кринки, корытца, ступы, подойники и т.д. На полу под лавкой ставились ведра, чугуны, деревянные кадки. Около устья печи, под рукой, хранились необходимые печные приспособления: помело, хлебная лопата, кочерга, ухват и сковородник (чапля). У печного столба вешался шкафчик для чайной посуды. В северно-среднерусских домах, имевших подклет, к печи был пристроен голбец (казенка, каржина) — вход в подполье в виде шкафа или ящика из досок. Также женской считалась долгая лавка, расположенная вдоль боковой стены дома. Сидя на ней, женщины пряли, шили, ткали, тут же висела детская люлька. Зайти мужчине в бабий

кут считалось зазорным, а постороннему даже просто заглянуть туда — оскорбительным. Сходной запретной и даже опасной для мужчин семантикой наделялась и женская утварь.

Мужская половина дома начиналась с правой стороны от двери с широкой лавки, огороженной с боков досками, вырезанными в форме конской головы, — коника (кутника). Под ней нередко делали шкафчик для хранения инструментов для различных мужских работ. Здесь хозяин занимался починкой утвари, мелкого инвентаря, плетением или шитьем обуви. На нее же присаживались зашедшие на короткий срок гости. В задней части избы на боковой лавке мужчины отдыхали днем и спали ночью. Остальные места для сна также были регламентированы. На Русском Севере на полатах — настиле из досок, тянувшемся от печи к боковой стене на высоте человеческого роста, — спали дети и молодежь; под полатами на лавке, к которой придвигалась широкая скамья, а позднее на кровати спали хозяин с хозяйкой, на печи или голбце укладывались старики. Но нередко вся семья спала на соломенных тюфяках прямо на полу. На западе расселения русских, где особенность внутренней планировки перемещала

Подовой – задний правый угол избы с печью
Рязанская губ.,
Касимовский у., с. Увяз.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-13 в

Внутреннее устройство
хлебного амбара
Рязанская губ.,
Касимовский у., с. Увяз.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-28

Амбар являлся универсальным хранилищем всего движимого имущества и продовольственных запасов крестьянской семьи. Его строили из толстых бревен, с прочным потолком и полом, находившемся на высоте около полутора метров от земли. Вдоль стен располагались сусеки, или закрома, – не имевшие дна ящики для хранения зерна и муки, ставившиеся иногда в два яруса, при этом ширина нижнего ряда почти вдвое превышала ширину верхнего.

хозяйственную женскую зону ко входу, спальные места (примост, пол), над которыми также делались полаты, располагались за печью, тут же вешалась люлька. На юге, где жилище ставилось к улице длинной стороной, пол размещали также от печи, но по боковой, короткой стене хаты.

Жилые помещения освещались лучиной, закреплявшейся в светец, на юге — жирником (глиняной плоской с фитилем). Свечи использовались редко, чаще в зажиточных семьях или по праздникам во время молитвы. В конце XIX — начале XX века с развитием в деревне товарно-денежных отношений и под воздействием городского образа жизни широко распространились керосиновые лампы. С влиянием города связано было также появление в интерьере подвижной мебели — столиков, стульев, кровати, шкафов, комодов, деревянных диванов и т.д. В «моду» вошли занавески на окнах, коврики, зеркала, скатерти на столах, цветы и др.

Светец
Архангельская губ. Конец XIX в.
РЭМ 2345-63

Старик, молодая
замужняя женщина
в праздничном наряде
и дети
Орловская губ.,
Севский у.
Фотография 1904 г.
РЭМ 759-29

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Костюм русского крестьянства имел яркую этническую специфику и характеризовался многочисленностью типов и вариантов, хотя и был довольно единообразен на всем огромном пространстве. В наибольшей степени это утверждение верно по отношению к мужской одежде, состоявшей из рубахи-косоворотки, выпускавшейся поверх штанов и подпоясанной, суконной или валяной шапки (позднее, картуза), сапог или лаптей. Региональные отличия наблюдались только в расположении орнамента, в цветовой гамме, форме головного убора и технике плетения пояса. Много общего было и в верхней

одежде. По всей России мужчины и женщины зимой носили шубы, полушубки, тулупы, а в осенне-зимний период и весной — кафтаны, зипуны, армяки, понитки и т.п. Основная региональная специфика заключалась в женском костюме, подразделявшемся на четыре комплекса: два основных и два узколокальных. При этом бытовало множество вариантов и переходных форм.

Основой северно-русского комплекса был сарафан, который носили с рубахой и нагрудной одеждой — нарукавниками, душегрейкой, или шугаем. Дополнял его кокошник у женщин и венец у девушек, а также кожаная, реже лыковая обувь. Данный комплекс был распространен в

северных и центральных губерниях, а также в низовьях Волги, в Приуралье, Сибири и на Алтае. Он сложился в боярской среде приблизительно в XVI веке и в допетровское время был одеждой как высших слоев общества, так и простонародья. Наиболее богат он был на территории Архангельской губернии, в XVII веке активно участвовавшей в торговле с Европой.

В основе южнорусского комплекса была понева — поясная одежда, сшитая из нескольких шерстяных полотнищ. К ней полагалась рубаха, нагрудник-навершник, шушун, костолан, или завеска, запон — род передника с рукавами или без, сорока на голове у женщин, повязка — у девушек, а также кожаная или лыковая обувь. С учетом разнообразных вариаций кроя и украшения такой костюм был распространен к югу от Москвы: в Рязанской, Калужской, Тульской, Курской, Орловской, Тамбовской и других губерниях. Он значительно древнее сарафанного комплекса, отдельные его элементы известны с XIII—XV веков, при этом и территория его бытования ранее была гораздо шире. Значительное ее сокращение отмечалось и на протяжении XIX века. Понева вытеснялась сарафаном как более удобной, престижной и модной одеждой. В то же время и сам сарафан вытеснялся одеждой городского покроя: ситцевыми, а нередко шерстяными и шелковыми платьями или юбками с кофтой. Новая одежда входила в традицию постепенно, и на рубеже XIX—XX веков в некоторых южнорусских губерниях пожилые женщины были одеты в поневы, женщины сорока лет — в сарафаны, а молодежь — в фабричные городские вещи.

Соседствовавший с поневным в ряде южнорусских губерний, но распространенный локально, третий комплекс женской одежды состоял из шерстяной полосатой, реже однотонной юбки (андарака), рубахи с высоким пристегивающимся воротником, короткой жилетки, широкого пояса и кокошника. Его носили женщины в однодворческих селах, принадлежавших ранее служилому сословию, расселенному на южных границах Московской Руси в XVI—XVII веках. Комплекс с кубельком (длинным расшитым платьем в талию, дополненным металлическим поясом) также имел локальное бытование в станицах низовий Дона. Сложился он у казачьего населения под влиянием костюма народов Северного Кавказа и носился с рубахой, колпаком, надевавшимся на косу, и с тонким покрывалом на голове.

Изначально материалом для изготовления одежды были льняная, конопляная (на юге) и шерстяная ткань домашнего производства, позднее все более в обиход стали входить покупные фабричные ткани. С их распространением появилась и ежегодно менявшаяся мода

на расцветки. Так, в один год девушки выходили на весенние гулянья в малиновом сарафанах, а на следующий — в голубых. Праздничный костюм шился из дорогих тканей, богато украшался вышивкой, полосами узорного тканья, кружевом, лентами, тесьмой, блестками, битью, канителью и др. Необходимым дополнением к костюму каждого из комплексов были соответствующие украшения: серьги, кольца, браслеты, ожерелья, цепочки, бисерные гайтаны. Сходные украшения (за исключением серег) носили юноши.

Костюм не только соответствовал этическим воззрениям и представлениям о красоте, но и был важной составляющей достатка. Одежду берегли, копили и передавали из поколения в

Молодые женщины в праздничных костюмах Орловская губ. Фотография 1900-х гг. РЭМ Ф 480-6

Три девушки
в праздничных
костюмах среди
жителей деревни
Тульская губ.
Фотография 1900-х гг.
РЭМ 757-42

Мужской
праздничный костюм
Семипалатинская губ.
XIX в.
Из собрания РЭМ

Костюм
молодой женщины
Костромская губ.
Конец XVIII – начало XIX в.
Из собрания РЭМ

Костюм
молодого мужчины
Уральские казаки.
Первая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Праздничный костюм
молодого мужчины
Тульская губ.
Первая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Костюм молодой женщины
Уральские казаки.
Первая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Воскресный костюм
молодой крестьянки
Центральные районы России
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Костюм молодой женщины
Рязанская губ.
Вторая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Молодая женщина
в зимнем праздничном
наряде
Олонецкая губ.,
Каргопольский у.
Фотография 1909 г.
РЭМ 5765-5

Девушка в летнем
праздничном наряде
Олонецкая губ.,
Каргопольский у.
Фотография 1909 г.
РЭМ 5765-1

Женщина
в праздничном костюме
Тульская губ., Новосильский у.,
Нижне-Залегощенская вол.,
с. Вышня Залегощь.
Фотография 1902 г.
РЭМ 757-43

Замужняя женщина
в праздничном костюме
Тульская губ., Новосильский у.,
Нижне-Залегощенская вол.,
с. Вышня Залегощь.
Фотография 1902 г.
РЭМ 757-44

Старуха в повседневной одежде
Рязанская губ.,
Касимовский у.,
д. Большие Паксёлы.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-96

Костюм замужней
женщины (с поневой)
и девушки
Орловская губ.,
Дмитровский у.,
с. Морево.
Фотография 1904 г.
РЭМ 759-25 а

поколение. Богатая и разнообразная одежда повышала брачный статус как девушки, так и юноши и демонстрировалась во время молодежных гуляний. Наличие того или иного элемента гардероба специально оговаривалось при свадебных сговорах. Существовали четкие различия в костюме по половозрастному и социальному принципу, перемены в нем отражали все важнейшие изменения в статусе. Особенно это было характерно для женского костюма, по которому наблюдатель всегда мог определить, кто перед ним: девочка, девушка, невеста, замужняя женщина, старая дева, вдова или солдатка. В некоторых южнорусских районах характер украшений на поневе мог сообщить о наличии детей или внуков, а также о местности, из которой женщина вышла замуж. По одежде и ее атрибутике выделялись представители различных деревенских специальностей: пастухи, коновалы, пасечники и др. В каждой семье также использовались разные комплекты одежды или ее элементы для тех или иных хозяйственных обязанностей и ритуальных нужд. Хранящуюся весь год в сундуке жатвенную рубаху женщины надевали при уборке зерновых, теревить лен отправлялись

Женский и девичий
костюмы
Орловская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

в рубахе ленок (Южная Россия), на сенокос — в покоснице и т.д. Ритуальной становилась, как правило, более старая по покрою и материалу, вышедшая из моды одежда. Так, например, в некоторых местах Курской губернии на гулянья с Пасхи до Троицы женщины обязательно надевали поневы, которые в других случаях не носили. В Воронежской губернии «проводжали русалку» женщины в костюмах своих бабушек. Широко распространена была старинная свадебная, похоронная, траурная, постная, а у старооб-

Крестьянин в азяме, подпоясанном кушаком
Вологодская губ.,
Сольвычегодский у.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2266-61

Замужняя женщина
в рубахе, поневе
и рогатой сороке
Рязанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-803

Сорока (кичка, рога) — один из архаичных женских головных уборов, форма которого связана с магией плодородия. Первое обрядовое надевание сороки происходило в день венчания или после брачной ночи и сопровождалось пением печальных песен-плачей. В XIX в. сороку, имевшую распространение преимущественно в южнорусских губерниях, носили только крестьянки.

рядцев — молитвенная одежда. В некоторых южнорусских областях для каждого важного праздника (Пасхи, двенадцатого, великого, престольного), а также для воскресного посещения церкви существовал свой костюм.

На протяжении веков изготовление одежды для всех членов семьи было важнейшей из женских хозяйственных обязанностей. До массового распространения фабричных тканей хозяйка должна была вырастить, собрать, обработать лен или коноплю (на юге), напрядь из кудели нитей, наткать несколько видов полотна, отбелить его или покрасить и сшить верхнюю и нательную одежду. Чтобы полностью удовлетворить нужды семьи, в год нужно было изготовить 120 м ткани. Для переработки льна и конопли использовались разнообразные орудия: для обмолота — вальки или доски; для изготовления волокна — мялки, трепала, гребни или щетки; для его прядения — прялки с веретенами; для снования основы — вьюшки, мотвила, сновалки; для тканья — кросна и т.д.

Молодая женщина
в северно-русском
костюме: головном
уборе — колпачке,
пестрядинной
рубашке и ситцевом
сарафане
Вологодская губ.,
Сольвычегодский у.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2313-9/2

Семья за ужином
Рязанская губ.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3184-14

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

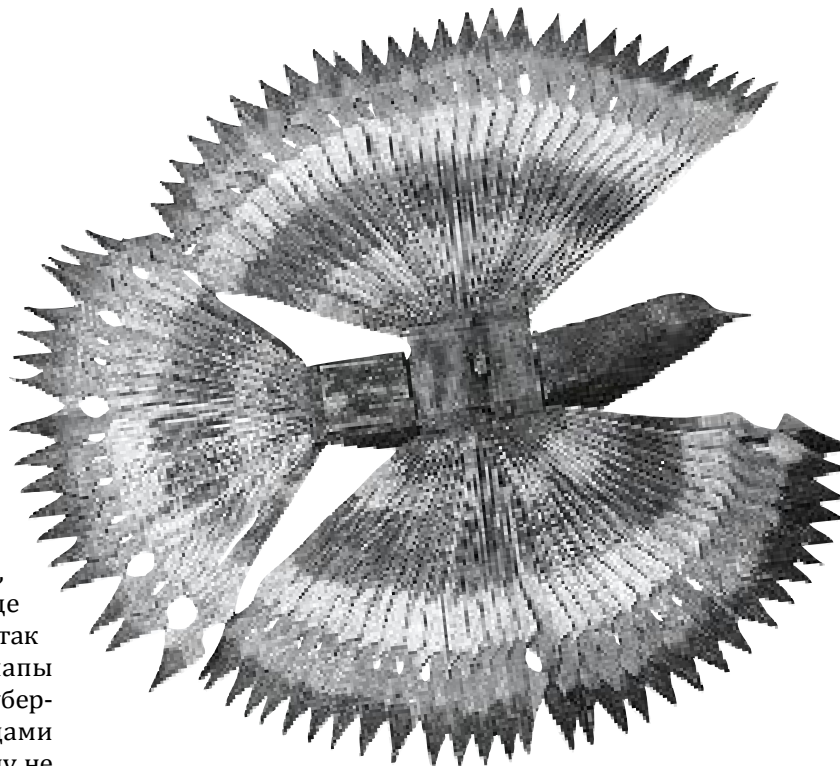
ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Преимущественно земледельческая направленность хозяйства, а также связанные с устройством русской печи способы приготовления и заготовки продуктов питания предопределили относительную общность русских кулинарных традиций. Тем не менее существовали и региональные особенности. Среди таковых — ведущая роль рыбы в рационе у промыслового населения Севера и Сибири (поморы говорили: «Безрыбье хуже бесхлебья»), разнообразие овощей на юге, а также заимствованные в прошлом у соседних неславянских народов блюда на окраинах России (например, пельмени в Сибири и Приуралье). Основой питания с древнейших времен был дрожжевой хлеб, на севере и в средне-русской полосе преимущественно ржаной, иногда с добавлением ячменя, на юге — пшеничный. Из муки, намолотой из ржи, пшеницы, ячменя, гречи, овса, также пекли разнообразные пироги, лепешки, блины, оладьи и др. Муку наравне с крупами добавляли в похлебки, делали из нее заправки для кислых щей, кисель, квас. Известная у русских тюрка (тюрька) также делалась из хлеба: кусочки ржаного хлеба заливали квасом или водой, иногда с добавлением чеснока или конопляного масла. В широком употребле-

нии были щи (из свежей или кислой капусты с мясом, рыбой, грибами), разнообразные похлебки и каши (не только из злаковых, но и из бобовых), а со второй половины XIX века — картофель. В беднейших семьях Верхнего Поволжья хлеб и картофель (вареный, жареный, тушеный) составляли весь будничный рацион. Место картофеля до его широкого распространения (а у некоторых групп старообрядцев, считавших его употребление грехом, и на рубеже XIX—XX веков) занимала репа, подававшаяся на стол в пареном и вареном виде. Во время весенне-летнего голодного времени в пищу шел лук, а также летние заготовки: соленые грибы, репе огурцы, квашеная капуста, моченые и сушеные фрукты (яблоки и ягоды), мед. На севере главным продуктом заготовки была рыба: ее солили, сушили в печи и на солнце, вялили и квасили. Яйца считались лакомством. Мяса в большинстве случаев русские крестьяне ели очень мало, в основном по праздникам в осенне-зимний период. Такое положение дел было связано как с обилием постов, так и с немногочисленностью поголовья скота в хозяйстве, а также с пищевыми запретами. Чаще всего в пищу шли говядина и баранина, телятину ели редко, объясняя это в одних случаях жалостью, в других — хозяйственной рачительностью. Свиноина начала входить в рацион только в конце XIX века и то

как праздничное блюдо в богатых семьях. Особенно долго запрета употреблять в пищу свиное мясо придерживались на Русском Севере. Крестьяне Олонецкой губернии считали свинью нечистым животным из-за того, что она ест падаль, а старообрядцы видели в употреблении ее мяса грех. Таким же редким продуктом на русском столе было и свиное сало, чаще его перетапливали и использовали для жарки. Нечистыми, а значит запретными, считались конина, кошачье и собачье мясо, мясо хищных животных и птиц. Не везде допускалось в пищу беличье и заячье мясо, так как у зайца кошачья морда и собачьи лапы (Рязанская, Вологодская, Архангельская губернии). Голубей считали «божьими» птицами (Святой Дух явился в виде голубя) и потому не употребляли в пищу. Лебедей не ели из жалости, журавлей — из-за их уродства, в некоторых местах не ели перепелов (Нижегородская губерния), петухов (Олонецкая, Вологодская губернии), а на юго-западе Ярославской губернии — даже кур, мясо которых считалось непитательным. Брезговали есть раков — «чертовых вшей», угрей, так как они похожи на змей, и т.д.

Среди излюбленных напитков, подававшихся в будние дни и по праздникам, следует отметить квас, пиво, брагу и чай. Последний прочно вошел в традицию со второй половины XIX века. Самовар и чайная посуда являлись признаками престижа и богатства, за столом чай разливал сам хозяин, он же наделял каждого сахаром. Старообрядцы Нижегородской губернии считали

«Дух»
в виде голубя
Вятская губ.
Начало XX в.
РЭМ 4051-18

питье чая и даже кипяченной в самоваре воды грехом, а самовар называли «антихристово брюхо».

Пищу принимали 3—4 раза в день: около семи утра — завтрак, в полдень — обед, около пяти часов — паузин и в восемь вечера — ужин. Стол определялся постным, скоромным или праздничным временем. В зависимости от этого в обед подавалось от трех до пятнадцати блюд, обязательно — щи или похлебка, каша и картофель. Завтрак был легким, на ужин подавали то, что осталось от обеда. В качестве промежуточного приема пищи между обедом и ужином мог выступать и «чай».

Обед на жниве.
Доставка в поле
питьевой воды
Тульская губ.
Фотография 1904 г.
РЭМ 924-4

Просушка и
сортировка картофеля
Владимирская губ.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3307-95/2

УТВАРЬ

В значительном разнообразии бытовала утварь для приготовления, потребления и хранения пищевых продуктов. Запасы хранились в туесах из бересты, лукошках, бочках, кадках, ларях и т.д. Тесто замешивали в квашнях (бондарных, долбленых, керамических) мутовкой или веселкой, испеченный хлеб укладывали в лари, небольшие кадки с крышкой или лубяные хлебницы. Молочные продукты хранили в глиняных кринках. Пища варилась, парилась, тушилась в глиняных горшках с керамическими крышками (позднее чугунах), жарилась на керамических и металлических сковородах (плошках, лотках). На стол еду подавали в общей деревянной или глиняной миске (чашке), из которой каждый зачерпывал своей ложкой. Тарелки, а также столовые вилки и ножи появились только в конце XIX века под столичным влиянием в местах регулярного отхода населения на заработки. В некоторых районах существовали постный и скоромный наборы посуды. На праздничных столах появлялась и особая утварь: скобкари, ендывы и братины для питья пива и вина.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Хозяйственной, общественной и семейно-бытовой жизнью русской деревни руководила сельская поземельная община — «мир». Существование ее прослеживается еще в «Русской правде» — юридическом документе XII века. Первоначальное юридическое оформление община получила в конце XVIII века, а окончательно в законодательстве общинное устройство в его взаимосвязи с объединенным государственным управлением было утверждено после реформ 1861 года. С давних пор община была основой организации земледельческого производства. Земельные угодья — пашни, луга, лес — рассматривались крестьянами как общинное владение, пользование им осуществлялось на основании обычного права, в основе которого лежал принцип потомственного владения двором, усадебной землей и правом на часть общинных угодий при их перераспределении. Земля делилась на узкие полосы, разграниченные

Кринка
для молока
Алтайский край
Начало XX в.
РЭМ 8525-64

Рукомойник
Тобольская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 9-4

Кофейник
Новгородская губ.
XX в.
РЭМ 7724-8

Как всякая посуда, кринка отождествлялась с человеком, что отражено, в первую очередь, в терминологии: горло, носик, тулово, губа.

Девушку, утратившую невинность до замужества, называли «криночка»; беременная в загадках описывалась через образ кринки:

«Под полом, под полом стоит кринка с творогом». Вероятно, женская тема усилена семантикой слов «молоко» и «творог», которые в народной «эмбриологии» осмыслились как основа, на которой замешивается тело младенца и, соответственно, сам плод выступал как результат створаживания молока.

Самовар
Тульская губ.
XX в.
Из собрания РЭМ

Солонка
Олонецкая губ.
Начало XX в.
РЭМ 5801-1

Чайник
Архангельская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8116-100/а,б

неглубокими канавками — межами, в зависимости от числа мужских душ в общине, и каждый хозяин вытаскивал соответствовавшее числу душ в его семье число жеребьев с обозначением полос. При этом старались, чтобы полосы не располагались рядом — так соблюдалось условие равноправия. Возглавлялась община собранием женатых мужчин-домохозяев — сходом, имевшим несколько ступеней: селенный (если община состояла из нескольких деревень), сельский и волостной, который избирал должностных лиц как посредников между общиной и государством: сельских старост, старшин, десятских, сотских и т.д., утверждавшихся местной администрацией. Сход раскладывал государственные, земские и церковные повинности, следил за их исполнением, распоряжался выморочными или свободными земельными угодьями, раз в пять—двадцать лет перераспределял землю, рассматривал вопросы внутридеревенского строительства, размежевания, расширения или переноса усадьбы. Без его утверждения не могли быть осуществлены никакие операции с недвижимостью. Кроме того, сход защищал общинные угодья от внешних посягательств и принимал в общину новых поселенцев. Все важнейшие вопросы крестьянской жизни решались на сходах. Так, например, в начале Великого поста хозяева, собравшись вместе, назначали время пахоты, сева, выбирали доверенного человека со счастливой («легкой») рукой, которому предстояло сделать «зачин», принимали решение о нерабочих днях и сроках общественных молебнов. Нарушителей постановлений схода отслеживали и немилосердно наказывали штрафами, так как считалось, что тот, кто раньше установленного срока начал пахать, сеять или работал в праздники, мог навлечь наказание Божье в виде заморозков, засухи, града и т.п. на жителей всей деревни. Помимо социохозяйственных функций община выполняла и этические: осуществляла опеку над сиротами и одинокими стариками, следила за порядком и нравственностью (поведением молодежи, отношением детей к родителям, жен к мужьям и т.д.), определяла формы общественного и соседского поведения и в целом поддерживала традиционную половозрастную стратификацию. Существовавшая когда-то в прошлом судебная власть схода перешла в пореформенный период к волостному суду в лице старшины и волостного писаря, решавшему семейные и денежные споры между крестьянами как на основании государственных законов, так и обычного права.

СЕМЬЯ

У русских различалось несколько основных типов семьи: малые семьи, состоящие из двух поколений родственников по прямой линии (родители—дети); большие, или неразделенные, объединявшие два-три или четыре поколения, а иногда родственников по прямой и боковой линиям и свойственников (отцовские, братские, дядья с племянниками); семьи складнические, договорные, объединявшие как родных, так и неродных людей вследствие хозяйственной необходимости. Издревле почти повсеместно господствовала малая семья, большая возникла при разрастании малой и исчезала при ее распаде или разделе. Наибольшее число неразделенных семей встречалось в XIX веке в средней и южной полосе России ввиду прева-лирования там чисто земледельческого хозяй-ства и системы барщины в помещичьем зем-левладении.

Брачные связи имели узколокальный харак-тер: преобладали браки в своей и соседних

деревнях. При этом соизмерялись с запретом на близкородственные браки (до шести—семи сте-пеней родства), браки со свойственниками и лицами, с которыми состояли в духовном род-стве (кумовьями). При выборе брачного парт-нера большое значение имело участие роди-телей и общественное мнение. В предпочтениях брали верх соображения «хорошего рода» («доброй славы»), социального равенства моло-дых и вопросы материальной выгоды. Брачный возраст и формы заключения брака имели зна-чительные локальные варьирования.

В основе воззрений на семью и брачное со-стояние лежали понятия общественной морали, они же определяли характер брачных отноше-ний. Не состоящий в браке взрослый человек в глазах общества выглядел неполноценным, а иногда и безнравственным. Безбрачие осужда-лось так же, как бездетность, считалось наказа-нием Божьим, следствием пренебрежения какими-либо сакральными правилами и даже могло рассматриваться как нарушение половой

Крестьянская семья,
три поколения
Рязанская губ.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-98

На с. 80

Сельский староста
Владимирская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3307-198

Сельские должностные
лица: старшина,
староста, сборщик
податей, сотский
Олонецкая губ.
Фотография 1901 г.
РЭМ 63-24

Крестьянская сходка
Владимирская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3307-196

идентичности. При таком подходе в русской деревне существовал высокий процент брачности, вне круга женатых оставались только очень бедные, явные калеки, слабоумные или же те, кто имел склонность к образу жизни, близкому к монашескому. Но если для женщины, при всей тяжести доли старой девы, был путь полноценной реализации в данном статусе — приобретение общественнозначимых функций «чернички» или «монашенки», заключавшихся в деятельном участии в похоронных обрядах — чтении Псалтыри по умершим, обмывании и оплакивании покойников, а также в обучении детей грамоте, то для мужчины статус холостяка, бобыля был однозначно оскорбительным, и даже если причиной его были религиозные наклонности, указывал на неполноценность. Брак, семья, дети обеспечивали мужчине положение в обществе, только женатому полагался земельный надел, а поэтому только он мог на полных основаниях участвовать в принятии важных решений на сходе и занимать общественные должности.

Брак как единственно возможный нравственный путь жизни мирянина считался священным союзом, присягой перед Богом. В Ярославской губернии вступить в брак, повенчаться означало «принять закон», то есть особую ответственность, обязательство во взаимопомощи и верности. Поэтому и измена жены мужу здесь счи-

талась значительно большим грехом, чем прелюбодеяние девушки. Супруги, связанные в единое целое («Муж и жена — одна сатана») при жизни, должны были, по народным представлениям, провести вместе и посмертное существование. За тем, как протекала их совместная жизнь, как строились семейные отношения, следило сельское общество, соответственный контроль осуществляли также церковь и государство. По гражданскому закону и нормам обычного права супруги должны были жить вместе и вести совместное хозяйство. Муж обязывался содержать жену, жена — быть ему помощницей во всех начинаниях. Нерадивого мужа, ушедшего на заработки и не присылавшего денег, решение волостного суда могло обязать содержать семью или вытребовать по этапу домой; жену, сбежавшую от мужа, водворяло обратно, за повторные попытки наказывало розгами. Супруга, разорявшего хозяйство, уличенного в мотовстве и пьянстве, могли отстранить от главенства и передать право распоряжаться собственностью жене или старшему сыну. В случае непримиримых отношений волостной суд мог выдать супруге отдельный вид на жительство, но развод, находившийся в компетенции церковных властей (Синода), считался грехом и был редким явлением, причем неспособность одного из супругов к совместной жизни (например,

На с. 83

Семья
Вологодская губ.,
Сольвычегодский у.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2266-5

Отец с сыновьями
Рязанская губ.,
Касимовский у.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-97

вследствие болезни) в расчет не принималась. К повторным бракам существовало двойное отношение: одобрительное, когда они совершались по необходимости — на хозяйстве оставалась молодая вдова или вдовец с детьми, и без мужских или женских рук хозяйству грозило разорение, а семье — нищета; и осуждающее, когда женился пожилой вдовец, имевший взрослых сыновей. Свататься разрешалось по окончании шестинедельного траура, вдовый супруг, не выждавший положенного срока, строго осуждался общественным мнением. Всего же, по народным представлениям, вступать в брак можно было не более трех раз.

Главной функцией семьи было рождение и воспитание детей, только в этом случае брак признавался настоящим и нравственным, а супруги — угодными Богу. Именно в этом качестве семья выполняла свою основную функцию — обеспечение преемственности знаний, опыта, культуры, нравственных ценностей, а также могла быть полноценной хозяйственно-производственной единицей, так как наличие разных половозрастных страт обеспечивало четкое выполнение всех необходимых хозяйственных работ. С ранних лет детям старались привить любовь и привычку к труду, без которой они не смогли бы выжить в деревне. Привлекая к соответствующим возрасту и полу работам,

Дети деревни Полнина
Орловская губ.,
Брянский у.
Фотография 1904 г.
РЭМ 759-34

«каждой трудности давали понемногу», поэтизировали труд, соединяли его сначала с игрой, а затем и с личной заинтересованностью в результатах. Ребенка, участвовавшего в трудовом процессе, всегда поощряли, но не перехваливали. Особое значение в трудовом воспитании имело общественное мнение с его высокой оценкой трудолюбия и порицанием лени, а также коллективы сверстников, в которых степень овладения трудовыми навыками выступала показателем половозрастной состоятельности и при переходе в группу молодежи увеличивала брачную привлекательность. К 14—15 годам дети овладевали полным набором хозяйственных умений, необходимым для самостоятельной жизни.

Труд определял и иерархию семейных отношений. Производителем, то есть приносящим семье доход и пропитание, признавался прежде всего мужской труд, поэтому мужчина выступал и единственным собственником семейного имущества, основной составляющей которого была земля, и главным распорядителем в семье. При увеличении доли женского труда в малой семье, особенно в районах, охваченных отходом, начала возрастать роль женщины-хозяйки, на которую кроме производственных функций перешел контроль за денежными средствами, формальное руководство в семье и право представительства на сходе в отсутствие мужа, а наряду с этим и некоторые мужские привилегии (например, в Костромской губернии — посе-

щение тракторов, считавшееся в других местах неприличным).

Вся деятельность традиционной семьи подчинялась отцу или деду, называвшемуся в неразделенной семье большаком. Он брал на себя всю тяжесть ответственности за благополучие семьи, главные административные функции, представлял ее интересы перед обществом, заключал сделки и договоры, распоряжался по своему усмотрению всем семейным имуществом (за исключением приданого жены, которым мог воспользоваться только с ее согласия, приданого невесток, деньгами, заработанными в «отходе» младшими членами семьи и т.д.). В случае раздела семьи и дележа имущества он определял размер доли каждого из сыновей (реже — дочерей), исчисляя ее по принципу участия в общем трудовом процессе как его самого, так и его жены и детей. Большак в отцовской семье принимал единоличные решения и советовался с кем-либо из домочадцев лишь по своему желанию; в братской должен был обсуждать каждый важный для семьи шаг с другими женатыми мужчинами. На главе семьи лежала ответственность и за поведение ее членов. В глазах общества именно он должен был приструнить или «поучить», то есть соответственно наказать своих родственников в случае нарушения ими общественных норм. В старости большак передавал большинство старшему сыну, хотя часто в большей степени руководствовались способностями и навыками кандидата, чем его возрастом.

Второй по значимости в доме была хозяйка-большуха. Она руководила распределением работ между невестками. Сама же брала на себя чаще всего приготовление пищи, а иногда ограничивалась только выпечкой хлеба. В ее обязанности входило также заготавливать впрок продукты и следить за припасами. Лучшей женой и хорошей хозяйкой признавалась не только умелая в стряпне и различных работах, но, прежде всего, экономная, рачительная женщина, которая не портила продукты и берегла мужу заработанную копейку. В обязанности матери входило нравственное воспитание детей. С двух—трех лет она учила их креститься, с четырех—пяти — твердить коротенькие молитвы. В дальнейшем именно с нее, как с главной воспитательницы, спрашивали за поведение дочери (воспитание сына старше десяти лет перекладывалось на отца). Мир и лад в семье строились на авторитете старших, уважении и на беспрекословном подчинении младших старшим. Это относилось и к порядку отношений между детьми в семье.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Свойственное семье распределение ролей, обязанностей и прав в соответствии с полом и возрастом было характерно для стратификации деревенского общества в целом. Патриархальная ориентация его проявлялась в большем социально-правовом весе мужчины. Кроме того, традиционное сознание подразумевало наличие у хозяина качеств, обеспечивавших ему внутреннюю цельность, уравновешенность и разумность

по сравнению с женщиной, а в мифологическом плане сравнительную защищенность от влияния потустороннего мира, а также обрядовую «чистоту» (например, позволявшую входить в алтарь) в противовес женской «нечистоте». В ритуальных и магических практиках «мужское» считалось счастливым (встреча с мужчиной при выезде в поле для начала работ — к удаче, с женщиной — к неудаче), а рождение мальчика, часто более желанного, знаменовало приращение богатства (в реальности ему полагался душевой надел). Связанные с этим общественные ожидания отразились в мужских ритуальных функциях, многие из которых были направлены на выделение из природного пространства «человеческого» и поддержание целостности его границ. В основе деления на возрастные группы — дети (младенцы, дети, отроки), молодежь, женатые, старики — были как физиологические признаки вхождения в тот или иной возраст, так и социокультурные, среди которых — способность к труду, овладение тем или иным навыком, наличие детей или внуков и т.д. Переход из одного возраста в другой отмечался обрядом, имевшим смысл доделывания (родильная обрядность), изменения социального статуса посредством корректировки внешнего облика: изменяли прическу (постриги, манипуляции с волосами в ходе свадьбы), головной убор, вводили новые возрастные элементы костюма (например, поневу для девушки, вошедшей в возраст невесты) и т.д. Постепенное стирание гендерных границ, с точки зрения народной мифо-

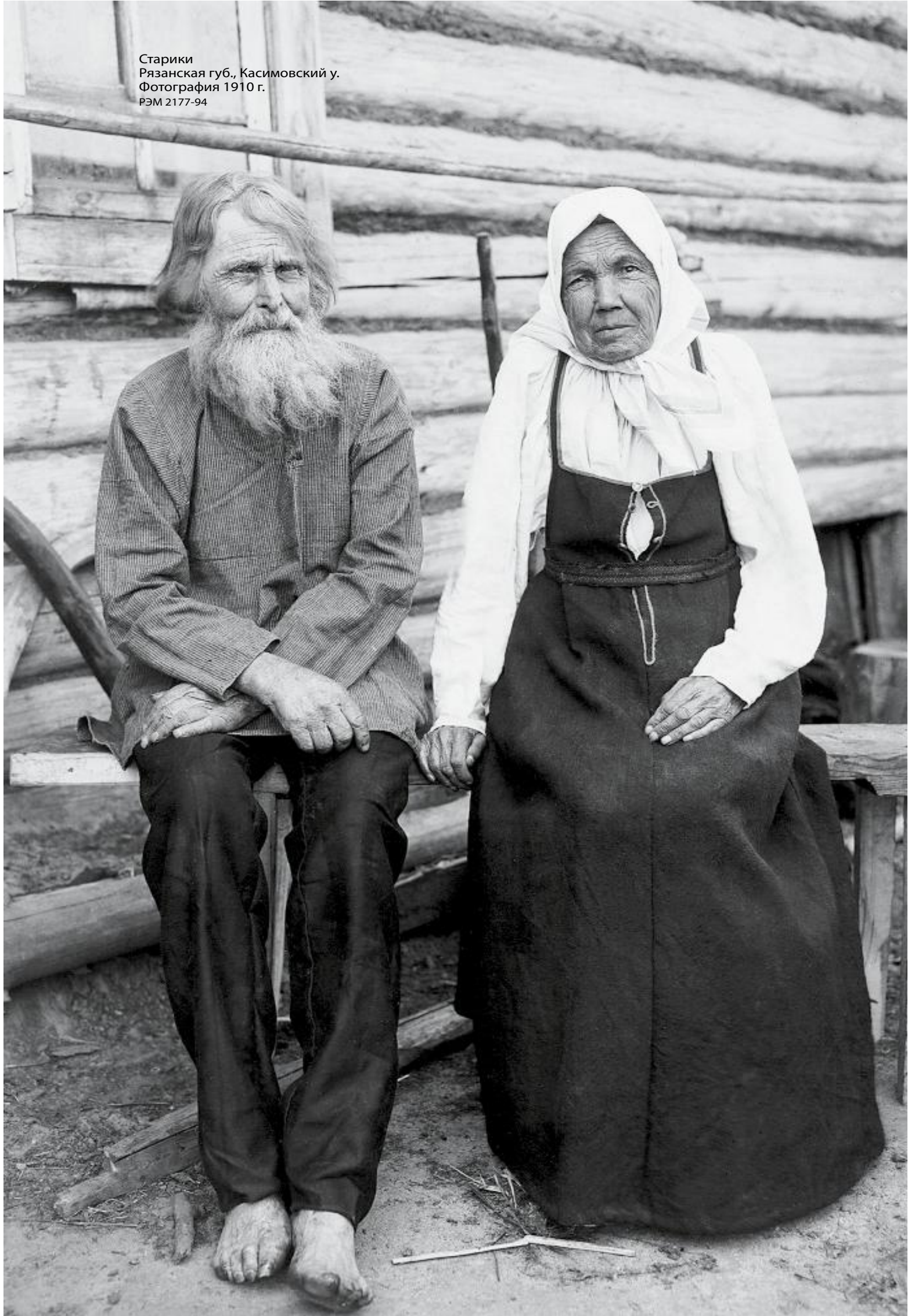
Женщины и девушки разных возрастов
Рязанская губ.,
Касимовский у.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-99

Крестьянская семья
Рязанская губ.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-93

Старики
Рязанская губ., Касимовский у.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2177-94

Девичий хоровод
Рязанская губ.,
Егорьевский у.,
д. Глезино.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2717-1

логии, происходило в старости с утратой значимых хозяйственных функций и социальных ролей.

Каждая из половозрастных групп выполняла в рамках общины соответственные общественные, хозяйственные и ритуальные функции, имела свои места для собраний и временные рамки их проведения, отличительные поведенческие признаки и этикетные нормы. В период Рождественского поста молодежь собиралась на посиделки (засидки) — беседы с работой или без (по праздникам — вечера, вечерки), в весенне-летний период проводила время за околицей или на краю деревни, засиживалась далеко за полночь. Начиная с Пасхи и до осени по праздникам среди улицы проходили молодежные гулянья с песнями, хороводами, танцами и т.п. Посмотреть на них и в то же время «покалякать» между собой приходили и пожилые люди. Женатые мужики в свободные вечера и праздники собирались в трактире, чайной, в избе у сельского старосты, где вели разговоры о старине, хозяйстве, газетных новостях. Женщины сходились вместе реже, чаще обменивались житейскими новостями, встретившись на улице или у колодца, а также заглянув к соседке за чем-нибудь взаймы или «на чай». Даже выйдя в праздник на деревенскую улицу, мужские и женские компании держались несколько в стороне

друг от друга. Демонстрация семейной любви и личных отношений для солидных супругов считалась неприличной. Некоторое половое разобщение было характерно и для подростков. К десяти годам мальчикам считалось зазорным играть с девочками. Подростки не участвовали и в устраивавшихся отдельно от взрослых, но в подражание им, гуляньях девочек тринадцати—четырнадцати лет, предпочитая им свои мальчишеские игры. Бытовавший между мальчиками и девочками временный антагонизм проявлялся в постоянных подтруниваниях, высмеивании, пении дразнилок и доходил иногда до потасовки. Мальчик, игравший с девочками, мог легко заработать от своих товарищей обидную кличку «девушника», про него начинали говорить, что такая-то девочка ему «невеста» и развивали эту тему в дразнилках. С достижением 15—16-летнего возраста подростки начинали постепенно включаться в гулянья взрослой молодежи, и антагонизм между мальчиками и девочками сходил на нет. Половозрастная стратификация регламентировала и этикетные нормы. Старики, женщины, степенные люди (обязательно младший к старшему, а также к более уважаемому, богатому) обращались на «вы» и по имени-отчеству. Парни и девушки также обращались на «вы» друг к другу, а товарищей одного с ними пола называли по имени в уменьшительно-

ласкательной форме (девушки чаще). Детей звали уменьшительным именем. Младший и бедный должен был первым приветствовать старшего и богатого, последний только отвечал на приветствие. При встречах крестьяне обыкновенно разменивались поклонами, мужчины при этом, если оказывались рядом, жали друг другу руки, женщины довольствовались одним поклоном, но если долго не виделись — обменивались поцелуями.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Одной из сфер непосредственного бытования мифологических представлений русского народа было программирование повседневности. Не только в обрядовой, но и в обыденной ситуации человек должен был согласовывать свое поведение с особенностями пространства и времени. В каждом из локусов — в рамках наиболее защищенного «очеловеченного» пространства (дом, двор, хозяйственные постройки, баня), во внешнем мире (лес, вода, поле, дорога), в точках связи миров, на их границе (церковь, святое место, а также порог, окно, печь, стол и др.) — русский крестьянин соблюдал определенные правила. Их система представляла собой не просто набор рекомендаций. Она была непосредственным отражением представлений об устройстве мира и взаимосвязи его предметов и явлений. Поэтому и нарушение правил влекло за собой, по представлениям крестьян, неминуемое наказание (несчастье, болезнь и т.д.) или отдавало человека во власть потусторонних сил, являвшихся хозяевами данного локуса. За нарушение порядка, лада и старинных традиций в доме (ссоры, работа по ночам, хождение женщины с непокрытой головой, сон без предварительной молитвы и т.п.) наказывал домовый, за нарушение трудовой этики в женских работах (например, оставление кудели на прялке на ночь) — кикимора, за пребывание в неуточное время (прежде всего ночью, а также во время праздника) на гумне, в риге или овине, в бане — соответственно гуменник, рижник, оvinник, банник, обдериха. Причем чем ближе к центру обжитого пространства — избе с иконами — располагался хозяин места, тем более благосклонным он был. Так, домовый или дворовой мог защитить от банника или оvinника. Также и внешнее пространство считалось все более опасным по степени отдаленности. Чем дальше, тем менее реальным представлялось оно, выступая в фольклоре синонимом потустороннего и даже загробного мира. В каждом из внешних локусов считалось необходимым вести себя как гость и уважать хозяина. В лесу не позволялось

громко разговаривать, кричать, ругать лес — заведет леший. Нельзя не уважить водяного подношением во время рыбной ловли или оскорбительно отзываться о нем перед купанием — утопит. Пространственные запреты тесно переплетались с временными, приуроченными к праздникам и календарным периодам активизации того или иного вида нечистой силы: например, русалок — на Русальной неделе (запрет ходить в поле); змей и гадов — на Воздвижение (запрет ходить в лес) и т.д. В некоторых местах бытовали представления о существах, появлявшихся в опасных локусах только в определенное время: святочниц в бане на Святках (Ярославская губ.), набрасывавшихся на приходивших гадать девушек. Каждый шаг должен был сопровождаться благословением и молитвой, без них можно было попасть в поле деятельности нечистой силы, долго блуждать или оказаться в мире леших, чертей, «тайных людей» (былички о приглашении портного или музыканта на свадьбу), где время останавливается, а вернувшийся оттуда человек выпадает из привычного хода жизни. В то же время преднамеренное нарушение правил должно было привести к встрече с нечистью при заключении договора (мельника, пасечника — с водяным, пастуха — с лешим). Например, пастух приходил в ночь накануне Егорьева дня в лес, становился на осиновый пенек и выкликал лешего. Тот должен был появиться перед ним со всей своей свитой и принять обязательства — повседневные запреты, список которых пастух вносил в специальную тетрадь. Затем пастух обещал лешему одного или двух животных из стада, после чего договор считался заключенным. В русской деревне существовали также представления о так называемых несчастливых местах и часах, не имевших четкой привязки, но навлекавших на человека, обругавшего себя или своих близких (особенно родители детей), несчастье (болезнь, смерть) или отдававших его во власть нечистой силы.

Поведение человека было обусловлено нормами, предписанными его полу и возрасту. Каждая половозрастная группа четко вписывалась в пространственные и временные рамки. Недаром в избе для каждого существовала своя зона труда и отдыха. Особенно опасным для мужчины считалось соприкосновение с женской хозяйственной сферой. У соседей русских — белорусов и украинцев — сохранились представления об опасности надевать на ребенка одежду противоположного пола (например, шапку на девочку или бусы на мальчика). В дальнейшем это могло повредить их половой идентификации, сделало бы бесплодными или неспособными к работе. У русских Брянского Полесья мать запрещала мальчику бегать около дежи, в которой твори-

Святочные маски-личины Енисейская, Архангельская, Семипалатинская губ. Начало XX в. РЭМ 681-72; 4050-246; 5158-40; 5741-9

лось тесто, и заглядывать в нее: «Не бегай колодежки, не дивись в нее, а то борода не вырастет, будешь як баба». Опасные в этом плане периоды жизни были связаны с процессом формирования, вочеловечивания (младенцы) или с переходными возрастными обрядами (порча на свадьбе, повлекшая бездетность жены или половую неполноценность мужа и т.п.). Особую роль в нарушении индивидуального благополучия (порча, сглаз) и в его восстановлении (лечении) играли люди, ввиду своих способностей или связей с нечистой силой находившиеся на грани человеческого и потустороннего миров: колдуны, ведуны, знахари и т.д. Обезопаситься от них можно было, соблюдая определенные правила поведения: благословляться, твердить молитву, не выходить на улицу в опасные часы (например, после 9 вечера или в полночь), когда колдуны посылали порчу по ветру и т.д.

Крест на цепи
Северо-Запад
Европейской России.
XVII–XVIII вв.
РЭМ 5818-17

Кресты нагрудные
Северо-Запад
Европейской России.
XVII–XVIII вв.
РЭМ 5818-100; 5818-88

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Христианство в своем восточном (византийском) варианте, пришедшее на Русь в конце X века, в течение ряда столетий являлось мировоззренческой основой всех социальных установлений. В отличие от других восточнославянских народов русские ко второй половине XIX века почти полностью изжили двоеверие: культ предков и почитание природных стихий существовали лишь на периферии народного сознания, а русская этнокультурная идентичность и регуляция повседневной жизни неизменно опирались на православную веру, православный тип общения, представления о благочестивых качествах личности.

Духовно-нравственная связь крестьянской общины с государством происходила при посредстве церкви — сельского прихода, храмовых служб, а также проводившихся по инициативе самих крестьян внехрамовых богослужений. За столетия врастания православия в ткань конкретной хозяйственной, социальной жизни русского народа в его среде возникли новые творческие формы православного мировосприятия и обрядности, как бы продолжающие литургию средствами,

Погост
Олонецкая губ.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2521-2

доступными мирянам. Таким образом, религиозное поведение русских включало в себя три взаимодополняющих компонента: выполнение обязанностей, предписанных православным государством крестьянскому коллективу и отдельному человеку: посещение храма, регулярная исповедь, церковная регистрация гражданского состояния, собственного и своих близких; богослужения, проводившиеся по просьбе крестьян, а также благочестивые деяния, совершаемые ими не по обязанности, но лишь по внутреннему побуждению; обрядность и верования, созданные в народной среде и служившие выражением православных идей применительно к кругу жизни русских земледельцев.

Крестьянская община (она часто не совпадала с церковным приходом, охватывавшим несколько селений) следила за посещением церкви, в особенности в воскресные дни, а также Пасху, двенадесятые и престольные праздники. Общинный контроль за посещением храма, регулярностью прихода на исповедь и причастие и ряд других обязанностей (сбор денег в церковную казну, надзор за зданием церкви и домами причта, ведение приходно-расходных книг, приобретение богослужебных книг, ладана, воска, свечей и др.) все это возлагалось на выборного из числа крестьян церковного старосту. Немало из этого поддерживалось и общественным мнением в силу неписаных норм. Так, во многих местностях к церкви относились с благоговением: проходя мимо, снимали шапку, осеняли себя крестным знаменем. Войдя в храм, держались учтиво, завести разговор считали греховным. Требования к благочестивому

Крест на цепи
Северо-Запад
Европейской России.
XVII–XVIII вв.
РЭМ 5818-4

Крест киотный
старообрядческий
Московская губ.
Первая половина XIX в.
РЭМ 11553-1

Христорождественский собор в г. Каргополе Олонецкая губ. Фотография 1907 г. РЭМ 1889-1

Торговая площадь уездного города Ярославская губ., г. Пошехонье. Фотография 1912 г. РЭМ 3301-1/3

поведению добровольно поддерживались многими и за пределами храма: строго соблюдались пищевые ограничения в периоды больших постов, в особенности Великого (всеми, включая и детей с трех—четырёх лет), а также Петрова, Успенского, Рождественского. В благочестивых семьях придерживались тех же ограничений не только в рамках годичного, но и недельного цикла, а именно по средам и пятницам в память о страданиях Иисуса Христа. Начало и завершение каждого дня, начало и завершение трудовых дел и трапезы предварялись, ознаменовывались молитвой. В каждом доме хранились и читались вслух Евангелие и Псалтырь.

Усвоение начал благочестия совпадало с первым вовлечением детей в говенье: с трех—четырёх лет их родители, а также крестные отец и мать приступали к обучению основам православной веры, что составляло их ответственность за души детей перед Богом. Вот как об этом говорилось в середине XIX века в «Памятной книжке для православных христиан из крестьянского звания»: «Как только начнут дети

хотя мало смыслить, тут ты начинай приводить их в познание Бога; напоминай им, что нынешняя жизнь наша — не что иное, как путь, которым идем в вечность. [...] Напоминай о смерти, суде Христовом, о вечной муке и вечном блаженстве. Напоминай, что Бог наш христианский везде и на всяком месте есть, хотя Его и не видим, и все и всякое дело видит, и всякое слово слышит, и за доброе дело награждает, и за злое наказывает вечною мукою».

С этого же возраста детей учили молиться — сначала дома, но нередко приводили и на службу в церковь, а примерно с пяти лет брали с собой молиться на все праздничные богослужения. В числе первых молитв, заучиваемых и произносимых детьми, были: Иисусова молитва, Богородицына молитва («Богородице, дево, радуйся»), молитва Ангелу-хранителю и молитва святому, имя которого носит ребенок. Также в самом раннем возрасте дети знали молитвы «Отче наш» и «Достойно есть».

Нередко, кроме тех дней, когда причащались сами, крестьяне старались привести ребенка в храм для причастия в день его Ангела. До шести лет никакой специальной подготовки к причащению не требовалось — ребенок перед Богом считался безгрешным: с шести лет требовалось говенье с вечера, а с 7-летнего возраста причастию предшествовало таинство исповеди.

Для отроков, еще не обучавшихся в школе, ответственность за ее прохождение возлагали на родителей, а для учащихся — на законоучителей (обучавших Закону Божьему в церковно-приходской школе). Первая исповедь проводилась, как правило, в период Великого поста. За неделю до исповеди учащиеся освобождались от учебных занятий: они ежедневно присутствовали на литургии в храме. К первой исповеди юных отроков рекомендовалось готовить, обучать их «Символу веры» и тем молитвам, которые они еще не знают — Честному Кресту и др., разъяснять заповеди Божьи, Евангельскую историю. Начиная с того же Великого поста отроки непременно ходили к «стоянию» — чтению в Великий четверг «двенадцати Евангелий» (двенадцати фрагментов из кано-

нических Евангелий). Весьма распространены были такие формы благочестивого поведения отроков, как прислуживание священнику или диакону в храме в качестве певчих, псаломщиков, алтарников, а также христославление в праздник Рождества Христова, участие в качестве богоносцев (несение икон) в крестных ходах и обходах домов со священником на пасхальной неделе. По мере обучения грамоте для усвоения понятий о страхе Божьем, грехе, благодати отроки начинали читать житийную литературу.

Важной формой религиозно-социального объединения крестьян были создаваемые по их инициативе часовенные приходы. Часовни устанавливались в тех природных местах (у леса, на берегу озера и др.), где при свидетельстве данного или нескольких предшествующих поколений были явлены святыни: чудотворная икона, крест, целительный источник и др., а также на месте сгоревшего храма или вблизи пещеры, где жил благочестивый отшельник. Кроме того, часовни нередко воздвигались на границах с надеждой на Божье покровительство: у въезда в поселение, на развилке дорог, на полевой меже, у входа на кладбище. В отдаленных от приходского центра местностях освященные часовни не только дополняли, но и замещали собой церковь, при этом нередко сами миряне служили престольные и обетные молебны. Часовенные приходы издавна были особенно распространены на севере Европейской России, где они сосуществовали и функционировали автономно в рамках официального церковного прихода.

Также чаще всего по инициативе крестьян, обсужденной и утвержденной коллективно на сельском сходе, происходили такие события, значимые для прихода в целом, как общественные внехрамовые молебны. Эти молебны или приурочивались ко времени начала созревания урожая, имея тогда регулярный, профилактический характер (чтобы избежать стихийного бедствия), или происходили по случаю уже наступившей засухи (моление о ниспослании дождя), непрекращающихся проливных дождей (моление «о вёдре»). Действие начиналось крестным ходом от церкви — «поднятием икон» (выносом храмовых икон) и движением процессии, к которой присоединялись все прихожане, вокруг полей. Впереди шли священник и староста прихода, далее женщины несли иконы, а мужчины — хоругви; зажженные свечи и церковные фонари доверяли нести детям. Во время следования процессии слабые и больные прихожане «приседали под иконы», то есть старались пройти под образами в надежде на исцеление. Затем на одном из полей производилось моление с водосвятием и окроплением поля святой водой. Такие же крестные ходы, но с заходом причта в каждый дом, проводились по заказу крестьян и в «заветные» (обет-

ные) праздники — в дни памяти о прежде произошедшем чудесном избавлении от эпидемии, моровой язвы, стихийного бедствия.

К одной из важнейших форм благочестивого поведения, осуществлявшегося исключительно в силу внутреннего побуждения, относится отправление по обету на богомолье. Паломники направлялись или в близлежащие монастыри, чтобы поклониться мощам святых, или в дальнее богомолье — Киево-Печерскую, Троице-Сергиеву лавру, Соловецкий монастырь, монастыри и церкви Москвы. В такие святы места стекались православные со всей России. Хотя бы однажды в жизни они стремились побывать здесь с целью поклонения или с последней надеждой на исцеление, как собственное, так и своих близких. В дальнейшем богомолье чаще отправлялись в мае, в промежутке между весенними и летними полевыми работами, обычно партиями и с согласия сельского схода. Считалось, что расстояние надо преодолеть не поездом, не на лошади, а пройти его пешком: потрудиться, тем самым подготовившись к встрече со святым местом.

Православные верования и обрядность, возникавшие в народной среде, происходили из метафорического уподобления, соотнесения главных этапов земледельческого цикла, а также

Обетный крест
Олонецкая губ.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2521-8

Лестовка
Нижегородская губ.,
Семеновский у.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 2441-1

Лестовка (от слова «лестовица» – небесное возвышение души верующего во время произнесения им молитвы) – русские христианские четки. Наиболее распространенный вариант композиции молитвенного круга четок образован 109 ступенями, или «бобочками»: по три в обрамлении и три большие ступени, выделяющие четыре группы, в которых совокупно 100 ступеней. Количества в этих группах имеют литургическое назначение, обеспечивая нужное число повторений молитвы. Этим числом присуще также символическое значение, упоминаемое в старинном «Сказании о лестовке»: 12 – это число апостолов Христа, 38 – столько недель Богородица во чреве Младенца носила (а вкупе с двумя разделителями по краям – 40-дневный пост Иисуса Христа), 33 – годы земной жизни Спасителя и 17 – количество ветхозаветных пророчеств о рождении Богочеловека.

процесса восстановления здоровья событиям земной жизни Христа, Богородицы и святых. Так, перед началом сева крестьянин опускал в борозду с первыми семенами истолченную в порошок благовещенскую просфору, как бы усиливая этим производящую силу Матери-земли. В праздник Вознесения Господня во многих губерниях готовили печенье в форме лесенок и, принося на поле, подбрасывали их как можно выше вверх, в надежде, что благодаря такому символическому подъему на небо всходы хлеба, льна поднимутся выше, дадут большой урожай. Вода, взятая в ночь на Крещение в природных источниках, считалась святой, обладающей свойствами исцеления: ее давали пить больным, ею кропили углы в доме, скотину, а в отсутствие священника ее могли дать умирающему вместо причастия.

Еще один источник для символического православного мышления — уподобление красного (переднего) угла избы церкви, алтарю. Метафорика обуславливалась неперменным присутствием в каждом православном доме икон, помещаемых в божницу или киот в переднем углу, который был обращен на восток, подобно церковному иконостасу и алтарю. Наибольшее распространение в крестьянской среде имели иконы Богородицы, Николая Чудотворца, а также Спасителя и местночтимых святых. На полочке рядом с иконами непременно хранились и предметы, реально и символически связывающие домашний святой угол с церковной литургией: освященные пасхальные яйца, веточки вербы (с праздника Вербного воскресенья), свечи, сохраненные от храмовой службы в Страстную неделю, Пасху или Крещение. Здесь же в переднем углу хранили богослужебные и житийные книги, тетрадку с записью молитв, духовных стихов. Освященным в церкви пасхальным яйцам придавалось в народном сознании особое качество. Считалось, что такое яйцо может прекратить пожар: брошенное в огонь, оно понуждало его стихнуть или же направляло пламя вертикально вверх, благодаря чему пожар не распространялся на соседние постройки. Упомянутые выше восковые свечи наделялись способностью предотвращать пожар, который мог возникнуть от удара молнии: во время грозы их зажигали и молились перед домашними иконами.

В пасхальную неделю повсеместно проводились обходы домов причтом, непременно с церковными иконами. Эти иконы вносились в крестьянский дом, и таким образом символически подтверждалось и силой производившейся молитвы актуализировалось единение каждого крестьянского дома с церковью.

В народной среде православные нравственные нормы также обрели своеобразную акцен-

тировку. И сельским сходом, и общественным мнением поддерживалось безоговорочное требование оказания помощи пострадавшим (погорельцам, вдовам и др.); при этом брать какую-либо плату за помощь считалось греховным. Благочестивым почиталось проявление милосердия по отношению к нищим, юродивым, странникам. По народным представлениям, оказываемая милость должна была иметь тайный (анонимный) характер, что не стесняло нуждающегося и сосредоточивало подателя на его бескорыстном побуждении.

Религиозно-нравственные установки скрепляли также межпоколенные и родственные связи. Ответственность родителей за детей, крестных отца и матери за своих крестников — за их социальное становление и укрепление на пути спасения души — брала начало уже в первые годы жизни ребенка и никогда не исчезала и не прерывалась на протяжении всей жизни. С другой стороны, полагалось, что благочестивое поведение взрослых детей, регулярное оказание ими тайной милости нуждающимся непременно облегчат посмертное бытие родительской души.

Раскол Русской православной церкви, произошедший в 1660-е годы, повлек за собой не только конфессиональное, но и социальное размежевание внутри русского этноса. Значительная часть населения (около одной десятой), не принявшая реформ патриарха Никона и упорно сохранявшая формы обрядности, воспринятые от прежних поколений, оказалась вне исторического процесса формирования державной нации. Первые полстолетия «раскольники» были приравнены государственной властью к преступникам, а позднее ущемлены в своих наиболее значимых религиозных и социальных потребностях. Правовое положение старообрядчества существенным образом изменилось только спустя почти два с половиной столетия, после принятия Высочайших указов 1905—1906 годов, заложивших основы веротерпимости в рамках христианского исповедания и узаконивших старообрядчество в качестве социальной группы. Официальное наименование «раскольники» заменилось на «старообрядцы», государство юридически признало старообрядческие скиты, молитвенные дома и благотворительные учреждения, разрешило устройство старообрядческих начальных училищ, а также кладбищ. Были отменены запреты на занятие старообрядцами государственных должностей. Только тогда старообрядчество впервые обрело свободу в отправлении религиозных треб согласно исторически сложившимся нормам, возможность открытого создания своих приходов, право самостоятельного учета гражданского состояния — рождения, бракосочетания, смерти.

К началу XX века российское старообрядчество представляло собой совокупность неоднородных групп русского народа (а также старообрядцев коми и карел), имевших различные исторические пути своего формирования. Группа возникала или из местного населения, не принявшего церковные реформы (так, например, произошло в Олонецкой губернии, в области Войска Донского), или из тех, кто переселился, укрываясь от гонений (так произошло в Заволжье — Костромской и Нижегородской губерниях, на Урале), или в результате насильственного переселения (на Алтай, в Забайкалье). Уже с конца XVII века старообрядчество не было единым, оформляясь во множество конфессиональных групп, и число их (толков, согласий, приходов, «вер») возрастало на протяжении последующих столетий. Размежевание внутри самих старообрядцев определялось в первую очередь их отношением к институту священства (отсюда появление поповцев и беспоповцев). Во многих случаях не располагая священством — институт священства его сторонникам удалось возродить лишь в середине XIX века, — старообрядцы, в особенности беспоповцы, создавали новые нормы приходской жизни и развивали традиции духовного служения в миру. Старообрядцами была создана новая организационная структура русской религиозной жизни, в составе которой были: монастыри и скиты как формы отделения от греховного социального бытия, выборные наставники, обладавшие религиозным авторитетом, особая роль келейниц, соборные решения общин, рукописная книга и народные формы обучения грамоте, усердная молитва (с использованием лестовки — особой формы русских четок, наделенных христианской числовой символикой). Стремясь к точной передаче религиозного знания следующим поколениям, старообрядцы создали новые жанры учительной литературы, лубка. В старообрядческой среде значительное развитие получило искусство литья: меднолитые складни, иконы, кресты в значительной мере отвечали социально нестабильным условиям бытия.

В специфике традиционно-бытовой культуры каждой группы старообрядцев можно выделить два аспекта: а) нормы и предметный мир старинного православного благочестия, каким его понимали и сохраняли, противопоставляя себя не только приверженцам «господствующей церкви», но и старообрядцам другой, не своей конфессии; б) особенные черты в занятиях, жизнеобеспечении и costume, обусловленные стремлением старообрядцев сохранить прежние формы, соответствующие времени, месту исхода или же характерные для данной местности, но более архаичные (примерно на полстолетия), чем у соседствующего с ними населения.

Русская старOVERKA
Витебская губ.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Компактные поселения русских старOVERCOB сформировались в восточной Прибалтике сразу же после раскола Русской православной церкви 1654 г.

Так, в Заволжье к началу XX века еще существовали старообрядческие деревни, и в некоторых из них уживались несколько конфессиональных групп со своими моленными и отдельными кладбищами. При моленных обучали детей грамоте, чтению церковно-славянских книг, богослужебному пению. В заволжском быту сохранялись древнерусские общинные традиции: престольные праздники (единые для всех проживающих в данной местности конфессий) со складчиной и пивоварением, пастьба скота всеми хозяйствами по очереди, коллективное моление на кладбище («чтобы родители помогли»). Не утрачивались и старинные нормы похоронно-поминальной обрядности: гроб — долбленную колоду — заготавливали себе и своим близким загодя, хоронили только в лаптях, вкушали поминальную кутью (из меда с сорока зернами распаренной пшеницы) только благочестивые молельщицы, в течение сорока дней по смерти родственника и в години подавали тайную милостыню. Особенно строгого общинного контроля относительно благочестия придерживались федосеевцы. Чтобы пришельцу даже их конфессии быть принятым в общину, следовало выдержать шестинедельный пост (не в период больших постов) и при этом

Пояс старообрядческий с вытканной молитвой
Нижегородская губ.,
Арзамасский у.
Конец XIX — начало XX в.
РЭМ 2421-33

Крестный ход
в память 300-летия
изгнания шведов
из Старой Ладogi
Санкт-Петербургская губ.,
Новоладожский у.,
с. Старая Ладога.
Фотография 1911 г.
РЭМ 2073-31

ежедневно совершить тысячу молитв, то есть «отмолить по десять лестовок». Существовали развитые нормы епитимии (наказания), накладываемой за «мирщение» (то есть за общую посуду и даже трапезу с иноверными, помывку с ними в бане, посещение увеселений и другие греховные действия): совершить конкретное число молитв, много раз проходя по лестовке. Нижегородские лестовки, изготовлявшиеся в сельской местности и в городах, ценились во многих областях России, и к началу XX века их изготовление стало самостоятельным ремеслом. Своим золото-швейным искусством славились мастерицы монастырей-скитов юга Нижегородского Заволжья, сумевшие сохранить и развить древнерусские традиции. Их изделия непременно входили в убранство праздничного костюма молодых женщин в крупном селе Чернуха, где, кроме официально православных, проживали три старообрядческие конфессии, составляя основную часть населения. Характерные черты благочестивого внешнего облика старообрядца в полной мере сохранялись всеми старообрядческими конфессиями: приверженность, особенно на коллективных молениях, традиционному костюму (для женщины — сарафан из домотканины старинного покроя); строгое воздержание от чая и курения табака; обязательное ношение мужчиной бороды и усов.

Стремление сохранить «древнее благочестие» и традиционный быт, включая и формы внутриобщинных, внутрисемейных отношений, стало исторически значимым фактором высокой пассионарности русского старообрядчества.

Значителен его вклад в развитие российского предпринимательства, в особенности в легкой промышленности. Согласно материалам опроса, проводившегося в сорока губерниях в 1910 году для изучения сельскохозяйственного быта старообрядцев, они были лучше обеспечены скотом, у них были выше урожаи овса; расходование денег на душу населения, при среднем расчете на год, в 1,5 раза превышало тот же показатель у других крестьян в тех же местностях. Грамотных среди старообрядцев тогда же было зафиксировано 36% (а в целом у русских по Европейской России грамотных было около четверти населения). Знакомясь со свидетельствами тех, кто наблюдал быт старообрядцев, можно лучше представить себе русские этнопсихологические поведенческие черты: правдивость, рассудительность, уважение к чужой собственности, толерантность.

После выхода Указов о веротерпимости довольно быстро нарастало общественное признание старообрядчества. В числе его характерных форм значились: присутствие представите-

лей местной власти, духовенства Русской православной церкви на старообрядческой службе; предложения от властей о проведении старообрядцами общественного молебна или крестного хода; участие православных и единоверцев в церковной жизни старообрядцев — присутствие их на службе в храме или при закладке, освящении старообрядческого храма, поднятии крестов, колоколов, участие в молебне, проводимом старообрядцами на ярмарке, на реке, полях.

Привлечение старообрядческих духовных лиц к проведению общественного молебна невольно вызывало сопоставление двух христианских конфессий, нередко не в пользу официального православия.

В ряде дореволюционных публикаций отмечалось, что уже отсутствует или быстро сходит на нет прежнее противостояние между крестьянами — православными и старообрядцами, обусловленное, на первый взгляд, конфессиональными различиями, а фактически вызываемое их социальным неравенством. Так, в сообщении 1911 года из Нижегородской губернии отмечалось, что миряне «только в редких случаях проявляли враждебное отношение к старообрядчеству, и не общей массой, а какой-нибудь один выскочка, пропитанный миссионерско-полицейским духом. [...] Миряне-народ мирно уживаются со своими братьями-старообряд-

цами». В корреспонденции из села Тарбагатай Забайкальской области говорилось, что «жители села, невзирая на религиозную рознь, живут между собой мирно, прежней вражды и ненависти к старообрядцам со стороны последователей великороссийской и единоверческой церкви уже нет».

К началу XX века у старообрядцев имелись значительные наработки в отношении толерантности — и к официально православному населению, и в отношении нерусских этносов. С теми и другими неизбежно, по социальным и географическим условиям существования, старообрядцам приходилось осуществлять взаимодействие и при этом не изолироваться, а достигать социально-психологического поведенческого компромисса. Так, вплоть до середины XX века брак с иноверным считался недопустимым, но фактически он оказывался возможен. Например, в северных районах Нижегородской области из числа браков, заключавшихся беспоповцами-поморцами в 1930—1950-е годы, межконфессиональные составляли одну пятую, а в Новгородской — около половины. «Перекрещивание» (крещение заново в староверие) в Нижегородской области производилось лишь в четырех из более чем двадцати случаев межконфессиональных браков. Но и во всех остальных случаях союз с супругом, не принадлежащим старообрядчеству, не распадался. Важный пример толерантности, свидетельствующий о том, что старообрядцы способны вырабатывать гибкие поведенческие стратегии, — объединение усилий разных конфессий в ситуации

Масленичное катание
на санях без лошади
Владимирская губ.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3307-190

общего бедствия — засухи. В Тонкинском районе Нижегородской области на общую молитву в поле выходили старообрядцы разных конфессий (а перед этим представители каждой молились в отдельном помещении). В Сергачском и Арзамасском районах разные конфессии (поповцы и православные Русской православной церкви), не сговариваясь, молились о дожде в одни и те же дни, но как бы по очереди: сегодня одна конфессия шла на один родник, другая — на другой, а на следующий день происходила смена родника; или молились в один день на одном и том же месте, но в разное время.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Русский народный календарь представлял собой неразрывное переплетение христианской традиции и языческих элементов. По своему происхождению, составу праздничных дней, их иерархии он был православным, но народная интерпретация каждого из праздников и приуроченные к нему обряды часто оказывались далеки от церковного канона и имели мифологическую и магическую подоплеку, восходящую к земледельческому солярному циклу и культуре предков. Например, христианские мотивы и церковные элементы празднования Рождества вошли в тесное соприкосновение с представле-

ниями о роли зимнего солнцестояния, заканчивавшего старый и начинавшего новый природный цикл, и об опасности порубежного периода как времени раскрытия границы между реальным и потусторонним мирами. Таким же образом летний солнцестояние, знаменовавший переход от весны к лету, от фазы молодости в природе и человеке к зрелости, слился с Троицей, отмечавшейся в одном ряду с языческими по сути Семиком и Русальным заговеньем, а также Ивановым днем, обрядность которых была призвана обуздать и направить человеку на пользу всплеск природных вегетативных сил (в частности, в обрядах «проводов русалки», «похорон кукушки» и т.п.). Значение христианского праздника Благовещения (а также дней Св. Евдокии, Св. Герасима, Сорока святых и др.) в народном сознании растворилось в обрядности встречи весны, совпадавшей с весенним солнцестоянием, которой сопутствовали представления о прилете птиц, пробуждении земли и о необходимом после зимнего владычества нечистой силы очищении. Осеннее солнцестояние совпадало с Воздвижением креста Господня (Крестовоздвижением, Здвижением), к которому народ приурочивал «закрытие» земли и уход под землю «гадов»: змей, насекомых и пр. По тому, какой половозрастной группой исполнялись основные коллективные ритуалы, весенне-летний период часто рассматривается как «женское» время, осенне-зимний — как «мужское». Кроме того,

народом выделялись женские («бабьи») и мужские праздники, в которые представители соответствующей группы не работали и собирались на обособленные застоля — братчины или маргосья.

Для русского народного календаря была характерна последовательная смена будней и праздников с четкой регламентацией распорядка дня и поведения в каждый из них. Понятие «праздника», праздного времени раскрывалось в практике запрета на повседневные занятия («День свят — все дела спят»), допускавшей только самые необходимые дела: уход за скотом, приготовление пищи, а также развлечения — сбор ягод, грибов, рыбную ловлю, охоту. Нарушение запрета считалось небезопасным и грозило несчастьями на этом свете (неурожаем, гибелью скота, пожаром) или карой на том (например, верили, что женщин, стирающих или моющих пол в праздники, на том свете будут поить грязной водой). «Былички» рассказывали, как святые покровители праздника сами приходили разбираться с жадными до работы (особенно много таких рассказов о Параскеве Пятнице). В этом качестве опасным для людей признавался любой праздник, хотя особенная злокозненность приписывалась лишь некоторым, например, Касьянову дню. Праздник как остановка непрерывно текущего бытия представлялся временем стирания границ и объединения миров, когда каждое действие, поступок, слово приобретали

судьбоносное значение, устанавливался непосредственный контакт с Вышним миром, и молитва лучше доходила до Бога и святых, а предки получали возможность праздновать вместе с потомками. Чередование будней и праздников на мифологическом уровне обеспечивало правильное функционирование социума.

В праздничные дни менялся облик деревни, украшались и мылись избы, крестьяне надевали лучшую, праздничную, более яркую одежду, менялось и их поведение. Каждый должен был, отдавая дань празднику, вести себя уважительно и дружелюбно, пустых и вздорных бесед старались не вести, женатые проводили время в гостеваниях, застольях, в общении, молодежь веселилась на гуляньях с пением и пляской.

Важность праздников в крестьянском быту определялась церковными святыми. Наибольшим почетом пользовались Пасха, двенадцатые, пять великих и большие праздники (Ильин и Егорьев дни, Престольный праздник), к неустанно церковь большим относились также Святки, Масленица, Заветные праздники. Большие праздники праздновали иной раз до трех дней, Пасху и Масленицу — неделю, Святки — две.

Яркой приметой праздника были качели. Обычно молодежь начинала качаться с праздника, соотносившегося в данной локальной традиции со встречей, «кликаньем» весны. Это могли быть Сороки, Масленица, Благовещение,

Веревочные качели на Пасху Ярославская губ., Пошехонский у. Фотография 1915 г. РЭМ 3498-5/2

Качание на качелях — элемент весенне-летних молодежных гуляний. Бытовало несколько типов качелей, один из распространенных типов представлял собой козлы высотой до 5 м, через перекладину которых (матицу) перекидывалась веревка, удерживавшая доску-сиденье. В некоторых местах специально вившуюся для качелей веревку девушки украшали («убанчивали») разноцветными тряпочками.

Прощеный день
Владимирская губ.
Фотография 1914 г.
РЭМ 3307-195

В последний день
Масленицы,
в воскресенье
перед Великим
постом, жена просит
прощения у мужа,
кланяясь ему в ноги.

Вербное воскресенье. Но чаще всего качели сооружались накануне Пасхи или в первые дни Пасхальной недели, при этом качание продолжалось до Фомина воскресенья, реже — до Вознесения или Троицы. Календарная приуроченность и ряд запретов, связанных с качанием, позволяют видеть в нем отголоски аграрно-магического обрядового действия, призванного стимулировать вегетативную силу растительности, главным образом, посевов. Изготовлением качелей чаще занимались парни, девушки в благодарность одаривали их яйцами. Качели ставились в месте молодежных гуляний и являлись центром уличного праздника — «ярмарки», на который собиралась молодежь из всех окрестных деревень. Качание сопровождалось пением частушек

и лирических песен. Чужаки не могли качаться без приглашения хозяев или выплаты выкупа.

В целом обрядовый календарный цикл можно разделить условно на восемь комплексов: святочный, масленичный, ранневесенний (включавший в себя Великий пост, Сороки, Благовещение и др.), средневесенний (Пасха, Вознесение, Егорьев день, Никола Вешний и др.), троицко-купальский, летний (жатвенная обрядность, Ильин день, Спасы, Успение), осенний или «первозимье» (Семенов день, Воздвижение, Рождество Богородицы, Покров и др.) и зимний (Андреев день, Введение, Спиридонов день и др.). Начало и конец каждого комплекса отмечались ритуалами «встречи» и «проводов» («похорон») соответственно зимы, весны, лета, осени. Встреча чаще всего имела форму призыва, приглашения, высказанного в фольклорной форме детьми, молодежью. Ее важным моментом было изготовление символа праздника (хлеба, печенья-«жаворонков», украшенного дерева, чучела, костра). Проводы, также сопровождавшиеся соответствующими словами, песнями, состояли в уничтожении символа (разрывании на части, разбивании, сжигании, утоплении, похоронах). Праздничные циклы соединялись между собой цепочкой средних и малых праздников (полупраздников), отмеченных приметами и присловьями.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Наряду со свадебным и погребальным семейными обрядами родинный относится к переходным ритуалам, так как в его рамках происходит переход человека из одного состояния в другое.

В народной культуре элементы родинной обрядности можно обнаружить уже на свадьбе, на которой совершались определенные магические действия, призванные повлиять на количество и пол будущих детей. Так, в Архангельской губернии после свадебного застолья последний гость разбивал горшок со словами: «Сколько черепья, столько ребят молодым». После венца невесте давали подержать мальчика, чтобы первенец был мужского пола. В Вологодской губернии колдун в бане завязывал невесте узлы на поясе: сколько узлов — столько и сыновей она родит; мать невесты втыкала в ее рубашку девять раз иголку без ушка с пожеланием родить девятерых мальчиков. В Калужской губернии после свадьбы невеста должна была перекинуть через ворота дома донце прялки, чтобы первенцем был мальчик.

В русской деревне рождение человека воспринималось как великое таинство, поэтому был широко распространен обычай скрывать от посторонних сам момент родов. Особенно опасным для роженицы считалась осведомленность незамужних девушек о родах, в этом случае для

облегчения родов они должны были расплести косы, иначе «за каждый волосок будет маяться родильница». Обычно при родах помогали повивальная бабка, муж, иногда мать или свекровь роженицы. Сами роды, как и их время и место, были отмечены в народной культуре печатью святости, богоданности, что, в частности, отразилось в народной лексике: «Бог дитя дал», «Божья прибыль», «как родит — Бог простит», «счастливое время», «счастливое место». С другой стороны, на метаязыке роды, особенно первые, описываются как смерть роженицы: она «как перед смертью просит прощения», прощается с семьей, животными, «белым светом» и принимает «смертный час». Смертные мотивы объясняются переходным характером родинного обряда — молодуха становится матерью, что связано, с точки зрения традиционного сознания, с ее символическим умиранием и последующим возрождением, но уже в новом качестве.

В русской деревне рожали обычно в бане, хлеву, риге, чулане, сарае и т.д., которые считались «нечистыми», отдаленными. Сами роды описывались как путешествие будущей матери за ребенком. Поэтому во время родов роженица должна была быть в постоянном движении, перемещаясь по комнате и переступая через брошенные на пол различные предметы утвари и даже выходя за пределы избы, если роды проходили дома. Судьба ребенка может зависеть от правильного выбора места. Так, например, если у женщины умирали дети, то ее при приближении родов переносили рожать уже в другое место; также полагали, что если не дома родится младенец, то ему «век дома не видать, работы чужой не минуть». Для облегчения родов раскрывали все, что заперто: сундуки, двери, печную трубу, в трудных случаях — царские врата в церкви.

В народной культуре роды осмысливались как момент истины, когда становились явными все прошлые грехи женщины и ее мужа. Об этом говорят народные представления о причинах тяжелых родов. Например, если были трудные роды, в Орловской губернии повитуха спрашивала мужа и жену, не согрешили ли они под праздник. В Псковской примечали, что если роженица не выносит присутствия мужа, значит не верна. В Пензенской губернии причину трудных родов видели в ссоре роженицы с кем-нибудь из близких или соседей.

В русской деревне обязательным считалось справить три бани для роженицы, то есть она должна была находиться там три дня, а иногда и неделю. При этом соблюдались различные предосторожности, призванные уберечь роженицу от воздействия злых сил: ее прятали от чужих глаз, у порога бани ставили кадилницу с лада-

ном, от сглаза рядом с роженицей клали сковородник, под подушку — нож. Для защиты роженицы от нечистой силы ставили ухват рогами к печи, при выходе роженица брала этот ухват в качестве посоха; часто обмывали роженицу с новорожденным с молитвой или «словами».

В течение сорока дней вплоть до принятия очистительной молитвы поведение роженицы было жестко ограничено многочисленными запретами: ей нельзя было брать за икону, зажигать лампаду перед иконой, ходить в церковь и в гости, садиться в красный угол, месить тесто и печь хлеб, наряжаться, ходить одной в баню, в амбар, к колодцу. Пищу роженица принимала из специальной посуды, сидя у печи.

Крестины, которые совершались обычно на третий или восьмой день, а иногда и позже, являлись началом социализации младенца, принятия его в структуру семейно-родственных отношений и — шире — в культурное пространство в целом. Именно с этого дня и начиналась человеческая судьба младенца, его приближение к Богу, о чем говорит поговорка: «Пока не крещен, его не целуют: некрещеный ребенок — чертенок».

Главными героями крестин были повивальная бабка и крестные родители. Особое значение придавалось выбору крестных родителей (кума, кумы; божата, божатки) — своего рода культурных заместителей биологических родителей, от которого могла зависеть судьба ребенка. Обычно в крестные приглашали членов своей семьи, ближайших родственников, иногда соседей или богатых людей. Если предыдущие дети умирали, то выбирали «встречных кумовьев» — выходили на улицу и звали в кумовья первого встречного. В Вятской губернии, чтобы дети были живы-здоровы, кумом выбирали тезку отца, а кумою — тезку матери новорожденного.

Уже с этого момента происходила половая идентификация младенца: в некоторых локальных традициях выбирали только одного крестного родителя в зависимости от пола новорожденного. Если, например, крестили мальчика, то соответственно приглашался только крестный отец. В Западной Сибири полагали также, что «на том свете [...] за грехи детей спросят не родителей их, а крестных, причем за мальчика ответ будет держать крестный отец, а за девочку — крестная мать». Одной из обязанностей кумы являлось приготовление «ризок» — несколько аршин ситца, в который принимают крещеного из купели. Кум должен был заплатить священнику за крещение и купить крестик для младенца.

Центральное место на крестинах занимало застолье, участниками которого были повивальная бабка, родители новорожденного, крестные родители, иногда соседи и деревенские дети.

Молодуха с ребенком
Тульская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 757-21

Молодая крестьянка
у колыбели
Архангельская губ.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2638-70

Дети
Ярославская губ.,
Пошехонский у.
Фотография 1915 г.
РЭМ 3498-63

Перед тем как сесть за стол, происходил обряд передачи ребенка от крестных матери. На Кубани и в Пензенской губернии, возвратившись после крещения домой, кума клала крестника на шубу перед иконами, потом его брала повитуха и передавала матери.

Обычно на стол подавались яичница, холодец, блины, пироги, водка. Главное же угощение на крестинах — это «бабина каша», которая подавалась обычно в конце крестинного обеда в большом горшке, покрытом полотенцем. Способность каши при варке увеличиваться в объеме отождествлялась с пожеланиями роста, здоровья, приумножения. Каша символизировала также долю ребенка, то есть его удел, судьбу, жизненное предопределение. В Саратовской губернии горшок с кашей сверху покрывался картузом, если рождался мальчик, или платком, если девочка. Наделение половой идентичностью младенца в Тверской губернии происходило следующим образом: ловили, в зависимости от пола младенца, петуха или курицу и клали в горшок из-под каши ногами кверху, приносили в избу и ставили на стол, чтобы крестник «быстрее стал ходить и петь песни». В Новгородской губернии на крестины шли все дети шести—восемью лет. Их рассаживали за стол и потчевали кашей и пирогом, при этом просили детей, чтобы они не обижали своего будущего товарища. В Орловской губернии подавали ржаной пирог «бабий зуб», что означало конец застолья. Повсеместно повитуха

угощала отца пересоленной и переперченной кашей, чтобы «знал, как солоно рожать деток». Затем она трижды поднимала горшок с кашей с пожеланиями ребенку роста, здоровья, богатства, счастья. После этого все присутствующие поздравляли повитуху с «внуком». На сороковой день роженица с младенцем отправлялась в церковь за очистительной молитвой, священник вносил в алтарь мальчика, а девочку прикладывал к иконам царских дверей.

В колыбель новорожденного укладывали на третий, восьмой или двадцатый день после рождения и держали в ней обычно один-два года. В русской деревне было распространено несколько вариантов колыбелей: в виде деревянного ящика, лубяного короба, корзины или деревянной рамы, обтянутой холстом. Дно колыбели, на которое в качестве подстилки стелили сено, солому или старые тряпки, обычно изготавливалось из поперечных перекладин либо сплеталось из пеньковой веревки или льна. Разные типы колыбели имеют общую конструктивную особенность, являющуюся этноопределяющим признаком для русской традиции: подвешенность. Колыбель крепилась с помощью пеньковой веревки к шесту — очапу, который одним концом упирался или врубался в стену, а другим проходил через железное кольцо, ввернутое в матицу, или через петлю веревки. Для защиты от мух, комаров, а также от сглаза колыбель покрывалась пологом, изготовленным из старой юбки или сарафана матери.

Подвешивание колыбели было обусловлено представлениями об исходящей из земли особой опасности для младенца. Именно поэтому существовал запрет опускать колыбель со здоровым младенцем на пол и наоборот — если желали «спокойной» смерти больному ребенку, то ставили ее на пол. Важную роль в формировании мифологии колыбели играл шест, к которому она крепилась: согласно верованиям, он являлся образом дороги, по которой новорожденные приходят в мир людей. Так, если не желали больше иметь детей, с шеста не снимали кору и не обрубали сучки, красноречиво поясняя: «По гладкому, как по маслу, так и полезут дети». Для обеспечения деторождения отец должен был вырубить шест в густом лесу, причем так, чтобы он не касался земли; по числу сучков на нем гадали о количестве будущих детей.

Колыбель как своего рода первый дом ребенка требовала соблюдения многочисленных предосторожностей в обращении с ней: нельзя было качать пустую колыбель, класть на дно перьевую подстилку, переступать или здороваться через нее, иначе заболит или умрет младенец. В качестве оберега от нечистой силы в колыбель помещали нож, ножницы, щетку, свиной хрящ, над ней вешали колокольчик, ложку, бусы, шейные крестики, маленький лук со стрелой, на стенках вырезали или рисовали один-два креста, прикрепляли иконку. На Русском Севере колыбель иногда покрывалась сюжетной росписью, содержащей картинку из будущей — взрослой — жизни ребенка.

Первое укладывание младенца в колыбель сопровождалось ритуальными действиями, похожими на обряд новоселья: помещали в колыбель кота, окуривали ладаном, прятали под подстилку металлические предметы. Расставание ребенка с колыбелью символизировало переход его из младенческого состояния в половозрастную группу собственно детей, а сама колыбель переходила к другому младенцу.

Наиболее последовательным воплощением символического языка культуры, реализацией и «материальных» — сиюминутных, и духовных устремлений этноса в русской традиции являлся свадебный обряд. Как ритуал свадьба оформляет и регламентирует создание новой семьи, а в перспективе обеспечивает смену поколений, продолжение жизни коллектива во времени. С точки зрения мифопоэтических представлений, брак был необходимым этапом в жизни каждого человека.

Обычно выделяют три этапа свадьбы: до-свадебный (сватовство, смотрины, рукобитье, девичник и др.), собственно свадьба (свадебный поезд, венчание, свадебный стол, брачная ночь) и послесвадебный (обряды первого дня, гостьба).

Сватать обычно ездили вечером, лошадей украшали лентами, к дуге привязывали колокольчики. Резко повышалась знаковость поведения главных действующих лиц — через порог сваты перешагивали непременно правой ногой, садились на лавку вдоль половиц под матицу, заводили иносказательную речь, используя охотничью или торговую лексику.

После сватовства поведение невесты резко менялось: она редко выходила из помещения, старалась тихо и незаметно передвигаться по дому, общалась с помощью причитаний, жестов, предметов, тщательно соблюдала пищевые запреты. Изменения касались и ее внешнего облика: просватанная девушка надевала невзрачную одежду, рубашку с длинными рукавами, закрывала лицо платком. Все эти признаки свидетельствовали о ее символической смерти. По логике обряда, чтобы стать мужней женой, надо избавиться от всего прежнего, девичьего; девушке надо умереть как таковой ради новой жизни в качестве женщины с новым именем, новой прической, новой одеждой, новой семьей, в новом доме и новом окружении. Этот мотив во многом задавал особый драматизм, напряженность русской свадьбы.

Для жениха подобные изменения в поведении были не столь актуальны, так как русская свадьба описывается, как правило, с «мужской» точки зрения. Поэтому столь ярко выражен в свадебном обряде антагонизм между сторонами жениха и невесты, частично характеризующийся как отношения свои/чужие или даже живые/мертвые. В этом смысле неувидительна подвижность партии жениха на довенчальном этапе, являющаяся проявлением его жизненности: жених приезжает на рукобитье (заручины, пропой), смотрины, девичник (плаканье), где происходит обмен дарами, угощением, которые можно рассматривать как попытку преодолеть барьер, сблизиться с невестой и ее семьей, а в перспективе — создать новую семью.

Важнейшим символом досвадебных обрядов являлась девичья красота (воля), с которой невеста прощалась накануне венчания на девичнике. Девичник представлял собой целый комплекс обрядовых действий, включающих расплетание косы, мытье невесты в бане, а также изготовление и уничтожение или передачу подруге красоты — символа девичества, воплощенного в косе, кудели, деревце, венке, платке, ленте.

Кульминацией свадьбы было венчание, которое проводилось на следующий день после девичника. Церковное венчание придавало браку юридическую силу. В церковь жених и невеста отправлялись в разных санях: впереди ехал дружка, за ним жених с тысяцким, потом невеста с крестной матерью, далее — остальные поезжане. Обряд венчания сопровождался

Брачный венец
Олонецкая губ.
Вытегодский у.
XVII в.
РЭМ 1518-1/2

Берестяные венцы являются ценным памятником русской истории и народного быта. Выполненные еще в XVII в., они на протяжении столетий использовались при проведении венчального обряда на Русском Севере.

Свадебный комплекс:
костюм новобрачного
и костюм новобрачной для
второго дня свадьбы
Вологодская и
Тульская губ.
Из собрания РЭМ

Одежда просватанной
девушки
Вологодская губ.
Вторая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Одежда молодухи
для второго дня
свадебного пира
Вологодская губ. XIX в.
Из собрания РЭМ

обменом колец, чтением молитв, благословениями и возложением венцов на головы брачующихся, которое осмыслялось как наложение славы Божьей.

Следовавший за венчанием свадебный пир являлся формой общественного признания и одобрения свадьбы. На Русском Севере и в центральных районах сразу после венчания застолье устраивалось в доме молодого, на Юге — сначала в доме невесты проводили санкционирующие обряды, и только после этого свадьба переносилась в дом жениха. Молодых усаживали за стол на лавки, покрытые шубами, чтобы «жизнь была богатой». Как правило, новобрачные за столом ничего не ели, гости пели песни и величали молодоженов.

Один из главных обрядов свадьбы, символизирующий переход жениха и невесты в новую социовозрастную группу, была брачная ночь. Переходный характер обряда обусловил жесткую регламентацию поведения новобрачных и их окружения. Брачная ночь обычно происходила после венчания в доме жениха в начале, в середине или в конце свадебного застолья. Место брачного ложа — холодная горница, подклеть, сени, чулан, баня, амбар, хлев, летняя постройка — характеризуется «пограничностью» расположения (не изба, но и не улица), которая отражает своеобразие положения молодых: уже муж и жена, но брачная ночь еще впереди.

Постель, привезенную в дом жениха вместе с приданым, стелила обычно свекровь, золовка или сваха невесты — постельная сваха. В постель подкладывали растения, обладающие семанти-

кой плодородия: ржаные снопы, солому, овес, хмель. От сглаза обходили брачное ложе с рябиновой веткой, под постель помещали ухват, кочергу, сковороду, под головы клали кнут. Во время свадебного угощения молодых уводили спать, в Архангельской губернии это делали женщины, в Симбирской — дружка, в западно-русских землях — крестная. На Русском Севере при этом разметали веником дорогу, в Новгородской губернии дружка ударял плетью по дверям и постели. В Ярославской сваха с дружкой провожали молодых с иконой, а в Вологодской молодых сопровождали гости, которые плясали у брачного ложа и угощались. Практически повсеместно совершался обряд обогривания постели — брачное ложе занимали золовка, брат невесты или жениха, счастливая пара молодоженов, дружка или девочки, у которых нужно было выкупить постель полотенцем, лентами, водкой, деньгами, или выгнать их палками.

Как первая ночь, проведенная супругами вместе, брачная ночь могла определить будущую семейную жизнь. Любой жест или произнесенное слово приобретали магическую силу. Так, перед укладыванием в постель жена, признавая за мужем главенство в семье, должна была разуть его. За это она получала деньги, спрятанные в сапоге. Иногда и муж за деньги должен был разуть жену. Свахи и дружка раздевали сначала молодого, потом молодую и укладывали в постель с пожеланием здоровья.

Поведение новобрачных в это время могло определить характер их будущих отношений. Так, примечали: кто первый разуется или ляжет в постель или кто первый встанет, тот будет гла-

Новобрачные после венчания
Тульская губ.,
Новосильский у.,
с. Моховое.
Фотография 1902 г.
РЭМ 757-55

Привоз покойника
в церковь на дровнях
Олонецкая губ.
Фотография 1901 г.
РЭМ 63-9

На с. 109

Домовина
Санкт-
Петербургская губ.,
Новоладожский у.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2460-5

Домовище –
намогильное сооружение
на кладбище
Олонецкая губ.,
Повенецкий у.,
д. Габсельга.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2522-3

Крест
Санкт-Петербургская губ.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2466-91

венствовать в семье, а в Ярославской губернии невеста клала на подушку серьги и просила мужа отнести их на стол: если муж сделает, как она просит, то будет главой в семье.

Будили молодых обычно дружка, свахи или свекровь производимым шумом: гремели сковородками, кричали, звонили в колоколец, били горшки с горохом, деньгами, при этом иногда произносили пожелание: «Сколько кусочков, столько и сыночков».

Важным обрядом являлась проверка девственности невесты — осматривали постель, сорочку, спрашивали молодого: «Лед ломал или грязь топтал?». Следили за тем, как ведет себя муж за столом: например, во Владимирской губернии, если молодая была невинной, он пробовал вилкой дно стакана с вином или пил красное вино, в противном случае он разбивал стакан или требовал белого вина.

Затем следовали очистительные обряды — устраивалась свадебная баня для молодых или их просто окачивали водой. После брачной ночи обряды были ориентированы на возвращение молодых к жизни, включение их в новую социальную структуру. Конец свадьбы как особого

состояния для всех ее участников знаменовался отводинами — совместным посещением молодыми родителей и взаимным угощением.

Погребальный обряд также относится к переходным ритуалам, так как в его рамках происходит переход человека из одного состояния (жизни) в другое (смерти). В русской традиционной культуре различают два вида смерти: «своя смерть», то есть естественная смерть от старости, когда человек изживает свой век (в этом случае умерших называют «родителями»), и «не своя смерть», то есть когда человек умер преждевременно, не изжив своего века (тогда его называют «заложным покойником»).

В русской деревне к смерти готовились практически на протяжении всей жизни: так, например, вычесанные и состриженные волосы в некоторых локальных традициях не выбрасывали, а собирали за пазуху, веря, что на том свете они пригодятся. Повсеместно было принято заранее приготовить «смертный узел», который состоял из сарафана, рубахи, штанов, пояса, белого платка, крестика, молитвы бумажной, холста для покрывания (савана), полотенца, лаптей, головного убора. При изготовлении

одежды «на смерть» соблюдались определенные предписания: одежда должна быть новой, чистой и сшитой без узлов, движением иголки от себя. Помимо «смертного узла», который готовила обычно женщина как для себя, так и для своего мужа, хозяин должен был для себя и своей жены изготовить гроб — по народным представлениям это сулило долгую жизнь. Гроб обычно держали на чердаке, нередко наполнив его житом (ячменем), которое после смерти владельца раздавалось нищим, «чтобы на том свете жизнь была богатой». Там же могли держать и надгильный знак.

При приближении смерти совершался обряд «прощания с вольным светом»: умирающий просил родственников отнести его на поле проститься с землей и с вольным светом со словами: «Мать сыра-земля, прости меня и прими!», «Прости, вольный свет-батюшка!»

Смерть человека создавала угрозу для живых людей, так как свидетельствовала о нарушении границы, отделяющей мир живых от мира мертвых. Поэтому погребальная обрядность была направлена на выделение умершего из мира живых и восстановление нарушенной границы. В момент смерти открывали печную трубу или форточку, чтобы «освободить душе дорогу», на окно вешали кусок холста или полотенце, на котором, по народным представлениям, отдыхает душа.

Тело покойного обмывали, что символизировало окончательный переход человека в мир мертвых; воду, мочалку и солому, на которой мыли умершего, выносили за околицу или капывали во дворе. Покойника обряжали в чистую «смертную одежду» и укладывали в гроб. Гроб с маленьким окошком изготавливали из цельного древесного ствола, на дно стелили листья от березовых веников, клали хлеб для покойного. Иногда в гроб могли положить любимые

вещи умершего: курительную трубку, гребень и т.д. Гроб с покойником ставили на лавку ногами к двери, где он находился обычно три дня. По обычаю оставлять одного умершего не полагалось, поэтому устраивались ночные бдения у гроба. Прощаться с покойным приходили в течение всего времени, пока гроб находился в избе. Часто приглашались опытные вопленицы для причитания. В причетях рассказывалось о прижизненных делах умершего и о «горькой судьбинушке» близких, которых он оставил. В некоторых локальных традициях в случае смерти незамужней девушки старались «достроить» ее жизненный путь. С этой целью устраивалась свадьба-похороны: умершую девушку одевали как невесту, обвязывали полотенцем, на средний палец правой руки надевали кольцо. Иногда для покойной избирался из числа холостых мужчин жених, который в соответствующей одежде следовал за гробом.

По обычаю хоронили, как правило, до полудня. Покойника выносили в открытом гробу ногами вперед, чтобы он «не видел дороги назад». При этом трижды гробом ударяли о порог дома, обозначая тем самым одну из границ, отделяющих мир живых от мира мертвых. На Русском Севере путь похоронной процессии устилался еловым лапником, чтобы покойный не нашел дороги назад. С этой же целью гроб иногда выносили не через дверь, а через окно или хлев, а также вслед за тем мыли пол в помещении, где он стоял. По лавке, на которой лежал покойный, уда-

Гармонист
Новгородская губ.,
Боровичский у.,
д. Горки.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 4262-7

ряли топором или ножом, «чтобы отсечь этим смерть». На кладбище опусканию гроба предшествовал обряд «выкупа земли» медными монетами, которые присутствующие бросали в могилу. Первыми к засыпанию могилы приступали родственники умершего, бросая в нее по одной—две горсти земли. Завершали работу соседи. Сверху на могиле насыпали небольшой холмик, на котором устанавливали деревянный крест или намогильный знак. Иногда прямо на кладбище угощались кутьей, которую каждый из присутствующих должен был попробовать. При выходе с кладбища каждый стряхивал с ног могильную землю, приносящую которую обратно домой считалось опасным. После кладбища мылись в бане, «смывая» с себя следы контакта с умершим.

Поминовения умерших справлялись обычно на третий, девятый, сороковой дни и в годовщину смерти. Верили, что именно в эти дни ангелы приносят душу покойного в родной дом, где ее следует накормить. В остальное время вплоть до сорокового дня ангелы водили ее по тем местам, где человек когда-то бывал, и показывали все совершенные человеком при жизни добрые и недобрые дела. В дни поминок родственники обычно ходили на кладбище, где угощались пищей, принесенной из дому: кутьей, блинами, киселем. Немного пищи оставляли у намогильного знака. На поминальные трапезы собирали в первую очередь родственников, ближайших друзей, а также нищих и убогих. Так как покойник, по народным представлениям, испытывал все те же потребности, что и живой человек, то для него на общем или на специальном столе в углу под образами ставили отдельный прибор. С этой же целью выливали на угол стола первую ложку какой-либо еды и первый стакан воды.

Самым важным в поминальной обрядности считался сороковой день, когда душа умершего окончательно покидала мир живых. В этот день происходили «проводы души» — крестьяне еще накануне стелили для покойника в углу под образами особую постель, чтобы он «лучше отдохнул перед дальней дорогой», заказывали литургию (панихиду или сорокоуст) в церкви, отдавали церковному причту или нищим «на помин души» теленка или овцу. На юге на сороковой день пекли «лесенку» — продолговатое печенье с поперечными полосками, напоянными ступеньки лестницы. Эту лесенку, символизирующую восхождение умершего на небо, ставили на скамейке в воротах. На Русском Севере собирали пищу в решето и отправлялись по дороге в сторону кладбища до ближайшего перекрестка. Там устраивалось последнее угощение для родственников и близких, а один из них закутывался с головой в платок, забирал половину преломленного хлеба и уходил в направлении кладбища, символизируя таким образом окончательный уход души в мир иной. При

посещении кладбища в этот день было принято снимать с могилы венки и сжигать их.

После сорокового дня сильное проявление горя по умершему считалось нежелательным и даже опасным. Верили, что слезы тоскующих могут «затопить» покойного на том свете или даже вынудить его приходить в свой родной дом. Чтобы «отвести тоску», каждое утро умывались водой с тыльной стороны ладоней, утром и вечером при умывании читали специальный заговор.

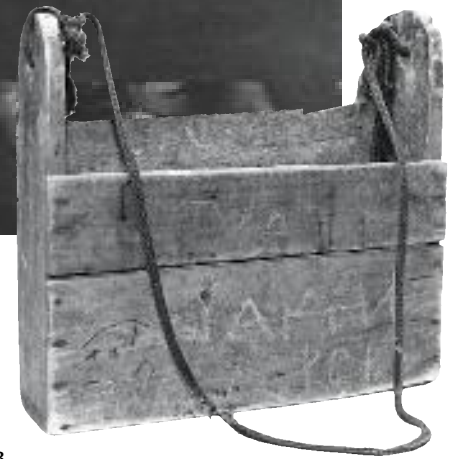
По истечении года после смерти родственники ходили на кладбище, поминали умершего и обустроивали могилу: укрепляли намогильный холм, высаживали живые цветы, у могилы иногда сажали деревья. Первоначально установленные намогильные знаки заменялись крестом. В том случае, если крест уже был установлен, менять его было нельзя — такой крест лишь укрепляли и заново красили.

ФОЛЬКЛОР

Одной из важнейших частей традиционной культуры является фольклор. Если не рассматривать его в широком значении, то есть как все многообразие форм традиционной культуры, то в сферу фольклора входит главным образом устное народно-поэтическое творчество. В отличие от литературы в фольклоре тексты существуют, как правило, в устной форме, во многом именно этим определяется его характерная черта — вариативность. Современные исследования фольклористов свидетельствуют, что общерусского фольклора не существует, а есть только множество региональных традиций, совокупность которых и составляет национальный фольклор.

Одним из архаических жанров устного народного творчества является героический эпос, который сохранился у русских особенно на периферии их этнической территории до XX века в форме былины. Популярными героями былиных текстов были богатыри Илья Муромец, Василий Буслаев, Добрыня Никитич и др. К архаическим жанрам относится и так называемый обрядовый фольклор, или фольклор ритуализованных форм, включающий помимо обрядового игровой и магический. Практически все обряды в русской традиции были вербализированы: например, свадьба сопровождалась величальными, корильными, шуточными песнями, причитаниями, загадками, заговорами, пословицами и поговорками. К календарным обрядам были приурочены колядки, веснянки, заклички, многие игровые песни, заговоры и т.д.

Чрезвычайно широко бытовали песни, не привязанные жестко к календарю и к семейным обрядам. Это лирические песни, которые включают любовные, колыбельные, солдатские, ямщицкие и др., описывающие душевные чаяния и устремления народа.

Ученики
Сине-Никольского
земского училища
Псковская губ.,
Опочецкий у.,
с. Сине-Никольское.
Фотография 1898 г.
РЭМ 142-8/2

Сумка школьная
Архангельская губ.,
Пинежский у.,
д. Нюхча. 1912 г.
РЭМ 7782-91

Самым популярным прозаическим жанром являлась сказка: волшебная, бытовая, сатирическая, анекдотическая. Повсеместно были распространены и до сих пор сохраняют сильную позицию в современной русской культуре произведения несказочной прозы: предания, легенды, «былички», описывающие особую мифологизированную действительность.

ОБРАЗОВАНИЕ

До середины XIX века возможность получения начального образования в русской деревне была невелика. Крестьяне учили детей грамоте лишь ввиду жизненной необходимости. Например, по инициативе жителей крупного села, потомственно занимавшихся торговлей, под школу отводилась съемная изба и нанимался учитель — дьячок, отставной солдат или просто грамотный крестьянин. На Русском Севере в центрах старообрядчества в связи с необходимостью переписывания старинных богослужебных книг создавались самоходные, вольные школы. Учили грамоте также и при крупных монастырях.

Достаточно широкая сеть начальных учебных заведений для крестьян и мещан появилась и постепенно разрослась только после серии реформ 1860—1880 годов. Одновременно существовало несколько видов учебных заведений. Во-первых, народные училища, финансируемые государством и напрямую подчинявшиеся Министерству народного просвещения: они делились

на одноклассные с трехгодичным обучением и двухклассные со сроком обучения в пять лет. Во-вторых, земские школы, работавшие на средства земских губернских и уездных управ и сельских обществ и занимавшиеся по программе одноклассного училища. Преподавали в них выпускники учительских семинарий и гимназий. Третьим видом школ были церковно-приходские, подведомственные Синоду и открывавшиеся приходскими священниками. Они были одноклассными с двумя годами обучения и двухклассными с четырьмя годами обучения. Преподавание в них шло по книгам, утвержденным Синодом, самим приходским священником или приглашенным учителем под его надзором (до получения собственного прихода эту должность мог занимать выпускник духовной семинарии). Четвертый вид сельского учебного заведения — школы грамоты из ведения различных ведомств или частных лиц в 1891 году также были переданы Синоду. В них в течение одного—двух лет обучались чтению, письму, счету, знанию молитв и пению. Во все виды народных училищ детей принимали в возрасте 7—12 лет, учебный год длился со 2—4 октября по 1—15 мая и заканчивался экзаменом, на котором обязательно присутствовал смотритель народных училищ, представители земства или благочинный, оценивавшие как знания детей, так и качество работы учителя. Ученики, благополучно освоившие курс, получали похвальные листы, лучшие из них могли быть рекомендованы к сдаче экзаменов в гимназию.

УКРАЇНЦІ

У К Р А І Н Ц Ї

КСТАДЫЧІ

БЕЛОРУСЫ

УКРАИНЦЫ И БЕЛОРУСЫ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

О.В. Лысенко, Н.Н. Прокопьева

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Украина занимает территорию на юго-востоке Европы, гранича с Беларусью и Россией на севере, с Россией на востоке, с Молдовой и Румынией на юго-западе, с Венгрией, Словакией и Польшей на западе. На юге она имеет выход в Черное и Азовское моря. В начале XX века площадь Украины составляла более 739 тысяч кв. км.

Беларусь расположена в Восточной Европе и к началу XX века занимала территорию 207,6 тысяч кв. км. На северо-западе граничит с Литвой и Латвией, на западе — с Польшей. Выхода к морю не имеет.

Ландшафт Украины большей частью равнинный и холмистый с отдельными возвышенностями: Волынская, Подольская, Приднепровская на западе, Донецкий кряж и Приазовская на юго-востоке, а также низменностями: Полеская на севере, Приднепровская в средней части, Причерноморская на юге. На юго-западе поднимаются Карпаты (высота до 2061 м), на крайнем юге — Крымские горы (высота до 1545 м).

Климат преимущественно умеренно континентальный. Средние температуры января — от -8 до $+2-4^{\circ}\text{C}$, июля $+20-25^{\circ}\text{C}$. Самый распространенный почвенный тип представляют черноземные почвы, занимающие половину территории региона, остальную часть составляют подзолистые и каштановые почвы. Северная часть Украины находится в зоне смешанных лесов, южная и средняя — в лесостепной и степной зонах. На территории Украины расположено

множество рек, главные из которых — Днепр с притоками, Северский Донец, Южный Буг, Днестр и Дунай, а также свыше 7000 озер.

Поверхность белорусской территории равнинная. На севере расположена система маренных гряд (Свенцянская, Браславская и Освейская), сменяющихся к югу Белорусской грядой (наибольшей высоты достигает Минская возвышенность — 347 м); на юге — Белорусское Полесье. Моренные гряды чередуются с заболоченными низинами.

Климат умеренно континентальный. Средние температуры января от -4 до -8°C , июля $+17-19^{\circ}\text{C}$. Преобладают дерново-подзолистые почвы. 1/3 территории занимают смешанные леса, сохранились пуши с реликтовыми лесами (Беловежская и др.). Основные реки — Днепр, Западная Двина, Неман, Западный Буг. На севере много озер, крупнейшие из которых Нарочь, Освейское, Лукомльское, Дрисвяты, на юге — болот.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Самобытность украинцев и белорусов обусловлена, в первую очередь, своеобразием их этнической истории, которая складывалась в период межгосударственного и регионального членения. Полесье и Карпаты являются узловыми ареалами не только в осмыслении исторических корней этих народов, но и в формировании этнической карты Восточноевропейского региона в целом. Это территории с автохтонным славянским населением, которое характеризуется непосредственным соседством с областью славянской прародины или даже вхождением

в эту область, сохранением в наибольшей степени черт восточнославянской общности на уровне этнографических реалий XIX—XX веков.

В настоящее время выделяются следующие этнокультурные зоны: у украинцев — Среднее Поднепровье, Подолье, Карпаты, Полесье, Полтавщина со Слобожанщиной и юг Украины; у белорусов — Поозерье, Поднепровье, Центральная Белоруссия, Понеманье, Восточное и Западное Полесье.

В научной литературе вопросы, связанные с этнической историей украинцев и белорусов, и особенно с ее ранними этапами, имеют разное толкование. Согласно некоторым из них, появившимся в XIX веке, отрицалось существование белорусского языка и специфической культуры белорусов. Этническая принадлежность населения белорусских территорий рассматривалась как часть польского этноса — «польская концепция», или как часть великорусов — «великорусская концепция».

Большинство существующих концепций основано на представлении о белорусах как самостоятельном этносе со специфическими культурой и языком. Сторонники «кривичской теории» полагают, что истоки всех отличительных черт белорусов восходят к их предкам — восточнославянскому племени кривичей. В то же время такие видные ученые, как Е.Ф. Карский и В.И. Пичета считали, что этнической основой белорусов были не только кривичи, но и дреговичи, и радимичи. Опираясь на лингвистические, топонимические, исторические и археологические данные, Е.Ф. Карский в своих работах пришел к выводу, что белорусы являются «автохтонами в своей стране». Другие, прежде всего российские ученые-«государственники» (В.О. Ключевский, Н.П. Барсов), развивали идею общности происхождения белорусов и украинцев из древнерусской народности. На основе этой идеи была разработана доминирующая в отечественной исторической науке концепция происхождения трех восточнославянских народов (Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, С.А. Токарев, П.Н. Третьяков). Эту концепцию разделяло и разделяет большинство российских ученых. Однако в современной исторической науке существуют другие взгляды на происхождение белорусов. В течение последних трех десятилетий обсуждается «балтийская концепция». Основа этой концепции состоит в том, что появление белорусов и формирование специфических особенностей их культуры связаны с миграциями славян и ассимиляцией ими местного балтийского населения. По мнению В.В. Седова, балтский субстрат был наиболее важным фактором при складывании комплекса культуры и языка белорусов.

По-разному объясняли и этимологию названия «Белая Русь». Оно появилось в период вхож-

дения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского и относилось к Витебщине, северо-востоку Могилевщины. Территория Гродненщины, западные части Минских и Витебских земель в исторических источниках назывались «Черной Русью», а южная лесистоболотистая равнина имела название «Полесье».

Наиболее распространенным значением «Белой Руси» можно признать — «свободная, вольная, независимая». Полагают, что аналогичные названия имели те части Руси XIII—XV веков, которые были относительно независимы от Золотой Орды, например, Ростово-Суздальская, Киевская, Московская, Смоленская и некоторые другие земли. По отношению к Белоруссии это название наиболее часто упоминается в XVI—XVIII веках. Название «Белая Русь» фигурировало в титуле русского царя Алексея Михайловича, а после разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII века присоединенные к России северо-восточные земли были названы «Белорусскими». Термин «Белая Русь» постепенно распространился на всю этническую территорию белорусов, а население получило наименование «белорусы».

Не менее сложна ситуация в определении происхождения и генезиса термина «Украина». Слово «украина» (польск. *ukraina*) означает «пограничная земля», русское прилагательное «украинный» означает «то, что лежит у края, близ границ». В большинстве интерпретаций отмечается, что такое название может быть дано известной местности лишь извне, правительством или народом, рассматривавшим эту местность как часть собственной, пограничную территорию, пространство контактов с иными культурами и народами. С этой позиции отмечают, что для Литвы киевские земли стали южной украиной со времени их завоевания в конце XIV века; для Польши — восточной украиной со времени объединения Литвы и Польши во второй половине XVI века; для Московской Руси — юго-западной украиной со времени присоединения Малороссии в середине XVII века. Отметим, что у Московской Руси были и другие украины — те земли, которые лежали у границы донской и нижеволжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта (насколько вообще можно говорить о степной границе в XIV—XVII веках) постепенно продвигалась на юг, соответственно менялись и земли, к которым прилагалось название украинских.

Большинство исследователей проблемы этногенеза украинцев и белорусов, опираясь на архивные данные и исторические источники, считают, что наиболее благоприятные условия для этнообразующих процессов сложились в XIII—XVI веках, когда часть этнической территории украинцев и белорусов оказалась в составе

На с. 112–113

Группа девушек и замужних женщин в праздничных нарядах Украинцы. Полтавская губ. Конец XIX – начало XX в. РЭМ 2021-50

На с. 114–115

Крестьяне Белорусы. Могилевская губ., Могилевский у., д. Мосток. Фотография 1912 г. РЭМ 2711-3

Старик
в возрасте 100 лет
Белорусы.
Могилевская губ.,
Могилевский у.,
д. Мосток.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2711-9

Великого княжества Литовского. Ядро этнической территории, которое соответствовало в целом географии расселения древнейших восточнославянских племен, представляло собой в XIV—XVI веках уже достаточно моноэтническую зону. Единство их этнической территории не нарушалось и существовавшим в то время административно-территориальным разделением земель.

Несмотря на то, что в целом этнические процессы этого периода характеризовались объединительной тенденцией, географические и социальные ареалы их действия были весьма вариативными и колебались от локальной консолидации жителей ряда сел в своеобразную этнографическую единицу до объединений общегосударственного масштаба, в которых наблюдались черты межэтнической интеграции. Одним из наиболее мелких масштабов интеграционных этнических процессов были сельские и волостные крестьянские общины, совокупность которых охватывала в XVI—XVII веках подавляющее большинство (до 75—80%) населения.

Сельские волостные общины в административно-территориальном, хозяйственном и культурном отношении группировались вокруг городов и местечек в границах отдельных поветов, княжеств, воеводств в так называемые землячества. Общее самоназвание жителей повета, воеводства было также производным от центрального поселения (города или местечка) — мозыряне, речичане, оршанцы, слонимцы, случане и т.д.

Следует отметить, что с конца XVIII века в составе Австро-Венгерской империи все славянские «племена» (кроме поляков и словаков), жившие в

Галиции, Буковине и северо-восточной Венгрии (всего около пяти миллионов), назывались Rutenen. Сами они называли себя: в Галиции — русскими или русинами, в Буковине — русинами, русскими и малороссами, в Венгрии — русскими, малороссами и русняками. Основные группы русин, сохранившиеся до конца XIX века в Галиции, — покутяне (округа городов Кут и Коломыя), гуцулы (Коломыя, Станиславов, Косов), подольяне (к северу от Днестра), бойки (самоназвание горяне, округ Стрия), лемки (самоназвание русняки). Все они говорили на одном наречии, подразделяющемся на четыре говора: подольский, гуцульский, бойковский и лемковский.

В последней четверти XVIII века произошли изменения на политической карте Европы. В результате трех разделов Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией (1772, 1793 и 1795) территория Юго-Западного региона была разделена государственными границами. Этносоциальные и политические процессы своеобразно отразились на конфессиональной структуре его населения. Не менее важным фактором, сформировавшим своеобразие полиэтнического пространства региона, явилось активное участие в этнических и социальных процессах еврейского населения, которое активно заселяло эти земли с XV века. В конце XVIII века подавляющее большинство евреев было сосредоточено в западных губерниях Российской империи — Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Ковенской, Гродненской. Они также проживали на юго-западе России в Волынской, Киевской, Подольской, Бессарабской и Херсонской губерниях и на юго-востоке в Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической. Кроме

На с. 119

Малороссиянка
Киевская губ.,
Сквирский у.,
мест. Погребичи.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-2904

Вид на село Череда
Украинцы.
Полтавская губ.,
Лубенский у.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-8

того, многочисленное еврейское население было сконцентрировано в землях, отошедших к России в 1815 году и составивших Царство Польское. Губернии, входившие в так называемую черту оседлости, сформировали ограничения для проживания и передвижения евреев-ашкеназов в России.

В начале XIX века около трети российских евреев жили в сельской местности. В то же время государственная администрация стремилась сконцентрировать их в наиболее подходящей для них городской среде, что способствовало образованию уникальной культуры местечек-штетлов, где еврейское население проживало в соседстве со славянским и зачастую составляло 80% всех жителей (Подолля, Витебщина).

Экономика штетлов поддерживалась торговлей, городскими промыслами и ремеслами и была сосредоточена вокруг рынка. При этом в качестве поставщиков сырья и продукции сельского хозяйства выступали местные крестьяне, они же являлись покупателями предметов, производимых евреями-ремесленниками. В ареалах тесных межэтнических контактов складывалась уникальная ситуация, при которой и славянское население, и евреи становились носителями двуязычия в общении с иноэтничными жителями, особенно при совершении торговых операций.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Антропологический облик украинцев и белорусов сложился в результате миграций и смешения различных групп населения. Прародина сла-

вян находилась на стыке североевропеоидной, длинноголовой, светлопигментированной расы и другой расы — южноевропеоидной, круглоголовой, темнопигментированной. Праславяне не отличались ни чистотой расы, ни единством физического типа. И потому изначально в пределах обитания славян не наблюдается однородности антропологического типа. И тем не менее, по комплексу антропологических показателей славяне четко отличались от большинства своих соседей — германцев, угро-финнов, народов Северного Кавказа и кочевых племен, приходивших из-за Урала. В середине I тысячелетия н.э. славянская общность распадается, и отдельные племена порознь и в разные времена начинают движение за пределы прежних своих территорий — на юг, запад и восток. Расселение осуществлялось не одновременно и из разных этнических регионов славянского мира. В антропологическом составе восточных славян различаются две фазы, которые в значительной мере совпадают с этапами этнической истории. Первая фаза — средневековье: X—XIII века. Переселяясь на восток, обособляясь от прежней общности, славяне попадали в различные природные условия и оказывались в соседстве с различными иноплеменниками. Итак, расселяясь по обширной Восточно-Европейской равнине, славянские племена в эпоху средневековья обретали антропологическое разнообразие, которое было обусловлено физическими особенностями прежнего населения этих мест. На севере и востоке — угро-финнами, на северо-западе — летто-литовцами, на юге — ираноязычными племенами. Вторая фаза в антропологической истории славян связана с образованием государственности — с XVI—XIX веков. И из отдельных

племен в более поздние века стали складываться народы, обладающие сходно выравненными чертами: белорусы тяготеют к северо-западным группам, украинцы — к южным. Ядром для образования белорусской народности, как и украинской, были племена, достаточно сходные по своим типическим чертам. Если сопоставлять восточнославянские народы по комплексу физических признаков, то украинцы более круглолобые, широколицы, имеют темную пигментацию глаз и волос и тяготеют к южноевропейскому типу. Белорусы более длиннолобые, узколицы, светлоглазы, часто обладают светлыми волосами и тяготеют к североевропейскому типу.

ЯЗЫК

Как и русский, белорусский и украинский языки относятся к восточнославянской группе индоевропейского языка. Их формирование происходило на протяжении XIII—XVII веков. Лингвисты считают, что некоторые особенности местных говоров уже существовали в период распада Древнерусского государства.

Русский, украинский и белорусский языки — языки-братья, имеющие одного предка — древнерусский (восточнославянский) язык. Древнерусский язык образовался в VII—VIII веках на базе многочисленных близкородственных говоров древнейшего общеславянского (праславянского) языка, исторические истоки которого уходят в глубокую древность. Четкую хронологическую границу между древнерусским языком и русским, украинским и белорусским языками провести невозможно, тем более что письменный (не разговорный) древнерусский язык с локальными вариантами сохраняется во многих письменных памятниках в XIV—XV столетиях. Решающие изменения в общенародных языках происходили в сфере устной речи. Среди них были и такие, которые приводили к образованию в общенародных языках локальных (диалектных) вариантов. Диалектные различия при надлежащих условиях перерастали в различия языковые. Языковая система распадалась на близкородственные, но самостоятельные языковые системы с присущими им особыми внутренними законами развития. В славистике общепринято, что разделение разговорных народно-диалектных русского, украинского и белорусского языков произошло приблизительно в XIV веке.

Белорусский и украинский языки вместе с русским относятся к восточной группе славянских языков. Белорусский язык распадается на северо-восточный и юго-западный диалекты, среднебелорусские и полесские говоры. Система звуков современного белорусского языка сохраняет исторически сложившуюся близость с фонетической системой русского языка: аканье, смягчение согласных перед гласными переднего

ряда, оглушение звонких согласных перед глухими и в конце слов. Число говорящих на этом языке 6,6 млн. человек.

Украинский язык представлен диалектами: северо-западным (полесским), испытывавшим влияние белорусского языка; юго-западным (галицкие, закарпатские, буковинские), испытывавшим влияние польского и словацкого языков; юго-восточным (приднепровским), который был положен в основу литературного языка; северо-восточным (слобожанским), испытывавшим влияние русского языка.

На северо-востоке говоры испытывают влияние как белорусского, так и русского языка. Иногда эти говоры объединяют с северо-западными (как северное наречие или североукраинские диалекты). Северные говоры отличаются от литературного языка в основном фонетикой (в произношении, ударении), юго-западные фонетически ближе к литературному, чем северные. Кроме этого, сильно отличаются говоры Закарпатья — некоторые филологи даже выделяют их в самостоятельный русинский язык.

На востоке и юге Украины, в центральных областях, многие украинцы говорят на смеси украинского и русского языков, так называемом «суржике», который совмещает украинскую грамматику и фонетику со смешанной русско-украинской лексикой. Также по-украински говорят в России, Польше (до 150 тыс. чел.), Канаде, Словакии (около 100 тыс. чел.), Белоруссии, Аргентине, Бразилии, Австралии, Приднестровье (около 70 тыс. чел.).

Современный украинский литературный язык — это смесь элементов трех главных диалектов с преобладанием влияния полтавских говоров, то есть юго-восточной группы диалектов, и в меньшей мере — юго-западной группы.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Основу хозяйственной жизни крестьянского населения Восточноевропейского культурного пространства составляло земледелие. На рассматриваемой территории оно имело разные уровни развития, географическую специализацию и структуру посевных площадей, способы и орудия обработки земли, которые были приспособлены к специфике почв. В целом на Украине были более благоприятные почвенные и природно-климатические условия для земледелия, чем в Белоруссии.

К концу XIX века преобладающей системой земледелия было трехполье, при котором часть поля засеивали озимыми, часть яровыми культурами и часть оставляли под паром. Однако сохранялись при этом более архаичные системы землеобработки: подсечная в лесных районах (преимущественно у белорусов и украинцев

На с. 120

Украинка
Полтавская губ.,
Лубенский у.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-3

Украинец
Подольская губ.,
Каменецкий у.,
с. Паневец.
Фотография 1860-х гг.
РЭМ 8764-2888

Белорус
Могилевская губ.,
Горецкий у., д. Заходы.
Фотография 1903 г.
РЭМ Ф 761-26

Белоруска
Могилевская губ.,
Горецкий у., д. Заходы.
Фотография 1903 г.
РЭМ Ф 761-32

Обмолот зерна на ручной мельнице Белорусы. Минская губ., Игуменский у., с. Омельно. Фотография 1905 г. РЭМ 806-19

Ручная мельница служила для получения муки, крупы мелкого помола, растирания соли. В домашних условиях перемалывали небольшое количество крупы, преимущественно пшена, гречи, кукурузы. В некоторых районах Украины ручную мельницу использовали для приготовления муки из зерна в свадебной обрядности: при выпекании обрядового каравайка каждая девушка-подружка невесты приносила из дома горсть зерна, затем подружки вместе должны были его обмолотить и замесить тесто.

Во время полевых работ Украинцы. Черниговская губ., Черниговский у., с. Пакуля. Фотография 1908 г. РЭМ 1514-17

в Карпатах), на небольших участках и, как правило, для посевов льна, конопли, картофеля; залежная, или переложная, — в украинских степях (Херсонщина). При этой системе после двух-трех лет обработки и использования поля, земля должна была от двух до семи лет оставаться под паром (укр. толока) или использоваться в качестве пастбищ и покоса.

Основной зерновой культурой у населения была рожь, кроме южных степных районов Украины, где предпочтение отдавалось пшенице как культуре, имевшей экспортное значение (наиболее известным ее сортом была твердая арнаутка). Из других хлебных культур высевали ячмень, который использовали для получения крупы, а также в качестве сырья для пива. В питании чаще всего использовалась гречишная крупа, поэтому посевы гречихи занимали

немалые площади. Выращивали просо, горох, овес, который в большей степени шел на корм скоту, но употреблялся и в рационе крестьян — из него варили кисель, а иногда в неурожайные годы добавляли в муку. Среди технических культур большое место занимали посевы льна и конопли, из волокна которых изготовляли полотно, а из семян — масло, использовавшееся в пищу. Во второй половине XIX века на Украине после освоения техники отжима масла из семян товарное значение приобрел подсолнечник, служивший до этого лакомством и украшавший сельские огороды.

Природные и почвенно-климатические различия на территории проживания двух крупных славянских этносов и, как следствие, использование разных тягловых животных — волов и лошадей — породили две различные этнокультурные традиции, которые откладывали свой отпечаток на способы и приемы, орудия обработки земли, транспортные средства.

Так, у белорусов практически повсеместно была распространена двузубая соха с локальными конструктивными особенностями. Выделяются полесская (литовская, подляшская), витебская (русская, перекладка — с перекладной полицей на правую и левую сторону) и поднепровская (могилевская). Последние две рассчитаны на одноконную запряжку при вспахивании. Полесская соха, более основательная, утяжеленная, предназначена для воловьей упряжки, ее ареал совпадал с распространением сохи у украинцев — в Полесье. Как у украинцев, так и у белорусов повсеместно соху, которую тащила лошадь (и до сегодняшнего времени), использовали для окучивания картофеля, второго по значению после зерновых растения.

Другими орудиями обработки земли у украинцев были облегченное рало и плуг, отличавшийся от рала наличием полоза с металлическим лемехом. Плуг использовался по преимуществу в зонах лесостепи и степи с тяжелыми, задернованными почвами, требовавшими трех-четырех пар волов. Орудием рыхления почвы

и закрывания семян землей как у белорусов, так и у украинцев служила плетеная в решетку борона. Она имела деревянные, в более позднее время — металлические зубья, которые крепились тонкими прутьями в местах скрещивания двух рядов продольных и поперечных перекладин. Кроме этого в Полесье, сохранявшем подсеčno-огневой метод возделывания земли, на лядях (возделываемый участок в лесу) использовали борону, изготовленную из верхушки ели с обрубками сучьев — вершалину. Наряду с пахотными орудиями обработки земли в качестве вспомогательных у украинцев и белорусов бытовали ручные мотыги, тяпки, лопаты.

Для уборки урожая украинцы и белорусы использовали орудия труда, известные всем земледельческим народам Европы: серп, косу, вилы, грабли. Урожай необходимо было убрать как можно быстрее, чтобы не осыпалось зерно. Серпом, как правило, женщины жали рожь и невысокие зерновые культуры. Косы с прикрепленными к ним грабками, позволявшими ровно ложиться высокорослой скошенной пшенице, использовали мужчины. Сжатые хлеба сушили в снопах (копцах) на поле, затем свозили к гумнам или на ток, где обмолачивали с помощью цепов, вальков, затем веяли, отделяя зерно от половы, деревянными лопатами или совками. Подготовленное зерно ссыпали в закрома и амбары, для ежедневного расхода его хранили в бочках, соломенных бочкообразных кошах и кадовбах (бел.) — выдолбленных в срубленном стволе дерева емкостях. Для более длительного хранения как украинцы в лесостепной зоне, так и повсеместно белорусы использовали архаичное сооружение — ямы, вырытые в почве и обложенные берестой. Переработка зерна в муку производилась на ветряных или водяных мель-

ницах, в домашних условиях для размельчения зерна использовали ступы и ручные жернова.

Выращенные и заготовленные на зиму корнеплоды и картофель ссыпали в погреба, а часть — в копцы (бел.), или бурты (укр.), — ямы, обложенные изнутри досками, а сверху прикрытые многослойно соломой и присыпанные землей. Кроме полевых овощей украинцы и белорусы выращивали для своего стола огородные культуры: капусту, огурцы (заготавливались в соленом виде на зиму), лук, чеснок, морковь, репу, свеклу.

Более благоприятные климатические условия позволяли украинцам выращивать бахчевые культуры — арбузы и дыни. Украина Примеча-

Жницы
Белорусы. Минская губ.,
Слуцкий у.
Фотография 1925 г.
РЭМ 4351-3

Уборкой зерновых культур обычно занимались женщины. Начинала работы старшая в семье женщина-хозяйка или та, у которой была легкая рука, за ней шли все остальные.

Способ передвижения на волах
Белорусы.
Минская губ., Пинский у.,
с. Чучевичи.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2249-24

Водяная мельница
Украинцы.
Черниговская губ.,
Черниговский у.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-8

В народном представлении мельница являлась местом локализации нечистой силы, а мельник представлял в образе человека, знающего с нечистой, в частности, с водяным, помогающим или мешающим вращать мельничное колесо. Водяного же винили в неисправности мельницы или прорыве плотины. Для бесперебойной работы мельницы в воду бросали жертвенные предметы – зерно, муку, крошки хлеба, лили водку, при заморозках опускали под мельничное колесо кусок сала «для смазки». Молоть зерно на мельнице можно было не во всякий день, новое зерно старались завозить в понедельник, среду или пятницу. На мельнице запрещалось ругаться и ссориться, брать с нее без спроса что-либо. Небезопасно было ловить рыбу около мельницы. Часто мельники сами поддерживали слухи о своей связи с нечистой силой: обладатель сверхъестественных способностей имел право требовать большую плату за помол.

мельна и своими приусадебными садами, придававшими поселениям особый колорит. В силу природных условий белорусское садоводство не так богато плодовыми культурами, но и оно характеризуется разведением яблонь и груш, вишен, слив, малины, смородины, крыжовника. На Украине в южных районах выращивали абрикосы, черешню, персики, а в Причерноморье и Закарпатье еще и виноград. Такая богатая садоводческая культура не могла не способствовать многообразию способов использования в пищу плодов: свежие, сушеные (из сухофруктов готовили в зимнее время узвар), соленые, в виде многочисленных наливок.

Животноводство повсеместно было вторым по значимости занятием населения. Скотоводство обеспечивало жителей продуктами питания, тягловой силой и удобрениями, гужевым транспортом, а также сырьем для промыслов: кожами, шкурами, шерстью. Практически в каждой крестьянской белорусской и украинской семье содержали несколько коров для молока и мяса; коней разводили не только для собственных нужд, используя их в качестве тягловой силы и транспортного средства, но и для продажи в других регионах. Так, в Запорожье вывели породу лошадей, которая была известна далеко за пределами украинских степей. В северо-восточной части Белоруссии разводили местную породу, крепкую и выносливую в работе. Обычно хозяин дома проявлял к лошадям особую заботу, стараясь отвести им в сарае лучшее место, лучше накормить. Овцеводство имело немаловажное значение в хозяйстве, поскольку шерсть являлась необходимым сырьем для производства верхней одежды, тканей, а мясо составляло часть рациона

крестьян. Вообще животноводство зависело от наличия кормов, и если в нечерноземной зоне региона заготовка сена и кормов на зиму для скота была одним из необходимых элементов сельскохозяйственного труда, то в степной зоне Украины табуны лошадей и отары овец при теплой зиме паслись круглый год. Здесь сложился целый чабанский комплекс со своими приемами, специализированной одеждой, орудиями и приспособлениями для выпаса.

В Карпатской части Украины, где заниматься земледелием в горных условиях было проблематично, отгонное скотоводство было основным занятием мужской половины, населявших эти места гуцул и бойков. Мужские пастушеские группы — ватаги, выпасавшие скот целой общины, с весны и до осени отправлялись на полонины — горные пастбища. Начало и конец выпаса были обставлены важными ритуалами вытирания живого огня — ватры и его тушения. В течение всего сезона пастухи доили овец и изготавливали молочные продукты: сыр, масло, ряженку.

В основном природные условия определяли в большинстве районов региона преобладание выгонно-пастбищной системы животноводства со стойловым содержанием скота в зимнее время.

Большое значение имело свиноводство, а свиное мясо было любимой пищей не только украинцев, но и белорусов. Особенно важной была заготовка соленого или копченого сала. Калорийное, имеющее длительный срок хранения, оно составляло основную пищу, когда отправлялись в дальнюю дорогу, на покосы в отдаленные от дома места и во время страды — уборки зерновых.

Содержание свиней было преимущественно домашним, только изредка их выпускали летом на улицу под присмотром мальчиков-пастушков на подножный корм. В Полесье и на юге Украины существовала и свободная форма содержания свиней, когда их отправляли на островки в плавни рек или отгоняли в лес, богатый дубами, где свиньи откармливались до осени травой и желудями, а по осени возвращались с приплодом в хозяйство. Считалось, что мясо и сало после полудикого содержания имело особые вкусовые качества.

Практически везде разводили домашних птиц — кур, а при наличии близких водоемов — уток и гусей, но не больше десятка, кроме поляков в Подолии, которые занимались разведением водоплавающих на пух и перо.

Коз содержали в очень незначительном количестве белорусы и практически не разводили украинцы, брезгавшие пить козье молоко. Зато разведением коз для мяса занималось еврейское население региона, поскольку традиция разрешала употреблять в пищу козлятину, как мясо парнокопытного животного.

Регион в силу своего географического расположения и рельефа местности с давних пор являлся важным торговым центром и транзитным узлом для передвижения людей и товаров с востока на запад и с юга на север. Речная система, сухопутные дороги создавали благоприятные условия для установления торговых связей населения региона при развитии земледельческого и ремесленного производства. На территории Белоруссии в конце XVIII — начале XIX века были построены экономически важные водные каналы, соединявшие реки местного значения

с крупными артериями: Августовский канал, соединивший бассейны Немана и Вислы, Днепровско-Бугский канал. Крупной водной артерией, несомненно, был Днепр вместе с притоками, который играл и играет связующую роль в жизни всех восточных славян. Одновременно Днепр служил водоразделом, проводившим границу между правобережной и левобережной Украиной.

Гораздо более известны в народе украинские сухопутные дороги — шляхи. Самый известный из них — Чумацкий, или Соляной, проходивший от г. Сумы Полтавской губернии до Крыма. По Чумацкому шляху на север везли соль и соленую морскую рыбу, на юг — товары, производившиеся в Центральной Украине. На Правобережье важным был Черный шлях, соединявший Киев, Подольск, Волынь и Червонную Русь, который к XIX веку потерял свое значение и пришел в упадок вследствие распада Речи Посполитой.

Среди подсобных занятий населения Юго-Западного региона можно выделить те, с помощью которых крестьяне добывали дополнительные продукты питания, — это охота, рыболовство и пчеловодство. К концу XIX века в экономическом плане они не имели столь большого значения, как в прежнее время, в первую очередь вследствие развития зернового произ-

Скотный двор
Украинцы.
Местность
не выявлена.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

На с. 127

Бортничество
Белорусы.
Минская губ.,
Игуменский у.
Фотография 1905 г.
РЭМ Ф 776-37/6

Пасека в местечке
Псаровка
Украинцы.
Черниговская губ.,
Кролевецкий у.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-79

Ярмарка
в селе Янковцы
Украинцы.
Полтавская губ.,
Лубенский у.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-6

водства. Однако в некоторых регионах, например, в Полесье, Поозерье, Причерноморской зоне, приречных районах, обладавших большими рыбными ресурсами, рыболовство являлось традиционным и жизненно важным занятием. Вылавливаемая рыба в свежем виде доставлялась к домашнему столу, а на продажу чаще всего заготавливалась местным населением в сушеном, вяленом и соленом виде и отправлялась на ярмарки, где ее обменивали на хлеб и другие продукты.

Способы лова рыбы зависели от характера водоемов, практически не отличаясь в орудиях у славянских этносов: украинцев, белорусов, поляков, русских. В небольших мелководных речках ставили различные садки, ловушки, переметы (веревка с крючками на шнурках), «охотились» с острогой, особенно в ночное время суток, освещая воду и привлекая рыбу горячей паклей. Мелководные речки перегораживали различного рода засеками, оставляя проход для рыбы, а позади перегорода ставили ловушки, из которых вынимали улов подсадкой. Такой способ ловли существовал и на карпатских реках. Широко применялись разного рода бредни, неводы, волокуши, выплетенные из льняных или конопляных нитей. На крупных озерах и в Черноморской зоне лов рыбы в большом объеме

осуществлялся сетями с лодок и баркасов, для чего создавались постоянные артели. Этот вид промысла был одним из основных способов заработка. Снасти хранили на берегу, как правило, во временных строениях — куренях (укр.), где также производили обработку и заготовку рыбы: тарани, чебака, чехони, щук, окуней, линей, плотвы, вьюнов.

Несмотря на промышленные вырубki лесов и расширения прав частной собственности на лесные угодья, крестьяне рассматривали лес как общую собственность и продолжали заниматься охотой, которая по-прежнему сохраняла свое промысловое значение. При этом в традиционном мировоззрении существовали особые правила и запреты, связанные с личностью охотника и предметом охоты. Так, в Полесье, Карпатах, Подляшье охота для мужского населения оставалась важной составляющей имиджа добытчика. Наряду с огнестрельным оружием использовали ловушки, капканы, петли, рыли ловчие ямы.

В разные сезоны предметом охоты становились разные виды животных и птиц — кабаны, волки, зайцы, глухари, тетерева, куропатки, водоплавающие птицы; все они являлись подспорьем в питании населения, особенно весной, когда заготовленный с осени провиант оскуде-

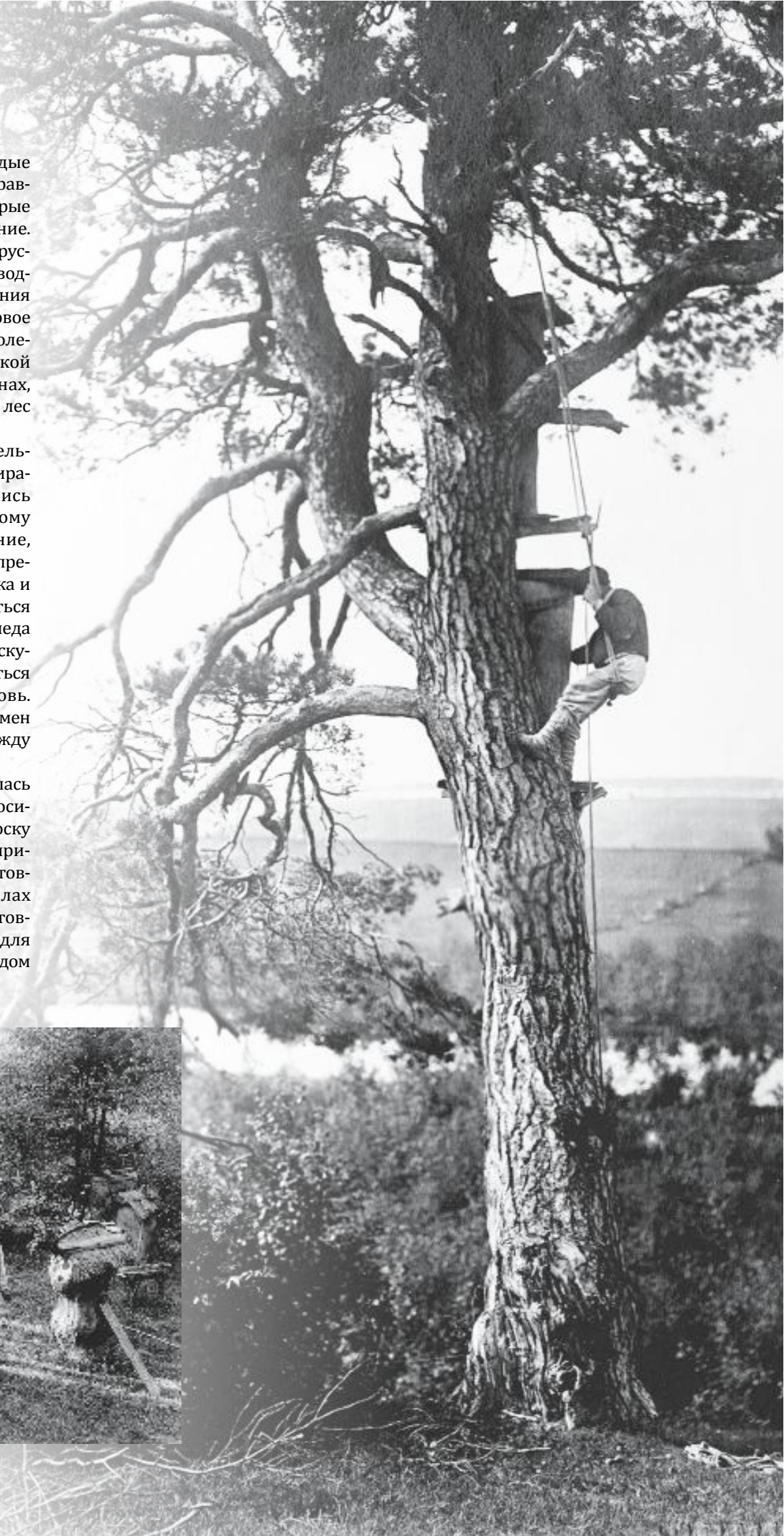

вал. Так, в Пинском Полесье по весне молодые пары в воскресные и праздничные дни отправлялись на болота для сбора утиных яиц, которые в каждом доме воспринимались как угощение.

Не менее популярно на Украине и в Белоруссии было другое подсобное занятие — пчеловодство. Здесь существовало два типа разведения пчел: лесное (бортничество) и пасечное. Первое сохранялось в наиболее архаичном виде в Полесье, на Волыни, в Черниговщине и в Киевской губернии; второе развивалось в тех районах, где были условия для разведения садов или лес чередовался с лугами.

Бортничество происходит из доземледельческого вида деятельности человека — собирательства. Секреты мастерства передавались в семье по наследству от отца к сыну. Этому занятию придавалось сакральное значение, вследствие чего сформировалась система запретов и требований. Так, к предметам бортника и к сбору меда строго запрещалось приближаться женщине в состоянии регул, а сам сборщик меда не должен был ругаться, быть гневливым, скупым. Первым медом необходимо было делиться с односельчанами, часть отдавать в церковь. В этом прослеживают обычай, идущий от времен собирательства, когда мед распределяли между всеми членами деревенской общины.

В христианских верованиях пчела считалась Божьим даром, а ее свойство творить соотносилось с божественными деяниями. Меду и воску как продуктам жизнедеятельности пчелы придавалось сакральное значение: из воска изготавливали свечи; мед использовали в ритуалах жизненного цикла в чистом виде и при изготовлении блюд и напитков. Он считался пищей для душ умерших. В похоронной обрядности с медом

Ловля рыбы бреднем
Украинцы.
Черниговская губ.,
Черниговский у.,
хут. Богдановка.
Фотография
1897–1900 гг.
РЭМ 3550-38

Недостроенный гончак
на берегу Днепра
Украинцы.
Черниговская губ.,
Черниговский у.,
с. Навоз.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-45

Гончак – судно для
перевозки грузов,
самое крупное из тех,
что ходили по Днепру.
Его длина составляла
от 30 до 75 м,
а грузоподъемность
достигала 800 т.

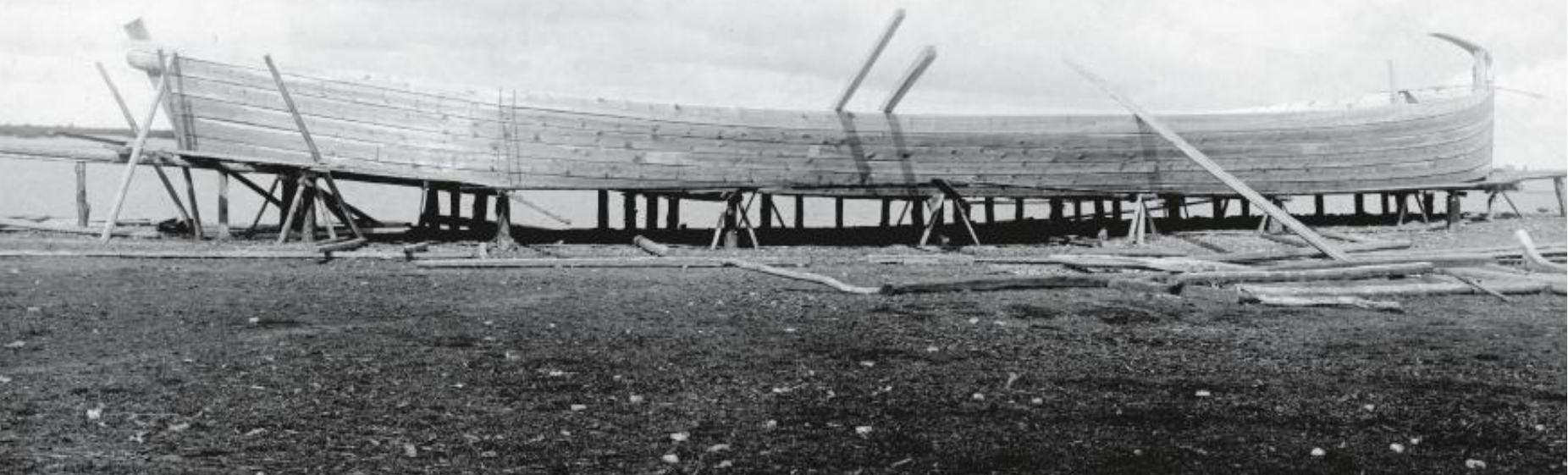
готовили коливо, канун (хлеб, накрошенный в подслащенную медом воду), сыту (мед, разведенный с водой); кутью с медом обязательно подавали на поминках. В Виленской губернии при переходе в новый дом медом мазали все четыре угла, чтобы жизнь была сладкой (белорусы и поляки); в Полесье его клали при строительстве дома в углы наряду с хлебом и монетой. Использовали мед и в народной медицине.

Для бортничества отыскивали в лесу дуплистые деревья или продалбливали в них отверстия, приспособлявая для пчелиного улья. Кроме того, изготовляли колодные ульи — «борти», развешивая их на высоких деревьях в лесу при помощи специальных подъемных устройств — лезива и плетей. Разведение пчел на пасеках у белорусов было развито в Поднепровье, осо-

бенно в Могилевской губернии и Восточном Полесье; на Украине практически повсеместно ульи-дуплянки располагали в садах крестьянских усадеб.

Пасекой занимались в основном пожилые люди, что было связано не только с наличием у них свободного времени, но и, в большей степени, с традиционными представлениями о самой персоне пасечника: он должен был обладать нравственной чистотой, в силу возраста прекратив половую жизнь. По народным понятиям старики, а также монахи наиболее соответствовали этим требованиям.

На крестьянских пасеках редко производили продукты для рынка, чаще мед и воск шли для внутреннего потребления. В торговых масштабах пчеловодством, как правило, занимались монастырские служащие или мелкая шляхта.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Традиционным наземным транспортом населения были в зимнее время полозные сани и санки — хозяйственные и пассажирские с плетеным коробом, а в летнее — телеги. Преобладающим колесным средством передвижения украинцам служил двухосный четырехколесный воз, тягловой силой для которого были волы, запряженные в парные ярма. Конский воз меньших размеров преобладал на Левобережье. Вozy с довольно высокими бортами были приспособлены для вывоза с полей объемных грузов. Более глубокими были кузова чумацких возов — мажей, предназначенных для перевозки сыпучих грузов. Для перевозки керамики служили кузова, плетенные из лозы. Основным, практически повсеместно распространенным средством перевозки грузов у белорусов были телеги с четырьмя ободными колесами и дощатым или решетчатым кузовом. Запрягалась телега хомутово-оглобельной конской упряжкой. Для выездов без грузов и передвижения людей пользовались рессорными бричками, линейками, запряженными лошадьми.

Средствами для передвижения людей и перевозки грузов по воде служили плоты с рулевым веслом, паромы для переправы с берега на берег, а также лодки двух типов: архаичного типа долбленки — човн (укр.), или човен (бел.), и дощатые плоскодонные. Долбленки использовались при передвижении на небольшие расстояния и для рыбной ловли. Для увеличения устойчивости и грузоподъемности борта долбленок наращивали досками; примерами таких лодок были чайки запорожских казаков и белорусские байдаки. Дальнейшее экономическое развитие обусловило развитие грузовых водных средств значительного тоннажа, например, барок.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Промыслы обеспечивали жизнь крестьян необходимыми орудиями, посудой, утварью, транспортными средствами, одеждой и т.п. Основным женским занятием являлось ткачество, благодаря которому семья обеспечивалась одеждой и тканями. Умение и навыки в ткачестве девушки приобретали от матерей; по наследству передавались и родовые узоры, миграция которых из одного семейного клана в другой происходила в результате браков.

В процессе изготовления тканей принимали участие исключительно женщины, начиная с дерганья льна или конопли и их первичной обработки, разбивания костры, вычесывания и заканчивая прядением нитей и изготовлением полотна на ткацком станке. Как у украинцев, так и у белорусов процесс проходил совершенно одинаково, включая инструментарий и его названия. Заготовкой шерсти для выработки

тканей также занимались женщины: два раза в год ее состригали с овец, затем промывали, вычесывали и пряли. Орудием прядения была самопрялка, хотя в регионе сохранялась и лопастная прялка, использовавшаяся в меньшей степени. Снование нитей для станка — верстат (укр. и бел.) производилось тремя способами: на стене, на раме и на вертящейся сновнице. На горизонтальном ткацком стане на двух подножках изготовляли ткань простого переплетения, а на четырех подножках и более — узорные ткани. На более древнем вертикальном стане изготовляли рогожи, поясную одежду — ковровые запаски (передники) и килимы (безворсовые ковры).

Телега, запряженная волами
Украинцы.
Полтавская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-76

Телега, запряженная лошадью
Белорусы.
Могилевская губ.,
д. Шарпиловка.
Фотография 1903 г.
РЭМ 761-70

Тканье пояса
на дощечках
Белорусы. Минская губ.,
Игуменский у., с. Капланцы.
Фотография 1905 г.
РЭМ 776-33

Тканье на горизонтальном
ткацком стане
Белорусы.
Могилевская губ.,
Рогачевский у., с. Шапчицы.
Фотография 1903 г.
РЭМ 761-41

Кролевецкие рушники
на ярмарке в Чернигове
Украинцы.
Черниговская губ.
Фотография
1897–1900 гг.
РЭМ 3550-26

Рушники — праздничные полотенца, имевшие большое значение в традиционной культуре как украинцев, так и белорусов. Ткани вообще и рушники в частности были показателем умелого рукоделия женщины, поскольку одним из основных ее занятий было ткачество, изготовление одежды для всей семьи. Полотенца, украшенные тканым или вышитым узором, в большом количестве заготавливали девушки брачного возраста в качестве приданого. Как украинские, так и белорусские рушники служили украшением интерьера в праздничные дни: ими покрывали раму окна, полочку для икон, вешали в доме при входе на специальный крюк. Кроме того они имели особое ритуальное значение. Так, рушники использовали в свадебной обрядности: перевязывали сватов через плечо, маркируя тем самым их особый статус. В погребальной обрядности на особых рушниках выносили гроб из дома, ими могли покрывать покойника, раздавали тем, кто помогал нести гроб и копать могилу.

Широкое распространение и бытование килимов способствовало развитию центров и мастерских по их изготовлению в различных районах Украины. Наиболее известные центры ковроделия находились в Полтавской, Херсонской, Екатеринославской, Киевской, Подольской губерниях. Технология производства килимов в разных мастерских мало чем отличалась друг от друга, но мотивы излюбленных местных орнаментов создали многообразие образцов старинных украинских ковров. Так, например, полтавские килимы отличаются сюжетной изобразительностью. Здесь преобладал растительный орнамент в виде ритмично расположенных цветов и цветущих веток, нередко центральную часть ковра занимал медальон с изображением вазона с цветами или символа государственной власти — двуглавого орла. Килимы, изготовлявшиеся в Подолии, более графичны, отличаются геометризованностью узора. Здесь основными элементами рисунка являются стилизованные растительные розетки, кресты, ромбы, восьмиконечные звезды. В отличие от вертикальных ковров центральных районов Украины (Киев, Полтава, Херсон), в южных районах Правобережья и Подолии вырабатывались также килимы для горизонтального расположения.

Ковры изготавливались на вертикальном ткацком стане. Для продольных нитей основы использовали конопляные сученые нити, а для поперечных нитей утка — цветные шерстяные, окрашенные в разные цвета краской, полученной из местных растений, а с последней трети XIX века — анилином. Узор килима образуется постепенным переплетением нитей основы нитями утка. Для этого нити основы перебираются пальцами, а нити утка для плотности при-

Рушники
 Белорусы. Минская губ.,
 Слуцкий у., д. Жеребковичи;
 Могилевская губ.,
 Могилевский у.,
 д. Мосток. Конец XIX в.
 РЭМ 789-51, 2844-2

Килим
 Украинцы.
 Полтавская губ.,
 Зеньковский у. XIX в.
 РЭМ 606-37

Килимы — украинские двусторонние безворсовые ковры, которыми покрывали столы, постели, лавки и стены в крестьянских и мещанских домах. Они также являлись предметом украшения интерьеров украинских церквей. С течением времени ковры заняли место в быту состоятельных горожан, а затем — и обычных мещан. К XIX в., независимо от сословия, килим стал обязательной частью приданого каждой украинской девушки.

биваются гребенкой. Килим заплетали одна, иногда две и три ковровщицы. В последнем случае одна вела узор, другая заделывала его, а третья заполняла фон. Рисунок мастерица делала «на глаз» с образца, висящего перед ней, или по памяти. Благодаря технике свободного ведения утка он всегда был живописен и индивидуален.

Изготовление ковров, ковровых запасок, украинских плахт в описываемый период вышло за рамки женского ремесла и умения и развилось в промысел, как и изготовление рушников, известных под названием «королевских», популярность которых далеко перешагнула границы Королевского уезда и Черниговской губернии в целом.

Гончарная посуда из с. Олешня
на ярмарке в Чернигове
Украинцы. Черниговская губ.,
Городнянский у.
Фотография 1897–1900 гг.
РЭМ 3550-27

Миски-кандийки
Украинцы. Полтавская губ.,
Зеньковский у.,
мест. Опошня. Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Богатство гончаров народная молва приписывала помощи нечистой силы, говорили: «Так работает, будто черт помогает». Само изготовление посуды обставлялось множеством запретов, чтобы избежать сглаза. Например, за круг запрещалось садиться посторонним и детям, иначе посуда не будет получаться. Персона гончара в верованиях соотносилась с темой брака: приезд горшечника в село на Покров сулил много свадеб (Черниговская губерния); девушки в воз с горшками подкладывали лапоть с правой ноги, веря, что жених будет из того места, куда отправляется мастер (Витебская губерния). Сама глиняная посуда на символическом уровне относилась к сфере женского и семейного, связывалась с плодородием. Так, на свадьбе разбивали горшок, желая семье столько детей, сколько будет осколков. В крестинном обряде битые черепки кидали молодым женщинам в подол, чтобы у них было много детей. Битую посуду для урожая разбрасывали в поле. Для вызывания дождя старались украсть горшок и бросали его в колодец (Полесье).

Гончаром на Украине всегда был сам хозяин семьи.

Он работал на ножном гончарном круге, прикрепленном неподвижно к лавке у стены. В народной мифологии гончар отождествлялся с творцом, властвовавшим над стихиями земли и огня. Сакрализованное представление о фигуре гончара объясняется традиционной передачей мастерства от отца к сыну и отсутствием наемных подмастерьев.

Глечик
киевский –
сосуд для вина
Украинцы.
Полтавская губ.
Начало XX в.
РЭМ 367-82

Деревообработка производилась как на дому, так и в мастерских. Каждый хозяин в состоянии был изготовить немудрящую утварь и мебель (скамейки, столы) для нужд семьи. Изготовление изделий для продажи оптом и в розницу производилось и в мастерских, где работали артельно или по найму, делали мебель, бондарную утварь, прялки, веретена. Производство саней и колес (укр. стельмаство, бел. стальмашное) было развито повсеместно и удовлетворяло местные рынки. Характерным для белорусов было плетение из соломы и лозы, из луба изготовляли короба и детские люльки.

В Белоруссии гончарство не имело большого экономического значения и носило местный характер. На Украине же гончарный промысел получил широкое распространение, особенно в Полтавской губернии, богатой залежами качественной белой «горшковой» глины, из которой можно было производить даже фарфор. Лучшие сорта глины встречались в Зеньковском уезде, где в местечках Опошня, Ичня, селе Мисские Млины мастера достигли такого мастерства и таких технологий (тонкий черепок, полива, пять цветов краски, разнообразие форм), что им подражали в других уездах. Гончары специализировались по видам изделий: мисочники, горшечники, кахельники (изготавливали изразцы), кирпичники. Для производства посуды глина проходила несколько этапов обработки, при которой ее освобождали от корней, комьев, камней; производство кирпича и изразцов не требовало такой тщательной очистки глины. Формование глины выполнялось на ножном гончарном круге, затем следовали сушка и обжиг. Декоративная обработка состояла в раскрашивании и глазуровании.

Редко встречались наемные рабочие и ученики, производство гончарных изделий осуществлялось, как правило, самими гончарами-хозяевами и членами их семей. В семье было разделение труда: взрослые мужчины формовали изделия на круге, женщины и мальчики делали чайные чашки, разрисовывали, обсыпали поливой и обрезали миски. Ставили в горн и доставали готовую продукцию всей семьей. Занятие гончарством в этой местности считалось настолько почетным, что существовали целые гончарные цеха, которые наряду с хлебо-торговыми, кожевенными, кузнечными цехами во время церковной службы и в праздничных процессиях стояли впереди всех.

Продавали изделия далеко за пределами Полтавской губернии — по всей Украине, в России и Белоруссии. Кроме полтавских, известными были центры гончарного производства в Подолии, на Покутье, в Косове. Изделия продавались на ярмарках через перекупщиков, которыми в основном были евреи.

Гончар
Украинцы.
Черниговская губ.,
Городнянский у.,
с. Олешня.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-58/6

Сельский мост
Украинцы.
Полтавская губ.,
Лубенский у., с. Тишки.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-9

Евреи, кроме посреднических функций, занимались собственным производством, например, изготовлением мужских головных уборов (фетровых шляп, картузов), а также были хорошими портными, сапожниками. На ткацких мануфактурах в крупных местечках евреи были как владельцами, так и работниками. Так, в местечках Шклов и Дубровна Могилевской губернии имелось производство тканей для талесов и арбеканфесов, фланели, вязаных платков и шарфов, которое осуществлялось исключительно мужчинами-евреями. Изготавливались также кружева из серебряной нити — аграманты, предназначенные для отделки ритуальных предметов одежды.

Повсеместно были развиты кузнечные, кожевенные, войлоковоляльные производства. Шерстобиты ходили и по деревням небольшими артелями, изготавливали сукно для свит, головных уборов, войлок из хозяйского материала и жили на хозяйском коште. Безземельные сапожники и портные, переходившие от деревни к деревни, также обслуживали население, шили верхнюю одежду.

На Украине широко известным был чумацкий (извозный) промысел, когда к морю и портам везли сельскохозяйственную продукцию (зерно, табак), а обратно — соль и сушеную рыбу.

К началу XX века некоторые ремесла пришли в упадок, став экономически невыгодными из-за развития в стране промышленности, транспортной сети железных дорог, которые удешевляли трудоемкие производства и меняли традиционные пути распространения товаров.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Разнообразие этнокультурных ландшафтов Юго-Западного региона было обусловлено как особенностями естественно-географических условий лесных, лесостепных, степных и гористых земель, так и вариативностью форм землевладения и освоения земель, способами ведения хозяйства, семейно-бытовыми отношениями, нормами гражданского права, земельными кодексами, а также традиционным для жителей каждого ареала предпочтением той или иной формы поселения и его застройки. Со времени освоения этих территорий сельские поселения восточных славян располагались по берегам больших и малых рек, озер, ручьев, обеспечивающих водой и служивших важнейшими путями сообщения, в местах, где имелась пригодная для обработки, хотя бы и поросшая лесом, земля.

В регионе сформировался ряд исторических типов поселений. С X—XI веков известно село — как неукрепленное княжеское загородное имение с двором и челядью, позднее — центральное поселение, к которому тяготели более мелкие, а затем и многодворные сельские населенные пункты. У белорусов небольшие поселения назывались вёсками. Это слово восходит к общеславянскому «весь», что означало «село», «поселение». Деревнями назывались малодворные поселения без церкви. К ранним формам следует отнести погост — поселение, формировавшееся на территориальных, а не родственных

связях. Типологическим признаком погоста было наличие церкви с кладбищем, прихода и постоянного двора. В XIV—XV веках на Украине преобладали малодворные сельские поселения — урочища, селища, казачьи зимовники, дворища, кутки и хутора.

Село являлось господствующим типом поселения Юго-Западного региона после проведения земельной реформы «Уставы на волоки» (1557), в результате которой единицей повинности стал не двор — «дым», а поселения, отличающиеся по виду повинности: тяглые, дворные, осадные и т.д. В Белоруссии появляются новые типы малодворных поселений на границах полей севооборота, за околицей селения: застенки, овулки, околица. Здесь селилась мелкая шляхта. На Украине также имелось немало малодворных поселений, административно-территориально и хозяйственно-культурно тяготевших к селам — хутор, приселок, выселок, пасека, основанные представителями разных социальных слоев. Так, в левобережных лесостепных районах возникли владельческие и казачьи хутора и пасеки. На Правобережье феодалы, зажиточные крестьяне и казаки закладывали на своих полевых землях фольварки, фермы, экономии и урочища. В карпатском ареале основой хуторов и приселков часто становились сезонные жилищно-хозяйственные комплексы гуцулов и бойков.

Считается, что слово «хутор» происходит от бытовавших на Подолии терминов кут, кутор, хутор, имевших значение «отдельное дворище». Хутор мог быть выделен из общины или

входить в ее состав. В общественном пользовании обычно оставались пастбища, луга, лес и другие земельные угодья.

В зависимости от преобладания тех или иных форм сельских поселений и их вариантов в конце XIX — начале XX века на территории Украины можно выделить четыре ареала: севернополесский, центрально-лесостепной, южно-степной и карпатский.

Улица
белорусской деревни
Белорусы.
Могилевская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 766-11

Вид на село
Украинцы.
Западная Украина.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Для севернополесского ареала характерно преобладание многодворных поселений свободно-рядовых и уличных форм. В восточной части одновременно с ними существовали поселения свободно-кучевых форм с рассеянным и кучевым типом застройки. На территории центрально-лесостепного ареала, где крестьяне имели возможность занимать под застройку земли по принципу свободной заимки и временных льгот, широкое распространение получили беспорядочные поселения с рассеянным, кучевым и рассеянно-кучевым типами застройки. В XIX веке, с прекращением народной колонизации, здесь возникли поселения уличной формы с рядовой, радиальной, шнуровой и регулярной застройкой.

Сельские поселения северной и южной частей южностепного ареала формировались по-разному. Малое число поселенцев и необходимость в быстром освоении значительных земельных массивов украинской степи заставляли помещиков мириться с формированием на их землях поселений свободной, нерегулярной, преимущественно кучевой, а также уличной и радиальной застроек. В карпатском ареале заметно различаются гуцульские, бойковско-лемковские и закарпатские селения. Условия сложного рельефа, значительная крутизна склонов гор и малая плодородность почв препятствовали земледельческому освоению Гуцульщины, стимулируя развитие животноводства. На горных пастбищах Карпат в местах стойбищ и выпаса овец, крупного рогатого скота, лошадей закладывались сезонные поселения. Взаиморасположение жилища и хозяйственных сооружений имело преимущественно компактно-гнездовой характер. Сезонные поселения в целом обнаруживали тенденцию к свободно-кучевой форме с гнездовым типом застройки.

В местах компактного проживания белорусов также можно выделить несколько типов застройки: полесский — с преобладанием многодворных поселений, сформировавшихся путем укрупнения населенных мест на территориях, удобных для земледелия; среднебелорусский — со значительными пахотными территориями, большим удельным весом городов и местечек, густой сетью дорог и высокой плотностью населения, что определило среднее расстояние между поселениями 10—12 км, а также поозерский — со значительным количеством малодворных поселений в виде бессистемных групп из 10—15 дворов.

Бессистемные поселения сохранились в тех ареалах, где им способствовали природно-географические условия, отсутствовали крупные пашенные территории и хозяйственные латифундии (Поозерье, Восточное Полесье).

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Характерным историческим, интегрированным типом поселения Юго-Западного региона является местечко. Местечки возникли в XV—XVI веках в связи с появлением феодальных вотчинных торгов и распространением денежной ренты.

Существовало два вида местечек — казенные и частновладельческие. Некоторые различия наблюдались между местечками восточных и западных областей. Для первых была характерна планировка, близкая к сельской, где площадь часто заменяет расширение улицы, отсутствие мощения, деревянная застройка.

Местечки западных районов имели площадь с торговыми рядами, костел, церковь и синагогу, административные постройки, корчму, школу, дома-лавки торговцев-ремесленников, пожарную каланчу, на въездах — заставы. В зависимости от ландшафтной привязки выделяются местечки болотные, суходольные, местечки-пристани (у берегов рек или в окружении озер).

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Определяющую роль в формировании застройки поселения играл тип двора. На территории региона исторически сформировались два основных типа — линейный (погонный) и замкнутый (веночный). Тип веночной застройки восходит корнями к бессистемным гнездовым поселениям, погонная застройка нашла распространение после введения «Уставы на волоки», так как явилась исключительно удобной в условиях узких, измельченных семейными земельными наделами полос. В зависимости от характера связи и взаиморасположения дома и хозяйственных построек в конце XIX — начале XX века можно выделить несколько основных вариантов застройки двора: свободную, бессвязную или частично связную; однорядную, двухрядную, Г-образную и замкнутую.

На Украине наибольшее распространение получила свободная застройка, при которой все строения двора не были связаны общей крышей и располагались свободно. В белорусском Поозерье и Полесье преобладал веночный и двухрядный тип застройки. Область распространения связной застройки совпадает с районами, в системе хозяйственных строений которых преобладают помещения для содержания скота. То есть она в большей степени свойственна областям развитого животноводства, к которым относятся Полесье и высокогорные районы Карпат.

В типологическом ряду жилищ восточных славян белорусское занимает своеобразное промежуточное положение на пути эволюции от подземного жилища степной и лесостепной полосы до жилищ на подклетьях, двухъярусных

изб северного лесного ареала. Исходным типом белорусского жилища является однокамерная хата. В Восточном Полесье, где этот тип в XIX—XX веках являлся преобладающим, хата могла иметь четырехскатную крышу, легкие сени (плетенные или навес из жердей). По мере продвижения на север жилище строили на все более высоком подрубе. Так, в Поднепровье основанием хаты часто являлся дубовый подруб из двух-четырёх бревен, запущенных в угловые столбы-штан-дарты, имеющий проемы для вентиляции.

Развитие планировки шло по мере увеличения числа срубов в процессе соединения соседствующих с жильем построек. Стоящая напротив хаты истопка (свирон, клеть) через шулы соединялась с хатой бревенчатыми стенами, образовывалось трехкамерное жилище (хата—сени—клеть; хата—сени—истопка; хата—сени—камора). Этнографами начала XX века отмечалось, что если жилище приходило в ветхость, то под хату переоборудовали клеть или истопку. Эти тенденции характерны и для украинского жилища, где среди средних слоев крестьянства продолжали сохраняться веками устоявшиеся традиции, а наиболее бедные были вынуждены довольствоваться примитивными архаичными жилищами, подобными курным полесским хатам, карпатским курянкам, южным полуземлянкам и землянкам. Украинская хата конца XIX — начала XX века на всей территории ее распространения — это наземная одноэтажная постройка. Исключение составляли лишь горные районы Карпат и приднестровская зона Буковины и Подолья, где дома, расположенные на крутом рельефе, имели цокольный этаж, используемый для хозяйственных нужд.

Если в Белоруссии, богатой лесом, преобладала срубная конструкция дома, то стены украинских жилищ возводились из различных материалов в зависимости от местных ресурсов и экономических возможностей крестьянской семьи. Наиболее древней конструкцией украинской хаты считается каркасная. В конце XIX — начале XX века каркасная техника была преобладающей, и только в лесных районах (Полесье, Карпаты и частично северо-восток Лесостепи) продолжали одновременно с каркасными бытовать и срубные жилища. В северной полосе Лесостепи каркас заполнялся закладной техникой (деревом с частичным использованием глино-соломы), в южной — плетневой, при которой минимально использовалось дерево и максимально хворост и лоза с глиносоломой. Одновременно с каркасной в Лесостепи, и особенно на юге Украины, бытовала бескаркасная техника возведения стен из глиносоломенных вальков и блоков-кирпичей — саман и колиб.

ИНТЕРЬЕР

Традиционный интерьер восточнославянского дома отражал хозяйственные потребности крестьянской семьи. Его обстановка была предельно проста, отличалась утилитарностью, практичностью, оптимальным использованием жилой площади. Каждый угол дома имел свое конкретное назначение, а каждая вещь — свое раз и навсегда определенное место. Формы и способы структурирования жилого пространства наряду с устройством двора и структурой поселения отражают устойчивый ритуально-мифологический комплекс, соотносимый с представлениями о строении мира, механизмом освоения и ориентации в этом мире. Организовывая

Вид на село Баничи
Украинцы.
Черниговская губ.,
Глуховский у.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-96

Сушка
саманного кирпича
Украинцы.
Местность не выявлена.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

Реконструкция традиционного интерьера белорусской хаты конца XIX в.
Экспозиция РЭМ

Реконструкция традиционного интерьера украинской хаты Подольской губ. конца XIX в.
Экспозиция РЭМ

Боговня (божница) — киот, деревянный резной шкафчик или полочка для икон, украшенный тканями или вышитыми полотенцами-рушниками. Как правило, божницу изготовлял и украшал резьбой сам хозяин, а рушники ткала хозяйка. Располагалась божница в красном углу хаты. В божнице православных белорусов было обычно три иконы: образы Иисуса Христа, св. Николая Мирликийского (Николай Чудотворец) и Божьей Матери.

Первые два образа считались покровителями мужчин, а третий — женщин. На эти иконы молились утром и вечером, перед ними просили у Бога и святых Божьих угодников заступничества, спасения, помощи. «Мужскими» иконами родители благословляли на брак парней, «женскими» — девушек.

В торжественные и праздничные дни перед иконами зажигали лампадку, подвешенную около киота. Осенью после жатвы хлебов на лавку под боговню помещался дожинальный, то есть последний сноп, унесенный с поля.

Его зерно, по поверью, обладало высокой всхожестью и, брошенное весной в землю, способствовало повышению урожайности. Сюда же ставили каравай — большой круглый хлеб, выпеченный в доме невесты

для свадебного пира. Он делился на равные доли между родственниками жениха и невесты в знак соединения семей. Середина каравая отдавалась новобрачным, чтобы они жили дружно и были многодетны в браке. Перед крестинным обедом на стол, ближе к иконам ставился горшок с «бабиной кашей» — кашей, сваренной бабкой-повитухой, принимавшей у роженицы младенца. Родственники, собравшиеся на «бабину кашу», съедали ее с пожеланиями счастья новорожденному. Накануне больших праздников, и особенно, перед Пасхой божницу и иконы мыли, снимали прошлогоднее убранство, обновляли его, а перед Днем Святой Троицы красный угол украшали свежей зеленью.

внутреннее пространство жилища в соответствии со своими представлениями об устройстве мироздания, человек вписывает его и свое собственное поведение в параметры картины мира. С этой точки зрения жилище не просто строится: по мере его строительства, обживания оно обрастает всеми необходимыми связями с человеком с одной стороны, и со вселенной — с другой, то есть с микрокосмом и макрокосмом.

В традиционном жилище — хате — преобладали глинобитный пол и печь, размещавшаяся обычно в углу устьем к порогу. По диагонали от печи находился красный угол, место домашнего алтаря. Диагональ «красный угол—печь» являлась своеобразной ритуально-мифологической осью ориентации жилища, один конец которой (красный угол) указывает «на полдень», «на свет», «на восход», «на красную» или «божью» сторону, другой (печь) — соответственно «на тьму», «на заход».

Красный угол всегда отождествлялся с востоком или югом, а угол, в котором располагалась печь, — с западом или севером. Таким образом пространство жилища оказывается ориентированным на красный угол. Для его освещения в одной или двух смежных окнах прорубалось окно, большее по размеру, чем другие. Напротив печи был кухонный угол — бабин кут.

Благодаря диагонали «красный угол—печь» топография жилища становилась предельно ясной: место у печи — женское пространство, в красном углу — наиболее почетное, что подчеркивает оппозицию сакральный—проданный. Благодаря этим ориентирам человек оказывается постоянно связанным с внешним миром.

Боговня с набожником Белорусы. Могилевская губ., Чериковский у.; Минская губ., Мозырьский у. Конец XIX — начало XX в.
РЭМ 1292-141; 941-64

В красном углу находились объекты, которым придавалась высшая культурная ценность: стол, божница с образами, а позже и фотографии умерших родственников. Красный угол служил домашним алтарем, а стол осмыслялся как престол. На божнице хранились пасхальные крашеные яйца, просвирки, ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье — последнее воскресенье Великого поста, свечи, религиозные книги, святая крещенская вода. Как священник в православном храме, в доме основные ритуальные действия, главным образом, ежедневные молитвы, выполнял мужчина, глава семейного коллектива. Его место за столом также находилось в красном углу, рядом с иконами. Здесь же совершались обычно ритуальные действия обрядов календарного и жизненного цикла.

В целом интерьер жилища отличался функциональностью и рациональной организацией пространства. Темные тона глинобитного пола, стен, закопченного потолка контрастировали с белой массой печи, которая занимала 1/3—1/4 площади жилища. Пространство между печью и торцовой стеной занимал настил для отдыха (пол), над которым к потолку прикреплялись полати (там обычно спали старики). Вдоль стен, сходясь в красном углу, стояли лавки, в кухонном углу — полки для посуды, лавочка для ведра с водой. Освещалось помещение лучиной, свечи использовались в особых случаях.

Лавки, пол, полати, угловой шкафчик для посуды, полки конструктивно связывались со стенами жилища, потолком и являлись пристенной мебелью. Неподвижным был раньше и стол с вкопанными в землю ножками. Одежда, изде-

лия ткачества обычно хранились в коморе, сенях, клетки или в сундуке (скрыня, куфар).

Центром жилища — местом трапезы, которая в народной традиции всегда особый ритуал, — являлся стол («стол — престол», «на столе сидеть грех»). Он размещался рядом с красным углом, на куце, где находились иконы (у более зажиточных крестьян — с лампадой). После еды стол тщательно мыли, а к празднику добела выскребывали ножом. На столе всегда лежал хлеб, завернутый в холстину или специально сделанную скатерть.

Красный угол считался особым почетным местом. В торжественных случаях — поминальные дни (дзяды), Пасха или Рождество — за обед или ужин садились только после того, как, прочитав молитву, совершали обход вокруг стола. В эти дни во время трапезы в угол вешали чистое полотенце, а стол накрывали скатертью.

Особое ритуальное значение придавалось огню домашнего очага, который поддерживали в каждой семье свой. При переходе из одного жилья в другое — при перемене жилища (селибы) или семейном разделе, — несли с собой и огонь из домашнего очага. Если в новое помещение переселялась вся семья, то глава семейства накладывал горячих углей в горшок и нес его в новую хату, а следом за ним домочадцы везли имущество и домашнюю утварь.

Таким образом, жилище органично было вписано в ритуально-мифологический сценарий жизни, который отражал и особенности менталитета, и своеобразный синкретизм традиционного сознания, органично соединяя христианские и более архаичные традиции.

Красный угол
Белорусы.
Могилевская губ.,
Гомельский у.,
д. Шарпиловка.
Фотография 1903 г.
РЭМ 761-65

Интерьер дома
Белорусы.
Могилевская губ.,
Рогачевский у.
Фотография 1904 г.
РЭМ 440-18

Пространство восточнославянского жилища было ориентировано на красный угол. На образа, размещенные в красном углу, молились, здесь происходила трапеза и все отмеченные в религиозном и ритуальном плане события; головой к иконам клали покойника. Своеобразным центром жилища являлся стол, который размещался рядом с красным углом. На столе всегда лежал хлеб, завернутый в холстину или специально сделанную скатерть.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Основой костюма восточных и западных славян, как у мужчин, так и у женщин, была рубаша из льняной или конопляной домотканины. Рубаша отца или матери служила первой одеждой новорожденного ребенка, подчеркивая социокультурную связь между родившимся и живущими людьми. Детям до пяти—семи лет часто перешивали одежду родителей или старших братьев и сестер. Первая собственная рубаша давалась младенцу на сороковой день, при крещении, обычно крестной матерью ребенка, и обязательно подпоясывалась. Надевая на ребенка пояс, желали ему, чтобы он хорошо рос и был здоров. Лет в шесть—семь, когда, как считалось, дети начинали осознавать свою половую принадлежность, становились разумными, мальчикам шили первые штаны, а девочкам — юбки и сарафаны. Такая одежда становилась праздничной: дети надевали ее в церковь и по торжественным дням.

Основное отличие мужских рубах у украинцев и белорусов состояло в характере разреза ворота и способе ношения — поверх штанов или заправленной в них. Прямой разрез ворота был характерен для всех народов, независимо от того, с воротником или без воротника шилась рубаша. Только в районах Восточной Белоруссии и на Слободской Украине, где проходила граница соседства с русскими, в мужском костюме (исключительно в костюме молодых) во второй половине XIX века появилась косоворотка — рубаша с косым разрезом ворота; старики продолжали «донашивать» старый крой с прямым разрезом. В западных районах белорусы шили мужские рубахи с отложными воротниками, как поляки и украинцы в Полесье, а ближе к востоку — стоячими; окат ворота собирался в мелкие складки, как на женской рубаше. В Карпатской Украине, в северо-восточной части Белоруссии, а также в Полтавской и Екатеринославской губерниях встречался древний туникообразный тип мужской рубахи без поликов, сборок и воротника. Ворот рубахи застегивали на пуговицы или запонки (шпонки) либо завязывали тесемками.

Белорусы, украинцы-гуцулы, лемки, бойки, поляки носили рубашу поверх узких холщовых (зимой суконных) штанов (ногавиц) на вздежке (очкуре), а украинцы заправляли подол рубахи в штаны, кроившиеся более широкими в шаге, чем на других территориях. Рубашу и штаны опоясывали широким шерстяным тканым поясом. Пояс — неотъемлемая часть традиционного мужского костюма. Шелковые пояса узорного тканья вошли как модная деталь в мужской костюм польской, украинской, белорусской знати (шляхты) в XVI столетии. Они были длинные, широкие, с узорами, без бахромы на концах.

Их носили поверх одежды, делая два оборота вокруг стана и узел спереди, а оба конца выпускали по бокам наружу. Пояса имелись на все случаи жизни: будничные, праздничные, свадебные, траурные. Эти пояса были восточного (турецкого или персидского) происхождения и пользовались большим спросом, но были довольно дороги даже для сравнительно богатого шляхтича.

На ногах в зависимости от региона, времени года, праздников или будней носили лыковые лапти, кожаные постолы, ходаки или сапоги. Непременные атрибуты мужского комплекта — курительные принадлежности, к которым относились кисет с табаком, кресало, кремь, сухой трут, трубка с проволочными протичками. Вместе с ножом и ключами их носили в сумочке либо крепили на один тонкий ремешок непосредственно к тканому или вязаному поясу. На занятия гуцулов — горных пастухов и лесорубов — указывали специфические кожаные пояса (попруги) и широкие чересы, поддерживающие живот от надсады во время тяжелых работ. Эффектной деталью праздничного мужского гуцульского костюма являлись топорцы — символ громад (прежних боевых дружин), а также опорные палки (келефы).

В летнее время мужской украинский и белорусский костюм дополняла соломенная шляпа — брыль, капелюх или картуз, а в зимнее — шапки из барашкового меха или войлока.

Верхняя одежда включала несколько типов и отражала географию ее бытования. Наиболее распространенной и характерной верхней одеждой были свита (сермяга) и кожух (шуба). Прямая халатообразная свита — практически единственная в северной части Белоруссии верхняя одежда (в летнее время — насов из грубого холста); такого же покроя украинский кобеняк, манту, или сиряк, надевали поверх шубы. Свиты шили из домашнего сукна белого или серого цвета. У украинцев Карпат, как у мужчин, так и у женщин, бытовала короткая верхняя одежда с прямой спинкой: сердак, бунда; у украинцев и белорусов Полесья — катанка, куртач. У свиты другого типа в боковые швы ниже талии вшивали дополнительные клинья — вусы, или уси. Варианты такого кроя встречались в юго-восточных районах Белоруссии, в Полесье, во всем Поднепровье. Еще один тип, распространенный на Подолье Украины и в Восточном Полесье, — с отрезной спинкой, при этом ниже пояса либо вставляли несколько клиньев, либо собирали ткань в фалды. Вершины клиньев отделявали шерстяными нитями, шнурами или треугольными вставками из сафьяна. Преобладающим цветом в верхней одежде у белорусов был белый, к югу — серый, а в Южном Полесье — коричневый; у украинцев — коричнево-

Дукач — шейное украшение украинцы. Курская губ., Грайворонский у., слб. Борисовка. Конец XIX в. РЭМ 2408-37

На с. 143

Пожилый мужчина в повседневной одежде украинцы. Черниговская губ., Черниговский у., с. Пакуля. Фотография 1908 г. РЭМ 1514-21

Крестьяне
в праздничных костюмах
Белорусы.
Могилевская губ.,
Могилевский у., д. Мосток.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2711-4

Женский праздничный костюм Украинцы. Полтавская губ. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РЭМ

Мужской праздничный костюм Украинцы. Харьковская губ., Изюмский у. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм Русины. Австро-Венгрия, мст. Ясень. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Девичий и мужской праздничные костюмы Гуцулы. Галиция. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Мужской традиционный костюм
Белорусы.
Могилевская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм
Белорусы.
Минская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Мужской повседневный костюм
Белорусы.
Могилевская губ.,
Чериковский у.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм
Поляки.
Варшавская губ.,
Ловичский у.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Крестьянки
в праздничной одежде
Украинцы.
Черниговская губ.,
Кролевецкий у.,
с. Крыськи.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1594-94

Замужняя женщина и мужчины в традиционной одежде Украинцы-гуцулы. Восточная Галиция, с. Якимишак. Фотография середины XIX в. РЭМ 8764-2693

черный, реже серый, в районах Карпат и Прикарпатье — бордовый и красный. Покрой кожухов был практически таким же, как у свит. Женская и мужская верхняя одежда различались степенью отделки.

Украинский женский костюм узнаваем среди костюмов других народов, прежде всего, тем, что в нем присутствует такой компонент, как плахта — тип несшитой поясной одежды. Другим компонентом костюма являлась сорочка, изготовленная из льняной дмотканины и украшенная вышивкой или ткачеством. Обязательным компонентом праздничного костюма являлась безрукавка (керсетка). Ее часто шили из дорогих нарядных тканей и надевали, выходя из дома, под верхнюю одежду как в летнее, так и в зимнее время. Керсетки девушек, молодых и пожилых женщин отличались степенью выразительности отделки.

Женские рубахи на всей территории проживания украинцев и белорусов имели прямые

полики. Отличия составляли воротник (Полесье, Западная Белоруссия, Поднепровье) или его отсутствие, когда горловина собиралась на вдежку или под обшивку (север Белоруссии, Черниговщина, юг Украины, Подолье, Прикарпатье), обработка низа рукава, вышитый или тканый орнамент на поликах, рукавах, подоле рубахи.

В поясной одежде украинцев присутствовали, пожалуй, самые древние типы: шерстяная дмотканина прямоугольной формы черного или синего цвета, реже полосатой ткани — обгортка, дерга, обертывавшейся вокруг талии и закрепляющейся поясом; запаски — два прямоугольных куска материи, крепившиеся спереди и сзади на талии при помощи завязок; плахта, состоящая из двух прямоугольных кусков, сшитых до середины. Плахта была распространена и среди белорусов в восточной части Полесья, ее носили вместе с запаской. Практически повсеместно у белорусов и поляков были распространены юбки в полоску горизонтального или вертикального направления — андараки — шириной в два полотнища дмотканины, собранной у пояса под обшивку, поверх которых надевали фартуки. В северной части Белоруссии носили также шерстяную одежду типа сарафана. На территории Украины юбки бытовали параллельно с плахтой, или обгорткой, но в некоторых областях преобладали (Киевское Полесье, Волынь, Львовщина, Черниговщина).

Непрерывной принадлежностью женского костюма был головной убор, которому придавалось первостепенное значение в определении социального положения женщины. Так, девушки надевали венки из искусственных или живых цветов с лентами, завязки — орнаментированные в лобной части и на концах узкие полосы дмотканины, шелковые ленты, свернутые в полосу платки. Головные уборы замужних женщин должны были полностью закрывать голову и волосы: это мог быть чепец (очипок), покрытый в зависимости от времени года ситцевым платком или шерстяной шалью, или полотняный головной убор намитка (бел. наметка). Причем если еще в начале XX века исследователи отмечали, что на Украине и у поляков намитка выходит из моды и сохраняется только «у старых баб», то в Белоруссии это был широко распространенный тип головного убора с многочисленными вариантами и способами навивания, носящими локальный характер. Коренное отличие носили способы конструирования украинских очипков и белорусских чепцов. На Украине практически повсеместно были распространены чепцы, простеганный каркас которых составлял одно целое с покрытием из парчи, шелка или ситца, а в Белоруссии сохранялись

более архаичные простеганные вкладыши под мягкие чепцы в виде обруча из луба или жгута льна, на которые женщины накручивали волосы, чтобы они не выбивались из-под головного убора.

Верхней женской одеждой являлись различного рода безрукавки — кирсетки, керсетки (укр.), горсеты (бел.), которые шили, как правило, из покупных тканей. У украинцев они были более длинными (ниже пояса), у белорусов и населения Карпат и Прикарпатья — до талии. В гуцульский костюм, как мужской, так и женский, входили меховые безрукавки (кептари).

Появление фабричных тканей повлекло за собой и возникновение новых форм одежды. Такими стали, например, украинские юбки — верхняя межсезонная одежда из ситца или сатина, шерстяных или шелковых тканей, на подкладке, для тепла простеганные с ватином.

В праздничные дни и для выхода в церковь украинки обувались в кожаные черевики, сапоги зеленого или красного цвета; повсеместное распространение получили полусапожки на шнуровке. Дополнениями к женскому костюму служили многочисленные шейные, нагрудные украшения, кольца, серьги, количество и цветовая насыщенность которых носили локальный характер. Например, у украинок преобладали наместо, представлявшие собой связки стеклянных бус, корали — бусы из натуральных и искусственных кораллов, дукачи — металлические медальоны с бантами; популярны были и другие изделия золотарного промысла: у белорусок — стеклянные бусы и бисерные низки, обязательно с иконкой-личманом или крестиком.

Одежда еврейского населения черты оседлости, как отмечают исследователи, контрастировала с одеждой местных крестьян. Мужчины носили кафтан до пят черного цвета «по старинной польской выкройке» из шелковой или нанковой (хлопчатобумажной) ткани, опоясанный черным тканым или вязаным кушаком, на голове — шапку с меховой опушкой и верхом из бархата, а под ней обязательно ермолку, необходимую для произнесения и чтения молитвы. На ногах — вязаные из хлопка чулки белого или синего цвета, сапоги или пантофли — туфли без задников.

Еврейские женщины носили головной убор чалмообразной формы из тонкой шерстяной шали, шелковые или хлопчатобумажные юбки, кофты с безрукавкой; по праздникам надевали брустихл — нагрудное украшение. Евреи строго соблюдали иудаистский запрет носить одежду, сшитую из материи, тканой одновременно из шерстяных и льняных ниток, а также шивать льняными нитками шерстяную ткань. С 1845 года правительством России было узаконено, чтобы «евреи не отличались от прочих». Этот

указ с радостью восприняла еврейская молодежь, которая стала с удовольствием одеваться щеголевато и по-городскому, поскольку евреи обычно селились в городках и местечках, а не в сельской местности. Замужние женщины заменили тяжелые платки чепцами и шляпками, хлопчатобумажными платками (в будни), по-прежнему покрывая лобную часть головы волосяными и шелковыми париками, так как еврейским замужним женщинам полагалось брить голову, чтобы «волосы не прельщали никого из посторонних».

Мужская молитвенная одежда характеризуется наличием молитвенного покрывала — талеса, вытканного из шерсти белого цвета

Крестьянка в праздничном наряде и намитке Белорусы. Могилевская губ., Гомельский у., д. Шарпиловка. Фотография 1903 г. РЭМ 761-80

Пожилый мужчина
в молитвенной одежде
Еврей.
Подольская губ.,
Каменецкий у.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-21548

Молодой человек
в повседневной
одежде
Еврей.
Могилевская губ.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-21529

с черными полосами на концах, с позументом в лобной части. Первый раз талес надевали во время свадьбы. Под верхней одеждой мужчины, как правило, носили безрукавку (арбэканфес), чаще из такой же ткани, что и талес; на четырех углах несшитой по бокам безрукавки привязывали цицес — шнурки с пятью узелками, завязанными по правилам Талмуда (во время молитвы цицес держали в руках; в одежде покойника один цицес отрывался). На свадьбу жених получал в подарок от невесты китл — длинную рубаху с широким воротником из белого ситца. Ее полагалось надевать несколько раз в жизни: на свадьбу, в синагоге в праздник отпущения грехов Йом-Кипур, на Пейсах и в качестве погребальной. Женщинам никакой молитвенной одежды не полагалось.

Будничный костюм еврейского населения в черте оседлости и в конце XIX века отличался от костюма окружающего населения, прежде всего крестьян, своим кроем, выбором материала, способом ношения.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Особенностью культуры питания славян-земледельцев было преобладание растительной пищи над мясной. Основным направлением земледелия являлось производство зерновых культур, следовательно, исходными продуктами питания были рожь, пшеница, просо, ячмень, гречиха. В конце XIX века среди огородных культур наиважнейшим продуктом являлся картофель (бульба), затем капуста, свекла, огурцы, морковь, лук, репа. Причем картофель, как у белорусов, так и украинцев соперничал по частоте употребления с гречкой в крупяном и мучном виде. Так, например, у белорусов сложилась поговорка: «Гречка — овечка, бульба — бык».

На втором месте из отраслей сельского хозяйства после земледелия было и сегодня остается животноводство. Самым употребляемым мясным продуктом являлась свинина, в меньшей степени говядина. Крестьяне редко употребляли коровье молоко в сыром виде, чаще молочные продукты — сметану, творог, масло. В районах развитого овцеводства — на Карпатах, на юге Украины в большей степени в пищу использовали овечьё молоко, творог, сыр, брынзу. Мясо птицы (кур, уток, гусей) и яйца использовались

как дополнение к основной пище, поскольку содержание большого количества домашней птицы не получило распространения. Славянами широко употреблялись в пищу садовые фрукты и ягоды как в свежем, так и в сушеном виде. Грибы, ягоды, собираемые по преимуществу в лесных районах региона, особенно в Полесье, также являлись подспорьем в питании крестьян в зимнее время года.

Режим приема пищи зависел от рабочего дня: обычное трехразовое питание в страду дополнялось полдником, а по сезонам количественно и качественно менялся состав рациона. Так, в зимнее время завтрак обязательно включал жидкую горячую пищу, в летнее — хлеб с молоком или квасом, нередко просто с водой. Дневной прием пищи назывался «обед»: он начинался в 11—12 часов в зависимости от времени года и состоял, как правило, из двух блюд: жидкого — борща или щей и каши. Третий прием пищи назывался полудинь; он проходил в 4 часа пополудни и включал одно блюдо. Ужин — вечера (у украинцев и белорусов), или коляция (у поляков) начинался часов в 8—9.

Летом и осенью для приготовления еды больше использовали овощей и фруктов, зимой — круп и муки. Наиболее скудной пища крестьян становилась в весенний период; церковные посты, составлявшие половину календарного года, также вносили свои изменения в пищевой рацион.

Основными приемами приготовления пищи у украинцев и белорусов были тушение и варе-

ние, у поляков в большей степени копчение и жарение. Причем у украинцев и белорусов копчение колбас, сала и мяса в большей степени было развито именно в районах пограничного или совместного проживания с поляками, то есть в западных областях. Основой питания являлся печеный квасной хлеб и изделия из муки различных зерновых (ржи, гречихи, пшеницы): блины, коржи, пампушки, клецки, вареники с картофелем и капустой. Готовили еду и выпекали хлеб в печи, которая служила и для обогрева жилища. В будни основой рациона были разнообразные негустые каши из круп и муки: пшенная, гречневая, затирка из пшеничной муки. Супы-крупники и свекольники борщи готовили на мясном отваре или без мяса с добавлением конопляного либо льняного масла, растертого сала. У белорусов в летнее время широко бытовало жидкое блюдо — холодник из свекольной ботвы или щавеля, разведенных квасом или сывороткой. Мясо чаще употребляли зимой, когда кололи скот. В праздничные и скоромные дни жарили колбасы и кровяники, варили студень, тушили жаркое. Сало, как очень калорийную пищу, годную для длительного хранения, заготавливали и приберегали к страде. Рыбу заготавливали к постам в сушеном и вяленосоленом виде.

Наряду с традиционными продуктами в конце XIX века прочное место в повседневном рационе крестьян-славян занял картофель. Появившись довольно поздно в уже сложившейся системе питания, он вскоре стал ее главным эле-

Выпекание блинов
Белорусы.
Могилевская губ.,
Быховский у.,
д. Белевичи.
Фотография 1911 г.
РЭМ 1890-5

Блины — одно из традиционных блюд у восточных славян. Печенье блинов сопровождалось определенными предписаниями и запретами: так, например, посторонним не показывали, как ставят блины, иначе не зададутся. В Полесье старались не печь блинов на Пасху, в Великий пост, чтобы избежать засухи. Блины пекли в качестве поминального блюда на похоронах, в поминальные дни относили на могилы. На Масленицу у украинцев и белорусов блины не являлись обязательным блюдом.

Деревянные изделия на ярмарке в Чернигове
Украинцы.
Черниговская губ.,
Городнянский у.
Фотография
1897—1900 гг.
РЭМ 3550-28

Тарелка для хлеба и закусок Украинцы. Полтавская губ., Золотоношский у., с. Демки. Конец XIX – начало XX в. РЭМ 366-162

ментом после ржаного хлеба. Крестьяне отметили экономическую выгоду и продуктивность его культивации. При посадке картофеля руководствовались теми же правилами, что и для других культур: старались сажать и сеять в полнолуние, чтобы увеличить урожай. На праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) картофель, как и всякий другой овощ, имеющий круглую форму, в пищу старались не употреблять. Из картофеля или с добавлением его готовили различные блюда: оладьи, драники (деруны), пироги, картофельные похлебки и т.п.

У украинцев, проживающих в пограничных зонах с молдаванами, в рационе присутствовала также кукуруза, из которой приготавливали мамалыгу — традиционную пищу романского населения Бессарабской губернии.

Выделяются особые блюда, изготовлявшиеся в ритуальное время: на свадьбу — каравай, на крестины — крестинная каша, в погребальные и поминальные дни — узвар (компот) и кутья, характерные для всех восточных славян.

Из напитков летом чаще всего употребляли хлебный квас, в другое время года — узвар, или варенуху, из сухофруктов. В конце XIX века все чаще на столе стал появляться чай. Польское население в качестве свадебного угощения готовило холодец и бигос (кислая тушеная капуста), а из выпечки — тястечко (тесто), запеченное с яйцами, сладкие струдли (пресные пироги с фруктовой начинкой), пряники-мазурки.

Особые пристрастия в пище можно выделить у евреев, использующих по традиции только

кошерную пищу, разрешенную законом. Это мясная пища, приготовленная отдельно от молочной, преимущественно говядина, в конце XIX века козлятина (для чего коз разводили в основном сами евреи), а также птица, заготовленная специальным человеком — шойхетом (резником) при помощи освященного ножа. Евреи не употребляли в пищу, например, мясо дичи, потому что она была убита не по обряду. Большое место в рационе евреев занимала рыба, но лишь те ее виды, которые имели чешую (щука, карп, сельдь и т.п.). В будни готовили до четырех блюд из мяса птицы, говядины и овощей. В субботу еду не готовили, но обед мог состоять из семи разнообразных блюд, припасенных накануне: соленая рыба с луком и маслом, мясо с фасолью, гречневая каша, лапша с гусиным салом и яйцами. В Пейсах евреи готовили особую пищу из пшеничной муки, вместо хлеба — мацу из теста, замешанного на воде без яиц, молока и соли.

Приготовление пищи, как правило, проводилось термическим способом в глиняных горшках; размеры посуды зависели от ее назначения. При выпекании хлеба муку просеивали через волосяное сито. Кислое тесто замешивали в клепаных квашнях (дижах) в форме усеченного конуса, в печь хлеб сажали деревянной лопатой. Украинцы, приобретая новую дижку, считали клепки: «дижа—диж». Если на последнюю клепку приходилось слово «дижа», то верили, что тесто в ней будет удаваться: ее окуривали ладаном и вливали немного освященной воды. Приобретая новый горшок для борща, прислушивались к издаваемому им звуку: если звук был «глухой», то считалось, что это — «горшок», если тонкий и звонкий — «горшица». Полагали, что все сваренное в ней будет вкусным.

УТВАРЬ

Разнообразная деревянная бондарная или долбленая утварь широко бытовала по всему южному региону. Изготавливавшаяся практически одними и теми же способами и инструментами, она под одинаковыми названиями была известна и белорусам, и украинцам, и полякам, что может говорить о древности ее происхождения у славян. Деревянная посуда использовалась в основном для хранения и переноски жидких или сыпучих продуктов. Преимущество деревянной утвари перед глиняной и стеклянной, заключавшееся в практичности и сравнительной долговечности, способствовало ее широкому бытованию у славян.

Для изготовления выбирались различные породы деревьев с не рыхлой структурой древесины, кроме ели и сосны, имеющих сильно смолистые свойства. Повсеместно выполняли запрет не рубить и не использовать деревья,

Коновка — сосуд для воды Украинцы. Ивано-Франковская обл., Косовский р-н, с. Ричка. Начало XX в. РЭМ 8089-41 а,б

Севенька – короб для зерна Белорусы. Минская губ., Несвижский у., д. Морочь. Начало XX в. РЭМ 7583-2

Каробка – плетеный сосуд Белорусы. Могилевская губ., Могилевский у., д. Мосток. Начало XX в. РЭМ 2844-60 а, б

Глек – сосуд для горячей воды Белорусы. Могилевская губ., Могилевский у. Начало XX в. РЭМ 1292-96

Наряду с деревянной и глиняной посудой у всех славян широко бытовала утварь, плетенная из соломы, веток и корней деревьев. Ее использовали для хранения и переноски сухих сыпучих продуктов (зерна, муки). Изделия больших цилиндрических форм служили для хранения холстов и приданого, как, например, кубел у белорусов.

Миска Белорусы. Гомельская обл., Лельчицкий р-н, д. Липляны. XX в. РЭМ 7361-14

Солонки Украинцы. Полтавская губ., Золотоношский у. Конец XIX в. РЭМ 366-172, 4061-17

Топ – пара горшков для приготовления пищи Евреи. Белоруссия, г. Лепель. Конец XIX – начало XX в. РЭМ 7851-5, 8

Ковганка. Украинцы. Черниговская губ., Остерский у., мест. Смолин. Конец XIX в. РЭМ 1351-39

Барыльце – сосуд для воды или вина Украинцы. Полтавская губ., Зеньковский у., мест. Опошня. Начало XX в. РЭМ 994-52

Ковганка (салотовка) – посуда для растирания сала в борщ. В большей части непосредственно растирали сало, в маленькую складывали.

Мальчик несет обед в поле
Белорусы.
Минская губ.,
Игуменский у.
Фотография 1905 г.
РЭМ 776-92

В традиционном обществе детство делилось на несколько периодов, связанных с ростом ребенка. В зависимости от вида работ, которые осваивали дети, их называли: кашники (младенцы), няньки, пастушки, погоньчи, косари, пряхи (девочки). До возраста погоньчей, когда мальчики переходили под опеку отцов, дети находились под началом у матери. С возраста пастушков мальчики выполняли посреднические функции между матерью и отцом. Так, они могли носить обеды в поле во время пахоты и сева, когда там работали мужчины. Обед, как правило, состоял из двух блюд. Иногда для переноски пищи в поле использовали сосуды, называвшиеся двойнята (сдвоенные под одну ручку) или тройнята (три сосуда, скрепленные так, чтобы не распадаться по отдельности).

посаженные человеком. Простые формы и виды изделий мог делать хозяин дома, бондарные, как правило, изготавливали мастера-ремесленники, как правило, на заказ, в других случаях они продавали свою продукцию на ярмарках. Точеную, токарную посуду для праздничного стола украинцы Полтавской губернии могли раскрашивать и разрисовывать растительным орнаментом. Гуцулы для декорирования своих изделий использовали технику выжигания, инкрустации перламутром, бисером и проволокой.

Как и все восточные славяне, украинцы и белорусы ели деревянными ложками из деревянных или глиняных мисок, которые хранились в специальных посудных шкафчиках — мисниках, располагавшихся рядом с печью. Соль, которая по поверьям обеспечивала благополучие в семье, всегда стояла на столе в долбленной или точеной солонке.

Жарили продукты в глиняной посуде с низкими бортами, имевшей трубчатую ручку или ушко. Для процеживания использовали деревянную посуду конусообразной формы, а на Украине и низинах Карпат, где вообще посуда из глины была распространена шире, чем в Белоруссии, применяли глиняный дуршлаг-цидильник с двумя ручками. Посуда для молока и молочных продуктов — кувшины, глеки — в основном была глиняная, а в Карпатских горах, куда трудно было доставлять глиняную посуду, — деревянная, долбленная или бондарная.

Питьевую воду хранили в бондарных кадучках, стоявших в сенях хаты, переносили воду в водоносках-коновках, иногда они были не бондарные, а долбленные, как в Покутье и Прикарпатье. Пили воду из ковшей и черпаков. Для хмель-

ных напитков (водки, вина, пива) приобретали деревянные бочонки, баклаги или глиняные барыльца цилиндрической или бочкообразной формы. Плоские глиняные или точеные деревянные баклаги брали с собой пастухи и лесорубы Карпат; гончарные калачи и плесканки, куманцы широко бытовали на Украине.

Пищу на сенокос и во время полевых работ носили в особой посуде, называемой двойнята, близнята, тройнята. Эти сосуды покрывали крышками из дерева.

Для заготовки впрок овощей или грибов покупали бондарные кадучки. В них квасили капусту, солили огурцы, свеклу для борща. Зерно и муку хранили в больших деревянных ларях, долбленных из цельного куска дерева или, как у белорусов, в плетеных из соломы сусеках. Для сбора грибов и ягод использовали емкости, выплетенные из лозы, корней ели, луба. Их умели изготавливать в каждой семье, преимущественно дети-пастушки.

Евреи для приготовления пищи использовали посуду, купленную на ярмарках, то есть ту, что изготовлялась в местах их проживания крестьянами и ремесленниками. Для термической обработки продуктов у них в большей степени, чем у славянского населения, в ходу была медная посуда. Особенностью применения посуды евреями было то, что в приготовлении строго соблюдали разделение емкостей для мясной, молочной пищи и воды, хранили посуду для этих групп продуктов на разных полках.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Сельская община в пределах Российского государства выступала как коллективная единица налогообложения и несла ответственность за своевременную выплату налогов, а также за содержание дорог и мостов. Общим для этого региона было общинное владение землей и участков для покоса, которое определяло порядок распределения участков, не всегда одинаково удобно расположенных для вспашки. Передел земли обычно происходил через два года на третий. Решение об этом принималось, как правило, на сельском сходе по устному заявлению одного из домохозяев двумя третями от общего числа голосов. Право решающего голоса имел только владелец надела, остальные могли лишь присутствовать на сходе. Если во главе семьи стояла женщина, державшая надел и исправно платившая налоги на него, то ее голос приравнивался к мужскому.

Общинные земли делились на полосы, которые определялись жребием, при неизменном общинном количестве земли менялись только

границы полос, а количество оставалось прежним, передел производился ради справедливости из-за неоднородности земли и качества почвы. Владелец надела не имел права огораживать свои полосы, изменение границ которых происходило «с ломанием межей». Пересмотру подлежали также участки, выделявшиеся под посеvy льна и конопли. Община следила, чтобы не было пустошей и обработке подвергалась вся земля.

Внутри общины допускалась собственность в форме наследования, аренды, залога и даже купли-продажи. Каждый хозяин был вправе распорядиться своим наделом по собственному усмотрению: мог начинать работу, когда хотел, мог сдать землю в аренду. Усадебные земли — огороды, капустники, огуменье — являлись наследственным владением крестьян и не подлежали переделу общиной. В ведении общины были заботы о состоянии перевозов, храма, осуществлялось внутриобщинное судопроизводство. Для исполнения общественных решений избирали старшин разного ранга: гуменные, сотские, войты, есаулы, которые всегда занимали почетные места в церкви и на сходках, а их голоса были решающими.

Особую группу в сельском обществе, со своими обязанностями, составляли юноши брачного возраста. На Украине это парубки, а в Белоруссии — хлопцы, объединявшиеся в свои братства — громады, выделявшиеся поведением, особой удалью, отвагой и силой. Молодежь, входившая в громаду, обладала свободой ходить на заработки и распорядиться своими доходами, отец не мог заставить такого парубка или хлопца

пасти скот или отдать в работу к другим. При наступлении совершеннолетия им предоставлялось право присутствовать вместе с отцом на сельских сходах. Группа выполняла также общественные службы: в их обязанности входило украшение церкви и помощь во время службы, по большим праздникам — зажигание свечей, сооружение и вырубка креста на Крещение. Молодежь имела право свободно ходить «на улицу», «на музыку», посещать вечерницы, где происходило свободное знакомство молодежи. Расставание с этой возрастной группой происходило после женитьбы его членов, женатые никогда не входили в громаду. Пополнение группы происходило постоянно по мере подрастания молодежи.

Общественное управление в еврейской общине осуществлялось кагалом — выборным органом из влиятельных лиц. В его ведении находились гражданские дела: перепись населения, сбор и выплата податей, общественные расходы и отыскание источников доходов. Кагал, как и в случае с крестьянской общиной, выступал посредником между общиной и властью. В его задачи входила забота о неимущих, поддержание их платежеспособности, замещение духовных должностей — канторов, резников скота, наставников, уплата жалованья раввинам. В каждой общине существовало специфическое братство Хевра Кадиша, занимавшееся погребением умерших и находившееся на содержании общины. В его ведении находилось еврейское кладбище. Ежегодно в общине избирались старшины, казначей, письмоводитель и счетчик. В общинную книгу Пинкес — главный учетный

Сельские женщины
Украинцы.
Полтавская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-77

Старуха с внуком
Украинцы.
Черниговская губ.,
Черниговский у.,
с. Пакуля.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-26

документ — были вписаны все члены общества с начала его существования.

Еврейские женщины занимались только домашним хозяйством и воспитанием детей, изредка могли помогать мужу в лавке.

Во второй половине XIX века евреям было разрешено проживание в деревнях и селах, «оброчное содержание земель», хозяйственных заведений, мельниц и постоялых дворов. Однако занятие земледелием внутри самой еврейской общины было делом не очень престижным, потому что было основным у крестьян, от которых еврейское население себя отделяло в силу конфессионального различия, поэтому земли, главным образом, сдавались в аренду.

СЕМЬЯ

В сельской общине семья была достаточно независимой единицей. Семейный уклад и распределение обязанностей в семье крестьян определялись главным занятием — земледелием и сложившейся системой внутрисемейных отношений. Важными составляющими семейного уклада были совокупное владение землей, доходами и коллективный труд.

Общий для всех земледельцев традиционный уклад жизни варьировался в зависимости от региона и подсобных занятий жителей. Так, например, в Причерноморской зоне, где основным занятием являлось рыболовство, в Карпатах, где ранней весной все мужское население

деревень перемещалось в горы «на полонины» для выпаса скота, сезонное распределение работ было иным, чем в сельскохозяйственных районах. Но в целом внутрисемейный уклад и нормы обычного права соответствовали восточнославянской традиции.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Семью возглавлял старший по возрасту мужчина — хозяин, в его руках была сосредоточена неограниченная власть над членами семьи. Он управлял своими взрослыми сыновьями, их трудом, руководил хозяйственной деятельностью, распоряжался расходами и распределял доходы всей семьи: на посевные работы, аренду земли, приобретение скотины, посуды, хозяйственного инвентаря, одежды и всего необходимого для домочадцев, а также на свадьбы, похороны, крестины, прием и угощение родственников и знакомых. Хозяин представлял семейный коллектив на сельских общественных сходах, где защищал его интересы.

Внутри дома распоряжалась старшая в семье хозяйка — как правило, жена хозяина. Она распределяла продукты, работы по дому среди женской половины семьи, хранила семейные деньги, обучала младших невесток ведению домашнего хозяйства, воспитывала дочерей и готовила им приданое. В отсутствие хозяина исполняла его функции, в том числе посещала сельские сходы, но без права голоса, и взрослые сыновья подчинялись ей, как отцу, до тех пор, пока сами не женились.

В деревне XIX—XX веков все виды крестьянских работ соответствовали времени года и имели четкое распределение по полу и возрасту. Сельскохозяйственными работами, требующими физической силы, занимались мужчины, в то время как домашние заботы, требующие подчас не меньшей силы и сноровки, возлагались на плечи женщин. Мужской сферой деятельности обычно являлось внешнее пространство: поле, лес, отъезд на дополнительные заработки. Мальчики 6—7 лет, до этого воспитывавшиеся под присмотром матери, начинали приучаться к мужскому труду. В это время они должны были научиться ездить верхом, управлять лошадью, помогали отцу при вспашке и бороновании, перевозке снопов и молотье. Мальчиков такого возраста у украинцев называли погоньчями. В возрасте 12—14 лет наравне со взрослыми мужчинами мальчики участвовали в пахоте, косьбе, молотье, приучались к строительному делу, починке инвентаря. Полноправными работниками в семье юноши становились к 17—18 годам, приобретая все навыки, какими должны были обладать взрослые мужчины. В этом возрасте они становились настоящими косарями.

На с. 159

Крестьянка
с ребенком
Украинцы.
Черниговская губ.,
Черниговский у.,
с. Пакуля.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-24

Жених и невеста
в свадебных костюмах
Белорусы. Витебская губ.,
окрестности г. Лепель.
Вторая половина XIX в.
РЭМ 8764-4418

Свадьба
Украинцы. Полтавская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-78

Основные мужские работы продолжались с ранней весны и до поздней осени. В зимний период мужчины, если не уходили на заработки, занимались починкой инвентаря, заготовкой дров и леса для строительства, ездили на мельницу и ярмарки, подвозили корм для скотины и, по мнению женской половины, «бездельничали»: посещали после работ питейные заведения — корчмы, своеобразные мужские клубы, где обсуждали злободневные темы, виды на новый урожай, нередко разбирали дела, не требовавшие общего схода всего села, составляли прошения к высшему начальству, решали местные споры.

Все домашние работы исполняли исключительно женщины, их основная деятельность протекала внутри дома и двора. Летом женщины участвовали и в полевых работах: они жали и вязали снопы во время страды. В это время нагрузка на женщин увеличивалась из-за огорода, где выращивались овощи для семьи и на продажу. Огород требовал немалых усилий: посадка, прополка, уборка урожая и дальнейшие заготовки на зиму так же ложились на женские плечи. Наравне с повседневной работой женщины в летне-осенний период убирали и обрабатывали лен, зимой пряли, весной ткали и отбеливали холст.

Положение женщины в крестьянской семье традиционно рассматривалось как зависимое от

мужа, тем не менее, оно было достаточно прочным и зависело в большей мере от ее способностей и физической выносливости, но также и от характера мужа. Иногда фактическое главенство в семье принадлежало жене. В том случае если муж был не способен решать проблемы семьи, его опорой и советчицей становилась хозяйка, до тех пор пока не вырастали сыновья. Достоинства женщины определялись ее трудолюбием, умением вести хозяйство, способностью прясть, ткать, «обшить и обстирать мужа». Эти навыки развивали у девочек с 5—6 лет. Они помогали матери носить воду, дрова, мыть посуду и полы, полоть в огороде, присматривать за младшими детьми и домашней птицей. С этого же возраста их начинали обучать рукоделию. Необходимыми навыками девочка, а затем и девушка овладевала под руководством матери, передававшей ей свое мастерство. Если мальчик-юноша должен был по мере взросления выполнять все более сложные сельскохозяйственные работы, то девочка-девушка с возрастом должна была выпрядать более качественную и тонкую льняную или конопляную нить. Например, у белорусов девочки пряли оттрепышную кудель, нитки которой шли на изготовление мешков и дерюг. Пачесную кудель, требовавшую ровных нитей, пряли юные девушки, а кужельную, самую вычесанную кудель, пряли опытные зрелые девушки брачного возраста.

Повзрослевшую дочь родители освобождали от повседневных работ по дому, ее главным занятием становилось приготовление приданого, в чем ей помогала мать. Девушки брачного возраста ходили на все посиделки, их старались одевать чище и наряднее. Они могли приготовить пищу для семьи, хотя этому их специально матери не обучали — навыки в приготовлении еды, выпечке хлеба девушки приобретали после замужества от свекрови.

Хозяйка определяла порядок и очередность участия в домашних работах среди невесток. Молодому в течение года после свадьбы обычно освобождали от тяжелых работ и приготовления пищи, в дальнейшем она выполняла обязанности наравне с другими. Невестка должна была носить воду, дрова, присматривать за печью, мыть посуду и полы, помогать в дойке коров и кормлении скотины.

Каждый будничный крестьянский день мало чем отличался от другого, только в зимний и летний периоды подъем ото сна регулировался временем восхода солнца. Летом утро начиналось рано, не позднее шести часов, в зимнее время позже, часов в восемь. Раньше всех просыпалась и позже всех ложилась спать стряпуха, обязанности которой в больших семьях чередовались понедельно или помесечно. Она вставала в пред-рассветное время, растапливала печь, будила тех, кто должен был кормить скот, доить коров.

Маленьких детей и немощных стариков, имевших одинаковый статус, поднимали последними. Принятию пищи всегда предшествовало умывание, не всегда тщательное, но необходимое, как ритуальное омовение. После умывания следовала обязательная молитва. Порядок распределения мест за столом всегда строго соблюдался: под святым углом сидел сам хозяин, рядом с ним — старший из сыновей, затем мужчины по одну сторону на лавках, женщины — по другую

Свадьба
Украинцы.
Подольская губ.
Фотография начала XX в.
Из собрания РЭМ

Свадьба
Украинцы.
Полтавская губ.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-58

на приставных скамейках, младшие не садились за стол прежде старших, за этим следил хозяин дома. Иногда дети, если их было много, сидели за отдельным столом около печи, за ними присматривали матери, которые ели здесь же до тех пор, пока не женят сына или не выдадут замуж дочь. Детям только с 14 лет разрешалось садиться за стол. Дежурная стряпуха подавала на стол и ела после всех стоя. После ужина работать продолжали только женщины. Одни мыли посуду, другие, в зависимости от времени года, пряли или ткали.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Единство этнокультурного пространства региона прослеживается в мифопоэтической картине мира, представляющей синтез христианских и архаичных представлений. При единстве обрядовой системы, в целом, можно выделить архаичность Карпатского и Полесского ритуально-мифологического комплексов, своеобразии обрядовых форм белорусского Поозерья, украинского Поднепровья и Подолии.

Сакрализация пространства жизнедеятельности крестьянского мира в наиболее явной форме проявилась в сооружении культовых объектов: церквей, часовен, обетных и придорожных крестов и др., а также выделении на освоенной территории ритуального пространства. Местом контакта живых были площадь, пространство у церкви, отмечается проведение ярмарок у стен храмов. Кладбище являлось местом выхода в мир смерти, зоной контакта с умершими. В топографии ранних захоронений выделяются в первую очередь перекрестки дорог, межевые канавы, низины, болотистые места. С возникновением кладбищ эти места не утратили значения точек соприкосновения с иным миром и использовались для захоронения «нечистых», «заложных» покойников, то есть людей, не «изживших свой век» (самоубийц и т. п.). Область жизни и область смерти в традиционных представлениях не только противопоставлены, но и сопоставимы (например, лексические соответствия типа дом — домовина, новоселье как синоним захоронения; покутье — общий термин для обозначения кладбища и красного угла и др.). Как ритуально узаконенное пространство смерти, «священная земля», кладбище обладало постоянным магическим полем (ср.: опасность проходить мимо кладбища, гадания на кладбище; черная, любовная и врачевная магия, связанная с кладбищенской землей; роль кладбища в других обрядах). В поминальный день, так же, как и в день погребения, поведение на кладбище требовало повышенной жизненности и действий,

Икона
на сушеной камбале
Украинцы.
XX в.
Из собрания РЭМ

Такие иконы являлись характерной принадлежностью чумацкого быта: их брали с собой в дорогу, а в случае благополучного возвращения жертвовали церкви.

Выход из церкви
Украинцы.
Полтавская губ.,
Лубенский у.
Фотография 1902 г.
РЭМ 135-16

Кладбище
Украинцы.
Черниговская губ.,
Кролевецкий у.,
г. Короп.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1514-75

Сельское кладбище
Белорусы.
Могилевская губ.,
Могилевский у.,
д. Мосток.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2711-1

противоположных тем, которые на нем производятся во внеобрядовое время: смех, веселье, воровство предметов с кладбища. В это же время дом как «пространство живых» открывается во время зимнего поминовения предков — дзядов и становится опасным для живых: участвующие в поминальной трапезе не могут подойти к столу, спуститься на пол, не поплатившись за это.

Существуют две формы поминальных ритуалов: на кладбище и дома. Первая традиция соотносится с древнейшим обрядом тризны по заложенным покойникам. Она приурочена к лету (Фомина неделя, Троица), к дневному времени суток. Ее отличает бурный характер поведения участников («до полудня плачут, после полудня скачут»), пьянство, драки, обливание водой. Круг поминающих — все село.

Другая традиция поминовения соотносится с рожаничной трапезой, молением навьям в бане. Поминовение, приуроченное к Дмитриевской субботе, к Великому посту, совершается в узком семейном кругу — это поминки по «своим». Они продолжаются два дня: первый день «канун» — постное угощение; второй день «дзяды» — скоромный. В центре домашнего поминовения — ночь, когда за неубранным столом «дзяды вечерают». Атмосфера здесь иная: это страх и молчание.

Надгробия в форме домовин, обрядовые кресты-терема с двускатным покрытием, ритуальные ткани (рушники, скатерти), а также ритуальная пища (пасхальные яйца, приносимые в поминальные дни) указывают на связь и идентичность в организации пространства кладбища и жилища.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Среди различных социальных слоев украинского и белорусского населения были распространены православие, католичество, униатство и протестантизм. Это особенно наглядно прояв-

лялось в зонах со смешанным конфессиональным составом населения, в местах дисперсного проживания поляков-католиков, протестантов (немцы, латыши), русских.

Украина и Белоруссия, как часть пространства Святой Руси, приняли христианство в основном одновременно с другими землями Киевской Руси. В XI веке в Киеве и Полоцке, наряду с Новгородом, были воздвигнуты, как центры православия, Софийские соборы по подобию Константинопольского в Византии. В 1596 году была провозглашена Брестская уния, положившая начало существованию греко-католической церкви. Ее целью являлось обеспечение для высшего православного духовенства на территории Речи Посполитой положения, равного положению католического духовенства, а также ослабление притязаний московского царя на земли Юго-Западной Руси. Значительная часть православного населения и духовенства сопротивлялись насаждению унии. Наиболее известным примером сопротивления является самосуд православных жителей Витебска над архиепископом Полоцким Иосафатом Кунцевичем в 1623 году. Многие православные горожане объединялись в братства для защиты своих интересов.

В момент расцвета Речи Посполитой католицизм и униатство исповедовали, по некоторым оценкам, до 40% населения, в основном на западных землях и в крупных городах. В то же время в 1791 году на территории всего Великого княжества Литовского 39% населения являлись униатами, 38% — католиками, 6,5% — православными и 4% — старообрядцами. Ситуация в корне изменилась после раздела Речи Посполитой и особенно после 1839 года, когда униатские приходы были переданы в ведение Русской православной церкви Российской империи. После воссоединения униатов с православными начался постепенный упадок католицизма и укрепление позиций православия.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Основу ритуально-мифологического поведения человека в восточнославянской этнокультурной традиции составляют три группы ритуалов: календарного цикла, жизненного цикла и производственные (ритуалы аграрного цикла, окказиональные и др.).

Ритуалы аграрного цикла: первая пахота, начало и окончание жатвы — зажинки, дожинки, связанные с традиционными ремеслами и промыслами, наиболее подвержены трансформации и сохраняются на уровне преданий этнической памяти.

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В системе календарных ритуалов органично переплетены черты христианской и языческой традиций. Среди календарных праздников наиболее яркими являются Святки. Особая насыщенность магическими обрядами, гаданиями, прогностическими приметами, ритуальным этикетом выделяет святки из всего календарного года. Это объясняется, во-первых, тем, что празд-

ники приходились на момент зимнего солнцестояния и осмыслялись как пограничный период между старым и новым хозяйственным годом; а во-вторых, мифологическими представлениями о приходе с того света на землю в первый день Святков предков — дзядов и о разгуле нечистой силы с Рождества до Крещения.

Отличительной чертой Святков являлся повсеместно соблюдаемый запрет работать (особенно с наступлением темноты), что и определило народное толкование названия этого праздничного цикла — «святые вечера». О том, что время от Рождества до Крещения воспринималось как единый цикл связанных между собой праздников, свидетельствует народная терминология. Так, при широко известном у славян названии для всего святочного периода «коляда», рождественский сочельник у белорусов и украинцев в полесской традиции часто именуется «первая коляда» или «голодная кутья» по названию обязательного обрядового блюда этого периода — кутьи — круто сваренной каши из ячменной или пшеничной крупы. Канун Нового года — «другая коляда» или «щедрая кутья». И, наконец, Крещение — «третья кутья» или «водяная коляда».

Крестьяне со святочной звездой
Белорусы.
Могилевская губ.,
Горецкий у.
Фотография 1903 г.
РЭМ 761-27

В связи с поверьями о приходе мифических гостей существовал обычай принимать на Святки любого пришедшего в дом и одаривать его праздничной пищей. Вечером под Рождество и под Новый год по дворам ходили колядники и группы ряженых. Колядующие в качестве ритуального символа могли нести рождественскую звезду.

Батлейка – рождественский кукольный театр Белорусы. Могилевская губ., Быховский у., с. Бычь. Конец XIX – начало XX в. РЭМ 2526-1

Куклы из спектакля рождественского театра батлейки: Ангел со свечой, три царя, Ирод Белорусы. Могилевская губ., Быховский у. Конец XIX в. Из собрания РЭМ

Батлейка представляет собой переносной деревянный шкафчик с двухъярусной сценой, лицевая сторона которого закрывается ставнями. Куклы, закрепленные на стержнях, двигаются по прорезям в полу. В верхнем ярусе традиционно разыгрывались сцены евангельской легенды о рождении Христа. Здесь помещались укрепленные ясли, фигуры Марии и Иосифа. Необходимыми участниками сцен в верхнем ярусе были Три царя и Ангел со свечой. В нижнем ярусе разыгрывались эпизоды с царем Иродом, приказавшим приводить к нему всех младенцев мужского пола, родившихся одновременно с Иисусом. Здесь стоял его трон, справа и слева имелись отверстия, откуда куклы появлялись и уходили. За ящиком помещались кукловод, хор и музыканты. Со временем религиозная часть действия сокращалась, больше место уделялось сценкам бытового, исторического, комического характера. Так появлялись новые персонажи: цыгане, воин на коне, пастушок-Антипка, барыня и т.п.

В соответствии с христианской традицией в Рождественский сочельник до позднего вечера, до появления звезды соблюдался пост. Стол, на котором располагалась трапеза, устилался соломой или сеном. Это делало стол и лавки похожими на те ясли, в которые, согласно евангельской легенде, был положен Спаситель. Обычно готовилось нечетное количество блюд. Начинали ужин с молитвы и поминовения умерших родственников. Иногда на стол выкладывали столько лишних ложек, сколько членов семьи было похоронено за год. Перед ужином или в момент подачи на стол кутьи хозяин выходил на порог дома и приглашал к ужину «дедов» или «мороз», «волка», «птиц», «Бога», «тучу», «ветер» и другие мифологические персонажи, олицетворяющие силы природы, стихии, мир животных. Во время ужина и после него в разных формах осуществлялось ритуальное «кормление предков», для которых откладывали в специальную посуду понемногу от каждого блюда (или первую ложку кутьи, первый испеченный блин); бросали еду в углы дома, за окно, в печь; оставляли на ночь остатки пищи и посуду на столе.

Вечером под Рождество и под Новый год по дворам ходили колядники и группы ряженых. Общей для региона было вождение «козы» в сопровождении «деда» и «бабы». Особенно ярко традиция ряженья с многочисленными трансформациями персонажей сохранилась до нашего времени у населения Карпат.

Кульминации святочных гулянья достигали к Новому году — Васильеву дню. Отмечался не столько сам Василий, сколько его канун — Щедрый, или Васильев вечер. Св. Василий Великий считался в народе покровителем свиней, поэтому 1 января называли еще «свинным праздником», а «кесарийский» поросенок составлял главное угощение во время Васильева вечера. В Крещение совершалось великое освящение воды, обычно шли крестным ходом к реке или озеру, к заранее приготовленной проруби. Называлось это «хождением на Иордан». Те, кто рядился на Святках, купались в проруби, чтобы смыть с себя бесовскую личину.

Другой характерной чертой Святок, связанной с народной эстетикой, является представление кукольного театра — вертепа, или батлейки. Это слово происходит от латинского названия города Вифлеема — Bethlehem, места рождения Иисуса Христа. Своими истоками он восходит к средневековым рождественским мистериям, которые разыгрывались учениками католических школ. С XVII века они получили распространение в католической Польше, откуда перешли в Белоруссию и на Украину. Наиболее распространенной была народная драма «Царь Ирод», органично соединившая христианские

персонажи и ряженных, евангельские сюжеты и бытовые сценки.

Театр «открывал» сезон в строго определенное традицией время — в Рождество, и продолжал разыгрываться до завершения Святых вечеров, то есть, до наступления Нового года. Кукловоды и сопровождающие их музыканты и хор ходили от дома к дому, либо устраивали представления в местах общественного сбора — на торговых площадях. Особенным успехом кукольный театр пользовался у детей.

Летний солнцеворот был отмечен такими праздниками, как день Ивана Купалы, Зеленые Святки и группой обрядовых комплексов, связанных с символикой расцветающей растительности, пространством природы, стихией воды, определяющих особенности ритуального поведения, основной набор ритуальных символов. Это гулянья за селом, у реки, разжигание костров, поиски мифологических растений — цветка папоротника, время разгула ведьм и молодежи в ночь на Ивана Купалу.

Праздник Преображения Господне, называвшийся в народе Вторым Спасом, отмечали 6 (19) августа. К этому времени попевали яблоки, груши и другие плоды. До этого дня старались плодов не есть, особенно запрет касался отцов, дети которых умерли в младенческом возрасте, и детей, отцы которых умерли. По народным представлениям, безгрешные младенцы находятся в раю, где на серебряных деревьях растут золотые яблочки. Эти яблочки

раздают тем детям, чьи родители не едят яблочко до Второго Спаса.

Созревшие фрукты, мед, калачи из муки нового урожая носили для освящения в церковь, где сначала происходила праздничная литургия, а затем священник благословлял плоды нового урожая. После освящения разрешалось есть яблоки. Освящали также целебные травы.

Праздничная культура наиболее ярко показывает, что сознание, ориентированное на этнокультурные традиции, целостное восприятие мира легко соединяет в мифопоэтических текстах культурные символы, извлеченные из реального жизненного опыта разных поколений. Таким образом, в обрядовом комплексе присутствуют и христианские традиции (православные и католические), и архаичные представления о времени и пространстве, ритуальные предметы и атрибуты, сакральные тексты, элементы музыкальной традиции и драматического искусства, и многое другое.

В целом обзор этнокультурного ландшафта региона демонстрирует, что универсальность этнокультурных форм системы жизнеобеспечения, сложившиеся устойчивые этнические поведенческие стереотипы, вариативность лексики ритуальных форм коммуникации — это наиболее характерные черты существования традиции. Этнографический взгляд и осознанное отношение к механизмам межэтнической коммуникации позволяют очертить границы, увидеть горизонты возможного диалога и сосуществования народов с различными историческими судьбами.

Освящение плодов в день Спаса Украинцы. Черниговская губ., Нежинский у. Фотография 1924 г. РЭМ 4033-2

Плоды, освященные в Преображение Господне, назывались «спасовские», ими старались угостить нищих и больных. Молодежь, съедая первое яблоко, могла загадывать о судьбе. После праздника, как правило, начинался массовый сбор и продажа плодов. По народным верованиям с этого времени лето встречалось с осенью, появлялись первые признаки заморозков. Говорили: «Пришел Спас, готовь рукавицы про запас».

Крестьяне,
танцующие польку
Белорусы.
Могилевская губ.,
Быховский у.,
д. Белевичи.
Фотография 1911 г.
РЭМ 1890-7

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Одним из важнейших обрядов жизненного цикла являлись крестины, в результате которых ребенок признавался общиной. После церковного обряда крещения в доме устраивалось богатое угощение, на которое приглашались кумовья и соседи. Кумовьями называли крестных родителей своих детей, духовных восприемников. Ими могли стать соседи, друзья, дальние родственники, при этом старались приглашать людей состоятельных, обладающих хорошими моральными качествами. Не брали в крестные бездетных родителей или разведенных. Быть крестными считалось большим почетом, отказ почитали за грех. Кумы несли ребенка в церковь: мужчина-кум — мальчика, женщина-кума — девочку.

На крестинном обеде желали здоровья ребенку, его родителям, происходило взаимное

одаривание родителей, крестных и повитухи. В подарок, как правило, кумы приносили полотно, хлеб, продукты (муку, яйца, вареники). Для роста и здоровья младенца дед с кумом пили водку, недопитое выплескивали в потолок, подбрасывали ребенка вверх. Главным ритуальным блюдом была каша, которую гости должны были съесть быстро и без остатка, чтобы ребенок рано начал ходить и говорить.

Впоследствии в свадебном обряде, в случае смерти одного или обоих родителей, крестные выполняли их функции.

ФОЛЬКЛОР

На нынешней стадии изучения история украинского и белорусского фольклора может строиться только гипотетически. Несомненно, к древнейшему ее периоду мы должны отнести

разнообразные произведения магического характера, в том числе заговоры и обрядовую поэзию.

Аграрный календарь сходен у всех народов северного полушария; в русском фольклоре мы найдем почти те же названия праздников. Здесь достаточно только перечислить жанры украинской и белорусской обрядовой поэзии с их своеобразной иногда терминологией: колядки и щедровки — величальные песни в канун Рождества и Нового года, сопровождавшиеся иногда особыми действиями ряженных (хождение с «козой»); весенние песни, в свою очередь, делящиеся на гаёвки (от «гай» — лес) — хоровод-

ные песни на опушке леса с играми («просо», «воротарь», «мак» и т. д.) и песни «русальные» и «троецки», приуроченные к «зеленим Святкам» (Троицыну дню); летние «купальские» песни, связанные с солнцеворотом и празднествами в честь Ивана Купалы. К данному циклу примыкают песни, сопровождающие жнива, наименее окрашенные культовыми мотивами и наиболее четко вскрывающие трудовую основу «обрядовой» поэзии. К разряду «обрядовой поэзии» относятся песни и внекалендарного порядка,

Нищий-музыкант с поводырем
Белорусы. Минская губ.,
Игуменский у.
Фотография 1905 г.
РЭМ 776-85

Скрипки детские
Белорусы. Минская губ.,
Мозырьский у.;
Могилевская губ.,
Чериковский у. Конец XIX в.
РЭМ 2107-293; 1292-120

связанные с обычаями хрестин (крестин), весилля (свадьбы) и похорон.

От глубокой древности ведет свое начало и повествовательный фольклор — сказка во всех ее разновидностях: фантастические рассказы, где чудесное перемешано с реально-возможным; байки о животных; саги, рассказывающие об исторических лицах, местах и событиях; новеллы; бытовые сказки; анекдоты или при сказки; наконец, легенды, основанные на христианских верованиях.

ОБРАЗОВАНИЕ

Система образования у народов региона в дохристианский период с VI по IX век развивалась с теми же характерными особенностями, как и в других архаичных культурах. Процесс воспитания был неотделим от жизнедеятельности племени и осуществлялся через включение подрастающего поколения в трудовую, хозяйственную, бытовую, ритуально-обрядовую деятельность взрослых. Воспитание было делом всех членов родовой общины. Оно выстраивалось в определенной последовательности: в раннем возрасте — до 4—5 лет, иногда до 7—8 лет все дети находились под наблюдением женщин; затем мальчики переходили в дом мужчин и усваивали там навыки охоты, собирательства, ремесла и т.д.; девочки оставались с женщинами и обучались домоводству и рукоделию. У восточных славян период детства четко делился на

определенные возрастные этапы, которым соответствовало содержание воспитания. Ребенок до 6 лет назывался «молодым», от 7 до 12 — «чадом», от 12 до 15 — «отроком». Как и в других древних культурах, в восточнославянской существовал обряд инициации, знаменовавший переход из одной возрастной группы в другую. По сути, эти традиции сохранялись в этнопедагогике до XIX века.

Через пять столетий после распространения христианства в Западной Европе, в 988 году Киевская Русь принимает крещение, и господствующим официальным вероисповеданием становится восточный византийский вариант христианства — православие. Вместе с культурной традицией православия Русь воспринимает от Византии и образовательные традиции, основанные на античных образцах, что благоприятно сказывается на развитии просвещения в регионе. На западных рубежах древнерусских земель, в Правобережной и Западной Украине и Белоруссии, в конце XVI — начале XVII века получили развитие «братские школы», в которых традиции приобщения к книжной культуре обогащались опытом развития школьного дела в Западной Европе. Потомки древнерусского населения Украины и Белоруссии, пытаясь сохранить в неприкосновенности свои вероисповедание, культуру, язык, создавали в православных общинах подобные учебные заведения. Отличительной чертой учебного процесса в «братских школах» была его четкая организация: дети обучались по четыре часа в день, предусматривались обязательные домашние задания и их регулярная проверка. Школы были доступны для выходцев из различных слоев, то есть предлагали не сословный, а универсальный принцип построения содержания образования. В «братских школах» зародились основы классно-урочной системы.

В истории развития образовательных институтов в рассматриваемый период особое место занимает XVII век, поскольку именно в это время предпринимаются попытки создания высшей школы. На положениях системы и программы обучения, характерных для «братских школ», киевским митрополитом Петром Могилей в 1632 году было основано учебное заведение повышенного типа — Киево-Могилянская коллегия, главными языками преподавания в которой были славянский и латынь, изучался греческий. Выпускники киевского коллегиума (С. Полоцкий, Е. Славинецкий, А. Становский) получили образование, сравнимое по уровню со схоластическим европейским стандартом, и принимали активное участие в развитии русского Просвещения. В качестве учебной литературы в школе на начальном этапе обучения чаще всего использовались Часовник, Псалтырь и дру-

гие богослужебные книги. В XVII веке появляются печатные буквари и азбуки, включавшие, помимо дидактического материала, отрывки нравственного содержания. Одной из первых печатных учебных книг стала «Грамматика» Милентия Смотрицкого.

Существенное изменение конфессиональной ситуации во второй половине XVII—XVIII веке оказало значительное влияние на характер развития образования региона. Большое значение в этом процессе имела католическая церковь, и влияние ее возрастало через религиозно-культурную политику магнатов и королевского двора, монашеских католических орденов и принесенную ими систему воспитания и образования. Расширение сети учебных заведений началось еще в XVI веке, однако, именно в XVII—XVIII веках количество школ (особенно начальных) в городах и местечках, при монастырях, костелах и церквях существенно возросло. Большинство учебных заведений не имело ограничений по конфессиональному принципу. В школы

при католических монашеских орденах имели доступ, например, православные, униаты, протестанты, в протестантские училища — также дети любой конфессии. Однако каждое учебное заведение стремилось построить систему обучения воспитанников с упором на достоинства и преимущества своей конфессии.

Разделы Речи Посполитой и присоединение народов Украины и Белоруссии к России положило начало новому этапу их этнического развития. Открытие школ на русском языке, создание библиотек содействовали экономическому и культурному сближению белорусов, русских и украинцев. После польских восстаний 1830—1831 и 1863—1864 годов было запрещено преподавание на польском языке, на смену которому пришел русский. Был закрыт знаменитый Виленский университет. В Российской империи создавалась единая система государственных учебных заведений четырех типов: приходские, уездные, губернские, или гимназии, и университеты.

Ученики
сельской школы
Белорусы.
Смоленская губ.,
Краснинский у.
Фотография 1905 г.
РЭМ 766-40

МОЛДАВАНЕ

MSR
P
D
S
M

Молдаване и другие народы Юго-Запада России

Н.М. Калашникова

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Территория Молдовы занимает юго-западную окраину Восточно-Европейской равнины, где она смыкается с районом низовьев Дуная. Заметное влияние на ее природу оказывает близость Карпатской горной системы. Рельеф территории разнообразен. Он складывался на протяжении длительного геологического времени, что привело к формированию нескольких равнин — Молдавского плато, Бельцкой и Южно-Молдавской равнин, Нижнеднестровской низменности, чередующихся с возвышенностями, включая Кодры. В Кодрах перепад высот очень резкий, что придает этой местности особую живописность.

Климат в Молдове мягкий, умеренно континентальный — с жарким летом, продолжительной теплой осенью и сравнительно мягкой зимой. Обилие солнца, необыкновенно плодородные и разнообразные почвы, особый рельеф местности способствовали тому, что на территории Молдавии с давних времен занимались земледелием.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

На юго-западе России в конце XIX—XX веке проживало достаточно пестрое по этническому составу население, при этом коренными и наиболее многочисленными жителями были молдаване, далее следует назвать украинцев, русских, болгар и гагаузов, евреев, немцев, цыган, армян, а также белорусов, поляков, сербов, греков, албанцев и других.

История молдавского народа насчитывает много столетий. Исследователи выделяют в этногенезе молдаван два этапа: формирование этнической общности волохов, или валахов (общих предков всех восточно-романских народов), и образование молдавской народности. Считается, что волохи сформировались в ареале, охватывающем север Балканского полуострова и Карпатские горы, на основе группы фракийских племен, подвергшихся в первых веках нашей эры романизации, а затем с VI века установивших контакты с расселившимися на соседних территориях славянами, заселявшими Днестровско-Карпатские земли вплоть до XII века. Однако в результате вторжения на эти земли кочевников — печенегов, половцев, монголо-татар — славянское население значительно сократилось, и основными жителями здесь стали волохи, пришедшие с Карпатских гор. Эта миграция нашла отражение в легенде о марамурешском воеводе Драгоше, который якобы во время охоты перешел Карпаты и в долине реки Молдовы встретил русина Яцко, от которого узнал, что эти понравившиеся ему земли очень мало заселены. Вернувшись в свои владения, Драгош вывез оттуда своих подданных и поселил их в этих краях.

Молдавская народность, по мнению специалистов, зародилась в Восточном Прикарпатье как результат этнического взаимодействия проживавших там волохов и восточных славян. С IX по XIII век часть молдавских земель входила в состав Киевской Руси, а позднее — Галицкого княжества. С середины XIII века земли Восточного Прикарпатья попали под власть монголо-татар, а с 1352 года на территории расселения

молдаван возникло Молдавское княжество, в пределах которого завершился процесс формирования молдавской народности.

Среди молдавских господарей особенно прославился Стефан III Великий (1457—1504), в период правления которого государство достигло наибольшего расцвета, широко торговало, завоевывало новые земли. Именно при Стефане III был заключен первый русско-молдавский политический союз для противодействия татарской орде и феодалам из Польши и Литвы. Дружественные связи между двумя державами были укреплены династическим браком дочери господаря Елены Волошанки и сына Ивана III Васильевича Ивана Ивановича в 1483 году.

В XVI веке Молдавия попала под власть Османской империи. Опустошительные походы турецких армий и их союзников (татарских орд), взимание огромной дани, угон населения в рабство, грабеж сельских и городских жителей, а также произвол молдавских феодалов — все это привело к политическому и хозяйственному упадку края. В конце XVIII века левобережье Днестра, а позднее, в 1812 году, и земли между реками Прут и Днестр (Бессарабия) были отвоеваны у Турции и присоединены к России.

Основная масса молдавского этноса в конце XIX — начале XX века населяла Бессарабскую, частично Подольскую и Херсонскую губернии. Значительный пласт переселенцев обосновался в южных районах (бывшая Новороссия), где жили болгары и гагаузы. Пестрым в этническом отношении были и центральные, а также погра-

ничные районы Бессарабии: здесь проживали украинцы, русские, цыгане, немцы, евреи, поляки и другие народы. Совместное проживание в течение длительного времени различных по языку, но во многом схожих по типу ведения хозяйства этносов позволяет говорить об этнической специфике региона, сформировавшейся на рубеже XIX—XX веков.

Ранним этапом переселения русских на земли Новороссии (Молдавии) принято считать конец XVII—XVIII век, однако наиболее интенсивное и многочисленное перемещение сельских и городских жителей отмечается в XIX веке. Среди них значительной была группа старообрядцев, в том числе некрасовцев (из Турции), которые поселились в селе Кислица у озера Котлабух, а также основали два новых села — Старая и Новая Некрасовка возле Измаила. Часть некрасовцев обосновалась в Измаиле и Кагуле, образовав мещанское общество, члены которого занимались огородничеством и рыболовством. На протяжении XIX века появляются русские села Грубно и Галишовка в Хотинском уезде, слобода Старообрядческая в Оргеевском уезде, заселенные старообрядцами-переселенцами из Калужской, Рязанской, Тульской и Курской губерний.

Что касается украинцев, то наибольшее число беглых крестьян украинского происхождения в XV—XVIII веках прибывало в Молдавию из Галиции. В XVIII—XIX веках значительные масштабы приобретали миграции крестьян из Буковины и Подолии, а также из Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и других губерний Украины. Так, например, к началу 1860 года в

На с. 172–173

Мужчины и женщины в традиционных костюмах Молдаване. Екатеринославская губ., Бахмутский у., с. Троицкое. Фотография 1910 г. РЭМ 3269-2

Вид на село Желобок Бессарабская губ., Оргеевский у. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Замужние женщины
Валахи.
Екатеринославская губ.,
Екатеринославский у.,
с. Волосное.
Фотография 1910 г.
РЭМ 3264-2

На женщинах –
головной убор кернац,
повязанный платком.

Хотинском, Аккерманском и Бендерском уездах насчитывалось 82 поселения, большую часть которых составляли украинские. Именно к этому времени относится возникновение новых украинских сел в Бессарабии: Марамоновка, Холохоры, Мошана, Константиновка (совр. Дондюшанский р-н), Стольничены (Бричанский р-н), Катериновка (Каменский р-н), Александровка (Слободзейский р-н), Койково (Дубоссарский р-н), Гараба (Рыбницкий р-н). На основании анализа украинских говоров, распространенных на территории Бессарабии и Поднестровья, выделяются три этнографические группы украинцев: русины из Галиции и Буковины, украинцы из Подолии и Волыни и украинцы, переселившиеся

из Слободской Украины. К середине XIX века русины Сорокского и Ясского уездов утратили свою самобытную культуру и смешались с молдаванами, а русины Хотинского уезда и сами поглотили разрозненные группы молдавского населения. Известно, что многие из поселений подолян в Сорокском и Бельцком уездах возникли в XVII—XVIII веках в период казацких походов на территорию Молдавского княжества. Подоляне отличались от русинов не только говором, но и особенностями одежды и жилища. Наиболее многочисленную группу украинцев-переселенцев составляли выходцы из Слободской Украины (Харьковской, Полтавской, Екатеринославской губерний), которые расселились

в Бессарабии и Поднестровье. Преобладали выходцы из центральных губерний Украины, а также небольшое число крестьян из Подольской губернии. Изучение процесса расселения украинцев в Бессарабии, характера взаимовлияний молдавской и украинской культур позволяют говорить о той значительной роли, которую сыграло украинское население в крае и в целом украинская культура в этнической эволюции молдавского народа.

Болгары Бессарабии в подавляющем большинстве являются потомками переселенцев из Болгарии, прибывших на земли Российской империи во второй половине XVIII — первой трети XIX века. Российское правительство было заинтересовано в освоении малонаселенных степных пространств Причерноморья и Южной Бессарабии, отвоеванных у Турции, и привлекало на эти территории иностранных переселенцев. Колонистам предоставлялись земельные наделы и даровалось освобождение от налогов и воинской повинности на длительный срок.

Первые болгарские переселенцы осели в молдавских припрутских селах Вэлень, Колибаш, Брынза, Слободзея, Джурджулешты. Поселившись среди преобладавших в этих районах молдаван, к началу XX века болгары ассимилировались в их среде. Другая часть болгар обосновалась на территории бывших ногайских поселений Татар-Копчак, Кайраклию, Чийши и т.д.

Наряду с этим болгары основали новые села, в том числе Сатунов, Троян, Кубей, Кирсово, Чешмаварута. Многие болгарские купцы и ремесленники поселились в предместье Кишинева у реки Бык, получившем название Булгария. Известно, что в городах проживало большое количество болгар, создавались болгарские общины и возникали ремесленные цеха.

Болгарские переселенцы были сосредоточены в четырех колониальных округах Кагульского и Аккерманского уездов: Прутском, Кагульском, Измаильском и Буджакском, где наряду с болгарскими жила гагаузы, молдаване, греки, русские, украинцы, албанцы. Среди колонистов Прутского округа в 1826 году насчитывалось около 6 тысяч молдаван, а также 400 русских и украинцев. Вместе с тем большинство сел было основано переселенцами из разных районов Болгарии. Здесь эволюция проходила в двух направлениях: по пути сближения локальных традиций и одновременно приспособления к местным природно-хозяйственным условиям, культуре окружающего болгар молдавского и украинского населения. Таким образом, бессарабские болгары сформировались в особую этническую группу со своими специфическими элементами культуры, имевшими традиционные и новые черты.

В XVIII—XIX веках из Болгарии в Россию переселялись и гагаузы — тюркоязычный народ,

Группа мужчин
Валахи.
Екатеринославская губ.,
Екатеринославский у.,
с. Волосное.
Фотография 1910 г.
РЭМ 3264-3

история происхождения которого находится в стадии изучения. Общность исторических судеб гагаузов и болгар, с одной стороны, и отсутствие официальных документов, с другой, позволяли исследователям XIX века отождествлять их с болгарями. Однако специфика быта гагаузов, особенности фольклора и отдельные элементы семейной и календарной обрядности не имеют аналогий у болгар. Среди различных точек зрения на происхождение гагаузского народа наиболее убедительной считается теория о формировании этой народности на основе северотюркских элементов — печенегов, узов, куманов, расселившихся на Балканах в X веке. В процессе дальнейшего развития эти группы кочевников перешли к оседлой жизни и приняли христианство. В XIV—XVIII веках сформировалась гагаузская народность, расселившаяся в Северо-Восточной Болгарии.

Известно, что в XIX веке гагаузы проживали отдельными компактными группами на территории Болгарии, Турции и Греции, где впитали элементы местной культуры, особенно болгарской и греческой. В XVIII веке гагаузы Болгарии делились на две группы: болгарские, находившиеся под сильным влиянием местной культуры, и приморские (хасыл-гагаузы), подвергнувшиеся влиянию греческой церкви и культуры. В балканский период своей национальной истории гагаузы наряду с болгарями, сербами и другими народами участвовали в гайдуцком движении и борьбе против турецкого гнета. В конце XVIII —

начале XIX века болгарские гагаузы (из северо-восточной Болгарии) начали переселяться на юг Новороссии, в Бессарабию, а в начале XX века большая часть приморских гагаузов мигрировала в Грецию.

Наиболее ранние упоминания о евреях в Молдавии отмечены в конце XIV века, когда им выдавались грамоты с предоставлением ряда льгот. Известно, что в начале XVI века евреи из Польши и Германии усиленно переселялись в Молдавию, однако, в XVII веке имели место жестокие погромы, повлекшие переселение евреев внутри Молдавии и создание ими общин. При присоединении Бессарабии к России евреям положением 1818 года было обещано, что «привилегии, данные им от молдавских господарей, сохранены будут во всей полности».

Еще на основании положения 1804 года евреи, проживавшие в Бессарабии, были разделены на четыре сословные категории: земледельцы, ремесленники, купцы и мещане. С целью нивелирования различий в еврейской среде с середины 1840-х годов были запрещены некоторые религиозно-бытовые обычаи (например, ношение мужчинами предписанной религией одежды, бритья женщинами головы и др.). В первые десятилетия XIX века российское правительство планировало создание сельскохозяйственных еврейских колоний, в том числе в Новороссийском крае и Бессарабии. Были предусмотрены льготы для поощрения еврейского населения, занимавшегося земледелием. Однако

большинство колонистов переселилось в ближайшие города и местечки, занялось торговлей и ремеслами.

В конце XIX века еврейское население наиболее компактно заселяло северные и центральные районы Бессарабии. Самая высокая доля евреев была в Кишиневском, Хотинском и Сорокском уездах. На протяжении XIX века евреи стойко сохраняли этническую индивидуальность, почти не смешиваясь с представителями других национальностей. Главную роль в этом играла их религиозная обособленность, а также традиционные формы быта со строгой регламентацией жизненного уклада.

Появление в XIX веке в Бессарабии и Левобережном Поднестровье немецких поселений было результатом политики царского правительства России, проводившейся с XVIII века и преследовавшей экономические цели. Немецкие переселенцы, проживая долгое время в среде многонационального населения на юге страны, вели замкнутый образ жизни. Дореволюционные исследователи отмечали, что «отчужденность немцев в этой местности от русского населения прямо бросается в глаза». Между немецким населением и представителями других этносов на протяжении XIX века в процессе совместного труда установились определенные отношения.

Цыгане в Молдавии известны со времен Александра Доброго (XV в.). После присоединения Бессарабии к России было узаконено положение государственных цыган, большая часть

которых занималась ремеслами, а отдельные группы кочующих цыган добывали средства к существованию гаданием, конокрадством или попрошайничеством. Бедственное положение цыган находилось в противоречии с правительственной программой превращения губернии «в благоденствующий край», поэтому в 1829 году был принят указ об «улучшении положения цыган в Бессарабской области» с предоставлением каждой семье, перешедшей на оседлость, денежной ссуды в 23 руб. 50 коп., 30 десятин земли и двух четвертей зерна для посевов. Попытка принудительного перевода кочующих цыган на оседлость оказалась неудачной в силу непонимания и бюрократических методов изменения традиционного уклада жизни цыган, поскольку кочевой народ, на протяжении веков занимавшийся ремеслами и совершенно не знакомый с земледелием, пытались насильственно заставить заниматься незнакомым делом. Так, в 1835 году новороссийский и бессарабский губернатор М.С. Воронцов писал министру финансов: «Хотя сие поселение и подавало некоторые надежды к возможности преобразования сего кочующего народа, но последствия не оправдали ожиданий правительства... Закоренелая склонность к кочевой жизни и ныне служит важнейшей преградой к достижению предложенной цели».

К концу XIX века численность цыган в Бессарабии значительно сократилась, но тем не менее была самой высокой среди прочих губерний

Панорама г. Оргеева
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

России и составляла 45 тысяч человек. Наиболее стойко сохранялся язык и такие специфические занятия, как ремесла, музыка и гадания. Явление ассимиляции цыган отмечалось в тех районах Бессарабии, где они проживали небольшими разрозненными группами; этнически однородные поселения цыган в центральных уездах края продолжали сохранять традиционные черты быта: фольклор, музыку, танцы, многослойность одежды и пр.

Армяне, как и цыгане, известны в Молдавии со времен Александра Доброго, а на юге края (например, в Аккермане) они появились в XIV веке. При молдавском господстве армянам разрешалось быть ремесленниками и торговцами, однако, они не обладали правом занимать государственные должности. Характеризуя своеобразие развития армянского населения в Молдавии, следует отметить многовековой процесс утраты им своих этнических особенностей: языка, традиционного костюма и других черт быта. Многие из армян приняли молдавские или украинские фамилии. В целом армяне Бессарабии в конце XIX—XX веке представляли пример этнической группы, влившейся в состав молдавского населения.

Среди переселенцев из Белоруссии и Литвы наряду с великорусами-старообрядцами следует назвать и незначительное количество белорусов, которые довольно быстро ассимилировались окружающим молдавским населением.

Значительно более длительную историю проживания в крае имело польское население. Как известно, Молдавское княжество в XIV—XV веках поддерживало тесные связи с Польшей, кроме того, часть сел левобережья Поднепровья до конца XVIII века входила в Брацлавское воеводство. В связи с этим в XIX веке довольно большое количество поляков проживало в молдавских селах Станиславка, Рашков, Каменка, Рыбница и пр. Возможно, польским влиянием объясняется своеобразная одежда молдавских жительниц этих мест, а именно — сарафанный комплекс (рубаха, сарафан, широкий матерчатый пояс, полотняный головной убор или венок), а также верхняя женская одежда, не встречавшаяся в других регионах Молдавии. Вместе с тем, поляки, рассеянные небольшими группами в среде молдавского населения, постепенно утрачивали родной язык и этнические черты. К концу XIX века основная их часть ассимилировалась и отличалась от окружающего молдавского населения лишь польскими фамилиями.

В Екатеринославской и Херсонской губерниях проживали сербы, переселившиеся в Россию во второй половине XVIII века. Известно, что в 1804 году в Тираспольский уезд Херсонской губернии прибыла группа сербов из Черногории

и Герцеговины. Будучи малочисленными и проживая разрозненно, к началу XX века эта группа полностью ассимилировалась молдавским населением, о чем сообщалось в описании Бессарабской и Херсонской губерний в 1871 году: «Болгары и сербы, которые поселились в здешнем крае, постепенно утрачивают свою самобытность. Из них сербы уже почти совсем слились с прочим населением...».

Большая часть греков Бессарабии проживала в Кишиневе, Аккермане, Измаиле, Кагуле, Леово и Страшенах, где они занимались торговлей, стойко сохраняя свою обособленность, в отличие от греков, живших в сельской местности.

Вместе с другими задунайскими переселенцами в 1810 году в Бессарабию прибыли албанцы, которых в официальных документах называли «арнаутами» (греч. «албанец», «наемный солдат в боярской страже»). Большинство албанцев обосновалось в Каракурте, где они до конца XIX века сохраняли язык и культуру, в отличие от албанских семей, живших в инонациональной среде и быстро утративших этнические черты.

Чехи, испытывавшие на родине экономические трудности в связи с малоземельем, переселились в Таврическую губернию. В 1880 году часть чешских семей перебрались в Измаильский уезд Бессарабской губернии, основав село Новоград (ныне — село Голубое), в котором в результате компактного проживания полностью сохраняли свой язык и традиционную культуру.

В конце XIX века в Бессарабском крае отмечалось возрастание численности русских ремесленников, рабочих, служащих и интеллигенции (инженеры, врачи, учителя и т.д.). По данным переписи на 1915 год в Хотине, Бендерах, Кишиневе, Килии, Рени, Болграде, Аккермане и Измаиле преобладало русское население. В сельской местности имелось 24 русских села, кроме того, повсеместно русские жили смешанно с молдаванами и украинцами.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

В целом молдаване относятся к средневропейской расе большой европеоидной расы; фиксируется примесь средиземноморского компонента. Л.С. Берг писал: «Молдаване среднего роста и недурно сложены. Волосы и глаза обычно черные. Череп брахицефалический, нос узкий. Иногда попадаются профили, напоминающие римские. Мужчины носят длинные волосы, но бороду все бреют».

ЯЗЫК

Язык молдаван относится к восточной группе романских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью, и имеет четыре группы говоров: центральный, юго-западный, северо-восточный и северо-западный. Вплоть до XVII века старославянский язык в Молдавии был языком церкви, официальных документов и литературы. Во второй половине XVII века была создана молдавская письменность, основой которой являлся славянский алфавит.

Переселенческие народы, проживавшие в Бессарабской губернии, много заимствовали из молдавского языка. Так, в язык русинов, который являлся одним из древних говоров украинского, входили многие молдавские слова.

Гагаузы по языку и культурным особенностям близки небольшим тюркоязычным народностям (караманли, гаджялы, сургучи), обитавшим в XIX — начале XX века в Европейской Турции.

Еврейское население Бессарабии говорило на языке идиш, относящемся к германской группе индоевропейской семьи с включением древнееврейских, славянских (польских, белорусских, украинских) и молдавских слов.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Благоприятные природные условия юго-западной части Восточно-Европейской равнины способствовали выращиванию различных зерновых и технических культур. Молдавские летописцы И. Никулче и М. Костин сообщали, что в результате увеличения обременительных налогов в конце XVII века большинство крестьян лишилось тягловой силы и обрабатывало землю вручную. Использовали залежную и подсечно-переложную системы земледелия, а позднее — паровую (двух- и трехпольную).

Среди зерновых значительное место занимали пшеница, просо, рожь, ячмень и овес, которые возделывались здесь издавна. До середины XVII века основными хлебными злаками были пшеница и просо, а затем распространение получила кукуруза, ставшая к концу XIX века главной хлебной культурой молдаван. Важно отметить, что именно Молдавия сыграла значительную роль в распространении кукурузы на Украине и в южных губерниях России.

Из технических растений наиболее востребованной была конопля, культивировавшаяся здесь с древних времен. В средневековых грамотах указывалось, что в период создания Молдавского государства, а также в XVI веке под

Молдаванин
Бессарабская губ.
Фотография
начала XX в.
Воспр. по:
Берг Л.С. Бессарабия.
Страна—Люди—Хозяйство.
Пг., 1918

Болгарин
Бессарабская губ.
Фотография
начала XX в.
Воспр. по:
Берг Л.С. Бессарабия.
Страна—Люди—Хозяйство.
Пг., 1918

Цыганка
Бессарабская губ.
Фотография
начала XX в.
Воспр. по:
Берг Л.С. Бессарабия.
Страна—Люди—Хозяйство.
Пг., 1918

Виноградарь
с инструментом
для рытья ямок
под саженцы
Молдаване.
Херсонская губ.,
Ананьевский у.,
с. Липецкое.
Фотография XX в.
РЭМ 4437-18

конопляные посевы отводились сравнительно большие площади. Первоначально эту культуру использовали для получения из стеблей прядильного волокна, а затем для приготовления из семян масла. Конопля возделывалась преимущественно в крестьянских хозяйствах, поскольку служила дешевым материалом для одежды. Другое техническое растение — лен — выращивали на юге края, где льноводство приобрело товарный характер. Подсолнечник как масличное растение стали культивировать с середины XIX века.

Особое место среди технических культур занимал табак, известный в Молдавии с конца XVII века. Выращиваемые здесь сорта табака были заимствованы из соседних стран Балканского полуострова и Дунайского бассейна. По свидетельству путешественников, в конце XVIII века на Левобережье культивировали дубоссарский, или венгерский, сорт табака с большими листьями, а также бакун, или малый турецкий. Особым спросом пользовался венгерский сорт, который вывозили не только в Россию, но и за ее пределы.

В хозяйственной жизни Молдавии важное место занимали овощные, бобовые и бахчевые культуры. Здесь выращивали капусту, огурцы, помидоры, морковь, перец, баклажаны, лук, чес-

нок, арбузы, дыни, тыквы, фасоль, горох, чечевицу, картофель, петрушку, салат, укроп и другие. Среди огородных и бахчевых культур Бессарабии славилась дыня, кицканские арбузы и белая кишиневская капуста. В 30—40-е годы XIX века администрация края настойчиво пыталась популяризировать среди местного населения картофель, но успехом эта культура не пользовалась.

В отличие от молдаван, для русских старообрядцев огородничество наряду с извозным промыслом и торговлей являлось одним из основных занятий. Специфические черты, свойственные русской традиционной культуре северных и центральных губерний Европейской части России, проявлялись, прежде всего, в технике земледелия, а также в бытовой сфере. Однако в целом в хозяйственной жизни русских и молдаван было много схожего, что обуславливалось общностью природных и социально-экономических факторов.

Земледелие, огородничество и садоводство являлись также основным занятием украинцев-русинов. Отдельные села специализировались на выращивании перца, лука, чеснока, которые вывозили для продажи в другие уезды Бессарабии и в Херсонскую губернию.

Среди занятий, тесно связанных с земледельческим производством, большое значение имел

мукомольный промысел. Переработка зерна в крупу или перемалывание в муку производились с помощью разнообразных приспособлений. Небольшое количество зерна для личного потребления обрабатывалось в домашних условиях с использованием ручных жерновов (рышницэ) или ступ (пиуэ). Устройство рабочей части жернова, как показывают археологические и этнографические исследования, состояло из двух камней. Для приготовления из зерна крупы и толокна применяли ручные или ножные ступы. Молдавские крестьяне пользовались и жерновами, и ступами, работая на них в свободное от земледельческих работ время, перерабатывая лишь самое необходимое количество зерна.

Основное зерно отправлялось для помола на ветряные, водяные или земляные мельницы. На реках и озерах сооружались водяные мельницы разной конструкции: передвижные (плавучие) и неподвижные. Особенно много мельниц было в Хотинском уезде, богатом водными ресурсами. Столбовые ветряные мельницы встречались повсеместно, шатровые конструкции — только на севере края. Земляные (конные и валовые) мельницы, существовавшие с XIV века в Пруто-Днестровском междуречье, в XIX веке были сосредоточены в основном на юге Бессарабии. Паровые мельницы в конце XIX — начале XX века стали вытеснять феодальные типы мельниц, которые все еще имели большое распространение в мукомольном производстве края.

Издавна в Молдавии занимались виноградарством и виноделием, о чем свидетельствуют письменные источники и найденные археологами глиняные остродонные амфоры с остатками высохшего вина, датированные III—II веками до н.э. С образованием Молдавского государства культура виноградарства продолжала распространяться и в XV—XVII веках достигла определенного расцвета. Первое упоминание о виноградниках в документах относится к 1407 году, когда молдавский господарь подарил Немецкому монастырю два села, две мельницы и два виноградника. В этот период преобладали такие сорта винограда, как «галбина», «рара нягра», «нягра бэтута», «кабасма», «граса», «поама верде», «бусуйоака», «франкуша» и др. В основном это были белые винные сорта. Имеющиеся в средневековых литературных источниках сведения позволяют выделить два главных района виноградарства в Днестровско-Прутском междуречье: центр и юг края. В конце XIX века по площади виноградников Бессарабская губерния занимала второе место в России. Особенно успешно эта отрасль развивалась в зоне Кодр (центральной части края, славившегося с древних времен виноградниками, садами и лиственными лесами) и на юге

Сушка табака
Молдаване. Северные
районы Молдавии.
Фотографии XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Говермана

Ветряная мельница
Молдаване.
Оргеевский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Выпас овец
Молдаване.
Оргеевский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

В крупных хозяйствах стада насчитывали до двух тысяч овец, обслуживали их несколько чабанов. Старший (скутар) почти все время находился возле овчарни, в то время как остальные чабаны занимались выпасом и дойкой овец. Переработка молока и приготовление брынзы поручались старейшему чабану (чабан-бач).

Бессарабии, где были наиболее благоприятные для этого природные условия и резерв рабочей силы.

Выращивание виноградных лоз требовало тщательного ухода. Ямки для рассады выкапывали с помощью специального орудия китаноаге, сухие лозы и созревшие виноградные гроздья обрезали серповидными ножами косорами. Незначительную часть собранного винограда продавали, а из остального производили вино. Переработка винограда на вино совершалась вручную с помощью самодельных орудий и требовала больших затрат труда. Основными процессами являлись раздавливание и размельчение винограда, отделение суслу путем самоотекания и прессование мезги для извлечения остатков сока, которое производилось как правило механическим способом с помощью разнообразных прессов. Прессование ногами в конце XIX века сохранялось лишь в мелких и бедных крестьянских хозяйствах.

Красные и белые вина готовились по-разному. Белый виноград после раздавливания сразу отпрессовывался и выливался для брожения в отдельный чан. Красные же сорта оставляли в чанах вместе с выжимками до полного сбраживания. В мелких крестьянских хозяйствах из-за отсутствия специальной тары эти сорта часто смешивали при сборе и перерабатывали вместе, не отделяя суслу от выжимок. Существенное значение для получения высококачественных вин имели погреба. Крупные землевладельцы строили подвалы больших размеров, с капитальными каменными стенами и сводами. Вино в них сохранялось долгое время,

не теряя своих вкусовых качеств. У мелких же виноградарей имелись небольшие земляные погреба — бордеи, или земники.

Благоприятные природные условия, более совершенная агротехника и высокий уровень технологии виноделия и хранения вина обусловили лучшее качество вин юга края. Названия давались либо по имени крупного центра (Аккерманское) или селения (Шабское, Пуркарское), либо по фамилии винодела (например, Тардан). На всероссийских выставках эти вина неоднократно отмечались премиями и золотыми медалями. Пуркарское вино, например, представляло сложную композицию четырех сортов — «каберне», «рара нягрэ» («серексия»), «мерло» и «саперави». Это высококачественное вино было известно по документам XVIII века и славилось далеко за пределами края. Крупнейшими пунктами сбыта молдавского вина и винограда являлись Кишинев, Аккерман, Одесса, откуда продукция вывозилась на Украину, в Москву, Петербург и за границу.

Важным занятием для населения Молдавии было садоводство. Освобождение левобережных, а затем и правобережных районов Днестра от турецкого ига и присоединение их к экономически более развитой России способствовало быстрому развитию плодоводства. В основном здесь выращивали сливу, вишню, черешню, яблоки, груши, орех, абрикосы и персики. В целом эта отрасль носила натуральный характер, при этом главными потребителями фруктов являлись местные жители. Большое внимание уделяли сушке плодов, особенно черносливу. Фрукты после сбора сушили на солнце, вначале на специальных циновках из ивовых прутьев, а затем в печи.

Помимо земледелия молдаване занимались скотоводством. В прошлом разведение домашних животных было главным занятием местных жителей и ведущим в экономике края. В конце XIX века по мере развития земледелия оно утратило свое первенство, однако, в Молдавии продолжали разводить крупный рогатый скот, овец, лошадей, свиней. При этом скот был сосредоточен в крупных хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян, у которых была возможность заготавливать корм и устраивать загоны. Бедные крестьянские семьи не были обеспечены рабочим скотом.

Наиболее развитой отраслью скотоводства было овцеводство. Овечья шерсть являлась одним из основных предметов вывоза на ярмарки и за границу. В Молдавии выращивались грубошерстные (простые) и тонкорунные овцы. Местные жители выделывали из овечьих шкур известные молдавские смушки (шкурка ягненка, забитого в первые дни после рождения). В южных уездах под влиянием переселенцев (болгар и гагаузов) бурное развитие получило цыгайское (шерстно-молочное), а затем и мериносовое (тонкорунное) овцеводство. Большим событием для дальнейшего развития этой отрасли хозяйства стал завоз в 1883 году из Средней Азии каракулевой породы овец, получившей широкое распространение на севере края. Скрещивание молдавской и азиатской пород значительно улучшило качество смушки, в результате чего грубошерстное овцеводство приобрело резко выраженное смушко-молочное направление и стало ведущим в овцеводстве края. Овцеводство давало также продукты питания: молоко, жир, мясо.

К подсобным занятиям основного населения Бессарабии относятся рыболовство, пчеловод-

ство, охотничество, а также известковый и мукомольный промыслы, игравшие весьма значимую роль в экономике края.

О существовании рыбного промысла на территории Карпато-Днестровских земель можно судить по археологическим находкам VI—IX веков (грузила, крючки и пр.). С образованием и экономическим укреплением Молдавского государства этот промысел продолжал развиваться. В середине XIX века рыбные угодья Бессарабии считались одними из самых значительных в России наряду с Азовским, Нижнедонским и Керченским рыбодобывающими центрами.

Крупным районом рыболовства был юг Бессарабии, который включал дельту Дуная, низовья Днестра и Прута, побережье Черного моря, Днестровский лиман, а также значительное количество пресных и соленых озер. Существующая классификация многочисленных орудий рыболовства молдаван позволяет констатировать общность этих типов с соседними народами и выделить следующие группы: удильные (снасти, переметы) или крючковые (удочки), ударные (остроги), черпальные (сачки), волоковые (неводы), заставные (сети, ловушки) и загородки (глухие и выкатные).

Повсеместно ловили рыбу для собственного потребления, а в приречных селениях юга Молдавии — и на продажу: развозили рыбу по базарам или поселениям, далеким от водоемов, где обменивали на другие продукты. Главными пунктами сбыта были Одесса, Кишинев и Бендеры, куда рыбу вывозили как в свежем виде, так и засоленной. Большое количество сушили на солнце или коптили на огне, а в зимнее время — вымораживали.

На территории Молдавии издавна занимались пчеловодством. Уже в Средние века добы-

Ловля рыбы на берегу р. Реут Молдаване. Северные районы Молдавии. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Типичное жилище из камня-известняка Молдаване. Северные районы Молдавии. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

вали мед диких пчел, при этом наибольшее распространение бортничество получило там, где имелись значительные лесные массивы. В молдавских грамотах XIV—XV веков можно найти упоминания о пасаках. Они устраивались вблизи от жилища человека и предназначались для многолетнего использования. К середине XIX века разведением пчел занималось население некоторых северных лесных уездов Бессарабской губернии. Изменения в пчеловодческой жизни стали происходить под влиянием школы П.И. Прокоповича: от экстенсивной колодной к более интенсивной и передовой рамочной системе пчеловодства, постепенно распространялся центробежный способ выжимки. Однако, еще и в начале XX века в крае преобладали колодные ульи.

Основными продуктами пчеловодства являлись мед (мьере) и воск (чарэ). Собранный мед держали в деревянной посуде (бербинцэ), а большие запасы хранили в бочках. Воск использовали для изготовления свечей. Мед и воск высоко ценились на внутреннем и внешнем рынках и в большом количестве вывозились в Польшу и Константинополь.

Традиционным занятием мужской части населения Молдавии являлась охота. Ценными угодами охотничьего промысла считались лесные массивы центральных районов, где водились медведи, дикие кабаны, зубры, олени, волки, косули, козы, барсуки, куницы, а из птиц наиболее распространены были глухарь, тетерев и рябчик. На юге края велась охота на дроф, стрепетов, куропаток, перепелов, журавлей-красавок, а также на диких лошадей, волков и лисиц. Днестровские, прутские и дунайские плавни с

множеством озер были богаты водоплавающей и болотной птицей.

Охотничьи орудия зависели от характера охоты. Так, самым древним оружием, судя по археологическим находкам, был лук; на крупных зверей шли с копьями и топорами, использовали также ямы-ловушки, капканы и пр. Для ловли мелких зверей применяли различные петли (лац), сетки с редкими или крупными ячейками (тенета) и капканы (капкане). Огнестрельным оружием крестьяне пользовались значительно реже.

Во второй половине XIX века дальнейшее развитие получил известный в Молдавии еще с XIV века известковый промысел. Этому способствовал переход в Бессарабии к строительству нового типа жилищ из камня и кирпича, где связующим звеном служила известь, а также развитие металлургии, использовавшей известь в качестве флюсного материала. Крепкий известняк — пятрэ юте (букв. «дикарь»), который использовали вместо извести, залегал в долинах рек Чорна, Реут и Рыбница. Белый известковый камень добывали на берегах Днестра, Когыльника, Сараты, озер Китай, Кагул, Ялпуг, Днестровского лимана. Наилучшим для обжига считался оргеевский камень, состоявший из мелких раковин и кусочков слюды, отчего при обжиге он становился плотным и звонким. Известь из него была лучшей не только в Бессарабии, но и по всей Новороссии. В земледельческих селах Оргеевского уезда — Слободка, Пятра, Фурчены, Микауцы, Бологаны и др. — производство извести являлось единственным подсобным занятием местного населения.

Специфика переселенческого населения Молдавии состояла в том, что если для основного населения, молдаван, главным было занятие земледелием и скотоводством, то для значительного числа переселенцев более важную роль играли торговля, ремесла и промыслы.

Так, например, украинцы в Аккермане, как правило, работали бондарями, овчинниками, сапожниками. Болгары, жившие в селах, занимаясь скотоводством и земледелием, в качестве подсобного занятия работали в садах и огородах. Интересно отметить, что бессарабские болгары ввели в практику некоторые орудия труда, в том числе плуг, в который впрягали несколько пар волов, а также более производительный способ обмолота зерна с использованием катков и молотильных досок (германка). Болгары-горожане были известными торговцами и ремесленниками, особенно славились болгарские сукноделы.

Гагаузы, занимавшиеся в Болгарии в основном скотоводством, после переселения в Бессарабию постепенно переходили к земледелию. Однако вплоть до 1840-х годов уход за скотом

оставался ведущим занятием в гагаузских селах. Во второй половине XIX века большое развитие получает возделывание пшеницы и кукурузы, виноградарство и виноделие, садоводство. Из ремесел более всего были распространены ткачество и обработка кожи. Вместе с тем гагаузы оказали сильное влияние на иноэтничное население края в области ведения хозяйства, распространив характерные методы овцеводства и шелководства.

Бессарабские евреи, по свидетельству исследователей, занимались мелкой торговлей, а также портновским и сапожным делом. При этом каждый вид ремесленного производства был организован в цеха, существовавшие при общине.

Немецкие крестьяне восприняли от окружающего населения методы обработки кукурузы, выращивания винограда, разведения овец. Молдаване, жившие на юге Бессарабии, в свою очередь переняли у немецких колонистов многолемешные плуги (бугеры), а также фрисландскую породу коров.

Среди цыган-ремесленников выделялись кузнецы, которые занимались изготовлением и ремонтом сельскохозяйственных орудий, предметов домашнего обихода, металлических женских украшений. Остановившись на окраине села, они сооружали специальные печи (жигне), работавшие на древесном угле. Кузнецы-отдохники, обычно подключаемые к производству своих жен, имели все необходимые инструменты, включая и небольшие меха. Известно, что цыгане Ниспоренской волости Кишиневского уезда занимались обработкой бычьего рога, из которого изготавливали различные гребни. Среди бессарабских цыган было распространено и щеточное ремесло. Выделываемые ими щетки из конского или свиного волоса, а также из травы и папоротника использовались для побелки домов. Цыгане-ремесленники из сел Кырлань, Лозова, Миклеушены вытачивали деревянные веретена, ложки, тарелки, корыта и другую утварь. Значительная часть цыган зарабатывала на жизнь музыкой. Почти в каждом бессарабском селе жители обычно нанимали цыган-музыкантов для игры на воскресных танцах, свадьбах или крестинах.

Армянские мастера принесли в Бессарабию культуру обработки камня, которая на их родине, в Армении, достигла высокого художественного уровня. Элементы армянского стиля (аркады полукруглого профиля, мотив каменного жгута, обрамление окон специфическим орнаментом и пр.) оказали воздействие на развитие молдавского архитектурного стиля. Влияние армянской художественной культуры ощущается в молдавской средневековой миниатюре и использовании восточных декоративных тканей.

В XIX веке армяне Бессарабии проживали в основном в городах, где занимались торговлей, а также садоводством и виноградарством в пригородах. Армянские ремесленники традиционно обеспечивали бессарабское население обувью, одеждой, предметами домашней утвари, ювелирными изделиями, а также выделывали кожи и были цирюльниками.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Разведение рогатого скота в Бессарабии имело главной целью получить рабочую силу: молдаване, как и малорусы (в отличие от великорусов и немецких колонистов) для полевых работ пользовались волами.

Основным средством передвижения у молдаван были телеги (кэруцэ), запряженные лошадьми или волами, а на юге края в качестве тягловой силы использовали ослов.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

В конце XIX — середине XX века ткачество в Молдавии было широко распространенным женским занятием с глубокими традициями. Материалом для ткачества служили конопля и шерсть, значительно реже употребляли лен. С середины XIX века вошла в употребление покупная хлопчатобумажная нить. Процесс подготовки волокна к прядению был длительным. Обработка пряжи и тканье производились с помощью самодельных орудий. Своеобразием отличался молдавский способ прядения на ходу, при котором использовали прялку с удлиненным древком, укрепляемым пряхой за поясом.

Кэруцэ – телега Молдаване. Бессарабская губ. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Женщина за самопрялкой Молдаване. Оргеевский р-н. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Обработка конопли на мелице Молдаване. Херсонская губ., Ананьевский у., с. Липецкое. Фотография 1925 г. РЭМ 4437-16

На горизонтальном ткацком стане — «стативе» — ткали разнообразные по технике исполнения полотенца — узорные, браные, закладные, которые являлись обязательными атрибутами свадебных, родильных и похоронных обрядов, а также использовались для хозяйственных нужд или украшали интерьер жилища. Орнаменты на полотенцах ритуального или декоративного назначения представляли собой ритмическое повторение одного и того же геометрического или растительного мотива.

Вековые традиции молдавского ковроткачества привели к появлению самобытного типа безворсового ковра-килима (выполнялся на вертикальном ткацком стане), которому были свойственны четкость композиции и фигурное равновесие, не предполагающее строгой симметрии. Наивысшего расцвета молдавское ковроделие достигло в XVIII — начале XIX века.

Типы молдавских ковров, их орнаментика и терминология различались в зависимости от места бытования. Одной из характерных особенностей было разнообразие орнаментальных мотивов. Узор строился на основе растительных (деревья, цветы, букеты, фрукты) и геометрических (ромбы, квадраты, треугольники) форм, реже в композициях ковра встречались зооморфные и антропоморфные изображения. В далеком прошлом все они имели определенный символический характер. Пожалуй, наиболее известным

было «древо жизни», представлявшее силу и могущество природы, ее вечное развитие и движение. Символом плодородия считалось изображение женской фигуры. С годами первоначальный смысл многих распространенных орнаментальных композиций был утрачен.

Орнаментальную композицию ковра определяли его величина и назначение, характер мотивов, цветовая гамма, центральный рисунок и кайма. Обычно молдавские ковры имели двух-, трех- или четырехстороннюю кайму. Один из наиболее распространенных приемов — чередование одного—двух основных растительных или геометрических мотивов по всей длине изделия. На участках ковра, не заполненных крупными узорами, могли быть расположены мелкие мотивы-знаки (год изготовления, инициалы владельца или ковровщицы, предметы быта и пр.). Важная роль в декоративном решении ковра отводилось кайме, которая отличалась от центрального рисунка и по цвету, и по орнаменту. Издавна орнаментальные мотивы и композиции ковра имели названия. В XIX веке наиболее популярны были «Радуга», «Каравай», «Лист ореха», «Вазон», «Букет», «Паук», «Петушки». Создавая ковер, молдавские мастерицы всегда по-новому решали, казалось бы, уже известную композицию или орнаментальный мотив. Поэтому каждое их изделие уникально и неповторимо.

На с. 189

Ковровщицы с традиционным доматканым ковром Молдаване. Херсонская губ., Ананьевский у., с. Липецкое. Фотография 1925 г. РЭМ 4437-9

Ковровая дорожка
Молдаване. Бессарабская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 1204-3

Вертикальный ткацкий станок
с натянутой основой на фоне ковра
Молдаване. Дондюшанский р-н,
с. Марамоновка. XX в.
РЭМ 8106-1 а-к; 1204-7

Умелое использование природных красителей определило его цветовое богатство. Светлый фон, характерный для конца XVIII — первой половины XIX века, в дальнейшем сменился гаммой черных, коричневых, зеленых и красно-розовых тонов. В целом для традиционного молдавского ковра характерны спокойные и теплые тона. Прежде для окрашивания шерсти применяли натуральные красители, приготовленные из цветов, корней, а также листьев и коры деревьев. Часто для получения пигмента использовали скумпию, цветы одуванчика, кору дуба, кожуру ореха и лука. Ковровщицы умели определять время сбора растений, знали наилучшие сочетания растительного сырья, прекрасно владели методами окрашивания шерсти. Естественные красители придавали старому народному ковру необыкновенную выразительность. Если в ковровой композиции повторялся какой-либо мотив, то он каждый раз выполнялся в

Плетение корзины
Молдаване.
Оргеевский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

Начальный этап
изготовления калитки
из лозы
Молдаване.
Оргеевский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

другом цвете, что придавало ему несомненную оригинальность. С появлением во второй половине XIX века анилиновых красителей цветовой спектр молдавских ковров расширился, но несколько снизилась художественная ценность, поскольку спокойные пастельные тона уступили место слишком ярким, порой кричащим цветам. Одновременно с анилинами в этот период широко распространились фабричные ткани с отпечатанными типографским способом рисунками, натуралистические узоры которых отрицательно сказались на композициях молдавских ковровщиц.

В течение XX века ковроткачество продолжало развиваться, но несмотря на усовершенствование ряда технологических процессов, на вертикальных ткацких станах основная работа, как и прежде, выполнялась вручную. Причем, как правило, этим ремеслом занимались женщины, а мужчины участвовали только в подготовительных работах. Наиболее распространено ковроткачество было в молдавских селах Барабой, Плоп, Кришкауцы, Ливэдень, Бадичаны, Петрены, Табора и др. Следует отметить сильное влияние молдавского ковроделия на творчество болгарских и гагаузских мастеров. Значительное развитие оно получило и на предприятиях Кишинева.

К традиционно мужским ремеслам, распространенным в Молдавии, можно отнести гончарное дело, а также обработку кожи, дерева и камня, которые были непосредственно связаны со строительством жилища. В истории гончарного дела специалисты выделяют несколько периодов: романизированный гето-дакийский, тюркско-славянский и молдавский.

Известно, что в XVIII веке древняя традиция изготовления бытовой керамики сохранялась более чем в десяти селах, в том числе в Годжинештах, Юрченах, Чинишеуцах, Цыганештах. Обычно гончары работали самостоятельно либо с помощью членов семьи. Глину предварительно тщательно выбирали: например, для сосудов, предназначенных для варки пищи, применяли так называемую «тощую глину» (огнеупорную), тогда как емкости для хранения воды или продовольственных запасов делали из жирной, неогнеупорной. Для молдавской керамики характерны простота орнамента, выразительно подчеркивающая форму изделий.

Перед формовкой изделий глину обязательно очищали от природных примесей. Изготавливали сосуды на ножном гончарном круге, затем сушили, украшали расписным орнаментом и покрывали поливой. При этом употребляли минеральные краски коричневого и белого цвета, поливу зеленого и коричневого оттенков. Длительный процесс обжига сосудов проходил в горизонтальных горнах. В Молдавии известны окислительный обжиг, при котором керамика приобретала различные оттенки красного цвета, и восстановительный, дававший черный цвет.

Интересно, что в селах со смешанным молдавско-украинским населением (Чинишеуцы, Годжинешты) производили красную и черную керамику, а в Цыганештах и Юрченах, где проживали молдавские гончары — только красную. Ассортимент изделий был разнообразен: горшки для голубцов, сосуды с крышками для повседневной варки пищи, кувшины для хранения воды в доме и в поле, сосуды для молока и вина; кружки, миски, тарелки, блюда; емкости для хра-

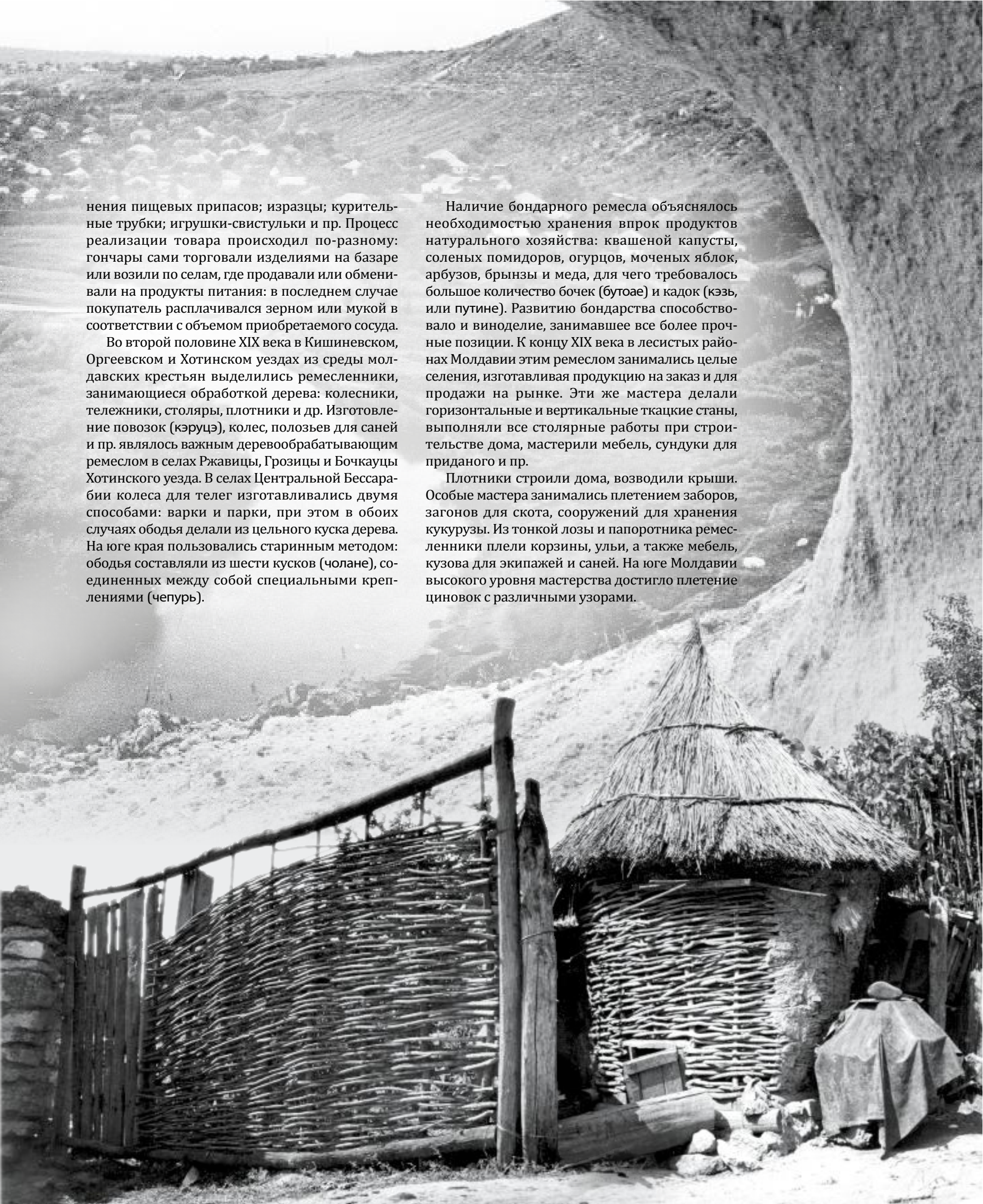
Вид на село Требужены.
Плетеная изгородь.
Плетеный курятник
Молдаване.
Оргеевский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ. Коллекция
Д.Н. Гобермана

нения пищевых припасов; изразцы; курительные трубки; игрушки-свистульки и пр. Процесс реализации товара происходил по-разному: гончары сами торговали изделиями на базаре или возили по селам, где продавали или обменивали на продукты питания: в последнем случае покупатель расплачивался зерном или мукой в соответствии с объемом приобретаемого сосуда.

Во второй половине XIX века в Кишиневском, Оргеевском и Хотинском уездах из среды молдавских крестьян выделились ремесленники, занимающиеся обработкой дерева: колесники, тележники, столяры, плотники и др. Изготовление повозок (кэруцэ), колес, полозьев для саней и пр. являлось важным деревообрабатывающим ремеслом в селах Ржавицы, Грозицы и Бочкауцы Хотинского уезда. В селах Центральной Бессарабии колеса для телег изготавливались двумя способами: варки и парки, при этом в обоих случаях ободья делали из цельного куска дерева. На юге края пользовались старинным методом: ободья составляли из шести кусков (чолане), соединенных между собой специальными креплениями (чепурь).

Наличие бондарного ремесла объяснялось необходимостью хранения впрок продуктов натурального хозяйства: квашеной капусты, соленых помидоров, огурцов, моченых яблок, арбузов, брынзы и меда, для чего требовалось большое количество бочек (бутоае) и кадок (кэзь, или путине). Развитию бондарства способствовало и виноделие, занимавшее все более прочные позиции. К концу XIX века в лесистых районах Молдавии этим ремеслом занимались целые селения, изготавливая продукцию на заказ и для продажи на рынке. Эти же мастера делали горизонтальные и вертикальные ткацкие станы, выполняли все столярные работы при строительстве дома, мастерили мебель, сундуки для приданого и пр.

Плотники строили дома, возводили крыши. Особые мастера занимались плетением заборов, загонов для скота, сооружений для хранения кукурузы. Из тонкой лозы и папоротника ремесленники плели корзины, ульи, а также мебель, кузова для экипажей и саней. На юге Молдавии высокого уровня мастерства достигло плетение циновок с различными узорами.

Жилище из камня-известняка с колонками Молдаване. Северные районы Молдавии. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Галерея жилища из камня-известняка Молдаване. Северные районы Молдавии. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

На с. 193

Кырпыч – топливо из навоза, сложенное для просушки Молдаване. Подольская губ., Ольгопольский у. Фотография 1907 г. РЭМ 1290-12

Жилище из самана Молдаване. Южные районы Молдавии. Фотография XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

Улица еврейского местечка Евреи. Бессарабская губ., Хотинский у., мест. Единцы. Фотография 1906 г. РЭМ 850-6

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Типы сельских поселений молдаван были тесно связаны с историко-экономическими и географическими условиями, в которых произошло формирование народа. Наиболее характерными являлись кучевой, когда улицы расходились от центра села кругами; приречный, когда село вытягивалось вдоль берега реки, и улично-рядовой с четкой планировкой улиц. В качестве строительного материала жители Бессарабии использовали глину, дерево и камень-ракушечник. Большинство крестьянских домов в центре и на юге края имело плетневые стены, обмазанные с обеих сторон глиной. В центральной зоне (Кодры) строили из дерева, а на правом берегу Днестра употребляли необожженный кирпич (саман). На побережье Днестра и Реута применяли плитняк для кладки фундаментов и камень-известняк (котелец), из которого возводили стены, а из цельных блоков делали долбленые колодезные венцы, корыта для поения скота и многое другое. Котелец при всей легкости был податлив в обработке, достаточно прочен и морозостоек. Дома, сложенные из этого камня, имели открытую галерею, украшенную по фасаду резьбой, а рядом из этого же материала-ракушечника сооружали порталы традиционных погребков и ворота, декорированные изображениями цветов.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Крестьянская усадьба состояла из жилого дома и нескольких хозяйственных построек: загона для скота, летней кухни, погреба, амбара,

сарая, которые образовывали однорядную связь или были разбросаны по двору. Типичный молдавский дом имел трехраздельное членение: сени (тиндэ) соединяли жилое помещение (каса) с парадной комнатой (каса-маре). Характерными особенностями внешнего оформления молдавского дома были завалинка (молд. приспа, укр. прызьба), окружавшая стены фасада, и резные либо деревянные колонки, поддерживавшие удлиненную стреху крыши. Четырехскатные и двухскатные крыши покрывали камышом, дранкой или черепицей.

На формирование так называемого «колониистского» типа жилища, получившего распространение к концу XIX века у молдаван, украинцев, гагаузов и болгар, в значительной мере повлиял южнонемецкий тип дома, составленный из двух жилищ с одинаковой планировкой, построенных вплотную друг к другу и покрытых общей крышей, который был рекомендован властями в южных уездах Бессарабии в качестве типового жилого строения.

В селах украинцев-переселенцев бытовал старинный тип турлучного украинского дома, снаружи и внутри обмазанного глиной, крытого соломой или камышом.

Определенные изменения претерпело народное болгарское жилище, в результате чего сформировался тип бессарабского болгарского дома, отличный от известных жилищ в Болгарии. Дворовый участок (план) с фасада окружали каменным забором (дувар). Во дворе перед жилым домом располагался садик (градина) с цветами и фруктовыми деревьями: здесь росли абрикосы, груши, сливы, вишни. Жилой дом (кышта) строили из глины (чамур), покрывали камышом или

черепицей, белили известью. В главной комнате (долня къшта), убранной шелковыми домоткаными простынями и полотенцами, вдоль стен стояли скамьи, покрытые коврами (кадрел) и длинными подушками. Окна в доме занавешивали, на полу расстилали шерстяные домотканые ковры (черга). Среди описаний быта болгар последней трети XIX века встречается упоминание и о жилище: «Дома их сходны с молдавскими, но поместительнее, построены из камня или землбитного кирпича, нередко из четырех помещений...».

В процессе многолетних контактов с болгарями, а затем с молдаванами, украинцами и русскими быт и культура гагаузов значительно видоизменились. И если основным жилищем гагаузов, проживавших в Болгарии, был двухкамерный дом, состоявший из жилой комнаты и помещения с очагом, то под влиянием молдавского населения у гагаузов Бессарабии появилось трехкамерное жилище путем пристройки

Парадная комната
каса-маре
Реконструкция.
Молдаване.
Центральные районы
Молдавии. XX в.
Экспозиция РЭМ

к двухкамерному нового помещения (бююк ев, букв. «большая комната»), которое повторяло молдавскую каса-маре и выполняло функции парадной комнаты, убранной коврами, дорожками, полотенцами. К числу молдавских заимствований относится и открытая галерея вокруг дома (сундурма) с пристроенным к ней крыльцом (чардак), а также конструкция и терминология хозяйственных построек (погреб — зэмник, магаз, кимницэ). Благодаря русскому влиянию в гагаузском доме появилась высокая русская печь (рус собасы). В начале XX века в Южной Бессарабии складывается своеобразный тип многокомнатного жилища, так называемого «длинного дома», характерный для жителей этого края: гагаузов, болгар, немцев, молдаван и украинцев.

Еврейское население проживало в домах, сохранявших немецкий тип планировки: два жилища под общей крышей.

ИНТЕРЬЕР

Путешественник и писатель П. Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария, посетивший в середине XVII века вместе с отцом Молдавию, писал: «Внутри домов сидения идут вдоль стен, а столы, как во франкских домах, раскинуты на подпорках посреди комнаты. Постельные принадлежности состоят из ковров и тканей, растянутых вдоль стен».

Характерной особенностью молдавского жилища были массивные хлебные печи, занимавшие значительную часть жилого помещения, вокруг которых группировались лавки (лайцэ) для сна и сидения. Пожилые люди и дети спали на хлебной печи или на пристроенных к ней лежанках, застланных ткаными дорожками. Роль постели отводили деревянной софе с подушками удлиненной формы, набитыми сеном или соломой, и покрытой вместо одеял специально обработанной шерстяной тканью (шияк).

Стены жилой комнаты (каса), зачастую служившей кухней, украшали коврами и ковровыми дорожками (лэйчерь и пэретарь), а также домоткаными полотенцами (просоапе), которыми обрамляли оконные и дверные проемы, зеркала и рамы с фотографиями. Посуду хранили в небольшом шкафчике, расположенном недалеко от плиты. Для еды использовали низкий круглый столик, обычный обеденный стол появился позже; его устанавливали в красном углу или у фасадных окон. Такие столы покрывали домоткаными скатертями с прошвой в центре.

Более богато выглядел интерьер каса-маре, где отмечали самые знаменательные семейные события. Парадная комната молдавского дома всегда была убрана словно перед большим праздником. Иногда ее использовали как рабочее помещение: здесь ткали ковры, хранили одежду или предметы убранства интерьера. В каса-маре собиралось все самое ценное, что имелось в доме: стены и пол убрали коврами и дорожками домашнего ткачества, красный угол украшали иконой и традиционными молдавскими полотенцами, на столе и под лавками стояла глиняная посуда, нередко заполненная угощениями (орехи, конфеты, сухие фрукты и т.д.). На расписном или резном сундуке складывали приданое, любовно заготовленное матерью для дочери. К потолку крепилась конструкция, на которой развешивали праздничную одежду. За потолочной балкой было принято хранить пучки базилика, мяты и других душистых трав.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

В конце XIX — середине XX века молдавское крестьянство продолжало сохранять традиционную одежду, шитую из тканей домашнего производства. Отличительной чертой ее была декоративность, богатая цветовая гамма и своеобразный силуэт. Специалисты выделяют несколько специфических женских комплексов: с катринцей, сарафаном и юбкой.

Женский костюм на севере края, на границе с Западной Украиной, состоял из рубахи, богато украшенной вышивкой, шерстяной поясной одежды (катринцэ), узорчатого пояса (брыу) и полотненчатого головного убора (марамэ). Этот комплекс с катринцей имел много общего с одеждой западных украинок. В центральной части Молдавии, куда значительно раньше начали проникать городские влияния, женщины носили светлые рубахи, шерстяные юбки в сборку, тканые пояса и платки. В женском костюме молдавского левобережья Днестра яркие вышитые рубахи сочетались с темными сарафанами, красными поясами и высокими головными уборами. Существует предположение, что сарафаны в этих местах появились под влиянием болгар. Колористической сдержанностью отличалась одежда молдаванок юга, где рубаха лишь слегка декорировалась вышивкой, а шерстяная юбка или сарафан составляли комплект с передником и платком. Конструкция и цветовая гамма этого комплекса отражают влияние болгарского и гагаузского костюмов.

Важной принадлежностью как мужского, так и женского костюма были безрукавки — меховая (кептарь) или из овчины, сшитая мехом внутрь (бондицэ). Спереди и сзади ее украшали вышивкой шерстяными нитками и бисером (на севере Молдавии), цветными нитками и кожей (в центральных районах), кожаной аппликацией (на юге). Практически обязательным было ношение шерстяных поясов — традиционного элемента мужского и женского костюма молдаван. Однотонные (красные, зеленые, белые) или многоцветные пояса с геометризованным узором, выполнявшиеся на горизонтальном ткацком станке, служили своеобразным цветовым акцентом в стройной системе традиционного костюма.

Светлая цветовая гамма характерна для мужской одежды северных и центральных районов, где носили рубаху и штаны белого цвета, тканый пояс, соломенную шляпу летом или меховую шапку зимой. На юге края костюм молдаванина включал рубаху, заправленную в суконные штаны темного цвета, широкий шерстяной пояс и шапку. Традиционной обувью крестьянства были кожаные лапти, а с распространением товаров кустарной и фабричной продукции — сапоги и ботинки. Верхняя мужская и женская

одежда была однотипна: распашные шерстяные домотканые кафтаны (суманы) и меховые кожухи, позднее — пальто из сукна домашнего производства.

С конца XIX века в одежде молдаван усилились признаки социальной дифференциации: костюм зажиточных крестьян отличался добротностью тканей домашнего или фабричного производства, большим числом украшений. До середины XX века традиционные формы сохранялись, прежде всего, в одежде беднейших

Праздничный костюм невесты Молдаване. Подольская губ., Ольгопольский у., с. Подоймица. Фотографии 1924 г. РЭМ 4234-10/а, 6

Замужние женщины
разных возрастных групп
в праздничной одежде
Молдаване.
Екатеринославская губ.,
Бахмутский у., с. Троицкое.
Фотография 1910 г.
РЭМ 3269-7

Своеобразный комплекс женской одежды
сложился в с. Троицкое. Девушки носили
вышитые рубахи (ризы), кофты-безрукавки
(бруслаки), юбки и передники; в качестве
головного убора использовали канатырь,
декорированный пауками (павлиньими перьями);
шейно-нагрудным украшением
служил бардиер.

На с. 197
Девушки
в праздничной одежде
Молдаване.
Екатеринославская губ.,
Бахмутский у., с. Троицкое.
Фотография 1910 г.
РЭМ 3269-4/1

Девочка в праздничной одежде Молдаване. Херсонская губ., Елизаветградский у., с. Грузское. Фотография 1928 г. РЭМ 4819-39

В молдавской одежде прослеживались влияния жителей контактной зоны. Так, в данном случае в костюме девочки сочетаются украинская вышитая рубашка и молдавские сарафан и передник, характерные для данной местности.

слоев населения, в то время как в костюм состоятельного крестьянства широко внедрялись элементы городского покроя. Однако вплоть до конца XX века во многих уголках Молдавии бытовали традиционные костюмы, связанные как с семейной, так и с календарной обрядностью молдаван.

Интересно отметить, что традиционные одежды переселенцев, проживавших на территории Юго-Запада России, имели свои отличительные особенности. Так, например, о поздних переселенцах русского происхождения в селах Сарьяры и Кебабча Аккерманского уезда упоминал и русский историк Н. Надеждин: «Они одеты щегольски, в цветных рубашках, в синих суконных армяках, шляпа набекрень, сапоги с напуском, борода расчесана».

Самобытные черты сохраняла одежда украинцев-русинов: мужчины носили полотняные штаны и длинные белые сорочки с кожаным поясом, к которому прикрепляли кисет (калитку), нож и огниво. Сверху надевали чугай, а в зимнее время — кожок и кожаные штаны, сшитые мехом внутрь (укр. мышины, молд. мешинь). На голове носили соломенные или войлочные шляпы (капелюхи), смушковые шапки

черного или серого цвета (укр. кучма, молд. кушма). Обувью служили лапти (постолы), сапоги (чоботы) и башмаки (черевыки).

Основу украинского женского костюма составляли: белая рубашка, орнаментированная вышивкой на груди и плечах, прямоугольный кусок ткани (горбатка, или катрынця) в качестве поясной одежды и пояс (крайка). Головным убором у девушек служил платок, а в праздник — венок и мониста (цятюк) на шее; замужние женщины носили полотенцеобразные рушники. В качестве обуви использовали кожаные башмаки-черевыки и сапоги. Верхней одеждой служили распашная суконная одежда чугай, длинный кожух и покрытая сукном шуба (контуш).

Сближение болгарских локальных традиций с культурой молдавского и украинского населения отразилась и в одежде болгар. Так, например, мужской костюм сформировался на основе костюма Добруджи, однако, одежда бессарабских болгар эволюционировала в своеобразный комплекс, не похожий ни на один известный в Болгарии. Он состоял из рубахи (ризы), домотканых штанов белого цвета (гаште), матерчатого жилета (елек), широкого шерстяного пояса

(опас), поверх которого был надет кожаный пояс с медными заклепками (каиш); к последнему на медной цепочке могли прикреплять нож. Поверх жилета носили куртку с рукавами (ентерия), а в зимнее время — кожаный жилет (кожен елек) с короткой (у пожилых мужчин более длинной) кожаной курткой, расшитой узорами (кувайкой). Завершал зимний наряд длинный тулуп (кожух), известно также, что старики зимой использовали кожаные штаны, сшитые мехом внутрь — (мешине), стянутые шнурком-учкур.

Болгарские женщины носили ризы в сочетании с платьем с отрезным лифом и высокой талией (вистань), с рукавами (девушки) или без них (замужние женщины). Поверх надевали кофту и передник (пестелку). В качестве головного убора женщины использовали особым образом повязанные платки. В научных трудах встречается упоминание о красной шерстяной шапочке (фес), которую обматывали двумя платками, скрепляя концы верхнего на макушке. Там же имеется указание о том, что по праздникам девушки спускали косы, в которые вплетали ленты и ракушки, а на шею надевали мониста и цепи из золотых монет алтени. Анализ молдавской и болгарской одежды позволяет

отметить во многих элементах костюма типологическое, а в некоторых случаях и терминологическое сходство.

Традиционный костюм гагаузов XIX века существенно отличался от одежды болгарских гагаузов, которая была больше похожа на турецкую и болгарскую. Известный исследователь XIX века В.А. Мошков в этнографических очерках «Гагаузы Бендерского уезда» указывал, что у гагаузов уже не было ни турецких фесок, ни шальвар, ни красных сапог, которые носили их предки в Болгарии. Крупнейший молдавский этнограф XX века В.С. Зеленчук отмечал значительные заимствования в костюме гагаузов от молдаван: меховая безрукавка (кептар), зимние мужские штаны на меху (мешинь, панталонь), женские головные платки (шалинка, бариз) и способ их повязывания, именуемый влашка.

Евреи Бессарабии носили традиционную одежду, однако, к концу XIX века внешние атрибуты старого еврейского быта исчезли, в том числе одежда и прически, предписанные религией. Лишь среди стариков можно было встретить людей в длиннополых лапсердаках с ермолкой на голове и пейсами на висках.

Девушка
в праздничной одежде
Молдаване.
Екатеринославская губ.,
Бахмутский у.,
с. Троицкое.
Фотография 1910 г.
РЭМ 3269-3/1

Женский
свадебный костюм
Молдаване.
Каменский р-н,
с. Подоймица.
XX в.
Из собрания РЭМ

Мужской праздничный
костюм северных
районов Молдавии
Молдаване.
Бессарабская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный костюм
Гагаузы.
Бессарабская губ.,
Бендерский у.,
с. Чадыр-Лунга.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женские ожерелья –
алтени и махмудя –
Гагаузы.
Бессарабская губ.,
Бендерский у.,
с. Чадыр-Лунга.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской
праздничный костюм
Гагаузы. Чадыр-
Лунгский р-н.
XX в.
Из собрания РЭМ

Костюм невесты
Болгары – переселенцы
Украины.
Старый Крым,
пос. Коктебель.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Праздничный костюм
замужней женщины
северных районов Молдавии
Молдаване. Бессарабская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

праздничный костюм
Болгары.
Бессарабская губ.,
Бендерский у., с. Кириутня.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Деревянный пресс для выдавливания виноградного сока Молдаване. Бессарабская губ. Начало XX в. РЭМ 7297-18 / а-з

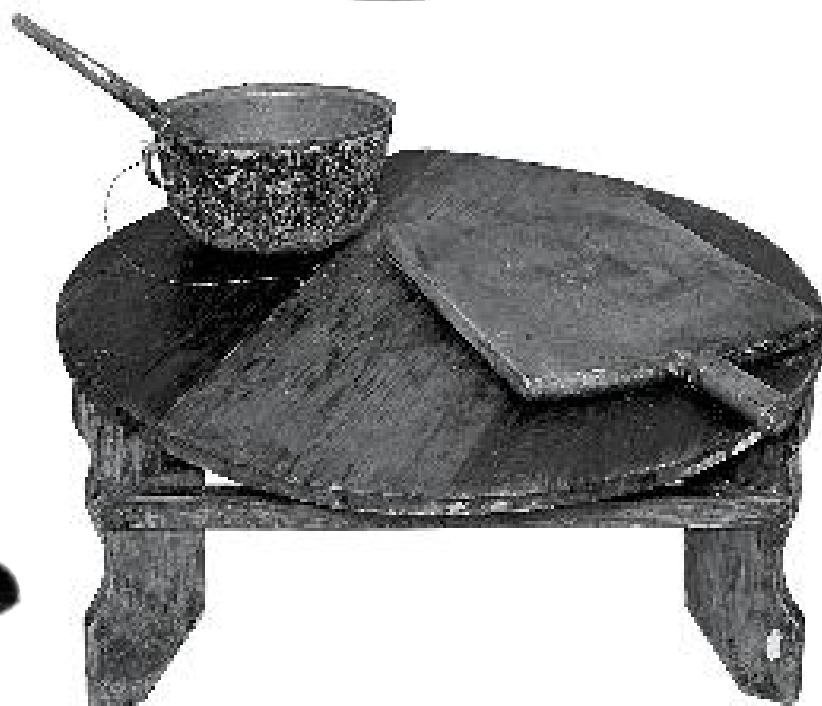
Мерка для зерна Молдаване. Бессарабская губ. XX в. РЭМ 7664-131

Кувшин для вина Молдаване. Бессарабская губ. XX в. РЭМ 8806-34

Сосуд для перевозки вина Молдаване. Бессарабская губ. XX в. РЭМ 2883-55

Столик с разделочной доской и казаном для приготовления мамалыги Молдаване. Бессарабская губ. XX в. РЭМ 7297-64; 7664-16, 18, 111

Чабан-бач за приготовлением брынзы Молдаване. Бессарабская губ. Конец XIX в. Экспозиция РЭМ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Традиционная молдавская кухня отличалась обилием овощей и фруктов, различных пряностей и приправ. Для приготовления разнообразных блюд использовали кабачки, баклажаны, сладкий и горький перец, помидоры, фасоль, редис, зеленый и репчатый лук, известны были соленые и маринованные овощи. Особый аромат и остроту придавали такие приправы, как чеснок, перец, чабрец. Наряду с овощами и фруктами большую роль в системе питания молдаван играли молочные продукты. Из овечьего молока изготавливали свежий овечий сыр (каш и урду), сметану и кислое молоко (лапте акру). Однако основным продуктом овцеводческого хозяйства являлись разнообразные сорта брынзы для более длительного хранения: с рассолом (брынзэ муратэ ку сэлэмурэ) и сухая — (брынзэ бэтутэ и фрэмынтатэ). Каждая из этих категорий имела несколько вариантов, связанных со специфическими способами приготовления и хранения. В повседневной пище молдаван значительное место занимали блюда из кукурузной муки, меньше потребляли мяса и рыбы. Мамалыгу, заменяющую хлеб, готовили из густозаваренной в чугушке кукурузной муки, которую затем выкладывали на деревянную дощечку и резали ниткой. Мамалыгу было принято есть с первым блюдом (например, борщом), со шкварками, с чесночным соусом (муждей), но чаще всего с овечьей брынзой, сметаной, яйцами (омлет) или молоком. Существует представление, что мамалыга является молдавским хлебом. Действительно, в XVIII—XX веках куски холодной мамалыги бедняки использовали в качестве хлеба. Вместе с тем известно, что кукуруза была завезена в Молдавию лишь в XVII веке, а до этого там сеяли пшеницу и рожь. Таким образом, пшеничный и ржаной хлеб также были характерным элементом рациона не только молдаван, но и украинцев, болгар и гагаузов.

Достаточно распространены в молдавской кухне куриный суп с овощами (замэ), суп с фасолью (чорбэ), холодец из петухов (рэсол), копченое мясо, голубцы, завернутые в виноградный лист (сармале), протертая фасоль с толченым чесноком (фасоле фэкэлуит). Для вторых блюд использовали говядину, свинину, птицу, баранину, рыбу. Многие мясные блюда было принято жарить на решетке-гратар или тушить. Излюбленными мучными изделиями являлись слоеные пироги с различной начинкой (вертуты иплэчинте).

В питании украинцев-русинов основное место занимала мамалыга, мяса они почти не употребляли, так как, по воспоминаниям А. Афанасьева, хоть и отличались трудолюбием, но жили бедно.

Говоря о традиционной пище болгар, следует отметить наличие своеобразного вида хлеба только из пшеничной муки, причем чаще готовили пресный хлеб (пресенчата пита), который пекли на углях. К его разновидностям можно отнести каравай (кравай) — плетеный хлеб с отверстием посередине, который на Рождество во время калядования молодые парни носили надетым на палки.

Пища гагаузов Бессарабии представляла собой результат взаимовлияний тюркской, романской и славянской кухни: молдавские мамалыга, калачи (колаший) и хлеб из смеси кукурузной и пшеничной муки (малай), тюркские лепешки, выпекавшиеся в горячей золе (чорек), квас из проса (боза) и др.

У евреев строго соблюдались правила приготовления национальных блюд (кошерная пища) и напитков, календарные и семейные обряды.

УТВАРЬ

Местное население использовало как деревянную, так и глиняную утварь, изготовлением которой занимались в каждом крупном селении. Известно, что в Молдавию довольно много посуды привозили украинские гончары. Вместе с тем существовали молдавские села, специализировавшиеся на производстве керамики. Так, например, в начале XX века в селе Чинишеуцы посуду изготавливали в 250 семьях. Товар сбывали сами мастера, развозившие керамику в соседние села или продававшие продукцию на воскресных ярмарках.

Молдавская керамика разнообразна по форме и назначению. Это горшки для приготовления пищи, оплетенные металлической проволокой для большей прочности; высокие широкогорлые сосуды (гаваносы) для хранения солений; неполливные кувшины для воды и простокваши; глазурованные — для молока; узкогорлые фляги для вина (бурлуи), а также кружки, миски и прочее. Кроме поливной керамики известна чернолощенная посуда, получившая свое название по технике восстановительного обжига, придававшего изделию серо-черный цвет. Сосуды украшали лощением, которое выполняли до обжига обкатанной речной галькой.

К деревянной утвари относятся в основном изделия бондарного промысла. Бондари изготавливали различную по форме, размеру и назначению посуду: ванны на 15—20 ведер (балие, албие); емкости для отбеливания полотна (золники), выдолбленные из цельного куска дерева или клепанные; сосуды с ручками для дойки коров и овец (чубэр и гэлэтэ), а также значительных размеров емкости для выдерживания вина, квашения овощей, дубления кож.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Документы XV века свидетельствуют о совместном владении землей молдавскими патриархальными семьями, вместе с тем общинный суд в этот период уже был заменен судом феодалов. Община по-прежнему владела установившимся территориальным комплексом

(хотар), включавшим поселения, пастбища, сенокосы, пашни, воды и прочие угодья, которые эксплуатировались в условиях господства подсечной и переложной систем земледелия и ненадельного крестьянского землепользования. По мере закрепощения община, находившаяся на феодальной земле под господским подчинением, все больше теряла элементы самоуправления.

Сильный удар крестьянской общине нанесли законоположения начала XIX века, которые установили нормы сенокоса и пастбищ не каждой семье, а общине в целом. Значительное внимание молдавской общине было уделено и в «Положении о царанах» от 24 января 1834 года, в котором указывалось, что на все формы хозяйственного использования земель в сельской общине (посадка виноградников, садов, постройка домов и пр.) нужно получить разрешение владельца (помещик, государство). За общиной же закреплялись административно-фискальные функции: на мирских сходах рассматривались вопросы распределения податей и повинностей, мирских сборов и т.д.

СЕМЬЯ

Основным типом молдавской семьи в XIX — начале XX века была малая семья, состоявшая из двух или трех поколений. Обычно женатые сыновья старались отделиться от родителей, чему способствовал и порядок наделения земель, при котором земля предоставлялась в посемейное владение независимо от числа членов семьи.

Молодая семья могла получить землю под дом только на общественном собрании (толоке) с разрешения сельского общества. В случае отказа новая семья строила дом на участке родителей. Существовавшие патриархальные устои нередко сдерживали фактический раздел семьи, в результате чего взрослые дети, имея свою семью и разрешение на землю, продолжали жить в одном дворе с родителями и вести общее с ними хозяйство.

Наибольшей властью пользовался глава семьи, являвшийся законным владельцем земли, дома и хозяйственного инвентаря и требовавший безусловного себе подчинения. Отца почитала и уважала вся семья. После обеда по старинному обычаю жена и дети, помолясь, подходили к нему и целовали руку. Глава семьи определял порядок работ по хозяйству, ведал ее доходами и расходами. Свое положение он сохранял до глубокой старости. Если по болезни или в силу преклонного возраста он не мог этого делать, то власть в доме переходила к его детям — старшему сыну, фактическому кормильцу семьи, или его братьям. Семьи, в которых не было сыновей, но имелись взрослые дочери, принимали к себе в дом зятя. Ему ставили условие, чтобы он помо-

Женщины с маленькими детьми Молдаване. Херсонская губ., Елизаветградский у., с. Грузское. Фотография 1928 г. РЭМ 4819-36

гал вести хозяйство, почитал тестя как родного отца, а тещу — как мать. Зять-примак, находясь в экономической зависимости от родителей своей жены, был вынужден подчиняться им во всем и жил в доме на положении основного работника.

По обычному праву наследником семьи считался младший сын. После смерти отца в случае отсутствия завещания все имущество переходило к нему. Старшие сыновья оставались с теми небольшими наделами, которые им были выделены еще при жизни отца. Часто и в завещании отец, руководствуясь традицией, передавал дом и весь земельный надел младшему сыну, а остальное имущество делил между старшими детьми.

Дочери обычно не наследовали землю, кроме той части, которая давалась им в качестве приданого. На протяжении всей жизни приданое женщины считалось ее собственностью, но доходы от него (с земельного участка, от скота и т.д.) принадлежали мужу. В случае ухода от мужа жена забирала свое приданое и могла судиться с мужем, если он не соглашался его вернуть или выплатить его стоимость. В случае смерти супруга положение вдовы было особенно тяжелым. Остаться в доме братьев мужа она не могла и была вынуждена возвратиться в дом своих родителей либо, получив долю мужа из общего хозяйства, поселиться отдельно.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Среди родственников широко практиковалась трудовая взаимопомощь при постройке дома, уборке урожая, пахоте и т.д. Наиболее распространенной была коллективная помощь родственников при постройке дома (клякэ, или пе рынд). Коллективно дом строился за короткий срок. Женщины месили ногами глину и лепили саманный кирпич, мужчины возводили стены. После окончания основной работы хозяин угощал вином всех принимавших участие в работе, иногда по этому случаю нанимали оркестр и устраивали танцы.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Распространение христианства не вытеснило полностью дохристианские верования и связанные с ними обычаи и обряды. В период феодализма и капитализма многие социальные и природные явления, с которыми сталкивались крестьяне, по-прежнему казались им необъяснимыми и сверхъестественными. Стремясь воздействовать на них, сельское население прибегало к обрядовой практике, в которой значительное

место занимали пережитки фетишизма, анимизма, тотемизма.

Некоторые из традиционных молдавских обрядов были связаны с верой в существование добрых и злых духов, в том числе семейно-родовых: шарпеле касей (уж — покровитель дома), урситоареле (добрые феи-вещуньи), демонологических образов фантастических существ, духов природы: зыне (феи), иеле (волшебницы, управляющие ветрами), русалий (злые феи), мума пэдурий (мать лесов), духул апей (водяной), балаур (многоглавый змей) и др. Отдельную группу составляли злые сверхъестественные существа: стригой (оборотень), рекуратул (нечистый), мурон и триколичь (мертвые оборотни), стафия (приведение) и др. К мифологическим образам примыкают сказочные персонажи, встречающиеся в устном народном творчестве. Особенно много их сохранилось в волшебных сказках, повествующих о добре и зле.

Возникли обычаи, обряды и ритуалы, имевшие целью умиловить злых духов, предохранить человека и природу от их действий.

Сектанты-иннокентиевцы Молдаване. Херсонская губ., Ананьевский у., с. Липецкое. Фотография XX в. РЭМ 4437-27

Молитвенный дом
в селении сектантов-
иннокентиевцев
Молдаване.
Херсонская губ.,
Ананьевский у.,
с. Липецкое.
Фотография XX в.
РЭМ 4437-20

Маска быка – бухай
Молдаване.
Черновицкая обл.,
с. Волока. XX в.
РЭМ 8155-1

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Официальной религией в Молдавском княжестве и Бессарабии было православие, при этом здесь проявлялось более терпимое, чем в других губерниях России, отношение к иноверцам (старообрядцам, раскольникам, духоборам, молоканам и иконоборцам), в результате чего этот край стал одним из крупных центров старообрядчества и сектантства.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Трудовые обычаи и обряды молдаван, отражавшие производственную деятельность, составляли аграрный календарь, по которому крестьяне определяли смену времен года, состояние погоды, сроки проведения сельскохозяйственных работ.

Началом зимы в Молдавии считали 26 октября — День святого Дмитрия. Зимой крестьяне прибегали к «магическим» действиям для борьбы со злыми силами природы, но одновременно готовили к весне семена и орудия труда. Важнейшими праздниками зимнего цикла были Крэчунул (Рождество) и Анул ноу (Новый год). Весенне-летний цикл аграрного календаря также включал приметы, обычаи и обряды, связанные с подготовкой урожая: Флорииле (Праздник растительности), Паштеле (Пасха) и др. Отдельный цикл объединял обряды и обычаи, сопровождающие уборку урожая: Дрэгайка (Праздник начала жатвы), Барба (Праздник последнего снопа) и др.

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Годовой цикл сельскохозяйственных работ, сопровождавшийся определенными обрядами, нашел отражение и в календарной обрядовой поэзии молдаван. Один из таких праздников — Плугушор — издавна был посвящен началу полевых работ. Его отмечали 1 марта проведением символической «первой борозды». По селу ходила группа парней с настоящим плугом и впряженными в него волами. Начиная со второй половины XIX века уже в канун Нового года группа подростков колядовала в дневное время с моделью деревянного плуга, останавливалась у каждого дома и произносила традиционный стихотворный текст (хэитура плугулуй), в образной форме которого отражались основные моменты земледельческого труда, а также высказывались пожелания хорошего урожая в предстоящем году. Вечером этого же дня молодые парни несли по сельской улице маску головы быка (бухай) и своеобразный музыкальный инструмент, имитирующий мычанье животного. Наряду с быком символом плодородия у многих народов, в том числе и у молдаван, с давних времен является коза (капра). Костюм ряженого состоял из мехового или камышового покрытия и деревянного шеста с изображением козьей головы с рогами и открывающейся «цокающей» пастью.

Новогодние поздравления в жанре коляды (колинде) выражали благопожелания (хэитуры)

всем членам семьи: существовали коляды для молодых супругов, девушек, парней, воинов, пастухов и др. Новогодние поздравления содержались и в формулах Семэнатул (Посевание) и Соркова. Весной и летом, особенно во время засухи, практиковались магические обряды вызывания дождя, включающие стихотворные формулы (Папаруда, Калоянул). Песнями сопровождался и Праздник сбора урожая (Дрэгайка).

Подобные примеры известны и среди обрядов населения Буковины (украинцы, словаки, румыны), а также Балканских стран (болгары, гагаузы и др.). Так, например, обряды и обычаи гагаузов сохраняли много дохристианских пережитков. Гагаузы верили в существование колдунов (джады), вампиров (хобур), великанов (девы, теплягёзы), русалок (русали) и т.д. До XX века у них, как и у болгар, сохранился обряд вызывания дождя — Пипируда, или Германчу. В День св. Георгия было принято резать барана, что означало жертвоприношение, связанное у тюрков с культом мертвых. В комплекс гагаузских рождественских обрядов вошли заимствованные у молдаван колядки (коладеле).

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

В Молдавии были развиты семейные обряды, приуроченные к важнейшим событиям в жизни человека, отмечавшимся в кругу семьи или родственников: рождению ребенка, женитьбе, смерти. Тесно связанная с хозяйственной деятельностью семейная обрядность была многофункциональной и включала различные элементы — демонстративные, символические, магические. Разнообразная семейная обрядовая поэзия содержит родильные и крестильные песни, причитания по умершим близким.

Рождение ребенка всегда сопровождалось обрядами и ритуальными действиями, направленными на сохранение его жизни и выражавшими пожелание ему здоровья и богатства. Специалисты разделяют родильные обряды на три группы: производившиеся при родах; выражавшие принятие ребенка в общину; направленные на очищение матери и повивальной бабки. Через несколько дней после рождения ребенку давали имя, через пять-шесть дней устраивали родину (родинул, родиш), а через шесть недель ребенка крестили в церкви. Среди подарков новорожденному обязательным было полотенце, повязанное лентой и украшенное цветком, которое служило своеобразным оберегом.

Особенно динамичными были свадебные обряды, проводившиеся в течение нескольких дней, в которых сочетались пережитки магических актов, восходящих к первобытнообщинному строю, и символика феодального периода, представлявшая жениха императором, а гостей — боярами. Свадебные обряды подразделя-

Жених и невеста со сватами в праздничных костюмах Молдаване. Подольская губ., Ольгопольский у. Фотография 1907 г. РЭМ 1290-2

Невеста в свадебном головном уборе и женщины-друзки в праздничной одежде Валахи. Екатеринославская губ., Екатеринославский у., с. Волосное. Фотография 1910 г. РЭМ 3264-1

Каменные кресты на кладбище Молдаване. Северные районы Молдавии. Фотография начала XX в. РЭМ. Коллекция Д.Н. Гобермана

лись на предсвадебные, к которым относились сватовство (старостие), обручение (логодно) и согласие (рэспунсул); собственно свадебные: одаривание (поклоанеле), застолье у невесты (маса ла мирясэ), вынос приданого (скоатеря зэстрей), большое застолье (маса маре), повязывание (легэтоаря) и послесвадебные обряды, в том числе выход (каля нантэ).

В богатом свадебном фольклоре преобладали песни, приуроченные к последовательным церемониям: сватовство, помолвка, канун свадьбы, собственно свадьба и др. Так, при посещении женихом невесты исполнялась Конокэрия, повествующая о «героических» поисках невесты в далеких краях. Поклоанеле рассказывала о том, как жених покупал в далеком городе подарки для невесты. Свадебные декламации, носившие в древности торжественный характер, в XX веке дополнились юмористическими текстами, в

которых подшучивали над женихом, невестой и гостями.

Среди национальных кушаний, специально приготовляемых на свадьбу, большое значение имело обрядовое печенье. Свадебные калачи выпекались по особому рецепту и в большом количестве. Один из них разламывали над головой жениха и, по традиции, бросали в толпу с пожеланием следующей свадьбы.

Верования и обряды, связанные со смертью и похоронами, включали наиболее древние поверья и традиции и посему содержали наибольшее количество суеверных представлений. Причитания — одна из отличительных черт молдавских похоронных обычаев, характер которых отличался от северорусского плача, южнорусских и белорусских причитаний. Молдавские заплачки могли быть рифмованными или нерифмованными, но при этом сохраняли общую форму и строй, передавались из поколения в поколение: причитали только женщины, оплакивая умершего в день похорон, на третий, девятый день после них. Типично молдавской была традиция выноса покойного из дома через разостланный ковер или выстилание ковром гроба. Одним из древних элементов молдавской похоронной обрядности был обычай расстилания впереди похоронной процессии полотна, полотенец, дорожек — так называемых «мостов» (подурь), по которым, согласно верованию, душа возносилась на небо. В похоронной обрядности важную роль играло поминальное дерево (пом), сопровождавшее траурную процессию на кладбище и участвовавшее затем в поминальном действии. Дни, связанные с поминанием умерших, назывались моший («родители»).

Много сходных моментов имеют семейные обряды у бессарабских болгар, у которых также сохранялись и традиционные календарные праздники, в том числе Святки, Масленица, День св. Георгия, обряд вызывания дождя (пеперуда), куцерские обряды — магические приемы, обеспечивавшие плодородие. Вместе с тем на новом месте (в Бессарабии), с одной стороны, были утрачены многие элементы обрядности, связанные с пастушеством, а с другой — появились инациональные черты, заимствованные у молдаван и украинцев.

ФОЛЬКЛОР

Молдавский фольклор складывался в аграрной среде земледельцев и скотоводов и включал множество поэтических и прозаических жанров, которые формировались на протяжении столетий в тесной связи с исторической и социальной жизнью молдавского народа. По мнению специалистов, традиции и отдельные элементы молдавского фольклора восходят к периоду до

образования самостоятельных княжеств Молдавии и Валахии (XIV век).

В XV—XVI веках в Молдове возникло народное движение против иноземных поработителей и местных феодалов — гайдучество. В XVII веке приобрели известность имена гайдуков Попоця, Реула, Бурлэ, о подвигах которых создано большое количество баллад, исторических песен и легенд. Особую известность приобрели фольклорные образы Тома Алимоща, Корби, Мику, Кодряна, Бужора, Тобултока.

Устное народное творчество молдаван представлено календарной и семейной обрядовой поэзией, сказками, героическим эпосом («Богатырь Груя», «Кодряну» и др.), историческими, лирическими песнями, пословицами и поговорками. Крупнейшим памятником лиро-эпической народной поэзии является баллада «Миорица». Характерны народные песни, преимущественно одноголосные, и только в некоторых районах на границе с Украиной — двухголосные. Специфически молдавским явлением принято считать бытование в XIX—XX веках народной драмы, поэтический стиль которой обусловлен традицией исторических и социально-бытовых песен, легендами и похоронными плачами. Социально-героическая драма была особенно распространена в XIX веке, в период освобождения Балкан от турецкого ига (например, у южных славян). Именно в это время патриотическая тематика находила воплощение в богатырской и исторической драмах.

Результатом соединения исторических и социально-бытовых мотивов явилась драма «Маланка», сюжет которой первоначально сводился к самопожертвованию главной героини Маланьи (варианты Меланья, Режина, Катюша), спасшей крепость, осажденную турками, от разрушения. Основная тема этой драмы — смерть и воскрешение героини — ассоциируется, как полагают исследователи, с древними представлениями об увядании и возрождении природы.

Значительно менее изучена народная драма «Нунта» («Свадьба»), занимающая, по-видимому, промежуточное место между «игрищами» и собственно драмой. Ее главные персонажи — Мош (Старик) и Баба (Старуха), Мире (Жених) и Мирясэ (Невеста), Сокру-Маре (Свекор) и Батэ-желул (Дружка), Докторул (Доктор), Урсул (Медведь) и Дракул (Черт) издавна участвовали в представлениях, связанных с культом плодородия. В конце XX века драма «Нунта», утратив магический смысл, превратилась в праздничное действо, сохранив традиционные костюмы и необходимые атрибуты.

Особое место данной драмы обусловлено наличием в ней персонажей, характерных как для «игрищ» (медведь, черт), так и драмы (жених, свекор, доктор и др.). Наиболее показа-

тельна фигура старика, в прошлом, несомненно, главного персонажа, а в нашем случае — единственного носителя прежней идеи плодородия (поскольку его атрибутом до сих пор остается скрипка, центральная часть которой выполнена в форме фаллоса). Маска старика, сделанная из меха, позволяет предположить, что данный герой занимает особое место между животными и людьми.

Обязательным сопровождением каждого праздника была музыка. Лирические песни дойны и темпераментные танцы жок, исполняемые на традиционных сельских встречах, — свидетельство богатой музыкальной и танцевальной культуры молдавского народа. Ни одно торжество не обходилось без плавного неторопливого девичьего хоровода (хора фетелор), жизнерадостной молдовеняски и древнего мужского танца бэтутэ. Народные музыкальные инструменты — кобза (струнный), най (духовой), чимпой (волынка), флуеры (деревянные дудочки типа свирели), скрипка — могли входить в состав любого сельского оркестра.

ОБРАЗОВАНИЕ

Прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России можно проследить на примере состояния просвещения в крае. Достаточно напомнить, что в 1812 году на всей территории Бессарабии не было ни одной светской хорошо организованной школы, существовало лишь несколько монастырских школ, при этом взрослое население было практически неграмотным. В течение 50 лет после присоединения было открыто 400 школ, в которых обучалось 12 393 ученика; из них 171 школа — в ведении Министерства народного просвещения, 48 — в ведомстве государственных имуществ, 48 школ работало в немецких и болгарских колониях, 161 школа существовала в епархиальном ведомстве.

С 1842 года начали открываться и профессиональные школы: животноводства, виноградарства, виноделия и др. Начиная с 1870-х годов в Бессарабии сравнительно быстро растет сеть одноклассных и двухклассных школ. В 1880—1890 годах открываются сельскохозяйственные, ремесленные и другие училища, в 1899 году в Кишиневе была открыта купеческая коммерческая школа, а спустя год — Кишиневское коммерческое училище. На рубеже XIX—XX веков во всех уездах Бессарабии насчитывалось шестнадцать средних школ, девять мужских и женских гимназий, два реальных училища, учительская семинария, школа виноделия, музыкальное училище, епархиальное училище и духовная семинария. Наибольшим было число начальных школ — 1232, в которых занималось свыше 100 тысяч учащихся.

Маска старика Моша Молдаване. Черновицкая обл. XX в. РЭМ 7775-15/1

Музыканты и гости
на свадьбе
Молдаване.
Подольская губ.,
Ольгопольский у.
Фотография 1907 г.
РЭМ 1290-3

СЕВЕР СЕВЕРО-ЗАПАДА

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Л.В. Королькова

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Российский Север и Северо-Запад занимают огромное пространство от Кольского полуострова на севере до Тверской области на юге. На его территории расположены арктическая, субарктическая, тундровая и лесная зоны (северная, средняя и южная тайга). В состав региона в настоящее время входят Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области и Карелия.

Рельеф местности рассматриваемого региона разнообразный, он носит следы воздействия ледников. Северная часть — Кольский полуостров, находящийся на северо-восточной оконечности Балтийского кристаллического щита, — омывается Баренцевым и Белым морями. Северное побережье полуострова от государственной границы с Норвегией до мыса Святой Нос называют Мурманским берегом, устье Кольского залива разделяет его на Западный Мурман и Восточный; берег Белого моря от мыса Святой Нос до устья реки Варзуги — Терский берег.

По характеру рельефа Кольский полуостров разделяется на две части: западную и восточную, граница между которыми проходит через долину реки Воронья, Ловозеро, Умбозеро и долину реки Умба. Крупнейшие горные массивы — Хибинские тундры (Хибины), Ловозерские тундры, Кейвы и др. Горы Кольского полуострова — это высокие плоские плато, круто обрывающиеся к окружающим их низинам.

Плато рассечены глубокими долинами и ущельями. К югу от горного района находится Южная озерная низина, простирающаяся от границы с Финляндией до среднего течения Умбы. Она занята обширными болотами, многочисленными озерами, возвышенностями до 500 м. В центре восточного района полуострова расположена Центральная болотная равнина. Тундры и болота занимают 57% территории полуострова. Тундра тянется неширокой полосой по берегу Баренцева моря и вдоль побережья Белого моря. Леса произрастают в лесотундре и таежной зоне.

На юге Кольского полуострова начинается территория Карелии, которая расположена между Белым морем, Ладожским и Онежским озерами, — это северо-запад Восточно-Европейской (Русской) равнины, восточная часть Балтийского щита. Рельеф местности представляет собой холмистую равнину, образовавшуюся при отступлении ледников, с характерными моренными грядами, озами, камами и озерными котловинами. В южной части региона к западу от Онежского озера находится Олонецкая возвышенность, на западе — Западно-Карельская возвышенность, а в прилегающих к морю районах — низменности. Побережье Белого моря имеет множество заливов и бухт.

Карелия — край рек и озер (27 тысяч рек и 60 тысяч озер). Реки сравнительно небольшие по протяженности, но многоводные: Водла, Выг, Суна, Шуя. Наиболее крупные озера — Ладожское и Онежское. Половина территории Карелии покрыта лесами.

Северо-Запад России от реки Нарова до реки Андома несет на себе следы бывшего здесь оледенения. В западной части этой территории характер рельефа местности равнинный, а в восточной преобладает холмисто-грядовой. На востоке расположены Андогская и Вепсовская возвышенности, Тихвинская гряда, переходящая на юге в основной массив Валдая. По Вепсовской возвышенности проходит водораздел Балтийского и Каспийского морей. Реки Суда, Колпь, Лидь направляют свои воды в Волгу, а Паша, Капша и Оять — в Балтику. Восточные районы (от Карелии до Тверской области) также издавна называли «озерным краем». Значительная часть территории, прилегающей к Балтийскому морю, Ладожскому и Онежскому озерам, — это низменности. Они расположены в основном по берегам Финского залива, Ладожского и Онежского озер, в долинах крупных рек. На востоке находится Прионежская и Молого-Шекснинская низменности, на западе — Прибалтийская, Приневская, Вуоксинская, Свирская и др. Южнее Финского залива и Ладожского озера протянулся Балтийско-Ладожский уступ — берег древнего моря (высота до 40—60 м). Крупнейшими возвышенностями в западной части Ленинградской области являются Лемболовская и Ижорская.

Река Волхов делит рассматриваемый регион на две части, различающиеся своими природно-климатическими условиями и историей освоения. Наиболее удобной для занятий сельским хозяйством является западная часть области — территория Ижорского плато. Здесь находятся дерново-карбонатные почвы, так называемые «северные черноземы». Наименее пригодной для земледелия считается Вепсовская возвышенность. Главными водными магистралями являются реки Свирь, Волхов, Нева. В недавнем прошлом значительную часть лесных массивов составляли хвойные леса, в настоящее время преобладают смешанные.

Северо-Западный регион имеет богатейшие ресурсы. Так, например, обеспеченность населения пресной водой в расчете на душу населения почти в три раза превышает средние показатели по стране. Моря, озера и реки богаты рыбой; значительны лесные и минерально-сырьевые ресурсы: руды черных и цветных металлов, фосфатные руды, горючие сланцы, бокситовые руды, мрамор, граниты, известняки, доломиты, родоновые источники и месторождения термальных подземных вод.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Российский Север и Северо-Запад сыграли значительную роль в истории всего Европейского материка. Заселение этих территорий началось в эпоху позднего мезолита (VII—VI тыс. до н.э.) после того, как на землях, освободившихся от ледника, сформировались пригодные для жизни человека ландшафты. В результате освоения новых экологических ниш на рассматриваемой территории сложился устойчивый культурно-хозяйственный тип охотников и рыболовов, обеспечивающий стабильность и преемственность культуры на протяжении тысячелетий.

Древнейшие мезолитические коллективы, заселившие крайний север Фенноскандии, сумели приспособиться к суровым условиям арктической зоны и постепенно освоили оптимальные для жизни территории: побережье Баренцева и Белого морей (культура Комса). В более южных районах центрами интенсивного культурогенеза стали западная и южная части современной Ленинградской области (стоянки Тырвала, Соколок — восточная периферия культуры Кунда; стоянка Лиственка III — северная периферия верхневолжских культур), а также восточное Прионежье (Оленеостровский могильник, стоянка Нижнее Веретье I).

В эпоху неолита (IV—III тыс. до н.э.) вся территория Северо-Запада и Беломорье были заселены племенами родственных культур с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой, в которых исследователи видят предков современных финноязычных народов. Быстрому освоению внутренних лесных районов способствовало наличие удобных водных путей по рекам Вуокса, Волхов, Паша, Свирь, Ладожскому и Онежскому озерам, а также рекам Волжского бассейна — Колпь и Лидь, связывавшим бассейны Балтийского и Каспийского морей. Миграционные потоки верхневолжского и прибалтийского неолитического населения в эпоху развитого неолита (середина IV тыс. до н.э.) уже вышли на водораздел.

Иначе шел процесс этногенеза у саамов. Археологические данные, накопленные к настоящему времени, свидетельствуют, что население Лапландии, некогда заселившее эту землю, никогда не выходило за пределы Северной Фенноскандии. Саамы, появившиеся на исторической арене в I тысячелетии н.э., являлись потомками палеоевропейского населения этого региона.

На с. 212–213

Группа крестьян Вепсы.
Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у.,
д. Кукасы.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4630-95

Женщины с детьми
на окраине поселения
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.,
Пазрецкий погост.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5754-5

К моменту появления славян на северо-западе Восточной Европы в эпоху раннего средневековья (VIII—X вв.) весь этот регион был заселен финскими племенами, обладавшими навыками ведения комплексного хозяйства в условиях таежных лесов (подсечно-огневое земледелие, животноводство, охота, морское, озерное и речное рыболовство, собирательство). В первую очередь заселялись территории, прилегающие к северному участку трансевразийского торгового пути, соединявшего страны Востока с Балтийским регионом. Славяне к этому времени далее Поволховья и Верхнего Полужья еще не продвинулись. Концентрация населения в ключевых точках волховского участка пути «из варяг в греки» привела к появлению на территории Северной Руси первых полиэтнических городов: Ладога — VIII век (Старая Ладога) и Новгород — IX век (Рюриково городище). Финские земли к востоку от Волхова и севернее Ладоги в это время еще не были затронуты славянским влиянием. В районах концентрации финноязычного населения активно шли этноконсолидирующие процессы, результатом которых стало появление первых племенных образований, зафиксированных в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет»: чудь и весь.

Вхождение Северо-Западного региона в сферу международной торговли, введение христианства, а также укрепление государственной власти и экономики Новгородской земли в XI веке способствовали завершению процесса консолидации прибалтийско-финских племен. С этого времени на страницах русских летописей и иностранных хроник появляются первые финские этнонимы: «чудь» — водь (1069), «корела» (1143), «терская земля» — саамы (1216), «ижора» (1228), «Лаппия» (конец XIII в.). Во вто-

рой половине XIII века все названные народности уже входили в состав «всей волости Новгородской».

Отсутствие в древнерусских письменных источниках этнонима, обозначающего приладожскую чудь (предков современных вепсов), вероятно, объясняется тем, что прибалтийские финны, мигрировавшие в конце IX—X веке с западных финских земель на новую ресурсную территорию — бассейны рек Оять, Паша, Капша и Сясь, к началу XIII века (закат приладожской курганной культуры), не прошли еще до конца путь этнической консолидации. Археологически фиксируемая общность являлась лишь локальным территориальным образованием Ладожской земли, население которой могло входить в собирательное название «ладожане».

Средневековая сеть расселения прибалтийских финнов на Северо-Западе в XI—XIII веках хорошо прослеживается по археологическим данным. На востоке граница проходила в районе озер Белого, Лаче и Воже, а на западе — в Причудье, на севере она шла по Терскому берегу, а на юге финские поселения доходили до Полужья. Карелы заселяли север Карельского перешейка и северный берег Ладожского озера.

Изменения в системе расселения стали происходить с конца XIII века и были вызваны экономической и политической нестабильностью в регионе. В 1293 году шведы построили в Карельской земле крепость Выборг, а в 1301 — крепость Ландскруна в устье Охты. В 1313 году в ходе дальнейших военных действий был сожжен г. Ладога. По Ореховецкому мирному договору (1323) Карелия была разделена на две части, каждая из которых в течение почти пяти веков развивалась самостоятельно. Центром шведской части стал Выборг, где закрепилась

римско-католическая вера, а центром карельской — Приозерск. Эта территория находилась в ведении Новгородской епархии; в 1329 году здесь был основан Валаамский православный монастырь, а в 1392 — Коневецкий.

В XIV—XV веках на Северо-Западе началось освоение ранее свободных территорий, лежащих в стороне от очагов первоначального расселения. Предки современных вепсов освоили Вепсовскую возвышенность и Южное Прионежье; карелы продвинулись на северо-восток и юго-восток. Заселение новых земель происходило и на Кольском полуострове; Писцовая книга 1574 года зафиксировала здесь сложение первых территориальных групп населения — понойских и еконских лопарей.

Наиболее развитыми и стабильными территориями в XV—XVI веках оставались «чудские» земли, лежащие к западу от Волхова. Водская земля значительно опережала по своему развитию другие районы Северо-Запада и Финского Севера. Именно здесь были сконцентрированы наиболее крупные селения, резко выделяющиеся на фоне типичных малодворных деревень. Наиболее крупные населенные пункты Водской земли насчитывали 64 (Пиллола) и 36 дворов (Войносела). Известно, что в начале XVI века в Толдожском погосте работали 62 мастера, занимавшиеся выплавкой железа, и 42 кузнеца, а в Каргальском погосте — 67 домников и 14 кузнецов. Они производили сошники, косы, топоры, сковороды и пр., обеспечивая потребности местного рынка. Следует также отметить, что именно в ареале расселения води вплоть до XVI века сохранялась яркая и самобытная культура, проявившаяся в бытовании народного костюма, включавшего ткани с бронзовыми украшениями и комплекс металлических укра-

шений, состоящий из цепочек, цепедержателей, одежных булавок.

Значительные изменения этнической ситуации в Северо-Западном регионе произошли в начале XVII века. В результате поражения в войне со Швецией Россия в 1617 году по условиям Столбовского мирного договора лишилась Ингерманландии (территории от реки Нарова на западе и до юго-западного побережья Ладожского озера и южной части Карельского перешейка). За время первых десятилетий иноземного владения территория Ингерманландии сильно запустела в результате миграций водского, ижорского и русского населения во внутренние районы Русской земли, и шведское правительство было вынуждено разрешить переселение в опустевшие деревни финских крестьян. Оно происходило вплоть до 1702 года. Новопоселенцами были выходцы из Восточной Финляндии, в основном из приходов Эврипяя (финны-эвримейсы) и Саво (финны-савакоты), которые прилегали к границе Нотебургского уезда. В конце XVII века финское население Ингерманландии составляло уже 23 тысячи человек.

Итоги русско-шведской войны негативно сказались и на карельском населении: в результате политического и экономического гнета, а также попыток шведских властей обратить православных крестьян в лютеранство начался «великий карельский исход» с Ладожско-Прионежской территории в Новгородские земли и Тверской край. Он проходил при поддержке и содействии Московского государства. Выходцы из Карелии были поселены на земли, запустевшие и обезлюдившие в Смутное время. С начала XVII века и до 1670-х годов с исходной территории миграций ушло 50 тысяч человек. Большая часть этого

Карел Кемского у,
в возрасте 58 лет
РЭМ 8764-11177

миграционного потока двигалась по направлению Тихвин—Новгород—Валдай—Бежецкий Верх.

С XVIII века в сложившейся системе расселения финноязычных народов стали происходить изменения. Первые указы «О расписании в Ингерманландии земли на участки для поселения крестьян (русских) и мастеровых людей» и «О правилах на раздачу в Ингерманландии земель» вышли в 1712 году. В соответствии с этими документами на свободные финские земли стали переселять крестьян из центральных губерний России, однако, процесс переселения шел весьма трудно. Ситуация стала меняться лишь после того, как помещики добились права селить своих крестьян не на пустошах, а на обработанных (финнами) участках земли, что предполагало при этом сгон с них финских крестьян, значительная часть которых уже в первой половине XVIII века числилась помещичьими или дворцовыми. Многие деревни, населенные прибалтийскими финнами, стали «огораживать природными россыпями». Однако не все финские крестьяне, выселенные на необработанные земли в леса, смогли после этого восстановить свои хозяйства. Многих из разорившихся деревень дворцовая администрация вынуждена была отпустить в отходничество. Эти крестьяне ушли в Петербург, где работали чернорабочими, каменщиками и плотниками.

После проведенной в 1732 году переписи населения стало ясно, что процесс заселения русскими крестьянами Ингерманландии шел медленно. По данным ревизии в Санкт-Петербургской губернии финны составляли 37,6% населения, ижоряне — 24%, русские старожилы — 9,6%, русские новопоселенцы — 17%. В связи с этим снова был предпринят ряд мер, ускоривших заселение округа Петербурга русскими поселенцами. Уменьшение доли сельского финского населения стало наблюдаться уже во второй половине XVIII века, к середине XIX века в Санкт-Петербургской губернии оно составляло 72 323 человека (17,7%). В конце XIX века ингерманландские финны представляли собой наиболее крупную по численности прибалтийско-финскую народность Санкт-Петербургской губернии. Финские (ингерманландские) деревни плотным кольцом окружали северную столицу. К 1897 году общая численность ингерманландских финнов достигла 130 413 человек.

Карельское население после исхода с мест своего проживания сформировалось в три основные локальные группы: северные, тихвинские и тверские карелы. Северные карелы проживали в Архангельской и Олонецкой губерниях. Поселения тверских карел в середине XIX века концентрировались в Новоторжском, Вышневолоцком, Весьегонском, Бежецком, Тверском и Зубцовском уездах Тверской губернии. По данным ревизии 1834 года, их численность составила 32 304 человека, а к 1897 году здесь числилось уже 117 679 карел. Самая малочисленная

группа — тихвинские карелы — проживала на юго-востоке Новгородской губернии. По данным 1897 года, эта группа насчитывала немногим более 1400 человек. К рубежу XIX—XX веков карельское население Северо-Запада составляло свыше 200 тысяч человек.

Первые обобщенные сведения о численности чуди (вепсы) появились после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Эта народность проживала в Петрозаводском и Лодейнопольском уездах Олонецкой губернии, Тихвинском и Белозерском уездах Новгородской губернии. Общее количество этой прибалтийско-финской народности к 1867 году достигло 25,6 тысяч человек.

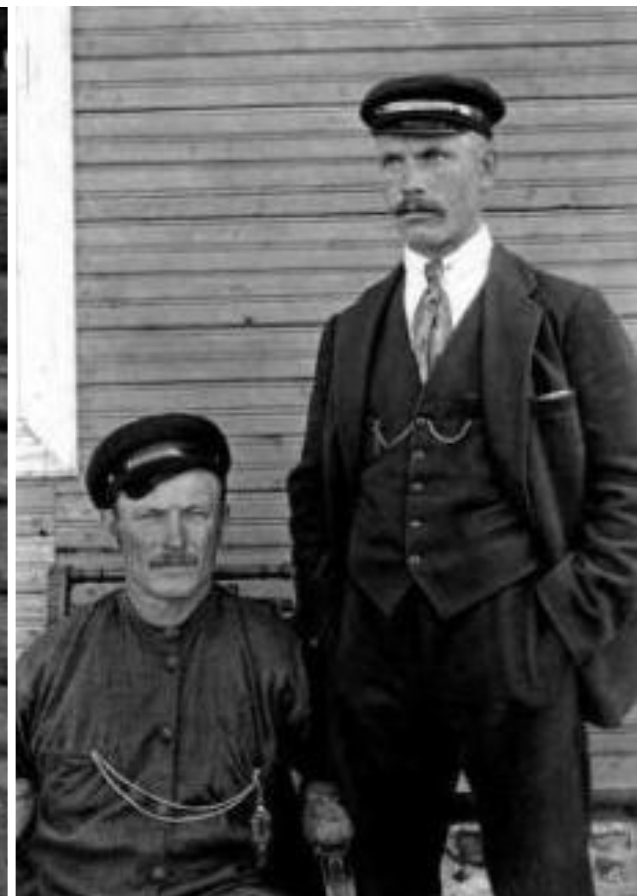
Ижорское население, по данным П. Кеппена, в 1848 году составляло 17 800 человек. Ареал расселения ижоры охватывал Санкт-Петербургский, Царскосельский, Ораниенбаумский, Ямбургский, Лужский и Шлиссельбургский уезды, а также Южно-Кексгольмский округ Великого княжества Финляндского.

Водское население к 1848 году достигало 5148 человек. Поселения вожан находились в Ямбургском и Ораниенбаумском уездах Санкт-Петербургской губернии. К началу XX века значительная часть води уже обрусела либо стала причислять себя к ижорам. Водский говор сохранялся лишь в 17-ти деревнях: Краколье, Нижние Лужицы, Виликино, Бабино, Котлы и др.

На самом севере Европейского континента проживали саамы. Локальные группы этого народа были расселены на территории Норвегии, Финляндии и России. В 1826 году в результате пересмотра границ между Россией и Норвегией в состав Норвегии вошли Нявданский погост и часть Пазрецкого погоста, ранее принадлежавшие России. Демаркация границы нарушила территориальную целостность саамских общин, разделила традиционные места весенне-летних и осенне-зимних поселений.

Российские саамы (лопары), проживавшие на Кольском полуострове, были самой малочисленной группой лопарского населения (наибольшее количество саамов проживало в Норвегии). В конце XIX века они составляли всего 21% населения полуострова. Ареал расселения саамов постоянно сокращался. К началу XX века наибольшее количество саамов проживало в селениях по реке Туломе, на Ловозере и в Иокангском погосте. Их численность составляла менее 2000 человек.

В целом к концу XIX — началу XX столетия прибалтийско-финское население рассматриваемого региона было довольно значительным. Численность ингерманландских финнов, карел и вепсов росла, сокращался лишь ареал компактного этнического расселения. Ассимиляционные процессы более активно проходили на Кольском полуострове, в западных районах Санкт-Петербургской губернии и в районах локального расселения тихвинских карел.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

В антропологическом отношении население Европейского Севера и Северо-Запада России было неоднородно и включало как европеоидные, так и лапоноидные элементы. Лапоноидный тип наиболее характерен для саамов, однако, в средневековье его еще можно было встретить и на более южных территориях (Полужье, Приильменье, Ижорское плато, в округе Малая Вишера Новгородской области). Для саамов характерны: короткая и широкая черепная коробка, лицо низкое, довольно широкое, слабо-выступающий нос, прямые и мягкие волосы, пониженная растительность на лице и теле, умеренно темная пигментация. За период многовекового общения с соседними народами (русскими, карелами и финнами) саамы утратили свои устойчивые племенные физические черты, но сохранили характерную антропологическую особенность — относительно малый рост («кольский» вариант лапоноидного типа — 155—158 см рост у мужчин).

Остальные прибалтийско-финские народности: карелы, вепсы, финны, воть и ижоры, относящиеся к беломорско-балтийской группе

(восточнобалтийский и беломорский типы) в антропологическом отношении не едины. Для вышеназванных групп «северных европеоидов» типична максимальная в мире степень депигментации волос, глаз и кожи: в процентном соотношении к общей численности населения количество светловолосых людей (вместе с русыми) составляет примерно 50—60%, а светлоглазых — 55—75%. Также для прибалтийских финнов характерен более низкий рост, меньшие размеры головы и лица, брахикефалия, относительно более низкое и широкое лицо, выступающие скулы и ряд других признаков. В составе восточнобалтийского комплекса выделяются два локальных варианта: прионежский, к которому относятся вепсы и карелы, и прилужско-сойкинский — ижоры, ингерманландские финны, воть. Внутриэтническое разнообразие вепсских и карельских популяций невелико, то есть оба этноса по антропологическому составу довольно гомогенны. Карельские группы более разнообразны, что связано с их широким расселением. Наблюдается определенное антропологическое сходство между финнами Западной Финляндии и карелами, карелами и северными вепсами, а также между карелами и ижорами. Воть же заметно отличается от своих финских соседей — она самая высокорослая группа населения Северо-Запада.

Вепсы
Новгородская губ.,
Тихвинский у.,
Пелушский погост.
Фотография
первой четверти XX в.
РЭМ 5524-142

Финны-савакоты
Санкт-
Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Кайболово.
Фотография
первой четверти XX в.
РЭМ 4544-211

Оленья стада
на выпасе
на р. Териберке
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5738-216

ЯЗЫК

Языки, на которых говорит финно-угорское население Европейского Севера и Северо-Запада, относятся к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральско-юкагирской языковой семьи. Каждый язык включает несколько диалектов. Так, в вепсском языке, самом архаичном, выделяются три диалекта: северновепсский, средневепсский и южновепсский. На северном говорят вепсы юго-западного Прионежья; средневепсский диалект охватывает территории расселения вепсов в Западном Белозерье, Приолятье, верховьях реки Капша (в этом диалекте выделяются восточные говоры деревень Пондала, Куя, Войлахта), а в Бокситогорском районе говорят на южновепсском диалекте. Вепсский язык имеет много общего с языком эстонцев-сету.

В карельском языке выделяются карельский диалект, распространенный в основной части Карелии, и два диалекта в Прионежье: ливвиковский и людиковский. Язык тверских карел (XIX в.) близок к собственно карельскому диалекту Беломорской Карелии, но отличается от прионежских диалектов. В нем выделяются три диалектные группы: козловско-рамешковская, весьегонская и зубцовская.

Язык ижоры имеет четыре диалекта: сойкинский, хэваский, нижнелужицкий и ордежский.

Саамский язык также распадается на несколько диалектных групп, значительно отличающихся друг от друга: нотозерский диалект (северо-запад Кольского полуострова), бабинский (северный берег Белого моря), кильдинский (центральная часть Кольского полуострова) и иокангский (северо-восточный берег Белого моря).

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Природные условия региона, где проживало прибалтийско-финское население, были различны. Это зоны южной, средней и северной тайги, лесотундра, горные тундры, горные безлесные массивы. Практически вся территория была покрыта густой сетью озер и рек и имела значительные лесные и промысловые ресурсы: морской и пушной зверь, рыба, тундровая, лесная и водоплавающая дичь. В соответствии с этим, у каждого из рассматриваемых народов возникло свое индивидуальное комплексное хозяйство, отличающееся ландшафтным и региональным своеобразием. Именно оно определяло весь их образ жизни и специфику культуры.

Так, у арктического народа — саамов (лопарей) основными отраслями хозяйства были оленеводство таежного типа, морское, озерное и речное рыболовство и охота на морского и пушного зверя. Каждая семья имела свое стадо оленей, рыболовные и охотничьи угодья. В соответствии с хозяйственным укладом этот народ долгое время вел полукочевой образ жизни. Характерной особенностью оленеводства Кольских саамов являлся вольный выпас оленей. Он был распространен вплоть до конца XIX века. Позже саамы перешли на организованную пастьбу. Первостепенное значение оленя в жизни этого народа оказало сильное влияние на обрядовую культуру, верования и фольклор лопарей.

Важное значение в хозяйственной деятельности саамов имело и рыболовство (оно считается наиболее древним занятием Кольских лопарей). Озерная рыба (сиг, щука, окунь, ряпушка) шла большей частью на потребление семей, а семужный промысел был основным источником

денежного дохода. Им промышляли пазрецкие, печенгские, кильдинские, вороненские, лумбовские, понойские и сосновские лопари.

В конце XIX — начале XX века часть саамов, проживавших в непосредственной близости от берегов Баренцева и Белого морей, занималась морским зверобойным промыслом. Они добывали нерпу и гренландского тюленя. Хозяйственное применение находили только шкуры и клыки этих животных; мясо в пищу никогда не употреблялось. Зимой саамы много времени отводили пушной охоте. Собравшись в небольшие артели и вооружившись луками, самострелами, а позже ружьями, они на два-три месяца уезжали в районы охоты. Добыча шла на продажу и частично использовалась в собственном хозяйстве.

Главными домашними занятиями саамских женщин являлись обработка шкур и изготовление обуви и одежды, предметов интерьера из текстиля, украшение праздничной сбруи оленей, шитье сумок и пр. Они же, в основном, занимались озерным рыболовством, собирательством. Самой любимой ягодой лопарей была морошка; заготавливали также бруснику и чернику (ягоды не сушили). Также на женщинах лежал уход за овцами (их держали из-за шерсти, а мясо старались продавать).

Финны, карелы, вепсы, водь, ижоры, проживавшие южнее, в лесных районах, также вели комплексное хозяйство. В крестьянском хозяйстве умело сочетались земледелие и животноводство, охота, рыболовство, собирательство. Женщины занимались выращиванием и обра-

Вежа – летнее жилище Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3067-8/2, 3287-15

Лопарский зимний погост Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5540-29

Приспособление для лова раковин-жемчужниц Карели. Архангельская губ., Кемский у., с. Подужемье. Фотография начала XX в. РЭМ 2635-11

Рыбаки на берегу Финского залива Водь. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Липово. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4544-35

боткой волокнистых культур, прядением и ткачеством. Однако в XIX — начале XX века наиболее значимым источником доходов населения стали лесные работы: лесозаготовка, лесосплав, переработка древесины (выгонка смолы, дегтя, углежжение).

Необходимые для жизни средства крестьяне получали от охоты и рыболовства. У всех финских народов, за исключением вепсов, добыча рыбы носила промысловый характер. Повсеместно все, что добывалось на охоте, а также заготовленные ягоды, грибы и орехи шли на продажу. В конце XIX века появились районы, специализировавшиеся на мясном и молочном животноводстве, выращивании огородных культур. Особо следует отметить ингерманландских финнов. На рынках Петербурга они торговали молоком, сливками, сметаной, «чухонским маслом», яблоками и овощами, а в начале XX века уже обеспечивали столицу картофелем.

Наиболее пригодной для земледелия являлась южная часть Северо-Западного региона. Зонами древнейшего земледельческого освоения считается Ижорское плато, Полужье и Восточное Прионежье (район озер Воже и Лаче), а также Восточное Белозерье. В лесных районах использовался подсечно-огневой способ ведения хозяйства, а на старопахотных участках — трехполье. На территории Карельского перешейка и Карелии земледелие было возможно в межсельговых понижениях и на пологих террасах. На территории Северо-Запада крестьяне выращивали различные зерновые, бобовые и технические культуры: рожь, пшеницу, овес, ячмень, горох, бобы, лен, коноплю. В огородах сажали капусту, репу, редьку, лук.

В финском хозяйстве долго сохранялся двухпольный севооборот; во второй половине XIX века во многих местах под пашню еще выжигали лесные участки. Причиной этого было малоземелье крестьян. В ближайших окрестностях Петербурга душевые наделы составляли около 4 десятин. Ограничены были также площади покосов и выгонов, что не позволяло держать большое количество скота, а, следовательно, и хорошо удобрять поля.

В районах, заселенных вепсами и карелами, преобладало подсечно-огневое земледелие. При коротком лете, примитивности сельскохозяйственного инвентаря и бедности населения это был самый рентабельный способ ведения хозяйства. С первой подсеки на жирных почвах снимали четыре урожая (два — ржи, два — овса), а на почвах худшего качества — два (рожь и овес), после чего ниву бросали и возобновляли подсеку через 15—20 лет. Подготовка подсеки требовала огромных физических усилий: вырубка специальными рубящими орудиями мелкого леса, рубка более крупных деревьев, обрубание сучьев, сжигание леса, уборка подгоревшего леса, обработка земли, сев, установка изгороди.

Сельскохозяйственный инвентарь вепсов, карел, ижоры и води состоял из архаичных по форме деревянных орудий: сохи (одни омеша без присоха) и бороны. Сохи делали из березы с развилкой на конце, а бороны — из расколотых пополам стволов молодых суковатых елей либо деревянных рам с зубьями.

Ижорскому населению сельское хозяйство обеспечивало лишь собственные потребности семьи. Основным источником существования было морское рыболовство. Мужчины занимались непосредственно ловом, а женщины пряли нити и вязали сети. На продажу шла рыба зимнего улова: салака, корюшка (ее хранили в заморожен-

ном виде). Ловили рыбу артелями. Иногда по льду доходили до финских островов. Летом ловили рыбу для собственного потребления; на лов выходили в море на парусных и весельных лодках.

Несмотря на большие трудовые затраты, урожай в «зоне рискованного земледелия» давали возможность обеспечить семьи собственным хлебом лишь на несколько месяцев. Для того чтобы прокормиться, крестьянам приходилось либо уходить на заработки, либо заниматься промыслами и ремеслами.

Девушка на косьбе
Карелы.
Олонецкая губ.,
Ведлозерский погост.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4807-74

Пастух с подпасками
Ижоры.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у., д. Липово.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4544-51

Уборка овса
на крестьянских полях
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.,
д. Боброзеро.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5524-20

Перевозка поклажи
волоком
Карелы. Олонецкая губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 63-126/1

Перевозка снопов на дровнях
в овин для сушки
Вепсы. Новгородская губ.,
Тихвинский у., д. Боброзера.
Фотография первой четверти XX в.
РЭМ 5524-25

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Для сообщения между населенными пунктами финское население региона использовало различные водные и сухопутные средства передвижения. Саамы, карелы и вепсы были известны как прекрасные ходоки, обладающие необыкновенной выносливостью: для них пройти за сутки 45—60 км было обычным делом. Летом по тропам они переносили грузы в заплечных мешках и кошельках.

По озерам, рекам и прибрежным участкам морей перемещались на лодках. У саамов издавна были распространены очень легкие, сделанные из тонких сосновых или еловых досок килевые лодки. По швам они скреплялись высушенными оленьими жилами или вицами — гибкими свежими прутьями. Шитые лодки также типичны для проживавших вблизи моря финнов, карел, ижоры и води. Во внутренних районах, особенно у вепсов и тверских карел, основными водными средствами передвижения служили долбленые лодки-однодеревки и парные ройки.

По суше в конце XIX века передвигались на полозных и колесных транспортных средствах. Одним из древнейших средств передвижения были саамские «кережи» — сани в виде лодки со срезанной кормой; в центре этих саней располагался гнутый полоз. Кережи использовали и карелы, проживавшие в северных районах. У финнов, карел и вепсов, ижоры и води в XIX веке наряду с различными типами саней широко бытовали простейшие «волокуши» — два березовых полоза с загнутыми передними концами, соединенные перекладинами. Следует отметить, что во многих вепских деревнях такими волокушами-смычками пользовались круглогодично.

В каждой местности в зависимости от ландшафта были выработаны свои типы саней, предназначенные для разных целей: перевозки дров, леса, сена, выездные. Так, ингерманландские финны использовали зимой длинные узкие легкие сани, на которых было удобно передвигаться по льду Финского залива и искривленным дорогам, а на праздники запрягали лошадей в маленькие низкие сани — вейки. Колесные средства передвижения в районах с сильно пересеченной местностью, удаленных от городских центров, появились лишь в конце XIX века. Причем преобладали двухколесные одноколки: на них было легче объезжать камни, ямы и ухабы.

Двухколесная телега
Ижоры.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Гамолово. Фотография
первой четверти XX в.
РЭМ 4544-74

Постройка лодки
на берегу озера
Финны-савакоты.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у., д. Вейно.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4544-28

Карельский
ткацкий стан
Карелы.
Олонецкая губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 63-12

Девочки
за прядением
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5524- 97

Образцы
традиционного
народного
ткачества
и вышивки:
карелы, ижоры,
ингерманландские
финны
Из собрания РЭМ

Гончар за работой
Вепсы. Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у., д. Надпорожье.
Фотография первой четверти XX в.
РЭМ 4630-22

Изделия оятских
гончаров
Вепсы.
РЭМ 8417-157, 179

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Широкое распространение дополнительные занятия крестьян получили со второй половины XIX века. В лесных районах развивались промыслы, связанные с обработкой древесины: изготавливали средства передвижения, домашнюю и дорожную утварь, мебель, орудия прядения и ткачества, обувь и пр. Дополнительный заработок приносили также промыслы, связанные с обработкой кож и крашением тканей, добычей и обработкой природного камня. Там, где имелись залежи глины, пригодной для изготовления керамики, зарождалось гончарство. Так возник керамический завод, а затем и промысел на реке Оять (вепсы), гончарный центр в д. Большое Стремленье (ижоры), первое гончарное производство ингерманландских финнов в деревне Горка и ряд карельских гончарных центров у северных и тверских карел. Именно на базе гончарства на Северо-Западе возникли наиболее крупные ремесленные центры.

Финский гончарный промысел в деревне Горка Царскосельского уезда (недалеко от поселка Вырица) возник в 1860-е годы. Он был заимствован от русских крестьян, основавших вблизи финского поселения новую деревню Каушта. Именно они обнаружили в лесу глину, пригодную для гончарного производства. Первую мастерскую в Горке построил наемный работник из Каушты, а затем он же обучил своего нанимателя гончарному ремеслу. Гончарным промыслом финны занимались в свободное от сельскохозяйственных работ время. Работали на ножных гончарных кругах. Ассортимент выпускаемой продукции был небольшой: горшки для приготовления пищи, миски, чайники, емкости для горчицы, вазы и цветочные горшки. Для практичности кухонная и столовая посуда покрывалась марганцевой или свинцовой поливой.

Ижорские гончары заимствовали навыки производства керамических изделий у новгородских мастеров. В конце XIX — первой четверти XX века в Кингисеппском уезде гончарством

Игрушки-свистульки
Ижоры.
Санкт-Петербургская губ.,
Кингисеппский у.
Первая четверть XX в.
РЭМ 4460-89, 4983-62

занимались крестьяне деревень Большое и Малое Стремленье Сойкинской волости, а также выходцы из этих поселений, переселившиеся в Евсееву Гору, и крестьяне деревни Головкино (здесь производили более грубую посуду). Сырьем для изготовления ижорской посуды служила глина, добываемая в холмах, расположенных недалеко от Большого Стремленья. Однако через несколько десятилетий ее запасы иссякли, и гончарам пришлось возить сырье из месторождения у деревни Гаркалово. Оттуда же привозили песок для изготовления формовочной массы.

Производством керамики у ижор занимались мужчины; женщины принимали участие только в процессе глазурования посуды: они обмазывали горшки дегтем перед нанесением на них свинцово-марганцевой смеси — «полив». Весь процесс изготовления изделий из глины проходил в небольших мастерских с горном, располагавшихся в стороне от деревни: здесь месили глину, мастера-гончары вытачивали на ручных и ножных кругах посуду — печные горшки, крынки, сосуды для топления масла, квашни, солонки, рукомойники, кувшины, формы для выпечки, цветочные горшки. Ручные гончарные круги использовали только для формовки «черных» обварных горшков. Молодые парни при помощи щепки наносили на посуду орнамент, приделывали ручки, носики и лепили детские игрушки.

Посуда, шедшая на продажу в город, обрабатывалась более тщательно, чем изделия, предназначенные для местного рынка: Сойкинской, Котельской и Наровской волостей. В конце XIX века десять горшков стоили 40 копеек, однако, прибыль от занятий гончарством была невелика, так как из-за несовершенства горнов 1/3 продукции (800—1500 изделий) составлял брак. Бракованные горшки не выбрасывали, а продавали по копейке за штуку крестьянам, в доме которых намечалась свадьба: их покупали для использования во время свадебного действия.

Оятский гончарный центр — один из старейших в Санкт-Петербургской губернии. До открытия Новосельского гончарного завода (1827) местные гончары изготавливали посуду на ручных гончарных кругах из огнеупорных и материковых жирных глин серого и сиреневого цветов. Красную и желтую глины, так называемую «оятскую терракоту», стали использоваться в домашнем гончарстве со второй половины XX века. Их добывали по берегам рек Оять и Ащина. Лучшие сорта наиболее ценной желтой глины находились у деревни Регмасово. Центром производства керамики стали деревни Соцкого погоста.

По данным 1880 года гончарным делом в Приоятье занимались 342 крестьянина. Они

изготавливали печную и столовую керамику, игрушки-свистульки, статуэтки. Глиняные изделия покрывались поливой и орнаментировались белой глиной и марганцем. Местная посуда вывозилась на продажу в Тихвинский, Новолодожский, Шлиссельбургский уезды, Санкт-Петербург, Карелию, Вологодскую губернию и даже в Финляндию. Сбыт гончарных изделий зависел от степени достатка кустарей. Беднейшие гончары продавали свои изделия скупщикам; более состоятельные зимой сами разводили посуду по деревням и ярмаркам, а весной на лодках переправляли товар в отдаленные районы, распродавая по пути следования. Главными скупщиками оятской керамики в XIX веке были карелы из деревни Кондуши Видлицкой волости. Они возили приобретенную посуду на лодках в Финляндию, где 100 «судовок» продавали за 9—10 рублей.

Менее всего среди прибалтийско-финского населения были развиты женские промыслы — прядение и ткачество на продажу, что было обусловлено недостатком местных сырьевых ресурсов: льна и конопли. На рынок главным образом поставлялись кружева для простынь и полотенец, половики (вепсы, карелы), вязаные изделия (финны, карелы). Только в Тверской губернии женские занятия достигли уровня ремесла; здесь было развито золотошвейное производство и узорное ткачество. Женское население Ингерманландии находило себе дополнительный заработок в Петербурге (няньки, прачки, «черные» кухарки) и в окрестных имениях; молодые девушки и женщины работали в качестве прислуги и нанимались на сезонные работы в крупные огороднические хозяйства и теплицы. Отходничество в конце XIX века получило распространение и у карельских женщин. Они занимались перепродажей вещей, приобретенных в Петербурге.

Ремесла среди ингерманландцев были развиты слабо. По финским деревням ходили мастера из Финляндии, которые выполняли плотницкие и столярные работы — делали мебель для крестьянских домов, утварь, шили обувь и верхнюю одежду. Финские мужчины для того, чтобы заработать необходимые средства на жизнь, уходили на заработки в Петербург, где работали трубочистами, вывозили нечистоты и снег, занимались извозом и катанием петербуржцев на санях. Одним из промыслов, приносящих хороший доход финским крестьянам, было устройство ледников и заполнение их льдом. Эти работы выполняли артелями; лед кололи на Неве и на лошадях доставляли его к заказчикам. Крестьяне водских и ижорских деревень с целью заработка занимались доставкой соли из Выборга, продажей кофе в Нарву, развозили по деревням спички и папиросы.

Лопать прядки
Карелы.
Архангельская губ.,
Кемский у., д. Ушково.
1827 г.
РЭМ 3627-11

Обрядовые
полотенца
Карелы, ижоры.
Тверская и Санкт-
Петербургская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 8762-30437,
8762-30438, 7792-8

Подобные полотенца
использовались
в свадебной,
родильной и
погребально-
поминальной
обрядности.
Их вышивали
девушки в приданое.
В орнаменте
представлены
мифологические
персонажи и
соллярная символика.

Женщина за прялкой
Финны-савакоты.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4544-69

Прялка
Ижоры.
Санкт-Петербургская губ.,
Петергофский у. 1862 г.
РЭМ 8761-15252

Изба и комплекс хозяйственных построек Вепсы. Олонецкая губ., Лодейнопольский у. Фотография начала XX в. РЭМ 3066-4

На с. 233

Черная изба с волоковыми окнами и косячатым окном Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5524-98

Амбар на подставках Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4878-56

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Разнообразные природные условия, в которых проживали саамы, финны, карелы, вепсы, ижоры и водь, обусловили появление различных типов населенных пунктов и построек у этих народов. Низовой территориальной, административной единицей у православного населения был погост, у лютеранского — приход. Они располагались в центрах сельского расселения. Культовые постройки возводились на площадках, являвшихся центрами композиционного восприятия куста поселений. Планировка населенных пунктов в первую очередь определялась ландшафтом.

Так, зимние поселения лопарей находились в глубине тундры (у погостов), вблизи лесов. Летние поселения располагались на берегу моря или на приустьевых участках рек. Сезонные населенные пункты были связаны между собой проселочными дорогами, а в снежное время зимниками. Для маркировки путей сообщения на высоких местах ставились дорожные знаки — груды, сложенные из плитняка, и вехи.

Поселения карел, вепсов, ижоры и води располагались вблизи водоемов — по берегам рек, ручьев и озер, а на водоразделах — при родниках и колодцах. Ижорские и водские деревни имели рядовую планировку. Характерной особенностью большинства вепских населенных пунктов являлось отсутствие какого-либо плана и

порядка расположения домов. Рядовую планировку имели только деревни, вытянутые вдоль берегов крупных рек. Почти каждый вепский населенный пункт имел по два, три и даже четыре названия (географические и по имени основателя деревни). Все постройки в деревнях ставились с учетом микрорельефа местности. У карел были известны различные типы поселений: уличные, рядовые, гнездовые. Большинство поселений карел, вепсов, ижоры и води были многодворными. Старинные финские поселения имели свою этническую специфику — одиночные усадьбы на пригорках. Наиболее распространенными были селения в 5—10 дворов. Иногда дворы одного поселения находились на расстоянии версты друг от друга.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

На протяжении XIX века у финнов еще сохранялись старинные типы жилых построек, например, пырь, представляющая собой сруб-четырёхстенок с плоской односкатной крышей; сверху сруб засыпали землей, а крышу покрывали торфом. К жилому помещению были пристроены маленькие сени и небольшое нежилое помещение. На смену архаичным постройкам пришли бревенчатые дома с низкими подклетами и двухскатной крышей. При строительстве домов почти всегда применялся наиболее древний способ рубки углов с остатком «в угол». Избы строили из сосны, ели. В банях нижние

Огороды и хмельник
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5524-45

До начала XX в.
в вепсских деревнях
преобладали срубные
курные избы с сильно
выступающим
над лицевым фасадом
двухскатным навесом
остроконечной крыши
и подклетом —
нижним помещением
без окон,
использовавшимся
для хранения утвари,
сельскохозяйственных
орудий и продуктов.

венцы делали из осины. Крыша жилища покрывалась соломой либо тесом, позже — гонтом. Дом разделялся сенями на две половины. Направо из сеней — изба, налево — чистая горница и узкая комната, служившая для хранения молока и других продуктов. Световые отверстия закрывались деревянными задвижками. Только у богатых крестьян окна были слюдяные. Печь в избе топилась «по-черному». Она располагалась в левом углу при входе. Перед печью устраивался открытый очаг, напротив устья прорезалось окно.

В финских крестьянских усадьбах иногда строили отдельно стоящие клети — жилые летние бревенчатые домики на одного человека или семейную пару: они использовались для ночлега в теплое время года. Внутри таких помещений были сделаны нары, либо стояла одна кровать. Специально для хранения особо ценных вещей напротив изб ставились маленькие бре-

венчатые амбары самцовой конструкции, где девицы хранили сундуки с приданым. Большие амбары строили с выносом крыши с торца (над входом). Хозяйственную часть крестьянских усадеб дополняли летние кухни, коровники с санными сараями, риги и погреба.

У саамов были широко распространены каркасные постройки из жердей, покрытых древесной корой и дерном, — вежи. В конце XIX века вежа имела форму усеченной четырехгранной пирамиды. Зимняя срубная однокамерная постройка — пырь — появилась у лопарей в результате контактов с русскими, карелами и финнами. Она имела плоскую, чуть наклоненную крышу из досок, которая покрывалась дерном; внутри находился камелек с открытым устьем. Во время сезонных перекочевков саамы жили в конических постройках из жердей, покрытых парусиной, — куваксах. Из хозяйственных построек широко были распространены амбары

Кережи и сани
перед амбаром
Саамы.
Архангельская губ.,
погост Умбозеро.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3684-1

Амбар
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5688-6

Дом, соединенный
с двором, под
соломенной крышей
Водь.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4719-12

Крестьянская изба
Карелы.
Олонецкая губ.,
д. Рыпушкалицы.
Фотография XIX в.
РЭМ 4807-34

Вид летнего
Пазрецкого
погоста
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография
первой четверти
XX в.
РЭМ 5754-3

Дом с каменным амбаром Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Липово. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4544-138

на столбах и кладовые-погреба, заполненные льдом и снегом (в них хранили бочки с рыбой).

Характерной особенностью севернокарельского жилища была значительная высота сруба. Избы строились на высоком подклете, без фундамента; под углы дома укладывались валуны или вкапывались толстые бревна-сваи. Хозяйственные постройки, и, в первую очередь, амбары, отличались большим разнообразием форм. Карелы (ливвики и людики) большое внимание уделяли резьбе и росписи. Скосы крыш украшали досками-причелинами; фронтоны — декоративными балкончиками, а окна — наличниками. Карельские избы всегда содержались в исключительной чистоте. Карелы, вышедшие в XVII веке из-за «свейского рубежа», принесли в Тверской край традиции развитой высокой постройки северного типа. В XVIII веке во многих местах Бежецкого, Вышневолоцкого и Тверского уездов еще строились черные высокие избы самцовой конструкции с подклетами и волоковыми окнами. Во второй половине XIX века появились дома с мезонинами, декоративными балкончиками, крыльцами, богато украшенными глухой и пропиловочной резьбой.

В первой половине XIX века для построек ижор был характерен «круглый» замкнутый двор с открытым пространством внутри. Он был ограничен с одной стороны избой с сенями, с другой — крытыми с навесом воротами, а с третьей и четвертой — хлевами, сараем, амбаром и прочими хозяйственными строениями. На рас-

стоянии от дома, часто через дорогу, ставили клеть. Жилище состояло из избы с печью и холодных сеней. Часто встречались трехкамерные жилища, состоящие из двух изб, соединенных сенями. Печь располагалась в углу при входе, чаще справа, устьем к боковой стене.

Избы строили из толстых бревен на невысоком подклете. Крыши были четырехскатными, стропильной конструкции. Для покрытия крыш использовались солома либо щепы. Торчащие концы каждой пары жердей, перекрещивающиеся над коньком, вырезали в виде птичьих голов. На фронтоны дома крест-на-крест прибывали доски с концами в виде лошадиных голов. В отличие от финских домов, ижорские и водьские имели более развитый внешний декор. Резьбой украшали наличники, ветровые доски; ставни делали филиченчатыми и нередко расписывали масляной краской. Верхние карнизы наличников, подоконные доски и полотенца украшали выемчатой и контурной резьбой.

Высота амбаров самцовой конструкции в ижорских деревнях доходила до 25 венцов по бревенчатому фронтоны. Амбары строили из более тонких бревен, чем избы, поэтому для защиты от холода и ветра снаружи стены прикрывали пучками хвороста, вертикально поставленными и тесно прилегающими друг к другу. Крыша амбаров покрывалась соломой — «снопиками». Углы с остатком были обрублены в шестигранник. На задах деревень стояли риги с гумнами. Они представляли собой большое пря-

Р. Габе Резной наличник на окне карельского дома Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у. Акварель. 1920-е гг. РЭМ 5230-18

моугольное в плане строение; крыша держалась на столбовой конструкции. С двух или трех сторон риги находились крытые навесы; для их поддержания использовали плохо обработанные стволы деревьев с остатками сучков. Бани, по возможности, строили на берегу реки. Они были курными; печь-каменка складывалась в углу при входе. В старинных банях предбанника не было.

Постройки вепсов различались в зависимости от территории расселения этой народности. Так, жилище северных вепсов отличалось от жилищ вепсов, проживавших южнее Свири. Северновепские постройки по типу были ближе к карельским.

До начала XX века в поселениях средних и южных вепсов преобладали курные избы. Печи в таких избах занимали значительную площадь жилого помещения, так как они служили местом для сна, хранения припасов, а также заменяли вепсам бани. Для выведения дыма из жилого помещения в крыше делали отверстие и вставляли в него полый ствол осины. Дома строились с высокими подпольями; крыша имела самцовую конструкцию; покрытие соломенное. Старинные избы на фронте имели одно-два окна. Избы соединялись с хозяйственной частью: двором, санным сараем, хлевом. В плане такие постройки имели однорядную, Г-образную и Т-образную связь.

Зажиточные крестьяне во второй половине XIX века украшали фронтоны своих домов декоративными резными решетками у чердачных окон и досками-причинами по скосам крыши. На окна ставили наличники с выемчатой резьбой. Крыльца строили на высоких столбах-опорах. Они были с односкатными и двухскатными крышами. Крыльца также имели богатый декор. Наиболее архаичными были постройки южных вепсов.

Вепские дома всегда соединялись с двором в единый комплекс. Дворы были двухэтажные, со «взвозом» — настилом из плах, ведущим на второй этаж постройки со стороны улицы. На первом этаже двора (у дальней стены) располагался рубленый хлев, у одной из боковых стен — загон для овец. На втором этаже хранилось сено и различная крупногабаритная утварь. Перед фасадом избы ставили маленький амбарчик самцовой конструкции; торцы бревен были обрублены в шестигранник. Чуть в стороне стояли большие амбары: одноэтажные и двухэтажные. Часто амбары делали с большими выносами крыши; под ними устраивали навесы на столбах. Комплексы для обработки зерновых строили в низинах, подальше от деревни. Как правило, одной ригой с гумном пользовались несколько семей.

ИНТЕРЬЕР

Интерьер финской избы был небогатый: по стенам стояли скамьи, опирающиеся на толстые пни; у стены между печью и лицевой (фасадной) стеной стояла кровать (у зажиточных крестьян). Старинные кровати были приставными: у них было всего две ножки с одной стороны, а другой стороной они опирались на стенную скамью. В конце XIX века кровати стали делать уже с четырьмя ножками. Иногда к задней стене избы пристраивали нары — роватит, которые тоже служили спальным местом. В домах, где не было ни кроватей, ни нар, спали на лавках и на печи. В избе держали несколько приставных лавок. Помимо общих мест для сидения использовались маленькие трехногие скамьи, вырезанные из ствола ели. Столы были невысокие с подстольями и выдвигаемыми ящиками. Стол укреплялся на специальные полозья для того, чтобы его было удобнее передвигать по избе. Освещалась изба при помощи сосновой лучины, которую вставляли в металлические светцы. Светцы были настенные и напольные. В зажиточных семьях в конце XIX века стали появляться оловянные подсвечники и деревянные «люстры» с сальными свечами. В это же время в интерьере финской избы появились настенные картинки в рамках с изображением кирхи, святых.

Живописное описание небогатого финского жилища приводит в своей статье В. Пасек (1842): «Изба финна немного просторнее бани, но по виду и предметам своим совершенно подобна ей. Внутренность избы представляет посетителю странную картину: стены и пол, сколоченные из неотесанных бревен и досок сосновых, черны, как уголь, от дыма. Редко видна крыша, ее засло-

Интерьер избы зажиточного крестьянина Карелы. Архангельская губ., Кемский у., д. Варта-Ламбина. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5033-19

Девушки
в народных костюмах
Водь.
Ямбургский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4719-7

няет облако дыма; в крыше сделано дымовыводное окно. Окна в избе волоковые. Крупные сосновые дрова в печи пылают широким пламенем; комната освещена: в стене воткнуты горячие лучины, поддерживаемые светцами. Женщины сидят за прялками или работают — кто за кадкой с тестом, кто за горшком. Мужчины делают корзины, сани, лыжи (...) толпа ребятишек лежит на печи. Куры и петух в избе».

В ижорском и водском жилищах печь располагалась в углу, при входе (чаще справа). Устье печи было обращено к боковой стене. В углу шестка находился подвесной котел. Он висел на цепи, укрепленной на перекладине, врезанной концами в стену и угловой печной столб. С середины XIX века в зажиточных домах появились «белые» печи, их стали складывать по «финскому образцу» — с колпаком в виде усеченной пирамиды. У задней стены избы устраивались спальные места — нары. Со временем их сменили кровати. Здесь же крепилась подвесная люлька для новорожденного. Вдоль торцовых стен были установлены лавки. Слева от дверей либо в сенях крепили своеобразные вешалки для одежды — еловые стволы с сучьями. Стол стоял по диагонали от печи — в «чистом» углу. Здесь же висел киот, украшенный вышитым полотенцем.

Интерьер карельской избы последней четверти XIX века можно представить по описанию исследователя карельского быта П.П. Покров-

ского: «При входе в избу направо или налево, смотря по устройству жилища, устраивается печь, вокруг избы — лавки и полки, в одном углу — род посудника, в переднем углу — киот с образами, посреди избы — стол с ящиком (...) черные печи в настоящее время вытесняются русскими белыми печами, и в жилищах карел начинает поддерживаться опрятность и чистота». Белые печи складывались с открытым очагом, устьем к боковой стене. У северных карел рядом с устьем «русской печи» устраивался камелек — очаг с отдельным дымоходом для приготовления пищи и освещения. Согласно традиции, стол в карельском доме ставили торцом к среднему окну фасадной стены.

Жилище вепсов в XIX веке характеризуется бедностью интерьера. Значительную часть избы занимала большая «черная» печь. Как правило, она располагалась в правом углу от входа. Напротив двери, между двумя окнами, стоял стол. Вдоль трех стен тянулась сплошная лавка. Она была довольно узкой и неудобной для спанья. Рядом с печью висел рукомойник, а под ним стояла кадка для грязной воды и помоев. Часть избы, идущая от печи вдоль боковой стены, отделялась занавеской. Здесь были женское и детское места. Над лавкой вдоль боковых стен шли полки, на которые ставили горшки и убирали ненужную мелкую утварь. По диагонали от печи в «святом углу» висел киот, окрашенный чаще всего в синий цвет.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Костюмные комплексы финно-угорских народов Северо-Запада формировались на протяжении длительного времени. В XIX веке они еще сохраняли свою этническую специфику, которая во многом определялась особыми природно-климатическими условиями, хозяйственно-бытовым укладом жизни и территориальным расположением того или иного народа.

В самом суровом климате проживали саамы. Поскольку они вели полукочевой образ жизни, их одежда была приспособлена для постоянного пребывания на открытом воздухе. В зависимости от места расселения саамская одежда имела свою специфику, которая выражалась в типе головных уборов, цветовой гамме и отделке костюма. Для саамов, проживавших на территории Финляндии и Норвегии, был характерен наиболее яркий костюм. Верхняя одежда изготавливалась из однотонного синего или черного сукна и имела богатый декор. Цветовая гамма костюма кольских саамов была более сдержанной. Различают два типа саамского костюма — летний и зимний, в каждый из которых входила повседневная и праздничная одежда. Нательной одеждой саамов была рубаша с длинными рукавами и штаны. Рубашу шили из хлопчатобумажной ткани, а штаны — из полотна. Поверх нижней рубашки в теплое время года надевали верхнюю плечевую одежду из сукна. У женщин она

была белого цвета, у мужчин — серого. В холода поверх нижней рубашки надевали печок — одежду из оленьих шкур, сшитую мехом наружу и стянутую у ворота шнурком. Мужской печок имел длину ниже колена, женский — до щиколотки. Верхнюю одежду подвязывали поясами или ремнями. Штаны шились из сукна, замши и кожи. Зимой мужчины и женщины носили глухие меховые штаны. Летними головными уборами мужчин были вязаные колпаки, а у женщин — шамшура — мягкая шапочка из красного сукна с жестким выступающим очельем и поднизью, поверх которой надевали головной платок. Девушки носили перевязку (повязку) из красного сукна. Женские и девичьи головные уборы богато расшивались бисером, стеклярусом, бусинами, позументными лентами. Зимние головные уборы (глубокие шапки с небольшими наушниками) мужчин и женщин изготавливались из ткани и меха либо были полностью меховые. Они также украшались бисером, лоскутом и пуговками. Зимний костюм дополняли рукавицы — койбенцы из меха или вязаные из шерсти вареги. В состав традиционного саамского костюма входили несколько видов обуви: кеньги — летняя обувь в виде башмаков с мягкой подошвой и заостренными, приподнятыми вверх носками, яры — зимняя обувь в виде длинных сапог из шкур молодых оленей шерстью

Девушка в традиционной зимней одежде Саамы. Архангельская губ., Кольский у., Иоканьгский погост. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5713-8

Женщина в старинном праздничном костюме и мужчина в повседневной одежде Карелы. Олонецкая губ., д. Судалицы. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4807-14

Крестьянка в праздничном костюме Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Куровицы. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4833-4

наружу. Праздничный костюм отличался от повседневной одежды более богатым декором.

Традиционный костюм ингерманландских финнов является наиболее ярким этническим и территориальным маркером материальной культуры этого народа. Дольше всего старинная одежда бытовала у женщин. Женский праздничный костюм эвримейсов состоял из белой рубахи с трапециевидной или прямоугольной вышивкой на груди — рекко, рубаха имела длинные рукава, богато украшенные старинной вышивкой. Поверх рубахи надевались высокая юбка синего цвета и короткий лиф. Юбка подпоясывалась тканым или вышитым поясом. На голову женщины надевали головной убор хунту, а девушки — повязку в виде обруча. Костюм женщин из савакотских деревень отличался рубахой, которая шилась из белой ткани и имела округлый ворот с разрезом спереди. Савакотки носили продольно-полосатые юбки и безрукавки, а на голове — белый чепец лаки. Мужской костюм ингерманландцев состоял из белой полотняной рубахи, безрукавки, брюк, кафтана, сапог и войлочной шляпы с широкими полями. До середины XIX века кафтаны были коричневого и синего цветов, а позже — белого и серого.

Кафтаны шили в талию, с клиньями. Теплой одеждой служили поддевка и шуба из овчины. Зимой в морозы на голову надевали меховые шапки с длинными ушами. На ногах мужчины носили башмаки, сапоги и берестяную обувь, женщины — мягкую кожаную обувь и туфли.

У ижоры в XIX веке бытовали три разных варианта женского праздничного костюма. Комплекс старинной одежды состоял из полотняной рубахи туникообразного покроя с длинными рукавами, украшенными вышивкой, верхняя часть рубахи шилась из узорного тканья. Рубаха застегивалась на металлическую фибулу. Поверх рубахи надевали плечевую одежду ануа — прямоугольное шерстяное полотнище синего цвета с ляжкой; на голову — длинный полотенчатый головной убор из льняной домотканины — сапан, украшенный вышивкой, кружевом, узорным тканьем. Ануа подпоясывали поясом. На ногах носили кожаные туфли с чулками. Поверх чулка ноги обертывали суконными обмотками красного цвета — рива и подвязывали их оборями. Во второй половине XIX века у ижоры бытовал еще один вариант женского костюма, который носили молодые женщины до рождения первого ребенка. Он состоял из полотняной

Мужчина и женщина
в традиционной одежде
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Фотография начала XX в.
РЭМ 3067-23

Молодые женщины
в праздничных
костюмах
Водь.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у., д. Пески.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4833-9

Девушки
в праздничных
костюмах
Финны-савакоты.
Санкт-
Петербургская губ.,
Колтушский приход
Полевые
материалы автора

рубahi с прямоугольной нагрудной вышивкой, несшитой юбки узорного тканья — хурстуксет, головного убора типа распашной сороки, украшенного вышивкой. Головной убор носили с височными украшениями — ушника: это была полотняная лента с концами, расшитыми бисером или стеклярусом. Одежду подпоясывали кожаным поясом с оловянными накладками. Также на поясе носили подвески каттерит — две полосы ткани, расшитые рядами желтого и зеленого бисера, медными жетонами или бубенчиками и раковинами каури.

В конце XIX столетия в состав ижорской женской одежды вошел сарафан. Появление этого вида плечевой одежды привело к изменению всех остальных частей костюма. Рукава женских рубah стали короче, изменилась вышивка на их оплечьях. Головной убор стал более многоцветным. На смену кожаному поясу пришел тканый. По праздникам поверх сарафана надевали передник с рукавами, украшенный вышивкой.

Мужской ижорский костюм был похож на костюм ингерманландских финнов. Он состоял из белой рубahi с разрезом спереди, безрукавки, штанов (льняные, суконные) и кафтана. Летом носили кафтаны из льняной домотканины, а в холодное время года — из валяного сукна.

До середины XIX века мужские штаны были короткие, до колена. Головными уборами ижорских мужчин служили шляпы с широкими полями и меховые шапки.

Старинный женский костюм води был похож на ижорский. Он состоял из нижней рубahi, верхней короткой рубahi из полотна с разрезом сзади, пояса и поясных подвесок, передника и длинного полотенчатого головного убора с платком, завязанным особым образом, — кукка. На ногах вожанки носили мягкую цельнокроеную кожаную обувь, башмаки, чулки и наговицы. Мужской костюм води не отличался от финского и ижорского.

В состав женской одежды карел и вепсов входил сарафанный и юбочный комплексы (повседневная и рабочая одежда). Сарафанный комплекс состоял из рубahi, косоклинного или прямого сарафана, передника (у женщин), головного убора — кокошника, повойника, сороки, венков, платков, а также обуви — сапог, туфель, мягкой цельнокроеной и берестяной обуви. Этническая специфика вепских и карельских костюмов проявлялась в крое и отделке изделий. Мужская одежда карел и вепсов была похожа на одежду русского населения.

Девичий
праздничный костюм
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.
Начало XX в.
РЭМ 345-7, 13, 18, 5120-17

Женский
праздничный костюм
Карелы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.,
д. Утlikово.
Конец XIX в.
РЭМ 3024-1, 2, 3

Поясные женские
подвески каттарет
Ижоры. Санкт-
Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Малое Куземкино.
Первая половина XIX в.
РЭМ 4984-17

Поясное полотенце –
часть праздничного
костюма
Ижоры. Санкт-
Петербургская губ.,
Ямбургский у.
Конец XIX в.
РЭМ 4984-19

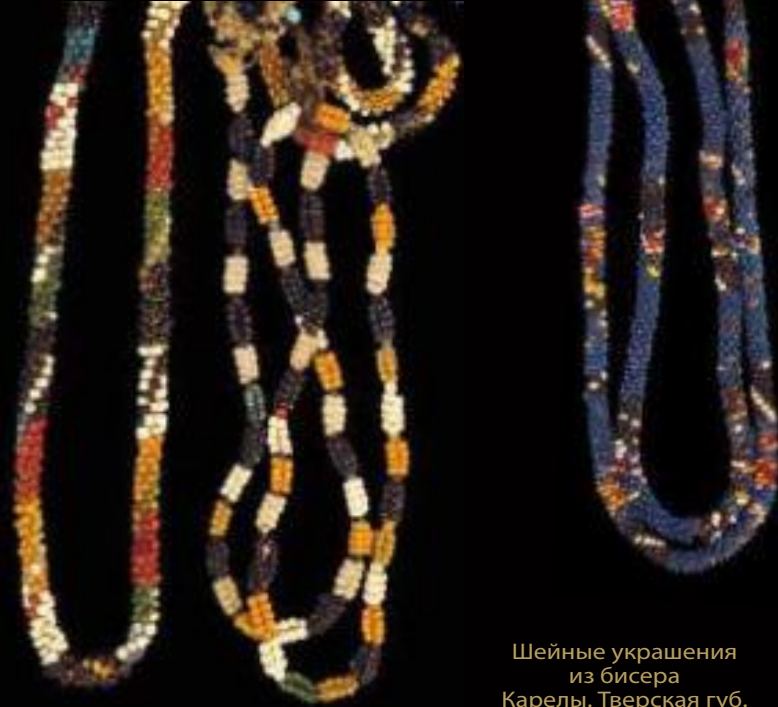
Девушки
в старинных жемчужных
головных уборах
Карелы. Олонецкая губ.,
Олонецкий у.,
д. Шоккалы. Фотография
первой четверти XX в.
РЭМ 4807-13

Девушки в праздничной
одежде городского покроя
Вепсы.
Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у.
Фотография начала XX в.
РЭМ 3066-15

Шейные украшения
из бисера
Карелы. Тверская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8762-30410, 30414, 30416

Вышивки
на женских
головных уборах
Карелы.
Тверская губ,
Весьегонский у.
Вторая половина
XIX в.
Из собрания РЭМ

Сумочка
из лоскута
для рукоделия
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
РЭМ 6794-41

Сумочка
из меха и замши
для швейных
принадлежностей
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.,
Иоканский погост
РЭМ 4848-92

Куклы
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский п-ов.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский головной
убор шамшура
Саамы.
Архангельская губ.,
Кольский у.
Конец XIX в.
РЭМ 4037-33

Рукавицы женские
Саамы.
Архангельская губ.,
Кильдинский погост.
Начало XX в.
РЭМ 4848-87

Мужской зимний
головной убор
Саамы. Архангельская губ.,
Александровский у.
Печенгский погост.
Начало XX в.
РЭМ 444-17

Женская обувь каньи
Саамы. Архангельская губ.,
Кольский у. Конец XIX в.
РЭМ 1507-7

Женщина,
ставящая в печь
чугун
Карелы.
Олонецкая губ.
Первая четверть
XX в.
РЭМ 4807-77

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Пища является основным элементом системы жизнеобеспечения. Ее специфика зависела от многих факторов, но, прежде всего, от хозяйственного уклада жизни этноса, природных и социально-экономических условий. Традиционная кухня — это наиболее употребляемые и широко распространенные среди народа блюда. Навыки их приготовления передавались из поколения в поколение и сохранялись на протяжении многих веков.

В традиционной пище саамов основную роль играли мясные и рыбные продукты. Так как у них в основе хозяйства лежало оленеводство, то основным источником животного белка было мясо оленя. Его употребляли в вареном, вяленом, замороженном и соленом виде. В пищу шла вся туша оленя, за исключением головы и легких. Деликатесами считались мозги, сердце, язык, желудок и грудинка. Летом и осенью основу питания саамов составляла рыба. Из рыбы варили суп, жарили на открытом огне на палочках. Супы саамы ели особым образом: специальной деревянной лопаткой с прорезью сначала вылавливали мясо или рыбу и съедали, а потом разливали по чашкам бульон и выпивали. Кроме мяса и рыбы Кольские саамы употребляли в пищу дичь. Из растительных продуктов наиболее распространена была ржаная мука, ягоды, сосновая каша (крупя из заболони сосны). Из муки пекли пресные лепешки. Любимым напитком саамов был чай (из чаги).

В питании карел одно из первых мест занимала рыба. Мясо ели, в основном, в осенне-зимний период. Молоко и молочные продукты употребляли в свежем виде и заготавливали впрок. Основным пищевым продуктом на крестьянском столе был хлеб, который выпекали из овсяной, ржаной и ячменной муки, и каши. Для заготовки впрок карелы выпекали специальный хлеб в виде округлой лепешки с отверстием посередине. Его нанизывали на палку, подвешенную к верхней части печи, и так хранили. По праздникам пекли пироги с различными начинками и калитки. Любимым выпечным изделием карел был пирог-рыбник. Из овощей употребляли в пищу репу, редьку, лук; олонецкие карелы заимствовали у русских способы приготовления блюд из капусты. Значительную роль в питании играли продукты собирательства: ягоды и грибы. Основными видами напитков в традиционной карельской кухне XIX века были квас, чай и кофе. Питание карел регламентировалось православной традицией; в течение года было от 170 до 190 постных дней, а по средам и пятницам было запрещено есть мясные, молочные и рыбные блюда. Разрешалось не соблюдать посты только детям до 3-х лет.

Ингерманландские финны в XIX веке, также как водь и ижора, питались скудно; основной пищей был черный хлеб и мучные каши (ячменная, овсяная), овсяный кисель, похлебки из овощей, рыбы, гороха. Хлеб пекли по субботам на всю неделю; его делали из кислого ржаного теста в форме высоких ковриг. Помимо хлеба пекли лепешки из ячменной муки. Овсяный

Солонка из бересты
Карелы.
Тверская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8761-15212

На с. 253

«Белая» печь
в крестьянской избе
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.,
д. Боброзоро.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5524-121

Ковш для пива
Карелы.
Тверская губ. 1909 г.
РЭМ 10255-14

Заплечный кузов
из бересты и луба
для переноски
продуктов питания
Карелы.
Олонецкая губ.
Начало XX в.
РЭМ 6815-14

кисель финны готовили в большом количестве и ели его почти каждый день — застывший кисель резали на куски и делали в каждом из них дырочку — силмя, в которую наливали постное масло, сахарный сироп или клали сметану. Кисель был любимым лакомством крестьянских детей. Мясо на столе было редкостью. Молоко употребляли в пищу обычно в кислом виде (простокваша). Любимым напитком финских крестьян был ржаной или ячменный кофе с цикорием. Из обрядовой пищи наиболее известен ржаной хлеб в виде двух округлых лепешек, наложенных друг на друга, — сатула. Этот хлеб использовался в обрядовой магии; его пекли в день Флора и Лавра. В середину хлеба вкладывали куриное яйцо в скорлупе. В день праздника лошадь гладили по спине этим выпечным изделием, желая ей быть такой же круглой в этом году, как яйцо. Затем хлеб разламывали, и яйцо отдавали тому, кто ухаживал за животными, а хлеб скармливали лошади.

Вепская традиционная кухня была основана на приготовлении пищи из растительных про-

Утварь из бересты
и корня: корзинка
для ягод, коробочка
для хранения мелочей
Вепсы, саамы.
Олонецкая губ.;
Архангельская губ.,
Кольский у.
Первая четверть XX в.
РЭМ 11541-8, 5845-66

Крестьяне
в праздничной одежде
Водь.
Санкт-Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Савикино.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4719-44

дуктов, выращиваемых на полях и огородах, рыбы, продуктов животноводства и собирательства. Однако в питании преобладали овощи, среди которых главное место занимала репа, грибы и ягоды, а также злаковые и бобовые культуры: ячмень, овес, горох, бобы. Наиболее разнообразно в вепсской кухне представлены блюда из муки и круп. На первом месте по употреблению стояли овсяные блины: их пекли каждый день; в большинстве вепсских домов они заменяли хлеб. В праздники к столу подавали различные выпечные изделия из кислого и пресного теста. В качестве обрядовой пищи у вепсов наибольшее значение играли каша, которая использовалась в различных ритуальных действиях, пиво и «середокрестный» хлеб — небольшой хлебец диаметром около 9 см из ржаной муки. Его выпекали в среду, на четвертой неделе Великого поста, в количестве трех штук. Один хлебец использовали во время сева для обеспечения хорошего урожая (его укладывали в мешок с зерном, а по окончании сева съедали); второй хлеб ели при первом громе, чтобы обезопасить себя от грома и молнии, а третий съедали во время первого выгона скота. Прионежские вепсы к празднику Рождества выпекали большой круглый хлеб из ржаной муки — коуриг. Его клали на стол рядом с солонкой, где он находился весь святочный период — с Рождества до

Крещения. Этот хлеб также использовался в обрядовой практике.

Мясная пища была на вепсском столе в основном с октября по апрель. В течение всего года в пищу употребляли много рыбы (щука, окунь, плотва, лещ, язь) в вареном, жареном, запеченном и сушеном виде. Из рыбы делали обрядовый пирог «рыбник»; он использовался в свадебной и поминальной обрядности. Молочные продукты употребляли как напитки, готовили из них творог, добавляли в различные кушанья.

УТВАРЬ

Утварь соответствовала традиционному образу жизни населения. У саамов она была небольшого размера и приспособлена к перекочевкам. На очаге пищу приготавливали в медной посуде: котлах, чайниках. Остальная кухонная и столовая утварь была из дерева и бересты: чашки, бочонки, тарелки, ложки, черпаки, корзинки и коробки. Только у саамов бытовали скатерти, сшитые из пластов бересты и кожи.

Карелы сами изготавливали кухонную и столовую посуду из дерева, глины, бересты, корня, а медную очажную — котлы, чайники, кофейники, енды — приобретали на ярмарках.

В составе традиционной финской утвари преобладали вещи, изготовленные в бондарной технике: кружки, жбаны и долблено-резанные из дерева: чашки, тарелки, ложки, черпаки.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Крестьянская община, или «мир», была центром общественной жизни деревни, органом крестьянского общественного управления. На сельских и волостных сходах, на которые обычно собирались представители старшего поколения из каждого двора, обсуждались важнейшие вопросы социальной, экономической и духовной жизни крестьян. Решения принимались большинством голосов. На сходах решались земельные вопросы: распределение пашен, сенокосов, выгонов для скота, рыбных тоней, условия пользования лесом, вопросы, связанные с починкой дорог и мостов, строительство изгородей, коллективные общественные работы. На основании общего решения выбирали сельских старост, писарей, нанимали пастуха, распределяли подати и повинности. Только по мирскому приговору крестьяне могли уйти из деревни на заработки в «отходничество». Также на сходах рассматривались семейные разделы, сиротам назначались опекуны. Значительное место занимали и религиозные вопросы: строительство часовен, церквей на средства общины; проведение молебнов и крестных ходов вне храма во время эпидемий и стихийных бедствий: засухи, града или пожара.

У саамов западных районов Кольского полуострова в конце XIX — начале XX века еще сохранялась архаичная модель функционирования общины — сыййта, основанная на существовании зимнего поселения, где проживала вся община с декабря по апрель и перекочевок в летне-осенний период. Эти поселения располагались далеко друг от друга, поэтому все общинные вопросы решались во время проживания саамов в погостах. Община имела общие промысловые угодья, культы и праздники. В общину входило от 60—70 до 200—250 человек.

СЕМЬЯ

В общественной системе финно-угорских народов семья играла важнейшую роль. Брачный возраст женщин у саамов, финнов, карел, вепсов, води и ижоры был приблизительно одинаков. У женщин — 17—20, у мужчин — 20—23 года. Более ранние браки в середине XIX века встречались у води. Брачный возраст наступал у мужчин в 15, а у девушек в 14 лет.

У кольских саамов долго сохранялись пережитки ранних брачных отношений — уход жениха в дом невесты и работа в доме тестя в течение года как плата за получение жены. От других финноязычных народов саамов отличали ласковые и дружеские отношения между супругами, хотя лопарки, в общем, не отличались особенной верностью мужьям. Муж советовался

Семья, занимающаяся гончарным промыслом Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Большое Стремление. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4544-303

Семья
в праздничной одежде
Финны-савакоты.
Санкт-
Петербургская губ.,
Шлиссельбургский у.,
Колтушский приход
Полевые материалы автора

с женой по всем важным вопросам. Дети в лопарских семьях всегда были желанны и любимы родителями. Подобная атмосфера наблюдалась и в лютеранских семьях.

У ингерманландских финнов вступать в брак могли только молодые люди, овладевшие грамотой, знающие катехизис и Священное Писание. Финны почти никогда не рождались с местным православным населением, исключение составляли редкие браки со старообрядцами. Так как финны-эвримейсы считали себя хранителями старых традиций, они старались воздерживаться от браков и с финнами-савакотами. Эвримейсы расстраивали брак молодых, если невеста-савакотка отказывалась носить в замужестве эвримейский традиционный костюм. У финнов считалось правилом выдавать дочерей замуж по старшинству. Если первой выходила замуж младшая сестра, это было обидой для старшей и ей давали прозвище «рази» (букв. «обойденная»).

Отличительной особенностью вступления в брак у води и ижоры было то, что о желании жениться парень в первую очередь сообщал священнику, для того чтобы узнать, позволяет ли степень родства взять избранную им невесту.

Затем жених сватал девушку без ведома ее и его родителей. Священник обручал молодых и после этого сам объявлял о свадьбе.

В севернокарельских деревнях молодые вступали в брак по взаимному согласию, а иногда и вопреки воле родителей. Принудительные браки были исключением, вследствие чего ссоры между супругами и насилие над женщиной были редкими явлениями. Все важные дела муж и жена обсуждали совместно. Карелки отличались высокой нравственностью, так как община стояла на страже семьи. Даже единичные случаи измены становились известными всей волости и ложились позором на весь род женщины.

Более сложными были семейные отношения у вепсов. А.И. Колмогоров, изучавший вепсов в начале XX века, писал: «Ей (нравственности) как будто нет места в этой тяжелой беспросветной жизни. Огромный процент незаконнорожденных детей-богдановичей показывает, что девицы не особенно наблюдают за собой. Но это никого не удивляет, и женихи не думают избегать такую девушку, так как брак у чухаря — коммерческая сделка. Супружеская верность также не особенно высока. Грешат одинаково и мужчины, и женщины. У многих женщин, кроме мужа, есть еще и дружок из молодых парней, который живет на ее средства». Приоритет в семье отдавался мужчине: даже если он был плохим, «не баским» (то есть неказистым, невзрачным), или слыл бездельником, все равно считался выше даже самой примерной жены. Жена в вепских семьях была полной рабой мужа и не имела никаких юридических прав: ей запрещалось осуществлять торговые сделки, а на исполнение всякого другого дела она должна была получить разрешение от хозяев дома или мужа.

Во второй половине XIX века у карел и вепсов преобладали большие неразделенные семьи. Иногда они состояли из трех-четырех поколений родственников. Молодожены обычно селились в доме родителей мужа. Все имущество считалось общим. Главой семьи был старший в доме мужчина, а хозяйкой — жена главы семьи или его старшая сноха. У карел после смерти хозяина дома семьей руководила его вдова. У вепсов по смерти отца дом передавался младшему сыну. Если же умирал муж, а детей у женщины не было, то вдова не считалась наследницей и не получала ничего из имущества, даже приданое, принесенное ею в дом мужа: оно оставалось в распоряжении большой семьи. Невестки находились в подчинении у свекра и свекрови. Их престиж возрастал с рождением детей, особенно первенца-мальчика.

На рубеже XIX—XX веков начался процесс распада больших семей. Наиболее быстро он шел у вепсов, что во многом объяснялось экономиче-

скими причинами. В это время молодые семьи уже старались отделить — им строили новый дом. У ижоры и води преобладающей формой семейной организации также были малые семьи. Обычно сыновья после женитьбы заводили свое хозяйство. У саамов были распространены как малая, так и трехпоколенная семья, но преобладали двухпоколенные, или братские. Браки между родственниками запрещались до четвертого колена по обеим линиям. За невесту платили брачный выкуп — калым. Обычно сыновья после женитьбы отделялись от отца; только если у родителей был один сын, он оставался вместе с ними до смерти.

Важным фактором внутрисемейного согласия был трезвый образ жизни. Наиболее благополучными в этом отношении были лопарские и карельские семьи. О мужчине-кареле говорили: «Карел ни за что не пойдет в буден [день] в кабак, ни за что не снесет туда жениных нарядов и не пропьет сошников и семенной ржи. Он строг к себе и всегда найдет в себе достаточно сил, чтобы противостоять соблазну».

Фамилии у большинства крестьян появились во второй половине XIX — начале XX века. Они, как правило, передавались по мужской линии. Часто новое поколение не сохраняло отцовскую фамилию, а носило фамилию по имени деда.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

В традиционной культуре финно-угорского населения Северо-Запада, как и в других культурах соседних народов, существовала социально-демографическая и половозрастная стратификация, разделяющая и кооперирующая функции отца и матери, детей и стариков в семье. У каждого члена семьи в зависимости от возраста и статуса были свои права и обязанности. В народном сознании глубоко укоренилось представление о безграничных правах родителей по отношению к детям и столь же безграничном долге детей по отношению к родителям.

Детей с самого раннего возраста начинали приучать к домашнему труду. Семилетний возраст был своего рода рубежом, с которого ребенок начинал приучаться к взрослой жизни; с этого же времени он мог посещать церковь, школу. Девочек начинали учить основным женским занятиям — прядению, а потом ткачеству. Мальчиков привлекали к обработке полей и зерновых культур после сбора урожая. Детям, которым исполнилось 10 лет, уже поручали доставку дров из леса и сена с покосов. В этом же возрасте мальчики начинали помогать взрослым на лесозаготовительных работах, а девочки уже знали всю домашнюю работу. Чуть подросших детей определяли на наемную работу: дети пасли скот, работали няньками и прислугой.

В большинстве крестьянских семей виды домашних занятий разделялись на женские и мужские работы. Женщины вели домашнее хозяйство, ухаживали за скотом, занимались воспитанием детей, участвовали в работах, связанных с выращиванием и обработкой волокнистых культур. Мужчины выполняли работы по ремонту и строительству домов и хозяйственных построек, чинили средства передвижения, изготавливали утварь, занимались земледелием, животноводством, рыболовством и охотой, заготавливали дрова.

Специфика хозяйства каждого из народов определяла роль супругов в семье. Так, например, у саамов, ведущих полукочевой образ жизни, работу в семье нельзя было строго разделить на мужскую и женскую. Лопарки занимались

Пожилая женщина в старинной одежде Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Манновка. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4833-11

Пожилые крестьяне
Водь.
Санкт-
Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Нижние Лужицы.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4544-320

Крестьянская семья
Вепсы.
Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у.,
д. Сарозеро.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4878-137

Лопарская семья
у своего жилища
Саамы.
Архангельская губ.,
Александровский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3287-8

Приспособление
для обучения детей
ходьбе
Финны-савакоты.
Санкт-
Петербургская губ.,
Ямбургский у.,
д. Вейно
РЭМ 4544-164

приготовлением пищи, шитьем и починкой одежды, изготовлением рыболовных сетей, ловом мелкой рыбы на озерах, а мужчины ухаживали за оленями, заготавливали дрова, выполняли ямскую повинность, строили промысловые суда. В случае необходимости саамские женщины сами пасли оленей, ездили в лес за дровами, ловили рыбу, а мужчины занимались починкой одежды и приготовлением пищи.

Значительные коррективы в традиционное разделение труда внесло отходничество. Когда мужчины уходили на длительный период на заработки, женщинам с помощью детей приходилось выполнять всю работу по дому. В конце XIX — начале XX века женщины сами активно начинают заниматься отходничеством и торговлей. Особенно преуспели в этом карелки. Из Олонецкой Карелии женщины уходили на заработки в Петрозаводск и Петербург. Там они работали няньками, кухарками, сиделками, прачками, портнихами. Крестьянки Северной Карелии отправлялись вместе с мужьями и детьми торговать в Финляндию. В отдельных местностях Олонецкого уезда женщины сами занимались отходничеством — закупали в Петербурге мелкий товар и разносили его по деревням и селам. Мужчины же в это время работали в поле и дома, брали на себя заботу о детях.

Старшее поколение семьи имело свои обязанности. В основном они заключались в присмотре за детьми, выполнении несложной работы по дому. Довольно значительной была роль бабушек и дедушек в передаче детям семейных традиций.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Несмотря на то что с момента христианизации финноязычного населения, проживавшего в рассматриваемом регионе, прошло много веков, вплоть до нашего времени у саамов, карел, финнов, вепсов, ижоры и води сохранились различные поверья, приметы и обряды, связанные с дохристианскими верованиями. Сельское население продолжало верить в духов природы, очистительную силу огня, промысловую магию, почитало культ растительности, культ семейно-родовых духов-покровителей. Так, например, саамы служили молебен на тонях — рыболовных угодьях, освящая воду перед началом лова. В карельской и ижорской календарных традициях устойчиво практиковались праздники с ритуальными жертвоприношениями животных. В конце XIX — начале XX века у ижоры и вепсов

На с. 263

Дети на деревенской
улице
Вепсы. Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4630-89

Дети, работающие
на точиле у амбара
Вепсы. Олонецкая губ.,
Лодейнопольский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3066-9

Водлозерский погост
Карелы.
Олонецкая губ.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 4807-52

Мягозерский погост
Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.
Фотография первой
четверти XX в.
Из архива В.И. Равдоникаса

еще сохранялись элементы древних женских «бабьих» праздников.

Наиболее древние мифологические представления о сотворении мира сохранились в рунах ижоры и карел. Согласно ижорским рунам, мир был сотворен ласточкой — «птицей воздуха» из яйца. Яйцо стало Землей, а скорлупа — звездами на небе. В карельской мифологии мир также творит водоплавающая птица (утка, гусь), летающая над водами первичного океана в поисках места для гнезда. Согласно финской и карельской традиции, мир представлялся «как круглая земля», омываемая водами и накрытый вращающимся небосводом. Полярная звезда служила «гвоздем земли» — его осью. Небесный купол поддерживался мировым столпом, или огромной горой, вершина которой касалась Полярной звезды. За рекой Манала (Туонела) лежало царство мертвых.

Из древнейших пластов саамской мифологии сохранились мифы о небесном сватовстве, в котором солнце Пейве сватало своему сыну дочь Луны, и о тотемическом первопредке оленеводов Мяндаше.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Карелы, ижоры, воть, вепсы и саамы по вероисповеданию — православные. Первыми были обращены в православие карелы; их крещение проводил в 1227 году князь Ярослав Всеволодович. Вероятно, в это время были крещены и вепсы, так как письменные источники фиксируют именно в это время в Обонежье сформировавшуюся сеть погостов. В XIII—XIV веках осуществлялось крещение води и ижоры, а в 1540 году были крещены саамы. После раскола русской православной церкви в 1666 году большинство карел продолжало придерживаться старообрядческого толка. Свою «старую истинную» веру многие из них сохраняли вплоть до XX века.

Ингерманландское финское население исповедовало лютеранство. С конца XVI века на территории Ингерманландии стали строиться лютеранские церкви — кирхи. В 1590 году был основан приход Каприо, а в 1640 году открылись приходские церкви в Марково, Ропше, Скворицах, Дудергофе, Куземкино. К 1655 году число лютеранских приходов уже достигло 58; в них служили 42 пастора. Первоначально финские приходы Ингрии относились к Выборгскому епископству, но в 1641 году они были выделены в самостоятельную епархию, и в г. Нарва была создана консистория. После перехода Ингерманландии под власть России в соответствии с Ништадским договором финны сохранили свою лютеранскую веру. На всей территории Санкт-Петербургской губернии действовали лютеранские церкви, где велись службы на финском языке.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Множество примет у народов Северо-Западного региона было связано с земледелием. Так, например, у вепсов день сева выбирали по приметам и качеству земли. Согласно приметам, когда на ольхе вырастали желтые шишки, наступала пора сева ячменя, но лучшим временем для этого считалось появление кувшинок на озере. Как только на небе показывались «белые облака», сеяли рожь. Первый день сева считался священным. В этот день нельзя ничего одалжи-

вать соседям, иначе «весь год придется что-то отдавать, и хлеб уродится плохо».

Сеять обычно начинали в начале недели (но не в понедельник). Полагали, что зерно, посеянное в конце недели, будет плохо расти. Благоприятным днем называли четверг. Для идеального сева подходил пасмурный день с небольшим ветром. Чаще всего пахарем и сеятелем был мужчина — глава семьи. Первую пядь зерна запрещалось бросать человеку, который первый раз весной услышал кукование кукушки натошак. Ограничения были и по внешнему виду; так сеятель не должен был стричь волосы и брить бороду с весеннего сева до осени, «чтобы урожай был обильней и нива гуще». В день сева льна,

Часовня в д. Шигола Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у. Фотография первой четверти XX в. Из архива В.И. Равдоникаса

Крестьяне и священник у церкви Корвальского погоста Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у. Фотография первой четверти XX в. Из архива В.И. Равдоникаса

Крест с надгробного старообрядческого памятника Карелы. Архангельская губ., Кемский у. Вторая половина XIX в. РЭМ 3946-177

хозяйка дома обязательно варила яйцо и отдавала его сеяльщику, считалось, что это обеспечит хороший урожай этой культуры. Во время сева зерновых в поле брали хлебец с нанесенным на него крестом, испеченный в Страстной четверг. Хозяин разламывал его пополам — одну половину съедал сам, а другую скармливал лошади.

Сбор урожая, как и сев, был окружен различными обрядовыми действиями. Когда последний сжатый сноп укладывали в пожинальную «бабку», произносили слова: «Весь хлеб с полосы Ивана, Тимофея и т.д. пусть переходит ко мне». С этими словами «бабку» торжественно приносили в избу и ставили в большой угол под иконы, а потом всей семьей вкушали обрядовую пищу — яичницу. Пожинальная «бабка» стояла в избе до Покрова дня. На Покров утром кто-либо из хозяев надевал шубу и рукавицы и шел в хлев, где скармливал сноп скотине, чтобы на следующий год «больше выросло хлеба и скот не испытывал недостатка в корме».

Много народных примет было связано с заготовкой древесины для строительства дома. Так, например, запрещалось рубить очень старые деревья, которые должны были умереть своей смертью. Запрет распространялся и на деревья, выросшие на старых могильниках или в священных рощах. Не пригодными для построек считались деревья, на которых ворон свил гнездо. Крестьяне утверждали, что в такой дом может ударить молния.

Если семья строила дом сама, то первые шесть венцов и пол укладывал сам хозяин, потом он созывал «помочь» поднять избу. Собравшихся односельчан хозяин перед работой кормил обедом, а иногда и угощал пивом, специально сваренным для этого случая. После этого работники начинали строительство, а хозяин только указывал, какое бревно взять и куда положить. Когда начинали укладывать первое бревно на полоток, обязательно звали хозяина. Он приносил горячие пироги с толокном, вино и, помолившись богу, раздавал их строителям. Все садились есть, а хозяин, откусив немного пирога, остальное укладывал под матицу и поливал вином. По убеждению крестьян эти действия способствовали тому, чтобы в новой избе было «богаче жить и веселее».

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Наряду с православными и лютеранскими религиозными праздниками у саамов, финнов, карел, вепсов, води и ижоры вплоть до XX века отмечались календарные праздники: Рождество, Пасха; Егорьев день, Иванов день, Петров день; Михайлов день, Николин день и др.

Цикл зимних праздников начинался с Рождества. У финнов это был не только самый главный, но и самый любимый праздник. В Сочель-

ник и первый день Рождества всей семьей ездили в церковь на богослужение. После возвращения устраивали застолье. Пол в избе в этот день был устлан соломой. Накануне Рождества пекли большой обрядовый хлеб, который все рождественские дни лежал на столе. По окончании гуляний его убирали в кладовку и приносили в избу на все дни следующих праздников (до дня св. Георгия). В Рождество скот не кормили и не поили целый день, за исключением той лошади, на которой собирались ехать в церковь на рождественскую службу. В день св. Стефана (следующий за Рождеством), поили и кормили остальной скот, причем в посуду, из которой поили животных, опускали серебряное кольцо. Утром того же дня хозяин приезжал верхом из конюшни в комнату и спрашивал: «Домали Стефан?», — за что его вместе с лошастью угощали вином и пивом.

В ночь на первый день Великого поста финские крестьяне ходили с песнями из деревни в деревню. В Великую пятницу не ели до заката. В Светлое Воскресенье обходили вокруг своего двора с каким-либо металлическим заостренным предметом в руках, таким образом предохраняя себя от укусов змей. В этот день женщины никому не давали огня из печи, чтобы летом «не раскололись плуги».

В Георгиев день перед выгоном скота в поле, чтобы уберечь от несчастий, животных кормили пойлом, в которое добавляли рождественский хлеб, а вокруг стойла разбрасывали волчьи внутренности. Затем хозяйка делала обход скота с железным предметом в руке, после чего «ложилась перед дверью, раскинув ноги, и животные, выходя из хлева, должны были перешагнуть через нее».

На Троицу и Иванов день молодежь устраивала гулянья. Молодые люди собирались вместе, качались на качелях, гадали. На всех возвышенностях, расположенных при деревнях, зажигали костры — кокко. Для костров заранее заготавливали хворост, а также старые кадки и прочую ветхую утварь. В Иванов день обязательно посещали могилы родственников. Девушки перед Ивановой ночью собирали лекарственные растения и букеты цветов; в них обязательно должен был входить зверобой. Эти цветы подвешивали в доме «для отгона всех несчастий».

Одним из наиболее значительных праздников у финнов считался Екатеринин день (25 ноября). К нему специально готовились: варили пиво, обрядовую кашу. Утром в праздник шли в хлев угощать коров, припевая: «Добрая Катерина, милая Катерина, дай мне теленка, чтобы он был белый. Будет не дурен и черный теленок; годится также и пестрый». В течение всего праздничного дня крестьяне ели кашу и пили пиво.

Ижорские и водские крестьяне во время православных календарных праздников исполняли много старинных обрядов и магических действий. Очевидцы отмечали, что нередко можно было видеть, как во время праздников иконы из дома выносили в священные рощи. В канун Ивановой ночи крестьяне собирались у священных деревьев, жгли костры и приносили в жертву белого петуха. Со священными рощами и отдельно стоящими деревьями были связаны сохранившиеся до конца XIX века коллективные культовые праздники — братчины (ваккове). К этим дням в одной из больших риг варили пиво, ячмень для которого собирали со всех дворов. В день праздника вся деревня шла к риге; там ставили икону св. Петра (или св. Ильи) и зажигали перед ней свечи. Девушки пели песни, призывавшие Петра и Илью в гости. Пивом обрызгивали стены риги, а затем всех пришедших, после чего угощались пивом. Этот обряд должен был способствовать тому, чтобы не было засухи, а Илья мог простить людям их прошлые грехи и не посылать молний.

Из числа ижорских календарных праздников особо следует отметить Вознесение. В этот день крестьяне никогда не работали — всякие занятия, связанные с землей, были табуированы: землю нельзя было тревожить. Осенью в ижорских, водских и финских деревнях отмечали Михайлов день, Мартынов день, Андреев день.

К этим праздникам приурочивали забой скота. В период забоя скота в вечернее время по деревням ходили ряженые. Они заходили в дома и просили мяса на суп.

Структура народного календаря и большая часть праздничных обрядов вепсов и карел имели много сходства. Вместе с тем праздничная обрядность этих народов имела и свою локальную специфику. Начало зимы в народном календаре соотносилось с Покровом. К этому дню скот загоняли в стойла и совершали различные магические обряды, заключающиеся в передаче скота под покровительство духа хлева. Зимние праздники вепсов начинались с Рождества и Нового года. В эти дни готовилась обильная и лучшая еда: считалось, что изобилие стола в новогодние дни может содействовать достатку семьи. К этим же дням готовилась и специальная ритуальная пища — большой круглый хлеб, ячневая каша, загуста (каша из ржаной муки), овсяный кисель. Кашу и кисель использовали для жертвоприношения Морозу и хозяину гумна. Зимний период народного календаря заканчивался Масленицей. Помимо застолий, гуляний, катаний на лошадях в последнее воскресенье Масленицы вепсы устраивали публичные смотрины молодежи. В некоторых вепских деревнях во время масленичного периода поминали умерших. Пасха у вепсов, как и у всех православных, была главным праздником в году. Значительное место в празд-

Девушки наряжаются перед праздником Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5524-180

нике занимали православные ритуалы: богослужения, крестные ходы, молебны в домах. После Пасхального воскресенья начинали поминать умерших родственников.

Значительное место в народном календаре занимал день первого выгона скота — Егорьев день, так как благополучие скота на пастбище во многом зависело от совершаемых в этот день обрядов. Как правило, обряды проводили дважды: непосредственно на Егория и в день реального выгона скота. Наибольшее значение для сбережения скотины играл обход скота пастухом. Он состоял в троекратном обходе стада с магическими предметами, в состав которых могли входить решето, икона св. Егория, топор, верба, свеча, яйцо. Обряд сопровождался произнесением пастухом вслух или про себя слов заговора. Началом летне-осеннего периода у вепсов была Троица, а за ней Иванов день. К Иванову дню вепсы приурочивали обряды любовной магии и гадания. В ночь на Иванов день совершался обряд «привораживания»: раздетые девушки катались по росе на ржаном поле, принадлежащем понравившемуся парню. В отличие от финнов, у вепсов не существовало традиции разжигания костров в Иванову ночь. В Пет-

ров день и день Флора и Лавра крестьяне совершали обряды, связанные с охраной скота.

У карел на весенний период, так же, как и у остальных прибалтийско-финских народов, приходились различные праздники трудового календаря: день первого выгона скота, начало сева. Завершение сева карелы отмечали языческим обрядом в честь верховного божества Укко — бога грома и молнии. Праздничными днями считались Иванов и Петров дни. В ряде мест Карелии кануны этих праздников считались поминальными, с обязательным посещением могил родственников. В эти дни к часованиям приносили дары — масло, яйца, приводили «завещанный скот». У саамов наиболее почитаемым праздником был Петров день.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

В XIX веке обряды жизненного цикла финно-угорских народов Европейского Севера и Северо-Запада России представляли собой сплав христианских и народных традиций, в которых переплетались религиозно-магические и рациональные представления народа. В традиционной обрядности финнов, ижоры, води, вепсов и

карел, связанной с рождением ребенка, свадьбой, погребением умерших, обнаруживается много общего, вместе с тем обряды каждого из этих народов имеют свою локальную специфику.

В родильной обрядности финно-угорских народов долго сохранялись обряды, направленные на благополучный исход родов и бережение ребенка и роженицы от сглаза. Они состояли из нескольких циклов: обряды и обычаи, связанные с беременностью; обряды, сопровождающие появление ребенка на свет; послеродовые обряды. Значительная часть обрядов в период беременности представляла собой запреты, определяющие поведение будущей матери и обеспечивающие рождение здорового малыша. Беременной женщине нельзя было совершать поступков, которые могли навлечь беду на ребенка: нельзя было обижать животных, присутствовать при убое скота, посещать кладбище, ходить на похороны. Строго запрещалось ходить в лес, где женщина могла встретиться с медведем.

В крестьянских семьях беременные женщины занимались различными хозяйственными работами вплоть до наступления родов, поэтому часты были случаи рождения детей на покосе,

в поле. Обычным же местом родов была баня или другое нежилое помещение. В основе обычая рожать за пределами жилья лежали народные представления о «нечистоте» родов и необходимости сохранения тайны появления ребенка на свет. В народе считалось, что соблюдение этих правил обеспечит роженице легкие роды. Для облегчения родов совершались разнообразные магические действия, имитирующие «выход ребенка» из чрева матери: в доме открывались печные заслонки и двери, женщине распускали волосы. Помощь при родах оказывала местная повитуха или старшая в доме женщина.

Важное место в родильной обрядности занимали действия, связанные с пуповиной и последом. Крестьяне считали, что сохранность отсохшей пуповины обеспечит благополучие ребенка, поэтому ее прятали от посторонних глаз и хранили в доме. Обряд убирания последа напоминал похороны: его тщательно обмывали, заворачивали в чистую ткань и «захоранивали» в подполье либо в лесу. Сокрытие последа считалось залогом здоровья матери и ребенка. После родов проводили очистительные обряды: ритуал обмывания новорожденного водой, мытье роженицы и ребенка в бане.

Деревенское гулянье
в Иванов день
Карелы.
Олонецкая губ.,
р. Олонка.
Фотография начала XX в.
РЭМ 63-116

Кукла обрядовая в старинном costume Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Куровицы. Последняя четверть XIX в. Из собрания РЭМ. Собиратель Т.Т. Денисова. 1968

Изготовлена «по обычаю» к свадьбе, хранилась в сундуке-кадке вместе с приданым. Кукла одета в архаический ижорский костюм.

Свадебный поезд на деревенской улице Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Глинки. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4544-166

Первые дни пребывания ребенка в избе также сопровождалась бережными действиями. Так, у ингерманландских финнов повитуха три раза обводила вокруг новорожденного ножом, а потом укладывала нож рядом с ним. В пеленки над животом ребенка помещали кусочки хлеба и несколько ржаных зерен. В качестве оберега в колыбель прятали нож или ножницы. В первое воскресенье, следующее за родами, ребенка впервые показывали родственникам и гостям, приглашенным в дом. Они приносили с собой угощение и подарки.

У вепсов и карел в первые послеродовые дни в дом могли приходиться родственницы и замужние соседки, причем во время посещения они должны были читать молитвы. Женщины приносили роженице разнообразные выпечные изделия, старую ткань на пеленки.

Церковный обряд крещения проводили по возможности в ближайшие после родов дни. Он мог проводиться дома, если церковь была далеко, и в храме. У финнов в крестные выбирали «достойных людей» — лиц примерного поведения и живших в достатке. У православных народов на роль крестного отца обычно выбирался брат матери ребенка, а на роль крестной матери — сестра отца.

В родильной обрядности саамы также соблюдали определенные правила. Перед родами и шесть недель после них женщина находилась в изоляции от остальных членов семьи. После родов производилось очищение жилища —

окуривание его дымом можжевельника. Три дня родившийся ребенок находился с матерью, а когда отпадала пуповина, его клали в люльку. К люльке мальчика саамы подвешивали маленькие лук и стрелы, а для девочки — кусочки цветного сукна, украшения из бисера, крылышки и лапки белой куропатки. В качестве оберега в люльку помещали зубы лося, иголки, серебряные монетки и немного овсяной крупы для обеспечения достатка в будущей жизни. Крещение детей проводилось только тогда, когда семья проживала в погосте.

Свадебный обряд финно-угорских народов состоял из нескольких последовательных этапов. Предсвадебный этап включал сватовство, сговор, «рукобитье». Собственно свадьба включала венчание в церкви, свадебный пир, обряды брачной ночи. После свадьбы проходила раздача свадебных даров и обряды, направленные на приобщение молодой к новой семье.

В предсвадебный период у финнов проходило смотрение дома и хозяйства жениха и невесты. В назначенный день вся деревня собиралась в доме невесты, чтобы курить табак или папиросы, купленные женихом. Если табака на всех не хватало, то жених считался несостоятельным. Во время сговора договаривались о дне свадьбы. Отказ от брака был невозможен, так как это считалось большим позором.

Свадебный обряд финнов сохранял черты архаичной «двухсторонней» свадьбы: в доме невесты проводился ритуал «уходы», а ритуал

свадьбы — в доме жениха. Во время свадьбы соблюдалось множество бережных обрядов, чтобы злые силы не принесли вреда молодым. Так, при переезде в дом жениха невесте закрывали лицо покрывалом, а в повозку брали нож. В отличие от православных финнов, у ингерманландцев в церкви три раза объявляли о венчании.

В ижорских деревнях выбор невесты осуществлялся только по желанию жениха. Проводя обряд «пропивания невесты», гости, так же, как и у финнов, курили махорку. Считалось, что курение табака отгоняет нечистую силу. Во время девичника ижорская изба украшалась полотенцами, а на потолке прикреплялось украшение из соломы, свечей, лент и лоскутков — елка. В канун свадьбы жених и невеста совершали ритуальное мытье в бане. Когда жениха одевали к венцу, его тело опоясывали сеткой и втыкали в одежду иголки без ушка: эти предметы играли роль оберега. В давние времена после венчания невеста возвращалась в свой дом, а жених — в свой, где каждый со своими родственниками праздновал свадьбу по отдельности. Жених ехал за невестой лишь на следующий день. В доме мужа во время свадебного пира невеста за стол не садилась, а стояла и кланялась на обе стороны, приглашая гостей к угощениям. В XIX веке традиция «двухходовой» свадьбы постепенно исчезла.

У вепсов и карел в день венчания родственники собирались в доме жениха. Отсюда свадебный поезд отправлялся за невестой. Распорядителем свадьбы был дружка. По ходу свадьбы он выполнял различные действия, направленные на защиту жениха и невесты от злых сил. После венчания молодые навещали могилы родственников и отправлялись праздновать бракосочетание в дом молодого. По пути следования свадебного поезда встречавшие жгли старую берестяную утварь, стреляли из ружья, таким образом «очищая» дорогу для свадебного поезда от всякой нечести.

Свадебный обряд саамов имел множество местных вариантов, но всегда состоял из сватовства, «рукобитья» и венчания. Решающее значение играло «рукобитье». После него назначался день свадьбы. Накануне свадьбы в доме, где жила невеста, собирались все родственники жениха и невесты. Они приносили с собой продукты для свадебного стола, а жених раздавал гостям подготовленные подарки.

Во время венчания молодоженам надевали обручальные кольца. Выбор кольца зависел от достатка семьи. Специфическими были кольца у саамов. Так, на обручальном кольце лопарки должно было быть 19 маленьких колечек-петель: с рождением каждого ребенка снимали с кольца по одной петельке.

В XIX веке в погребально-поминальной обрядности православных финнов сохранялось много архаики. Места для кладбищ старались выбирать «за водой» — на озерных островах или на высоких песчаных останцах, хорошо видимых издали. Перед погребением могилу «выкупали» — бросали в нее медные монеты. Вместе с умершим в гроб укладывали сопровождающие вещи: кошелек с деньгами, чтобы заплатить за вход в рай; платочек, чтобы душе было чем утереться; гребень, пищу и спиртные напитки; детям — игрушки. Намогильные кресты украшали навершиями в виде птиц или коней. Растущие на кладбищах деревья считались священными, поэтому рубить их строго запрещалось. В народе считали, что дерево, пронзая своими корнями тело погребенного, питалось его соками и таким образом умерший воплощался в нем.

Основу большинства обрядов погребального и поминального ритуалов составляла вера в загробную жизнь, в существование связи между живущими и умершими родственниками. Крестьяне верили, что «родители» оберегают своих живых потомков от бед и помогают им во всех делах.

Жених в свадебном костюме Вепсы. Новгородская губ., Тихвинский у., Пелушский погост. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5524-187

Придорожный крест у источника Северные карелы. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5578-79

Кладбище в лесу Карелы. Олонецкая губ. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 5578-79

По мнению православных финнов у человека существовало нескольких душ, которые сменяют друг друга в определенные периоды жизни. Смерть же, по народным представлениям, наступала вследствие того, что душа покидала тело. Полагали, что душа могла принимать облик птицы и по окончании жизненного пути человека улетала в мир мертвых.

Кладбища, как старые (курганные могильники, жальники), так и современные, всегда считались поселениями умерших людей. Все, что там находилось (намогильные сооружения, растительность) принадлежало им. На кладбище нельзя было собирать цветы, ягоды и грибы, подбирать и приносить домой камни и обломки намогильных плит и старых крестов.

Действия, связанные с проводами и поминовением покойника, были выстроены в строгий ритуал, который выполнялся во всех деревнях. К загробной жизни начинали готовиться задолго до кончины. Когда человек чувствовал, что пришла старость и жизненные силы постепенно оставляют его, он начинал готовить специальную «смертную» одежду и покрывало для тела — саван (девушек и юношей хоронили в свадебной одежде). Одежду на смерть шили не как обычно — острие иглы направляли от себя, а иногда даже шили левой рукой.

У вепсов покойника хоронили на третьи сутки (до полудня), а ко второму дню родственники умершего делали и подготавливали гроб (его дно устилали березовыми листьями от веников и стружками, укладывали подушку, набитую льняной куделью). Тело перекладывали

в гроб только в день похорон, утром. В это же время начинали копать могилу. Заранее это делать запрещалось, так как крестьяне считали, что пустая могила, оставленная на ночь, — «к новому покойнику». Для того чтобы умерший мог достигнуть загробного мира, то есть «взобраться на стеклянную гору», в гроб клали ногти, отстриженные перед смертью. После последнего поминания и прощания гроб с телом выносили на улицу (через дверь или через окно), и похоронная процессия двигалась к погосту. Во время выноса гроба полагалось перевернуть скамейки, стулья, стол, стоящие в доме, чтобы «согнать душу» с насиженного места.

Если кладбище располагалось недалеко от деревни, то гроб несли на двух еловых жердях четыре-шесть человек, а если далеко, то везли на санях (вне зависимости от времени года). При выходе из деревни на перекрестке дорог сжигали солому, на которой лежал покойник, и поминали его. Для жителей деревни это было последнее поминание; дальше на кладбище шли только родственники.

Гроб опускали в могилу на полотенцах либо на полотнищах ткани, а затем, вынув их, могилу засыпали землей. Жерди, на которых несли гроб, втыкали в могилу со стороны ног умершего — их вытаскивали после сорокового дня или через год. Если гроб везли на санях, то по возвращении в деревню их полагалось оставить в поле для «очищения». Крест не ставили до сорочин; вместо него на могильном холме стояла ветка дерева.

После предания тела земле провода покойника не заканчивались. Крестьяне верили, что

умерший не покидает мир людей до сорокового дня. Считали, что все это время его душа обходит места, с которыми человек не успел попрощаться при жизни. Поэтому в доме, где проходили похороны, не запирали двери на ночь, вешали на иконы полотенца и оставляли еду (кутью), на стол клали ложку, а на боковой лавке стелили постель — ждали душу в гости.

Поминальные дни устраивали на девятый, двадцатый и сороковой дни после смерти. Следующее ритуальное поминовение устраивали в первую годовщину смерти. Усопших обязательно поминали на кладбище в различные календарные (церковные) праздники и в воскресенье. Если путь пролегал мимо кладбища, то всегда посещали могилы родственников.

У каждого из финно-угорских народов погребальный обряд имел свою специфику. Так, например, в ижорских деревнях гроб с покойником выносили из дома на улицу через скотный двор. Причем в гробе было сделано отверстие сбоку, чтобы «покойник мог лучше знать, куда ему бежать в день Страшного суда».

Саамы верили, что душа после смерти улетает из тела и идет к Богу, где остается три дня. После же она возвращается на землю и долго путешествует на олене по всем местам, где бывала при жизни. Поэтому раньше в лопарские могилы закапывали оленя. До начала XX века у кольских саамов был распространен обычай захоронения пустого гроба, без покойника, в том случае, если человек погиб и его тело не было обнаружено.

В финских деревнях после смерти тело сразу же выносили из жилого помещения. Вечером

приглашали соседей и родственников. Под исполнение духовных песен тело вносили в избу, после чего происходил поминальный ужин. Пение продолжалось до утра. Утром тело отвозили в церковь.

Карельский культ мертвых имел довольно примечательную особенность. Карелы гораздо меньше чурались умерших сородичей, чем это было принято у других народов. В причитаниях умершего приглашали чаще навещать дом, при посещении могилы просили покойного встать из нее для беседы.

ФОЛЬКЛОР

Духовная жизнь крестьян нашла яркое выражение в устном народном творчестве. Ценнейшим наследием прибалтийско-финских народов являются эпические руны — одна из наиболее древних форм эпической поэзии. Традиция сложения и исполнения рунических песен была характерна для финнов, карел, ижоры и води; исключение представляли вепсы.

В основе большинства эпических сюжетов рун лежат космогонические мифы о происхождении мироздания. Карельский эпос «Калевала» — один из наиболее архаичных в мире. На Северо-Западе были хорошо известны рунопевческие династии Пертуненов, Кеттуненов, Ремшуевых, однако, наибольшую известность получила ижорская сказительница Ларин Параске (1833—1901) родом из деревни Мистула Лемболовского прихода. В 1891 году она даже была приглашена в Хельсинки, где выступила

Последний момент обряда сорочин Вепсы.
Новгородская губ.,
Тихвинский у.,
д. Шондовичи.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5359-46

Самым важным поминальным обрядом считались сорочины. На них собиралась вся родня, иногда приглашали священника. После поминальной трапезы всей деревней шли половину версты за околицу по дороге, ведущей к погосту. После прощания родственников с душой умершего, она уже покидала землю и «уходила навеки в царство небесное».

Старик играет на кантеле Ижоры. Санкт-Петербургская губ., Ямбургский у., д. Горки. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4544-156

Пожилой крестьянин играет на кантеле Карелы. Олонецкая губ., Ведлозерский погост. Фотография первой четверти XX в. РЭМ 4807-90

с исполнением песен и причитаний в Обществе финской литературы.

Одним из древнейших фольклорных жанров считаются причитания. В XIX веке наиболее разнообразные похоронные причитания сохранялись в Беломорской Карелии. В Ингерманландии в то время был шире представлен свадебный цикл причитаний. Дольше всех причитания сохранялись в районах проживания вепсов.

Музыкальный инструментарий финских народов имел много общего, и вплоть до начала XX века повсеместно сохранялся старинный струнный музыкальный инструмент кантеле. В народе бытовали различные песни: охотничьи и пастушьи, трудовые и лирические. С XIX века широкое распространение в деревне получила частушка. Каждый из прибалтийско-финских народов имел свои сказки, пословицы, поговорки, обрядовый фольклор. Вместе с тем твор-

ческое наследие финнов и особенно православных карел, вепсов, води и ижоры имеет много общих черт, что обусловлено длительным соседством, общением и вхождением этих народов в единое государство.

Отличия характерны лишь для саамского фольклора. У саамов не существовало своих музыкальных инструментов; музыкальные эмоции они выражали посредством песни-импровизации. Лопарские песни были архаичны по своей форме и содержанию и часто выполняли религиозно-магическую роль. Они подразделялись на ритуальные, повествующие о мифических временах и первопредках, и бытовые.

В конце XIX века на территории Ингерманландии стали популярны народные хоровые коллективы. Они выступали не только на церковных праздниках, но и на светских мероприятиях. Первый хоровой праздник был орга-

Музыкальный инструмент кантеле Ижоры. Санкт-Петербургская губ. 1873 РЭМ 5581-51

низован 29 июня 1885 года (он был приурочен к Петрову дню) в селе Лемболово. А чуть позже, в 1889 году, был подготовлен и проведен Общегерманландский певческий праздник. Он собрал десятки хоров, народных оркестров и огромную по численности аудиторию слушателей.

ОБРАЗОВАНИЕ

Лютеранская церковь оказывала огромное влияние на распространение грамотности в народе, так как пасторы занимались просвещением своей паствы. Никто не допускался к общению к святым таинствам, не пользовался гражданскими правами, если не знал катехизис и Священное Писание. Поэтому все родители старались учить детей грамоте. Первая школа, где преподавание велось на финском языке, была открыта в 1785 году в деревне Колпаны (недалеко от Гатчины). А в 1863 году здесь же открылась Колпанская учительская семинария. В ней готовили кадры для местных финских школ. В конце XIX века в Санкт-Петербургской губернии насчитывалось 200 светских финских школ. Наряду с ними действовали церковные конфирмационные и воскресные школы.

Несколько иная ситуация с образованием была у православного финского населения, не имевшего своей письменности. В церковно-

приходских и земских школах образование велось на русском языке. В этих школах училось небольшое количество детей. Основная же масса подрастающего поколения оставалась неграмотной. Сложившаяся ситуация объяснялась не только отсутствием необходимого количества школ, но и отношением самих крестьян к обучению детей. В деревне говорили, что «в школу ходить — только баловать детей». Дети, по мнению родителей, должны были заниматься крестьянской работой. Существовала и боязнь отпускать детей из дома. Так, в середине XIX века карельские матери, отправившие детей учиться, носили на голове белый платок в знак траура и вписывали их в поминальные книжки как умерших.

Вопрос о необходимости обучения всех детей, в том числе и на родном языке, стал подниматься государством и церковью только с конца XIX века. В это же время начали выделять средства на строительство земских школ и расширять сеть церковно-приходских учебных заведений. К началу XX века только в Олонецкой губернии, в местностях, где проживало финское население, уже функционировали 73 инородческие школы. С 1880-х годов у саамов стали создаваться первые передвижные церковно-приходские школы. Дети обучались в них в период с 8 января до отъезда в погосты.

Священник с детьми у школы Саамы. Архангельская губ., Пазрецкий погост. Фотография начала XX в. РЭМ 5754-1

Церковно-приходская школа Пазрецкого погоста была построена в 1888 г. Средства на ее постройку были выделены по указанию Александра III. Первым учителем в школе был священник отец Константин Цеколдин.

НАРОДЫ БАЛТИКИ

НАРОДЫ БАЛТИКИ

Народы Балтики

О.М. Фишман

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Географическое соседство четырех государств — Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, расположенных в акватории восточной части Балтийского моря, — сказалось в сложении сходных черт хозяйствования, во многом связанных с морскими занятиями и промыслами, придало ярко выраженный региональный облик всей культуре. Наряду с морем среди общих природно-географических признаков можно назвать своеобразие ландшафта, вызванное последствиями Великого ледникового периода: обилие каменистых гряд — морен, а в Финляндии — скал, холмов, древних долин и торфяных болот, много крупных и мелких рек и еще большее число озер ледникового происхождения. Одна из самых крупных озерных систем в Европе, акватория которой составляет более 4000 кв. м, — Сайминская — расположена в современной Финляндии на границе с Россией. Среди других природно-ландшафтных особенностей — леса, которые и сегодня покрывают от 30 до 75% территории той или иной страны.

Своеобразие природной среды нашло отражение в ее символизации, сложении стереотипов восприятия. Так, в Литве озера называют «глазами Литвы», «матушкой» величают латыши Даугаву — самую большую и полноводную часть Западной Двины, несущей свои воды к Рижскому заливу Балтийского моря. Финляндию именуют «дочерью моря» и «страной тысячи озер», которых в действительности более 180 тысяч.

Хотя по площади страны Балтийского региона, некогда входившие в состав Российской империи, невелики, каждая из них обладает сво-

ими природно-географическими особенностями. Самая крупная из них — Финляндия — расположена по обе стороны Полярного круга и имеет большую протяженность с юга на север. Шхеры, глубоко врезающиеся вглубь материка, придают неповторимый колорит берегам Ботнического и Финского заливов.

Своеобразна природа эстонских островов, а их более 75, с их каменистыми, плоскими землями, заросшими невысоким можжевельником. Из 777 рек Латвии большая часть течет в море, преодолевая на своем пути пороги. Извилистые быстрые речки и озера, песчаные и каменистые пляжи придают своеобразную живописность стране. О постоянно наступающих громадных песчаных дюнах знаменитой Куршской косы, или Неринги, как называют этот уникальный природный заповедник литовцы, еще в XIX веке писал известнейший немецкий ученый В. Гумбольдт: «Куршская Неринга так своеобразна, что ее необходимо увидеть так же, как Италию или Испанию, если душа хочет прекрасных зрелищ».

Многие объекты природы, фауны и флоры приобрели символический статус в культуре: это и вечнозеленые заросли можжевельника у эстонцев, и редкостные ныне дубы-великаны, живые свидетели тысячелетней истории латышского и литовского народов, и особо почитаемые вековые ели и сосны у финнов.

Климат Балтийского региона является переходным от морского к континентальному, и его особенности обусловлены, прежде всего, приморским расположением и влиянием Атлантического океана. Благодаря таянию ледников воды Балтийского моря более пресны, чем в других морях Европы.

На с. 276–277

Женщины и дети
в традиционных
костюмах
Литовцы.
Виленская губ.,
Трокский у.,
с. Марцинканце.
Фотография начала XX в.
РЭМ 2283-31

Дуб-великан
Литва
Фотография XX в.
Из собрания РЭМ

Амулеты в виде личины и антропоморфной фигурки из янтаря Литва, Юодкранта. Вторая половина III тыс. до н.э.

Юодкрантский клад, открытый в 1880-е гг., включает изделия из янтаря, среди которых пластины, диски и уникальные антропоморфные и зооморфные фигурки эпохи неолита. Их рассматривают как вместилища душ умерших, обереги или предметы жертвоприношений.

Система озер в Финляндии

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Формирование исторической родины коренных народов Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы было связано с освоением значительной части побережья Балтийского моря. На языке литовцев и латышей Балтийское море называется «Балта юра», то есть «белое море». Край этот часто именуют «янтарным». Еще во времена Древней Греции и Рима янтарь (лит. gintaras, латыш. dzintars) в больших количествах вывозили по так называемым «янтарным торговым путям». С тех пор дошло до нас и еще одно раннее название Балтийского моря — Янтарное. Римский историк Тацит в своем сочинении «Германия» (98 г.) упоминает неких Aestii, Gentes Aestorum — эстиев, живших на западном побережье Балтийского моря и занимавшихся собиранием янтаря. Неизвестно, подразумевал ли Тацит под этим термином всех балтов или только древних пруссов, населявших побережье вокруг залива Фришес-Хаф, который литовцы до сих пор называют «Море эстов».

Стоянки людей верхнего палеолита известны в низовьях Нямунаса и далее на запад по берегам Вислы, но на основной территории региона древнейшие человеческие общности возникли в эпоху мезолита, в VIII—VI тысячелетиях до н.э. Это были охотничьи племена. По наиболее известному памятнику этой эпохи в Эстонии — стоянке у местечка Кунда — их называют «носителями кунданской культуры», в Литве и Белоруссии — это представители так называемой свидерской культуры. Однако этногенез финнов,

эстонцев, ливов и води связан с финно-угорскими племенами, представителями широко распространенной на территории Восточной Европы культуры ямочно-ребенчатой керамики, которые переселились на эти земли с территории Волго-Окского междуречья в эпоху неолита на рубеже IV—III тысячелетий до н.э.

Латыши, литовцы и пруссы (народ, исчезнувший или германизированный окончательно к началу XVII века), ведут свое происхождение от древнебалтийских пастушеских племен, проникших на территорию Восточной Прибалтики в конце III — начале II тысячелетия до н.э. Постепенно продвигаясь на север, древние балты, которых ученые связывают с носителями археологических культур «ладьевидных боевых топоров» и шнуровой керамики, оттесняли местные финно-угорские племена и отчасти смешивались с ними. На территории от современной Калининградской области до Финляндии их стоянки соседствуют друг с другом. Археологические памятники говорят о прочных культурных связях населения восточных и центральных районов Финляндии с Приладожьем, Прионежьем и Верхним Поволжьем, юго-западных — с Эстонией и Скандинавией.

Этнокультурные контакты балтов со скандинавскими народами также уходят корнями в глубокую древность, о чем свидетельствуют обнаруженные на западном побережье Рижского залива древнескандинавские ладьевидные могильники, так называемые «чертовы ладьи», сооруженные из камня и датируемые первой половиной I тысячелетия до н.э.

На рубеже I—II тысячелетий в регионе сформировались раннефеодальные этнические общности. Но уже Птолемию (около 100—178 гг.) были известны отдельные прусские племена — судины и галинды. Общее наименование — «прусы» — появилось много позже, в IX веке. Балтские племена упоминают и раннесредневековые скандинавские и славянские летописи (латинские «кори» или «хори» в скандинавских документах и славянское «корсь»). В 870 году викинги с территории Дании напали на земгалов (в русских источниках — земигола). Об этих земледельческих племенах сегодня напоминают названия ряда этнографических областей: Курземе, Земгале и Латгале в Латвии, Аукштайтия и Жемайтия в Литве, а также этнографических или областных групп: например, курземниекс (житель Курземы), жемайкечяй (житель Жемайтии) или сувалкечяй (житель Занеманья или Сувалкии [Судувы] на территории Литвы к юго-западу от реки Нямунас).

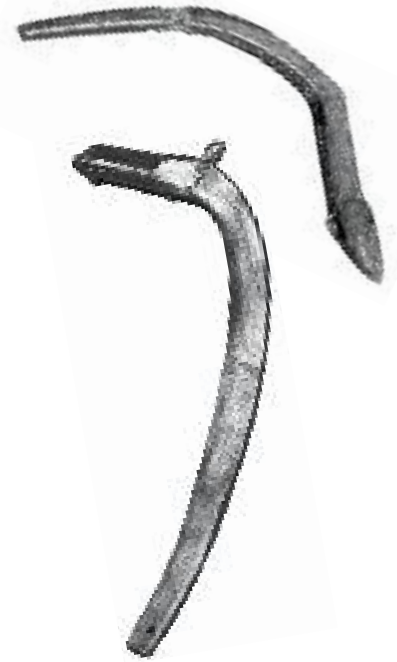
Латышский язык сохранил название одного из древних племенных объединений эстов как наименование всего народа — «игауни» (от Уганди — области в юго-восточной части современной Эстонии). Наряду с Уганди до прихода сюда крестоносцев существовали также «мааконды» (букв. «земли») Сакала и Виру. Экзоним эстонцев в финском языке происходит от этого последнего названия — «виrolайсет»; в русских летописях они фиксируются как чудь наряду с другими западно-финскими племенами. Современное самоназвание «ээсти» появилось довольно поздно, в крестьянской среде долго

удерживалось понятие «люди своей земли» — маарахвас, а ливы (ливь в «Повести временных лет») на вопрос «Кто вы?» отвечали: «Жители побережья» — «рандалист» или «рыбаки» — «каламиед».

Ливы, ныне малочисленный народ, в прошлом занимали обширные территории современной Северной и Западной Латвии и сыграли значительную роль в этнической истории латышей. Недаром немецкие рыцари-крестоносцы по имени ливов, оказавших им достойное сопротивление, назвали созданное здесь государство Ливония.

Яркие отличительные черты языка, традиционной и праздничной культуры до недавнего времени сохраняли сету (самоназвание «сето») — православное население пограничья Эстонии и Печорского края Псковской области Российской Федерации. Одни исследователи считают сету этнографической или этнической группой эстонцев, другие рассматривают их как автохтонное население края. Русские называли сету «полуверцами» в силу сохранности ими многих архаичных черт в быту и обрядах.

Между II и V веками благодаря оживленной торговле янтарем в провинциях Римской империи (народы Центральной и Южной Европы) весьма окрепла материальная основа балтийской культуры. Ученые полагают, что это был ее «золотой век». В этот период на землях прусских, литовских и латышских племен строились довольно значительные укрепления; известны и торговые города, и святилища, процветала торговля, развивались разнообразные ремесла.

Ритуальные жезлы из лосиного рога в виде змеи и с головой лося. Раскопки около Тырвала под Нарвой, Эстония. Мезолит. Раскопки около Паланги, Литва. Поздний неолит

Побережье Балтийского моря

Карта Литвы до 1689 г.
Воспр. по: Кордт В.
Материалы по истории
русской картографии. Киев,
1910. Вып. 2. Табл. 33
РЭМ 25213

Как опытные мореплаватели и воины, нападавшие на шведские и датские земли, были известны племена куршей. Этот период завершился в конце IV века вторжением славян. Латгалы первыми из латышских племен столкнулись с племенем кривичей, и именно с тех пор в латышском языке существует этноним русских — «криеви». Из более поздних исторических описаний XI—XII веков очевидно, что балты продолжали жить среди славянских племен; расселение судовлян (судавы, судувы, ятвяги) фиксируется на юге до реки Нарев, а голяди (галинды) — по реке Протве у города Боровска в окружении русских. С VII века шли бесконечные войны народов региона с викингами.

К XII веку постепенно расширялись экономические контакты между отдельными древнеэстонскими маакондами, а на территории ряда латышских племен появились первые раннефеодальные государственные образования: Курса, Ёрсика, Кокнесе, Талава, Тервете, Межотне и др. Литва к этому времени управлялась конфедерацией самых могущественных вождей. Некоторые восточно-латышские земли находились в вассальной зависимости от соседних русских княжеств — Псковского и Новгородского (Талава) и Полоцкого (Ёрсика, Кокнесе), откуда проникало влияние православной веры и культуры.

В Финляндии образовалось три основных племенных группировки: суоми (сумь — в древнерусских летописях; впоследствии этот этноним стал общефинским и лег в основу названия страны), хяме (емь — в древнерусских, тавасты — в шведских источниках) и карьяла (корела), из которых со временем и сформировался финский народ. До сих пор их имена сохра-

няются в названиях ряда исторических провинций Финляндии: Варсинайс-Суоми, Хяме, Карьяла. Продвижения шведских викингов на земли финнов начались уже с VIII века, а с XII века их крестовые походы сопровождалось военными набегами со стороны Новгорода. В 1216 году, когда глава Римско-католической церкви предоставил шведскому королю Эрику Кнутссону право назначать епископов в финских землях, они стали частью шведского государства.

К концу XIII века все местные племена были завоеваны сильными соседями: финны — шведами, окончательно укрепившимися здесь к XV веку; эстонские острова и северное побережье Эстонии — Данией, а значительная часть балтов и эстов — немцами. Одним из итогов завоеваний явилось включение этих земель в общеевропейский (в северном варианте) цивилизационный процесс. Процесс этот был весьма тяжелым, кровавым и неоднозначным по результатам. Местное население не смогло противостоять захвату своих исконных территорий; мечом и огнем рыцари-крестоносцы устанавливали здесь свой новый порядок, сделавший ливов, эстонцев и латышей на многие столетия порабощенным низким сословием, крепостными, лишенными всяческих прав на своей родной земле. Конечно, имели место попытки сопротивления, но силы были явно неравны. Постепенно одряхлевшая в результате постоянных войн Ливония закончила свое существование как государство в 1561 году под натиском армии Ивана Грозного (Ливонская война, 1558—1583).

Завоеванная Швецией Финляндия на многие века стала периферийной провинцией, управлявшейся шведским административным аппаратом согласно нормам шведского права и системы налогообложения. В средние века в Финляндию шел заметный приток шведских иммигрантов: торговцев, ремесленников, селившихся в городах, а также крестьян. В итоге в XVII веке на западном и южном побережьях страны (на Аландских островах) сложились компактные области расселения шведов.

Иначе складывалась история литовского народа. Перед лицом надвигающейся иноземной (немецкой) агрессии князем Миндаугасом (Миндовгом) в 1240 году было создано Великое княжество Литовское, в состав которого вошли и завоеванные им западнорусские, белорусские и украинские земли. При Витаутасе (Витовте) Великом (1392—1460) владения княжества простирались на юге до бассейна реки Донец. Интересно, что при формировании властной системы и законодательства был использован опыт Киевской Руси (IX—XII века) — отнюдь не случайно официальным государственным языком был древнерусский. Интересно, что на нем были написаны первые литовские летописи и

более поздние документы, в том числе знаменитые Литовские статуты XVI века.

Военная и политическая ситуация склоняла Великое княжество Литовское к союзу с ближайшим соседом — Польшей, одним из самых влиятельных и сильных государств этой части Европы в то время. Совместное противостояние и борьба против наступления немецких крестоносцев привели к последовательному их объединению. Великий князь литовский Йогайло (Ягайло) в 1385 году подписал в городе Криве польско-литовскую унию, а затем принял католичество и заключил династический брак с польской княжной Ядвигой. С 1387 года католическая вера становится государственной религией Литвы, которая до этого оставалась последней в Европе феодальной державой, сохранявшей язычество. Принятие христианства повлияло на процесс полонизации литовских феодалов; города страны получили права на самоуправление (магдебургское право). Новая Люблинская уния 1569 года с Польшей привела к созданию нового государства — Речи Посполитой. Оно включило в себя также и восточно-латышские земли (так называемые «инфлянты»), до 1561 года бывшие частью Ливонии, но часть Западной Литвы — Клайпедский край — осталась за орденом. Отношения между соседними государствами складывались сложно, и если еще в 1410 году в знаменитой битве при Грюнвальде литовско-польские и русские войска выступали как союзники против орденских войск, то во время Ливонской войны Речь Посполитая неоднократно воевала против армии Ивана Грозного.

Частые и длительные войны — самые драматические страницы в истории народов Балтийского региона вплоть до XVII века. Достаточно перечислить лишь некоторые из них: Ливонская война между Ливонией и Московской Русью, длившаяся 25 лет; многочисленные польско-литовские и шведско-русские войны XVI—XVII веков; многолетняя шведско-польская война 1600—1629 годов. В результате в середине XVII века Северная Латвия (Видземе) и вся Эстония перешли к Швеции, Латгалия осталась за Польшей, а в Курземе образовалось зависимое от Польши Курляндское герцогство. Раздробленность этнической территории в течение ряда веков между различными государствами способствовала сохранению многих этнографических особенностей отдельных районов Латвии. Это сильно отличает историю латышского народа от соседей — эстонцев и литовцев. Здесь на протяжении семи веков словами «крестьянин», «мужик» называли латыша, а «господином» был немец.

Все эти войны приводили к неоднократному перекраиванию этнополитической карты реги-

она, несли смерть, голод, разруху для мирных людей. Так, почти четыре века перманентной войны (XII—XVI века) и последовавшая в начале XVII века чума поставили коренное население на грань демографической катастрофы. По некоторым данным в тот период оставалось всего 100 тысяч эстонцев, погибли две трети населения Латвии (из 500 тысяч осталось 200 тысяч человек) и треть населения Литвы и Финляндии.

Очевидна громадная роль в развитии культурных контактов Северного Средиземноморья Ганзейской торговой системы. В XIV веке она претерпела определенные изменения в связи с борьбой скандинавских стран против ганзейских городов, отменой их торговых привилегий в Дании, Швеции и Норвегии. Многие торговцы и ремесленники переселились в соседние города, и на первое место выдвинулся основанный тогда же Любек. Это передвинуло прежние торговые пути ближе к южному побережью Балтики, значительную роль стали играть Ревель (Таллин), Рига, Турку и многие другие города, число которых к этому времени заметно увеличилось. Длительные торговые отношения жителей этих городов перерастали в семейные. Население городов богатело, активная заморская торговля способствовала бурному строительству.

Именно в эту эпоху в регионе происходили сложные и весьма важные внутри- и внешнеполитические события, связанные с переделом территорий между сильными в ту пору государствами, христианскими и светскими властями, складывалась граница противостояния Востока и Запада, предreshившая на многие века суть и характер исторических судеб народов, живших по разным сторонам границ.

Одним из самых значительных для региональной истории событий стало завершение Северной войны 1700—1721 годов России со Швецией, предпринятой Петром I для завоевания выхода к Балтийскому морю. Согласно Ништадтскому мирному договору (1721) Эстляндия и Лифляндия (Видземе с Ригой), а также Юго-Восточная Финляндия (впоследствии — Выборгская губерния) вошли в состав Российского государства. В 1772 году по первому разделу Польши к России была присоединена Латгалия и, наконец, в 1795 году присоединением Курляндии закончилось политическое воссоединение латышских земель. После окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году к России была присоединена большая часть Литвы, а в 1815 — и Занеманье (левобережье Нямунаса). Лишь Клайпедский край оставался во владении Пруссии.

В 1809 году после поражения Швеции вся Финляндия по Фридрихштадтскому мирному договору вошла в состав Российского государства со статусом автономного Великого княже-

Центр средневекового Турку – первой столицы Финляндии, сгоревшей во время пожара 1827 г.

Воспр. по: Turun linna. Turku, 1980

Документально установлено, что знаменитые Домские соборы в Турку и Таллине, задававшие определенный региональный архитектурный канон, были построены одной группой мастеров.

Фреска с изображением богатых горожан Финляндия, Турку. XVI в.

Воспр. по: Turun linna. Turku, 1980

ства. Финляндии были гарантированы конституция и самоуправление, хотя сейм был создан лишь в 1863 году. Высшая финская администрация подчинялась через генерал-губернатора непосредственно императору России.

По-другому развивались события в Прибалтийском крае. Петр I и его преемники сохраняли прежние сословные и автономные привилегии остзейского баронства и крупного бюргерства. Соответственно немецкий язык долгие века был единственным государственным языком в Остзейском крае, хотя церковное богослужение велось на национальных языках. Так, вплоть до 1880-х годов Прибалтика управлялась согласно «Своду местных узаконений губерний Остзейских». Высшими органами местного самоуправления в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях оставались баронские ландтаги.

На территории Литвы, особенно после подавления восстания 1863—1864 годов, правительство стало проводить русификаторскую политику, объявив запрет на литовскую печать и преподавание родного языка, что нанесло большой ущерб культуре литовцев.

Присоединение Латвии, Эстонии, Финляндии к России, несмотря на политику явной русификации, создало, тем не менее, благоприятные условия для интенсивного культурного и экономического развития. Так, в 1820—1830-е годы отмечены все признаки формирования финской нации, а в 1850—1870-е — эстонской и латышской. Интересно, что в первые годы XX века

именно в Финляндии женщины первыми в Европе получили право участия в государственных выборах.

В числе общих явлений, отражающих специфику исторических процессов в регионе, — этническая и сословная неоднородность. К концу XIX века крестьяне были преобладающей частью коренного населения. Весьма незначительную долю составляли национальная буржуазия, интеллигенция и духовенство. Сановная и дворянская аристократия Эстляндии, Лифляндии и Курляндии формировалась из остзейских немцев, в Финляндии — из шведов, в Литве же в силу иных исторических обстоятельств она складывалась из представителей национальной — литовской и польско-литовской знати еще со времен средневековья.

Евреи переселились в Литву в конце XIV века из-за преследований в ряде стран Западной Европы. Их общины пользовались в Литовском княжестве самоуправлением, верхушка общины занималась откупом различных государственных пошлин, давала займы и вскоре экономически укрепилась. Основными занятиями еврейского населения, проживавшего в основном в местечках черты оседлости, а с XIX века и в крупных городах Литвы, были торговля и ремесло, особенно столярное, плотницкое, портновское и обувное. С XVI века евреи стали селиться в Латгалии и Курляндском герцогстве, а с XVII века и в Риге.

Татары компактными группами населяли Алитусский и Вильнюсский районы Литвы. История их появления такова. В XIV веке хан Тохтамыш прислал татарских воинов с семьями для помощи союзным войскам князя Витаутаса (Витовта). Они были расселены в соответствии с их военной организацией: сотнями и сороками. До сих пор одно из татарских поселений под Вильнюсом называется «Сорок татар». По мере того как утрачивалась необходимость в военных услугах татар, они постепенно становились крестьянами. В XIX — начале XX века татары были известны как хорошие огородники и возчики, столяры, портные и кожевники.

Караимы (этноним происходит от названия одной из сект иудаизма, отвергавшего Талмуд) появились в Литве фактически одновременно с татарами: великий князь Витаутас вывез несколько сот караимских семей во время одного из походов в Крым и расселил недалеко от своей столицы в Тракае. Здесь, а также в Паневежисе и Вильнюсе, они жили и в начале XX века.

Компактные поселения русских староверов сформировались в Восточной Прибалтике сразу же после раскола Русской православной церкви 1654 года, когда гонимые властью последователи древнего благочестия переселялись в ближайшее зарубежье на опустевшие в ходе предшествующих военных действий территории. Число их было достаточно велико. Все они принадлежали к беспоповским толкам: в основном к поморскому, федосеевскому и в меньшей степени к филипповскому. В Эстонии русское старожильческое население сосредоточено в Причудье, в Литве они заселили в основном северо-восточные районы — окрестности Утена, Рокишкиса и Зарасая. В Латгалии к середине

XIX века проживало около 20 тысяч русских старообрядцев. Известные духовные центры старообрядчества в Латвии и ныне сосредоточены в Риге, Резекне и Даугавпилсе. Преобладающее число современных старообрядцев Прибалтики являются последователями Древлеправославной Поморской церкви.

Число русских в странах Прибалтики стало заметно увеличиваться во второй половине XIX века, когда правительство поощряло переселение русских крестьян после польско-литовского восстания 1863 года, позже — в связи с развитием промышленности, строительством железных дорог и морских портов.

Поляки заселили земли на юго-востоке современной Литвы и в Латгалии во времена Речи Посполитой, названные Польские Инфлянты.

Шведы в Эстонию переселялись в XIII—XIV веках в силу религиозных притеснений и населяли острова Моонзундского архипелага (в настоящее время — Западно-Эстонский): Вормси и Рюно (Рухну), Куно (Кихну), Даго (Хийумаа). Колония шведских баптистов завершила свою семивековую историю в конце Второй мировой войны — они реэмигрировали на историческую родину.

Первая мировая война, революции 1905—1907 и 1917 годов активизировали попытки создания самостоятельных государств. Так, Временное правительство было вынуждено объявить о восстановлении автономии Финляндии, отмененной манифестом 1899 года. Провозглашение Советской власти в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве было кратким эпизодом местной истории и имело различные последствия. В борьбе с силами Антанты Красная армия потерпела здесь поражение, и согласно Тарту-

Тракайский замок на острове Гальве Литва. Начало XV в. Фотография XX в.

Тракайский замок, знаменитая резиденция великого князя литовского Гедиминаса, был построен на месте первоначального деревянного. Его доминантой является шестиярусная башня-донжон. Замок был разрушен в XVII в. и восстановлен спустя два с половиной века.

Латыш
Курляндская губ.,
Голдингенский у.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-2966

Литовка
Местность
не выявлена.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-22878

Эстонский крестьянин
Эстляндская губ.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-10963

скому мирному договору 1920 года Эстония, Латвия и Литва (с 1919 г.) впервые получили независимость и провозгласили себя республиками. Однако Вильнюс и Вильнюсский край в течение 19 лет находились в составе Польши, а Клайпедский край имел автономный статус, сохранявший привилегированное положение для местного немецкого населения. Еще ранее (лето 1919 г.) была провозглашена республика в Финляндии.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

По данным антропологии большинство народов Балтийского региона представляет собой беломоро-балтийскую ветвь североатлантической группы европеоидной расы. Зона ее распространения простирается от Балтийского до Белого моря. Это самая светлопигментированная раса, и прежде всего это касается цвета волос. Весь третичный волосяной покров развит несколько слабее. Головной

указатель имеет тенденцию к брахикефалии (круглоголовость). Одно из главных физиономических отличий от атлантической расы — более короткий нос, который сравнительно часто имеет вогнутую спинку (до 30—40% случаев). Ученые предполагают, что данный вариант — прямой наследник древнего населения Средней и Северной Европы, претерпевшего процесс депигментации.

Исключение составляют лопари Фенноскандии и Кольского полуострова, относящиеся к так называемой лапоноидной ветви уралолапоноидного типа, занимающего переходное положение между европеоидами и монголоидами. Лапоноидный антропологический тип образовался в зоне древнего контакта европеоидной и монголоидной больших рас. Основные признаки: низкий рост (155—160 см у мужчин), значительная брахикефалия, относительно темная пигментация, малая высота лица, вогнутый профиль спинки носа. Монголоидные признаки — плосколицесть, сильное выступление скул, слабый рост бороды — выражены слабо.

Уже в начале новой эры все местные племена были антропологически неоднородны.

ЯЗЫК

По своей этнолингвистической принадлежности финны, саамы, эстонцы и ливы входят в группу прибалтийско-финских языков финно-угорской общности, как и их ближайшие соседи: карелы, ижора, воль и вепсы. По ряду особенностей саамский язык сближают с самодийскими языками, он отличается большим числом диалектов, различия между которыми очень велики. Впервые этноним «лопарь» появляется в книге Саксона Грамматика в 1190 году.

Языки латышей, литовцев и пруссов образуют балтскую (балтийскую), точнее, летто-литовскую группу индоевропейской языковой семьи и обнаруживают близость, прежде всего, со славянскими языками. На основании изучения топонимики лингвисты установили, что Верхнее Поднепровье и верхнее течение Немана (современная Белоруссия), бассейн Верхней Волги были территорией расселения балтских племен. Балтийские заимствования известны и в языках финно-угров Поволжья (марийцы, мордва), что свидетельствует об их ранних исторических связях. О древних языковых контактах балтов и финно-угров говорят многочисленные заимствования — балтизмы у прибалтийских финнов: это, прежде всего, скотоводческая и земледельческая терминология, названия некоторых растений и животных, термины родства и т.д. Взаимодействие балтийской, финской, германской и скандинавской лексики особенно заметно в терминологии морского рыболовства, мореходства, судостроения и таких ремесел, как деревообработка и ткацкое дело.

Принято считать, что названия ряда финских городов имеют русское происхождение: Турку — от «торг» (в окрестностях будущего города находились новгородские торговые поселения); Каяни — от «Каяно море», как именовался в новгородских летописях Ботнический залив.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Земледелие — исконное занятие жителей Финляндии, материковой Эстонии и внутренних районов Латвии и Литвы. Для XIX века преобладающей системой земледелия оставалось трехполье, однако, в лесных районах Финляндии и отчасти Эстонии сохранялась древняя подсечная система. Князь А.И. Вяземский, побывавший в Южной Финляндии в 1782 году, с удивлением отмечал, что местные крестьяне выращивали хлеб не только для себя, но и поставляли в Швецию. Он отмечал: «Мужики живут очень изрядно, и мне кажется, что избыточнее, чем наши». Постепенно определенное распространение стали получать многополье и травосеяние, основательно изменившие характер земледелия,

прежде всего в западных районах. Наряду с озимой рожью — главной зерновой культурой — сеяли яровые ячмень и овес, коноплю, горох, гречиху; из технических — в основном лен, а также сажали картофель.

Сельскохозяйственный инвентарь включал архаичные и специфические орудия труда, применявшиеся в особых природных условиях, в том числе — эстонское рало. Это орудие в народе называли «свиное рыло», поскольку механизм его действия, приспособленного для неглубокой вспашки на каменистых почвах, напоминал, как свинья рыхлила землю для добычи пропитания. Распространенными пахотными орудиями являлись сохи различных типов. Бытование конкретных приспособлений и приемов земледелия было обусловлено особенностями почвы, климата, природы и закреплено местными традициями. Картографирование сельскохозяйственного инструментария, как и многих других компонентов культуры (типов жилых и хозяйственных построек, мужской и женской одежды, пищевых рационов, форм семейной и календарной обрядности), говорит об их древних этнических истоках и зачастую указывает на свое конкретное племенное, региональное или заимствованное происхождение. Так, например, старинные моло-

Эстонка-сету
Псковская губ.,
Печорский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2247-17

Финн
Финляндия,
Выборгская губ.
Фотография 1860-х гг.
РЭМ 8764-22876

тильные скамьи в Эстонии и на севере Латвии были наилучшим образом приспособлены для тяжелых, с твердой остью колосьев местной ржи. Если же для уборки зерновых в восточных районах использовали восточноевропейского типа серпы и полукосу с граблями, то в западных — большие двуручные косы. Дольше всего старинный крестьянский инструментарий сохранялся в Литве, Латгалии, на островах и востоке Эстонии. Локальные различия касались и видов рабочего скота: так, на востоке Финляндии и Эстонии, в Латвии и Литве применялись исключительно лошади, а на западе Финляндии и северо-западе Эстонии — волы.

С другой стороны, крупные крестьянские хозяйства по примеру помещичьих имений со второй половины XIX века стали приобретать и даже выписывать из-за рубежа через распространявшиеся сельскохозяйственные журналы новую технику, удобрения, вводить новые приемы промышленного земледелия. С этого времени стали известны так называемые «прусские плуги», уборочные машины, конные и паровые молотилки.

Заметное место в крестьянском хозяйстве занимало и животноводство. Разводили лошадей, коров, овец, коз, свиней и домашнюю птицу. В Литве и восточных районах Эстонии и Латвии еще в XIX веке существовал обычай совместного выпаса скота, так как вплоть до процесса расселения на хутора здесь сохранялись общие деревенские выгоны. Для этого на общем сходе выбирали старшего пастуха, чаще всего из бедных крестьян. Ему помогали мальчики-подпаски. Первый выгон скота, как и у всех земледельцев Европы, был приурочен ко дню св. Георгия, который согласно поверьям «открывал» ключом землю и тем самым способствовал росту трав.

После отмены крепостного права животноводство стало приобретать товарный характер, прежде всего у эстонцев и латышей. Упорная селекционная работа позволила вывести знаменитые породы мясомолочного скота: латвийскую бурую корову, эстонских черно-белую и красную, ряд беконных пород свиней, а также

Пастухи на пастбище, играющие на трубах Литовцы. Виленская губ., Шяуляйский у. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 832-15

На с. 288

Уборка ржи полукосой и грабельками Литовцы. Литва. Фотография начала XX в. Частное собрание

Обрезание головок льна Латыши. Латвия, Латгалия. Фотография первой четверти XX в. Воспр. по: Linu apstrādes darbarīki. Rīga, 1985. P. 9

Вязание снопов Эстонцы. Эстляндская губ., Гапсальский у., о-в Моон (Муху). Фотография 1913 г. РЭМ 5657-1

Вспашка земли сохой Латыши. Лифляндская губ. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 786-5

заметно улучшить качество овец. В итоге уже с середины XIX века наметилась тенденция к специализации хозяйств на молочном животноводстве и свиноводстве, которые постепенно превращались в ведущие отрасли эстонской и латвийской экономики. При этом заметим, что свежее молоко, сметана, масло и мясо в основном шли на продажу, а в рацион крестьянского питания вошли лишь в первой трети XX века.

В хозяйственном году жителей морского побережья чередовались земледельческие и рыболовецкие сезоны. Но жители островов и прибрежной зоны занимались ловом рыбы круглогодично, оно было основным и часто единственным занятием и средством существования. С давних пор на Балтийском море добывают салаку, корюшку, камбалу, угря, кильку, треску, сига, лосося. Весенняя путина длилась со второй половины апреля до Иванова дня (24 июня), летняя — до августа, а осенняя — до появления ледяного покрова. Свежая и копченая рыба сдавалась оптовым скупщикам. Главными рынками сбыта были Финляндия и Швеция, продавали

рыбу также в Ревеле («ревельская килька») и Петербурге.

Из активных способов лова самыми архаичными оставались: лов с помощью блесны и крючков, ночное лучение камбалы острогой и зимний лов в прорубях на островах (на угря к этому времени стали ставить переметы). Также использовали такие древние способы пассивного лова, как перегораживание реки с помощью мощных бревенчатых заколов и установкой в них плетеных из веток и корней массивных ловушек — «вершей» и «морд». К концу XIX века многие способы и инструменты лова уже имели общерегиональный характер.

Тюлений промысел являлся давним занятием населения Балтийского моря; здесь тюленя ловили в больших количествах. Охота начиналась, как правило, в марте; артель состояла из 5—7 человек, которые оставались в море месяц или два. Вот как описываются финны-тюленьщики Вазаских шхер в издании «Живописная Финляндия»: «Для тамошнего населения охота на тюленей является настолько же спортом, как

В.А. Петцольд
Ливские рыбаки
из Колкаса
Акварель. 1846

Художник В.А. Петцольд участвовал в поездке известного исследователя жизни и языка ливов А.М. Шёгрена и сделал редкостные акварельные рисунки, которые ныне хранятся в Русском географическом обществе.

Охотники на тюленя Финны. Финляндия. Фотография начала XX в.
Воспр. по: Живописная Финляндия. Гельсингфорс, б/г

и промыслом. Это люди, закаленные в борьбе с природой, нечувствительные к холодному, пронизывающему морскому ветру и готовые без боязни идти навстречу всякой опасности. [...] Большой баркас они тащат по льду, а ялики с ружьями, съестными припасами, дровами и пр. везут на санках. Если ветер попутный, то, дойдя до открытого моря, они поднимают парус и лавируют между льдинами, отыскивая подходящее для охоты место». На льду устанавливали специальные будки или невысокие заграждения, за которыми устраивались охотники в маскировочной белой одежде. Промысловое значение имели тюленья шкура и жир.

Поскольку взрослое мужское население островов практически весь весенне-летний и осенний сезоны было в море, на долю женщин выпадал труд земледельца. Островитянки пахали, боронили землю, то есть исполняли всю ту работу, которая на материке считалась исключительно мужской.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Благодаря длинной береговой линии и разветвленной сети внутренних водных путей сообщения у народов Балтийского региона в различной степени были развиты средства водного транспорта. Так, на порожистых реках Финляндии применяли узкие легкие лодки. В целом известно двенадцать типов лодок для передвижения во внутренних водоемах. Морские лодки с парусом отличались низкой осадкой, были широкими и тяжелыми, что помогало преодолевать морские волны.

Для сухопутного передвижения и перевозки грузов широко применялись разного рода волокуши, дровни, дроги с платформой и без бортов и сани, в том числе летние. Один из авторов XVII века писал, что крестьяне Эстляндии и Лифляндии, как мужчины, так и женщины, ездят верхом или пользуются телегами, сделанными целиком из дерева. Широко распространены были легкие выездные сани восточноевропей-

Строительство морского парусного судна Эстонцы. Эстляндская губ., Гапсальский у., о-в Даго (Хийумаа). Фотография начала XX в.
РЭМ 5657-57

Рыбацкая гавань в Гельсингфорсе
Фотография
начала XX в.
Воспр. по: Живописная
Финляндия.
Гельсингфорс, б/г

Во второй половине XIX в. морское и пресноводное рыболовство на крупных реках и озерах стало уже фактически товарным. Приведем описание из «Живописной Финляндии»: «Рыбацкая гавань в Гельсингфорсе служит сборным местом для рыбаков, которые издавна съезжаются сюда для сбыта своего улова и для закупок. С ближайших островков рыбаки каждое утро привозят свежую рыбу. Кроме рыбы тут продаются и другие жизненные припасы, как то: картофель, яйца и дичь; эстонцы привозят картофель, аландцы – салаку. Особенное оживление господствует в рыбацкой гавани во время осенней ярмарки».

Парусники на р. Эмбах
Эстонцы.
Лифляндская губ.,
Юрьевский у.
Фотография первой
четверти XX в.
РЭМ 5657-79

ского типа; ими пользовались во время свадьбы и для поездки по праздникам в церковь и в город. Спинки кузова и борта таких саней украшала полихромная растительно-геометрическая роспись. Русские ремесленники Латвии изготавливали легкие сани петербургского типа, а также широкие — казанские.

Колесный транспорт у народов региона появился поздно, и только в середине XIX века зажиточные крестьяне стали снабжать телеги железными осями и окованными колесами. Из традиционных упряжных животных известны

олень (саамы), лошадь (латыши, литовцы, эстонцы, финны), изредка волю (финны, эстонцы).

В зимнее время повсеместно в Финляндии пользовались лыжами. Так, из старинных типов лыж известны ступательные в виде плетеных ракеток на обруче и лыжи-голицы, подбитые мехом. В древнем типе существовала разница между левой — скользящей, узкой и правой — короткой, подбитой мехом лыжей, используемой для отталкивания. Различия имелись и в форме палок в зависимости от предназначения лыж: для охоты или передвижения.

Девушки с самопрялками
Литовцы.
Местность не выявлена.
Фотография начала XX в.
РЭМ 8764-10752

В мифологии народов Балтийского и Баренцева регионов ткачество выступает как космогонический акт творения или «тканье света» (латыши). Неслучайно в эстонской традиции исполнение эпических сказаний о сотворении мира образно называется «витьем песен», а повествование о временах героев начинается словами: «Ткать сказание начну я, вытку облики былого, чтоб глядели как живые». Ткачеством, согласно мифологическим представлениям, занимаются дочери Солнца, Месяца или Морские девы, когда готовится к свадьбе. В балтском мифе о «небесной свадьбе» рассказывается, как богиня зари Аушра, дочь бога-громовержца Перкунаса, подносит золотой пояс дубу (символ мирового дерева), а Солнце одаривает деревья белым покровом весеннего цветения, который в латышских народных песнях сравнивают с белым наплечным покрывалом женщины. Синие и черные покрывала уподобляют небу и морю. Широко распространены были представления о тканях и несшитых архаичных частях одежды как оберегающих покровах. К ним относятся женские полотняные головные уборы и покрывала, наплечные и поясные покрывала и передники. Считалось, что сотканная богиней счастья Лаймой простыня оберегает женщину во время родов, платок Лаймы, подложенный ею новорожденному, предопределяет счастливую будущую жизнь, а полотенце, которое стлали перед новобрачными, называют «дорогой Лаймы».

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Существенную роль в крестьянском хозяйстве играли домашние ремесла. Каждый хозяин хутора умел делать все: от орудий труда до домашней утвари. Ранее других в качестве самостоятельных ремесел обособились кузнечество, гончарство, столярное, плотницкое, бондарное дело.

Из всех видов домашних занятий в быту народов Балтийского региона особенно велика была роль ткачества, что позволяет назвать их культуру «текстильной». К началу XIX века в странах региона существовали крупные ремесленные центры и значительное число профессиональных сельских ткачей. Особенно в этом отношении выделяется Латвия.

Местное текстильное производство представлено большим разнообразием техник: тканье на бердечке и собственно ткачество, плетение «на дощечках», «на пальцах», витье, вязание, ковроткачество, войлоковалание. Самыми распространенными материалами были лен и шерсть.

Со времен Ганзейского союза для постановки ткацкого производства в городах и создания мануфактур в имениях местной аристократии приглашали специалистов из известных центров — Силезии, Богемии, Фламандии и Франции, благодаря чему были привнесены новые технологии, трудовые навыки, усовершенствованные орудия труда: уже к XVII веку было налажено производство сложных многоремизных тканей из шерсти, «льняного дамаста», длинноворсового ткачества в технике «рю». Цеховая организация городского ремесла в средневековье сказала впоследствии и на организации сельских курсов ткачей.

Богатство и достоинство человека и его дома оценивалось по количеству и качеству используемого им текстиля. На праздники по стенам жилых помещений развешивали покрывала, ковры, полотенца, дорожки. Несоразмерно большое количество отдельных деталей отличает праздничный костюм. Например, латышские женщины одновременно надевали до девяти наплечных покрывал — «виллайне» и трех юбок. В состав приданого обязательно входили рубахи,

Покрывало
с вышивкой гладью
Эстонцы.
Эстляндская губ.,
у. Ляянемаа. 1920-е
РЭМ 8157-89

Плетение поясов
на палочках
Эстонцы.
Местность
не выявлена.
Фотография
начала XX в.
Из собрания РЭМ

Особую роль в формировании эстонского национального стиля художественной вышивки, в частности, орнамента сыграли вышивальщицы о. Муху. В крестьянскую среду она проникла через городских и мызных мастериц-немцев в конце XIX — начале XX в.

Ее характерными особенностями являются принцип контраста, реалистическое моделирование цветов. Специфический мотив мухуской вышивки — цветы и ягоды земляники.

Самый древний и наиболее распространенный вид ткачества у народов Балтики — изготовление поясов, тесемок и перевязей различного назначения. Они играли важную

обрядово-ритуальную роль в культуре финнов, эстонцев, латышей и особенно литовцев.

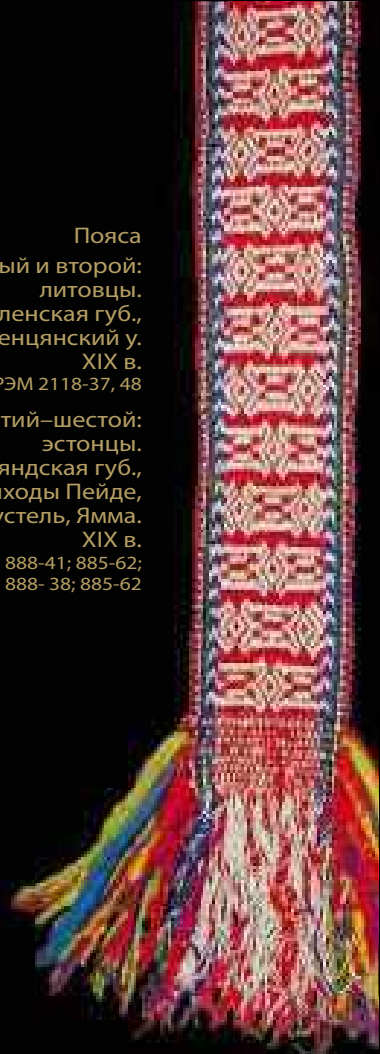
Из пояса делали девичьи венки и первые же свивальники для новорожденного; на поясе же подвешивали к потолку колыбель в тот день, когда туда впервые клали младенца.

Сотни поясов изготавливали девушки для приданого и не только раздаривали их родным и гостям на свадьбе, но и жертвовали так называемым «хозяевам» дома, бани, колодца.

Поясами обвивали свадебные дуги и хомуты лошадей, перевязывали подарки, подпоясывали дорогих гостей. Пояс также является древним небесным символом: так, латыши и литовцы называли радугу поясом богини Лаймы, дочери бога Диевса.

Пояса
 Первый и второй:
 литовцы.
 Виленская губ.,
 Свенцянский у.
 XIX в.
 РЭМ 2118-37, 48
 Третий-шестой:
 эстонцы.
 Лифляндская губ.,
 приходы Пейде,
 Мустель, Ямма.
 XIX в.
 РЭМ 888-41; 885-62;
 888-38; 885-62

Виллайне –
 женское наплечное
 покрывало из трех
 частей: двух
 шерстяных и
 льняной
 Латыши.
 Курляндская губ.,
 Руцава. Вторая
 половина XIX в.
 РЭМ 1969-29

Фрагмент
 свадебного покрывала
 Эстонцы.
 Эстляндская губ.,
 Ревельский у. 1870-е
 РЭМ 10561-8

Фрагменты женских
 праздничных передников,
 тканых в технике кайшитинес
 Литовцы. Сувальская губ.
 Вторая половина XIX в.
 РЭМ 2118-12; 2128-3

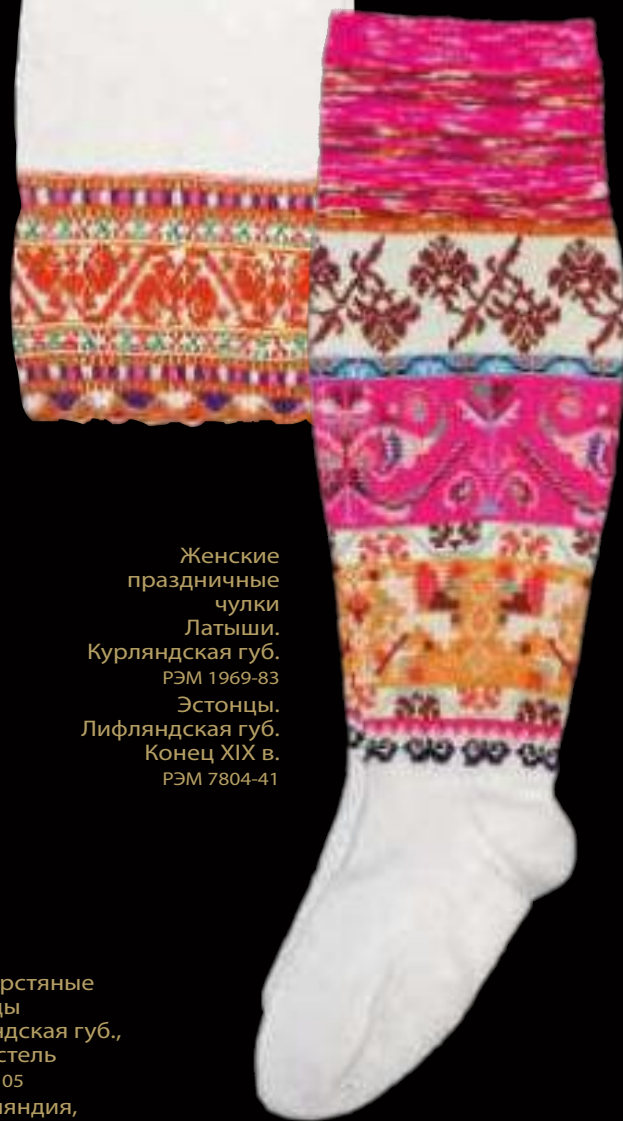
Покрывала из шерсти
 Латыши. Лифляндская губ.,
 Вецпиебалгский и Рижский у.
 Начало XX в.
 РЭМ 8250-11; 8382-98

Фрагмент праздничной юбки,
 тканой в технике дреллис
 Латыши. Курляндская губ.,
 Добленский у.
 Середина XIX в.
 РЭМ 1969-48

Женские
праздничные
чулки
Латыши.
Курляндская губ.
РЭМ 1969-83
Эстонцы.
Лифляндская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 7804-41

Свадебные шерстяные
рукавицы
Эстонцы. Лифляндская губ.,
приход Мустель
РЭМ 885-105
Финны. Финляндия,
Выборгская губ.,
о-в Койвисто. XIX в.
РЭМ 3217-41

Рукавицы, перчатки и носки, особенно первые, играли важную роль в обрядовой культуре и составляли значительную часть свадебных подарков, поэтому их вязанию уделяли большое время девушки. Считалось, что рукавицы предохраняют от нечистой силы и от злого человека. Особый магический смысл имели цвет и орнамент, выполняющий роль оберега. Так, на кончиках пальцев свадебных перчаток у эстонцев вязали разный орнамент, так как считалось, что каждый палец имел свое особое предназначение, а у финнов в кончики вшивались красные кисточки. Бахрома перчаток препятствовала проникновению злой силы, которая запутывалась в длинных нитях шерсти.

Полотенца
Литовцы. XX в.
РЭМ 8566-1, 1111-15

Кувшин
Мастер П. Чернявскис.
Латыши.
Латвия, Латгалия. XX в.
РЭМ 7157-164

Ваза
Мастер С. Калве.
Латыши.
Латвия, Латгалия. XX в.
РЭМ 10812-141

Декоративные тарелки
Мастер Е. Дранда.
Латыши.
Лифляндская губ.,
Валкский у. Конец XIX в.
РЭМ 1968-58, 70

Керамика Екапса Дранды (1853–1915), народного мастера из Смилтене, отражает формирование в Латвии крестьянской традиции изготовления декоративной утвари. На Международной выставке 1937 г. в Милане его работы были удостоены серебряного приза.

Гончар за ножным
гончарным кругом
Латыши.
Лифляндская губ.,
Венденский у.
Фотография 1920-х гг.
РЭМ Ф 876-10

юбки, кофты, покрывала. Считалось, что хорошей невестой является та, что может с головы до ног одеть будущую свекровь. Количество поясов, вязаных рукавиц и перчаток, раздариваемых на свадьбе у литовцев, латышей и эстонцев, порой доходило до нескольких сотен. Велика была символическая и магическая роль тканых и вязаных предметов.

Неслучайно в XIX веке, в период национального пробуждения, именно крестьянские ткани и костюм стали осознаваться как ярчайшие символы народных культур региона.

Среди крупных центров гончарства необходимо назвать сельские округа на западе Литвы, а в Латвии — многие деревни на востоке, в Латгале. Здесь сложились целые династии потомственных мастеров-гончаров, первоначально изготавливавших только бытовую глиняную утварь, а затем, по мере сложения ремесленного центра и появления спроса, и декоративную керамику.

Работу латгальских гончаров отличает не только приверженность архаичным технологиям обработки глины, обжига и нанесения глазури, но и определенная цветовая гамма: зеленый, желтый, коричневый. Заметим, что именно ограниченный цветовой набор и постоянное экспериментирование с глазурованием позволяют создавать изысканные и тонкие переходные тона. Монументальность форм горшков, кувшинов, ваз, подсвечников — другая отличительная

черта местной традиции. Особенности декора: рельефные и фигурные украшения в виде волнистых лепных зубков, поясков, юбочек, волнообразных ручек и особого волнообразного края ваз, лепные фигурки, гравировка и процарапывание геометрического и растительного узора на туловах сосудов — вырабатывались и складывались постепенно. Благодаря объемному пластичному декору низкие тяжелые тулова ваз для цветов напоминают женскую фигуру, и не случайно волнистый лепной орнамент называется брунчи (латыш. «юбочки»).

Традиционным мужским ремеслом в Прибалтике всегда считалась обработка дерева. Мужчина должен был хорошо знать поделочные свойства различных пород древесины, когда и где ее заготавливать и как хранить. Наиболее распространенными видами деревообрабатывающих промыслов являлись изготовление средств передвижения (сани и телеги), мебели, предметов домашнего обихода (бочки, кадки, коробка, коробки, корзины). Большое значение

Ярмарка в окрестностях Вильнюса
Литовцы. Виленская губ.,
Свенцянский у.,
г. Свенцяны.
Фотография 1909 г.
РЭМ 2252-34

Мастер по изготовлению
деревянной обуви
клумпес
Литовцы. Ковенская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ Ф 742-62

Клумпес
Литовцы. Ковенская губ.,
Тельшевский у. XIX в.
РЭМ 8762-31334, 31366

Со средневековья на западе Литвы, в Жемайтии было известно изготовление особой деревянной обуви — клумпес. Она была заимствована в эпоху позднего средневековья у мигрантов из Голландии, бежавших во время религиозных преследований в Литву (ср. с голл. «кломпы»). Спрос на клумпес порой бывал так велик, что в торговые дни их продавали на местных базарах сотнями пар.

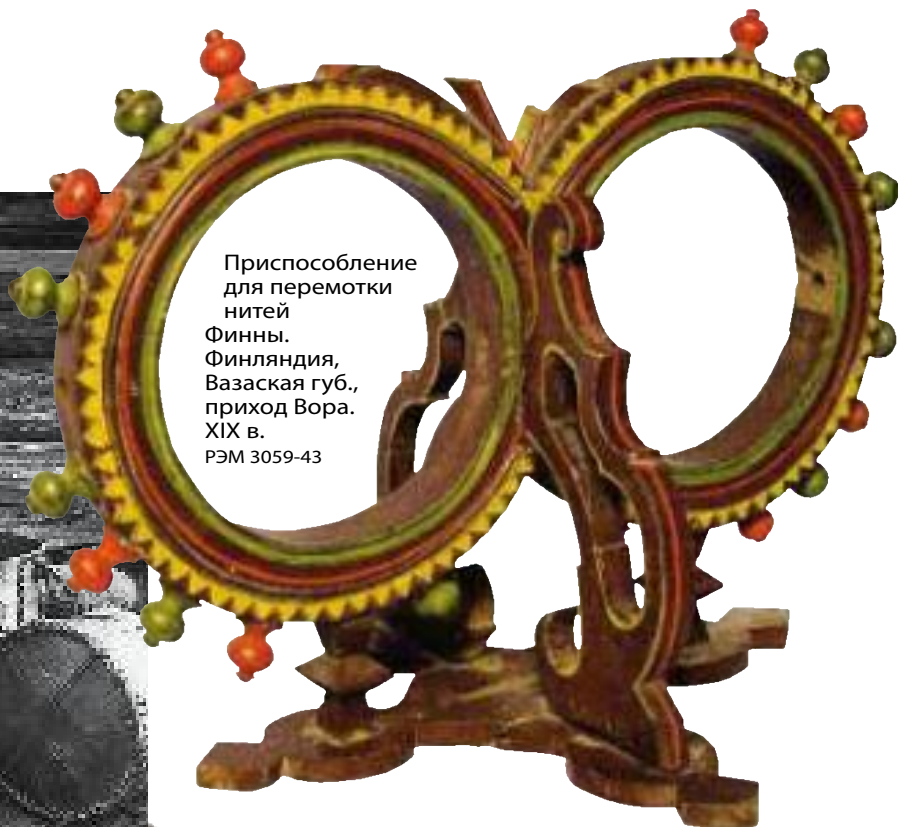

Мастер за изготовлением утвари из луба Латыши. Лифляндская губ., Мадонский у. Фотография 1920-х гг. РЭМ ф 786-12

Свадебные пивные кружки Эстонцы. Лифляндская губ., Анзекюль; о-в Сааремаа. Вторая половина XIX в. РЭМ 880-17, 18; 8112-93

Самыми яркими предметами эстонского народного искусства являлись пивные кружки. Одним из центров по их производству был Авинурме, богатый лесом район на севере Эстонии. Они всегда были разнообразны по форме, материалу, способам изготовления и декорирования. В основном их изготовляли из дуба, ели и особо почитавшегося эстонцами можжевельника. Считалось, что это обладающее специфическим запахом дерево усиливает охранительную и продуцирующую функции предмета, напитка и самого ритуала питья. Свадебные кружки часто делали с двойным дном, между днищами закладывали мелкие камешки или горох. Когда жениху подносили такую кружку, камешки перекатывались, а деревенские остроловы отпускали шутки магического характера.

Приспособление для перемотки нитей Финны. Финляндия, Вазаская губ., приход Вора. XIX в. РЭМ 3059-43

Клещи для хомута. Часть свадебной конской упряжи Финны. Финляндия, Вазаская губ. Вторая половина XIX в. РЭМ 3060-8

Лопасты прялок Шведы. Финляндия, Або-Бьёрнеборгская губ. 1838 РЭМ 3195-1, 3

Гора крестов в Жемайтии
Литовцы. Виленская губ.,
Шяуляйский у.

придавалось резьбе и росписи. Ими украшали свадебные сани и мебель — сундуки, шкафы, стулья, вешалки для полотенец; обрядовые и ритуальные предметы — кружки для пива, короба для свадебных подарков и приданого у эстонцев, лопасти прялок, иглы для кудели и самопрялки. С большим искусством сельские столяры и токари изготавливали праздничные настольные подсвечники и подвесные люстры.

Издrevле поделочным материалом у латышей был липовый луб (лыко), а у финнов и эстонцев еще и береста. Из них гнули самого разного назначения короба и лари, плели кошели, дорожные солонки, лапти. Всеми народами Прибалтийского региона широко использовалась бондарная утварь, пришедшая на смену традиционной долбленной еще в средневековье.

В огромном наследии литовского искусства резьбы по дереву самое значительное место принадлежит религиозной скульптуре и культовым памятникам малых форм — знаменитым резным крестам, так называемым «капличкам». В Литве и Латгале их воздвигали

в различных сакральных местах: на перекрестках дорог, на кладбищах и вершинах холмов, а также в деревнях и на усадьбах. Их ставили по обету в связи с событиями личной и общественной жизни: например, при рождении долгожданного ребенка, избавлении от болезни, возвращении сына из армии. Много подобных крестов появилось в Литве после подавления крестьянских восстаний 1832 и 1863 годов в честь погибших. Святыми для каждого верующего были и остаются такие места поклонения, как Гора крестов в Жемайтии, где установлено около 50 тысяч крестов, а также Калварии (Голгофы) в виде часовен, расположенных вдоль дорог, воспроизводящих Крестный путь Спасителя. Создателями крестов и скульптуры были простые крестьяне, ремесленники, которые называли изображения католических святых «божками».

Крупнейшими центрами деревообработки в Латвии были столярные и мебельные мастерские Видземе (местечки Стрики, Бриежи). Изготовленные здесь точеные стулья, кресла, окрашенные скамьи со спинками в соседней Эстонии называли «латышскими». Транспортные средства и посуда изготавливались в окрестностях Смилтене. О широком распространении деревообрабатывающих занятий говорит латышская поговорка: «Не проси у латыша словоохотливой речи, но проси показать себя в искусстве резьбы».

Резная лопасть
самопрялки
Литовцы.
Ковенская губ.,
Тельшевский у. 1897 г.
РЭМ 2964-97

Ожерелье
Эстонцы.
Эстляндская губ. До 1913 г.
РЭМ 2615-5

Праздничный
женский пояс
Латыши.
Курляндская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 642-20

Различные типы
сакт – праздничный
комплекс женских
нагрудных украшений
Латыши.
Курляндская губ.,
Нидербартавская вол.
Середина XIX в.
РЭМ 331-10; 452-7;
701-10/2, 3, 6, 12; 1969-59 /6;
6697-150,155

Кузнечество — традиционное сельское ремесло, известное у народов региона с давних времен. Кузнец считался самым уважаемым человеком в эстонской деревне. О том, что кузнечное дело было старейшим ремеслом, говорят и данные языка. Общее прибалтийско-финское слово сепп (букв. «кузнец») является основой для называния и других ремесел: пуусепп — «древодел», «плотник», ратасепп — «колесник», кингсепп — «сапожник», пюттсепп — «бондарь». Старинные традиции кузнечного дела сохранились в Эстонии до настоящего времени.

Среди наиболее интересных типов кузнечных изделий у литовцев выделяются кованые навершия, которыми увенчивали каплицы, надгробные кресты, колокольни, церкви. Самым распространенным мотивом наверший является солнце, именно поэтому и сами навершия в народе называют «солнышко». От солнца, помещенного в центр композиции, расходились прямые или волнистые лучи, зачастую змейки (ужики), вьющиеся ветви с цветами. Наряду с этим использовали традиционные мотивы: лунарные (месяц), геометрические, растительные (лилии, елочки) и христианские (кресты, летящие и трубящие в трубы ангелы). Как осо-

Суур сыльг (букв. «большая пряжка») – нагрудная фибула Сету. Псковская губ., Печорский у. Начало XX в. РЭМ 6697-221

Нагрудная фибула Сету. Псковская губ., Печорский у. XIX – начало XX в. РЭМ 6697-189

Единственная вариация традиционной сетуской пряжки. Напоминает археологические фибулы карельского типа, найденные в том числе на территории Труворова городища в Изборске. Наибольшая длина 15,5 см.

бий вид кузнечного ремесла можно рассматривать ювелирный промысел, распространенный у отдельных групп латышей, эстонцев и особенно у сету. В числе высокохудожественных образцов народного ювелирного производства сету — женские нагрудные и шейные украшения XVIII—XX веков, изготовлением которых по заказу сельских жителей занимались многие ведущие ювелиры эстонских городов Выру, Пылва и Тарту. В традиционный сетуский комплект нагрудных украшений входили две фибулы — маленькая, для застегивания ворота рубахи, и большая коническая, украшенная гравированным и чеканным орнаментом. Кроме фибул женщины-сету носили различные ожерелья. К наиболее старинным относятся ожерелья с подвесками в виде крупных листьев, украшенных гравировкой, а также различные варианты жемчугов — низок из крупных серебряных бусин с гладкой или ребристой поверхностью. Бусины чередовались иногда с подвесками-листочками, крестами, монетами. Поверх ожерелий надевали цепи панцирного плетения с крестом, витые с медальоном — пюуртукээди. Во второй половине XIX века формируются новые типы ожерелий: малое монисто — шейный ряд, калакет, большое монисто, ожерелье с пуговицами и др. Неудивительно, что серебряный наряд сетуских женщин поражаел воображение не только своей красотой и «видимым» богатством, но и тяжестью носи-

Крестьянская кузница
Литовцы. Виленская губ.,
Свенцянский у., д. Дисно.
Фотография 1912 г.
РЭМ 2982-7

Янтарные бусы
Литовцы. XX в.
РЭМ 9936-6

мого на себе металла. Длительное бытование комплекта украшений — до середины XX века — ученые объясняют тем, что многие из них, выступая в роли этнического символа, были связаны и с древней женской магией, в частности, продуцирующей и целебной. Оберегом от злых сил, дурного глаза служил звон подвесок и цепей, который был слышен при ходьбе: «Женщин-сету слышно до тех пор, пока не скроются из глаз».

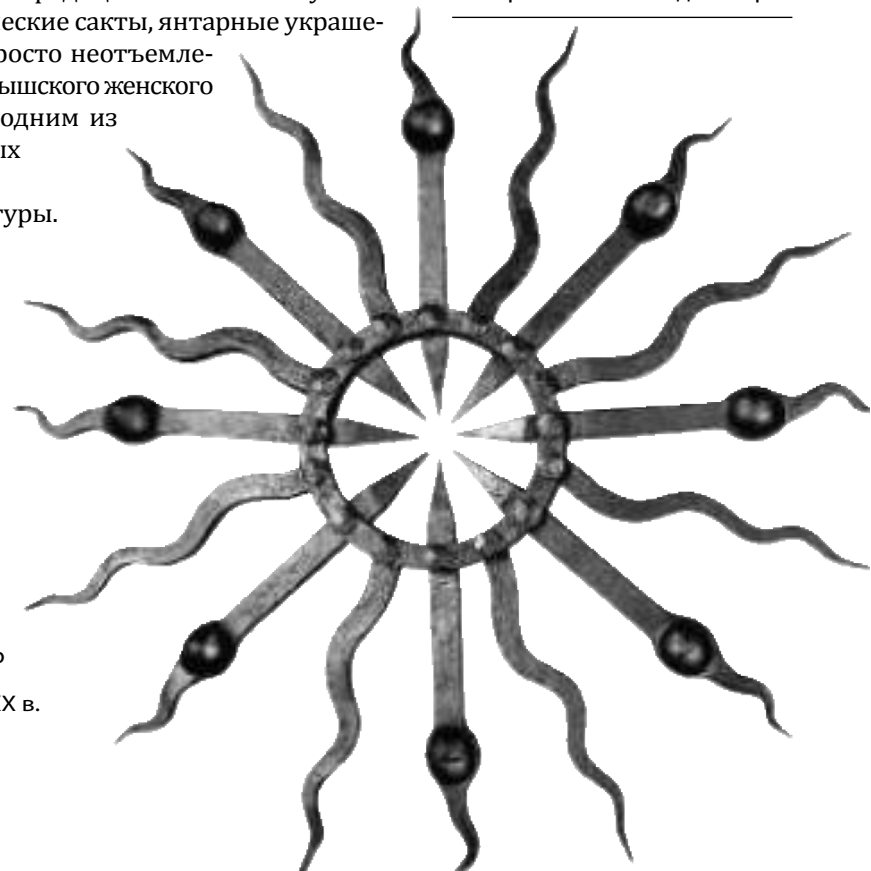
Латышские и немецкие ювелиры изготавливали нагрудные и шейно-нагрудные украшения из серебра, нейзильбера, латуни и янтаря, в том числе традиционные фибулы — так называемые «малые сакты», в виде кольца или сердечка для застегивания ворота мужских и женских рубаш, особо характерных в быту жителей Видземе и Курземе.

Отдельную группу традиционных ювелирных украшений балтских народов составляли янтарные изделия, являющиеся обязательной принадлежностью традиционного костюма, при этом для литовцев были более характерны бусы, а для латышей — небольшие броши-сакты в виде дисков, сердечек и так называемых книпкиенс с подвесками, которыми скрепляли ворот рубаш. Изготовлением янтарных предметов в XIX веке занимались как народные кустари-одиночки, так и специализировавшиеся на этом промысле мастерские. Но еще в XVIII веке крестьянам Курземского взморья под страхом смертной казни запрещалось добывать и обрабатывать янтарь. Однако традиции обработки янтаря имели у латышей и литовцев давнюю историю. Издревле янтарь, обладавший лечебными свойствами, использовался как оберег: кусочки янтаря причудливой формы, бусы, подвески носили не

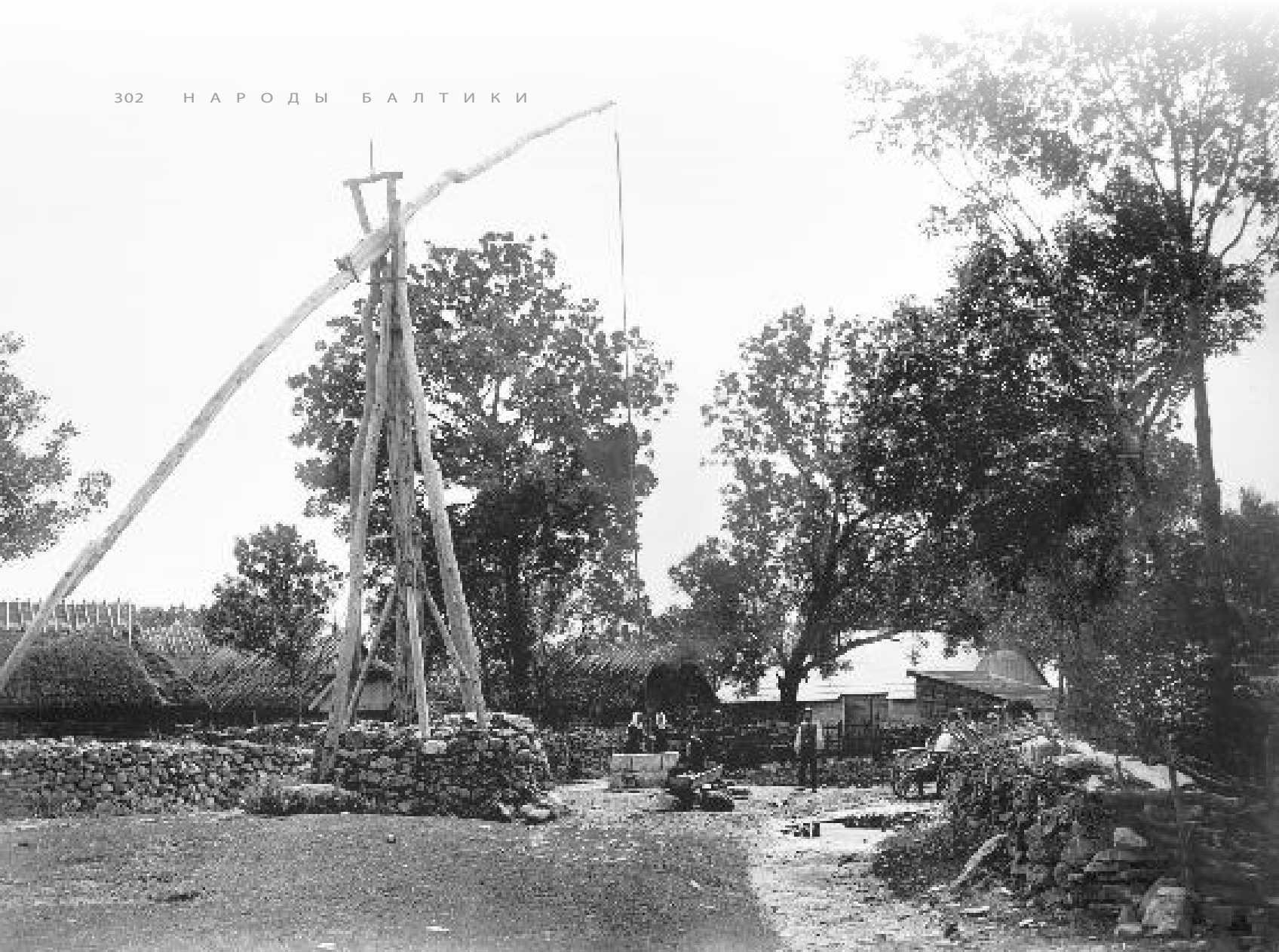
только женщины, но и воины, отправлявшиеся в дальние походы. Из янтаря изготавливали и разнообразные украшения, и культовые предметы, в том числе маски-личины, известные по захоронениям балтских воинов. С раннего средневековья известны нагрудные кресты из янтаря, которые носили рыцари-крестоносцы.

Среди характерных приемов обработки и декорирования изделий из янтаря можно назвать сверление, шлифовку, полировку и гравировку. Формы народных шейных и нагрудных украшений менялись со временем под влиянием художественных традиций высокого искусства. Как и металлические сакты, янтарные украшения были не просто неотъемлемой частью латышского женского костюма, но и одним из самых известных предметных символов культуры.

Кованый
намогильный
крест-солнышко
Литовцы. Мастер
Ю.С. Букаускас.
Литва, Шяуляй. XX в.
РЭМ 10944-64

«Мы прибалты. И в жилах у нас течет янтарь», — это образное выражение принадлежит известному литовскому поэту Э. Межелайтису. Существует множество древних литовских легенд, объясняющих происхождение янтаря. По одной из них он образовался из слез морской богини Юрате, вечно оплакивающей гибель возлюбленного — простого рыбака Каститиса — в своем янтарном замке на дне моря.

Деревенская улица с характерными изгородями из плитняка и колодцем-журавлем Эстонцы. Эстляндская губ., Гапсальский у., о-в Моон (Муху). Фотография 1913 г. РЭМ 5657-137

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Общий облик культурного ландшафта Прибалтики складывался постепенно под влиянием западноевропейской культовой и светской архитектуры, начиная еще с XIII века. Здесь исторически сложилось несколько типов сельских поселений: хутора, деревни и местечки. На преобладающей территории Финляндии, Эстонии и Латвии, в меньшей степени Литвы (фактически в западных районах каждой из стран) самым распространенным типом поселения были однодворные хутора, существовавшие с древних времен. Зачастую они располагались на небольшом расстоянии друг от друга, особенно те из них, которые образовались в XIX — начале XX века в связи с земельными реформами по разбивке деревень.

Для восточных, соседних с зоной расселения славян районов, были типичны малодворные деревни в 10—15 дворов. Они были различны по расположению в них крестьянских усадеб; самые древние по времени возникновения —

кучевые с беспорядочным размещением. На территории Литвы они являются самым старым типом поселения. Более поздним был тип уличных (с XVI в.) и рядовых деревень; последние выстраивались, как правило, вдоль берега моря, реки или крупного озера. Деревни преобладали у жителей морского побережья, что объясняется коллективным, артельным характером труда и взаимосвязанным с этим общинным образом жизни.

Крестьянские усадьбы всегда огораживались заборами, на эстонских островах это были каменные ограды, иногда в рост человека. Вокруг сажали березы, клены, липы, а с начала XX века по примеру старых помещичьих поместий (мыз) — сирень, шиповник и садовые цветы. Особый колорит облику деревни придавали ветряные и водяные мельницы. На островах Эстонии особенно выделялись массивные мельницы с каменными основаниями, которые были видны издалека на фоне плоского ландшафта, сливающегося с линией морского горизонта.

Изба зажиточного
крестьянина
Литовцы.
Виленская губ.,
Трокский у.,
с. Марцинканце.
Фотография 1909 г.
РЭМ 2283-72

Клеть
Литовцы.
Виленская губ.,
Трокский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2283-94

Жилая рига
Латыши.
Лифляндская губ.
Первая половина XIX в.
РЭМ 786-1

Э.Б. Бернштейн
Двухэтажная клеть
1757 г., перевезенная
в 1935 г. и
установленная в
Музее под открытым
небом (г. Рига)
Акварель. 1947
Латыши.
Витебская губ.,
мыза Звиргзденес
РЭМ 6614-7

Интерьер финского крестьянского дома Финны. Финляндия, Вазаская губ. Фотооткрытка начала XX в. Частное собрание

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Облик жилых домов в различных этнолокальных зонах формировался на протяжении многих веков под воздействием самых различных географических, хозяйственных, социальных, религиозных и культурных факторов. Самые старые типы жилого дома представляли собой однокамерное помещение с печью, топившейся «по-черному»; в двухкамерных избах между жилой частью и небольшой хозяйственной каморой могли находиться сени. Наряду с деревянными домами-срубами, как и у русских, строили каркасные дома, а также глинобитные и каменные. Своеобразными были так называемые «вальмовые» низкие четырехскатные крыши из дранки, камыша или соломы. Еще и в начале XX века в приморских деревнях западной Латвии и Литвы можно было увидеть крыши домов, украшенные резными парными головами коней. Жилые дома у финнов нередко обшивали тесом и красили в темно-красный цвет. В помещичьих усадьбах, местечках и небольших провинциальных городах можно было встретить кирпичные постройки с фахверковыми деревянными перекрытиями.

Помимо жилого дома на хуторе размещались хозяйственные постройки: одно- и двухэтажные клетки для хранения зерна, одежды, тканей, служившие летом спальней для молодежи, хлев, конюшня, гумно, риги с гумном (Финляндия, Эстония, Латвия), баня, сарай.

Неслучайно распространение так называемой «жилой риги», преобладающей в Эстонии и на соседней территории Латвии — в Северной Видземе, населенной ливами еще в раннем средневековье. В старину риги были одновременно помещениями для сушки зерна и жилья, позже к риге стали пристраивать отдельную жилую

камору, которая отапливалась «по-черному» печью из риги. Число камор постепенно увеличивалось, тем самым увеличивались и размеры риги. Известны факты, когда зажиточные крестьяне предоставляли помещения старых жилых риг под сельские школы.

Отметим, что в зажиточных хозяйствах, где батраков, безземельных сельскохозяйственных рабочих, иной раз насчитывалось более десяти, для них строили отдельные дома.

На востоке Финляндии, севере Латвии и в Эстонии еще в начале XX века существовал древний тип конусовидной жердевой постройки — летней кухни с открытым очагом.

Другой архаичный вид постройки — баня. В сауне — традиционной парной бане у финнов крестьянки зачастую рожали детей, а знахарки лечили, используя лечебные свойства банной процедуры, различные травы, массаж и эзотерические знания.

ИНТЕРЬЕР

Наряду с домом, близким русской избе, с холодными сенями и русского типа печью (восточная Литва и Латвия), более распространенным был дом с теплыми сенями в центре, так как здесь находилась печь каминного типа с открытым очагом. Уже в XIX веке этот тип дома претерпел серьезные конструктивные изменения: усовершенствование отопительной системы позволило отапливать всю жилую часть дома и по-новому ее зонировать, выделяя чистую — хозяйскую комнату (собственно спальню) и общую для батраков.

Меблировка включала переносные скамьи, кровати, шкафы, коробка для хранения одежды, столы и стулья домашнего и ремесленного изготовления; для финнов были характерны кресла-качалки, в чем сказывалось шведское влияние. В XIX веке распространенным в прибалтийской деревне оставался стиль крестьянского барокко; мебель имела характерные формы, расписывалась, украшалась объемной и сквозной резьбой, мастера ставили на них даты изготовления, а сами владельцы вырезали знаки своего двора.

В подражание обстановке в помещичьих усадьбах и бюргерских домах печи в богатых крестьянских жилищах покрывали цветными изразцами, делали подвесные деревянные люстры для свечей, стены по праздникам зашивали домоткаными покрывалами, а у финнов — ворсовыми коврами; по будням использовали тростниковые циновки. Скатерти и постельное белье являлись повседневной принадлежностью практически повсеместно. Характерной деталью оформления чистой половины дома в Литве и Латгалии были небольшие, украшенные сквозной резьбой полочки для декоративного полотенца и хранения мелочей.

Резной стул
Финны. Финляндия,
Нюландская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 3191-2

Шкаф
Латыши. Лифляндская губ.,
Вольмарский у.,
хутор Кяви. 1788
РЭМ 7808-26

Сундук
для приданого
Литовцы.
Сувалкская губ.,
Волковышский у.
Вторая половина
XIX в.
РЭМ 2128-40 а

Подобные типы
сундуков бытовали
практически на всей
территории Литвы и
среди литовского
сельского населения
Восточной Пруссии
с конца XVIII в. до
первых десятилетий
XX в.

Короба для хранения
женского рукоделия, поясов и лент
Слева: финны. Тавстгусская губ. XVIII в. РЭМ 3059-17
Справа: эстонцы. Лифляндская губ., Эзельский у.
РЭМ 1254-18; 880-21
На крышке большого короба вырезана
дата «1796».

Девушка
в свадебном костюме
Эстонцы.
Эстляндская губ.,
Гапсальский у.,
о-в Моон (Муху).
Фотография 1913 г.
РЭМ 5657-164

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

В давние времена некое единообразие принципов конструирования одежды у прибалтийско-финских, балтских, славянских и скандинавских племенных групп предопределялось сходными географическими и природно-климатическими условиями проживания и давними этнокультурными контактами. Об этом говорят археологические находки эпохи раннего средневековья. Сходство прослеживается в выборе материалов (лен, шерсть, кожа, металлы), составе комплексов и покрое основных компонентов, к которым относятся туникообразная рубаха, женская несшитая поясная и плечевая одежда, полотненчатые головные уборы, пояса, рукавицы, носки и кожаная обувь. Однако дальнейшее развитие народных комплексов одежды происходило в иных условиях: государственные и, соответственно, конфессиональные границы разделили народности края и определили основные направления и тенденции — «польские» (литовцы, латгальцы), «немецко-скандинавские» (финны, эстонцы, ливы, латыши) и «русские» (сету).

Достаточным единообразием отличалась мужская одежда. Уже на рубеже XVIII—XIX веков мужчины носили льняные рубахи с отложными воротниками, жилеты, куртки и длинные кафтаны из добротного сукна приталенного силу-

эта, короткие широкие или длинные прямые штаны из шерсти и льна. неизменными атрибутами мужского костюма были широкополые шляпы с высокими тульями из войлока (летом — из соломы) и круглые вязаные шапочки (в Эстонии и Финляндии), шейные платки, кожаные постолы или сапоги. В числе отличительных декоративных акцентов — узорные шерстяные чулки или носки, рукавицы, тканые, вязаные или кожаные пояса с металлическими пряжками. Для мужских комплексов народной одежды характерно преобладание цветов натуральной шерсти: черного, белого, серого, коричневого. Но были и исключения. На северо-западе Эстонии с появлением в качестве красителя индиго штаны и камзолы шили из сукна, окрашенного в синий цвет. Богатая растительная вышивка шнуром или отделка цветными тканями деталями были характерными декоративными приемами при шитье верхней одежды.

Женский костюм еще в начале XIX века представлял собой юбочный комплекс и состоял из рубахи, юбки, наплечного покрывала, пояса, лифа-безрукавки, кофты, чепца или девичьего венка. Он отличался многоцветностью, большой степенью вариативности, обусловленной сочетанием в одном и том же комплексе реликтовых форм одежды и инноваций XVIII—XIX веков. К XIX веку в Латвии существовало пять основных

На с. 307

Жители о. Рюно
(Рухну)
Шведы.
Лифляндская губ.
Фотография 1901 г.
РЭМ 2597-25

классических комплексов женской одежды, в Эстонии — три, в Литве — шесть; при этом наверняка велико было число локальных вариантов: только на территории Эстонии их насчитывалось более 150.

В женских костюмах жителей финских островов Сейскари и Лавансаари, а также эстонских Сааремаа, Муху, Хийумаа, Рухну, Вормси и других нашла яркое отражение история контактов со скандинавами. Здесь бытовали короткие (до середины голени) плиссированные и пышные колоколовидные юбки, лифы-безрукавки, а также «сарафаны» в виде длинных плиссированных юбок с пришитыми короткими лифами, вязаные колпаки, «кокошники» — трапециевидные чепцы на твердой основе, нарядные блузки — кайсед; кое-где на севере Эстонии вплоть до конца XIX века сохранялись древнейшие набедренные цепочки — рыхуд и т.п. По способам ношения вязаных колпаков и их расцветке было нетрудно определить статус его владелицы: кончик колпака с кисточкой, перекинутый через правое плечо, указывал, что это девушка, через левое — женщина; черный и синий цвета означали траур.

В Латвии можно выделить курземские праздничные комплексы женской одежды, в которых просматриваются черты собственно балтской и прибалтийско-финской традиций. Обилием

металлических украшений, сочетанием ярких цветов отличаются девичий и женский костюмы округа Алсунга. Среди своеобразных элементов костюма — рубаша со стоячим воротом, расшитым бисером и стеклянусом, и наплечное покрывало из темно-синей шерсти — мелене, украшенное по низу металлическими спиралями и листовидными шумовыми подвесками. Это один из самых архаичных типов покрывал, аналоги которого, согласно археологическим находкам, известны с раннего средневековья.

На границе Курземе с Литвой — в Нице, Барте и Руцаве — женщины, как и повсеместно в Латвии, предпочитали наплечное покрывало белого цвета — виллайне (от латыш. «вилла» — «шерсть», «волна шерсти»). Здесь его носили, набросив через одно плечо и скрепив на другом фибулами — сактами или же обернув вокруг торса и перебросив у локтя. Причем покрывало скрепляли не одной, а 3—7 сактами, наложенными друг на друга и связанными красной ленточкой.

В отличие от Латвии в Эстонии наплечное покрывало — сыба — из шерсти белого, черного или коричневого цвета сохранилось лишь в некоторых местах, а его ношение не было обязательным. В Литве же наплечные клетчатые покрывала в праздничный день надевали в основном замужние женщины.

Пожилые женщины в праздничных костюмах Литовцы. Виленская губ., Свенцянский у., д. Мегеляны. Фотография 1912 г. РЭМ 2982-10

Молодые женщины
в праздничных
костюмах у стен
Псково-Печорского
монастыря
Сету.
Псковская губ.,
Псковский у.,
д. Паниковичи.
Фотография 1914 г.
РЭМ 2247-18

Девушка
в праздничном
костюме
Финны.
Финляндия,
Выборгская губ.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-22875

Своеобразие литовского праздничного комплекса определялось несколько иным составом обязательных компонентов женского и девичьего костюмов, покроем и материалом изготовления. Так, в литовский, а также финский и эстонский праздничный комплекс девушки и замужней женщины непременно входил передник — без него считалось неприличным появляться на улице. В центральных историко-культурных областях Литвы (Сувалкия и Дзукия) передник и особенно широкий пояс, изготовленные в технике закладного тканья — кайшитинис и украшенные крупными полихромными розетками, были главными декоративными акцентами всего комплекса одежды. В целом же литовский женский костюм имеет много общих черт с латышским. Это прослеживается в типах головных уборов, покрое рубаш, мотивах орнаментики юбок и в общем строе юбочного комплекса. Колористика и декоративные элементы одежды в Дзукии (на границе с Белоруссией) обнаруживают много общего с белорусским женским комплексом.

Среди архаичных деталей финского женского комплекса — рубаша с богатой подтреугольной вышивкой на груди — рекко, расположенной слева от разреза; несшитые части плечевой и поясной одежды из шерстяной домотканины хурстут известны на востоке страны и у ижор.

Женщины
в праздничных
костюмах
юго-западной
Курземе на
V Празднике
песни в Риге
Латыши.
Фотография
1910 г.
Воспр. по:
Ю. Новоселова.
Латыши. Рига, 1911

Группа мужчин
Литовцы.
Местность
не выявлена.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-10746

Женский
праздничный костюм
Эстонцы.
Эстляндская губ.,
приход Кузаль.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский праздничный
зимний костюм
Финны.
Финляндия,
Выборгская губ.
Вторая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

По праздникам мужчины-саамы носили глухого покроя верхнюю суконную одежду куфт, сильно расклешенную от талии и украшенную по вороту и обшлагам разноцветными кусочками сукна, бисером, перламутровыми пуговицами. Поверх куфта надевали широкий кожаный ремень, на котором всегда висел нож в ножнах, украшенных резными накладками из оленьей кости. Костюм дополняли штаны из оленьей кожи с меховыми голенищами и головной убор из цветного сукна с высокой тульей, типа конфедератки, на меховой подкладке, с опушкой. Обувь — кеньги — шилась из оленьих шкур шерстью наружу или из толстой черной кожи, высотой до колен или чуть выше щиколотки. Ее отличительная черта — загнутый кверху носок. Особым своеобразием отличался костюм саамов Финляндии.

Кожаная обувь
Женские туфли. Литовцы.
Литва. Середина XIX в.
РЭМ 6795-9

Мужские туфли.
Шведы. Первая треть XX в.
РЭМ 8762-31335

Праздничный мужской костюм Финляндия, район оз. Инари. Саамы. XIX в. Из собрания РЭМ

Траурный женский костюм Эстонцы. Лифляндская губ., о-в Муху. Первая половина XIX в. Из собрания РЭМ

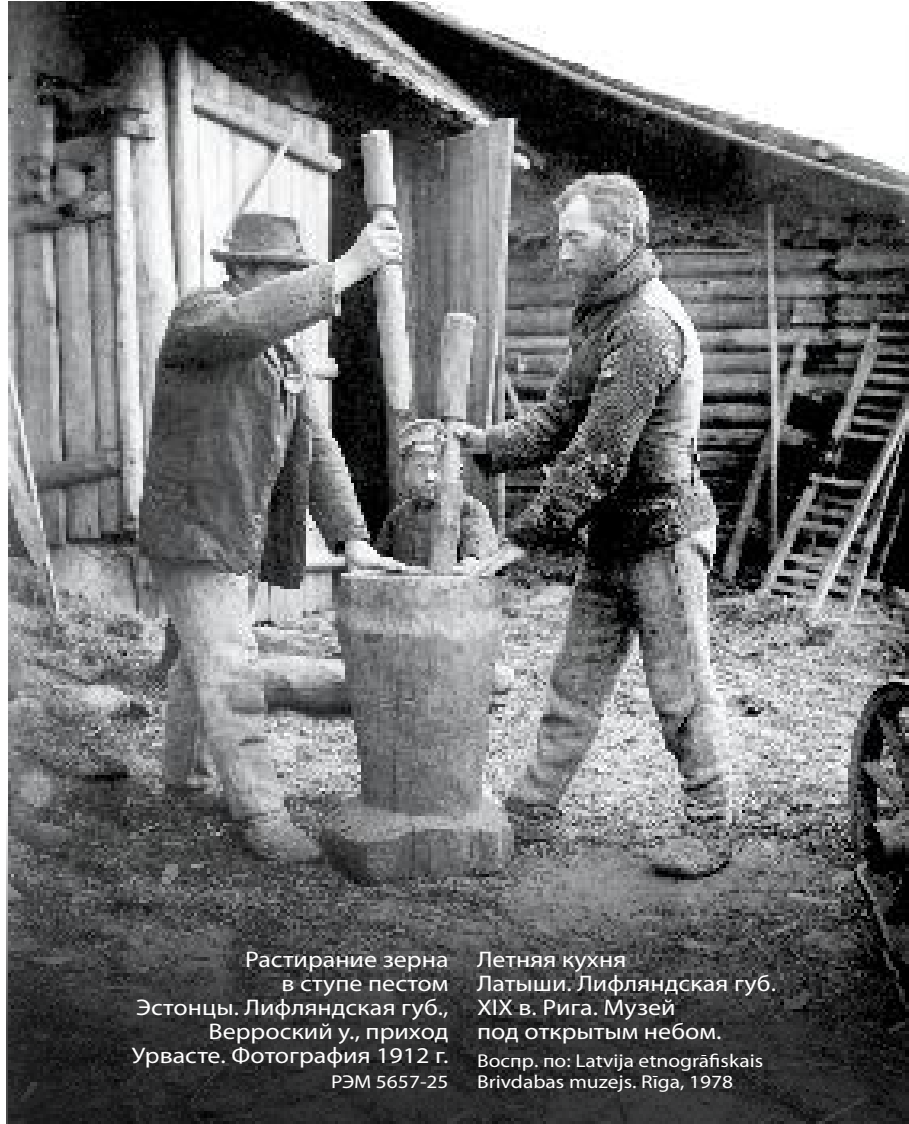
Мужской и женский праздничные костюмы Литовцы. Сувалкская губ., окрестности г. Мариамполя. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Девичий праздничный костюм Латыши. Курляндская губ., окр. Алсунга. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Костюм состоит из сарафана, рубахи, кофты, наплечного покрывала, нагрудной пряжки-фибулы. Завершает костюм головной убор венки.

Растирание зерна
в ступе пестом
Эстонцы. Лифляндская губ.,
Верроский у., приход
Урвасте. Фотография 1912 г.
РЭМ 5657-25

Летняя кухня
Латыши. Лифляндская губ.
XIX в. Рига. Музей
под открытым небом.
Воспр. по: Latvija etnogrāfiskais
Brīvdabas muzejs. Rīga, 1978

В числе различных типов головных уборов наряду с преобладающими в начале XIX века женскими чепцами сохранялись девичьи каркасные венки интересной конструкции, полотняные головные уборы из льна — хунту и шерстяные головные покрывала типа передника.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЦА

На территории региона представлены две различные пищевые традиции, обусловленные особенностями хозяйства и связанными с этим набором продуктов и способами их приготовления (открытый очаг, печь каминного типа, варистая печь русского типа). Так, древней основой рациона у саамов и части финнов были озерная рыба, мясо оленя в вареном, сыром, вяленом и соленом виде, изредка дары леса — ягоды и грибы. Из специфических рыбных блюд известна так называемая «весенняя рыба» — рыба с душиком.

Основными пищевыми продуктами у земледельцев были хлеб и выпечка из кислого и пресного ржаного теста, а также ячменной, овсяной, пшеничной и гречневой муки. В феодальную эпоху в Финляндии и на севере Эстонии сказывался недостаток своего хлеба даже в урожайные годы, а в голодное время использовали издавна известные добавки — толченую сосновую кору, мох, мякину, гороховую ботву и др.

Повседневная пища состояла из мучных или крупяных каш, в основном ячменных, а также овощных похлебок из брюквы, репы, серого гороха. У латышей и эстонцев до конца XIX века важную роль в рационе питания занимала толченая из конопляного семени масса — стакс, темпс, в которую иногда добавляли картофель или горох. Это была сытная и полезная пища, заменявшая животные жиры и молоко. Из молочных продуктов употребляли простоквашу, творог и творожный сыр; по праздникам — свежее масло, сметану и молоко. Саамы употребляли оленьё молоко, приготовленные из него масло и сыр. Мясо домашних животных — коров, овец, свиней — ели в соленом и вяленом виде, а в свежем — только на праздники или осенью сразу после забоя скота. Прежде всего, использовали ливер, ноги и голову, а лучшие части туши солили и коптили впрок, в том числе и для продажи. Финны на западе региона, эстонцы и саамы готовили кровяные колбасы.

В числе традиционных любимых напитков у всех народов региона присутствовал кофе, а из обрядовых и праздничных — ячменное пиво, у литовцев — медовые настойки.

Завтрак на сенокосе
Эстонцы. Эстляндская губ.,
Гапсальский у.,
о-в Моон (Муху).
Фотография 1913 г.
РЭМ 5657-33

УТВАРЬ

Для приготовления, хранения и употребления различных продуктов и напитков чаще всего использовали деревянную утварь. Самые древние технологии ее изготовления — долбление из капа и колоды различных ложек, чашек, мисок, ковшей, подойников; гнутье коробов из луба листовных деревьев, плетение корзин, дорожных кошель, солонки из сосновой щепы, корня и веток, бересты (финны, эстонцы, саамы). Долбленную утварь сменила бондарная, использовавшаяся всеми народами региона со средневековья. Отличительной особенностью всех емкостей — бочонков для пива, сока, вина, кружек, масленок, коробок для творога — являлись овальная и конусовидная формы. Для приготовления горячей пищи и кофе использовали глиняную и металлическую (чугунную, медную) посуду. Ряд национальных блюд и напитков подавали на стол в специальной утвари: пиво — в оловянных, деревянных и глиняных кружках с крышками; рыбу — в продолговатых плоских блюдах с углублением в центре; картофельно-мясные цеппелины у литовцев — в глубоких чашах с крышками. Довольно рано в деревенский быт вошла фабричного изготовления столовая утварь: вилки, фаянсовая посуда, чашки, супницы, кофемолки.

Семейный обед
Латыши. Лифляндская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ Ф 803-14

Праздничная
ложка из
оленьей кости
Саамы.
Улеаборгская губ.
Середина XIX в.
РЭМ 1355-7

Пресс
для изготовления сыра
Литовцы. Ковенская губ., Поневежский у.
Вторая половина XIX в.
РЭМ 2127-70

Молодежь на качелях
Эстонцы.
Эстляндская губ.,
Везенбергский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 5657-168

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

В Финляндии на протяжении всей истории местные крестьяне оставались лично свободными, как и в Швеции. Но их земли были захвачены шведскими феодалами, и в результате они вынуждены были перейти на положение безземельных арендаторов — торпарей (торпа — название арендуемого участка земли, за который крестьяне платили натурой и обработкой). Торпарская система, привнесенная из Швеции, серьезно отличала финских крестьян от положения крепостных в Остзейском крае. Однако у всех народов региона пахотные земли находились в подворном пользовании. В Эстляндии и Лифляндии хуторская система землепользования известна уже в XIV веке, а на западе Литвы — с XVI века. При этом долгое время (у финнов, например, до XVIII века) сохранялось коллективное владение лесными, пастбищными и рыболовными угодьями.

Согласно обычному праву земельный участок делился между сыновьями. Однако действовал и другой принцип — майората: в этом случае всю землю наследовал старший сын. Владелец хутора мог избрать тот или другой способ передачи своих угодий наследникам. Важно, что они обусловили особенности и сложности взаимоотношений между членами семьи, делая их зачастую уже от рождения принадлежащими к разным слоям крестьянского общества. Младшие сыновья в семье обычно пополняли армию наемных батраков, зачастую работая на своего старшего брата. Постоянный рост числа безземельных крестьян был в остзейских губерниях отличительной чертой процесса капитализации крестьянского хозяйства и придавал ему острый социально-экономический характер. К XIX веку начинает возрастать стоимость сельскохозяйственных угодий: здесь земля была в два—три раза дороже, чем в черноземных губерниях России. Недаром зажиточных крестьян в Латвии и Эстонии называли «серые бароны», подчеркивая

тем самым их близость «черным баронам» — немецким помещикам.

Постепенно нарастающее недовольство крестьян выливалось в различные акции протеста и для того, чтобы избежать кровопролития среди населения Прибалтики, в 1816—1819 годах (раньше, чем в остальной части империи) Александр I даровал свободу крепостным Эстляндии и Лифляндии. Они стали лично свободными, но их абсолютное большинство — неимущими. Крестьян фактически вынуждали арендовать землю или же выкупать свой надел. К этому времени малоимущие крестьяне и батраки в Эстонии и Латвии составили 65% всего сельского населения. Быстрыми темпами начался процесс распада старой патриархальной семьи. С тех пор в Латвии сохранилась поговорка: «Спорят, точно землю собрались делить». Согласно особой юридической системе, наследник — обычно старший сын — подписывал договор, так называемый «депутат». В нем подробно перечислялись не только передаваемые хуторские угодья, движимое имущество, но и пожизненные обязательства наследника по содержанию своих престарелых и немощных родителей с указанием количества, качества и срока предоставления продуктов питания (зерна, молока, мяса и т.д.). Аналогичная система в виде перехода престарелых родителей на пенсию сложилась к 1840-м годам в Западной Финляндии. Было известно немало случаев, когда родителей выгоняли из дома, и они вынуждены были побираться, а то и умирать на дорогах. Нравственный аспект этой про-

блемы на долгое время стал актуальным и чрезвычайно остро обсуждался публицистами и писателями.

Освобождение без земли привело к новой волне социального возмущения, которое обрело иные, более сложные формы: богоискательство (переход в православие, уход в сектанство), петиционные компании, переселенческое движение, которое особенно усилилось после всероссийской отмены в 1861 году крепостного права, до тех пор осуществлявшегося в Литве и Латгалии на основе «Местного положения» для губерний Северо-Западного края. Вооруженное восстание литовских крестьян 1863—1864 годов, жестоко подавленное войсками, тем не менее, вынудило царское правительство пойти на некоторые уступки: отменить барщину и оброк, увеличить земельные наделы и снизить выкупные цены. Крестьяне, получив право свободного передвижения по закону 1868 года, стали активно переселяться не только в ближайшие губернии Северо-Запада, но и на Кавказ, в Сибирь, а также в Америку, Канаду, Австралию.

Однако еще и в начале XX века в деревне сохранялись старинные общинные традиции: обычай взаимопомощи во время сельскохозяйственных работ, в несчастных случаях, обычай угощения всякой свежей пищей, первым пивом. Одной из древних форм родового сообщества в Литве вплоть до 1930-х годов было так называемое «сябровство» — совместное владение ульями и пчелами, мелким скотом, что накладывало своеобразный отпечаток на все стороны

Семья Литовцы. Местность не выявлена. Фотография начала XX в. Из собрания РЭМ

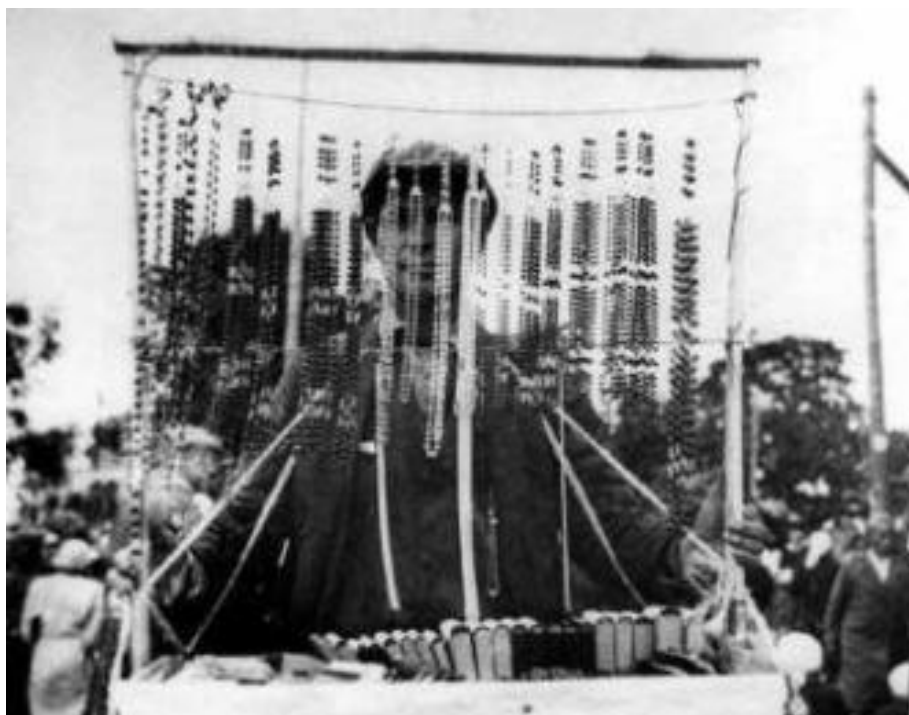
Первый сбор меда Литовцы. Местность не выявлена. Фотография начала XX в. РЭМ 832-6

Группа молодежи
Сету.
Псковская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 10158-51

Продавец четок
и молитвенников
Литовцы.
Местность
не выявлена.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 832-37

крестьянской жизни. По принципу родственной взаимопомощи строились отношения в промысловых общинах охотников на тюленей и рыбо-ловецких артелях. Каждая такая артель объединяла ближайших соседей и родственников (от 8 до 14 человек) и неслучайно называлась «неводной семьей». Во главе «неводной семьи» у эстонцев стоял кипер — самый опытный рыбак и навигатор. Невода, сети (а иной раз — и судна), используемые во время морского лова, находились в коллективной собственности. Улов делился в соответствии с долей вносимого имущества, например, с частью невода, принадлежавшей тому или иному рыбаку. Жители рыбацких деревень и во второй половине XIX века продолжали вести весьма патриархаль-

ный образ жизни. У поморов всегда был силен корпоративный дух: «морские волки» придерживались круговой поруки и никогда не выдавали властям «своих».

Отголоски родовых отношений дольше всего сохранялись у саамов, что отражалось в родовых прозвищах, знаках родовой собственности — «тамгах», которыми метилось все имущество, в первую очередь, олени. Положение женщин было довольно свободным.

СЕМЬЯ

Социальная дифференциация в деревне конца XIX века отразилась и на брачном возрасте молодоженов: для девушек он составлял в среднем 25, а для мужчин — 30 лет. Эта тенденция была типична для Латвии, Эстонии и Финляндии. При столь поздних браках стремительно сокращалось число детей. Среди батраков и батрачек было немало бессемейных. Большая семья в это время сохранялась в некоторых земледельческих районах Литвы и в Латгалии, в традиционных старообрядческих поселениях региона, а также, как уже подчеркивалось, у рыбаков островов и прибрежной зоны. К началу XX века у народов региона преобладала малая семья из двух, реже трех поколений (деды—отцы—дети).

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Отголоски дохристианских верований и представлений нашли отражение в формировании картины мира, имеющей свои специфические черты у каждого из народов региона. Наиболее яркие их проявления прослеживались в культуре саамов, что выражалось в поклонении небесным светилам, обожествлении явлений природы, например, культе священных камней — сейдов, тотемических представлениях, среди которых особое место занимало поклонение дикому северному оленю. Покойников хоронили в саях — акья, которые использовали вместо гроба; на могиле оставляли перевернутые сани, топор, огниво. В далеком прошлом саамам было известно шаманство.

О том, что старинные верования и обычаи имели важное значение в жизни латышских крестьян, свидетельствует Блауфус (1753): «Так как эти люди питаются плодами земли, то еще некоторые жители Видземе почитают землю, как свою кормилицу, называя ее земля-мать (Zemes māte), имеется у них также мать, приносящая счастье (Laimes māte), и мать лесов (Meža māte) [...] В некоторых местностях они чтят еще домовых. Каждый хозяин имеет вблизи своего двора освященное знахарем место. И это место

У лютеран конфирмация является публичным актом, символизирующим достижение совершеннолетия и осознанную веру в Иисуса Христа. Обряд совершается священником — пастором — через благославление возложением рук над юношами и девушками, достигшими 13—18 лет. В прошлом конфирмации сельской молодежи обязательно предшествовали трехнедельные занятия по подготовке к торжественному обряду. Как правило, пасторы собирали конфирмантов весной, по завершении основных полевых работ. Суть подготовки заключалась в испытании знаний лютеранского вероучения, изложенного в Малом катехизисе Мартина Лютера. Недостаток знаний восполнялся поучениями и наставлениями пастора. В народе конфирмацию в шутку называли ярмаркой невест, так как молодые люди зачастую знакомились во время подготовки к обряду, а родители внимательно присматривали подходящую пару для своего сына или дочери.

он так чтит, что каждый год приносит в жертву питье и еду или же черного петуха». Известны множественные свидетельства поклонения священным деревьям финнами, эстонцами, латышами и литовцам и в начале XX века.

Свои, только им присущие приметы, суеверия, легенды довольно долго бытовали и у поморов. Особые тайные знания использовались при изготовлении орудий лова. Так, у финнов считалось, что рыболовную блесну на щуку следовало сделать в ночь под Рождество, Пасху или Троицу и придать ей особую уловистость, завернув в женский чепчик, который надевали во время церковной службы. Наиболее прочными почитались сети, сплетенные в ноябре; большой зимний невод полагалось начинать 7 октября, в день св. Бригиты — Пиркко (Пирьо), а заканчивать к Андрееву дню — Антти (30 ноября). Покровителями рыболовства и рыбаков являлись свв. апостолы Андрей и Петр. Бросая невод в воду, рыбаки говорили: «Дай, Антти, окуней, Пекка [Петр] — мелких рыб». Согласно эстонским народным приметам, в Тынисов день (17 января)

рождается первый тюлененок в море, а у налима «косы расплетаются» (начинает метать икру). В местных сказаниях нередко фигурируют морские коровы, водяные хозяева и девы, финские колдуны — заклинатели ветров.

Лютеранская конфирмация Эстонцы. Местность не выявлена. Фотография 1920-х гг. РЭМ 10158-5

Храм старообрядческой общины поморского согласия в Муствеэ Эстония. Фотография 1930 г. Воспр. по: Г. Пономарева, Т. Шор. Староверы Эстонии: Краткий исторический справочник, Тарту, 2006

Вид на башни колоколен Бернардинского костела и церкви Святой Анны в Вильнюсе XVI в. Фотография XX в. Частное собрание

Церковь св. Петра в Риге Фотооткрытка XX в. Частное собрание

Это была самая большая церковь в Риге, с деревянной башней, увенчанной флюгером в виде позолоченного петуха. Высота башни превышала 120 м. Церковь сгорела в 1941 г. и была восстановлена после Второй мировой войны. Считается лучшим образцом ранней готики в Прибалтике.

Крестный ход на закрытие Калварии Литовцы. Калвария. Фотография начала XX в. РЭМ 832-21

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Своеобразие культурного и политического развития региона во многом определялось тесным соседством и переплетением множества этнокультурных и конфессиональных традиций: лютеранской, католической, православной, старообрядческой, униатской и иудаистской.

Фактические материалы свидетельствуют о том, что среди латышей в XI—XII веках уже

имелось достаточно приверженцев христианской веры. В 1186 году немецким епископом Мейнгардом было начато крещение ливов. Тем не менее, именно против ливов в 1193 году Папа Римский объявил первый северный крестовый поход. Заметим, что по имени этого древнего народа Тевтонский орден был переименован в Ливонский военно-монашеский орден. Крещение эстов произошло в 1227 году,

а латышского племени куршей завершилось к 1230 году. Спустя некоторое время куршские земли были завоеваны рыцарями (1267), а пруссы, сопротивлявшиеся на протяжении почти 60 лет, были окончательно захвачены к 1288 году.

Уже в XVI веке в регион проникает учение Мартина Лютера. После того, как в 1554 году орденский гроссмейстер Вальтер Плеттенберг снял с лютеран клеймо ереси, часть католиков осуществила массовый переход в лютеранство, а другая после падения Ливонии перешла под покровительство польского католического короля. Укреплению в народной среде лютеранства немало способствовало распространение характерной для этого христианского направления мировоззрения системы этических ценностей и социальных норм (прежде всего, идея труда как одного из главных способов служения Богу), а также грамотности среди крестьян на народных языках: финском, эстонском и латышском. Знаменитым выразителем усиления позиций финского языка и культуры через лютеранскую церковь был первый епископ Турку Микаэль Агрикола (1510—1557), основоположник финской азбуки и литературного языка, переводчик на финский язык Нового завета. Уже в 1525 году в Германии были изданы первые лютеранские катехизисы на латышском и эстонском языках, а в 1587 году — сборник лютеранских псалмов на латышском языке. Первый перевод католического катехизиса на литовский язык был сделан Петром Канизием в 1585 году в Вильнюсе. К этому времени уже сложилась литовская письменность на основе латиницы.

Начиная с конца XVIII века из стран Западной и Средней Европы в Финляндию, Эстонию и Латвию стали проникать новые вероучения, сформировавшиеся на основе протестантизма: гернгутеры («моравские братья»), пиетисты, позднее — «скакуны», баптисты и множество других. В итоге здесь появились их местные секты, проповедовавшие мирскую аскезу, осуждающие праздность и роскошь. Определенная часть финнов и саамов на севере страны исповедовала так называемую «старую лютеранскую веру», являясь последователями Л.Л. Лестадиуса (1800—1860), известными и в других странах Скандинавии.

Во второй половине XIX века в католических Литве и Латгалии очевидное влияние на религиозную жизнь оказывали различные монашеские конгрегации, особенно Орден иезуитов. Необычайно пышные и яркие католические праздники, процессии и ритуалы зачастую выражали дух гражданского протеста. Так было с 1860-х годов по 1904 год, в период запрета на преподавание литовского языка и издания литературы на нем.

Деревянная религиозная скульптура: «Богородица Пылающее сердце», «Святой Иоанн Непомук», «Святой Георгий» и «Святой Викентий с чертом»

Литовцы. Ковенская губ., Тельшевский у.
Первая половина XIX в.
РЭМ 2127-5; 2127-4; 2164-57; 2964-64 а, в

Христос в Назарете
Литовцы. Ковенская губ., Тельшевский у.
Первая половина XIX в.
РЭМ 2964-62

Придорожная каплица
Литовцы. Литва.
Фотография начала XX в.
Частное собрание

Рождественский стол в старинном доме Финны. Финляндия. Музей под открытым небом, г. Турку. Воспр. по: Luostarimäen käsityöläismuseo. Turku, 1983

На заднем плане видны лепешки из пресного теста, подвешенные на жерди.

Рождественская открытка Финны. Начало XX в. Частное собрание

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Ритм жизни, труда и быта у всех земледельческих народов региона был выстроен в соответствии с сезонной цикличностью сельскохозяйственных работ и календарным богослужбным годом, с его кругом праздников, постов и памятных дней. В ряде календарных праздников и обрядов, соотносившихся с тем или иным временем года, сохранились реликты архаичных форм почитания стихий — воды, земли, воздуха, огня, а гадания и разнообразные магические приемы несли на себе следы древних анимистических представлений. Смысл праздников календарного цикла универсален, но отдельные обрядовые и ритуальные действия, комплексы поверий и представлений у разных народов имеют отличия.

Литовские крестьяне пытались расположить к себе матушку-землю, называемую также «мать-хлеба»; они верили, что ее душа убегает во время косьбы от косарей и прячется в последних несжатых колосьях. Эти колосья крестьяне срывали с особым почтением во время дожинок и плели из них особые пояса, венки, трости. По окончании сбора урожая их хранили в течение целого года и использовали в первый день весеннего сева, символически высевая из них сохранившиеся зерна как залог будущего урожая.

Один из самых важных христианских праздников в году — Рождество Христово — католики и лютеране отмечали согласно григорианскому (гражданскому) календарю 25 декабря. Рождеству предшествует Адвент (от лат. *adventus* —

«пришествие», «приход») — четырехнедельный пост, во время которого верующие готовились к духовному явлению Христа, вспоминали предсказания пророков о пришествии Спасителя. Это было время всеобщего покаяния, строгого поста, запрета на свадьбы, общественные развлечения и театральные представления. В последнюю неделю Адвента по традиции на окно ставили подсвечник, свечи на котором последовательно зажигали так, чтобы в ночь перед Рождеством горело шесть свечей. В Финляндии праздновать начинали уже с конца ноября. Это время называется «малое Рождество» — Пиккуйоулу.

Рождество Христово для католиков Прибалтики — самый торжественный праздник в году. В полночь, на рассвете и днем совершаются три мессы, что символизирует пребывание Христа в лоне Отца, во чреве Богоматери и в душе верующих. Со времен Франциска Ассизского (XVI в.) утвердилась традиция выставлять в храмах на Рождество для поклонения верующих так называемые «вертепы», или «вифлеемы», — объемные многофигурные композиции, изображающие пещеру с Младенцем Христом в яслях, пастухов, пришедших на поклонение, и трех волхвов, приносящих дары, а также животных — быка, овец, ослов и т.п. Зачастую их вырезали из дерева сельские мастера. Согласно народной традиции, сельские церкви и дома украшали рождественскими звездами, коронами, люстрами и гирляндами, сделанными из соломы в память о яслях, где родился Иисус Христос. Соломой застилали пол или подкладывали ее под скатерть на праздничном столе. По окончании празднеств соломенные предметы сжигали.

В целом рождественский праздничный цикл охватывал два месяца — с 1 декабря по 1 февраля. Важное место в нем занимали разыгрывание ряжеными коротких сенок и длинных драматических представлений, заимствованных из средневековых мистерий; хождение детей и молодежи со звездой, песнями и добрыми пожеланиями; игры и гадания молодежи; предсказания погоды на год.

К Рождеству выпекали хлеба, варили пиво, забивали скот, готовили специальные блюда; недаром эстонская поговорка гласит: «Нет Рождества без колбас и пива». На рождественском столе у финнов можно было увидеть свиной окорок, отварную вяленую треску, различные овощные запеканки, специальные пирожки и обязательную рисовую кашу. В качестве подарков для детей закупали или выпекали самостоятельно рождественские пряники в форме звезды, сердца, рыбы, птицы.

Лишь в первой половине XIX века в домах горожан в качестве традиционного рождественского дерева появилась елка, в деревне же это

произошло лишь в конце XIX века. В 1827 году известный в последствии финский сказочник, а тогда молодой человек Сахариас Топелиус описывал рождественскую елку как нечто новое и невиданное. Одновременно с елкой из стран Западной Европы пришел и неизвестный ранее персонаж — Дед Мороз, по-фински его называют Йоулупукки (букв. «рождественский козел»). В прошлом это был один из традиционных участников рождественского ряжения.

На стыке сезонов и в преддверии Великого поста отмечалась Масленица, не получившая христианского осмысления и оставшаяся сезонным аграрным праздником прощания с зимой и встречи весны. В нем сохранились древние элементы зимней и весенней обрядности и получили самое полное выражение идеи обновления, возрождения и плодородия.

В Литве празднование Масленицы — Ужгавенес — особенно ярко проходило на западе страны, в Жемайтии. В этом, вероятно, сказывалась и традиция западноевропейского карнавала. Обязательный элемент праздника — шествие ряженых. Его центральным персонажем, олицетворявшим зиму, была старуха Морэ с молотильным цепом (символом благополучия) в руках. Соломенное чучело Морэ везли через село на колесе, укрепленном на полозьях саней. Ее обязательно окружала стража: «офицеры», «адъютанты», а также традиционные маски — коза, медведь, конь. Широко распространены были маски черта, олицетворявшего собой злую силу. Черта сопровождали «ведьмы», «знахари», «скупцы», «смерть». Наряду с группой фантастических, страшных, злых масок существовала многочисленная группа ряженых, изображавших реально существовавших персонажей. Особенно популярны были национальные группы — «цыганский табор», еврейские музыканты и др.

Разыгрывалась также масленичная «свадьба ряженых», долженствующая по народным представлениям способствовать плодородию земли и людей. Обязательным магическим обрядом была «перемена пола» участниками свадьбы. Для этого парни переодевались в женскую одежду, а девушки — в мужскую. Наряду с женихом Сидорасом и невестой Котре в свадебную группу входили музыканты. Все они с шутками, танцами и песнями двигались вслед за группой Морэ к реке, озеру или в лес, где разжигали костер. Заключительным актом праздника было утопление Морэ в воде или сжигание на костре.

Характерными шутками во время масленичных игр было поливание людей на улице водой, обсыпание их мукой. Хороводы, танцы с подскоками «на лен», «на коноплю», качание на качелях или обряды, имитирующие такое качание, — все эти компоненты земледельческой

«Черт» — персонаж масленичного шествия Литовцы. Литва, Жемайтия. Фотография XX в. Частное собрание

обрядности также должны были способствовать плодородию.

Основной обрядовой едой Масленицы были блины. Борьбу Масленицы с наступающим семинедельным Великим постом олицетворяли карнавальные персонажи — символ масленичного ритуала Лашинис («Сальный») и символ поста Канапинис («Конопляник»).

У лютеранских народов Масленица праздновалась всего один день — вторник седьмой недели перед Пасхой и заканчивалась в среду («Пепельная среда»). Характерна финская поговорка: «Широка и коротка как Масленица». Так как постов у лютеран не соблюдалось, то в состав праздничной пищи входило мясо. Финны варили гороховый суп со свиными ножками, готовили кровяные колбасы; на севере — «лопарскую похлебку» — суп из оленьих ног и кровяные блины с оленьим жиром.

Важнейший летний праздник, связанный с культом Солнца, почитанием огня и земного плодородия, — Иванов день. У латышей он известен как Янов день, или Лиго, широко отмечается и, по сути, является самым ярким национальным праздником. Литовцы называют его Йонинис, или Раса, финны — Юханнус, эстонцы и сету — Яани. Этот праздник приходится на день

Маска-личина «Черт» Литовцы. Мастер А. Пушкорюс. Литва, г. Кретинга. XX в. РЭМ 8450-54

Праздник Лиго
Латыши. Местность
не выявлена.
Фотография 1915 г.
Воспр. по: Jāņu fotoalbums.
Rīga, 2007

Женщина расписывает
пасхальные яйца
маргучай
Литовцы.
Вильнюсский у.
Фотография
начала XX в.
Частное собрание

Пасхальные
расписные яйца
и приспособление
для росписи
Литовцы. Местность
не выявлена.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

летнего солнцеворота — 24 июня. В отличие от нецерковного праздника Масленицы Иванов день был приурочен к дню рождения Иоанна Крестителя и стал органичной частью церковного календарного года.

Ивановские костры, зажигаемые в самую короткую ночь года, были последними в годичном цикле костров. Они сооружались на определенных и постоянных местах: на берегах водоемов, возвышенностях, пастбищах, в лугах или в лесу. Остовом костра служили конусообразно составленные жерди, вертикально стоящие просмоленные старые лодки, бочки со смолой, укрепленные на высоком шесте. Финны воздвигали и фигурные костры в виде 7—10-метровых башен или колоколен, а также в виде поленницы дров. Вокруг костров водили хороводы, пели, прыгали через огонь как можно выше, чтобы рожь и пшеница уродились высокими. Молодежь прыгала над кострами парами для обеспечения счастливого супружества. Девушек раскачивали низко над костром, чтобы в страдную пору у них не болела поясница. Головешки и угольки ритуальных костров наделялись сакральной силой. Их хранили целый год как оберег от молнии, пожара, града и других стихийных бедствий, угрожающих посевам. Магической силой наделялся и дым костра. Им окуривали поля, чтобы обеспечить их плодородие, и растения, чтобы снять вредоносную силу с одних и усилить целебные свойства других. Сквозь этот дым прогоняли скот. Большое значение имели ритуалы, связанные с почитанием источников: ключей, родников, рек, озер и морей, ритуальные купания в ночь Иванова дня, катание девушек нагими и прогон овец по росе, пускание венков по реке и гадания.

Обрядовой едой Иванова дня у латышей были ячменное пиво и специальный Янов сыр с тмином в форме круга — символа солнца. Канун праздника, называемый «Травный день», отмечался торжественным ужином. Хозяева — Янов батюшка и Янова матушка — в праздничной одежде встречали гостей обрядовой пищей, гости надевали на головы хозяев дубовые Яновы венки, символизирующие богатство и плодородие. Эти венки хранили дома в течение года до следующего праздника. Венками из полевых цветов и букетами увенчивали всех празднующих, ими украшали жилые и хозяйственные постройки, их вешали на рога коров, а травы и цветы добавляли в корм. Среди обязательных элементов Лиго — пение песен с припевом «лиго», сопровождающих весь праздник:

Собирайтесь, Яновы дети,
На высокой горе,
Чтобы слышались Яновы песни
Из края в край.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Старинные семейные обычаи и обряды дольше всего сохранились в литовской традиции и, прежде всего, в свадебной обрядности. Важное место в литовской свадьбе занимал торг о приданом. Различают два вида приданого: крайтис, к которому относятся мебель, предметы домашнего обихода и сундук с домашними, а также закупленными заранее в городе тканями и одеждой, и пасога — деньги, скот, земля и сельскохозяйственный инвентарь, передававшиеся в дар дочери по усмотрению отца. Свадебный торг разворачивался в основном по поводу пасоги. В зависимости от достатка семьи это были дойная корова, свинья или лошадь в упряжке.

Большую роль во время сватовства играл сват. Когда родственники невесты выдавали дочь далеко от дома и не видели хозяйства жениха, то приходилось верить ему на слово. Но доверенные невесты, которые ехали проверить достаток семьи жениха, сталкивались и с обманом. В хлев загоняли чужой скот, амбары загружали чужим зерном. После венца невеста могла увидеть в доме жениха совсем другую картину. Сват слыл обманщиком, и это качество обыгрывалось в свадебном обряде «вешания свата». «Судьи» из гостей составляли «приговор» и накидывали ему петлю на шею. В этот момент входила невеста и опоясывала свата домотканым полотенцем, чем делала его неприкосновенным.

Существовал обычай приглашения гостей на свадьбу молодым парнем, умевшим произносить специальные тексты — орацио. В руках он

держал специальную деревянную палочку с колокольчиком. На нее приглашенные девушки привязывали тканые пояса и тесемки. В свадебном застолье для защиты молодых от порчи иногда участвовали «лжемолодые».

В похоронно-погребальной обрядности народов региона особенно устойчивыми оказались древние самобытные представления, магические приемы и действия. Умерших поминали на седьмой, девятый и сороковой день, в годовщины смерти. Но самыми архаичными поминальными комплексами являются летние и осенние дни поминовения усопших, в которых еще и в первой четверти XX века прослеживались следы древнего культа умерших и предков.

Обряд «венчания» коровы Ивановым венком на Иванов день Литовцы. Местность не выявлена. Фотография начала XX в. Частное собрание

В родительскую поминальную субботу на кладбище Сету. Псковская губ., Печерский у. Фотография 1913 г. РЭМ 5657-151

Волынщик
Литовцы.
Виленская губ.,
Виленский у.,
д. Ашинки.
Фотография 1909 г.
РЭМ 2252-29

В Дзукии (области на юго-востоке Литвы) они были известны как «дзиедай», аналогично белорусским «дзядам».

Осенний день поминовения у латышей и литовцев называется День душ, а у эстонцев — Время душ. Он отмечается 2 ноября, вслед за Днем Всех Святых (1 ноября), который завершает католический литургический год. После утренней службы в церкви люди отправляются на кладбище, часто с молитвами и песнопениями, приводят в порядок могилы, украшают их венками и цветами, зажигают свечи, священники служат здесь панихиды. Согласно католическому учению молитвенное заступление и добрые христианские поступки живых могут облегчить участь усопших и сократить время их пребывания в чистилище. Завершается день обильным застольем в кругу семьи. В целом поминальный цикл занимал в народном календаре промежутки времени между Михайловым днем (29 сентября), днем св. Мартина (10 ноября) и днем св. Катерины (25 ноября). По дохристианским верованиям, именно в это время души умерших покидают могилы и навещают живущих. На протяжении этих недель люди старались не шуметь, полы застилали соломой, даже разговоры из уважения к мерт-

вым велись приглушенными голосами, иначе семью могла постигнуть кара в виде грозы-непогоды. Чтобы покойные души родственников были довольны, о них следовало помнить, своевременно посещать могилы и приносить им жертвы в урочное время. Широко распространен был старинный обычай кормления предков, призванный обеспечить их расположение. Для этого в овинах, банях, ригах, жилых помещениях ставили столы или просто оставляли еду для умерших: «Приходите кушать, душеньки, покушайте и уходите, но не идите ни моим полем, ни моей дорогой, а идите болотами да по трясине». У эстонцев и финнов существовал обычай устраивать для предков баню. Латыши считали, что велями (душами умерших) правит «Мать велей», она же умерщвляет живых. У финнов и карел традиции осенних поминальных дней были связаны с древним праздником урожая — кекри (кегри), который заканчивал старый год и начинал новый. Одно время за днем кекри финский календарь официально зафиксировал 1 ноября.

ФОЛЬКЛОР

Особая художественная и историко-культурная ценность крестьянского искусства, песенного и музыкального фольклора народов Балтийского региона была «открыта» учеными, писателями, художниками периода национального пробуждения. Среди уникальных памятников устного и музыкального народного творчества отмечены песни, эпические сказания, предания.

Богатейшее собрание классических латышских и литовских народных песен насчитывает многие сотни тысяч. Короткие песни-четверостишия латышей и литовцев — дайны и сутартинес сопровождали каждый важный момент жизни человека; с их пением связан чрезвычайно интересный и емкий образ «клубка песен», который разматывается и когда девушка выходит замуж, и когда приходит смерть. Существовали целые циклы календарных песен (жатвенные, толочebные, мукомольные, пастушьи, рыбацкие, игровые, праздничные) и даже песни о песне. Исследователи латышского фольклора единодушно признают, что в отсутствие собственного летописания именно дайны являются фундаментальным источником по истории, языку и культуре латышей.

Во многих эстонских народных песнях рассказывается мифологическое предание о богатыре Калеве, потомке главного божества древних эстов Тара, прилетевшего на спине огромного орла на скалистый берег древней Виру (так называлась одна из трех земель эстов до пришествия крестоносцев). Здесь он увидел красавицу Линду, которая отвергла любовь Месяца и Солнца, Воды и Ветра, но отдала свое сердце

На с. 325

Свадебный комплекс: костюм жениха, свадебные сани, санная полость и ковер, входивший в состав приданого невесты Финны. Финляндия, Тавастгусская губ. Вторая половина XIX в. (свадебный комплекс); 1824 г. (ковер)
Костюм: РЭМ 3217-13, 3028-1, 11826-1, 8762-31012, 31001, 5748-13; сани: РЭМ 3060-1; санная полость: РЭМ 3028-33; ковер: РЭМ 3199-5

В состав свадебного мужского костюма входил один из самых архаичных типов кожаной обуви с загнутыми носами. На санной полости дата — «1866»; на ковре — «1824».

Крестьянин-сват
Литовцы. Местность
не выявлена.
Фотография конца XIX в.
РЭМ 832-19

Народные сказительницы
и музыканты – исполнители
на волынке и жалейке
Сету. Псковская губ.,
Печерский у.
Фотография начала XX в.
РЭМ 3508-8

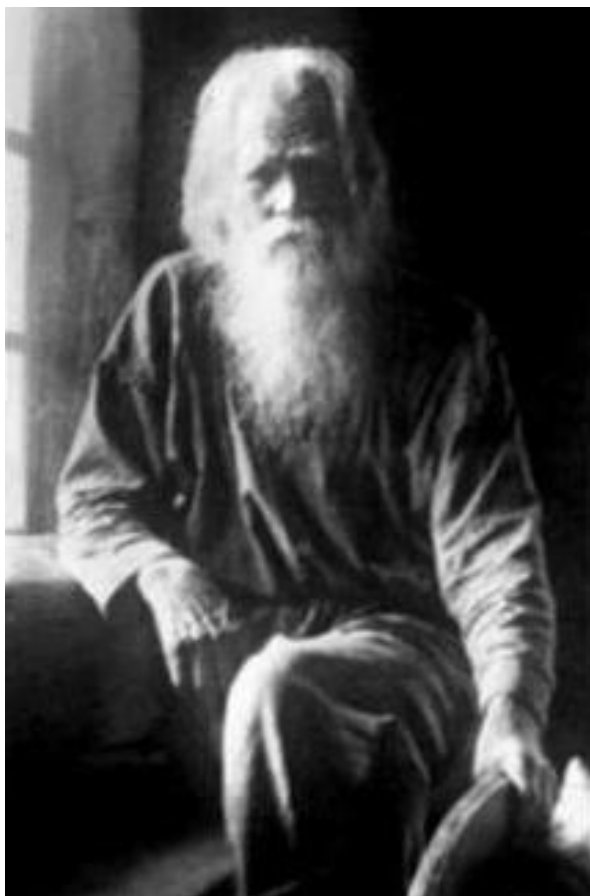
Жезл
свадебного глашатая
Литовцы.
Сувалкская губ.,
Волковышский у.
Конец XIX в.
РЭМ № 2128-49

Кукла
в costume невесты
Шведы.
Эстляндская губ.,
о-в Вормси. XIX в.
РЭМ 2992-129

Исполнитель рун
Ульяска Риммин
Финны.
Финляндия.
Фотография 1880-х гг.
Собрание Финского
литературного общества

Канклес
Литовцы.
Ковенская губ.,
Поневежский у.
Начало XX в.
РЭМ 2236-83

Роотсиканнель
(«шведский каннель»)
Шведы.
Эстляндская губ.,
Гапсальский у.,
о-в Вормс. Конец XIX в.
РЭМ 2993-4

Калеву и родила ему много сыновей. Вырастая, они уезжали в далекие края, а родители старились одни. И вот, когда старый Калев умирал, то сказал верной Линде, что после его смерти она родит своего последнего сына — богатыря Калевипоэга («Сына Калева»), защитника слабых и бедных, борца за свободу своей родины. Над могилой мужа Линда сложила из обломков скал и камней огромный холм. Этот холм — Тоомпеа («Вышгород») и стал центром древнего города эстов, известного с XI в.

Финско-карельские космогонические, эпические, свадебные и заклинательные песни — руны, составлявшие своеобразные циклы, в течение столетий передававшиеся из уст в уста, от одного исполнителя к другому, были записаны в начале XX века от великих рунопевцев: Архиппа Перттунена, Онтрея Малинена, Воасила Киелевяйнена, Петра Шемейко и других. Пение рун могло сопровождаться игрой на кантеле — струнном музыкальном инструменте.

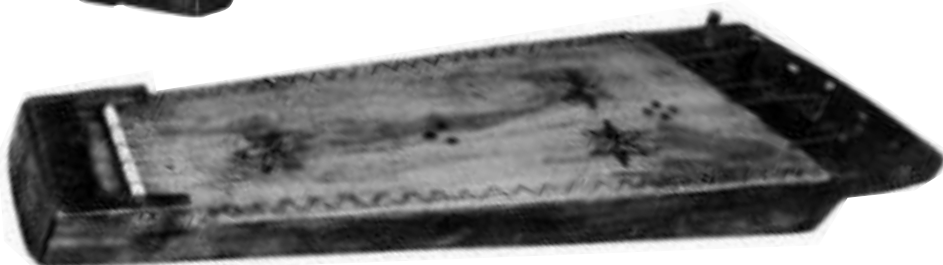
ОБРАЗОВАНИЕ

Первые национальные школы стали открываться в конце XVI века при лютеранских церквях. Такой была открытая в Риге при церкви св. Якова (Екапса) латышская школа для обучения детей пению церковных псалмов; спустя столетие в Риге действовало уже восемь школ, где латышских детей обучали грамоте, молитвам и церковному пению. Со временем широкое распространение получило домашнее обучение в форме так называемых «материнских школ», что свидетельствовало о серьезных изменениях в положении женщины.

В 1632 году в Дерпте (немецкое название г. Тарту) была основана Academia Dorpatensis — Дерптская Академия (совр. Тартуский университет). Это было первое учебное учреждение такого ранга в Прибалтике; результаты его создания сказались не сразу, но они были чрезвычайно плодотворны в деле просвещения и образования простого народа, формирования национальной интеллигенции. XVII век — время распространения на этих землях идей гуманизма, формирования северно-европейского религиозно-культурного пространства.

Среди немецких, шведских и финских священников XVIII века было немало исследователей языка коренных народов региона, фольклора, этнографии, первых переводчиков Священного Писания, катехизиса, сборников для школьного образования, издателей словарей. Это был период расцвета сентиментализма и рационализма в Германии, когда литература сконцентрировала свои творческие силы на проблемах внутреннего совершенствования индивида. Один из выдающихся деятелей той поры Г.Ф. Стендер (1714—1796) — «Стендер Латыш», или «Старый Стендер», стоявший у истоков художественной литературы на латышском языке, писал: «У нас есть долг перед этим презренным народом. Ибо они — наши кормильцы. Природа их щедро одарила многими добропорядочными свойствами, их только нужно развить. Эти люди охотно учатся, они честные, добродушные, верные, терпеливые, работающие и веселые. Исключения — это лишь следствие того ярма, которое они несут с тяжелым вздохом, недостатка воспитания и духовного света».

В 1803 году Вильнюсская иезуитская академия, основанная во время реформации (1579), была преобразована в университет. Однако до начала XX века католическая церковь оставалась единственным источником образования. Деятельность иезуитских, францисканских, доминиканских братств сосредотачивалась на проповеди, образовании, занятиях искусством, которые преподавали в церкви и школе. Неслучайно подробные описания быта и культуры литовцев появились уже в XVI веке в трудах Я. Ласицкого

и позже — Т. Лепнера и М. Преториуса. В Вильнюсском университете учились многие известные общественные деятели науки, культуры и искусства: А. Мицкевич, Ю. Словацкий, И. Ковалевский, Т. Нарбут, С. Даукантас и др.

К концу XIX века сказались результаты просветительской деятельности лютеранской церкви и различных протестантских сект в Финляндии, Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Число грамотных крестьян превышало в среднем 70% населения; это были те, кто учился в школах, в том числе в обязательных классах перед совершением конфирмации, а также получившие распространение среди лютеран домашнее образование. В 1870-е годы в Эстонии и Латвии благодаря активным действиям национальных предпринимателей и местных помещиков были открыты первые училища для моряков и судостроителей в Айнажи (Хейнасте), Нарве, Палдиски, Курессааре. Из стен этих учебных учреждений вышли многие известные впоследствии судостроители, капитаны, морские путешественники. В их числе — И.Ф. Крузенштерн (1770—1846), Ф.Ф. Беллинсгаузен (1779—1852), Ф.П. Врангель (1796—1870), О.Е. Коцебу (1787—1846).

Процессы формирования национальной интеллигенции и первые очаги национального возрождения возникли в старых университетских центрах — Турку, Дерпте, Вильнюсе, а

позже — и за пределами Прибалтики, в Москве, Варшаве и столице Российской империи Санкт-Петербурге.

Первыми идею национального самосознания выдвинули финны. Так называемое феннофильское движение возглавили яркие представители финской науки, литературы и искусства: А. Чюдениус, К. Ганандер, Х.Г. Портан; последнего справедливо считают отцом гуманитарных наук в Финляндии. Феннофильская идеология использовала в качестве «строительного камня» немецкую национальную идеологию, идеи И.Г. Гердера (1744—1803) о народном характере и факторы «большой» и «малой» политики. Собственно же финляндское, или финское, самосознание базировалось на неогуманистическом понимании мифологии, поэзии и родного языка как культурных приоритетов, благодаря которым предстояло «разбудить вновь самобытную и бесценную народную душу». Процесс этот был характерен для большинства народов региона в XIX веке и начался с массового увлечения изучением и сохранением традиционной народной культуры как народного достояния. Романтическая идеализация крестьянской культуры и быта была характерна для формирующейся идеологии народов, долго не имевших своей государственности.

Символическому оснащению национального самосознания финнов более чем кто-либо спо-

Первый сельский хор в Литве
Литовцы. Виленская губ.,
Трокский у.
Фотография начала
XX в.
РЭМ 2283-29

Рожок — пастушеский
музыкальный инструмент
Литовцы. Ковенская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 2127-81

Скудучай —
многоствольная
флейта
Литовцы.
Ковенская губ.,
Поневежский у.
Вторая половина XIX в.
РЭМ 8761-15359

Дети в сельской школе Литовцы. Местность не выявлена. Фотография начала XX в. Из собрания РЭМ

собствовали первый национальный поэт Йохан Людвиг Рунеберг (1804—1877) — автор национального гимна Финляндии и Элиас Лённрот (1802—1884), который на основании богатейшего фольклорного наследия карельского и финского народов создал знаменитый эпос «Калевала». Древние руны, собранные Э. Лённротом и его последователями, имеют особый стихотворный размер, который позже стали называть калевальским. Калевала — это страна Калева, мифического первопредка; в рунах говорится о жизни и деяниях его потомков: старого мудрого Вяйнямейнена, демиурга, создателя земли и моря, его божественного брата — искусного кузнеца Ильмаринена, удалого охотника Леминкяйнена. В центре повествования — история их сватовства к дочери хозяйки Похьёлы (страны Севера) и похищение Сампо — чудесной мельницы, которая дарует счастье и изобилие. Ильмаринен выковал Сампо «из пушинки лебединой, из кусочка веретенца, и из молока коровы, и из ячменя крупинки» в качестве свадебного выкупа. В результате борьбы героев Сампо разбивается на мелкие кусочки, ее обломки тонут в море и рассеиваются по всей земле. Руны о Сампо исполнялись во время календарных обрядов и праздников. «Калевала» насыщена мифами о происхождении Земли, неба, Луны, звезд, огня и железа. К древнему мифологическому пласту восходят темы создания

мира из яйца птицы, руны о добывании железа, создании первой лодки и первого кантеле.

Первое издание «Калевалы» было выпущено Э. Лённротом в 1835 году и сразу же стало крупнейшим историко-культурным событием. Поэзия калевальской метрики, записанная в Карелии, Ингерманландии и Финляндии, была опубликована в Финляндии в 1908—1948 годах в 33-томном научном издании “Suomen kansan vanhat runot” («Древние руны финского народа»).

Исключительную роль в идейном оформлении национальной культуры, придании ей основных эстетических принципов сыграли идеи и творчество многих выдающихся творцов и деятелей национальных культур. По словам известного филолога В.Н. Топорова, «будучи самобытнейшими мыслителями, они были выразителями национального самосознания и этнической жизнеспособности [...] Каждый из них, глубоко проникнув в собственную этническую традицию, не удовлетворился внешним бытописательным, этнографическим изображением, но усвоил типологию народного мироощущения. [...] Все они были культурными зачинателями и строителями новых наций».

В Эстонии самыми крупными, знаковыми фигурами своего времени были Якоб Хурт, Карл Роберт Якобсон и Иоханн Вольдемар Яннсен. Последний, как говорят сами эстонцы, вернул целому народу его имя, обратившись в 1857 году со страниц первого номера своей газеты «Перно

постимеэс» к читателям стихотворным приветствием: «Здравствуй, милый эстонский народ!» В этом обращении впервые публично было заявлено о том, что эстонцы — не сословие, не племя, не часть населения прибалтийских губерний, а народ.

Доказательством этого стала деятельность Фридриха Рейнгольда Крейцвальда (1803—1882). Под влиянием «Калевалы» Крейцвальд проделал аналогичную работу, обработав разрозненные исторические и мифологические предания и создав героический эпос «Калевипоэг». Содержание эпоса патриотично: его главный герой Калев возглавляет борьбу вольных эстов с чужеземными захватчиками. Первая научная публикация «Калевипоэг» на немецком и эстонском языках была осуществлена в 1857—1861 годах. Народное издание на эстонском языке вышло в 1862 году в Финляндии и было воспринято как появление истинно национального эпоса, который стал знаменем и символом «эпохи пробуждения».

Выдающимся латышским поэтом А. Пумпурсом (1841—1902) также на фольклорной основе был создан эпос «Лачплесис». Его главный герой — богатырь Лачплесис («Медвежеухий»), сын человека и медведицы. Подвиги героя разворачиваются в конце XII — начале XIII века в борьбе с крестоносцами — завоевателями латышских земель. Первое издание «Лачплесиса» в 1888 году было приурочено к празднованию третьего вселатышского Праздника песни в Риге.

Появление столь значительных эпических произведений во второй половине XIX века весьма символично, ибо оно стало отражением важного этапа в освободительном движении народов Балтии и характеризовало рост национального самосознания. Более того, «Калевала», «Калевипоэг» и «Лачплесис» вошли в сокровищницу мировой культуры и оказали большое влияние на становление национальных языков, литературы, в целом мировоззрения и культуры финнов, эстонцев и латышей.

Существенный вклад в развитие латышского языка, школьного образования и народного просвещения внес Кришьян Барон (1864—1915). Известный фольклорист, собиратель и первый издатели латышских народных песен — дайн, переводчик, один из создателей печатного органа младолатышей — газеты «Петербургская газета» (*Peterburgas avize*). Шесть томов «Латышских дайн», опубликованных им в 1894—1915 годах, содержат 218 тысяч песен.

Выдающийся латышский поэт, писатель, общественный деятель Ян Райнис (Плиекшан) (1865—1929) закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был кандидатом права. Будучи одним из идеологов движения демократической интеллигенции «Новое

течение» (*Jauna strava*), Райнис редактировал газету «Дневной листок» (*Dienas lapa*). В 1915 году он писал: «Латыши, как пшеничные зерна, разбросаны по всему свету, птицы их клюют, и звери их топчут. А если напрасно смеетесь вы, чужие народы? А вдруг все же зазеленеет пшеница и на чужой земле? Вдруг все же не умерла наша Мать счастья? И наша истинная мать не покинет своих детей? Детей солнца и счастья? Давайте же взглянем, кто мы, можем ли мы исчезнуть, как счастье и солнце? Не станут ли мир и человечество без нас беднее, не станут ли без нас меньше счастья и солнца?»

Чем чаще творческая интеллигенция обращалась к первоисточнику — народной культуре, тем выше становился статус последней в глазах собственного народа, тем более активным и осознанным становилось участие народных масс (простых крестьян и ремесленников) в процессе национального созидания. Во второй половине XIX века появилось множество народных учебных заведений, школ домоводства (ткацких курсов), развивалась художественная самодеятельность в певческих и культурно-просветительских обществах, мощной волной прокатилось хоровое движение, завершившееся рождением нового необычного национального торжества — Праздника песни. Первый Праздник песни был организован в Финляндии в 1860-х годах, затем аналогичный праздник состоялся в Эстонии (Тарту) в 1869 году, а в 1873 году вслед эстонским песням в Риге зазвучали латышские даины.

Открытие памятника
Э. Лённроту
в Гельсингфорсе
Фотография 1902 г.
Воспр. по: Konsulns
fotografier. Konsulin kuvut,
Kajaani, 1989. P. 13

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

ПОВОЛЖЬЕ ПРИУРАЛЬЕ

Народы Среднего Поволжья и Приуралья

Л.М. Лойко

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Среднее Поволжье и Приуралье — это особая историко-этнографическая область, расположенная на стыке Европы и Азии. Народы этого региона расселены в различных физико-географических зонах: от северной тайги и тундры (коми) до равнинных районов Среднего Поволжья, охватывающих восточную часть Русской равнины, где проживают мордва, марийцы, удмурты, чуваша, татары, и до предгорий Урала и зауральских степей — территории проживания башкир.

Природно-климатические условия, рельеф местности и большая протяженность в меридиональном направлении определяют разнообразие почв (от подзолистых до чернозема) и растительности: хвойные леса на севере сменяются лиственными дубравами, затем засушливыми степями Заволжья. Климат в регионе умеренный, умеренно-континентальный.

Район богат полезными ископаемыми. Добывают нефть, газ, серу, поваренную соль, сырье для производства строительных материалов.

Водные ресурсы — также одно из богатств региона, на территории которого много рек и озер. Огромное значение в историческом и социально-экономическом развитии этого края играла Волга с притоками. Ее протяженность составляет 3649 км. Занимая 15-е место среди рек земного шара, она вместе с притоками орошает площадь в 1459 тысяч кв. км.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С древнейших времен территория Среднего Поволжья и Приуралья являлась своеобразным коридором, по которому в разные эпохи проходили разные племена и народы. Об одних мы узнаем благодаря летописям и народному эпосу, о других — благодаря археологическим исследованиям. Большинство же племен и народов, прошедших здесь, оставили после себя потомков, к которым относятся говорящие на финно-угорских языках удмурты, мордва, марийцы, коми (пермяки и зыряне), а также тюркоязычные чуваша, татары и башкиры.

Процессы многовековых связей этих народов привели к формированию общего регионального слоя культуры, который в разной степени захватил хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. В то же время этот процесс не привел к разрушению этносов и особенностей их национальных культур. Сложился регион, населенный различными народами, с глубоко специфическими национальными культурами и языками, и одновременно связанными общностью пройденного исторического пути и общей культурой. Это дало возможность выделить Среднее Поволжье и Приуралье в особую историко-этнографическую область — Волго-Уральскую.

Богатство естественных ресурсов издавна ставило Поволжье в число экономически значимых в хозяйственном отношении регионов России. К Волге как источнику жизни всегда стремились люди: они селились по ее берегам, создавали города; по реке проходили торговые

пути. Предметами торговли были пушнина, ценные породы рыб, икра, мед, продукты земледелия.

В феодальной, а затем капиталистической России интенсивность воспроизводства производительных сил и социокультурной инфраструктуры (в том числе национальных традиций) зависела от уровня социально-экономического развития и социально-классовой структуры этносов. Народы Волго-Уральской этнографической области находились на различных ступенях развития, как правило, более низкого, чем народы Центральной России. Так, в Волго-Уральском регионе на рубеже XIX—XX веков ни одна народность в полной мере не достигла уровня экономического развития русской нации, оставаясь многоукладным обществом с различным удельным весом капиталистических, феодальных и патриархально-общинных структур. Дальше всех в социально-экономическом развитии ушли татары. В начале XIX века это была уже почти сформировавшаяся буржуазная нация. У других же народов сохранялись еще пережитки феодальных и даже родоплеменных (башкиры) отношений.

Ранняя этническая история народов Поволжья и Приуралья связана с эпохой освоения местности племенами финно-угорского происхождения в I тысячелетии до н.э. Во время Великого переселения народов Евразии в первой половине I тысячелетия н.э. в Среднее Поволжье пришли тюркоязычные народы, в том числе кочевники-булгары. Важными этапами были существование государства раннефеодального типа — Волжской Булгарии в X—XIII веках и золотоордынская эпоха XIII—XV веков. На болгарский период приходится проникновение в Поволжье ислама. В XV веке из Золотой Орды выделилось Казанское ханство, в 1552 году покоренное Иваном Грозным.

С целью усиления власти на местах и для более успешного управления народами региона в XVIII веке был введен институт наместничества (генерал-губернаторства). Наместники стремились укрепить влияние на аборигенное население путем массового переселения русских колонистов. В некоторых районах (особенно среди мордвы-эрзи) русское население стало преобладающим, в результате чего произошла естественная ассимиляция коренных жителей. Действия властей: переселение колонистов, насильственная христианизация, непосильные налоги — приводили к массовым миграциям населения на восток, в Заволжье. Миграционные процессы в Среднем Поволжье происходили очень интенсивно начиная с XVI и до конца XIX века, в результате чего этнографическая карта этого региона отличается многоцветием полиэтнического состава населения.

Вопросы этногенеза того или иного народа, этнических групп в регионе остаются дискуссионными. До настоящего времени дискутируется вопрос о роли болгарского компонента в этногенезе татар и чувашей, об участии угорского (мадьярского) этноса в этногенезе башкир. Сам факт образования переходных или смешанных тюрко-финно-угорских или тюрко-русских этнических групп свидетельствует о длительном характере происходивших здесь миграционных, ассимиляционных и консолидационных процессов.

Мордва — самый многочисленный финно-угорский народ в России. Он этнически неоднороден и состоит из двух основных этнических групп: эрзи и мокши. Наиболее раннее письменное свидетельство о народе «морденс» встречается в VI веке у историка Иордана, который упоминает его в числе народов, плативших дань готскому царю Германариху. Различные сведения о мордве есть и в средневековых хрониках восточных и западноевропейских путешественников. К началу XI века мордва занимала область между реками Окой, Волгой и Сурой. Эрзя заселяли северные, а мокша — южные районы этой области. Решая вопрос этногенеза мордвы, следует сказать о народе буртасы, который, по мнению многих исследователей, сыграл значительную роль в сложении мордвы-мокши. Впервые в письменных источниках сведения о буртасах появляются в X—XI веках у арабских путешественников. Они помещали их на Волге на пути из Булгарии в Хазарию. Предположительно, это одно из угорских племен, позднее тюркизированное кипчаками. В русских летописях они упоминаются как мещера. Многие современные исследователи считают их предками татармишарей. Есть также мнение об их участии в этногенезе мордвы-мокши.

Марийцы (самоназвание «мари») в прошлом были известны как черемисы. Первые сведения об этой народности также встречаются у Иордана. Позднее русские летописи локализуют ее на территории прилегающей к месту впадения Оки в Волгу. Марийцы делятся на две этнографические группы: луговые и горные. Различия этих групп определяются по языку, материальной и духовной культуре. Кроме того в ходе исторического процесса к XVI—XVII векам сформировалась группа восточных марийцев, переселившихся в Прикамье и Приуралье.

К финно-угорской языковой семье относятся также удмурты. Письменные источники указывают, что предки удмуртов находились в сфере влияния Волжской Булгарии, жители которой называли их «арами». Под этим же названием удмурты встречаются в записях арабских купцов и путешественников IX—XII веков. В русских летописях упоминание о них появляется в X веке. Их

называли «арьянами», «арскими людьми», а позднее — «вотьяками». Исторически сложились две этнотерриториальные группы удмуртов: северные и южные. Группа южных удмуртов входила в состав Волжской Булгарии, а затем Казанского ханства. В связи с этим в их культуре прослеживаются следы влияния татар. На северных удмуртов в XII—XIV веках оказывало влияние русское население. После присоединения Вятской земли к Московскому государству северные удмурты вошли в его состав.

До сих пор среди финно-угроведов ведется полемика по поводу происхождения небольшой этнической группы — бесермян. Этот этноним русским населением воспринимался как «мусульмане». В материальной культуре бесермян имеется сходство с удмуртами.

На обширной территории Северного Приуралья расселены народы коми, которые в свою очередь делятся на три этнотерриториальные группы: зыряне, пермяки и ижемцы. Коми-зыряне живут в бассейне рек Вычегды — главного притока Северной Двины, Мезени, Печоры. Коми-пермяки в основной своей массе населяют северо-западную часть Пермской области; их небольшие группы проживают также в восточной части Кировской области. Отдельные группы коми расселены в Западной Сибири, Северном Казахстане, Алтайском крае. Оленоводы-ижемцы живут на Кольском полуострове и на севере Архангельской области.

Большое значение для народа коми и его традиционной культуры имело географическое положение населяемой им территории. Волоко-

вые пути Прикамья связывали коми со всем северо-востоком Европы. Этноним, указывающий на этот народ, впервые появился в XIV веке в Житии святого Стефания Пермского. Этнографическое описание коми можно найти в «Дневных записках» путешественника Ивана Лепехина, где он описывает ряд бытовых особенностей коми-пермяков и коми-зырян.

Тюркоязычные этносы Поволжья и Приуралья — татары, башкиры, чуваша — имеют значительные черты общности в своей истории развития, в этногенезе, культуре. В Средние века они входили в состав единых государственных образований: Волжской Булгарии (X—XIII вв.), Золотой Орды (XIII—XV вв.) и Казанского ханства (XV—XVI вв.). Одни из этих народов были как бы основным этническим ядром (татары), другие (чуваша, башкиры) находились на периферии этих образований, поэтому некоторые исторические процессы протекали у них в разное время и с разной степенью интенсивности. В значительной мере это относится к конфессиональной сфере.

Татары делятся на три основные этно-территориальные группы: волго-уральскую, сибирскую и астраханскую. Самая многочисленная из них — волго-уральская, включающая субэтносы казанских татар, татар-мишарей и субконфессиональную общность кряшен — крещеных татар. Самостоятельной этнической общностью являлись литовские татары. Татары — мусульмане-сунниты. Их религиозный центр находится в Уфе.

Впервые этноним «татары» возник среди монгольских и тюркских племен в VI—VII веках и окончательно закрепился во второй половине XIX — начале XX века. Значительную роль в распространении этого термина сыграли военнослужилое и чиновничье сословия, представители знати, состоявшие в основном из золотоордынских татар кыпчако-ногайского происхождения. Позднее он заменил все локальные местные названия и был распространен на весь этнос.

Казанско-татарская народность сложилась в Казанском ханстве (1438—1552), являвшемся значительным политическим центром Восточной Европы. В основе традиционного хозяйства волго-уральских татар было пашенное земледелие. Наряду с сельским хозяйством важное значение имели различные ремесла и промыслы, а также торговля и торгово-посредническая деятельность.

В Среднем Поволжье на территории Самарской, Саратовской и других губерний проживали чуваши, самоназвание которых — «чаваш» — происходит от названия одного из родственных древним булгарам племен «сувар» (или «суваз»). Огромную роль в консолидации финно-угорских и тюркских племен сувар, а значит и в формировании чувашей как народа, сыграло Булгарское государство. В русских летописях этноним «чаваш» встречается впервые в начале XVI века.

Чуваши делятся на три субэтнические группы: верховые вирьял, средненизовые анатенчи, низовые анатри. В состав Российского государства чувашаи вошли в 1552 году, после взятия Казани войсками Ивана Грозного.

Башкиры (самоназвание «башкорт») — коренное население Башкирии. В формировании этой народности решающую роль сыграли тюркские скотоводческие племена южно-сибирского и центральноазиатского происхождения. Придя на Урал, они частично ассимилировали, частично вытеснили местное финно-угорское и иранское (сармато-аланское) население. Российское подданство башкиры приняли после падения Казани в 1552 году.

Этимологическое значение самоназвания «башкорт», известного по письменным источникам с IX века, до сих пор является предметом дискуссий для ученых: историков и филологов. Формирование башкирского народа происходило в очень сложный исторический период столкновения двух миров: северного, с его самобытной, в основном оседлой культурой, и южного кочевого. Так называемое Великое переселение народов в значительной степени затронуло предков башкир, так как их земли входили в область, по которой продвигались с востока на запад различные племена и народы. Поэтому в записках арабских путешественников X—XII веков наряду с уже существующим термином «башджард» встречается термин «маджгар», обозначающий племена угров-мадьяр (позднее венгров), которые первоначально обитали к югу от Урала и проходили через земли башкир, активно участвуя в этногенезе этого народа; возможно, они и оставили ему это название. Есть также точка зрения, что название «башкорт» башкиры получили от племени огузопеченегов, которые также участвовали в этногенезе башкир.

Среднее Поволжье
Фотографии XX в.
Частное собрание

Марийская женщина
Луговые мари́йцы.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1086-69

Башкирка
в праздничной одежде
Уфимская губ.
Фотография
середины XIX в.
РЭМ 8764-12444

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Антропологический тип народов Среднего Поволжья и Приуралья сформировался в результате смешения европеоидных и монголоидных групп. Все народы относятся к большой европеоидной расе с различной примесью монголоидности у разных народов и этнотерриториальных групп. Наибольший процент монголоидности имеется у мари́йцев (в основном у луговых и восточных), удмуртов (южных) и мордвы-мокши в северо-западных районах Мордовии. Эти этносы относятся к уральской расе, переходной между европеоидами и монголоидами. Признаками монголоидности являются: невысокий (ниже среднего) рост, уплощенное лицо с выступающими скулами, невысокое переносье, ослабленный рост волос на лице, довольно темная пигментация волос и глаз. Меньшим процентом монголоидности отличаются горные мари́йцы, мордва-эрзя, а также мордва-мокша. У них доминируют европеоидные компоненты, характерные для восточно-русского населения.

Большое разнообразие антропологических типов характерно для тюркоязычных народов региона — татар, чувашей, башкир. Наибольшим количеством признаков монголоидности обладают значительные группы чувашей. Многие из них по своим антропологическим характеристикам: сравнительно темной пигментации волос и глаз, отсутствием растительности на лице, уплощенностью лица, высокими скулами — схожи с мари́йцами.

Среди татар преобладают европеоидные типы (более 60%), характеризующиеся темной и смешанной пигментацией волос и глаз, значительным ростом волос на лице, высокой или средней переносицей, прямой спинкой носа. Около трети татарского населения следует отнести к смешанному европеоидно-монголоидному (сублапоноидному) типу. Они отличаются невысоким (ниже среднего) ростом, среднешироким лицом, различной пигментацией волос (ближе к темной) и глаз, широкой низкой переносицей, вогнутой спинкой носа, слабым развитием бороды.

К южносибирской расе или монголоидному типу относится примерно 14% татар. Представители этого типа также широко представлены среди башкир. Башкиры Северо-Западных районов Башкирии, так же, как татары и чувашаи, темнопигментированы, обладают более узким и высоким лицом, более низкорослы. Еще раз следует отметить чрезвычайно разнообразное

отличие антропологических типов среди этого народа, что говорит о многоэтапности и сложности этногенетических процессов.

ЯЗЫК

В целом по своим этнолингвистическим характеристикам народы Среднего Поволжья и Приуралья делятся на две большие группы: к первой относятся мордва, марийцы, удмурты, коми (пермяки и зыряне), говорящие на языках финно-угорской группы, которые вместе с самодийскими языками входят в обширную уральско-юкагирскую языковую семью; ко второй — тюркоязычные чуваша, татары и башкиры.

В языке мордвы отражается большой и сложный путь, проделанный его носителями; в нем много языковых заимствований, относящихся к разным историческим эпохам. Самыми ранними являются слова индоиранского происхождения. Также значительное место занимают тюркизмы (X—XIII вв.) и более поздние заимствования из русского языка. Мордовские диалекты — эрзянский и мокшанский — имеют между собой значительные различия.

Большим количеством заимствований тюркизмов отличается и марийский язык, что исторически связано с сильным влиянием волжских болгар. Различают две литературные формы — луговосточную и горномарийскую.

Удмуртский язык, как марийский и мордовский, относится к финно-угорской группе уральско-юкагирской языковой семьи и вместе с языками коми образует особую пермскую подгруппу. В нем выделяются несколько диалектов, между которыми почти нет различия. Особый диалект удмуртского языка представляет язык бесермян, который похож на древнебулгарский и чувашский.

Очень близки друг другу коми-пермяцкий и коми-зырянский языки, которые относятся к пермской подгруппе финно-угорской группы уральско-юкагирской языковой семьи. Диалектные группы у коми в основном совпадают с локальными этнографическими группами. В связи с тем, что локальные группы коми проживали в единой этносоциальной среде, а также благодаря генетическому родству, в материальной и духовной культуре этих групп много общего.

Татарский язык относится к тюркской ветви алтайской языковой семьи. Наиболее древняя письменность — тюркская руника. С X века по 1927 год татары использовали алфавит на основе арабской графики, а затем — латиницу.

Язык башкир относится к кипчакской группе алтайской семьи тюркских языков.

Чувашский язык, как языки татар и башкир, причисляют к алтайской языковой семье, но

необходимо отметить, что в этой группе он занимает особое место: лингвисты связывают его с древними булгарскими и хазарскими языками. В современном чувашском языке еще сохранились два основных диалекта: вирьял (северных чувашей) и анатри (южных).

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Население Среднего Поволжья и Приуралья за исключением жителей некоторых районов Башкирии с давних времен было земледельческим. Основное место в земледелии занимало полеводство. Главными сельскохозяйственными культурами являлись рожь, овес, гречиха, ячмень, горох, полба, просо, пшеница, конопля и лен. Одной из культур, занимавших значительное место в сельском хозяйстве, чувашей был хмель, который использовали при изготовлении домашнего пива, также он шел на продажу в Россию и за рубеж.

Следует отметить, что под влиянием соседнего русского населения народы Поволжья и Приуралья (за исключением башкир и казанских татар) стали заниматься огородничеством; выращивали капусту, лук, морковь, свеклу. В начале XIX века под давлением чиновников в Поволжье стали пропагандировать посадку картофеля, но крестьяне активно противились распространению этой культуры, называя картофель «чертовыми» или «адскими» яблоками. В некоторых районах даже прошли «картофельные бунты», когда жители селений выражали свое недовольство этим нововведением всем сходом. Постепенно и эта культура, завезенная в Россию из Америки, прижилась среди поволжских народов, но высаживали ее в небольших количествах.

В конце XIX — начале XX века особенно там, где были крупные ярмарки и базары, марийцы и мордва, и даже татары-мишари стали выращивать огурцы на продажу. Поволжские крестьяне занимались также садоводством: сады разводили горные марийцы, чуваша и мордва. У некоторых горномарийских селений сады были не только на усадьбе, но и вдали от деревни в подходящих для этого местах. Когда урожай яблок выдавался особенно большим, его продавали на корню. Скупщиками были чаще всего татары, они же привозили тару и нанимали поденщиков для сбора урожая. Собранные яблоки продавали на ярмарках, базарах, а то, что оставалось, — в развоз по всему Поволжью.

Скотоводство у большинства рассматриваемых народов имело второстепенное значение и было тесно связано с земледелием. В плотно заселенных районах, где почти вся земля осваивалась под пашню, скота (коров, овец, лошадей)

Чувашка
Казанская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 8764-11399

Богатая городская
татарка
Казанская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ Ф 862-2

Пчеловод, влезавший на бортовое дерево при помощи лезва для сбора меда Марийцы. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1086-121

Пчеловоды Марийцы. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1086-115

Охотник Коми-зыряне. Вологодская губ. Фотография 1906 г. РЭМ 984-73

держали немного, так как из-за недостатка лугов и пастбищ его было трудно прокормить, и только население Башкирии вплоть до середины XIX века занималось кочевым скотоводством. Особенно много башкиры разводили лошадей. Их мясо шло в пищу, шкуры — на изготовление сосудов, обуви и другой утвари, молоко использовалось для приготовления кумыса. Лошади повсеместно служили основной тягловой силой, поэтому даже в беднейших семьях старались содержать лошадь, иногда крестьяне ради ее покупки уходили зимой в город на заработки. Практически все поволжские народы употребляли конское мясо в пищу. Обычай ритуального поедания принесенной в жертву богам лошади сохранялся до конца XIX века. Во время больших коллективных молений (объединявших иногда несколько населенных пунктов), мясо жертвенных лошадей варили в специальных котлах, установленных в священных рощах, и поедали в торжественной обстановке. Татары и башкиры до сих пор считают конину излюбленной едой.

Коровы местных пород отличались малой продуктивностью: для того чтобы обеспечить семью молочной продукцией, необходимо было иметь двух-трех коров. Овец держали для того, чтобы обеспечить семью шерстью, так как вся теплая одежда изготавливалась из шерстяных и суконных тканей домашнего производства. Разводили также и свиней (кроме татар и башкир). Мясо солили и коптили. Во многих крестьянских хозяйствах имелся погреб — «ледник», куда складывали припасы мяса.

Выпасом скота занимались наемные пастухи, хотя в некоторых местностях скот отпускали и на свободный выпас, огораживая поля от поправы. Зимой скот содержали в хлебах.

Совсем иное значение имело скотоводство у башкир: еще в XVII—XVIII веках оно являлось основным занятием всего населения, но постепенно пастбища сокращались, земли отдавали помещикам и монастырям под пашни, поэтому к концу XIX века западные и северо-западные башкиры перешли к оседлому земледелию; восточные же башкиры и в степных, и в горных районах еще в начале XX века продолжали заниматься полукочевым скотоводством. В середине XVIII века у зауральских башкир было почти полмиллиона голов лошадей, примерно такое же количество овец и 300 тысяч голов крупного рогатого скота. Разводили также коз, в некоторых богатых кочевьях были верблюды. Таким образом башкиры обеспечивали себя мясом, молочными продуктами, шкурами, шерстью.

Шерсть употребляли не только для изготовления тканей, из которых шили одежду, но и для валяния войлоков, которые использовали при строительстве и для украшения интерьера жилища кочевников — юрты. Утилитарно использовались все части шкур.

В поволжских деревнях всегда разводили большое количество домашних птиц: кур, уток, гусей, индеек. Куриные яйца были не только излюбленным элементом пищи, но и непременным атрибутом для проведения некоторых обрядов (например, во время сева их бросали в землю) и праздников: на сабантуе яйца были

необходимы для состязаний и подарков. Кроме того они служили своеобразной меновой единицей: некоторые товары у бродячих торговцев (в основном татар) можно было получить, обменяв их на яйца. Мясо птицы заготавливали впрок; забой проводили обычно осенью. У татар, которые разводили особенно много гусей, устраивали «гусиные помочи» — звали женщин и девушек щипать птицу. Пух и перья шли на подушки и перины, которых было в избытке в татарских домах. Птичьи стада обычно пасли дети или подростки, чаще всего недалеко от водоемов, на лугах вблизи рек и прудов, где было вдоволь гусиной травы.

Одним из древнейших занятий народов Поволжья было пчеловодство. Особенно оно было развито у башкир и марийцев. Башкирский мед с давних пор был предметом экспорта. Пасечному пчеловодству предшествовало бортничество, которому благоприятствовали природные условия Поволжско-Уральского региона. Борти были естественные и искусственные: крестьяне вырубали дупло в массивных стволах старых деревьев на высоте 6—8 м от земли, затем снаружи закрывали его корой, оставляя небольшое отверстие, в которое влетали пчелы. Существовало специальное приспособление для лазания по бортям — «лезево», состоящее из толстой пеньковой веревки и неширокой дощечки-сидения.

Следует отметить, что борть считалась личной собственностью, поэтому каждый хозяин метил ее своей меткой — тамгой. По свидетельству автора XVIII века П.И. Рычкова, крупнейшего

исследователя Оренбургского края, многие башкиры владели тысячу и более бортей. Большое количество бортей числилось в хозяйстве мордовских и марийских крестьян. В конце XVIII века вследствие интенсивной вырубке лесов бортничество заметно сократилось.

Важную роль в Поволжье и Приуралье играли охота и рыболовство. Пушной промысел имел товарное значение. Еще в XVIII веке поволжские народы платили дань русскому государству мехами, главным образом, — куницей, соболем и белкой. Это нашло отражение даже в языке. Например, в марийском языке есть слово кумур, что означает «три белки». Все традиционные способы и приемы охоты особенно долго сохранялись у коми. Коми-охотники — добытчики пушнины — вели свой промысел артельным способом и мало чем отличались от мелких ремесленников. Охотничья артель представляла собой профессиональное объединение и включала от трех до десяти человек. Во главе каждой артели стоял наиболее опытный и бывалый охотник; особо опытных вожаков в народе часто называли колдунами. До распространения ружья артель выходила в тайгу, имея на вооружении на каждого охотника лук со стрелами, простую рогатину с массивным железным наконечником и метательное копье.

Охотничий промысел всегда был связан с элементом случайности и зависел как от погоды, так и от количества зверя и птицы в данный промысловый сезон. Наиболее удачным сезоном считался конец зимы, когда снег покрывался прочным настом. Выследив зверя, артель на

Лесная избушка
Коми-зыряне.
Вологодская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 984-25

Охотник
Коми-зыряне.
Вологодская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ Ф 377-9

Одежда охотника состояла из традиционных рубахи и штанов, но поверх рубахи надевали специальный жилет из плотного сукна — лузан, на спине которого были нашиты петли для топора и ружья. Поверх лузана надевали пояс охотника — тасму с полным набором приспособлений (ножом, дробницей, натрусской). Кроме того, непременной принадлежностью охотника было метательное копье — койбедь и приспособление для разгребания снега.

Переезд
на новое кочевье
Башкиры.
Пермская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-12473

Оленья упряжка
Коми-ижемцы.
Архангельская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ Ф 377-9

Охотничья артель.
Перевозка продуктов
на нартах
Коми-зыряне.
Вологодская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 374-14

лыжах неотступно шла по его следу. Звери сильно ранили ноги о наст и в какой-то момент, устав, ложились — в этот момент охотники настигали их и убивали метательными копьями. В зимнее время охотились и на медведя. Разбудив зверя при помощи рогатины, охотники вступали с ним в единоборство.

Так как охотники-коми уходили на промысел на длительное время, каждая артель строила себе в лесу избушку, служившую временным жилищем на период охотничьего сезона. Здесь находился необходимый запас продуктов, утвари и дров. Хозяйство во время промысла велось по очереди всеми членами артели. Добычу также делили поровну в независимости от вклада каждого охотника.

В Волге и ее притоках — Оке, Каме, Ветлуге, Унге и др. — водилось очень много рыбы, в том числе такие ценные породы, как осетр, севрюга, лосось. Крестьяне создавали артели и круглый год занимались рыбной ловлей. Пойманную рыбу сбывали скупщикам или продавали сами на ближайших рынках.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В связи с тем, что этническая территория народов Поволжья и Приуралья находилась в местности с разветвленной сетью рек, связанной с Волго-Вятской системой, с древнейших времен одним из основных видов транспорта здесь был водный. Широко бытовали лодки-долбенки, катамараны (спаренные лодки), лодки-дошаники, иногда переправлялись на плотах, на них же сплавляли лес. По крупным рекам осуществлялось судоходство, как грузовое, так и транспортное.

Мужской
промысловый
костюм
Коми-зыряне.
Вологодская губ.,
Усть-Сысольский у.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Рыбак с сетью
Коми-пермяк.
Архангельская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 5776-7

Пестер – короб
для переноски тяжестей
Коми-пермяки.
Местность не выявлена.
Конец XIX в.
РЭМ 8761-14382

«Конвертообразные»
короба были довольно
широко распространены
у многих финно-угорских
народов Поволжья,
Приуралья и Сибири.
Их использовали
во время путешествий,
брали на охоту или в лес
по грибы.

Гымча – снасть
для рыбной ловли
Коми-зыряне.
Архангельская губ.
Середина XIX в.
РЭМ НВ 1271

Морда –
приспособление
для рыбной ловли
Коми-зыряне.
Архангельская губ.
Середина XIX в.
РЭМ НВ 950

Колчан и стрелы
Башкиры.
Оренбургская губ.
Конец XVIII –
середина XIX в.
РЭМ 1234-53

Мастер за изготовлением туесов Удмурты. Вятская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 8764-12024

Плетение мебели и коробов Марийцы. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 5421-32

Грунтовые дороги были очень плохо устроены, и использовать их для колесного транспорта можно было только в хорошую погоду, чаще всего зимой, поэтому даже летом грузы везли на волокушах или санях. Колесный транспорт (телеги, тарантасы) получили развитие во второй половине XIX века, когда стали активно прокладывать тракты. Наиболее ранние повозки были двухосными, иногда с кожаным или войлочным (у башкир) верхом. Раньше они служили кочевым жилищем, позднее стали свадебными экипажами. В конце XIX — начале XX века преобладали четырехосные повозки, длина которых колебалась от 1,8 до 2,5 м.

С давних времен у всех народов края был развит вьючно-верховой транспорт, для башкир он оставался преимущественным до начала XX века, причем верхом ездили и мужчины, и женщины. К традиционным средствам передвижения следует также отнести лыжи, которые использовали практически все народы края.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

У народов Среднего Поволжья полунатуральное хозяйство обусловило существование и развитие разнообразных домашних промыслов. Самым распространенным было изготовление тканей из конопляного, льняного волокна или шерсти; у башкир для тканья использовали волокна крапивы. Ткачество являлось исключительно женским занятием. Причем вся работа по уходу за посевами льна и конопли, сбору урожая и его дальнейшей обработке также лежала на плечах женщины. При подготовке волокна

к прядению использовали самодельные мялки, вальки, гребни, трепала, щетки. Расчесанную кудель на деревянных прялках превращали в пригодные для тканья нити, которые затем окрашивали растительными красителями. Поволжские женщины слыли лучшими ткачихами. Ткацкий стан имелся в каждом доме. Помимо простых холстов изготавливали узорные ткани для скатертей, занавесов, ковров, полотенец; с 1870-х годов — подражающие по рисунку фабричным.

К числу развитых домашних промыслов относится и валяние войлока. Из этого материала изготавливали мужские шляпы, обувь, ткани для армяков; башкиры использовали войлок для покрытия и украшения юрт.

Кроме того, женщины региона издавна славились как искусные вышивальщицы. Они расшивали ткани шелком, шерстью, хлопчатобумажными и мишурными нитями. Часто вышивка компоновалась вместе с блестками, бисером, пуговицами. Все это создавало неповторимый узор, характерный для каждого народа.

С развитием капитализма в России в XIX веке в Поволжье широкое распространение получили кустарные промыслы, основанные на местном сырье. К ним относятся рогожный (плетение рогож и кулей), бондарный (изготовление посуды из клепок), столярный, промысел по изготовлению саней, мебели, а также лесные промыслы.

Основное богатство Приуралья — это лес. Так, из дерева крестьяне-коми строили себе долговечные, прочные дома, делали орудия труда, необходимую хозяйственную утварь, посуду

Детская игрушка в виде фигурки мужчины Коми-пермяки. Архангельская губ. Конец XIX в. РЭМ 8761-14567

Сара –
поясное женское
украшение
Чуваши.
Самарская губ.,
Бузулукский у.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 968-27 а, в

Женские ичегы –
узорные сапоги
Татары.
Казанская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8762-24933;
8762-24709

Короб с вязанными
и ткаными изделиями
Коми-пермяки, коми-
зыряне. Вологодская
и Пермская губ.
Начало XX в.
РЭМ 7364-50 а; 1067-69;
1468-76, 77; 2795-24;
7307-195; 7367-37

Туфли мужские
Казанские татары. Казань. Начало XX в.
РЭМ 8764-24628

Санки детские
Коми-зыряне. Вологодская губ.
Начало XX в.
РЭМ 3273-2

В быту крестьян важную роль играли предметы, связанные с детским воспитанием: игрушки, детские ходунки, люльки, санки. Такие предметы старались сделать не только функциональными, но и красивыми, что соответствовало понятию об эстетическом воспитании.

Кустарь-ювелир за работой
Татары. Казанская губ.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 862-20

Татарские ювелирные украшения отличались большим разнообразием форм. Различной была и техника их исполнения: наибольшего совершенства татарские ювелиры достигли в технике скани (бцтеру).

В мастерской кустаря-ичежника
Татары. Казанская губ.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 862-23

и мебель: столы, лавки, залавки для посуды, полки, поставцы. У коми, как и у других народов, живущих среди лесных массивов, на различные поделки шли все части дерева. Плетенные из сосновых, еловых, можжевельниковых корней корзины, коробка, блюда, различные сосуды были легки, прочны и изящны и, кроме того, непроницаемы для влаги. Плетением занимались в зимнее время; в работе обычно принимала участие вся семья. Лучшим материалом считался сосновый корень, так как он отличался значительной длиной, гладкостью и красивым цветом. Материал заготавливался ранней осенью, обрабатывался и хранился до зимы. В коробках-пещорках держали как одежду, так и сухие продукты (например, крупы), но чаще всего их использовали для хранения свадебного костюма.

К числу чрезвычайно распространенных видов народного искусства башкир в глубинных районах лесного Урала относится резьба по дереву. Потребности натурального хозяйства, а также благоприятные природные условия (наличие таких видов деревьев, как береза, липа, лиственница) диктовали и делали возможным изготовление из дерева различной утвари и предметов домашнего обихода, при этом практичность и целесообразность тесно переплетались с эстетическими вкусами.

В Башкирии существовало несколько районов, производивших резную посуду и имевших устойчивые местные традиции. Один из наиболее значительных центров находился в южном горно-лесном Бурзянском районе, однако, территория распространения бурзянской деревянной утвари была гораздо шире. Небольшой круг изделий, в основном связанный с ритуальным потреблением мяса и кумыса во время родовых и общественных праздников, украшался резьбой. Наиболее интересными образцами художе-

ственной обработки дерева у башкир являются резные ковши для черпания и питья кумыса — ажау. Особое внимание резчики уделяли оформлению ручек. Они имеют довольно широкое основание и постепенно сужаются кверху, заканчиваясь различными резными фигурами — стилизованными изображениями уток, коней и др. Сосуды для кумыса — корэгэ-тэпэны орнаментировались врезными геометрическими узорами в виде елочек, зигзагов, крестиков и треугольников. Зачастую узоры на крышках кадок для кумыса, особенно центральная розетка, напоминают изображение солнца на алтайских и хакасских шаманских бубнах, а также на деревянной резной утвари казахов.

Художественная обработка дерева была широко распространена в быту чувашей и применялась в первую очередь при изготовлении предметов домашнего обихода, что считалось традиционным мужским домашним промыслом. В свободное от сезонных сельскохозяйственных работ время каждый хозяин старался изготовить все необходимые в быту вещи, при этом сделать их не только практичными, но и красивыми, художественно совершенными. Преобладал ручной способ изготовления деревянной утвари: токарные станки применялись очень редко. Но несмотря на то, что мастер работал только с помощью простого ножа, скобеля и резца, из-под его рук выходили прекрасные творения. Особенно тщательно изготавливалась праздничная посуда.

Многие изделия поволжских кустарей находили сбыт не только в России, но и за ее пределами. Например, бондарные изделия чувашей — бочонки для вина — имели спрос во Франции. Плетенная из лозы мебель, производством которой славились чувашаи и марийцы, также была предметом экспорта в Европу.

Кэлэпуш – мужской головной убор
Казанские татары.
Казанская губ. XIX в.
РЭМ 474-1

Браслет
Татары.
Казанская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8762-25363

Белязеки – браслеты
Казанские татары.
Казанская губ.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 8762-25369; 88762-25395

Муенса – нагрудное украшение
Казанские татары. Казанская губ.
XIX в. РЭМ 8762-25405

Браслеты были неотъемлемой частью традиционного женского костюма казанских татарок. Замужние женщины часто носили парные браслеты на обе руки, а девушки надевали по одному или по несколько браслетов, но на одну руку.

Чулпа – накосник
Казанские татары.
Казанская губ. XIX в.
РЭМ 5221-36

Не менее значимым был татарский ювелирный промысел, а также ичечно-коляпужное производство — изготовление узорных кожаных сапог и головных уборов из тканей. Ичеги — женские узорные сапожки, сшитые из разноцветных кусочков юфти или сафьяна. Они пользовались чрезвычайным спросом не только среди местного населения, но и в других регионах и даже за рубежом.

В середине XIX века большое распространение получило отходничество. Мужчины уходили на заработки в ближайшие города или в крупные промышленные центры: на Урал, Донбасс, нефтяные промыслы Баку, где требовался неквалифицированный труд. Женщины оставались дома с детьми и стариками и вели домашнее хозяйство самостоятельно.

Алка – серьги
Казанские татары. Казанская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8764-25164; 8764-25163

Кроме практического и эстетического значения «чулпа» выполняли функцию оберега: их украшали охранным камнем и множеством звенящих подвесок, которые, по народным представлениям, своим звоном отгоняли нечистую силу.

Деревенская улица
Чуваши. Казанская губ.
Начало XX в.
РЭМ 3513-4

После реформы 1862 г.
улицы чувашских сел
стали похожи на
русские, до этого
времени застройка
носила кучевой и
радиальный характер.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Географическое положение и специфика хозяйства Поволжья и Приуралья определили типы поселений и жилищ народов данного региона. Еще в начале XIX века леса густыми массивами покрывали поволжские земли, и народы Поволжья в прямом смысле можно было назвать «лесными жителями». Исключение составляли лишь степные башкиры, ведущие полукочевой образ жизни. Они жили преимущественно аулами, совершая по мере необходимости сезонные перекочевки, во время которых образовывали временные поселения. Традиционным типом жилищ башкир-скотоводов была сборная войлочная юрта двух типов — тюркского (с округлым куполом) и монгольского (конусовидная).

Расположенные в лесных массивах поселения в XVIII—XIX веках обычно были небольшими, чаще всего 10—20 домов. В расположении построек не было никакого плана. Такая беспорядочная планировка, именуемая «гнездовой» или «кучевой», объяснялась обычаем близких родственников селиться в непосредственной близости друг от друга. Следует отметить, что когда в XVIII веке российское правительство издало указ о поуличном строительстве, близкие родственники по-прежнему старались селиться рядом, поэтому до сих пор в поволжских деревнях существуют «концы» улиц — касы, принадлежащие тому или иному роду. Населенные пункты часто возникали и около водоемов — по берегам рек и озер, вблизи пригодных для земледелия мест. Традиционные поселения чувашей

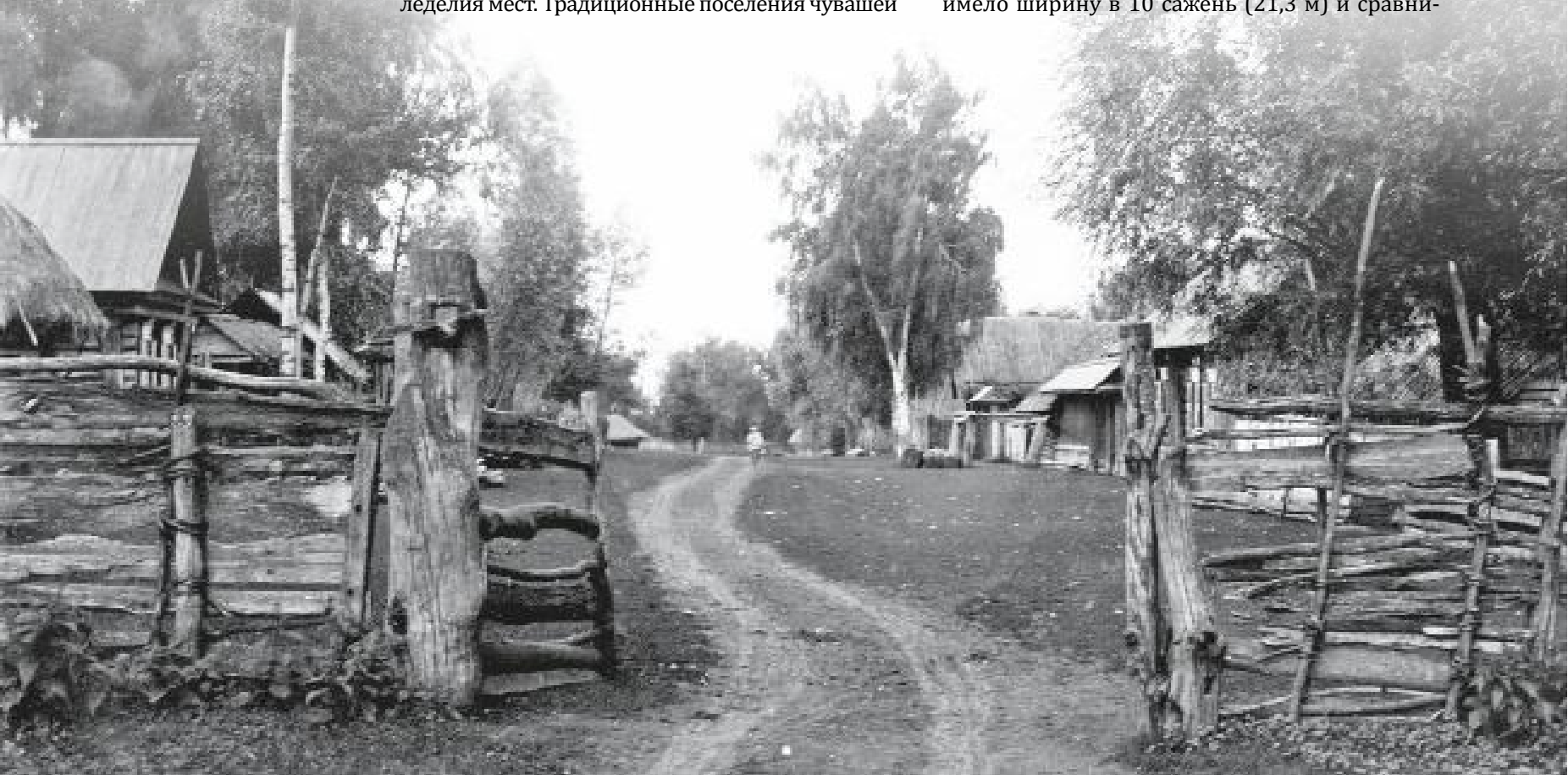
объединялись общим названием ял, у марийцев именовались околотками, у удмуртов — гуртами, у мордвы — веленя или веле.

Поселения коми, так называемые «сикты», или «грезды», как правило, имели рядовой тип застройки. С конца XIX века у коми распространяется уличная планировка, при этом дома ставили фасадами к реке или на южные направления. Некоторые крупные села растягивались на несколько километров в длину.

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Одним из древнейших городов Поволжья является столица Татарстана Казань, широко раскинувшаяся на левом берегу Волги на семи холмах. Еще в XII веке на месте теперешней Казани был расположен небольшой пограничный городок Булгар-эль-Джад, то есть «Новый Булгар». Казань — по-татарски значит «котел». Средневековая Казань отличалась восточным колоритом, ее называли «дивным» городом, столицей Востока. Красоту и многоликость Казани отмечали многие знаменитые путешественники, посетившие ее. Императрица Екатерина II, побывавшая здесь в 1767 году, отметила, что Казань — первый город в империи после Москвы.

По сохранившейся планировочной структуре в историческом центре Казани можно судить о характере застройки города в XVIII — начале XX века. Этот регулярный план был разработан в 1768 году архитектором В.И. Кафтыревым в соответствии с проектом «Комиссии от строений». Согласно этому плану большинство улиц имело ширину в 10 сажень (21,3 м) и сравни-

тельно невысокую застройку. Специфическую среду городского центра формировала рядовая застройка.

Большинство других городов Поволжья возникло в XV—XVI веках как военно-административные центры Русского государства на вновь освоенных территориях. Постепенно они приобрели роль торгово-ремесленных поселений. К таким городам можно отнести и столицу Чувашии Чебоксары (чуваш. Шупашкар), основанную в 1555 году по приказу Ивана IV.

Как острог и сторожевая крепость на засечной черте в 1641 году возник город Саранск,

столица современной Мордовии. В XVIII веке он являлся торгово-ремесленным центром, имевшим торговые отношения с Казанью, Москвой, Нижним Новгородом, Саратовом и другими городами России. Менее значимы были города Ардатов, Инсар, Темников и Арзамас.

На территории Удмуртии вплоть до 1917 года статус городов имели только Глазов и Сарапул.

В XVII—XVIII веках по указу Екатерины II было построено много городов и на территории марийцев, в том числе Царевококшайск и Козьмодемьянск. Козьмодемьянск лежит на правом высоком берегу Волги. В XVI веке он представлял

Дом жилищного промышленника Чуваши. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 215-109

Типичный крестьянский дом с двускатной крышей, крытой дранкой Мордва-мокша. Пензенская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 236-22

Улица деревни в восточных районах Татарстана Татары. Казанская губ. Фотография конца XIX в. РЭМ Ф 862-9

Вид Казани
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-12291

На с. 349

Кенос
Удмурты.
Вятская губ.
Фотография конца
XIX – начала XX в.
РЭМ 1156-141

Во дворе
татарского дома
Татары-мишари.
Уфимская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2577-35

Татары с древних времен разводят большое количество гусей (в каждом хозяйстве не менее 30–60 голов). Это не только источник пищи, но также перо и пух, которые необходимы для изготовления перин и подушек.

собой крепость, возведенную воеводой князем Иваном Турениным как опорный пункт для защиты от «черемис» (марийцев). Здесь селились однодворцы и стрельцы из России, поэтому до начала XX века герб Козьмодемьянска включал изображение лука и трех стрел, что символизировало вооружения стрельцов.

В середине XVIII века вследствие учреждения нескольких железоделательных заводов был основан рабочий поселок, позднее получивший статус города, Усть-Сысольск (совр. Сыктывкар). Он развивался по плану регулярной застройки 1783 года с квартально-уличной планировкой, 98,5% построек составляли деревянные дома. На протяжении полутора веков Усть-Сысольск оставался единственным городом в Коми крае.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Первые письменные этнографические сведения о жилищах народов Поволжья и Приуралья относятся к XVIII веку и зафиксированы в описаниях, составленных участниками академических экспедиций — И.-Г. Георги, Г.Ф. Миллером, П.П. Палласом, И.И. Лепехиным. На основании археологических раскопок, литературных данных и полевых материалов исследователи пришли к выводу, что основным типом жилища народов этого региона являлась курная изба, возникшая здесь в XI—XV веках под влиянием

активно заселявших Поволжье русских переселенцев. До этого времени для финно-угорского населения региона были характерны примитивные постройки: куала — у удмуртов, кудо — у марийцев, лась — у чувашей и куда — у мордвы. Того же типа примитивная постройка — бурама — отмечена у башкир. Однако если для русского крестьянина изба была единственным жилищем, то у народов Поволжья все выше-названные постройки сохранялись до конца XIX века и использовались либо в качестве летнего жилища или кухни, либо становились культурными, как куала удмуртов. Жилища типа марийского кудо имели широкое распространение в X—XI веках, и на протяжении тысячелетия их конструкция практически не менялась. Они представляли собой легкую срубную постройку из тонких бревен, положенных прямо на землю, не имели дощатого пола (только земляной), потолка и окон; в помещение вела небольшая дверь. Покрытием служила двускатная тесовая крыша на стропилах. В старых постройках верхние края ее скатов не стыковались друг с другом, и между ними во всю длину крыши образовывалась щель, в которую выходил дым от очага. Для того чтобы в жилое помещение не попадали осадки, один из скатов делался немного выше и нависал над другим.

Еще одним типом постройки, служившей летним жилищем для удмуртов, марийцев и

Интерьер богатого татарского дома
Татары. Казанская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 862-16

Пожилая сельская татарка в собственном доме
Татары. Казанская губ.,
с. Большая Атня.
Начало XX в.
РЭМ 862-18

чувашей, были двухэтажные амбары: для жилья был приспособлен второй этаж — там делали нары для сна, хранили одежду. Если в семье зажиточных крестьян было несколько брачных пар, то старались построить несколько амбаров, что было особенно характерно для удмуртов. В таком амбаре — кеносе (от удм. кен — сноха) — у молодых обычно проходила первая брачная ночь. С кеносом было связано много семейных обрядов и обычаев.

Особое место среди разнообразных построек поволжских и приуральских народов занимает жилище башкир, устройство которого напрямую зависело от географического расположения поселений. У башкир-кочевников восточных районов Башкирии вплоть до 20-х годов XX века сохранялись традиционные формы жилища — сборно-разборные юрты. В степных районах строили плетневые (из двойного плетня), пластовые (из пластов дерна) и саманные (из кирпича, сделанного из перемешанной с навозом глины) избы. У башкир, живших в лесостепных районах, уже в середине XIX века постоянным жилищем становится срубная бревенчатая изба. Высота срубов колебалась у разных социальных групп, но в среднем составляла 14—16 венцов. Пол также настилали на разных уровнях: например, в башкирских избах пол был вровень с землей, в северных районах в домах имелось подызбье или подклети, соответственно пол находился высоко от земли. В подполе хранились овощи, молочные продукты, в подызбье иногда держали скот. В богатых лесом районах крыши делали тесовые, драночные или корьевые; в безлесных районах основным материалом для крыши служила солома.

Вплоть до XIX века жилища народов региона снаружи ничем не украшались. Только с середины XIX века русские мастера-резчики стали появляться в деревнях чувашей, мордвы, марийцев и украшать карнизы, наличники резьбой, у башкир эта традиция получила развитие позже, а татары резьбе предпочитали полихромную роспись как избы, так и ворот. Обычно татарские дома были расположены в глубине усадьбы, окна выходили не на улицу, а во двор, и вся усадьба была обнесена высоким забором, чтобы оградить жизнь семьи от посторонних глаз, что соответствовало канонам мусульманства.

ИНТЕРЬЕР

Срубные постройки чувашей, удмуртов и марийцев, не имевшие окон, отличались простотой организации внутреннего пространства. Как правило, в центре такого сооружения находился открытый очаг, над которым свисала цепь или деревянные планки с зубринами, куда вешали котел. Огонь горел непрерывно, и дым, наполнявший помещение, выходил сквозь щель в крыше или открытую дверь. Из обстановки в таких жилищах были только стол и лавки; вся утварь хранилась в пристройке у стены, противоположной входу — изи кудо. Здесь же хранились и все принадлежности для домашних языческих молений и жертвоприношений.

Существенные отличия имела татарская изба. Печь в ней часто ставили подальше от угла, чтобы ее можно было обойти вокруг, кроме того, в татарской печи был специальный припечек,

Кухня-мазанка
Башкиры.
Уфимская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ Ф 213-14

Кухня-мазанка –
специфическая
хозяйственная
постройка у башкир.
Их строили напротив
жилого дома
во избежание
возникновения
пожара.

Амбар на столбах
Коми-зыряне.
Вологодская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 984-21

Строения подобного
типа очень характерны
для коми. Чаще всего
их ставили недалеко от
лесной избушки и
хранили в нем добычу.

Традиционное
жилище башкир –
войлочная юрта
Башкиры.
Уфимская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1022-13

в который вмазывался котел. Напротив печи вдоль передней стены шли нары, занимавшие пол-избы: на них ели, принимали гостей, спали, работали. Как правило, в татарском доме женская половина, в которую входили печь и вся кухня, отделялась от остального пространства занавесью — шаршау. Стены украшали ткаными занавесками и полотенцами; нары — стегаными одеялами, подушками, перинами, прикрывая их днем специальными накидками, во всем угадывались следы кочевнического быта.

Женщины
в традиционной
одежде и украшениях
Марийцы.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1086-78

На с. 353

Женщины
в национальной одежде
Башкиры.
Пермская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1022-50

Мужчины
в национальной одежде
Башкиры.
Уфимская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 5472-82

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Наиболее ярким этническим маркером народов Поволжья и Приуралья является одежда. С давних времен она привлекала внимание путешественников, исследователей, художников своей самобытностью, красочностью, обилием и сложностью вышитых узоров, а также наличием своеобразных головных уборов и украшений из серебра, бисера, раковин каури. Эта самобытность сохранялась в традиционном костюме каждого этноса вплоть до 30—40-х годов XX века.

Одежда различалась по социальному признаку, полу, возрасту, назначению: повседневная, праздничная, обрядовая. До проникновения фабричных тканей в деревню одежда у всех народов региона (в XIX веке исключение составляли татары и некоторые группы башкир) изготавливалась из материалов домашней выработки. Самой древней и распространенной волокнистой культурой была конопля, реже использовали лен. У башкир встречались также рубахи

из крапивного полотна. Шерсть использовалась для изготовления зимней одежды.

Преобладающим цветом в одежде, особенно у финно-угорских народов края, был белый. Костюмный комплекс — как женский, так и мужской — состоял из рубахи, штанов и верхней плечевой одежды. Рубаха являлась основой костюма: она одновременно служила нательной одеждой и выполняла роль платья. В XVIII — начале XIX века рубахи поволжских народов мало различались по покрою. Для всех этносов был характерен так называемый туникообразный тип: рубахи шились из двух полотнищ, посередине груди делался разрез, скреплявшийся большим количеством фибул. Более поздним ученые считают покрой, при котором в одном полотнище ткани делается разрез для продевания головы, по бокам пришивается еще по одному полотнищу и рукава. Примерно так же шилась и верхняя плечевая одежда, обязательно входившая в костюмный комплекс.

Женщины в традиционной одежде и старинных головных уборах айшон Удмурты. Вятская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1156-1, 3

Впервые женщина надевала айшон во время свадебных торжеств и могла использовать его до 40–45 лет, затем ей разрешалось носить только старушечий головной убор.

Одним из самых сложных по составу являлся костюм мордовской женщины: в него входили рубаха, кафтан, передник, пояс с большим числом поясных подвесок. Самой интересной была подвеска пулогай, или каркс, называвшаяся по-разному в зависимости от этнотерриториальной группы мордвы. Комплекс одежды дополняло большое количество шейных и нагрудно-наспинных украшений. Разнообразием отличались и головные уборы, каждый из которых соответствовал определенному периоду в жизни женщины и ее социальному статусу. Так, например, головной убор с рогообразным выступом надо лбом — сорока — надевался, когда молодуха, переехав в дом мужа, впервые выгоняла скот на пастбище.

И рубахи, и кафтаны тщательно украшались узорами, вышитыми шелковыми или шерстяными нитями, как правило, «счетной» вышивкой. Сложные геометрические орнаменты вышивок имели большую смысловую нагрузку. Изучая семантику узоров, ученые установили, что в наиболее ранних образцах сохранившейся одежды XVIII века узоры — это своеобразное пиктографическое письмо, рассказывающее о традиционном мировоззрении народов, его этнических и родственных связях, о социальном и семейном положении носителей. Передавая из поколения в поколение этот опыт, народные мастерицы сохраняли изящность и красоту узоров, но уже

ко второй половине XIX века частично утратили значение семантики узоров. В конце XIX — начале XX века в связи с веяниями моды одежду стали украшать нашивками из шелковых и сатиновых лент с преобладанием красного цвета, символизировавшего солнце, огонь, красоту. Кроме того, в орнаментальные мотивы вводили такие компоненты, как металлические блестки, позументы, кружева из льняных нитей.

В связи с широким распространением фабричных тканей белый туникообразный комплекс претерпел значительные изменения. Раньше всех (уже к концу XVIII — началу XIX века) этот процесс затронул татар и башкир, которые благодаря исламизации активнее других народов были втянуты в торгово-промышленные взаимоотношения со Средней Азией, Турцией, Персией и другими странами Востока. Во второй половине XIX века вследствие появления фабричных тканей стало возрастать влияние городского костюма на традиционную одежду народов Поволжья, что особенно явно проявилось у тех народов, у которых было сильно развито отходничество (в первую очередь это относится к татарам).

Использование более широких по сравнению с домашними фабричных тканей (ширина дотканнины составляла 40—45 см) привело к изменению покроя одежды. Но если у татар вместе с материалом меняется и принцип кроя

Молодуха в праздничном костюме с полным набором украшений Чуваши-вирьялы. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1157-1

Наиболее старинным считается нагрудное украшение сурпан-сакки, представляющее собой прямоугольный кусок конской кожи, на лицевую сторону которого нашиты монеты и раковины каури.

Девушка в традиционном головном уборе Татары. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 272-4

одежды, то у народов, находившихся под их влиянием — восточных марийцев, южных чувашей и удмуртов, — принцип кроя в основном сохраняется, а белая домотканина заменяется алачой — домотканой клетчатой многоцветной тканью, изготовленной в подражание городской ткани «шотландка».

Особенно большие изменения к XIX веку происходят в мужской одежде, где очень четко прослеживается все большее влияние городской моды — это касается и состава комплекса, и кроя, и материалов. Традиционной остается в основном обрядовая одежда: у марийцев и мордвы, удмуртов, чувашей еще долгое время сохраняется комплекс домотканой одежды белого цвета, которая используется для коллективных молений, поминок и в качестве свадебной.

Широко бытовавшие у народов Поволжья и Приуралья разнообразные головные уборы, различающиеся по половозрастному и социальному принципам, а также многочисленные украшения для головы, кос, рук, поясные, шейные, нагрудно-наспинные к началу XX века постепенно выходят из повседневного быта. Сфера их использования перемещается в основном в область духовной культуры — они становятся востребованными в определенных обрядах, например, свадебном или похоронном.

Одним из наиболее старинных видов женских головных уборов казанских татар является калфак. В XVIII веке калфак представлял собой сшитый из белого холста длинный чехол с зауженным концом, спускающимся на спину. Его длина составляла от 70 см до метра. С течением времени длина головного убора уменьшалась, менялись материалы: в XIX—XX веках калфаки, как правило, изготавливали из шелка или бархата. Кроме того, их стали шить на подкладке, а наружные части расшивать шелком, бисером, блестками, золотными нитями. Весьма распространена была так называемая «ушковая» техника вышивки, когда узоры составлялись из узких шелковых лент. Калфак являлся эффектным завершением костюма молодых татарок.

Украшения у всех народов Поволжья и Приуралья с древнейших времен были неотъемлемой частью костюма и обладали несколькими функциями: практической (застежки), магической (обереги от сглаза, от болезней) и эстетической. Кроме татар, у которых производством ювелирных украшений с древнейших времен занимались мужчины-ювелиры, у остальных народов края разного рода украшения изготавливали преимущественно женщины, используя самые простые приемы: нанизывание и нашивание. Исходные материалы — бусы, жетоны, бисер, металлические пронизки, пуговицы,

бляшки, раковины — обычно покупали у бродячих торговцев-татар.

Украшения у разных народов и их этнических и локальных групп были весьма разнообразны по форме, способу и месту ношения: налобные и височные украшения, серьги, шейно-нагрудные украшения, украшения для кос, наручные, поясные. Наибольшим количеством украшений отличалась праздничная и обрядовая одежда, особенно это относилось к девушкам на выданье и «молодухам» — молодым замужним женщинам; набор украшений девочек и пожилых женщин был значительно меньше. Состав комплекта украшений зависел от возраста и семейного положения женщины, социального и имущественного состояния ее семьи.

К числу наиболее эффектных и эстетически значимых следует отнести филигранные изделия татар: серьги, браслеты, шейные украшения, которые изготавливали из серебра, часто с позолотой и драгоценными камнями. Наиболее экзотичными были изготовленные вручную самими владелицами поясные украшения мордвы — пулогай (от морд. «пуло» — «хвост»), которые носили как набедренные повязки поверх рубаш.

Пулогай — одно из самых своеобразных украшений мордвы-эрзя, являвшееся обязательной частью женского костюма вплоть до начала XX века. Есть сведения, что девочки начинали носить его с 5—6 лет, когда впервые ощущали свою принадлежность к женскому полу. Женщины на праздниках и во время свадьбы надевали по 2—3 пулогая, что было большой физической нагрузкой, учитывая что вес украшения варьировался от 2 до 6,5 кг. Обычно пулогай состоял из ткани, металлических бляшек, бисера, бус, стекляруса и бахромы из шелковых нитей, вываренных в медовой сыти. По ним украшение и получило свое название, так как эта бахрома действительно напоминала лошадиный хвост.

До настоящего времени в регионе у большинства народов (особенно у марийцев, чувашей, башкир) сохраняются отдельные этнически маркированные элементы костюма, осознаваемые как символическое воплощение традиционного костюма; чаще всего это украшения и головные уборы.

Дети в повседневной одежде
Марийцы.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1086-54

Мужчина в костюме
охотника и женщины
в традиционной одежде
Коми-пермяки.
Пермская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 2794-19

Женщины
в традиционной одежде
на Хабантуе –
празднике начала сева
Башкиры.
Уфимская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 3935-237

Мужской костюм
Башкиры.
Оренбургская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский костюм
Башкиры.
Оренбургская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Праздничный
женский городской
костюм
Казанские татары.
Казанская губ., Казань.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный
костюм
Мордва-эрзя.
Пензенская губ.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Пулогай – поясное женское украшение Мордва-эрзя. Самарская губ. Середина XIX в. РЭМ 1215-1

Женский праздничный костюм Марийцы. Уфимская губ. Конец XIX в. Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм Чуваши. Казанская губ. Вторая половина XIX в. Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм Чуваши. Симбирская губ. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РЭМ

Обед на кочевье
Башкиры.
Пермская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 5472-57

Девичий стол
Мордва.
Пензенская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 236-34

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Татары Среднего Поволжья и Приуралья, в основе хозяйственной деятельности которых лежало оседлое земледелие, издавна отдавали предпочтение зерновым — муке и крупам. Большое место в их системе питания занимали молоко и молочные продукты. С глубокой древности татары употребляли в пищу мясо крупного рогатого скота, овец, домашней птицы и конину. Свинина была запрещена шариатом. Мясо также использовали для выпекания пэрэмечей — праздничных и ритуальных пирожков. Другим ритуальным блюдом являлись пельмени с начинкой из баранины или жеребятины. Очень популярны были эчпочмаки — изделия из дрожжевого или пресного теста, начиненные мясом, луком и картофелем. К числу наиболее древних национальных татарских блюд относится бэлеш. На свадебное торжество и на большие праздники подавали плов (вариант, несколько отличный от бухарского). В качестве обрядового напитка татары употребляли бузу из просяной муки (особенно много ее готовили к свадьбе). Любимыми безалкогольными напитками были айран, шербет и черный крупнолистовой чай с молоком, который называли «татарский» или «калмыцкий».

Татарская кухня богата разнообразными выпечными изделиями — от лепешек и пирожков разных форм с разнообразной начинкой до таких изделий, как баурсак и чак-чак, в состав теста которых обязательно входит мед. Чак-чак является обязательным угощением на свадьбу. Как и у татар, в состав традиционных блюд башкир входило много кушаний из зерна и муки, аналоги которым можно найти в пище народов Средней Азии, Казахстана и Сибири. Из крупы и целого зерна (в основном ячменя и проса), варили похлебки и каши: пшенная или ячменная каша являлась обязательным ритуальным блю-

дом во время коллективных сборов, связанных с древними языческими верованиями. Зерно добавляли в колбасы, а также использовали при приготовлении слабоалкогольных напитков — бузы и эсе бал. Из муки готовили жидкие и густые блюда на молоке, воде и бульоне, а также хлебные изделия, которые выпекали или варили в жиру. Любимым молочным блюдом башкир был кумыс — кислое кобылье молоко.

В системе питания коми преобладали продукты, связанные с их основными занятиями — охотой и рыболовством. Рыбу употребляли в сыром (свежемороженом и соленом виде), запеченном и жареном. Во всех торжественных случаях подавали рыбный пирог черинянь. Мясо использовали главным образом для приготовления супов, которые готовили в течение всего года, так как мясо хранили в ледниках, а также заготавливали в соленом или копченом виде. Среди изделий из теста ведущее место принадлежало пельменям и шаньгам с различными начинками, в том числе ягодами и грибами. Широко бытовали молочные продукты: молоко, творог, сметана.

Будничное питание мордовских крестьян было довольно однообразно, особенно во время частых постов; отсутствовали острые специи, которые заменялись подливами из сметаны, кислого молока, конопляного масла, толченого конопляного семени. При заготовке впрок продукты засаливали, а молоко сквашивали. Еще П.С. Паллас в конце XVIII века подметил у мордвы особый способ выпечки хлеба: на поду, на капустных листьях, без соли. Продукты животноводства употребляли в основном для приготовления праздничных и обрядовых блюд. Важное место в рационе мордвы занимало молоко. Из слабоалкогольных напитков были распространены пиво сыра, брага из ржаной муки и пуре — старинный обрядовый напиток на основе меда, хмеля и ячменя; из безалкогольных — квас.

В питании удмуртов главное место занимали разнообразные супы и каши. Выпечные изделия не только входили в повседневный рацион, но также служили обрядовой пищей. На столе удмуртов всегда были молочные блюда: молоко (свежее, топленое, квашеное), сметана, творог, из повседневных напитков — молочный квас арьян, ягодные морсы; для праздников готовили водку кумышку, медовуху шербет, пиво сур.

Главным продуктом питания марийцев считался хлеб — кинде, почтительное отношение к которому прививали с малолетства, что нашло отражение в поговорках, например: «С хлебом ничто не сравнится». Мясо употребляли в основном в зимнее время, в летний сезон его использовали только для обрядов жертвоприношения и во время праздников. Для приготовления традиционных блюд широко использовались дичь и рыба. Очень разнообразна была молочная продукция. Из напитков употребляли как безалкогольные — воду, кленовый сок, овощные и ягодные напитки, отвары из дикорастущих трав, разнообразные чаи, так и слабоалкогольные, в том числе традиционное хлебное пиво — пуро, или сыра. К крепким напиткам относится брага — «медовщина».

Основу питания чуваш-земледельцев составляли продукты растительного происхождения: бобовые (горох и чечевица) и зерновые; так, каши — полбенная, пшеничная, гречневая — являлись неотъемлемой частью их пищевого рациона. Из овощей употребляли капусту, лук, огурцы, тыкву, репу, морковь, широкое распространение получил появившийся здесь в XVIII веке картофель. В приречных районах Чувашии широко было развито садоводство. Выращивали яблоки, сливу, вишню, крыжовник. Яблоки на зиму мочили, малину сушили, остальные фрукты и ягоды употребляли в свежем виде, а также использовали при выпечке. Мясо в основном ели по большим праздникам или во время коллективных жертвоприношений. Большую роль в питании чувашей играла молочная продукция.

УТВАРЬ

Состав и особенности утвари народов Поволжья и Приуралья зависели от природно-климатических условий, образа жизни (оседлый или кочевой), специфики основных хозяйственных занятий, наличия сырья. Большая часть населения региона жила среди лесных массивов, что и обусловило преобладание в их хозяйстве разнообразной утвари из дерева и его производных — корней, коры, луба, бересты, лозы, лыка.

Повсеместное использование бересты объяснялось замечательными свойствами этого материала: она хорошо сохраняет как тепло, так и холод, отличается гигиеничностью и удиви-

тельной прочностью, а также обладает бактерицидными свойствами — в берестяных сосудах не заводятся бактерии, поэтому продукты в них хранятся долго. Да и сами берестяные изделия могли прослужить не один десяток лет.

Бересту заготавливали поздней весной во время движения березового сока и в июле до Иванова дня. Заготовкой занимались опытные крестьяне. Сначала искали сухое место в лесу, где березы росли вперемешку с соснами, затем выбирали гладкое, здоровое дерево с небольшими черными черточками-чечевичками (считалось, что береста с длинными чечевичками будет лопаться). Берестяные изделия, как правило, декорировали геометрическим орнаментом, нанося узоры специальными приспособлениями — чеканами: рисунок вырезался на костяном или деревянном штампе, а затем выбивался на верхнем слое бересты.

До конца XIX — начала XX века отличалась утварь восточных башкир, которые продолжали вести полукочевой образ жизни. В их быту по-прежнему широко бытовали изделия из кожи: сосуды для изготовления, хранения и перевозки кумыса, кожаные переметные сумы и пр. Наряду с кожаной использовалась утварь из дерева.

Большая часть предметов домашней утвари была полифункциональна, то есть один и тот же предмет мог использоваться и для хранения, и для транспортировки, и для измерения количества продуктов, и для приема пищи. Это различные цельнодолбленные, долбленные с вставным дном, клепаные, плетеные бочки, кадушки, ковши, чаши, миски, корыта, ведерки. До 1920—1930-х годов деревянная утварь отличалась значительной консервативностью, сохраняя традиционные формы и цели использования.

Для приготовления пищи в печи у удмуртов, коми, мордвы, марийцев до конца XIX века в основном использовалась глиняная посуда, в том числе горшки и корчаги, но в конце XIX — начале XX века широкое применение получила металлическая утварь: чугуны, сковороды, противни, ухваты и котлы. Котел особенно был распространен у татар и групп народов, живших рядом с ними. Характерной чертой татарской кухонной утвари являлся котел, вмазанный в специальный припечек (часть печи), — универсальное приспособление для приготовления пищи.

Фарфоровая и стеклянная посуда в крестьянских хозяйствах была в очень малых количествах, более широко бытовали бутылки — для бузы, кумышки, водки, браги, в которых подавали напитки. У татар часто можно было видеть на столе во время чаепития и приема гостей фарфоровые расписные чашки, купленные на ярмарке или базаре.

Сара курги — ковш для пива Чуваши. Симбирская губ., Буинский у., Шемуршинская вол. Конец XIX в. РЭМ 6105-26

В Чувашии издавна существовал обычай приготовления пива для общественных молений и традиционных народных праздников. Его подавали в больших деревянных сосудах, а для зачерпывания и питья пива использовали ковши сара курги. Как правило, они имели округлое дно, чуть заостренный приподнятый носик и резную ручку, расположенную под прямым углом. Традиционными элементами орнамента считались круг с лучами (символ солнца) и изображение коня (символ плодородия).

Ажау – ковши для разливания кумыса Башкиры.
Уфимская губ.,
Белебеевский у.;
Оренбургская губ.,
Орский у. Конец XIX в.
РЭМ 2861-602; 2831-599

Ашлау – сосуд для подачи кумыса Башкиры.
Уфимская губ.,
Белебеевский у.
Конец XIX в.
РЭМ 7082-35

Подобного типа ковши были очень характерны для Зауралья. Крюк для подвешивания на сосуд с кумысом имеет форму клюва, а ручка выполнена в виде головы птицы, что, скорее всего, связано с одним из древнейших культов почитания водоплавающих птиц.

Турсук – сосуд для перевозки кумыса Башкиры.
Оренбургская губ.,
Троицкий у.,
д. Уразбаево.
Середина XIX в.
РЭМ 2881-574

Кожаные турсуки, навьюченные на лошадь, являлись неотъемлемым атрибутом кочевой жизни. Старинные рецепты приготовления кумыса были основаны на естественном взбалтывании молока в сосудах во время перекочевков.

Баш-куняк – сосуд из кожи конской головы для подачи кумыса на стол Башкиры.
Уфимская губ.,
Белебеевский у.,
д. Абдулменево.
Конец XIX в.
РЭМ 2881-570

Черпак-умывальник Коми-зыряне.
Вологодская губ.,
Усть-Сысольский у.,
Сторожевский приход.
Начало XX в.
РЭМ 5670-97 а, б

Ташти-доз – поставец
для чайной посуды
Коми-зыряне.
Вологодская губ.,
Усть-Сысольский у.,
Помоздинская вол.
Конец XIX в.
РЭМ 1020-77

Туйыс – сосуд
из бересты
Марийцы.
Казанская губ.
Начало XX в.
РЭМ 6207-23

Короб для хранения
припасов на охоте
Коми-зыряне.
Вологодская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 1001-99

Солоница
в виде утки
Коми-зыряне.
Вологодская губ.,
Усть-Сысольский у.
Конец XIX в.
РЭМ 1020-33

Солонича –
дорожная солонка
Коми-пермяки.
Пермская губ.,
Соликамский у.
Конец XIX в.
РЭМ 1468-114

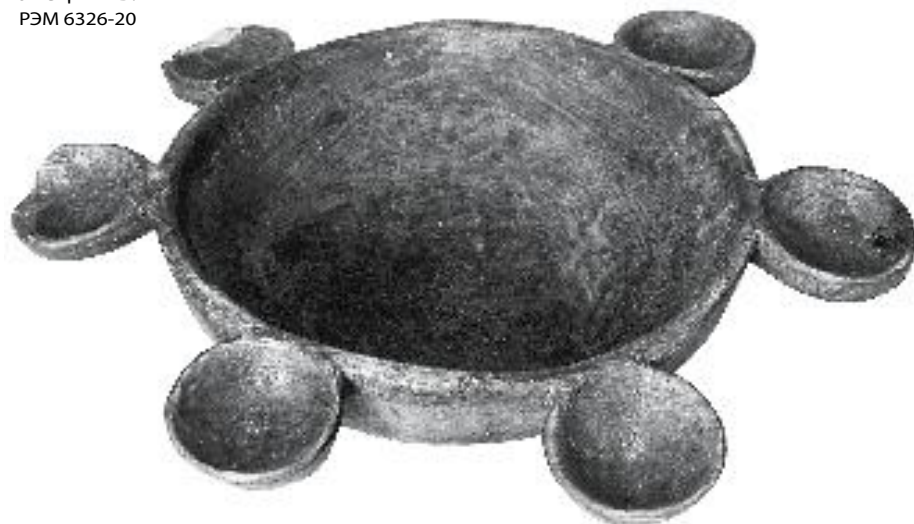
Обычно такую солоницу дарил отец дочери-невесте в день свадьбы в знак родительского благословения. Фигурка утки (нередко с изображением утят на спине) символизировала благополучие будущей семьи, а также продолжение рода.

Бурак – туес
для длительного
хранения сыпучих
продуктов
Чуваши. Казанская
губ., Козловский у.,
д. Малое Бияшево.
Конец XIX в.
РЭМ 6326-20

Табак-доз – табачница
Коми-зыряне.
Вологодская губ.,
Усть-Сысольский у.,
д. Бадь-йоль. Конец XIX в.
РЭМ 1020-73

Чаша для рыбы. Коми-зыряне.
Вологодская губ., Усть-Сысольский у. Конец XIX в. РЭМ 355-3

Такая посуда использовалась в праздничные дни: в центральную чашу выкладывали рыбу, а в маленькие боковые – соль.

Улица
мордовского села
Мордва.
Пензенская губ.
Начало XX в.
РЭМ 3513-6/1

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Общественная жизнь поволжских народов, особенно финно-угорских, была тесно связана с соседской поземельной общиной. У мордвы, марийцев и удмуртов наряду с простыми общинами, когда крестьяне-общинники жили в одном населенном пункте, существовали сложные, когда члены общины проживали в разных поселениях. Распорядительным органом являлся сход — общее собрание домохозяев.

Община обладала многими функциями: она регулировала имущественные и производственные отношения крестьян-общинников, производила переделы земли, нанимала пастухов, собирала и распределяла подати. Также в ее функции входило судебное разбирательство над провинившимися членами общины. Значительную

роль община играла в организации «помочей» при строительстве общественных и личных построек, выполнении трудоемких сельскохозяйственных работ — пахоте, уборке урожая, обмолоте. Одним из вариантов женской «помочи» были посиделки-«супрядки», на которых женщины-молодухи и девушки собирались для совместного изготовления пряжи.

В ведении общины находились также семейные дела общинников, причем это был не только сбор податей, но и учреждение опеки над осиротевшими или потерявшими основного кормильца семьями. Община давала согласие на развод супругов. При этом старейшины определяли, с кем останутся дети. Сиротам они назначали опекуна и контролировали процесс опеки. Единство общины выражалось также в общих молениях с жертвоприношениями, аграрных и семейных праздниках.

Способ ношения детей в специальном приспособлении ныпъете Бесермяне. Вятская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1156-31

Мальчики из башкирского села Башкиры. Пермская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 5472-58

Семья Татары. Казанская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 8764-12274

СЕМЬЯ

Основным типом семьи в Поволжье в XIX — начале XX века была малая семья, состоявшая из двух, реже трех поколений родственников по отцовской линии. Однако существовали и большие семьи, численность которых составляла от 12 до 40 человек: родственников различных степеней родства. Имущество большой семьи — жилые и хозяйственные постройки, сельскохозяйственные орудия, скот, домашняя утварь, припасы — находилось в общем и нераздельном пользовании. Даже одежда, особенно зимняя, считалась общей собственностью и передавалась от одного члена семьи к другому.

Во главе семьи стоял обычно самый старший мужчина. Он ведал всеми работами и имуществом. Ему беспрекословно подчинялись все члены семьи. Большую роль играла и старшая женщина, в подчинении которой находилась вся женская часть семьи. Обычно мужчины не вмешивались в дела, связанные с ведением домашнего хозяйства, изготовлением одежды или воспитанием детей.

Особое положение в большой семье занимали снохи. Приходя в другой род, они зачастую всю жизнь чувствовали себя чужаками, вынужденными приспосабливаться к новым условиям жизни. Для снох у всех народов существовал целый ряд запретов. Например, у удмуртов, мордвы и башкир первое время после замужества снохи не имели права непосредственного

общения со старшими мужчинами в семье. У марийцев и удмуртов снохе запрещалось представлять перед свекром с непокрытой головой, без онучей или чулок, поэтому марийки даже ночью не снимали головные уборы и онучи. У башкир сноха закрывала лицо перед свекром; кроме того, так же, как и у татар, у них было принято деление жилища на женскую и мужскую половины, и без разрешения свекра или свекрови сноха не имела права появляться на мужской половине.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

К числу своеобразных особенностей следует отнести обычай у финно-угров матриликального поселения молодых. После свадьбы молодожены оставались жить у родителей невесты. У татар и башкир молодая покидала дом родителей после частичной или полной выплаты калыма.

Возраст вступающих в брак был различен. У мусульман, особенно башкир, брачный возраст девушек составлял 13—14 лет, а юношей — 15—16. У финно-угорских народов: 17—18 лет — у девушек и 19—21 — у парней. Согласие молодых на брак не спрашивали; все решали родители.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В основе древних традиционных представлений народов Поволжья и Приуралья лежит вера в трехъярусную модель мира: верхний, средний и нижний миры. В верхнем и нижнем, по их представлениям, обитают боги и духи, а средний населен людьми, животными и растениями. Религия поволжских народов основывалась на признании священности мироздания и природы; каждому в ней была определена своя роль. Пантеон богов, добрых и злых духов, покровителей был очень разнообразен. Верховным божеством был Тор (Тэнгри), низшими — духи-покровители семьи, жилища, домашнего очага и пр.

У всех поволжских народов с древнейших времен был развит культ деревьев. Их почитали

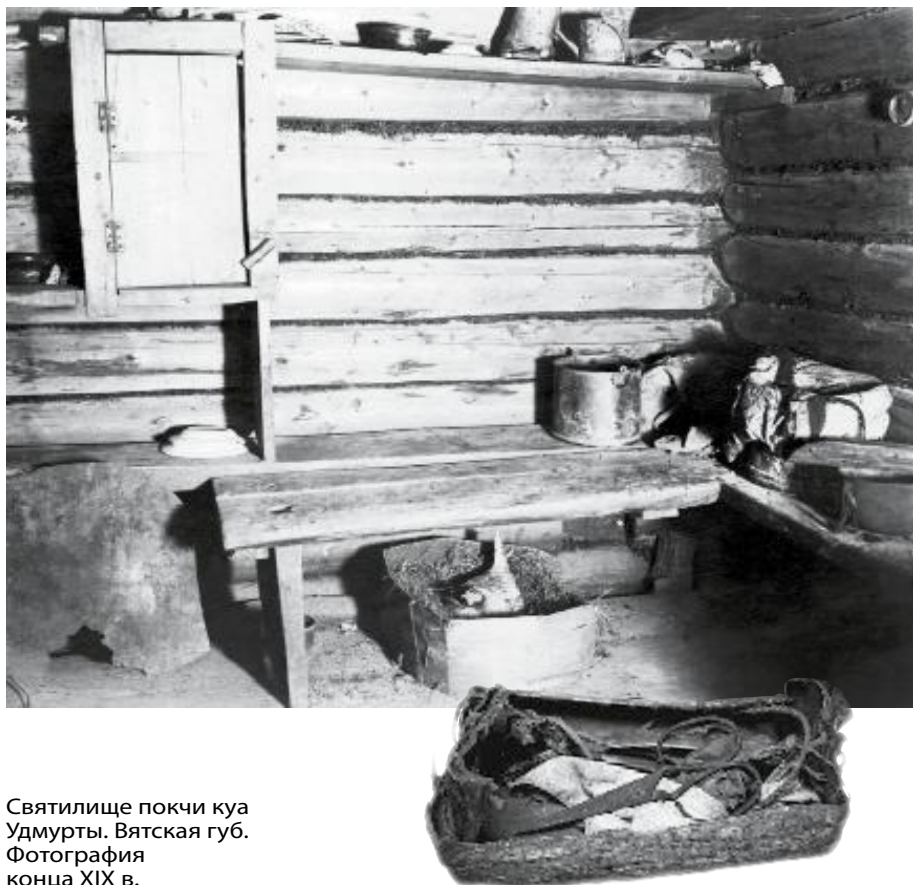

как своих предков, причем у каждого народа имелись свои предпочтения. Если мордва, марийцы и чуваша обожествляли лиственные деревья: дуб, березу, липу, рябину, то удмурты — хвойные: ель и пихту. Дуб считался мужским деревом, а береза и липа — женскими. Особо почитались священные рощи — керемети, являвшиеся патронимическими святилищами, где каждая семья имела свое дерево, под которое приносили жертвы. В этих рощах нельзя было рубить деревья и собирать валежник.

Развит был также и культ животных — тотемизм, следы которого можно обнаружить в фольклоре и декоративно-прикладном искусстве. Наиболее почитаемыми считались конь, лось, олень, медведь, журавль и утка. В жертву обычно приносили домашних животных: быка,

Коллективное
моление в священной
роще
Марийцы.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3667-15

Вид священной
рощи — керемети
Чуваши.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3513-48

Святылище покчи куа
Удмурты. Вятская губ.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 1156-146

Покчи куа – семейное обрядовое святилище, в котором хранилось изображение воршуда – родо-семейной святыни. Здесь проводились моления во время родовых праздников. Воршуд хранился на специальной полке – мудор (с удм. «центр земли»).

Добывание огня трением
Чуваши.
Самарская губ.
Фотография 1912 г.
РЭМ 3974-30

Огонь, добытый таким древним способом, наделялся магической силой. Сквозь дым «живого огня» прогоняли скот во время массовых заболеваний.

Йерех-кунда –
короб-жилище
для родового
божка-покровителя
Йериха
Чуваши.
Казанская губ.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 6326-45

козу, коня — это была самая дорогая жертва, которую посвящали верховному божеству. Средства для покупки жертвенных животных, как правило, собирали помощники жреца.

Семейные культы оформились в период выделения большой патриархальной семьи из рода. К ним относятся культы домашних духов: воршуда у удмуртов, йерехов у чувашей, кудо вадыж у марийцев и херт сурт у татар. Местом поклонения домашним духам служили особые постройки: куала у удмуртов, кудо у марийцев, клеть у чувашей. В этих постройках было определено место, где лежало все необходимое для проведения обряда.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Волжские булгары — предки татар — в конце эпохи раннего средневековья начали переходить в ислам, а с X века эта религия стала официальной в Волжской Булгарии. Проникновение христианства в этот край началось с XII века. Окончательная массовая христианизация мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, коми завершилась лишь в XIX веке.

На протяжении многих столетий ислам и христианство боролись за преобладающее влияние в поволжском регионе. Несмотря на различные меры распространения и внедрения этих двух мировых религий, начиная от поощрительных: раздача земель и денежных вознаграждений и заканчивая карательными, язычество не было полностью изжито как из сознания местных народов, так и из их традиционной обрядности. Именно в этом регионе наиболее четко прослеживается религиозный синкретизм, то есть включение языческих элементов в государственные религии.

Деревья с оставленными после
жертвоприношений костями животного
Удмурты. Уфимская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 205-23

Жертвоприношение
Марийцы.
Вятская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3032-7

Во время церемонии жертвоприношений
жертвенные предметы приносили
в священную рощу и укладывали
на жертвенный стол,
над которым главный жрец-карт
кадил дымом от головни.
В котлах варили жертвенную пищу.
Все действия совершались под мелодии гусляра.

Вид Казани.
Соборная мечеть
Фотография начала XX в.
РЭМ Ф 612-26

Вид на с. Монастырь
Коми. Пермская губ.
Фотография начала XX в.
РЭМ 2794-1

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В религиозной системе поволжских народов большую роль играли аграрные культы. Они делились по циклам: зимне-весенний и летне-осенний. Особенно много обрядов приходилось на весну. Из них самым главным был праздник сохи или плуга: Сабантуй — у татар, Хабантуй — у башкир, Акатуй — у чувашей, Ага-пайрем — у марийцев, Ага-яшка — у удмуртов. В этот день происходило жертвоприношение матери-земле. Специальными жертвенными блюдами считались яйца, блины и пироги. На праздник готовили ритуальные напитки: пиво, медовуху, брагу. В летне-осенний период жертвы приносили матери-воде, отмечали день летнего солнцестояния Сюрем (совпадает с Петровым днем). В этот день трубили в берестяные трубы, били в барабаны, ударяли палками в стены и ворота домов. Эти действия были направлены на изгнание злых духов.

Борцы на народном празднике Хабантуй Башкиры. Пермская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1022-122

Приготовление колбасы для гостей на народном празднике Хабантуй Башкиры. Пермская губ. Фотография 1906 г. РЭМ 1022-118

Сельские хаджи и мулла Татары. Уфимская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 2577-21

Юба – женский
намогильный
памятник
Чуваши.
Самарская губ.
Конец XIX – начало
XX в.
РЭМ 1205-97

Такой
антропоморфный
деревянный
памятник
устанавливался
на могиле некрещеной
женщины на
сороковой день или
в годовщину смерти.
Им заменяли чрекалак
(букв. «сердечная
лопата»), памятник,
который
устанавливался
на могиле в день
погребения.
Материалом для
изготовления юбы
для женщин служила
липа, для мужчин –
дуб.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

С древнейших времен у народов Поволжья бытовали обычаи и обряды, связанные с семьей. Браки между близкими родственниками запрещались, соединяться могли только родственники в пятом-шестом колене родства. До конца XIX века был широко распространен обычай левирата, когда вдова после смерти мужа выходила замуж за его младшего брата или племянника; в случае отказа она должна была выплатить штраф. Существовал и обычай сорората, когда вдовец сватался к младшей сестре умершей жены. В обоих случаях существенно сокращались денежные расходы на приданое, калым и свадебные торжества.

Свадебная обрядность у каждого из поволжских народов отличалась национальным колоритом. Свадебные циклы были довольно разнообразны и сложны; они состояли из большого числа свадебных обрядов, включавших смотрины, сговор, сватовство, свадебный пир, переезд молодухи в дом мужа. У мордвы, например, после переезда в дом жениха происходило имянаречение невесты — ей давали новое имя.

Общими для всех народов были обряды, связанные со сватовством. В роли сватов чаще всего выступали родственники жениха. Согласие на брак дочери давали отец и мать. Согласие матери подтверждалось принятием от жениха выкупа — «платы за молоко»: это могла быть монета, засунутая за пазуху кафтана матери или подарок. После этого приступали к сговору, где обсуждали приданое и время свадьбы.

Первенец всегда был желанным ребенком. Рождение нового человека было окружено различными обрядами и ритуалами. В обрядах отчетливо прослеживается сохранение языческих верований: беременной женщине запрещалось перешагивать через коромысло, веревки, оглобли, бить животных. Не рекомендовалось ходить на похороны, даже мужа родильницы освобождали от руганья могил.

Роды чаще всего происходили в бане. Их принимала повитуха, которая наряду с реальной помощью роженице совершала различные магические обряды. После родов ребенок и мать считались особенно не защищенными, поэтому повитуха осуществляла ряд ритуалов, направленных на сохранение души новорожденного и здоровья матери.

Содержание традиционных погребальных обрядов определялось представлением о смерти, как о переселении в потусторонний мир. Обряды должны были облегчить умершему переход; устранить возможные препятствия на его пути, обеспечить ему благополучие на том свете. В связи с этим было принято снабжать покойного одеждой, едой, предметами туалета, рабочими инструментами. Пожилые люди обычно

заранее готовили одежду на смерть, договаривались обо всех моментах погребения. В связи с тем, что к покойникам всегда отношение было двойственным — почтение и страх, то оказанием погребальных почестей и всевозможными магическими обрядами живые надеялись снять помощь и заступничество умерших. Поминки проводились на 3, 7, 9 и 40-й дни и через год. Поминали также по большим праздникам.

ФОЛЬКЛОР

Народное творчество Среднего Поволжья и Приуралья богато и разнообразно: декоративно-прикладное и изобразительное искусство, художественные промыслы, устно-поэтическое творчество и музыка. В сказках, былинах, песнях выражены мечты народа о счастливой жизни. Особое место занимали ритуальные песни, которые сопровождали важнейшие события в жизни семьи, например, свадьбу. Наиболее развился этот жанр у мордвы. У башкир наряду с другими были и песни философского характера: о смысле жизни, дружбе и любви. Отдельный цикл составляли рекрутские, сиротские, а также сатирические и шуточные песни.

Для песенного творчества народов Поволжья и Приуралья было характерно одноголосье. Исключение составляла мордва, у которой наряду с одноголосьем встречалось и многоголосье. У башкир бытовало своеобразное искусство «узляу» — особое горловое двухголосное пение, исполняемое одним певцом без музыкального сопровождения. Хоровое пение в прошлом было не характерно.

Набор музыкальных инструментов поволжских народов отличался разнообразием. В регионе широко бытовали духовые, струнные, щипково-мембранные инструменты: флейты из глины, трубы из бересты, дерева и рога; волынки, трещотки, барабаны, гусли, кубызы (однострунные инструменты). Позднее появились скрипки, балалайки и гармони. Музыкальные инструменты использовались во время различных общественных и семейных праздников, при проведении обрядов. Наиболее распространены были гусли. На них играли и мужчины, и женщины.

Многие праздники сопровождалась танцами и плясками. Наиболее развито танцевальное искусство было у башкир, пляски которых очень эмоциональны и выразительны: большое место в них занимало изображение картин быта, трудовых процессов. Мужские танцы были темпераментны, а женские грациозны. Молодежь на праздниках водила хороводы.

Известными композиторами Балакиревым, Глазуновым, Афанасьевым был создан ряд произведений на основе традиционной музыки поволжских народов.

Молодуха знакомится с хозяйством мужа Мордва-эрзя. Казанская губ. Фотография конца XIX – начала XX в. РЭМ 5906-3

На молодухе – старинная, украшенная традиционным мордовским швом рубаха покая, вышивание которой занимало почти целый год. Высокий (на лубяной, кожаной или берестяной основе) головной убор «сорока» также расшит шерстяными нитями, блестками и украшен позументом и раковинами-каури (символ плодородия и оберег). Костюм дополняет полный набор украшений.

Сваха Марийцы. Вятская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 805-15 а

Сваха в национальном костюме и специальной шапке, отороченной мехом лисицы. Такая шапка являлась ее непременным атрибутом.

Свадьба в Сарапульском уезде Удмурты. Вятская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 1156-79

Верхняя часть кибитки
Марийцы. Казанская губ.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 6401-12

Сольго –
свадебное полотенце
Татары. Казанская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 1066-26

В свадебной кибитке
невесту привозили в дом
жениха. Каркас кибитки
обычно делали из дуба,
накрывая сыромятной
кожей, внутреннюю часть
украшали резьбой.

Сольго невеста
вышивала и дарила
матери жениха в день
приезда в дом
будущего мужа.

Кадушка-парь
для хранения приданого
Мордва-эрзя.
Нижегородская губ.,
с. Пандос. Середина XIX в.
РЭМ 8003-10

Обычно парь дарил невесте
будущий свекор. В один
из дней происходило
торжественное
укладывание приданого
невесты. Перед этим парь
очищали от нечистой силы:
сначала обводили внутри
зажженной лучиной, потом
иконкой. Затем
последовательно
укладывали в сундук
каравай хлеба, пять
серебряных монет (четыре
по сторонам, пятую
в центре), специально
испеченные лепешки и
сверху лапти из семи лык.
Только после этого
начинали укладывать
многочисленное приданое:
10–20 вышитых рубах,
столько же шушпанов,
20–30 головных уборов,
передники, чулки, оборы
и т.д. По свидетельству
стариков, парь ставили
рядом с выходом и в случае
пожара первым
выкатывали из дома, так
как в нем находилось все
самое ценное,
передаваемое из
поколения в поколение.

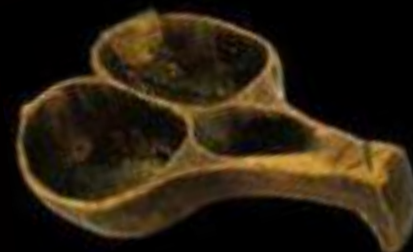
Поча куд –
«бабушкин короб»
Коми-зыряне.
Архангельская губ.
Первая половина XIX в.
РЭМ 7307-145

Такие берестяные короба
для хранения
принадлежностей
женского рукоделия и
хозяйственных мелочей
дарила просватанной
девушке бабушка.

Пешорка – короб
для хранения
женской
свадебной одежды
Коми-пермяки.
Архангельская губ.
Конец XIX в.
РЭМ 7367-50

Йекер курка – сосуд
для разливания пива
молодым на свадьбе
Чуваши. Симбирская губ.,
Булинский у., с. Новые
Чукалы. Середина XIX в.
РЭМ 3467-5

Свадебный
женский костюм
Мордва-эрзя.
Пензенская губ.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Свадебный
мужской костюм
Башкиры.
Уфимская губ.
Начало XIX в.
Из собрания РЭМ

Игра на курае
Башкиры.
Пермская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-12400

Гуслиар
Чуваши.
Казанская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3513-61

ОБРАЗОВАНИЕ

В XIX — начале XX века наибольший уровень грамотности в Поволжско-Приуральском регионе был отмечен у татар: согласно переписи 1897 года среди мужчин грамотных было 21,1%, у женщин — 19,7%. Это объясняется тем, что письменность на основе арабской графики появилась еще у предков татар — волжско-камских булгар — вместе с исламом в X—XI веках. Уже тогда появились школы, позднее их стали называть мектебе (начальные) и медресе (средние). В мектебе муллы и мугаллимы (учителя) преподавали основы ислама и грамотности. В медресе готовили в основном духовенство. К концу XIX века появляется значительное число русско-татарских школ. Этот процесс связан с влиянием таких активных борцов за сближение мусульман Поволжья с русской культурой, как К. Насыри, Ш. Марджани и А. Курсави.

Огромную роль в деле просвещения чувашей сыграла Симбирская учительская школа, основанная в 1870 году чувашским просветителем И.Я. Яковлевым при активной поддержке И.Н. Ульянова. В этой школе была разработана грамматика чувашского языка.

Процесс зарождения удмуртской национальной школы проходил в рамках «системы христианского просвещения» Н.И. Ильминского. В конце XIX века были созданы инородческие учительские семинары, в которых работали педагоги Н.Н. Блинов, В.И. Ислентьев и другие. Кроме того, в Удмуртии в это же время зародилось профессионально-техническое образование: в 1870 году была создана Ижевская оружейная школа, в 1876 — Ижевская ремесленная школа, в 1910 — Сельскохозяйственно-домоводческая школа, в которой обучались и девочки. Сходным образом развивалось образование у марийцев.

На самой низкой ступени грамотности среди финно-угорских народов Поволжья находилась мордва. Несмотря на попытки народных просветителей, в том числе А.Ф. Юртова, переломить ситуацию, среди мужского населения отмечался

всего 11,1% грамотных, согласно переписи 1897 года, а среди женщин — 1,5 %.

Но еще менее грамотными были башкиры. Из отчетов Оренбургского окружного училища 1913 года стало известно, что даже среди учителей мусульманских школ число грамотных было очень мало: из 446 учителей начальных школ педагогическое образование имели 27 человек.

К концу XIX — началу XX века организация народного образования в регионе усилиями передовых деятелей русской культуры и национального просвещения стала принимать более систематический характер. По мере роста грамотности населения начался процесс формирования национальной интеллигенции, в котором большую роль сыграл Казанский университет.

Обучение детей нерусских народов Поволжья русской грамоте связано с политикой их русификации и христианизации. Еще Петр I в своей инструкции о крещеных иноверцах (1724) требовал «склонять владельцев и законников их к христианскому учению [...] и книги нужные перевести на их язык». В 1722 году у митрополита Тихона в Казани открылась Новокрещенская школа, где обучались чувашские, марийские, мордовские, татарские мальчики, которые затем учились в Казанской духовной семинарии. В конце XVIII — начале XIX века стали появляться малые народные училища, но детей туда отдавали неохотно, так как преподавание велось на русском языке. Во второй половине XIX века в основу просвещения нерусских народов Поволжья была принята система Н.И. Ильминского, согласно которой было разрешено первоначальное обучение детей на родном языке. Главным проводником этой системы было созданное в Казани в 1867 году миссионерское «Братство святителя Гурия».

Возникновение школьного образования в Башкортостане связано с началом проникновения сюда в X веке ислама, что сопровождалось распространением религиозных школ при мечетях. Обучением арабской письменности и воспитанием на основе Корана и шариата занимались приезжие миссионеры из Бухары, Багдада и других исламских центров. Постепенно среди образованных башкир выдвинулись абызы, продолжившие воспитательные традиции мусульман. Усилиями мусульманского духовенства при местных мечетях были открыты первые мектебы и медресе (к концу XVIII века в Оренбургской губернии их насчитывалось более ста). В 1865 году в башкирских и татарских деревнях Южного Урала насчитывалось свыше 600 мектебов и медресе, в которых обучалось более 20 тысяч учащихся, действовало и домашнее обучение детей. Мусульманские школы превратились в культурно-образовательные центры:

при них создавались библиотеки, переписывались книги.

Так как умеющих читать и писать по-русски среди башкир насчитывалось лишь 2—3%, были предприняты меры по развитию образования на русском языке. Командование Башкиро-мещерякского войска добилось выделения вакансий для башкир в различных учебных заведениях: 20 — в Казанских гимназии и университете, 30 — в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, 10 — в Санкт-Петербургском повивальном институте. В 30—40-е годы около 300 башкирских юношей были отправлены в Санкт-Петербург, Москву, Казань, Оренбург, Ижевск для обучения различным ремеслам. Привлечение башкир в русские учебные заведения сыграло большую роль в подготовке кадров национальной интеллигенции.

Новый этап в развитии народного образования в Башкирии, как и в России, наступил после отмены крепостного права. Реформа народного образования 1864 года ограничила влияние церкви, упорядочила школьное управление. Было продекларировано право на образование всех граждан без различия сословия, вероисповедания и пола. С 1870 года в крае стали открываться русско-башкирские, русско-татарские, русско-чувашские и другие школы. В начале XX века число «инородческих» школ возросло в три раза и к 1915 году достигло 826 (в т.ч. 439 — для башкир и татар).

Татарская интеллигенция Татары. Казань. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 862-31

СИБИРЬ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

НАРОДЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Народы Сибири и Дальнего Востока

В.В. Горбачева

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Территория Сибири и Дальнего Востока, занимающая около 77% территории России, простирается от Уральских гор на западе до Тихого океана на востоке и от Китая и Монголии на юге до побережья морей бассейна Северного Ледовитого океана. Начиная с Алтайских гор, с их вершины Белухи, горы Сибири постепенно расширяются к востоку и достигают Берингова пролива. Горная цепь полуострова Камчатки — Срединный хребет, где расположена высокая и прекрасная вершина южной части Дальневосточного горного пояса Ключевская сопка, — является зоной активного вулканизма. На территории полуострова насчитывается двадцать восемь действующих и около ста потухших вулканов. Редчайшим проявлением вулканизма являются разнообразные минеральные горячие термальные источники и жемчужина полуострова — уникальная Долина гейзеров, расположенная в Кроноцком заповеднике. В Саянских, Даурских, Камчатских и Амурских горах с их хребтами берут начало все большие сибирские реки: Лена, Обь, Енисей, Камчатка и Амур. Крупнейшим и самым глубоким в мире является расположенное в рифтовой впадине озеро Байкал, которое содержит 85% пресной воды России и 22% ее мировых запасов. Более половины терри-

тории Сибири составляют обширные таежные, тундровые и заболоченные низменные пространства. В тундровой зоне насчитывается около десятка тысяч небольших озер глубиной до 10 м. Согласно представлениям многих народов Сибири, в том числе и юкагиров, такие озера образовались после длительного лежания на этом месте мамонтов; там же, где мамонты ходили, появились реки. Туши мамонтов и их бивни до сих пор находят в вечной мерзлоте тундровой и лесотундровой зоны.

Климатические условия Сибири, особенно восточной ее части и Заполярья, достаточно суровы. Семь, а иногда и девять месяцев в году здесь длится жестокая зима с метелями, пургой и морозами. В это же время года тундру окутывает долгая полярная ночь, а летом, напротив, солнце не заходит за горизонт. Самым холодным местом на земле, помимо Антарктиды, являются Оймякон и Верхоянск в Якутии. Зимняя температура здесь понижается до -71° .

Недра Сибири содержат большое количество редких металлов, золота и серебра, алмазов, драгоценных камней, нефти и других полезных ископаемых. Богатые южносибирские месторождения меди, железа, золота и серебра послужили толчком к открытию новых эпох в истории сибирского региона — бронзового и железного веков.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Освоение человеком Сибири и Дальнего Востока началось около 30—35 тысяч лет назад в период верхнего палеолита. Процесс расселения палеолитического человека по берегам Оби, Енисея, Лены, Ангары, Алдана, Колымы, Амура проходил постепенно и небольшими группами. Для культуры населения этого периода было характерно единообразие и один и тот же уклад жизни бродячих или полубродячих охотников на плейстоценовых животных. В период позднего палеолита у древних обитателей сибирского региона окончательно сожился монголоидный антропологический тип.

С наступлением неолита (6—5 тыс. лет назад) природа Сибири приобретает современный вид, исчезают многие крупные травоядные животные (мамонт, шерстистый носорог) и освободившуюся нишу занимают новые биоценозы: северный олень и песец — в зоне тундры и лесотундры Крайнего Севера; лось, марал, кабан — в таежной зоне Западной и Восточной Сибири; лошади, куланы, сайгаки — в Центральной Азии; морские млекопитающие (нерпа, тюлень, лахтак) — в морях бассейна Северного Ледовитого и Тихого океанов. Эти изменения позволили большим группам людей освоить значительную часть территории Северной Азии, включая Большеземельскую тундру, арктическое побережье Таймыра, Якутии и Чукотки.

Важнейшим достижением неолитической эпохи были значительные изменения в культуре и хозяйственной деятельности древних охотников: бродячие охотники тундры и лесотундры овладели новыми техническими приемами и

способами добычи северного оленя, в таежной зоне от Урала до Енисея, в долинах Лены, Вилюя и Алдана таежная охота сочеталась с рыболовством, в бассейнах Оби и Амура, на Камчатке и Сахалине успешно развивалась новая отрасль — рыболовство, на северо-востоке (Чукотка, материковое побережье Охотского моря, Камчатка) формировалась охота на морских животных. В археологических культурах позднего неолита III—I тысячелетий до н.э. — древнекорякской, древнеберингоморской, пунукской, усть-бельской и др. — стали проявляться первые этнические признаки, которые получили дальнейшее развитие в последующих эпохах.

В то время как в тундровых и таежных районах, богатых рыбой, сухопутными и морскими животными, промысловая экономика продолжала существовать в бронзовом и железном веках, на территории Южной Сибири произошли прогрессивные изменения. Распространение металла и формирование скотоводства сыграли важнейшую роль не только в экономическом и политическом развитии данного региона, но и оказали определенное влияние на экономику и этническую ситуацию северных соседей.

Продвижение во II—I тысячелетиях до н.э. на территорию Западной Сибири скотоводческих племен, предположительно андроновской культуры, и смешение их с древними уральцами привело к формированию хантов. В сложении родственного им этноса манси помимо этих двух компонентов участвовали пришедшие в этот регион индоиранские племена.

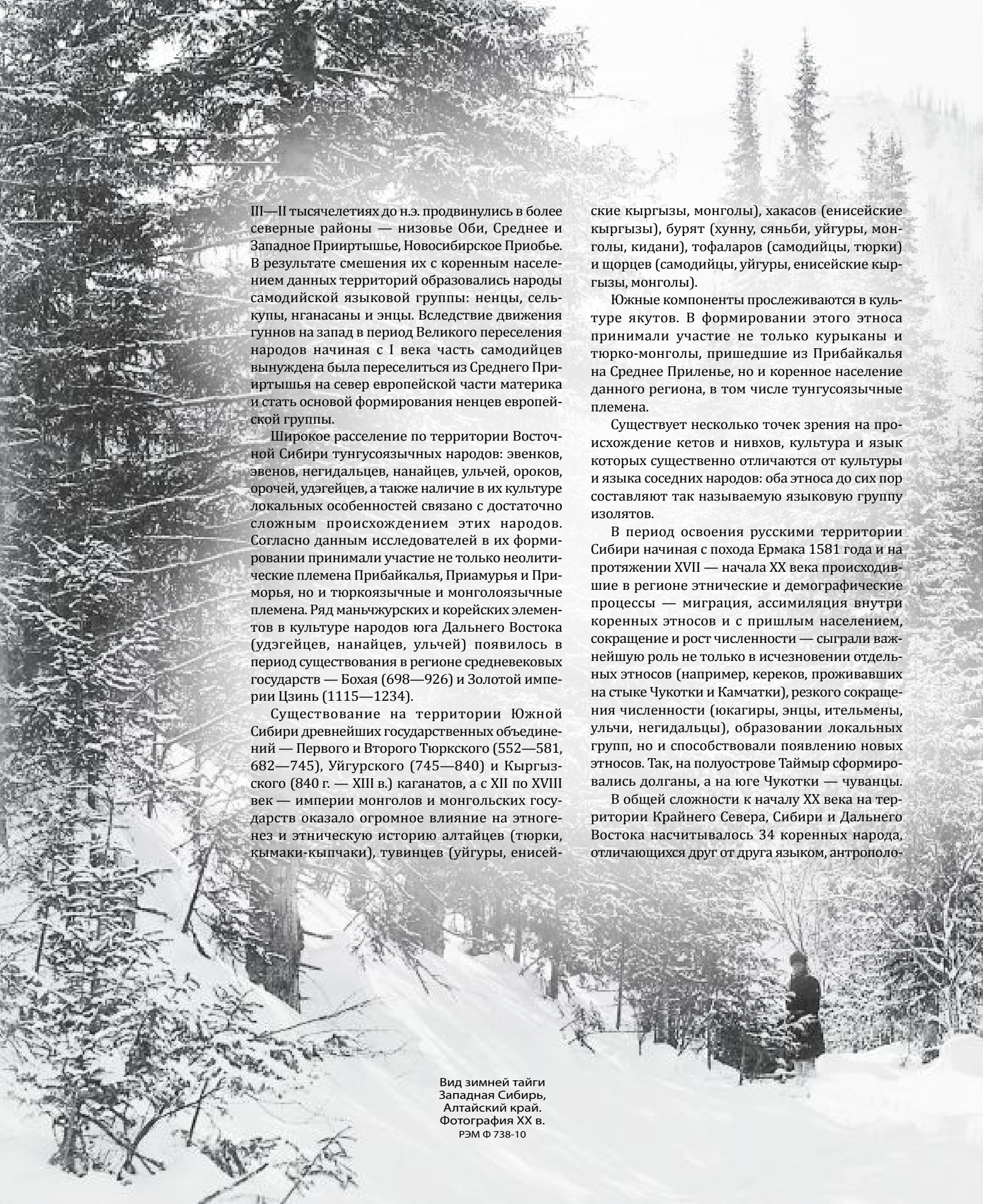
Обитавшие на протяжении V века до н.э. — V века н.э. в Среднем Приобье племена кулайской археологической культуры (протосамодийцы) в

На с. 380–381

Местные жители в праздничной одежде Алтайцы. Сибирский край, Ойротская автономная обл. Фотография XX в. РЭМ 4447-29

Долина р. Чулышмана Алтайцы. Сибирский край, Ойратская автономная обл. Фотография XX в. РЭМ 4447-12

III—II тысячелетиях до н.э. продвинулись в более северные районы — низовье Оби, Среднее и Западное Прииртышье, Новосибирское Приобье. В результате смешения их с коренным населением данных территорий образовались народы самодийской языковой группы: ненцы, селькупы, нганасаны и энцы. Вследствие движения гуннов на запад в период Великого переселения народов начиная с I века часть самодийцев вынуждена была переселиться из Среднего Прииртышья на север европейской части материка и стать основой формирования ненцев европейской группы.

Широкое расселение по территории Восточной Сибири тунгусоязычных народов: эвенков, эвенов, негидальцев, нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев, а также наличие в их культуре локальных особенностей связано с достаточно сложным происхождением этих народов. Согласно данным исследователей в их формировании принимали участие не только неолитические племена Прибайкалья, Приамурья и Приморья, но и тюркоязычные и монголоязычные племена. Ряд маньчжурских и корейских элементов в культуре народов юга Дальнего Востока (удэгейцев, нанайцев, ульчей) появилось в период существования в регионе средневековых государств — Бохая (698—926) и Золотой империи Цзинь (1115—1234).

Существование на территории Южной Сибири древнейших государственных объединений — Первого и Второго Тюркского (552—581, 682—745), Уйгурского (745—840) и Кыргызского (840 г. — XIII в.) каганатов, а с XII по XVIII век — империи монголов и монгольских государств оказало огромное влияние на этногенез и этническую историю алтайцев (тюрки, кымаки-кыпчаки), тувинцев (уйгуры, енисей-

ские кыргызы, монголы), хакасов (енисейские кыргызы), бурят (хунну, сяньби, уйгуры, монголы, кидани), тофаларов (самодийцы, тюрки) и щорцев (самодийцы, уйгуры, енисейские кыргызы, монголы).

Южные компоненты прослеживаются в культуре якутов. В формировании этого этноса принимали участие не только курыканы и тюрко-монголы, пришедшие из Прибайкалья на Среднее Приленье, но и коренное население данного региона, в том числе тунгусоязычные племена.

Существует несколько точек зрения на происхождение кетов и нивхов, культура и язык которых существенно отличаются от культуры и языка соседних народов: оба этноса до сих пор составляют так называемую языковую группу изолятов.

В период освоения русскими территории Сибири начиная с похода Ермака 1581 года и на протяжении XVII — начала XX века происходившие в регионе этнические и демографические процессы — миграция, ассимиляция внутри коренных этносов и с пришлым населением, сокращение и рост численности — сыграли важнейшую роль не только в исчезновении отдельных этносов (например, кереков, проживавших на стыке Чукотки и Камчатки), резкого сокращения численности (юкагиры, энцы, ительмены, ульчи, негидальцы), образовании локальных групп, но и способствовали появлению новых этносов. Так, на полуострове Таймыр сформировались долганы, а на юге Чукотки — чуванцы.

В общей сложности к началу XX века на территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока насчитывалось 34 коренных народа, отличающихся друг от друга языком, антрополо-

Вид зимней тайги
Западная Сибирь,
Алтайский край.
Фотография XX в.
РЭМ Ф 738-10

гическим типом, а также многими элементами материальной и духовной культуры.

На самой оконечности Чукотки — побережьях Берингова пролива и Анадырского залива — проживали азиатские эскимосы. Они составляли незначительную часть достаточно многочисленного полярного народа, живущего за пределами России. Название «эскимосы» происходит от индейского слова «эскимо» (букв. «употребляющий сырое мясо»). Сами себя эскимосы называли юит («люди») или юпиит («настоящие люди») и по роду хозяйственной деятельности являлись охотниками на морских животных.

Ближайшими родственниками эскимосов по языку и культуре являются алеуты (самоназвание «унанган»), обитающие на Командорских островах. Они были переселены сюда в начале XIX века Российско-Американской компанией с Алеутских островов (родины алеутов) для промысла морских котиков. Таким образом, они не являются коренными жителями этой территории.

На соседней с азиатскими эскимосами территории жили приморские чукчи (самоназвание ан'калҕын — «поморянин»), заимствовавшие от них культуру охотников на морских животных. Основная часть чукчей — оленеводы (чав'чу — «олeneuve», «состоящий при оленях») расселена во внутренних районах Чукотского полуострова, на севере Якутии и Камчатки.

Южными соседями чукчей являются коряки, близкие чукчам по культуре и языку. По роду хозяйственной деятельности они делятся на две группы: кочевую — чав'чыв (букв. «олeneuve») и оседлую — нымылҕын (букв. «поселянин», «житель селения»).

На побережье Берингова моря, между мысами Наталья и Наварин в конце XIX века обитало

около 100 кереков — морских охотников и рыбаков, близких по языку и культуре корякам. К началу XX века в результате процессов ассимиляции кереков с соседями чукчами произошло резкое сокращение данного этноса. В настоящее время керекы — самый маленький народ Сибири, насчитывающий по переписи 2002 года всего 8 человек.

На западном побережье Камчатки, в непосредственном соседстве с коряками, живут рыбаки и охотники ительмены (ительмень, итэнмы — букв. «местный житель»; второе название — камчадал), являющиеся потомками коренных жителей центральной и южной частей полуострова. Их культура была детально описана известным исследователем XVIII века С.П. Крашенинниковым. К концу XIX века в результате широкого распространения смешанных браков с русскими традиционная культура ительменов была почти утрачена, поэтому в переписи 1897 года их записали вместе с метисным населением — камчадалами.

Южную часть Дальнего Востока населяли народы тунгусо-маньчжурской группы, крупнейшим представителем которой в данном регионе являлись гольды, современные нанайцы (самоназвание нанай, нани — букв. «местные жители», «местные люди»), обитающие по берегам Амура и в пределах Хабаровского края. Ниже по Амуру селились ульчи (самоназвание нани, ольчи). По рекам, впадающим в Татарский пролив, и по западной стороне хребта Сихотэ-Алинь, в верховьях Хунгари и низовьях Амура были расселены орочи (самоназвание нани). В Уссурийской тайге, к югу от орочей, по правым притокам Амура и левым притокам Уссури кочевали удэгейцы (самоназвание удээ, удэхэ). На о-ве Сахалин обитали ороки (самоназвание ульта — «олeneuve»).

Алтайка
Фотография XX в.
РЭМ Ф 737-2

По Амуру и Амгуни проживали негидальцы (самоназвание «элькан боенин» — «местный житель»). Преобладающую роль в экономике большинства народов Дальнего Востока играло рыболовство, а у удэгейцев — охота.

В низовьях Амура, на берегах Татарского пролива, а также в северной части Сахалина проживали представители загадочного народа нивхи (самоназвание «нивхгу» — букв. «народ»; старое название — «гиляки»), чьи занятия, культура и быт очень сходны с остальными народами юга Дальнего Востока. Однако язык нивхов не имеет аналогий и относится к группе изолированных языков.

Ярким представителем тунгусо-маньчжурской группы являлись тунгусы (от якутск. тонгус — букв. «мерзлые люди», «непонимающие» или «народ») — современные эвенки, расселенные практически по всей Восточной Сибири. Некоторые локальные группы имели свои названия: так, эвенки, проживающие в верховьях Лены, Подкаменной и Нижней Тунгуски, именовали себя «илэ» («человек»), в бассейне реки Олекма — «мата», в Забайкалье — «орочен» («оленный»). Широкое расселение эвенков связано с их хозяйственным укладом, основную роль в котором играет охота, поэтому их нередко называли «охотниками верхом на оленях».

Наиболее близки к эвенкам по языку и культуре ламуты (от ламу — «море») — современные эвены (самоназвание «орочел» — букв. «оленные»). Эвены, кочевые таежные охотники-оленоводы, расселены на севере Якутии, юге Чукотки, на севере и в центральной части Камчатки, на побережье Охотского моря. Здесь же проживает группа оседлых эвенов — «мэнэ».

Ближайшими соседями эвенов на территории Якутии являются юкагиры, называющие себя «одул» («сильный») или «деткиль» («храбрый»). Некогда они являлись многочисленным народом, и, как свидетельствуют легенды, «белое оперенье ворона почернело от дыма костров, когда он пролетал над Якутией», где до прихода якутов обитали юкагиры. Тундровые юкагиры, живущие в верховьях Колымы, — охотники и рыболовы, а живущие в низовье Индигирки и Алазеи — оленеводы. Юкагиры Чуванского рода, проживающие среди чукчей в бассейне р. Анадырь, послужили основой для формирования в XX веке этноса чуванцы.

По Енисею и его притокам — Курейке, Подкаменной Тунгуске, Турухану и Елогую, а также в бассейне верховья реки Таз были расселены енисейские остяки — современные кеты (от самоназвания «кет», «кэт» — букв. «человек»), по роду хозяйственной деятельности являющиеся охотниками и рыболовами. В культуре кетов еще многое не ясно, в частности, их язык, который является последним живым языком енисей-

ской языковой семьи. В настоящее время язык кетов наряду с языком нивхов включают, чаще всего, в группу изолированных языков. Старое название кетов — «енисейские остяки» — имеет некоторое сходство с названием хантов (остяки).

Остяки (совр. ханты) и их близкие родственники вогулы (совр. манси) жили на обширном пространстве по среднему течению и низовьям Оби и по Северному Уралу. В основном они являлись рыболовами и охотниками, и лишь незначительная их часть кочевала, заимствовав от ненцев оленеводство.

Территорию от Европейского Севера до реки Енисей заселяли самоеды — современные ненцы (от «нэнэц» — «человек»), с которыми в одну языковую, самодийскую, группу входят енисейские или хантайские и карасинские самоеды — современные энцы (от самоназвания «эннэчэ» — «человек»), самоеды-тавгийцы — современные нганасаны (самоназвание «ня»), которые включали этногруппы «авамских» — по реке Авам и «вадеевских» — восточная часть полуострова Таймыр, а также остяко-самоеды — современные селькупы, проживавшие на севере Томской области, по Оби и ее притокам, левому притоку Енисея, в бассейнах рек Вах и Таз.

Ненцы — исконные тундровые оленеводы, нганасаны — классические охотники на дикого оленя, элементы тундрового оленеводства у незначительной части нганасан — ненецкого типа; культура энцев в значительной степени сходна с нганасанской и частично — с ненецкой. Оленеводство селькупов — таежного типа.

Самодийские элементы прослеживаются в культуре тофаларов (старое название — карагасы), проживающих по северным склонам Восточных Саян и левым притокам Верхней Оби. Тофалары круглогодично занимались пушным промыслом и охотой на парнокопытных (марала, косулю и лося), используя в качестве средства передвижения верхового оленя. Помимо самодийских элементов в культуре тофаларов присутствует общий с тувинцами тюркоязычный пласт.

Наряду с тувинцами (самоназвание «тыва»; старые названия — сойоты, сойоны, урянхайцы) кочевым скотоводством в Южной Сибири занимались тюркоязычные хакасы (самоназвание «тадар»; старые названия — минусинские, ачинские, абаканские татары), алтайцы (самоназвание «алтай-кижи», букв. «человек Алтая»; старые названия — черневые татары, белые, алтайские, горные, порубежные и бийские калмыки) и проживавшие в бассейне среднего течения реки Томь шорцы (старые названия — кузнецкие, кондомские и мрасские татары, абинцы).

Элементы южного происхождения: коневодство, скотоводство, отчасти и земледелие — неотъемлемая часть культуры тюркоязычных

Ненец
Архангельская губ.,
Мезенский у.,
Канинская тундра.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-18011

якутов (самоназвание «саха»), проживающих на территории Якутии уже с начала XV века. Часть якутов, переселившихся на север, переняла некоторые элементы культуры коренного населения, в частности, оленеводство тундрового типа.

Результатом контактов якутов с коренным тунгусоязычным населением явилось возникновение на полуострове Таймыр нового народа — долганы (самоназвания «долган», «саха»), говорящих на долганском диалекте якутского языка, относящегося к тюркской группе алтайской языковой семьи. Основным занятием долган является оленеводство тундрового типа. Одежда имеет явные признаки тунгусского (эвенкийского) происхождения.

Коренным населением Предбайкалья, Забайкалья, юга Иркутской и юго-востока Читинской областей являются монголыязычные буряты (самоназвания «бурят», «буряад») — скотоводы и земледельцы.

В одну монгольскую языковую группу алтайской языковой семьи вместе с бурятами входят калмыки (от «хальмг» — букв. «остаток»), предками которых были западные монголы ойроты, не принявшие ислам. Как в культуре, так в этногенезе калмыков прослеживаются элементы культуры сибирского происхождения, несмотря на их более западное расселение в европейской части Российской Федерации.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

По внешнему облику коренные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока являются представителями нескольких антропологических типов, входящих в большую монголоидную (азиатско-американскую) расу с ее малыми расами (североазиатской, южноазиатской, южносибирской или туранской, арктической или эскимосской, дальневосточной) и в уральскую расу, занимающую промежуточное положение между европеоидной (евразийской) и монголоидной расами первого порядка.

Классическими представителями берингоморского антропологического типа арктической расы являются эскимосы, приморские чукчи и алеуты. К камчатскому типу арктической расы относятся ительмены и коряки. От типичных монголоидов коряки отличаются меньшей уплещенностью лица, большим выступанием носа, высоким переносьем, широкой развернутой нижней челюстью и более толстыми губами. Для народов арктической расы также характерны смуглая кожа, очень жесткие волосы, узкий, высокий нос, массивное, коренастое телосложе-

ние. Коряки и чукчи оленеводы в отличие от своих оседлых сородичей имеют некоторые черты, характерные для байкальского антропологического типа.

Народы юга Дальнего Востока (нанайцы, ороки, частично ульчи и орочи, негидальцы), юкагиры, часть бурят, северные якуты-олениководы, эвены и эвенки относятся преимущественно к байкальскому антропологическому типу североазиатской малой расы. Часть дальневосточных народов (нивхи, ульчи, орочи) обладают признаками амуро-сахалинского антропологического типа дальневосточной малой расы.

Яркими представителями катангского антропологического типа североазиатской малой расы, широко распространенного в прошлом на значительной территории Восточной, частично Южной и Западной Сибири, являются нганасаны, энцы, эвенки западной части бассейна Енисея, тофалары, тувинцы восточной группы. В качестве компонента катангский тип присутствует у селькупов и ненцев.

К центральноазиатскому антропологическому типу южносибирской (туранской) малой расы относится основная часть бурят и якутов, тувинцы степных районов, эвенки и алтайцы южной группы, а также хакасы.

Большинство народов Западной Сибири (ханты, манси, ненцы западной группы, частично селькупы) и некоторые народы Южной Сибири (шорцы, алтайцы северной группы, телеуты, часть хакасов) обладают чертами уральского типа уральской расы.

Чукчи
Восточная Сибирь,
Приморская обл.,
Анадырский окр.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3949-15

Нивхи
Восточная Сибирь,
о. Сахалин.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2653-1

Удэгейка с ребенком
Восточная Сибирь,
Хабаровский окр.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4907-26

На с. 391

Перекочевка на оленях
Эвенки.
Восточная Сибирь,
Енисейская губ.
Фотография 1907–1908 гг.
РЭМ 5659-42

Основным средством
передвижения
у эвенков, живущих
в тайге, являлся
верховой олень таежной
породы. В отличие
от тундрового оленя
он был значительно
крупнее и выносливее.

Оленевод
Коряки.
Камчатская обл.,
Корякский
национальный окр.
Открытка XX в.
Из собрания РЭМ

Оленевод на пастбище
Ненцы.
Тюменская обл.,
Ямало-Ненецкий
автономный окр.,
Пуровский р-н.
Фотография XX в.
РЭМ 10623-52

Единственным представителем енисейского антропологического типа, занимающего пока самостоятельное место в ряду уральской и южносибирской малых рас, являются кеты.

ЯЗЫК

Коренные народы Сибирского региона отличаются не только по внешнему признаку, но и по языку, на котором они говорят.

Язык ненцев, энцев, селькупов и нганасан относится к самодийской языковой группе уральско-юкагирской языковой семьи. Представителями этой же языковой семьи являются ханты и манси, образующие финно-угорскую языковую группу. Последние исследования лингвистов и этнографов позволили включить в состав уральской языковой семьи, что повлекло за собой расширение ее названия, юкагирскую языковую группу, в которую входят два народа — юкагиры и чуванцы (потомки юкагиров).

Самой большой по количеству народов является алтайская языковая семья, в состав которой входят тюркская, тунгусо-маньчжурская и монгольская языковые группы. Значительная часть народов Южной Сибири (алтайцы, телеуты, хакасы, тувинцы, тофалары, шорцы), а также якуты и долганы являются представителями тюркской группы. Народы Дальнего Востока и часть народов Восточной Сибири образуют тунгусо-маньчжурскую языковую группу с двумя подгруппами: тунгусской (северной) — эвенки,

эвены, негидальцы и маньчжурской (южной) — нанайцы, ульчи, орочи, ороки, удэгейцы.

Языки азиатских эскимосов и алеутов относятся к эскимосско-алеутской языковой семье, а коряков, чукчей и ительменов — к чукотско-камчатской. Ранее чукчи, коряки, ительмены входили в состав искусственно созданной палеоазиатской языковой семьи. В нее же включали также юкагиров, кетов и нивхов, то есть те народы, языковые данные которых не позволяли исследователям определить их точно место в языковой классификации.

До сих пор остается дискуссионным определение вопроса об отнесении языка кетов и нивхов и пока они официально включены в состав так называемой группы изолятов.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Тип хозяйственной деятельности тех или иных народов Сибири и Дальнего Востока напрямую зависел от природно-климатических условий, в которых они проживали. Так, для жителей тундры, живущих в суровых условиях Крайнего Севера: ненцев, коряков и чукчей, — основу хозяйственного уклада составляло продуктивное крупностадное оленеводство. Олень давал все необходимое: мясо его служило основой пищевого рациона, шкуры шли на изготовление одежды, утвари, покрышек на жилище, рога и кости — на мелкие поделки.

Охотник, заряжающий ружье порохом Эвенки. Восточная Сибирь, Енисейская губ. Фотография 1907–1908 гг. РЭМ 5659-28

Огнестрельное оружие у таежных охотников эвенков появилось с XVII в. – времени освоения русскими территории Сибири. Воспринятый от них способ зарядки ружья порохом, который хранился в специальной пороховнице, эвенки сохраняли вплоть до начала XX века.

Охотник Ханты. Западная Сибирь, Тобольская губ., Тюменский окр. Фотография начала XX в. РЭМ 3939-52

При комплексном типе хозяйственной деятельности охота у хантов являлась важным занятием поздней осенью и зимой. Оправляясь на промысел, охотник обязательно брал с собой огнестрельное оружие, приспособления для охоты, а при наличии глубокого снега надевал лыжи.

Оленеводы тундры круглый год были заняты выпасом стад, находившихся на подножном корме: зимой использовался ягель — разновидность лишайника, летом к ягелю добавлялась зелень кустарников, тундровые травы. Для нормального выпаса на каждого оленя в год требуется 70 га пастбищ. Чтобы олени не вытаптывали корма, которые долго не восстанавливаются в условиях вечной мерзлоты, необходимо чередовать участки и поэтому на одном месте стадо выпасают не более двух недель. В поисках корма для оленей и смены сезонно используемых угодий пастухи в течение года вместе со своими семьями совершали ежегодно повторяющиеся перекочевки в пределах своих хозяйственных территорий.

Пастбища находились в общинной собственности, но в ее пределах у каждой семьи или каждого стойбища, объединявшего 2—3 семьи у ненцев и 4—5 — у чукчей и коряков, имелись свои угодья. Маршруты кочевок и изменения в использовании пастбищ определялись оленеводами на основе взаимной договоренности. Пастух-олeneвод постоянно находился при стаде. Выпас оленей в тундре заключался в круглосуточном окарауливании стада для поддержания кучности, возврата отколовшихся групп, охраны

от волков и основывался на прекрасном знании поведения оленя. Ненцы окарауливали стада на оленьей упряжке с помощью специально обученных собак — оленегонок. У чукчей и коряков в прошлом не было пастушеских собак. Свои стада они окарауливали пешком. Основным орудием оленевода был аркан, сплетенный из кожи оленя или лахтака (морского зайца). Арканом отлавливали нужных оленей. В среднем на каждое хозяйство у ненцев, чукчей и коряков приходилось 180—300 голов — это был минимум, необходимый для удовлетворения потребностей семьи в мясе, шкурах и ездовых оленях и для ее независимого существования. Но были оленеводы, владевшие 500, 1000 и более оленей. Несмотря на то что оленеводство было основным занятием ненцев, чукчей и коряков, важную роль в их хозяйственном комплексе играло сетевое и неводное рыболовство, которым занимались в конце лета и осенью, а также пушной промысел. Пушнина в основном шла в обмен на ружья, припасы, изделия из металла, ткань и продукты: чай, сахар, муку, масло. Рыба была важным подспорьем в питании.

Основным источником существования коренных народов Сибири и Дальнего Востока, издавна осваивавших территории тундры,

тайги, горной и степной зон, традиционно была охота. На охотничий промысел влияли ресурсы промысловых территорий, объем добычи был связан с нуждами жизнеобеспечения или товарными возможностями. Ведущим принципом здесь являлось освоение как можно более обширной территории с тем, чтобы срок «отдыха» ее отдельных участков увеличивался. Охота была суровым и нелегким трудом. Так, у хакасов популярна поговорка: «Силы женщины забирают дети, силы мужчины забирает тайга».

В некоторых районах вплоть до середины XIX века существенную роль в экономике тундрового населения играла круглогодичная охота на дикого оленя, который в прошлом был основным источником жизни в экстремальных условиях Полярного Севера. Однако почти повсеместное уничтожение стад дикого оленя привело к полной перестройке хозяйства тундровых охотников и становлению крупностадного оленеводства у ненцев, коряков и чукчей. Только на севере Таймыра, где существуют недоступные для человека, но легко осваиваемые диким оленем огромные площади арктических пустынь, крупная популяция дикого оленя сохранилась до нашего времени. Нганасаны и энцы, жители Таймыра, потомки самого северного населения Евразии — неолитических охотников на дикого оленя, не изменили хозяйственной традиции, ориентированной на охоту. Оленеводством нганасаны и энцы стали заниматься лишь под влиянием своих соседей — ненцев и эвенков.

Нганасаны считаются классическими охотниками на дикого оленя. Способы охоты на него были разнообразны. Одним из древнейших является индивидуальная охота со специально прирученным оленем, которого использовали в качестве приманки, выпуская на длинном ремне в стадо диких. Это давало возможность максимально приблизиться к дикому животному или заставить его подойти к охотнику. Кроме того, зимой охотились со специальным щитком, который устанавливали на полозья и прикрывали снегом. Охотник, прячась за щитком, подползал к стаду диких оленей на расстояние выстрела. Летом с помощью собак оленей загоняли в озеро, где их кололи. Зимой такой прием использовали на гладком льду, очень скользком и опасном для оленя. Из коллективных способов охоты наиболее известен загонный, он характерен в том числе и для энцев. Место для охоты выбирали заранее, учитывая рельеф тундры. Сооружали специальную изгородь или использовали естественный коридор, который сужался к месту поволоки. В конце коридора располагались озеро, река, либо естественная впадина, под прикрытием которой расставляли сеть, в ней олени и запутывались. Успех охоты во многом зависел от хорошей организации, поэтому обязанности

участников были строго разграничены. Убитых оленей вытаскивали сами охотники, добыча делилась поровну.

Мобильный образ жизни тундровых оленеводов наложил отпечаток на всю их культуру, способствовал значительному упрощению быта. Как и у других народов Сибири, у них существовало четкое разделение труда: мужчина — оленевод и охотник — обеспечивал семью, изготавливал нарты, упряжь, лыжи, деревянную посуду; женщина воспитывала детей, готовила еду, выделывала шкуры, шила одежду.

Охота, преобладавшая у населения верховий рек, имела как пушную, так и мясную направленность. Основными объектами охотничьего промысла были белка, лисица, горностай, песец, россомаха, лось, дикий олень, медведь, лесная и водоплавающая дичь. Охотничий сезон начинался в сентябре с промысла ондатры и боровой дичи (гуси, утки, глухари, тетерева, рябчики). У каждой семьи в лесу были свои охотничьи избушки: на ближних угодьях (20—30 км от селения, где охотились в течение ноября — декабря) и дальних (январь — март). Осенью лисиц гоняли по малому снегу, зимой на них ставили капканы, били ружьями. Основным промысловым зверем была белка, кроме того, охотились на горностая (с использованием черканов) и соболя (капканами и ружьем). Лосей добывали в сентябре — октябре, потом охотились в марте, по насту. Охота на лося была коллективной. Пушнина, добываемая охотниками, шла не только на уплату ясака — часть ее обменивали на ружья, ткани, металлические изделия, поставляемые купцами продукты.

В среднем течении Оби у хантов и манси была широко распространена ловля уток и гусей перекладками. Для этого использовали специальное устройство — «перевесье», ширина которого

Охотник рядом с убитым медведем Эвенки. Восточная Сибирь, Енисейская губ. Фотография 1907–1908 гг. РЭМ 5659-113

Медведю в охотничьем культе сибирских народов принадлежит особое место. Почитание этого зверя восходит к древней культуре пеших охотников лесной полосы Северной Азии. Эвенки говорили: «Он такой же, как и мы, только в шкуре, голова другая и нет большого пальца». Табу на произношение слова «медведь» породило множество иносказательных определений: «лесной старик», «дедушка», «советчик», «страшный» или даже «другой дикий олень» — всего около пятидесяти имен.

Запор на реке для ловли шук Манси. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у., р. Сосьва. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1705-49

Запор – изгородь из кольев и прутьев, которой перегораживали реку. В изгороди оставляли проходы, куда вставлялись прутьяные ловушки – морды. Оказавшись около такой изгороди, рыба в поисках выхода заплывала в оставленное пространство и попадала в ловушку.

Просушивание шкур морских животных Чукчи, эскимосы. Чукотский национальный окр., Магаданская обл. Фотография XX в. РЭМ Ф 894-113

колебалась от 16 до 20 м, а длина могла быть и несколько десятков метров. Этот достаточно прибыльный промысел был преимущественно весенним и начинался с прилетом уток: каждая семья за сезон ловила до 500 птиц.

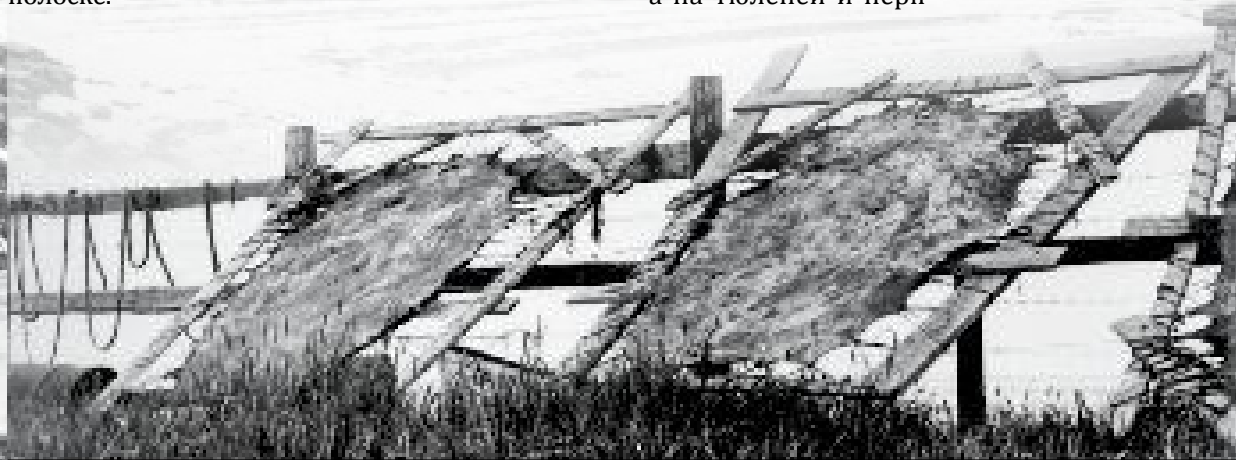
Для эвенков, эвенов, удэгейцев и, отчасти, негидальцев охота на крупных парнокопытных сухопутных и мелких пушных животных, которыми была богата тайга, являлась важнейшим средством существования. Преобладала в основном индивидуальная охота, но в отдельных случаях охотились коллективно: так, эвенки ходили по 2—4 человека на мясного зверя, при этом добыча делилась на всех участников, независимо от того, кто добыл зверя. Охотнику в знак почтения обычно доставалась голова убитого животного, старшим по возрасту давали лучшие куски мяса, остальное делили приблизительно поровну. Охотились эвенки с помощью ружей, лука и стрел. Кроме того, они использовали копье с двусторонним наконечником и массивный, длинный односторонний тесак — пальма. Обязательной частью зимнего снаряжения охотника являлись лыжи-голицы для наста, подбитые мехом лыжи с палкой для снега и охотничья нарта для перемещения на большие расстояния или лыжи-волокуши, используемые для перевозки туш. Необходимым элементом охотничьего снаряжения была также заспинная дощечка-поняга с широкими кожаными плечевыми лямками и более тонкими ремешками для привязывания груза или добычи. Весной охотники пользовались специальными очками, предохранявшими глаза от блеска снега, из тонкой, слегка изогнутой дощечки с узкой прорезью для глаз и двух кожаных ремешков для закрепления. Позже такие очки стали изготавливать из двух овальных или круглых кусочков жести, которые закрепляли на широкой кожаной или ровдужной полоске.

Охота занимала значительное место и в жизни хакасов. Это занятие было строго запрещено женщинам: они не имели права даже прикасаться к оружию. Юношей приучали к охоте с 15 лет; ко времени совершеннолетия они становились охотниками. Первый промысел пушных зверей (в основном белок) начинался в сентябре—октябре. Выезжали в тайгу на лошадях и с собаками. В конце ноября охотники возвращались домой. В конце декабря—начале января выходили в тайгу на второй сезон (в основном на соболя), который длился до конца апреля.

Для ловли зверей и птиц использовали до тридцати различных видов капканов и приспособлений. На тропинках вырывали специальные ямы и ставили самострелы (до 150 штук). В июне, когда расцветал дикий пион, охотились на коз, призывая животных манком, подражающим голосу детеныша. Выдр и бобров ловили специальными сетями. На маралов охотились осенью, во время гона, с помощью горна, звуки которого подражали призывам самцов. На кабаргу, обитающую в Саянских горах, охотились с помощью загородей. Добывали ее ради дорогостоящей мускусной железы, имеющейся у самцов. Мускус очень ценился китайцами, монголами и другими народами Центральной Азии как сильное лекарство.

Алтайцы занимались охотой на пушного зверя (соболь, лисица, горностай, заяц, сурок) и боровую дичь.

Моря, омывающие Чукотку и Камчатку, с древнейших времен славились богатством и разнообразием морских животных. Гренландский и серый кит, белуха, морж, тюлени, лахтак (морской заяц) и нерпа составляли в прошлом основу экономики азиатских эскимосов, приморских чукчей и отчасти береговых коряков. Охотились на китов и моржей в определенные сезоны года, а на тюленей и нерп

круглогодично. Китобойный промысел был широко развит в Беринговом проливе, заливе Святого Лаврентия, Мегчименской губе и около мыса Чаплино. Держались киты обычно у кромки льдов. Весной они мигрировали вместе с уходящими льдами на север, а осенью — в октябре—ноябре — на юг. Охота на китов была коллективной. Чаще всего их подкарауливали в узких проходах и с двух сторон кололи копьями. С исчезновением льдов морские зверобой выходили в море на кожаных лодках байдарках или каяках. Охотились при помощи гарпунов с привязанными к ним на ремне поплавками из шкуры, целиком снятой с нерпы. В начале XX века эскимосские и чукотские охотники наряду с гарпунами активно использовали на китобойном промысле ручную американскую гарпунную пушку с взрывным устройством. Особенностью индивидуальной охоты алеутов на кита малого полосатика являлось применение растительного яда аконита, которым смазывались наконечники копий. Увеличению дальности бросания копья и увеличению силы его удара способствовала специальная метательная дощечка.

Приморские чукчи и азиатские эскимосы охотились на моржей с апреля по октябрь. Весной и поздней осенью их добывали на плавучих льдинах: во время промысла охотники бесшумно подплывали к льдинам с подветренной стороны и копьями кололи моржей, лежащих у края. Так как тела убитых животных преграждали остальным моржам путь к морю, то и они становились добычей охотников. В летнее время моржей добывали на плаву или на лежбищах во время спячки. При охоте на плаву пользовались гарпуном с поворотным наконечником, который, отделившись от древка, фиксировался внутри тела животного. Поплавок из надутой шкуры нерпы, привязанный на ремне к наконечнику, не давал утонуть раненному зверю.

Более мелких ластоногих — нерпу, лахтака и тюленей — ранней весной ловили ставными сетями, которые опускали под лед через проби-

тое в нем отверстие. Как только зверь показывался возле дыхательного отверстия во льду, его кололи копьями. С появлением солнца после полярной ночи нерпы и тюлени выползали на лед и длительное время находились на поверхности. Охотник в маскировочной одежде, со специальным скребком, сделанным в виде лапы с укрепленными когтями тюленей, незаметно подползал к животным и бросал в них гарпун или стрелял из ружья. Если добыча оказывалась в воде, то ее доставали специальной «закидушкой» грушевидной формы с крючками, а затем транспортировали домой на небольших саночках.

Достаточно сложной была охота алеутов на бобров, котиков и сивучей в открытом море. Кожаная лодка-каяк, на которой отправлялись охотники, являлась поистине «инженерным

Мужчина, привязывающий поплавок к неводу Ханты. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у., р. Обь. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1706-71

Сети вязали мужчины костяными или деревянными иглами. Размер ячеей замеряли при помощи мерок — специальных шаблонов. Материалом для изготовления сетевых снастей: неводов и сетей служили крапивные или конопляные нити.

Моржи на лежбище
Чукотский
автономный окр.,
Магаданская обл.
Фотография XX в.
Из собрания РЭМ

Сушка и вяление рыбы на летнем стойбище
Нивхи. Восточная Сибирь, о. Сахалин, р. Тымь.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2654-48

Клык моржа с цветным
гравированным
рисунком
Чукчи. Чукотка.
Фотография 1930-х гг.
РЭМ 8762-15397

Народы Амура и о. Сахалин, в том числе нивхи, весной и осенью активно занимались рыбным промыслом. При заготовке рыбы лососевых пород пласти ее без костей развешивали на деревянных вешалах. Готовую вяленную рыбу (юколу) складывали в амбарах на сваях или других хозяйственных постройках, недоступных диким животным. При удачном промысловом сезоне каждая семья делала запасы юколы на весь зимне-весенний период.

триумфом» алеутов. Раздвоенный по вертикали форштевень рассекал при движении по воде боковую волну и предохранял каяк от перелома, а в сочетании с килевой планкой позволял «изгибаться на волнах». Охотник, сидящий на дне лодки, поверх наплечной одежды из кишок морских животных надевал широкий пояс из того же материала. Верхний край пояса затягивался на груди, а нижний — поверх люка. Вода уже не могла проникнуть внутрь каяка, и если даже лодка переворачивалась при сильной волне, то не тонула, а принимала первоначальное положение. Охотники, уходя далеко в открытое море, возвращались домой в любую погоду. Ориентиром служили летящие птицы, высота волны и направление ветра. В ненастную погоду члены семьи охотников выходили на высокий берег и как своеобразные маяки стояли со светильниками и жирниками в руках, указывая путь возвращающимся охотникам.

Сложной и опасной была охота на белого медведя. Охотник шел буквально по пятам за медведем, выслеживающим тюленей надвигающихся в море льдах. Во время промысла льдина вместе с охотником могла уйти далеко в море. Поэтому за короткое время охотник производил выстрел, снимал шкуру с медведя и транспортировал добычу на берег.

Продукция морского промысла давала населению мясо, жир для еды и отопления, крепкие шкуры для одежды, обуви, жилища, лодок и ремней. Длинные, толстые кости китовых челюстей еще в XVIII веке употреблялись азиатскими эскимосами в качестве центральных и боковых опорных столбов, поперечных балок для настила

потолка и крепления стен полуподземного жилища нын'ю. Гигантские позвонки кита служили для устройства стен длинного коридора, а черепные кости и лопатки — для мощения пола.

Ведущее место в системе хозяйственных занятий приобского (ханты и манси) и приамурского (нанайцы, низовые негидальцы, амурские нивхи, ульчи, орочи, отчасти удэгейцы) населения, а также жителей Камчатки — ительменов и оседлых групп коряков (карагинцы, алюторцы, паланцы) занимало рыболовство. Ихтиофауна этих регионов отличалась исключительным богатством промысловых видов. В реках бассейна Амура водилось более ста пород рыбы: калуга (амурская белуга), осетры, толстолобы, сазаны, навага, сельдь, лососевые. На Оби и притоках насчитывалось свыше двадцати видов промысловых пород.

Для населения этих регионов было характерно круглогодичное рыболовство, отличавшееся высокой эффективностью. Рыбу добывали с помощью крючковой снасти, разнообразных сетей, неводов, которые в прошлом делали из крапивных нитей и тальника. У коряков повсеместно для ловли лососевых применялись крючки марик, прикрепленные при помощи длинного кожаного ремня к длинному (до 6 м) деревянному древку и использовавшиеся наподобие гарпуна. На мелководье били рыбу острогой. В верховьях рек для зимнего и летнего промысла широко использовали запоры: поперек речки устанавливали изгородь, а в проходы между изгородью вставляли прутьяные конусообразные ловушки — морды, гимги и т.п. Кроме того, зимой был широко распространен подледный сетевой промысел. Однако основная добыча

рыбы приходилась на весенне-осенний период, когда шел ее массовый ход. В это время лососевые из океана шли на нерест в Амур и реки Камчатки, а осетр, чир, нельма, муксун, пелядь для нагула и нереста — в дельтовую и пойменную систему Оби. Жители притоков во время путины семьями перебирались на основное русло рек. На Оби во время хода рыбы ее отлавливали большими неводами артелью по 8—10 человек. В этот период население делало запасы на весь год. Рыбу сушили, вялили, из внутренностей вытапливали жир, который хранили в берестяных сосудах, заготавливали на зиму муку из сушеной рыбы, а коряки и ительмены квасили рыбы головы в специальных ямах. Рыба служила основным продуктом питания не только людям, но и ездовым собакам. За счет рыболовства коренное население Приобья и Приамурья полностью обеспечивало себя необходимым запасом продуктов, а излишки обменивало на ткань, муку, металлические изделия и т.п.

Основным традиционным занятием населения Южной Сибири (бурят, алтайцев, хакасов, западных тувинцев), а также якутов было скотоводство, которое определило формирование материальной и духовной культуры, жизненных ценностей и мировоззрения этих народов в целом. Одним из древнейших скотоводческих очагов Сибири является Хакасско-Минусинская котловина — исконная территория расселения хакасов. У южных алтайцев и западных тувинцев в каждом хозяйстве держали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, а также верблюдов и яков-сарлыков. Северные алтайцы занимались преимущественно коневодством. Хакасы разводили лошадей, крупный рогатый скот и овец,

Тавро для клеймения скота Якуты. Якутская обл. Фотография начала XX в. РЭМ 9915-2

Тавро — знак собственности владельца скота. На якутском тавро — бэч эт — знак собственности в форме протомы (голова с частью груди) лошади. Подобные тавро якуты стали использовать в начале XX века под влиянием русских. Обычно таврили жеребят, когда им исполнялся год. Его ставили только на лошадях и быках: выжигали на левом стегне животного, то есть с той стороны, с которой садятся на лошадь. После клеймения большое место мазали маслом и протирали оленьим рогом.

Выпас отары овец в степи Буряты. Фотография XX в. РЭМ Ф 48-17

Выпасом овец при кочевом отгонном скотоводстве у бурят в прошлом занимались только мужчины. В качестве верхового животного использовалась лошадь особой монгольской породы.

выпасая их отдельными стадами, за что и называли себя «трехстадным народом» (хотя путешественники в XVIII веке отмечали разведение ими верблюдов). Буряты держали крупный и мелкий рогатый скот, овец, лошадей, а в Агинском ведомстве — и верблюдов.

У всех народов Южной Сибири главным источником жизнеобеспечения являлся крупный рогатый скот. Местные породы отличала выносливость, но малопродуктивность. Доение коров осуществлялось подсосным способом: сначала к корове на короткое время подпускали теленка, а затем отводили от нее и привязывали к специальной веревке, после чего приступали к доению. При выпасе телятам надевали намордники, что не позволяло им высасывать молоко матери. Хакасы и буряты выпускали крупный рогатый скот весной на вольный выпас, осенью с наступлением холодов и всю зиму держали в хлевах-хотонах. У южных алтайцев и западных тувинцев скот круглый год находился на подножном корму — специальных хозяйственных построек и системы заготовки кормов не существовало.

У народов Южной Сибири и якутов разведение лошадей являлось одним из самых древних видов скотоводства. У хакасов основной породой лошадей была степная киргизская, у бурят — монгольская порода, известная еще хуннам. Для этих пород характерны небольшой рост, длинная жесткая шерсть, выносливость и неприхотливость.

Первая историческая справка о якутском коневодстве датируется 1634 годом. Об этом свидетельствует письмо русских казаков-землепроходцев из Сибири Московскому царю: «А Якольская, государь, земля велика и людна, и конна!» Однако работы многих исследователей культуры якутов, археологические памятники и устное народное творчество дают основание утверждать, что якуты — одни из самых древних коневодов. В VI—IX веках предки якутов вели кочевой образ жизни в степях Южной Сибири и Предбайкалья.

Огромная заслуга якутского народа состоит в том, что, живя в окружении народов, занимающихся оленеводством, он не только сохранил свою самобытную культуру скотоводов, но и развил в условиях Севера табунное коневодство. В XVII веке якуты считались самыми северными коневодами мира, создавшими уникальную породу лошадей. Якутская лошадь немного крупнее монгольской, с большой головой, светлой масти — белой, серой, палевой. Зимой она обрастает длинной шерстью. Отличительные качества якутских лошадей — выносливость, неприхотливость, спокойствие. Они могут проходить большие расстояния без пищи. Недаром якут-

ская поговорка гласит: «Сытый всадник и голодная лошадь — хорошая пара».

Однако коневодство занимало важное место только в хозяйствах зажиточных якутов и тойонов (представители родовой аристократии). Мерой измерения поголовья был жеребец, на которого приходилось 10—15 кобылиц. Некоторые богачи даже не знали численности своего стада и измеряли его количеством жеребцов, то есть косяков. О богатстве и количестве лошадей в хозяйстве якутов свидетельствуют исторические документы и старинные былины «олонхо», в которых говорится, что богатые якуты имели до 90 жеребцов, в иных хозяйствах содержалось по несколько тысяч голов.

Табуны лошадей паслись круглый год на подножном корму в степи и горах. Только молодняк оставался в открытых загонах. Во время снежной зимы, даже в 50—60-градусные морозы якутские лошади способны были копытами разгребать снег (тебеневать) и доставать корм из-под сугроба до полуметра.

Лошадь использовали как транспортное средство (для верховой езды), так и для перевозки грузов во время перекочевков. Она являлась и источником жизнеобеспечения: лошадиная кожа шла на изготовление мешков, обуви, упряжи и т.п. Конский волос употребляли для виття веревок, которые высоко ценились за особую прочность (изготавливали арканы, вожжи, путы и т.п.). Хвосты и гривы стригли весной. Лошадь давала молоко, из которого делали кумыс, ее мясо шло в пищу, однако, потреблялось главным образом по праздникам (например, Ысыах у якутов) и для приема почетных гостей. До наших дней скотоводческие народы Сибири сохранили традицию изготовления кумыса, национальных блюд из конины и жеребятины.

Все скотоводческие народы Сибири (за исключением якутов) разводили овец. Держали главным образом местные породы — грубошерстные, курдючные, хорошо приспособленные к суровым зимним условиям, но дававшие незначительное количество молока. Овец разводили главным образом ради мяса (баранина считалась самым вкусным мясом после конины) и шерсти, которая шла на изготовление войлоков. Отары овец круглый год держались на подножном корму; их пасли чабаны на конях и обязательно с собакой. Каждый хозяин ставил на ушах овец свои знаки собственности — отрезал у ягнят уши определенным образом, чтобы отличить от чужих. Затем связки ягнячьих ушей использовались для подсчета приплода. Агинские буряты метили краской курдюк овцы.

С давних времен у скотоводческих народов применялось клеймение скота. Лошадей, крупный рогатый скот и верблюдов клеймили при помощи специального инструмента — тавра,

обычно весной перед тем, как их отпускали в степь или передавали пастуху. Таврение лошадей обычно осуществлялось после одновременного срезания гривы и обрезания хвоста. Это сопровождалось различными обрядами, конными скачками, борьбой, стрельбой из лука. Родовые знаки собственности переходили от отца к сыну. Когда сын отделялся от отца, он мог лишь видоизменить клеймо.

У южных алтайцев и западных тувинцев, а также у агинских бурят в крупных хозяйствах держали двугорбых верблюдов. Их использовали в основном как тягловый скот для перевозки грузов: 4—5 верблюдов могли перевезти любое, даже самое крупное скотоводческое хозяйство: вьюком — до 300 кг, в санях — до 500 кг. С каждого животного собирали 7—8 кг шерсти. У бурят она шла на изготовление летних стеганых халатов. Длинную шерсть — зогдор, расположенную на груди животного, использовали для стежки войлоков.

У народов Сибири существовали два основных вида скотоводческого хозяйства: кочевое, бытовавшее у восточных бурят, и полукочевое (или полуседлое), распространенное в различных формах у алтайцев, западных тувинцев, хакасов, якутов.

Южные алтайцы и западные тувинцы — скотоводы горно-степной зоны. Скотоводство было высокоразвитым: кочевники прекрасно знали особенности рельефа, водопои, пастбища; детям с раннего возраста прививали умение обращаться с животными, пользоваться орудиями выпаса и ухода за скотом. Южные алтайцы, западные тувинцы и хакасы обычно совершали три-четыре перекочевки в год — от одной сезон-

ной стоянки до другой. Зимний период проходил в горах, к лету спускались в предгорья, а осенью снова поднимались в горы. Перекочевки совершали только верхом.

Способы ведения скотоводческого хозяйства у западных и восточных бурят имели существенные различия. Территория Прибайкалья богата лесами, поэтому наравне со скотоводством у западных бурят издревле большое значение имели охота и рыболовство. В XIX веке под влиянием русских крестьян-переселенцев они перешли к полуседлому и оседлому образу жизни, сочетая свое исконное занятие — скотоводство с пашенным земледелием, заимствованным от русских. Перекочевки западные буряты совершали обычно два раза в год. Их летние стойбища располагались по долинам рек в местах с обильным подножным кормом, а зимние — поблизости от сенокосных угодий, так называемых утугов.

Хозяйство восточных бурят можно определить как кочевое пастбищное скотоводство монгольского типа. Обширные степные просторы, богатые густым разнотравьем, создавали прекрасные условия для круглогодичного пастбищного выпаса скота. Следуя по определенным замкнутым маршрутам в поисках новых кормовых угодий, восточные буряты со своими многочисленными стадами совершали до двенадцати перекочевок в год.

Скотоводство как основа традиционного природопользования представляло собой неотъемлемую часть культуры народов Южной Сибири и якутов и в значительной степени оказывало влияние на их самосознание и менталитет.

Переезд на оленьей упряжке Ханты. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1706-72

Традиционной верхней одеждой оленеводов являлся совик, сшитый мехом наружу. Надевали совик только в дорогу в сильный мороз. В такой одежде можно было заночевать в снегу, если ночь заставала в пути.

ТРАНСПОРТ

Природные условия и хозяйственная деятельность народов Сибирского региона в значительной степени определяли способы передвижения и транспортные средства. Охотники-оленоводы таежной зоны (эвенки, эвены, тофалары, ороки, частично юкагиры, селькупы, лесные ненцы, кеты) использовали оленей при переезде верхом и для перевозки груза. Олени таежной породы были значительно выше и выносливее тундровых. Вьючные седла, к которым крепились вьючные сумы или короба с грузом, имели более высокие деревянные или костяные луки. При посадке на оленя и при передвижении пользовались специальными деревянными посохами.

У оленеводов Сибири основным видом транспорта являлся запряженный в нарту олень. Ненцы ездили на нарте зимой и летом, запрягая от трех (зимой) до пяти (летом) оленей. На Чукотке и Камчатке запрягали не более двух оленей.

Оленеводческие народы Сибири использовали несколько видов нарт. Так, нарты ненцев, нганасан и энцев были массивными, высокими, косокопильными, что придавало им особую устойчивость, а у чукчей и коряков — невысокими, дугокопильными и, как следствие, более легкими и мобильными. Они имели совсем другую конструкцию, обусловленную иной традицией и особенностями ландшафта. У ненцев в каждом хозяйстве было до 25 нарт, у чукчей и коряков — от 17 до 20. На них перевозили продукты, одежду и жилище. На одни нарты укладывали до шести пудов груза.

Широко бытовали у народов Сибири лыжи скользящего типа без меха (голицы) и с приклеенным к нижней поверхности камусом оленя или лося для лучшего скольжения. На Северо-Востоке у чукчей, коряков, эскимосов, ительменов распространены были лыжи не только скользящего, но и лыжи-«ракетки» ступательного типа.

Для большинства народов Западной Сибири и Приморья, Приамурья, оседлых коряков и ительменов Камчатки, занятых рыболовством, главной транспортной артерией служила река. На небольших реках передвигались на лодках-долбленках — обласках, оморочках, батах, а по Оби и Амуру ходили на больших составных плоскодонках. У хантов и манси дощатые лодки — илимки или каюки — подчас делались с каютой, крытой берестой. Такая лодка одновременно служила жилищем во время промысла.

Зимним видом транспорта у коряков, ительменов, народов Амура, нивхов Сахалина, а также оседлых хантов и манси служила собачья упряжка. Некоторые группы хантов и манси держали в качестве транспортного животного лошадей и оленей.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

У большинства сибирских народов профессионального ремесла не существовало. Потребности хозяйства в бытовых предметах и утвари обеспечивались за счет домашнего производства. Существовало четкое разделение мужских и женских занятий: мужчины изготавливали предметы из дерева, кости и рога, женщины — из бересты, стеблей растений, кожи и меха. Исключение составляли профессиональные мастера по обработке металла.

Универсальным материалом являлось дерево. Использовали практически все виды древесины, учитывая специфические свойства разных пород дерева. Наибольшей популярностью пользовалась береза. Дерево утилизировалось полностью: ствол шел на изготовление долбленной, а позднее точеной утвари, корни и тонкие ветви (рябина, тальник, черемуха) — на плетеные сосуды, из наростов и наплывов делали посуду и курительные трубки, из стружек — полотенца и подстилки в колыбель. Народы, расселенные на побережье морей, использовали плавуны. Для изготовления деревянной посуды пользовались самодельными стругами, ручным сверлом, ножом. Техника декора была достаточно разнообразна: различные виды резьбы (якуты — чороны, воронки, ковши; народы Амура — домашняя и культовая утварь: столики для еды, блюда, корытца, ложки; обские угры — крюки для подвешивания колыбелей и т.д.), роспись (буряты, народы Южной Сибири) и инкрустация металлом (ханты, манси, ненцы, эвенки — рукояти ножей и ножны).

Популярным материалом для изготовления утвари у обских угров, селькупов, кетов, якутов, народов Амура служила легкая непромокаемая гибкая береста. Ее традиционно заготавливали в конце весны — начале лета, когда дерево давало сок, или осенью, когда опадали листья. Обычно использовалась невываренная береста, из которой с помощью простого набора инструментов (шило, нож, иглы) изготавливали предметы для хранения, транспортировки и употребления продуктов питания, а также хранения и транспортировки предметов домашнего обихода. Соединительным материалом служили: сухожильные, крапивные, конопляные нити, черемуховый или ивовый прут, корень кедра и ели, конский волос и пр. Обычную или окрашенную бересту декорировали резьбой, аппликацией, тиснением, штамповкой, росписью, выскабливанием и т.д. Якуты расшивали нанизанным на конский волос бисером берестяные коробки для женского рукоделия, подойники, ведерки для ягод и дикого меда, солонки, декорировали вставками из слюды, кожаными кистями, лоскутками цветных тканей. Если у народов Южной Сибири деревянная и берестяная утварь была

очень проста и архаична, то у народов Амура — разнообразна по формам и размерам, и, кроме того, украшалась резным спирально-ленточным криволинейным орнаментом. Особенно тщательно орнаментировалась утварь для обряда «кормления воды» в виде животных и птиц, населяющих водную стихию (рыба, нерпа, утка), и медвежьего праздника: доски для разрезания медвежьего мяса, ложки, ковши, блюда и коробки.

Распространено было плетение из стеблей травянистых растений. Значительная часть алеутской утвари сплетена из дикой ржи и гороха. В качестве инструмента алеутские женщины использовали выращенный и заостренный ноготь большого пальца. Им расщепляли траву, корни и стебли, продергивали декоративные нити, перышки птиц и полоски китового уса.

На с. 400

Охотники на лыжах
Эвенки.
Восточная Сибирь,
Енисейская губ.
Фотография 1907–1908 гг.
РЭМ 5659-35

Лошадь якутской породы
Якуты. Восточная Сибирь,
Якутская обл.
Фотография начала XX в.
РЭМ 1085-59

Нанесение орнамента
на берестяную коробку
Нанайцы.
Дальневосточный край,
Хабаровский окр.
Фотография XX в.
РЭМ 4700-78

Обработка бересты
Удэгейцы.
Дальневосточный
край,
Хабаровский окр.
Фотография 1920-х гг.
РЭМ 4907-50/а

Из кожи и войлока изготавливали чехлы и футляры для деревянной посуды. Кожа являлась распространенным у скотоводов-кочевников материалом для переметных сум, разнообразных сосудов, в частности, для приготовления и хранения молочных продуктов. Сырьем для производства различных сосудов также служили внутренние органы животных. Так, например, для хранения китового и нерпичьего жира изготавливали сосуды из пузыря морских животных.

Оленеводческие народы для изготовления различных сумочек, мешков и ковриков использовали олений мех, а также шкурки диких животных и птиц (например, негидальцы делали коврики из шкурок с голов селезней и уток). Выделка шкур — многоэтапный процесс, осуществляемый женщинами с помощью функциональных типов каменных и железных скребков с деревянной или костяной рукоятью. Одним из самых распространенных методов декора изделий из оленьего меха являлась мозаика (угорские и самодийские народы), применялась также вышивка подшейным волосом оленя (народы Крайнего Северо-Востока) и бисером. Вышивкой бисером и подшейным волосом оленя, полосками из ткани, ровдужными кистями украшали переметные сумы в виде берестяных коробов, покрытых камусными или ровдужными крышками, чехлы на коробки для женского рукоделия (эвенки).

Занятие рыболовством отразилось на всей культуре народов юга Дальнего Востока. Они хорошо знали свойства кожи каждого вида рыб. Рыбья кожа была универсальным материалом, из которого шили крышки на временное жилище, одежду, утварь. Она являлась универсальным сырьем для изготовления различных сумочек, чехлов и футляров. Для обуви и рукавиц предпочитали кожи ленка, кеты, муксуна, тайменя, для рабочей одежды — сома. При изготовлении праздничной одежды использовали кожу

сазана и амура. Наиболее распространенными способами украшения таких изделий являлось тиснение, раскраска, вышивка, аппликация. Из различных письменных источников известно, что в прошлом ханты и манси также широко использовали рыбью кожу, но к середине XIX века ее уже полностью заменили фабричные ткани.

Материалами для изготовления различных бытовых предметов у народов Сибири являются бивень мамонта (якуты), клык моржа, кости кита (народы Северо-Востока), рог оленя, крупного и мелкого рогатого скота (народы Южной Сибири). Обработка мамонтовой кости возникла у якутов в XVIII веке. Якутские ларцы и шкапулки близки по своей технике и форме холмогорским, однако в орнаменте преобладают традиционные национальные мотивы. Для изготовления предметов декоративно-прикладного искусства, в том числе утилитарного назначения (чашечки, подсвечники и т.д.) тувинские камнерезы использовали агальматолит.

Производство лепной керамики было известно якутам, азиатским эскимосам, ительменам, шорцам. С приходом русских в быту народов Сибири появилась фарфоровая и фаянсовая чайная посуда.

Металлические изделия коренное население Сибири не только покупало у русских купцов, но и изготавливало самостоятельно путем перековки из готового металла. Разнообразного типа ножи, сделанные корякскими мастерами из п. Парень на Охотском побережье, пользовались большой популярностью среди оленеводов и оседлых жителей Чукотки и Камчатки. Добыча, выплавка и художественная обработка металла, в которой тюрко-монгольские народы достигли высокого мастерства, имели глубокие корни. Якутам и бурятам были известны практически все виды техники изготовления и декорирования металлических изделий. Из металлической утвари следует назвать ножи, таганы, щипцы для очага, котлы для варки мяса, сосуды для чая, а у восточных бурят и части тувинцев, исповедовавших буддизм, — литую бронзовую культовую утварь (жертвенные алтарные чашечки, сосуды для святой воды). Бурятские металлические изделия составляли конкуренцию изделиям дамасских, монгольских, китайских, русских и европейских мастеров. У бурят и якутов широкое распространение имел кузнечный культ, возникший, возможно, еще в эпоху бронзы и включающий в себя почитание кузнечных инструментов, самого мастера и божеств-покровителей этого промысла. Помимо предметов бытового назначения эвенкийские, бурятские и якутские кузнецы изготавливали предметы культового назначения, в том числе и металлические подвески, изображения духов-покровителей и духов-помощников к шаманской одежде и атрибутам шамана.

Ковер
Эскимосы.
Чукотский п-ов, с. Яндагай.
XX в.
РЭМ 8762-16678

Мастерицы при изготовлении ковров использовали традиционные материалы: выделанную шкуру нерпы, окрашенную корой ольхи или высушенную добела на солнце в ветреную погоду. Особый колорит коврам придавала вышивка белым подшейным волосом оленя и аппликация из кожи нерпы.

Колчан для стрел
Чукчи.
Восточная Сибирь,
Приморская обл.,
Анадырский окр.
Начало XX в.
РЭМ 2085-152

Колчаны для стрел изготавливали из ровдуги и украшали вышивкой белым подшейным волосом оленя, а также полосками кожи из горла нерпы и бахромой из меха белька (детеныша нерпы). В начале XX века они сохранялись у чукчей как реликвии прошлого.

Сумка женская
Ханты.
Западная Сибирь,
Тобольская губ.
Начало XX в.
РЭМ 1711-178

Основным материалом для шитья одежды у народов, населяющих тайгу и тундру, являлась шкура оленя. Выделкой шкур и шитьем одежды занимались женщины. Кусочки, оставшиеся после раскроя, использовались для изготовления кисетов, сумок, мешочков для женского рукоделия. Традиционным соединительным материалом являлись нити из спинных сухожилий оленя.

Короб для хранения
женского рукоделия,
фаянсовой и фарфоровой
чайной посуды
Эвенки.
Восточная Сибирь,
Енисейская губ.
Начало XX в.
РЭМ 7437-17

Эвенки очень тщательно изготавливали и обильно украшали коробки для женского рукоделия.

Сумы переметные
Эвенки. Восточная Сибирь,
Енисейская губ. Начало XX в.
РЭМ 4871-107 а, б

Коробка плетеная
из дикой ржи
Алеуты. Алеутские о-ва.
Начало XX в.
РЭМ 8762-16858 а, б

Зимнее стойбище оленеводов в тундре Чукчи. Восточная Сибирь, Приморская обл., Анадырский окр. Фотография начала XX в. РЭМ 3949-4

Летнее стойбище Ханты. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1706-3

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ

ПОСЕЛЕНИЯ

Типы поселений народов Сибири были обусловлены кочевым, полуседлым или оседлым образом жизни, связанным с традиционными отраслями хозяйства — оленеводством, охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом, скотоводством.

Основным поселением таежных охотников и оленеводов (эвенков, эвенов) и тундровых оленеводов (чукчей, коряков, ненцев, энцев, северных хантов, северных селькупов, нганасан, долган, эвенов, северных якутов), ведущих кочевой образ жизни, было стойбище, состоящее из нескольких переносных жилищ.

Основным типом летнего жилища северных хантов был чум, покрышки которого делались из березовой коры. В силу особенностей этого материала даже в очень жаркую погоду в жилище сохранялась прохлада, а в период похолодания удерживалось тепло.

Морские зверобои (эскимосы, приморские чукчи) жили оседло в стационарных селениях, расположенных на побережье морей и заливов.

Народы Дальнего Востока (нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, негидальцы), а также ханты, манси, селькупы и ительмены, занимавшиеся рыболовным промыслом, жили в селениях, по берегам больших рек. Кроме жилых построек здесь находились: вешала для сетей и рыбы, летние очаги для приготовления пищи, а также хозяйственные амбары на сваях, в которых хранили утварь, снасти, продукты. Весной, летом и осенью в период основного хода рыбы большинство жителей переезжало из постоянных селений в сезонные, расположенные на промысловых угодьях.

Якуты, западные тувинцы, хакасы и западные буряты, сочетавшие скотоводство с пашенным земледелием, вели полуседлый и оседлый образ жизни, совершая перекочевки два—четыре раза в год. Их поселения были тесно связаны с годовым хозяйственным циклом: зимние поселения со стационарными жилищами находились рядом с сенокосными угодьями, летние стойбища располагались по долинам рек у пастбищ.

У восточных бурят существовало типично монгольское кочевое скотоводческое хозяйство — круглогодичный пастбищный выпас скота. Поэтому улусы восточных бурят носили временный характер и состояли из поселений нескольких больших семей — хотонов.

Занятие рыболовством во многом определило оседлый образ жизни и особенности бытового уклада обских угров (хантов и манси), народов Амура и оседлых коряков. У них существовало два сезонных поселения: летние — на берегу реки, где жили до глубокой осени, и зимние, располагавшиеся недалеко от летних, но ближе к лесу. На стойбищах, кроме жилых построек, имелись вешала для сетей и рыбы,

летние очаги для приготовления пищи, а также хозяйственные амбары на сваях, в которых хранили утварь, снасти, продукты. Селения у народов Амура и Оби составляли соседско-территориальную общину, а промысловые угодья находились как в общинной (коллективной), так и в частной (вотчинной) собственности.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Жилые постройки народов Сибири имели большое многообразие и различались как по архитектурным формам, так и по конструкциям. Особенности жилища были обусловлены природно-климатическими условиями, географической средой обитания и различием хозяйственно-культурных типов, к которым относились те или иные народы.

У охотников и оленеводов тайги (эвенков, тофаларов), тундры и лесотундры (ненцев, энцев, долганов, нганасанов) наиболее распространенным жилищем был конический чум, каркас которого состоял из наклонно установ-

ленных шестов, перекрещивающихся верхними концами и образующих форму конуса. Таежные народы обычно срубали шесты для остова на месте стоянки, а при перекочевках перевозили только покрышки. В тундре и лесотундре, где леса мало, оленеводы перевозили свое жилище полностью, вместе с жердями (летом — волоком, зимой — на нарте) и могли поставить его на новом месте за несколько минут. Материал покрышек зависел от времени года и наличия природных материалов. Летом таежные народы использовали берестяные и ровдужные покрышки, а зимой — сшитые из шкур оленя. Менее зажиточные семьи жили в корьевых или жердяных чумах. В суровых условиях тундры оленеводы использовали покрышки из меха оленя и летом, а зимой покрывали чум двойными меховыми покрышками — мехом внутрь и наружу.

У нганасан, долган и энцев с середины XIX века получил распространение нартенный чум — балок, заимствованный от русских затундренных крестьян. Балок использовался как зим-

Усадьба зажиточного якута Якуты. Восточная Сибирь. Якутская обл. Фотография 1903–1904 гг. РЭМ 1085-4

На переднем плане — ураса, летнее каркасное жилище, крытое берестой. Рядом располагаются хозяйственные постройки и балаган — зимнее жилище.

Войлочная юрта на берегу озера Зын-Торай Буряты. Восточная Сибирь, Забайкальская обл., Агинский аймак. Фотография XX в. РЭМ 3963-8

Фанза – зимнее жилище
Нанайцы.
Восточная Сибирь,
Приморская обл.,
Хабаровский окр.
РЭМ 4749-21

Особенностью фанзы являлось наличие каннов – нар из деревянных досок, под которыми проходили глинобитные обогревающие трубы. Подобный тип отопления жилища существовал у народов юга Дальнего Востока с глубокой древности.

нее жилище и представлял собой подвижное легкое каркасное строение, поставленное на полозья. В качестве покрышек использовали оленьи шкуры, которые сверху накрывали чехлом парусины или брезента. Это подвижное легкое жилище перевозилось с одного стойбища на другое упряжкой из 5—7 оленей.

Основным типом жилища северо-восточных палеоазиатских народов (чукчей, коряков и эскимосов) являлась яранга: переносная — у оленных коряков и чукчей и стационарная — у азиатских эскимосов и приморских чукчей. Характерной особенностью чукотско-эскимосских яранг, отличавших их от жилищ других народов Сибири, была двухкамерность — наличие внутри пологов. Яранга с пологом — удивительное изобретение коряков и чукчей, которые называли свое жилище лиеран (кор. «lige-yan», букв. «настоящий дом»).

Яранга оленных коряков и чукчей была зимним и летним жилищем. Основу ее составляли три основных шеста высотой от 3,5 до 5 м, связанные наверху ремнем. Вокруг них устанавливались треноги из двух жердей с перекладиной, образующие остов стен. Основой крыши служили длинные шесты, привязанные к перекладинам. Сверху остов яранги покрывали покрышками из оленьих шкур. Покрышки снаружи придавливались вертикально поставленными нартами, для того чтобы при сильном ветре они остались на месте. Вход в ярангу располагался на северо-восточной или восточной — жизненной, как считали чукчи и коряки, — стороне.

С начала XVIII века яранга каркасного типа, заимствованная от чукчей, получает широкое

распространение среди азиатских эскимосов и приморских чукчей — охотников на морских животных. Эскимосская яранга отличалась от яранги оленеводов тем, что была большего размера и практически не разбиралась; стены ее часто обкладывали дерном (пластами земли с травой), покрышки, сшитые из шкур моржа, закреплялись при сильном ветре большими камнями, подвешенными на веревках. Внутри жилища находился меховой полог из оленьих шкур, который являлся спальным, а в холодное время и жилым помещением. Отапливался и освещался он при помощи жирника — светильника из камня или глины с тюленьим жиром и фитилем из мха. На нем же готовили пищу.

Древним традиционным жилищем азиатских эскимосов являлась полуземлянка с каркасом из костей, ребер и челюстей китов. В такой полуземлянке проживала большая патриархальная семья численностью до сорока человек. Большие полуземлянки являлись общинными домами, в которых обитало несколько семей, и проходили собрания и праздники. Такого же типа полуземлянка, но с деревянным каркасом, была основным жилищем оседлых коряков — обитателей восточного и западного побережья Камчатки. Особенностью полуземлянки коряков являлся раструб в виде воронки из плотно сложенных тонких досок, служивший дополнительной защитой от снежных заносов верхнего входа в жилище.

У эвенов всех районов их обитания издавна существовало два основных типа жилища: эвенкийский конический чум и так называемая «эвенская юрта», подобная чукотско-корякской

яранге. В зимнее время в качестве покрышек использовали оленьи шкуры, летом — ровдугу или бересту. Эвены, жившие на побережье Охотского моря, в качестве материала для покрышек использовали также и рыбью кожу.

Рыболовы-охотники западносибирской тайги — ханты и манси — в качестве временного сезонного жилища использовали шалаши из жердей, берестяные или крытые шкурами чумы. Основным типом зимнего жилища был срубный дом с двускатной крышей, покрытой досками, берестой или дерном.

У амурских народов — рыболовов и охотников, ведущих оседлый образ жизни (нанайцы, ульчи, орочи, негидальцы, нивхи), — в качестве зимнего жилища использовались четырехугольные в плане однокамерные дома со столбовым каркасом и двускатной крышей. Так как в зимнем доме обычно жило две—три семьи, то и очагов было несколько (в зависимости от количества семей). Дым от очагов проходил через глинобитные трубы, расположенные под деревянными нарами — канами, и выходил через одну большую трубу, стоящую рядом с жилищем. Такой способ отопления в некоторой степени подобен паровому. Летние жилища имели большое разнообразие: четырехугольные корьевые домики с двускатной крышей, конические, полуцилиндрические, двускатные шалаши, крытые сеном, корой, берестой.

Основным жилищем скотоводческих народов Южной Сибири (восточных бурят, западных тувинцев, алтайцев, хакасов) являлась переносная цилиндрическая юрта каркасного типа, крытая войлоком. Она была максимально приспособлена к кочевому быту — легко разбиралась и перевозилась, а установка ее занимала немногим более часа. Остов юрты составляли стены из раздвижных деревянных решеток и купол, образованный из жердей, верхние концы которых вставлены в круг дымохода. На покрытие юрты шло 8—9 войлочных полостей. Как у всех монголоязычных народов, жилище у бурят было ориентировано выходом на юг, в отличие от тюркских народов (хакасов, тувинцев, алтайцев), у которых жилище было ориентировано на восток.

У скотоводов, перешедших на полуседлый образ жизни (хакасы, западные тувинцы, западные буряты), получила распространение стационарная срубная многоугольная юрта с двускатной или многогранной крышей.

Жилище якутов было сезонным. Зимние поселения со стационарными жилищами находились рядом с сенокосами, летом откочевывали к пастбищам, где устраивали летники. Зимнее — балаган — бревенчатая юрта трапециевидной формы с плоской крышей и земляным полом. Стены балагана обмазывались глиной, а крыша

устилалась корой и землей. До конца XIX века традиционным летним жилищем якутов являлась ураса — коническая постройка из жердей, покрытых берестой. В берестяные оконные рамы вставляли кусочки стекла или слюды, а бедняки — куски льда. Вход в жилище находился с восточной стороны.

Якутам еще до прихода русских была известна система заготовки кормов и специальные постройки для содержания крупного рогатого скота — хотоны. Жилые и хозяйственные помещения усадьбы якуты всегда обносили сплошной невысокой изгородью из горизонтальных жердей. Внутри усадьбы ставили резные деревянные столбы-коновязи, к которым привязывали лошадей.

ИНТЕРЬЕР

У нганасан, долган и энцев интерьер чума отличался суровой простотой и скупостью декоративного убранства, свойственной быту охотников и оленеводов. В центре жилища устраивали очаг. Почетное место для гостей-мужчин помещалось за очагом напротив входа, а места с двух сторон у костра предназначались для членов семьи: слева — женская половина, справа — мужская.

У коряков и чукчей внутри яранги находился полог — прямоугольный ящик из зимних шкур оленя, подвешенный дном кверху, а открытой частью вниз. Он являлся не только спальным, но и жилым помещением в холодное время. Температура в пологе за счет тепла тел и дыхания его обитателей была достаточно высокой, поэтому даже в холодное время здесь можно было спать без одежды. Полог отапливался и освещался также при помощи жирника.

Внутреннее устройство юрты народов Южной Сибири было строго регламентировано. В центре располагался очаг. Место напротив входа считалось самым почетным и предназначалось для приема гостей; здесь же находился домашний алтарь. Юрта делилась на мужскую (левую) и женскую (правую) половины (если стоять лицом к северной ее части). В мужской находились сбруя, орудия труда, вооружение, в женской — утварь, продукты питания. Меблировка ограничивалась низкими столиками, скамеечками, сундуками, постелью, божницей.

Жилище якутов делилось на правую (мужскую) и левую (женскую) половины. Вдоль стен шли дощатые нары — орон. В северо-восточном углу находился камелек — примитивный очаг из жердей и бревен, обмазанных толстым слоем глины; по диагонали располагался почетный (юго-западный) угол.

Женщины и мужчина в национальной одежде Нганасаны. Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) национальный окр. Фотография XX в. РЭМ 199-61

Нганасаны, самые северные жители России, носили двойную (мехом внутрь и мехом наружу) одежду из оленьих шкур. Мужская одежда была глухого покроя, а женская – распашная. Одежда была короткой и выкраивалась из большого количества деталей, важнейшей из которых был нагрудник – вшитый спереди кусок шкуры. Он не имел функционального значения и воспринимался как декоративный элемент, но являлся типичной деталью костюма таежных охотников. Эта деталь одежды нганасан указывает на то, как шел процесс приспособления костюма таежных охотников к более суровым климатическим условиям тундровой зоны.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

У народов Сибири, основными занятиями которых были оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел и скотоводство, материал, из которого шили одежду, и ее покрой напрямую зависели от природно-климатических условий и особенностей хозяйственной деятельности. Основным материалом для пошива одежды служили шкуры промысловых животных — оленя, лося, нерпы, а также овчина, шкурки птиц, рыб, кишки морских животных. Наряду с этим народы Южной Сибири и народы Амура использовали покупные ткани, а шорцы и южные группы хантов и манси — холст собственного изготовления из волокон крапивы и дикой конопли.

По своему функциональному назначению традиционная одежда народов Сибири подразделялась на повседневную, промысловую, дорожную, празднично-обрядовую (свадебную, погребальную) и культовую (шаманскую, одежду служителей буддийского культа). Однако исходной формой, отличавшейся наибольшим многообразием, была верхняя повседневная одежда. В прошлом у северных народов верхняя одежда являлась единственной и служила одновременно и верхней, и нательной. Строгой дифференциации верхней одежды по сезонам у народов Севера не существовало: обычно летом носили выношенную зимнюю одежду. Только у народов Южной Сибири, а также хантов, манси, якутов, бурят и народов Амура была летняя одежда: платья, рубахи, халаты.

Женщина за обработкой оленьей шкуры Ненцы. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1707-78

Для того чтобы шкуры, используемые на одежду, были тонкими и мягкими, их подвергали особой выделке. Заключалась она в соскабливании со шкуры верхнего мездрового слоя, ее размягчении и выравнивании. Для размягчения (дубления) шкуру смазывали содержимым желудка или печени оленя. Затем шкуру раскладывали на специальной доске и обрабатывали особым скребком с металлическим лезвием.

Женская и мужская верхняя одежда у северных народов совпадала в основном по покрою. Исключение составляла лишь одежда ненцев, нганасан, энцев, а также северных групп хантов и манси. У этих народов мужчины носили одежду глухого покроя, а женщины — распашного. Различия в мужской и женской одежде народов Южной Сибири заключались в основном в количестве украшений, цвете и качестве материала, иногда в покрое: мужчины носили одежду прямого покроя, а женщины — отрезную в талии (тувинцы, буряты).

По покрою верхняя одежда сибирских народов разделяется на три группы. К первой относится одежда глухого покроя, надеваемая через голову, ко второй — распашного, имеющая спереди разрез, и к третьей — комбинезон, специфический женский и детский тип одежды.

Одежда глухого покроя была характерна для арктических народов, занимавшихся морским зверобойным промыслом: эскимосов, береговых чукчей и коряков, а также оленеводов тундры и лесотундры: ненцев, хантов, манси, нганасан, энцев, чукчей и коряков. Основным материалом для пошива этого типа одежды служили оленьи шкуры, имеющие плотный и густой ворс. Ненцы, ханты и манси шили одежду из оленьего меха — малицу (от «мал» — «замкнутый») в виде просторной и длинной «рубahi» с капюшоном. Чукчи и коряки, для которых в отличие от ненцев было характерно пешее окарауливание, делали свою меховую одежду — кухлянку — более легкой и короткой, так как длинная одежда сковывала бы движение. У народов Западной Сибири существовала особая меховая дорожная одежда — совик, или сокуй, которую надевали только при переездах поверх малицы.

Морские зверобои на промысел поверх меховой одежды носили глухого покроя непромокаемую камлейку — одежду из кишок морских животных. Береговые чукчи, коряки и эскимосы для шитья верхней одежды кроме оленьих и нерпичьих шкур иногда использовали шкурки птиц, например, гагар.

Распашная меховая одежда была характерна для таежных охотников и скотоводов Южной Сибири. Основным типом одежды охотников тайги — селькупов, кетов и эвенков — была короткая, прямого покроя парка мехом наружу. Эвенки и эвены дополняли меховую или ровдужную парку в виде кафтана с несходящимися лапами нагрудником. Группы эвенков, населявшие бассейн Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также эвены, помимо охоты занимавшиеся вьючно-верховым оленеводством, усовершенствовали эту одежду за счет клиньев, которые вшивали на спинке от талии к подолу, приспособив ее таким образом к верховой езде на олене.

Мужчины в традиционной одежде Ненцы. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1707-62

Верхней мужской одеждой у ненцев была малица — одежда глухого покроя, одеваемая через голову. Она шилась мехом внутрь и имела вид длинной, почти до земли рубahi с капюшоном. Малицу мужчины носили обычно с напуском — пазухой, подвязывая поясом. Пазуха служила своеобразным карманом. В дорогу и в сильный мороз поверх малицы надевали совик, который шили мехом наружу с капюшоном.

Мужской зимний костюм
Ненцы. Архангельская губ.,
Канинская тундра.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский зимний костюм
Ненцы. Архангельская губ.,
Мезенский у.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужская
промысловая одежда
Эскимосы.
Восточная Сибирь,
Приморская обл.,
Анадырский окр.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Женская зимняя одежда
Ханты.
Ямало-Ненецкий
автономный окр.,
Тюменская обл. XX в.
Из собрания РЭМ

Особым видом
промысловой одежды
приморских чукчей,
эскимосов и алеутов, была
непромокаемая камлейка –
одежда, сшитая из
нерпичьих, моржовых или
китовых кишок. Надевали ее
поверх меховой одежды.

Женскую зимнюю одежду
ханты, манси и ненцы шили
из оленьих шкур распашной,
двухсторонней. Для пошива
только одной шубы
необходимо было шесть
оленьих шкур: три шло
на наружную часть и три –
на подкладку. Воротником
служил мех песца или
лисицы. Нарядные
праздничные шубы богато
орнаментировались
меховой мозаикой, полосы
которой вшивали по
контурным швам вдоль пол,
подола и спинки. Чтобы
украсить орнаментом
только одну шубу, нужно
было прошить 50 м шва
сухожильной ниткой.

Женский халат из рыбьей кожи Нанайцы. Дальневосточный край, Хабаровский окр. XX в. Из собрания РЭМ

Мужской праздничный костюм Буряты. Восточная Сибирь, Забайкальская обл., Селенгинский окр. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Женский костюм Калмыки. Ставропольская губ. Середина XIX в. Из собрания РЭМ

Женский летний костюм Эвены. Восточная Сибирь. Приморская обл., Анадырский окр. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Женщины
в национальной
одежде
Эвены.
Восточная Сибирь,
Петропавловский окр.,
Приморская обл.
Фотография 1912 г.
РЭМ 3962-15
Костюм эвенов
состоял из парки,
нагрудника, головного
убора и обуви. Парку
шили из оленьего меха
темно-коричневого
цвета в виде кафтана,
широкого в подоле,
так как эвены,
занимавшиеся
оленоводством
вьючно-верхового
типа, ездили на оленях
верхом. Полы, подол,
концы рукавов богато
украшали бисером
белого, голубого и
черного цветов.
Составной частью
эвенского костюма
был нагрудник. Носили
его как мужчины, так
и женщины. Основным
украшением эвенского
нагрудника была
вышивка подшейным
волосом оленя
(длинный мех оленьей
бороды) и бисером.

Женский
праздничный костюм
Ханты.
Западная Сибирь,
Тобольская губ.
Конец XIX –
начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский праздничный
и свадебный костюм
Якуты.
Восточная Сибирь,
Якутская обл.
Конец XIX –
начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женщина в праздничной одежде
Якуты. Восточная Сибирь, Якутская обл.
Фотография 1910 г.
РЭМ 2451-6

Якутский женский праздничный костюм включал пальто сон, головной убор с отделкой из меха рыси и россомахи с вышивкой серебряной нитью в верхней части и массивные нагрудно-наспинные украшения из серебра. Широкий в пройме рукав закладывали на плече в глубокие складки.

Особым образом пришивались пуговицы и петли: пуговицы — к верхней поле, а навесные петли — к нижней. На перед и спинку нашивали подвески из металла, а у богатых — из серебра. Женская праздничная одежда дополнялась съёмными нагрудными и наспинными серебряными украшениями.

Южные и восточные группы хантов и манси вплоть до начала XX века носили рубахи, платки, штаны, которые ткали из крапивных волокон на самодельных ткацких станках. Женские рубахи из крапивного полотна были туникообразного покроя.

Рукава и перед рубах богато украшались вышивкой шерстяными нитями.

Чтобы расшить одну рубаху требовалось не менее двух лет. Среди узоров преобладали изображения птиц, деревьев, геометрические мотивы. Для окрашивания нитей применяли отвары ягод, трав, корней деревьев. Обязательным дополнением праздничной женской одежды были шейно-нагрудные и накосные украшения из бисера, а также платок, шерстяные вязаные чулки и кожаная обувь — чирки, расшитые бисером.

Женское нагрудное украшение пого Хакасы. Восточная Сибирь, Енисейская губ., Минусинский окр. Начало XX в. РЭМ 6306-1

Старинное хакасское женское нагрудное украшение пого являлось принадлежностью костюма свахи.

Костюм свахи Хакасы. Восточная Сибирь, Енисейская губ., Минусинский окр. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Головной убор Алеуты. Алеутские о-ва. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Мужской погребальный костюм Коряки. Восточная Сибирь, Приморская обл., п-ов Камчатка. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Женский свадебный костюм Нанайцы. Восточная Сибирь, Хабаровский окр., с. Кондон. Конец XIX в. Из собрания РЭМ

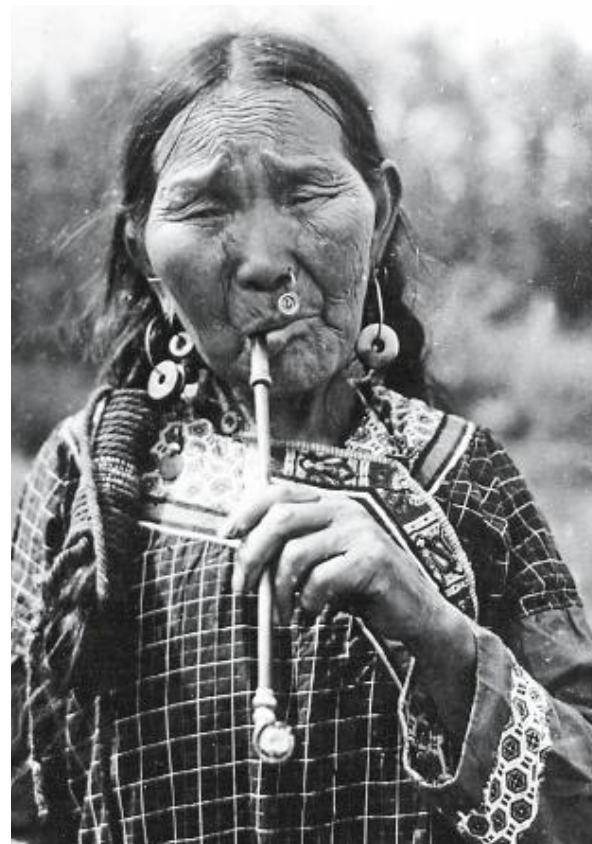

Мужчины в национальной одежде
Коряки.
Восточная Сибирь,
Приморская обл.,
Анадырский окр.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4952-2

Коряки, оленеводы тундры, носили кухлянку глухого покроя, а зимой – двойную одежду: одну мехом внутрь, другую мехом наружу. Спереди к вороту кухлянки пришивали нагрудник, которым прикрывали во время переезда на нарте лицо, чтобы его не обморозить.

Буряты, якуты и народы Южной Сибири — тувинцы, алтайцы и хакасы, — основным занятием которых было скотоводство, зимой носили просторную длинную одежду из мерлушки и дубленой овчины, которую покрывали тканью, а летом — халаты из ткани (буряты, тувинцы), хлопчатобумажные платья, рубахи (якуты, народы Южной Сибири). Широкая в подоле одежда была удобна для верховой езды на коне.

В хозяйственной деятельности народов, населявших территорию бассейна Амура и о. Сахалин — нанайцев, нивхов, ульчей, орочей и др. — большую роль играло рыболовство. Для шитья одежды они использовали выделанные кожи сома, ленка и лососевых рыб. У мужчин и женщин основной одеждой были халаты из рыбьей кожи, а также из покупной хлопчатобумажной ткани покроя кимоно. У нанайцев существовала особого покроя свадебная женская

одежда. Ее шили из китайского шелка. В отличие от повседневной, она имела прямой разрез спереди и богато орнаментировалась аппликацией и вышивкой, имевшей символическое значение.

Оленеводы тундры и таежные охотники зимой носили обувь, изготовленную из камуса — шкуры с нижней части ног оленя, а летом надевали легкую, облегающую ногу обувь из оленьей замши. Нерпичьи шкуры использовали для шитья обуви морские зверобой. Кожаные сапоги на толстой подошве были характерны для скотоводов, а народы Амура шили обувь из рыбьих кож и лосиной замши.

Верхняя, особенно праздничная, одежда народов Сибири богато декорировалась. Оленеводы тундры (нганасаны и энцы) украшали женскую и мужскую одежду полосами меховой мозаики. Таежные охотники отдавали предпочтение бисеру, которым богато расшивали мужскую и женскую одежду. Народы Амура украшали одежду аппликацией и вышивкой шелковыми нитками и мулине. Якуты и народы Южной Сибири использовали съемные и нашивные украшения из металла, а также вышивку.

Особое место в культуре коренных народов Сибирского региона занимала погребальная одежда, которая чаще всего готовилась еще при жизни человека. Так, коряки, несмотря на то что их погребальная одежда отличалась богатством украшений и разнообразием декоративных приемов, шили ее крупным, некрасивым швом, полагая, что в мире покойников он превратится в мелкий и красивый. Узелков на сухожильной

нитке не делали. Если в качестве погребальной использовали поношенную одежду, то срезали не только узелки с сухожильных ниток, но и меняли опушку из меха выдры на опушку из меха собаки, причем белого или светло-серого цвета. У поношенной обуви вырезали старую подошву из шкуры нерпы или лахтака и пришивали новую. Почти готовую погребальную одежду, правда без некоторых украшений, полагалось немного поносить, «чтобы в потустороннем мире она была новая, а не старая».

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Пища, по мнению исследователей-этнографов, является наиболее устойчивым элементом материальной культуры этноса. Модель питания, вариант соотношения трех основных групп органических веществ (белков, жиров и углеводов) в рационе человека в традиционной культуре тесным образом связана с особенностями хозяйственной деятельности населения. Для Сибири принято выделять несколько историко-культурных областей, объединенных общностью природных условий и тесных культурных связей населяющих их народов.

Север Сибири — зона полярных пустынь побережья Северного Ледовитого океана и тундры, мира вечной мерзлоты и карликовой растительности. Основное занятие населения этого региона традиционно составляло оленеводство (ненцы, чукчи, коряки) или охота на дикого оленя (энцы, нганасаны), что заложило в основу модели питания мясо оленя, которое употребляли в сыром, вареном, мороженом, копченом и сушеном виде. В пищу также употребляли костный мозг, сухожилья и почки оленя. Деликатесом являлось содержимое оленьего желудка в мороженом или сушеном виде, сдобренное ягодами. Большое место на столе занимала рыба, которую могли есть сырой (свежей или мороженной), в меньшей степени — вареной. Кроме того, ее жарили с тюленьим жиром. Из-за недостатка соли впрок рыбу солили редко, чаще из нее готовилась юкола: выпотрошенную рыбу разрезали на две части по хребту, вынимали костяк с головой, не трогая хвоста, который соединял обе части. Затем подвешивали сушиться за хвост. Из внутренностей рыбы могли вываривать жир, который затем смешивали с икрой, кусочками рыбы или ягодами. Такие ягоды, как морошка, черника, брусника, находили достойное место в рационе жителей циркумполярной зоны. В пищу употреблялась и добытая на охоте дичь. Соль и хлеб ели мало, в качестве напитка предпочитали чай.

Ближайшими соседями оленеводов являются охотники на морского зверя и приморские рыболовы, населяющие Чукотку и Камчатку

(эскимосы, береговые чукчи). Для них обычной пищей служили мясо и жир моржа и нерпы. Моржовое мясо и мясо кита заготавливали впрок, разрезая тушу вместе со шкурой на крупные куски, достигавшие весом 80 кг, шкуру зашивали, затем замораживали, мясо не солили. Хранили запасы в специально вырытых ямах, получая таким образом квашенное мороженое мясо. Заготавливали листья ивы, ягоды, сарану, осоку, дикий щавель, которые служили приправой к мясу. Летом в пищу могли употреблять водоросли, смешанные с жиром, моллюски. Сахар, соль, хлеб, мука и даже чай были продуктами привозными, особенно мало их было в глубине тундры. Мясо и жир морских животных могли обмениваться на оленину. Особой популярностью пользовалось блюдо под названием «толкуша», приготовленное из протертого оленьего или тюленьего мяса с примесью ягод или корней. Из ягод голубики делали опьяняющий напиток, приготовленный особым образом; грибы мухоморы употреблялись в качестве стимулирующего нервную систему средства.

Для жителей Дальнего Востока и Приамурья (ороки, орочи, удэгейцы, ульчи, нанайцы, нивхи), преимущественно оседлых рыболовов и охотников, характерны длительные экономические связи с Китаем. Именно оттуда получили распространение рис, просо, спрессованный в плитки

На с. 416

Пожилая женщина в национальной одежде, курящая трубку Удэгейцы. Восточная Сибирь, Хабаровский окр. Начало XX в. РЭМ 4907-25

В ушах женщины — традиционные серьги, на косы надета обмотка из цветных шнурков.

Женщина у домашнего очага Якуты. Восточная Сибирь, Якутская обл. Начало XX в. РЭМ 1085-33

Очаг — камелек (осох) устанавливали справа от входа в жилище. На камельке готовили пищу, использовали для отопления помещения, особенно в зимнее время.

Женщины
за приготовлением
пищи
Якуты.
Восточная Сибирь,
Якутская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2451-1

чай — продукты, разнообразившие мясную и рыбную пищу.

По мере продвижения на юг тундра сменяется тайгой. Основу рациона населяющих таежные просторы Восточной Сибири охотников и оленеводов (эвенки, эвены, отдельные группы якутов) также составляла мясная пища, которая по сезонам чередовалась с рыбной и растительной. Весной питались главным образом вареным или прожаренным мясом парнокопытных и медведей, в меньшей степени — дичью; в начале лета к ним добавлялась жареная или вареная рыба. Осенью главенствующую роль занимала боровая дичь, которую зимой сменяло высушенное впрок мясо или рыба. Могли запастись сушеную черемуху в порошке. Мясо ели, запивая бульоном, в который при варке иногда добавляли кровь: так получался белый густой суп эвенков — нимин. Пили кипяченую горячую воду, чай. В качестве питья использовалось и оленье молоко (эвенки). В пищу не употребляли мясо собак и пушных животных. Еще до прихода русских эвенки использовали зерно и муку, но только для приготовления похлебки или обжарки с жиром. Выпекать хлеб местные жители научились у русского населения.

Главенствующую роль в рационе рыболовов и охотников Западной Сибири (ханты, манси, селькупы, кеты) занимали различные рыбные блюда. Рыбу ели сырой, вареной, вяленой, мороженой. В котлах вытапливали рыбий жир, который смешивали с толчеными ягодами черемухи. В рыбьем жире проваривали истолченную сухую рыбу, получая так называемую «варку». Ее брали с собой на охоту и в дорогу. Также в пищу употребляли оленье и лосиное мясо, хлеб, различные ягоды. За пределами Западной Сибири широко известны пельмени, именуемые в народе «медвежье ухо» — тесто, начиненное мясом и сваренное в бульоне. Грибы традиционно в пищу не употребляли. Деликатесным блюдом считалась рыба икра, вываренная в рыбьем жире. Любимым напитком был крепко заваренный чай, весной собирали березовый сок.

Степи и лесостепи Южной Сибири населяют тюрко- и монголо-язычные народы, традиционно ведущие кочевой или полукочевой образ жизни, дополняемый в ряде районов охотой. Важная роль в их рационе наравне с мясной пищей отводится молоку и молочным продуктам. Большинство народов Южной Сибири не пили сырое молоко, в пищу употреблялись кисломолочные продукты. Широко известен чегень алтайцев (айран у хакасов) — напиток из заквашенного коровьего молока. Для изготовления кумыса использовали молоко кобылиц, заквашивая его копченой копчиковой костью или жилой лошади, овцы или коровы. Арака — молочная водка, слегка кисловатая на вкус, является про-

дуктом перегонки чегеня. Следует отметить, что в силу биологических особенностей организма коренное население Сибири плохо усваивает продукты перегонки зерновых культур, в том числе и водку. После выкуривания (перегонки) араки, оставались творожистые остатки — сыворотка, которая также употреблялась в пищу. Из молока сбивали масло, пахту пили с добавлением талкана — муки из обжаренных ячменных зерен. Из молока умели делать творог и сыр. Значительную роль в рационе кочевников играла мясная пища, мясо домашнего скота или мясо диких животных, добытых во время охоты, — марала, козули и др. Существовало множество способов употребления и приготовления мясной пищи. Мясо варили без соли. В сыром виде могли есть печень и почки животных сразу после убоя. У народов Южной Сибири традиционно жестко регламентированы правила снятия шкуры, членения туши и дележа мяса. Также в рацион кочевников входила хлебная пища в виде похлебок или лепешек. Было широко распространено собирание корней пиона, черемши, различных видов диких луков и полевых чесночков, сараны и кандыка.

В подтаежных зонах собирали кедровый орех, который добавляли в различные блюда. Можно отметить бузы или позы — своего рода крупные пельмени или вареники, начиненные мясом и имеющие внутри небольшое количество бульона. Говоря об особенностях пищи народов Южной Сибири невозможно обойти вниманием чай, который пили подсолненным с добавлением молока.

Особый интерес исследователей вызывает праздничная и ритуальная пища. Среди блюд ритуальной кухни находят архаичные типы пищи, которая вышла из употребления в повседневной жизни. Иногда блюдо, первоначально имевшее ритуальное значение, со временем превращалось в повседневное. Контакты различных народов Сибири с русским населением привнесли в их рацион такие продукты, как соль, сахар, хлеб, водка. В рацион же русского населения добавились пельмени и другие не менее интересные и вкусные блюда.

УТВАРЬ

В обиходе народов Сибири и Дальнего Востока утварь была полифункциональная. Деревянные лотки и корытца для повседневного употребления мяса или рыбы были достаточно просты не только по форме, но и по декоративному оформлению. При приготовлении и употреблении жидкой пищи у многих народов Сибирского региона широко бытовали деревянные ложки, ковши, шумовки. Народы Северо-Востока — чукчи, эскимосы и коряки — пользовались во время еды ложками, сделанными из рога горного барана.

Унганасан для употребления мяса оленя использовался лоток из бивня мамонта.

В быту народов Южной Сибири, в том числе алтайцев, широкое распространение имели сосуды ташуур, в которых хранили кумыс и молочную водку араку. Легкие и прочные, совершенно непроницаемые для жидкостей, они были максимально приспособлены к кочевой жизни и бытовали у многих тюрко-монгольских народов с XIV по XX век, при этом форма, материал и техника изготовления сосудов оставались практически неизменными. Ташууры обычно шили из продыmlенной конской кожи и украшали тисненым традиционным узором. У алтайцев изготовлением сосудов занимались мужчины, а их декорированием — женщины. Для размягчения грубой, толстой кожи сосуд наполняли горячей золой, после чего заостренной деревянной палочкой наносили узор.

У обских угров, хантов и манси были широко распространены сосуды чуманы, сделанные из необработанной бересты. Они использовались в качестве тарелок, чашек, ковшиков, в них также хранили различные продукты: жир, ягоду, рыбу. Продолговатые больших размеров чуманы применяли для чистки рыбы, мытья и стирки.

У манси был известен под названием сан низкий плоскодонный предмет, который делали из одного прямоугольного или квадратного куска бересты белым слоем наружу. Стенки таких сосудов дополнительно укрепляли черемуховым обручем, который, совместив с кромкой сосуда, обшивали саргой или сухожильными нитками.

Вся кумысная посуда и утварь у якутов была связана с ритуалами проведения праздника Ысыах и обрядовым песнопением. Особое место занимал чорон в виде кубка, состоящий из трех частей: раструба, тулова и подножки. Геометрически стилизованные растительные, зооморфные и антропоморфные орнаментальные мотивы на чороне выражали космогонические и анимистические представления, а также своеобразные тотемы, знаки и символы рода. Кумысный чорон по своим художественным качествам относится к числу уникальных произведений народного прикладного искусства якутов. Соразмерностью конструктивного строя, выразительной ритмикой орнаментального декора чорон соответствует сложному образному восприятию, связанному со многими важными понятиями духовной жизни народа, такими как мифологические представления о мироздании и поэзия обрядового фольклора якутов.

С XVII века в период массового освоения русскими Сибири и Дальнего Востока широкое распространение у населения получили металлическая утварь промышленного производства (котлы, кастрюли, чайники, ложки), фарфоровая и фаянсовая посуда для питья чая.

Ташуур – сосуд для кумыса или араки Алтайцы. Западная Сибирь, Томская губ. Начало XX в. РЭМ 598-39

Алтайцы изготавливали ташууры различных размеров. Маленькие сосуды обычно носили за пазухой, большие подвешивали во время поезда к седлу.

Чуманы – берестяные сосуды Манси. Западная Сибирь, Тобольская губ. Начало XX в. РЭМ 1710-150, 165, 171

Очень часто чуманы украшали орнаментом, нанесенным в технике выскабливания на стенки и дно изнутри, реже – на наружные стороны стенок. Трафаретов для выполнения рисунков не применяли. Декор был сложный: композиции из геометрических и криволинейных орнаментов ритмично чередовались. Центром композиции являлся главный узор, геометрический или криволинейный, изображающий «оленьи рога», «крылья большой чайки», «лисий локоть», «крест» и т.д.

Чорон – ритуальный кубок Якуты. Восточная Сибирь, Якутская обл. Начало XX в. РЭМ 1137-21

Округлое тулово кубков-чоронов украшали тонким резным орнаментом. По традиции чороны использовались в качестве посуды для питья кумыса на различных семейных и общественных праздниках якутов. При этом ножки кубков обвязывались пучками конского волоса.

Большая семья
в традиционной
одежде
Нанайцы.
Дальневосточный
край,
Николаевский окр.
Фотография 1920-х гг.
РЭМ 4700-38

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

В социальном устройстве коренных народов Сибири в XIX — начале XX века сохранилось много архаичных черт. Низкая плотность и численность населения, малая интенсивность контактов, отсутствие разделения труда (кроме разделения труда по полу и возрасту) приводили к тому, что общественные связи сводились главным образом к родственным. К эпохе включения в состав Российского государства народы Сибири миновали многие этапы общественного развития, в частности, и стадию материнского рода. Особенно ярко пережитки материнского рода прослеживаются в общественном устройстве таких народов, как юкагиры, нганасаны, энцы. Отцовский род характерен для эпохи разложения родового строя. Генеалогический род — патрилинейное экзогамное подразделение, самосознание членов которого базировалось на представлениях о едином предке и едином родовом божестве. Наиболее характерный пример развитых патриархальных отношений дают эвены и эвенки. Значительные изменения архаические общественные институты народов Сибири претерпели с приходом русских. С этого

времени происходит усиление хозяйственной самостоятельности отдельных семей, развитие частной собственности на средства производства, в связи с чем ускоряется процесс замены кровно-родственных отношений территориальными. У большинства малых народов Севера родовую общину в XIX — начале XX века сменила соседская община с господством индивидуального хозяйства отдельных семей. Отечественные исследователи выделили четыре типа соседских общин, характерных для охотников тайги, лесотундры и тундры, для оседлых рыбаков, для оленеводов тундры и морских зверобоев. Функции общин заключались в регулировании хозяйственных и брачных отношений, в осуществлении самоуправления и коллективной самозащиты, в обеспечении воспроизводства традиционных обрядов. Форма собственности на кочевья, охотничьи и рыболовные угодья была, чаще всего, общественной, а на средства производства индивидуальной. В XIX — начале XX века у многих народов Сибири сохранялись коллективные формы промысла (добыча диких оленей, лисных гусей). У некоторых групп коряков, береговых чукчей и азиатских эскимосов существовали особые коллективы — «байдарные артели», где на период морского зверобойного промысла объединялись орудия труда и рабочая сила. Формировались такие коллективы

на основе родственного принципа, а жизнь в них регламентировалась нормами обычного права. На некоторые виды добычи существовало уравнительное распределение. Например, добытый кит становился достоянием всех жителей поселка. У эвенов и эвенков также были сильны формы коллективного распределения, взаимопомощи и гостеприимства. Для данных этносов был характерен обычай нимат, обязывающий одаривать частью своей добычи престарелых членов рода.

Среди народов Южной Сибири по социальному устройству к малочисленным народам Сибирского региона близки тофалары, несмотря на то, что они испытали влияние соседей — тувинцев, монголов, входивших в феодальные государства. У них сочетались древние социальные институты с институтами классового общества. Патриархально-родовые отношения у хантов, манси, ненцев и селькупов выступали в виде фратриальных. Кроме того, к моменту прихода русских на территорию Западной Сибири у обских угров прослеживались отчетливые черты феодального уклада. Общественная структура тюрко-мнгольских народов Сибири была иерархически сложной, восходящей к традициям древних государственных объединений кочевых обществ.

СЕМЬЯ

На рубеже XIX—XX веков у большинства народов Сибири была распространена малая семья, состоящая из родителей и детей. Иногда семья насчитывала три поколения: обязанностью младшего сына была опека над престарелыми родителями. Большие отцовские семьи (30—40 человек) можно было наблюдать еще в середине XIX века у кетов. Для юкагиров была характерна так называемая «составная семья», состоящая из 30—60 человек.

У большинства народов Сибири была распространена родовая и фратриальная экзогамия и патрилокальность (тюрки, буряты, тунгусы, самодийцы, угры, кеты). Это обуславливало знание своей генеалогии как минимум до седьмого колена (буряты). Якуты старались брать невесту не только из другого рода, но и издалека. Эти требования постепенно смягчались, например, у западных тувинцев в начале XX века браки были запрещены лишь в пределах трех поколений по отцовской линии, у шорцев были допустимы браки внутри рода, но между членами разных фамилий. Для обских угров и кетов были характерны дуально-экзогамные браки, они заключались между представителями разных фратрий. У нганасан экзогамия была билинейная. Запреты жениться на девушках из рода отца и матери определяли добрачное поведение моло-

Семья эвенов
1904–1908.
Восточная Сибирь,
Енисейская губ.
Из собрания РЭМ

Мужчина с двумя женами и ребенком
Удэгейцы.
Дальневосточный
край, Приморская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4907-41

Состоятельные мужчины могли иметь несколько жен, если у них была материальная база для их содержания. На сердечную склонность жениха и невесты друг к другу никакого внимания не обращали. Родители заранее присматривали себе будущих родственников и заключали с ними договор. Отец невесты всегда стремился получить большой калым и приобрести богатую родню. О соответствии возраста вступающих в брак также не очень заботились: встречались браки, где невеста могла быть на 20–25 лет старше жениха и наоборот. В случаях, когда жена была старше мужа, она нередко приветствовала приобретение им второй жены, так как это облегчало ей выполнение повседневных домашних обязанностей.

дых людей; вне этих ограничений добрачное половое общение допускалось. Эвенки и эвены брали в жены девушек из рода матери. У народов Нижнего Амура и Сахалина была предпочтительна женитьба на дочери брата матери; дяди на племяннице — дочери сестры. У удэгейцев была распространена двусторонняя кросс-кузенная система брака (брак с дочерью брата матери и с дочерью сестры отца). Каждая мать старалась иметь невестку из своего рода.

Для народов Крайнего Северо-Востока, шорцев была характерна матриликальность или ее пережитки. Для юкагиров до прихода тунгусов на территорию северо-восточной Якутии была характерна матрилинейность. Жили они материнско-родовыми общинами, счет родства велся по женской линии. Половое общение разрешалось в обеих линиях родства, исключая самых близких родственников. У чукчей в конце XIX — начале XX века встречались браки, заключенные по обычаю левирата и сорората, а также пережитки группового брака. Но в основном брак был индивидуальный. Обычно у народов Сибири браки были моногамные, но для зажиточных членов общества не возбранялся полигамный брак.

Господствующей формой брака был брак по сватовству, путем уплаты калыма. У тувинцев, бурят, якутов, хакасов и алтайцев жених представлял родителям невесты до нескольких табунов лошадей (табун состоял из жеребца и 20—30 кобылиц) помимо других видов скота;

у обских угров — от 3—5 до 100—150 оленей; у ненцев — от 10 до 200 оленей. Невеста должна была иметь приданое, включавшее определенный набор предметов: украшения, одежду, постельные принадлежности, предметы интерьера, утварь, конское снаряжение, культовые предметы, семейные охранители (буряты, якуты, алтайцы).

Стоимость калыма и приданого иногда совпадала (тюрки, монголы). У тунгусов калым по стоимости обычно значительно превосходил приданое. Сватовство у нганасан носило достаточно формальный характер, но могло быть отклонено матерью или старшей сестрой матери невесты. Выкуп за невесту носил престижный характер и состоял из предметов, не имевших практической ценности: украшений, шкур волков; у кетов он составлял 150—750 беличьих шкурок. У народов Нижнего Амура в калым обычно входили халаты и шубы, крытые шелком, меха, украшения, деньги, причем у нанайцев стоимость приданого превышала стоимость калыма. У обских угров брачные отношения между девушкой и парнем нередко устанавливались задолго до свадьбы, но в доме мужа невеста обычно поселялась только после уплаты калыма. Выбор невесты у тунгусов облегчала свобода добрачных половых отношений. Часто свадьбу играли только после рождения ребенка. Достаточно распространен у народов Сибири был брак похищением с последующей уплатой калыма и примирением родов (алтайцы, обские угры). У тунгусов же при браке похищением калым не выплачивали, и нормальные отношения между тестем и зятем исключались. Нивхи прибегали к браку похищением в случае, если род, из которого обычно брали жен, вымирал или в случае отсутствия средств на уплату калыма. Существовал также обычай взаимного брака — сына сестры и дочери брата. Брак отработкой был характерен для народов Крайнего Северо-Востока Сибири, отдельных групп алтайцев, тувинцев, эвенков. У чукчей это называлось «пастушество за жену» и продолжалось 2—3 года. У эвенков, юкагиров и народов Амура заключались и обменные браки. У юкагиров традиционным являлся гостевой брак.

У тюрко-монгольских народов вопрос о браке обычно решался родителями. Обычным возрастом для вступления в брак у народов Сибири было 15—16 лет для девушки, 18—20 лет для юноши. Но бывало, что просватывали малолетних или даже еще не родившихся детей. Практиковались и ранние браки, а также браки с большой разницей в возрасте будущих супругов. У кетов, например, невеста была чаще старше жениха, так как родители старались как можно дольше использовать ее труд в своем хозяйстве. Брачный возраст юноши у нганасан начинался после добычи им первого дикого оленя. После

этого ему нашивали новый орнамент на одежду. В эвенкийской семье у 48-летнего мужчины могло быть несколько жен от 60 до 20 лет. Брак у народов Амура имел в первую очередь экономическую основу. О сердечной склонности и соответствии возраста жениха и невесты не заботились, встречались браки, где невеста могла быть намного старше жениха и наоборот.

Большое количество детей всегда приветствовалось. Чем больше детей, тем богаче считала себя семья. Если не было своих, детей брали на воспитание у родственников. Это так и называли — «брать в дети», — характерный момент для традиционной культуры многих народов Сибири. Буряты говорили: «Ребенок одним годом младше Бурхана (Бога) и одним годом старше царя». В дацане у каждого буряты был сын или родственник, которого отдали туда учиться в 6—7 лет. Воспитание детей было строго дифференцировано: девочек приучали к обращению с иглой, приобщали к воспитанию младших братьев и сестер, мальчиков — к охоте, рыболовству, верховой езде, ходьбе на лыжах. У эвенов и эвенков, например, каждому мальчику делали в 5 лет свои нож, лук, стрелы, лыжи, нарты, с 6—7 лет брали на охоту, подростки в 9—11 лет могли уже охотиться самостоятельно. С трех лет ребенка обучали ездить на верховом олене, а в 7 лет устраивали соревнования верховой езды.

Считалось, что какое-то время вдова имеет контакт с умершим мужем. В случае смерти супруга вдова, как правило, оставалась в роду мужа и могла быть выдана замуж за кого-то из его младших братьев. У многих народов Сибири практиковали левират и сорорат. Вступление в новый брак у хантов и манси после смерти одного из супругов регламентировался сроком в один год, детей после смерти родителей — через два года. После смерти супруга у хакасов женщине делали вдовью прическу.

Формы семьи и брака, основные черты семейной обрядности, внутрисемейные этические нормы сложились у народов Сибири в глубокой древности, но невозможно не упомянуть о влиянии христианизации, буддизма на восточных бурят и часть тувинцев, ислама на сибирских татар. Например, у восточных бурят перед сватовством шли к ламе, который определял возможность брака по соответствию годов рождения юноши и девушки. Запрещалось вступать в брак в год своего животного, так как полагали, что в этот период человек особенно ослаблен. У сибирских татар молодые не присутствовали на «никахе» — обряде бракосочетания, их заменяли отцы или специальные представители, которые по указанию муллы должны были получить у жениха и невесты подтверждение согласия на брак.

Дети
Эвенки.
Восточная Сибирь,
Енисейская губ.
Фотография 1908–
1909 гг.
РЭМ 5659-78

До того момента как ребенок начинал ходить, он находился в люльке. Колыбель для ребенка делал отец, и она служила всем детям, которые рождались в семье. Во время перекочевков эвенки, которые использовали оленя как верховое и вьючное животное, крепили колыбель с ребенком к оленьему седлу.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

У тюрко-монгольских народов мужчине, благодаря его решающей роли в хозяйственной деятельности, принадлежала власть в патриархальной семье и «голос» в обществе. Родовая экзогамия диктовала целый кодекс этических норм. Женщине было запрещено называть по имени мужа и его старших родственников, показываться им без безрукавки (у алтайцев чегедек, у хакасов сегедек и т.д. — принадлежность костюма замужней женщины) и головного убора, присутствовать при жертвоприношении верховному божеству, прикасаться к охотничьему снаряжению. Однако внутри семьи авторитет женщины был достаточно высок, тем более что каждая замужняя женщина вела свое отдельное хозяйство. С рождением детей женщина приобретала более высокий социальный статус советчицы в вопросах хозяйства, социальных норм. У хакасов женщина, родившая 9 сыновей, даже имела право садиться на священного коня — ызыха. На женщине у народов Сибири лежали все домашние работы: установка, разборка и содержание переносного жилища, изготовление покрышек, рубка жердей для чума и дров, уход за животными, приготовление пищи и заготовка ее впрок, изготовление кожаной утвари, выделка шкур, шитье одежды и обуви. Кочевой промысловый быт предполагал большую самостоятельность и активность женщин в хозяйственных делах и даже охотничьем про-

На с. 427

Медвежий праздник
Манси. Западная Сибирь,
Тобольская губ.,
Березовский у.
Фотография 1909–1910 гг.
РЭМ 1705-104

Во время праздника
голову или шкуру
медведя манси и ханты
укладывали на почетное
место. Один
из участников праздника
в маске и костюме
исполнял перед шкурой
медведя ритуальный
танец, другой играл
на музыкальном
инструменте (цитре)
посвященные медведю
песни.

Девочка возле нарты
с оленями
Ненцы.
Тюменская обл.,
Ямало-Ненецкий
автономный окр.,
Пурувский р-он.
Фотография XX в.
РЭМ 10338-110

Детей с раннего
возраста приучали
к труду и уже к семи
годам как мальчики,
так и девочки могли
самостоятельно править
оленьей упряжкой.

мысле. Молодые женщины и девушки у эвенков, помимо домашних работ, промышляли пушного зверя, иногда даже охотились на медведей, лосей и оленей. Пушной охотой некоторые женщины занимались до глубокой старости. Встречались охотницы в возрасте 70—80 и даже 100 лет. В нганасанском обществе мнение женщин имело большой вес. Обычай избегания соблюдался не невесткой, а зятем. Он не мог прямо обращаться к тестю и теще. Те, в свою очередь, обращались к нему только иносказательно. Внутрисемейная этика юкагиров предписывала целый ряд запретов на разговоры между определенными категориями родственников (тесть и теща с зятем, свекровь и свекор с невесткой, мужчина — с мужем младшей сестры, с женой младшего брата, старшим братом жены и т.д.). Этот обычай назывался «взаимно стесняться». Женщина являлась центральной фигурой юкагирской семьи, плохого мужа наказывал родовой староста. В круг обязанностей мужчины входило добывание пищи, а распределяла добычу жена. На долю же охотника доставалась слава только в той мере, в какой ее определяли женщины.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

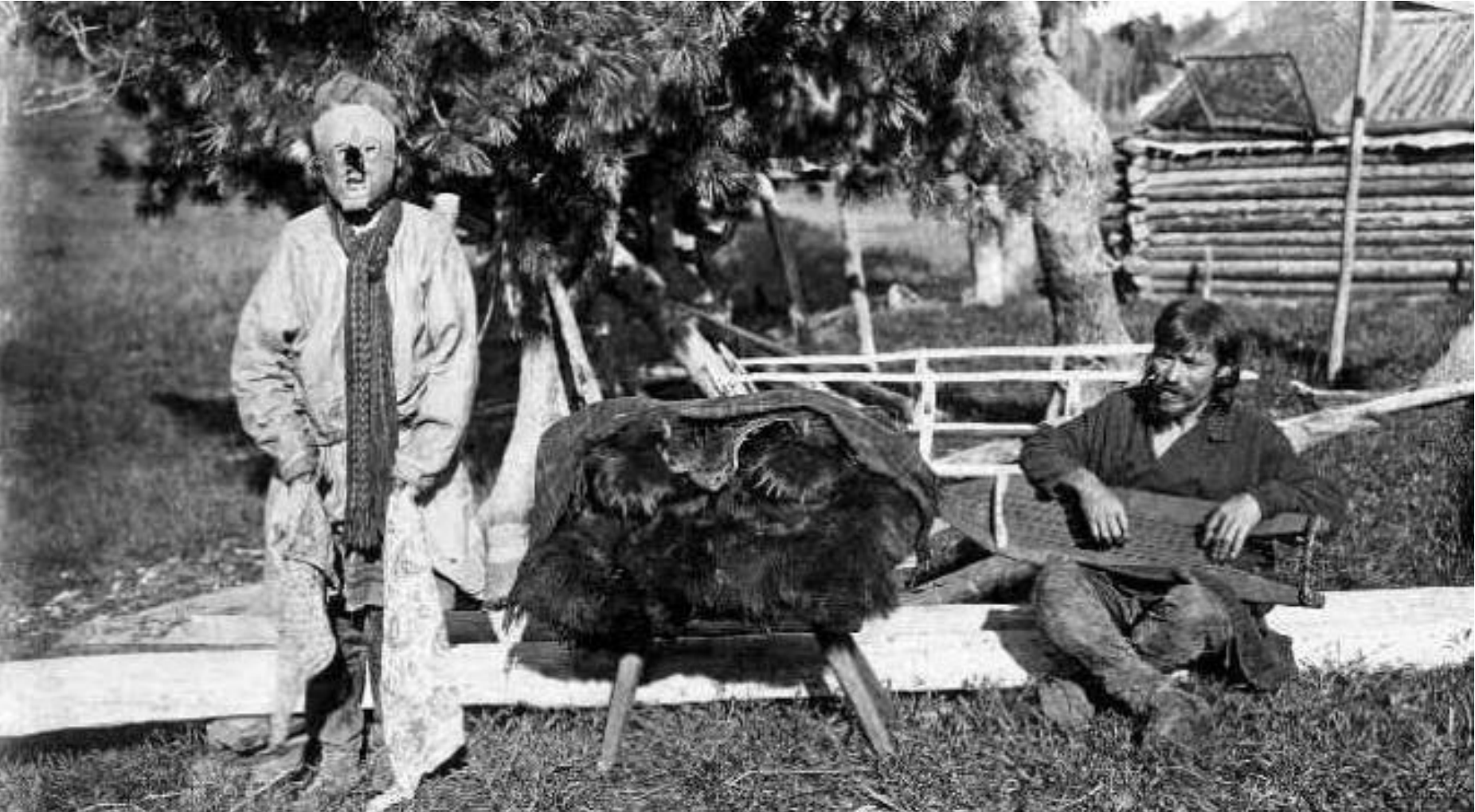
В основе религиозных представлений народов Сибири лежит вера в духов природы, которые принимали участие в жизни людей, в промысле. У нганасан и юкагиров сохранились древние верования о матерях природы — матери солнца, матери земли, матери травы,

матери оленей. Большинство народов Сибири верили в духов-хозяев природы, населяющих средний мир вселенной — горы, леса, реки, моря, огонь. Считалось также, что каждый вид животных имеет своего хозяина — дух-хозяин лося, дух-хозяин медведя, дух-хозяин тигра. Народы Сибири верили, что от расположения духов-хозяев стихий и животных зависит благополучие в жизни, удача в промысле.

Промысловые обряды, нацеленные на возрождение животных и обеспечение удачной охоты, были повсеместно распространены у народов Сибири. Многие народы с этой целью проводили особые праздники в честь животных — лося, медведя, кита, моржа, тюленя. У всех народов Сибири был известен обычай сохранения частей животных — кончиков носа, ушей, губ, глаз, костяка, черепа — и их магического возрождения в других особях. Нивхи, например, все кости промысловых зверей, добытых осенью и зимой, собирали и хранили до весны, а затем охотники уносили их в лес и оставляли в дуплистых деревьях. Юкагиры бросали кости и чешую рыб назад в реку в уверенности, что они оживут. Во время охоты выполняли магические запреты, связанные с верой в то, что звери понимали человеческую речь и могли отомстить.

Магические обряды с целью умножения животных составляют важную часть праздника медведя, лося, кита и других животных.

У народов Северо-Востока Азии — чукчей, коряков и эскимосов — важную роль в жизни общества занимают праздники благодарения, связанные с представлениями о возрождении зверя и с промысловым культом — обращением к духам-хозяевам животных, посылающим зве-

рей. Главный годовой праздник благодарения чукчи проводят осенью. В течение года к празднику сохраняют головы убитых животных — моржей, тюленей, нерп, дикого оленя, зайца. Их кладут на землю в центре яранги или подвешивают над дымовым отверстием, рядом ставят жирники — лампы из вулканического камня. Жертву приносят к яранге младшие члены семьи, которые разбрасывают мясо и кровяную похлебку всем направлениям четырех сторон света. В это время участники праздника веселятся, женщины танцуют под звуки бубнов, поют личные импровизированные песни. Затем варят головы, и начинается пиршество.

Похожий праздник проводят и летом. В конце летнего праздника все участники совершают очистительный обряд, стряхивают все болезни и несчастья с себя над огнем большой лампы. Кости и крошки пищи бросают в море, как бы возвращая ему взятых зверей.

Осенний праздник приморских чукчей и эскимосов устраивается в честь хозяина моря. У эскимосов — в честь хозяйки природы — Большой женщины, прародительницы-моржихи. На этом празднике, обращаясь к духу-хозяину стихии моря, стремятся возродить убитых животных.

Эвенки и эвены, охотники-оленоводы горной тайги, совершают специальные промысловые обряды с целью обеспечить охотничью удачу. Во время этих обрядов они разыгрывают имитацию будущей охоты — ритуальную стрельбу в макет лося из дерева и еловых веток, а также приноше-

ние жертвы огню и духам природы — неба, леса, земли. Во время главного весеннего годового праздника мужчины совершают магические танцы для привлечения промысловой добычи. У некоторых эвенков известен другой промысловый обряд. К березе подвешивают полоски ткани и стреляют из лука в ее вершину с просьбой матери зверей послать зверя.

Культ Медведя, выражающийся в особом отношении к нему — почитании и поклонении, был наиболее широко распространен в Сибири. Считалось, что медведь раньше был человеком — предком особого небесного (ханты) или горного (нивхи) происхождения — и покровительствовал охотникам. Ульчи, кеты, эвенки, ханты, ненцы называли его иносказательно «дедушка», «лесной старик», «когтистый». Медведя считали родственником, но его боялись, так как он был хищником и хозяином зверей и за плохое отношение мог отомстить человеку. Кроме того, полагали, что он понимает человеческую речь. Поэтому совершали умиловительные обряды в честь хозяина медведей и тайги.

В основе культа медведя и устраиваемого в честь него праздника лежит медвежий миф. В нем медведь предстает как родственник, предок, культурный герой, божественный первопредок.

Ковш для медвежьего праздника Нивхи. Восточная Сибирь, о. Сахалин. Фотография начала XX в. РЭМ 6939-124

Особенностью таких ковшей было то, что они представляли собой записи (хронику) событий во время охоты на медведя, выполнявшиеся при помощи графических знаков и рельефной резьбы. Количество животных, изображенных на ручках подобных ковшей, всегда соответствовало числу пойманных или убитых на охоте медведей. Если медведь или медвежонок были добыты на охоте, то на лопаточке изображалась рельефная фигура медведя, лежащая в распластанном виде; если же медведь был убит в тайге зимой, то на ручке ковша вырезалась голова медведя с туловищем в виде завитка, символизировавшего содранную, но не отделенную от головы шкуру медведя.

Согласно медвежьему мифу нивхов, горный человек — дух-хозяин тайги в образе огромного медведя — похитил женщину и стал жить с ней в браке. Превратившись в медведицу — горную женщину, — она рождает медвежонка, которого ловят для медвежьего праздника. В мифе манси медведь Кота раньше жил на небе и считался сыном Луны, либо он был сыном верховного бога Неба — Нуми Торума, который тоже обладал медвежьим обликом.

Культ медведя у ряда народов Сибири — эвенков, кетов, селькупов, хантов, манси — был связан с ритуалом охоты на медведя, который сопровождался обрядовыми действиями, нацеленными на принятие медведя человеческим коллективом и стиранием различий между ними. Во время ритуала члены сообщества совершали совместную трапезу мяса божественного зверя-предка и затем проводили ритуальное захоронение костей животного с целью его последующего возрождения.

Медвежьи игрища обычно длились несколько дней: у ульчей — 15 дней, у эвенков — 3—4 дня, у хантов — 4—5 ночей с перерывами. Эвенки и кеты днем исполняли специальный охотничий танец, подражающий движениям медведя. Участники охоты мазали себе лица сажей и кричали по-вороньи. Цель охотничьих плясок — магическое привлечение промысловой удачи. В полночь устраивали тихое пиршество — ели мясо и расходились. Вечером медвежьей голову укладывали на почетное место на бересту, гребнем расчесывали шерсть и привязывали к ушам сережки из кедровой хвои, на голову клали цветную ленту.

Манси мясо варили, а шкуру и голову с лапами укладывали на почетное место и угощали медведя-гостя. Все участники здоровались с медведем, целовали его нос и лапы. Голову медведицы украшали бусами. Перед ней ставили жертвенную пищу и сделанные из теста фигурки жертвенных животных. В последнюю ночь праздника для мужчин отрезали мясо с головы, лап, сердца, а женщинам доставалась задняя часть. Остальное мясо съедалось раньше во время торжества. Мужчины пытались счастье — пробовали проглотить глаза медведя, не задев их зубами. Наиболее уважаемый мужчина перед началом трапезы бросал первый кусок в огонь и приговаривал: «Пошли такого же». Самая старая женщина бросала в огонь кусок мяса с нижней челюсти со словами: «Зверя пошли». Негидальцы голову медведя трижды обносили вокруг присутствующих — этот обряд должен был обеспечить удачу на охоте. Кульминацией медвежьего праздника после ритуального пиршества мяса медведя являлись обряды ритуального захоронения костей и черепа медведя.

Наряду с обрядами ритуального захоронения, нацеленными на возрождение зверя, в медвежьем празднике имелись и специальные ритуалы, связанные с магическим обрядом, направленным на обеспечение плодovitости. Это танцы, песни, пантомимы, в том числе и эротического характера, особое отношение к половым органам предка-медведя (борьба с телом медведя). В последнюю ночь медвежьего ритуала у хантов и манси поется медвежий миф, разыгрываются сценки встречи с верховными богами Калтащ, Мир-сусне-хум. Одеждой участникам служила вывернутая наизнанку обыденная одежда, а на лица надевали берестяные маски. После жертвоприношения голову медведя уносили на священное место, туда же помещали атрибуты и маски праздника.

У некоторых народов Сибири медвежий праздник, наряду с древней охотничьей формой ритуала, был связан с культом предков (нивхи, ульчи), либо включал элементы скотоводческих праздников плодородия (ханты, манси) и относился к календарным обрядам.

У хантов и манси в честь медведя — предка одной из фратрий Пор — устраивались медвежьи игрища, которые проводили ежегодно зимой в течение 7 лет с последующим перерывом на 7 лет. Игры начинались в конце декабря и заканчивались в весеннее равноденствие. Первые 4 дня отводились песням, сказаниям о медведе и танцам родовых предков. Песню-сказание о происхождении людей фратрии Пор исполняли трое ряженных в берестяных масках. После пения и плясок разыгрывали несколько интермедий: появлялись люди-богатыри с мечами, затем тотемные предки людей в образах зверей и птиц (лисица, петух, лось, филин, ястреб, лягушка). Они танцевали, пели, исполняли ритуальные пляски с целью умножения животных; иногда эти охотничьи пляски, изображавшие разных зверей, заменялись медвежьими плясками. В конце игрищ приходили лесные духи за жертвами, они забирали культовые вещи в священный амбарчик.

Оленеводческие обряды совершали для того, чтобы обеспечить здоровье оленей и умножение их приплода. Чукчи и коряки совершали оленеводческие праздники в течение года. Они были приурочены к определенным событиям: жертвоприношению духам четырех сторон света, присоединению стада оленей к дому после летнего отделения, началу совместной кочевки, осеннему забою оленей для одежды, связанному с установкой постоянного зимнего жилища, зимнему забою оленей. Семейные охранители, головы и шкуры убитых оленей смазывали жиром и костным мозгом этого животного, после чего проводили обряд мазания кровью сначала людей, затем нарт. Во время обществен-

ных праздников молодежь устраивала соревнование по бегу, проводился обряд благодарения духов.

Весной отмечался особый праздник рогов, для которого собирали сброшенные оленями рога. Их складывали в большую кучу, рядом укладывали приборы для добывания ритуального огня, на рога и сучья вешали связки семейных охранителей, которых мазали костным мозгом домашнего оленя. Глава семьи совершал жертвоприношение всем направлениям. Куски сучьев, которыми прикрывались рога, присоединялись к связке семейных охранителей.

У эвенков целью оленеводческих обрядов нередко было обеспечение приплода и здоровья стада, а также здоровья членов семьи. Оленя посвящали хозяину верхнего мира, от которого магическая сила плодородия переходила в посвященного оленя — сэвэк — белой масти. Такой олень считался священным и предназначался только для этой цели. Для жертвы убивали домашнего оленя обычной масти. У долган и нганасан белого оленя посвящали в честь духа солнца.

Народам Сибири известны разные формы родового, семейно-родового и семейного культа. Родовой культ имел общественную форму поклонения. Ритуалы проводились 1—2 раза в год, чаще всего весной или осенью. Они были приурочены к календарным периодам, но имели промысловый характер. У ряда народов исполнителями родовых молений и жертвоприношений были местные жрецы либо шаманы.

У ненцев центром родового культа служили священные места хэдибя я, хэхэ я, где находились камни причудливой формы, священное дерево, деревянные изображения идолов, покровителей рода и помогавших на промысле. Наиболее крупные священные места, почитавшиеся всеми ненцами, находились на острове Вайгач и на полуостровах Канин и Ямал. Более мелкие были разбросаны по всей тайге и носили или родовой, или семейный характер.

Родовые места кетов посвящались хозяйке места и водоемов, бывшей шаманке, и ее сыновьям. В честь них устанавливали многоголовые скульптуры, более 50 штук на одном священном месте. Ежегодно приносили жертвы и проводили общеродовые моления.

С родовыми покровителями алтайцы связывали почитание священных родовых гор и промысловый культ.

Ежегодно осенью каждый нанайский род устраивал торжественное моление в честь своих покровителей. Ритуал посвящали культу Неба и предкам. На них съезжались сородичи из разных селений. Руководил молениями старший в роде шаман, главная часть церемонии состояла

в принесении жертвы свиньи, мясо которой съедали все участники моления, кроме женщин.

Семейный культ носил более локальный местный характер и был нацелен на сохранение и передачу традиций внутри одной семьи, как правило, по женской линии родства и был связан с почитанием душ умерших предков.

Сильное развитие семейно-родовой культ получил у обских угров — хантов и манси. На священных местах в специальных культовых амбарах сумьях хранились изображения духов-покровителей пубы. В комплекс семейных духов-покровителей у манси входили духи различного происхождения: верховные боги — покровители, тотемные предки, изображения умерших, предки-богатыри, предки-покровители селения, атрибуты медвежьего праздника. В честь семейных и родовых покровителей устраивали жертвоприношения оленей, развешивали в подарки одежду, платки, куски ткани с завязанными монетками в уголках.

Берестяные кузовки с детскими следами Ханты. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1706-145/2

У всех народов Сибири после рождения ребенка его след не выбрасывали. Так, например, ханты и манси помещали след новорожденного в специальный берестяной кузовок и подвешивали к ветке лиственницы, расположенной в определенном месте. Лиственница считалась у них «светлым» деревом. Эти обычаи были направлены на то, чтобы в данной семье и впредь рождались дети.

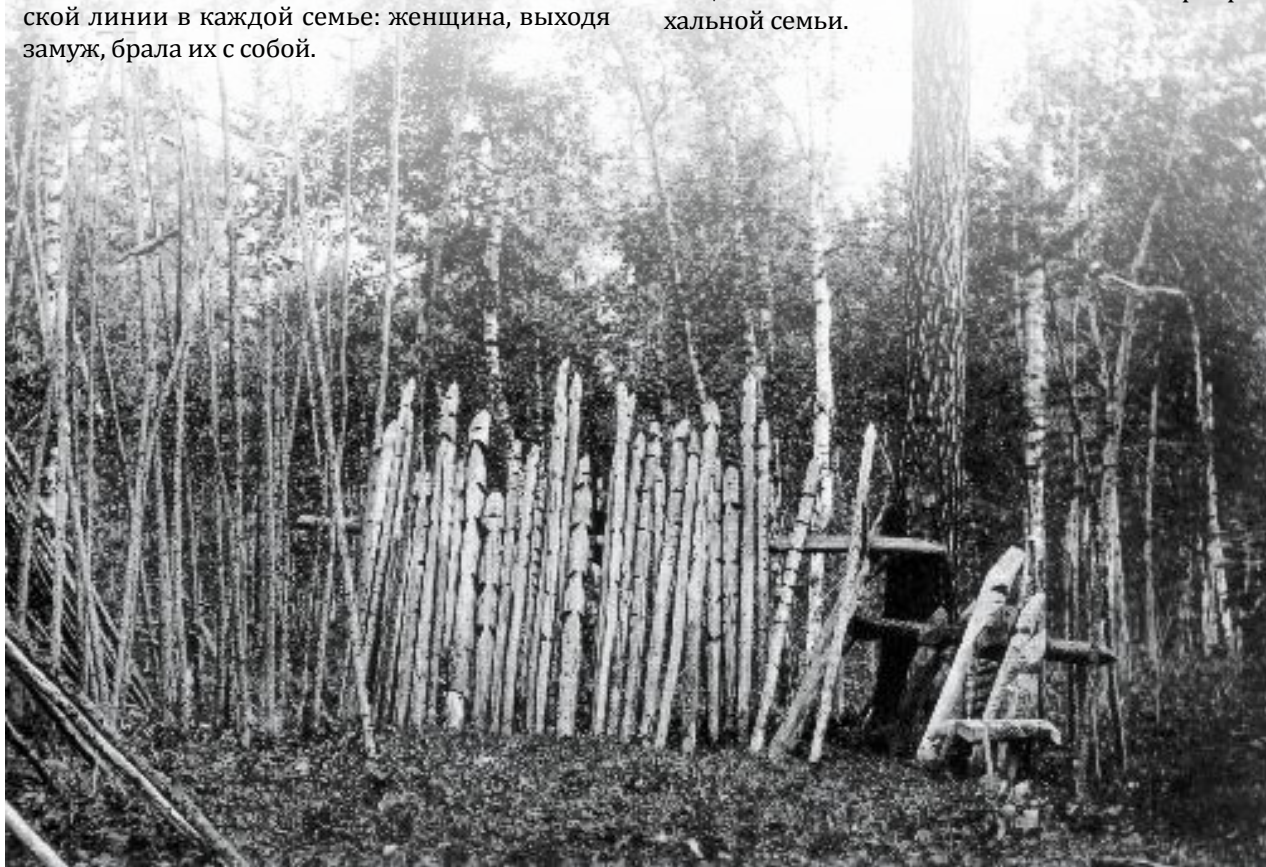
Шкура лошади, принесенной в жертву верховному божеству Алтайцы. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Фотография 1909–1910 гг. РЭМ 1705-106

У ненцев имелась большая категория домашних или семейных духов-покровителей. Их изображения мяд хэхэ — священные предметы — делали из дерева, редко из камня и одевали в сшитые из лоскутков ткани одежды. Женщины почитали также старуху чума, иногда ее называли «мать земли», помогающую в деторождении и от болезней. Родовыми покровителями у женщин считались изображения умершей шаманки по роду матери, использующиеся при родах и передающиеся из чума в чум.

У алтайцев особо почитались женские семейные покровители — эмэгэндэры. Их изображения в виде тряпочных кукол передавали по женской линии в каждой семье: женщина, выходя замуж, брала их с собой.

Родовое промысловое мольбище Кеты. Восточная Сибирь, Енисейская губ., р. Сургутиха. Начало XX в. РЭМ 305-39

На священном месте в районе р. Сургутихи находилось более 30 деревянных идолов, изображающих хозяйку места старуху Холай, ее сыновей в виде многоголовых фигур и зооморфных духов — охранителей мольбища. Посещая такое место во время родовых общественных молений, кеты и селькупы, забывая жертвенных оленей, просили у духов и предков промысловой удачи на следующий год.

Жертвоприношение лошади верховному божеству было характерно для народов Южной Сибири. Осенью и весной алтайцы, хакасы и тувинцы проводили общественные моления божеству Неба, на которых в жертву приносили лошадей белой масти. Снятую с жертвенной лошади шкуру с головой и копытами вешали на березу — символ мирового дерева.

Особое почитание огня и поклонение ему было известно всем народам Сибири. Многие народы верили, что в огне живут его духи-хозяева — старик и старуха с детьми, от которых зависело благополучие в доме и на промысле. Огонь считался посредником между миром людей и предков, духов вселенной, поэтому к нему обращались по разным вопросам, касающимся семьи, дома, хозяйственной деятельности.

Каждая семья, род имели свой огонь, который нельзя было смешивать с огнем другой семьи, рода. Хранителем очага и всех семейных святынь была старшая в доме женщина. Центральным объектом культа у чукчей и коряков был деревянный прибор для добывания огня трением (гыргыр — чукчи, гычгый — коряки). Прибор антропоморфного типа считался символическим хозяином части стада домашних оленей, принадлежавших одному из членов семьи. К нему привязывалась связка семейных охранителей с фигурками символических пастухов, амулеты-фетиши, предметы, относящиеся к домашним оленям, членам семьи и т.д. Повседневные приборы для добывания огня, вырезанные из дерева, не имели антропоморфных черт. Несколько приборов гыргыр (гычгый) с связками семейных охранителей и повседневные приборы являлись общей семейной святыней большой патриархальной семьи.

Домашний очаг нанайцев считался семейной святыней, ему перед каждой едой приносились жертвы: старший в семье бросал в огонь кусочки от каждого кушанья, лил воду. Огню приносили жертвы и на промысле. Считалось, что огонь обладает очистительной силой. К матери огня обращались перед отправлением на осеннюю охоту на промысле.

Наряду с семейно-родовым культом и культом огня, связанным с женским наследованием, у народов Сибири было распространено почитание мужских предков. Почитали отцов, дедов, прадедов. Особо чтити удачливых охотников, искусных мастеров, знаменитых шаманов, певцов. Иногда предки выступали в качестве личных охранителей, тогда их изображения вырезали из дерева, металла или кожи и носили как амулет-оберег.

Эскимосы и чукчи около яранг устанавливали изображения предков патриархальной общины в виде нижней челюсти кита или камень камак. Им приносили жертвы в виде рогов оленей. Обычно в одном поселке стояло несколько таких памятников. Более 200 лет стоят культовые памятники в виде камней в Уэлене, посвященные старику и старухе — предкам-основателям селения. Жертвы предкам приносили во время производственных праздников. Корякские жертвенные места в честь предков аппапиль считались также местом ухода шамана. В таких местах положена жертвенная пища, кости животных, орудия охоты, дротики, стрелы.

У эвенков родовые предки шамана мугды занимали важное место в составе семейно-родовых охранителей, входили в состав шаманских амулетов. Считалось, что мугды покровительствуют членам рода, семьи, помогают на

Хозяйка чума – покровительница семьи Ненцы. Западная Сибирь, Тобольская губ., Березовский у. Начало XX в. РЭМ 1712-244

Покровительницей женщин у ненцев считалась мяд пухуця (букв. «старуха» или «хозяйка дома»). Про нее говорили: «Без мяд пухуця дом – не дом». Передавалась по наследству от матери к дочери, одним из главных назначений было облегчать роды. Перед родами бабка-повитуха брала в руки фигурку «хозяйки дома», развязывала на ней одежду и описывала ею круг над роженицей. Во время родов женщина либо держала фигурку на животе, либо ее клали ей в изголовье. После удачных родов «домашней старухе» шили новую одежду и подвязывали новый пояс. Сколько было детей в доме, столько и одежд было на мяд пухуця. К ее помощи прибегали в случае тяжелого заболевания одного из членов семьи. Если хотели узнать об исходе болезни, брали мяд пухуця в руки и по тому, легкой или тяжелой она окажется, предсказывали выздоровление либо смерть.

промысле, охраняют от злых духов, помогают от болезней.

У народов Сибири существовала практика изготовления изображений умерших людей в виде антропоморфных фигур после их смерти, совершать обряд кормления и особого поклонения в течение определенного времени. Изображения особо почитаемых умерших хранились как семейные и родовые святыни. В доме могло накапливаться несколько поколений предков — покровителей дома. Их хранили на

Священное место с рогами жертвенных оленей Чукчи. Восточная Сибирь, Приморская обл., Анадырский окр. Начало XX в. РЭМ 3949-7

Подобные груды рогов появлялись на местах захоронения умерших. После смерти человека родственники в течение некоторого времени «отправляли» в потусторонний мир определенное количество принадлежавших ему при жизни оленей. Основная часть мяса съедалась, а на месте погребения оставались рога оленей и небольшая часть оленьего мяса.

Кормление джулина – духа-хозяина жилища Нанайцы. Дальневосточный край, Хабаровский окр. Фотография 1920-х гг. РЭМ 4700-97

Изображение духа-хозяина дома джулина было воплощением родового предка. Он был связан с родовым деревом жизни – лиственницей. Деревянная фигура джулина представляла собой не только воплощение духа, но также являлась фетишем (предметом, наделенным сверхъестественными свойствами). Обычно в доме имелось несколько «поколений» джулинов, которых помещали на правую от входа отапливаемую лежанку-нары – почетное место в доме, поскольку считали, что они помогали в промысле (охоте), защищали от болезней и невзгод, способствовали личному счастью; изображение джулина ежедневно «кормили».

Сэвэки сиуджики – лечебный амулет Орочи. Восточная Сибирь, Уссурийский край, р. Копи. 1911 г. РЭМ 1870-2

Изображения двух духов-помощников шамана олицетворяют хозяев небесных светил – Солнца и Луны. Данный амулет сделан по указанию шамана для лечения болезни глаз.

почетном месте в доме, на чердаках, в специальных амбарах, на священных местах. Обычно такие изображения предков передавали по мужской линии. У кетов они назывались дангольс, у ненцев — нгытарма. Их фигуры вырезали из дерева либо отливали из металла — железа, затем одевали в несколько пар суконных одежд, снабжали жертвенными платками, кольцами и пуговицами.

У народов Амура хозяином дома считались родовые предки. У нивхов хозяином дома был мужской предок тыв ыз, у нанайцев — джулин. Их изображения вырезали из дерева и всегда хранили на почетном месте, кормили, просили помощи в промысле, от болезней, в семье.

Большинство ученых считают, что развитого культа предков у народов Сибири не сложилось, а существовали только отдельные его элементы.

РЕЛИГИЯ

На территории Сибири и Дальнего Востока с древнейших времен сохранились наскальные рисунки и археологические находки, изображающие животных, сцены ритуальной охоты, фигуры колдунов, одетых в шкуры животных, совершающих охотничьи магические пляски с целью умножения плодородия животных и людей. Представления о звере-предке и матери-прародительнице, восходящие к мифу о браке зверя и женщины, а также пред-

ставления о душе человека имеют палеолитические корни. Картина мира, основывающаяся на вере в духов природы и душу человека, а также вера в духов-помощников шамана формируется в мировоззрении народов Сибири в неолите (VI—III тыс. до н.э.). Среди рисунков на священных скалах появляется разработанная структура вертикальной модели мира (мировое дерево, мировая гора как утроба матери) и горизонтальной модели мира (мировая река), отражающая развитие абстрактного мышления древнего человека. В неолитическом искусстве Сибири уже известны образы антропоморфных фигур шаманов и их духов-помощников, связанных с духами природы, а также изображения ритуалов плодородия (Забайкалье) и ритуалов проводов души в мир предков, путешествий в верхний мир с лечебной целью (Приамурье, Приморье).

В эпоху бронзы появляются изображения шаманов в костюмах с подвесками в рогатой короне или головном уборе из перьев, символизирующих птицу-зверя, с бубном и колотушкой в руках, а также фигуры шаманов-кузнецов в окружении духов и верховных богов (неба, земли, тайги), людей, животных. В эпоху средневековья шаманство, наряду со жреческими религиями, становится одной из доминирующих религиозных систем народов Сибири и Азии. Из письменных источников известно, что в это время в Центральной Азии и Южной Сибири доминирует культ неба Тэнгри и земли-воды Йер-Су. Значительную роль в этот период играют белые небесные шаманы. В средние века в Забайкалье и на Дальнем Востоке влияние на сибирский шаманизм оказывает дальневосточный буддизм, позднее, в XVI веке — ламаизм (у бурят, тувинцев, эвенков, нанайцев, удэгейцев), манихейство и христианство (несторианство, православие).

Современные народы Сибири и Дальнего Востока сохранили архаические, древние традиции своих предков. Традиционное мировоззрение и культовая практика народов Сибири были связаны с природно-климатическими условиями их существования, хозяйственной деятельностью и социальной организацией. Система традиционных верований народов Сибири представляет сочетание промыслового культа, культа природы, культа умерших предков и шаманства.

Шаманство в системе традиционных верований народов Сибири играло важную, централизующую роль в обществе. Представляя особое мировоззрение, шаманство основывалось на вере в душу и духов и сохранило целостное мифологическое мировосприятие, отождествляющее человека и природу, часть и целое, живое и мертвое. Культовая практика шаманов народов Сибири была направлена на защиту жизни коллектива через биосоциокультурный и психо-

энергетический информационный обмен вселенной и человека. В институте шаманства особая роль принадлежит личности шамана — сакрального специалиста по общению с миром духов (медиумом), способного совершать полеты в духовном пространстве в состоянии измененного сознания. Шаман считается избранником духов, посредником двух миров — людей и духов. Шаман наделен не только человеческими качествами, но и качествами духа — он способен становиться невидимым, менять свой облик, перемещаться в пространстве, летать. Шаманский опыт связи с миром духов обретался в результате мистического и религиозного опыта верующих и шамана во время шаманских ритуалов камлания, чревоещения, гадания.

Шаманство как форма традиционного мировоззрения и культа было известно народам Сибири в различных формах. У народов Северо-Востока Азии (чукчей, коряков, эскимосов) была распространена семейная форма шаманства, когда каждая семья имела один или несколько бубнов и все члены семьи использовали шаманские приемы в общении с духами-предками (били в бубен, плясали, пели). Профессиональных шаманов у них было мало, и они считались слабыми, поэтому предпочитали приглашать более сильных шаманов эвенков. Развитое профессиональное шаманство, поглотившее промысловый, родовой и погребальный культы, являлось доминирующим элементом в религиозных верованиях большинства народов Сибири — нганасан, кетов, ненцев, селькупов, эвенков, нанайцев, удэгейцев. Некоторые исследователи этот тип шаманства иногда называют родовым.

Профессиональное становление шамана длилось несколько лет — от трех до двадцати. Начинаящий шаман, обретая силу духовного видения, получал способность гадать, предсказывать, становился ясновидящим. Начинающие шаманы часто имели только несколько отдельных атрибутов — колотушку, железную подвеску, гагары, нагрудник. Некоторые шаманы ограничивались только перевязью с изображением духов (чукчи, ненцы). Настоящий шаман должен был обучиться с помощью старых опытных шаманов, реже духом покровителем во сне и уметь лечить больных и совершать промысловые камлания к духам вселенной. Шаману второй категории помогало большое количество духов-помощников, возглавляемых духом-покровителем. Шаман второго посвящения имел специальный костюм с железными подвесками, изображающими его духов-помощников и жгутами-змеями, изображающими дороги шамана. Костюм шамана обычно состоял из плаща, нагрудника, а также головного убора, обуви и отдельных подвесок. Шаманский костюм символизировал

Шаман Федор Полигус с духами-помощниками Эвенки. Восточная Сибирь, Енисейская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 5659-120

Изображение Сэвохи Ерга — «Ясновидящего человека», духа-помощника шамана Орочи. Восточная Сибирь, Уссурийский край, р. Копи. 1911 г. РЭМ 1870-46

Вселенную и двойника шамана в облике лося или оленя (для путешествия в среднем мире), либо птицы (для путешествия в верхнем мире), редко медведя (для путешествий в нижнем мире). Важным атрибутом шамана был бубен с колотушкой. При помощи колотушки шаманы гадали, лечили, разговаривали с духом предка, заключенного в бубне.

Наиболее талантливые шаманы могли получить третье посвящение и «владеть» всеми направлениями во вселенной, уметь не только предсказывать, гадать, лечить, совершать промысловые камлания, но и «владеть» погодой, стихиями трех миров. Костюм сильного шамана третьего посвящения включал железную корону, посохи с изображением духа-проводника, металлические подвески — бронзовые зеркала, железные трубы или наспинную решетку из духов-помощников, образующих защитную броню шамана. Сильный шаман мог иметь несколько костюмов и бубнов для различных камланий.

Наиболее важные камлания духам вселенной в случае эпизоотий, сильной болезни, эпидемии, массовых промысловых неудач членов рода, совершались шаманами в специальных сооружениях — шаманских чумах с двумя проходами, символизирующих три мира вселенной — верхний (правый восточный проход), средний (чум) и нижний (левый западный проход).

Согласно шаманской мифологии Сэвохи Ерга являлся воплощением хозяина ветра Бучу. Он считался главным духом-покровителем шамана и имел облик птичье-человека (напоминающего филина), обладающего способностью видеть иную реальность.

Костюм шаманки
Эвенки (манегры).
Дальневосточный край,
Амурская обл.,
бассейн р. Зеи.
Конец XIX – начало XX в.
Из собрания РЭМ

Шаманский костюм
эвенков (манегров)
символизировал духа-
двойника шамана,
имевшего облик птицы-
зверя, и Вселенную,
по которой шаман
путешествовал. Зеркала
толи, прикрепленные
к спинке кафтана,
защищали шаманку
от злых духов. Клапаны
на полочках
символизировали
отверстия трех миров
Вселенной. На грудной
части кафтана
прикреплена подвеска,
изображающая главного
духа-помощника
шаманки, птицы-грома.
Подвески в виде
бубенцов и
маленьких бронзовых
дисков толи,
символизировали
броню шамана.

Рукавица шамана
Эвенки.
Восточная Сибирь,
Забайкальская обл.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 1754-4

Ритуальная маска шаманки
Эвенки-орочоны.
Восточная Сибирь,
Забайкалье,
р. Нерча.
1911 г.
РЭМ 2651-8/2

Маска в виде личины наделялась магической силой. Верили, что она отпугивает от шамана злых духов. Ее вешали на шести чума и кормили как духа.

Изображение Каньма Тувинцы, Западная Сибирь, Томская губ., Кузнецкий окр. Вторая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Каным-тёс поколения Кузен, живущего в верховьях р. Бий, – хозяин горной тайги и всех ее зверей, а также покровитель охотников. Символика подобных изображений двух человеческих фигур, без ног, соединенных туловищами, является очень сложной и неоднозначной. Поздней осенью устраивали камлание: приглашенный шаман заставлял охотника повторять за ним слова обращения к Каньму с просьбой об удаче.

Изображение предка шамана Мугдэ Эвенки.
Восточная Сибирь, Енисейская губ.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 1757-10

Лозь – изображение духа-покровителя шамана в Верхнем (небесном) мире Селькупы.
Восточная Сибирь, Енисейская губ., Туруханский край.
Начало XX в.
РЭМ 1273-82

Бубен символизировал модель Вселенной, пути шамана и место сбора его духов-помощников. На внутренней стороне одного из бубнов находится деревянная рукоять, символизирующая предка шамана, на внешней стороне другого помещено антропоморфное изображение предка шамана, слева от него — три антропоморфные фигурки и шаман в ритуальной одежде с бубном в руках, справа — дерево, конь и крюк. Горизонтальная полоса делит пространство бубна на две части, символизирующие Верхний (небесный) и Средний (земной) миры.

Бубны шамана (внутренняя и внешняя стороны)
Алтайцы. Западная Сибирь, Томская губ., Бийский окр.
Конец XIX в.
РЭМ 6826-102, 6826-101

Головной убор шамана Тувинцы. Китайская империя, Северная Монголия, бассейн верховья Енисея.
Начало XX в.
РЭМ 650-15

Важной частью шаманского костюма был ритуальный головной убор. Его могли иметь только сильные шаманы. Перья символизировали птиц — духов-помощников и покровителей шамана. По нижнему краю повязки обычно нашивали бахрому, жгуты или низки бус, заканчивающиеся раковинами каури, клыками марала, кисточками из ткани. Такие нашивки «защищали» лицо и особенно глаза шамана во время камлания от воздействия злых духов. В центре головного убора вышивали подшейным волосом оленя глаза, нос и рот антропоморфного существа или прикрепляли деревянные маскетки — личины. Тувинцы называли их «человеческими лицами». Они считались охранителями шамана и вместилищами его духов-предков.

У народов Сибири шаманами могли быть мужчины и женщины. Причем сильных шаманок было не меньше, чем мужчин. Институт женского шаманства в Сибири считается наиболее древним и связывается с культом огня, а мужского — с кузнечеством. В культуре многих народов Сибири (ханты, манси, якуты, эвены, юкагиры, эвенки, нанайцы) был распространен институт перемены пола. Среди шаманов особо почитались за их могущество «шаманы превращенного пола», поскольку совмещали в себе силу

двух полов и двух стихий — неба и земли. Соответственно, и в одежде они следовали принципам травистизма — мужчины носили женскую одежду, женщины — мужскую.

Наряду с этим у ряда народов Южной Сибири и Центральной Азии (алтайцев, хакасов, якутов, бурят) сложился, наряду с черным шаманством, особый жреческий тип шаманства, который в литературе принято называть белым шаманством. Элементы белого шаманства были известны кетам, эвенкам, нанайцам и удэгейцам.

Черные шаманы камлали в три мира вселенной — верхний, средний и нижний. Направление для них имело только обрядовый характер: промысловые ритуалы были связаны с камланием в верхний мир духу неба или горы, лечебные камлания совершались в любом направлении, а проводы души — только в нижний мир. Белые шаманы совершали моления и жертвоприношения только в верхний мир — к светлым добрым божествам. Белые шаманы использовали в своей атрибутике только белый цвет одежды — цвет

ритуального напитка для кропления богов, кобыльего молока или масла жертвенного животного (оленя, коня, овцы). Белые шаманы совершали моления и жертвы через огонь; они не использовали духов-помощников, а выполняли жреческие функции. В конце XIX века у некоторых народов Сибири сильные шаманы обычно совмещали функции черных и белых шаманов. Происхождение белой веры у народов Сибири исследователи связывают с родовым культом бога громовержца у индоевропейских

Камлание шамана
Тувинцы.
Южная Сибирь,
бассейн Верхнего
Енисея.
Фотография 1903 г.
РЭМ 1134-143

Кандидат в шаманы с полученным бубном Алтайцы. Сибирский край, Ойратская автономная обл. Фотография 1920-х гг. РЭМ 4721-28

Период становления шамана был длительным и проходил несколько этапов. Пройдя этап мнимой смерти и возрождения, молодой шаман обретал, согласно представлениям народов Сибири, сверхъестественные свойства и становился полудухом-получеловеком. Он мог понимать голоса природы, камней, деревьев, зверей, ветра, грома, мог видеть иную реальность, общаться с духами иного мира, становился ясновидящим. Инициальный период требовал уединения и сосредоточения, поэтому кандидат в шаманы обычно уходил на некоторое время в лес, где обретал духа-покровителя. Во время ритуала передачи шаманской силы кандидат в шаманы получал бубен от старого шамана.

Ритуал обновления шаманской силы Удэгейцы. Дальневосточный край, Хабаровский окр., р. Хор. Фотография 1927 г. РЭМ 5654-227

Шаманы-профессионалы с целью сохранения своей шаманской силы, священной силы ритуальной одежды и бубна выполняли специальные камлания. Основным элементом этого обряда был обход всех жилищ селения, начиная с жилища шамана. Первыми выполняли круговой обрядовый обход в честь духов предков шаманами — мэуи, девять участников, не являвшихся шаманами. Затем в ритуальный танец вступал шаман, который с целью получения силы от соплеменников совершал обход вокруг домашнего очага каждого дома. После этого обитатели домов пришивали к длинному жгуту, соединяющему участников ритуального танца, лоскутки ткани и перья птиц, считавшиеся символами плодородия. Так происходил обмен силами плодородия между шаманом и его сородичами.

народов. Высказывалась идея об аналогичном происхождении белой религии бон у тибетцев, смешавшейся с местным шаманством и буддизмом.

Сибирский шаманизм испытал известное влияние мировых религий — буддизма и христианства. В эпоху средневековья (IX—XII века) через Центральную Азию от уйгуров, Китая, Корею на территорию Приамурья и Приморья начал проникать дальневосточный буддизм в форме махаяны. Отдельные его элементы сохранились в шаманстве удэгейцев и нанайцев. В начале XVII века буддизм школы гелуг («благой закон»), ранее называемый ламаизмом, проникает из Монголии в Забайкалье и распространяется среди бурят и отчасти эвенков. На территории Тувы буддизм утвердился в XVIII веке. В 1741 году указом императрицы Елизаветы буддийская церковь получила официальное признание на территории России.

В XVIII—XIX веках на территории Бурятии и Тувы распространение и утверждение буддизма сопровождалось строительством монастырей (бур. — дацан, тув. — хурээ), которые являлись не только религиозными центрами, но и выполняли важную культурно-просветительскую миссию. При них существовали школы по изучению буддийской философии, индо-тибетской медицины, тибетского и монгольского языков, развивались книгопечатание, культовое зодчество, иконопись, изготовление скульптурных изображений буддийских божеств и атрибутов культа. К началу XX века в Забайкалье действовало 46 дацанов, а количество лам превышало 16 тыс. человек; на территории Тувы — 22 хурээ и около 4 тыс. лам. Центром буддизма в Восточной

Сибири был Гусиноозерский дацан. С 1809 до конца 1930-х годов в нем находилась резиденция Пандито Хамбо Лам (высших духовных лиц) Забайкалья. Тувинские монастырские комплексы подчинялись монгольской церкви, во главе которой стоял ургинский хутухта (высшее духовное лицо Монголии).

Быстрому росту популярности буддизма среди населения способствовала его адаптация к местным традициям и верованиям. Буддийские священнослужители включили в свою обрядовую практику местные семейные, родовые и шаманские культы, связав их с догматами Учения, мифологическими событиями из жизни Будды и других персонажей буддийского панте-

Для духовной и общественной жизни восточных бурят, калмыков и значительной части тувинцев важнейшее значение имели буддийские центры:

монастыри (дацан — бур., хурээ — тув.)

или подвижные молельни. Там занимались

иконописью, скульптурой, ювелирным производством, развивалась индо-тибетская медицина, философия, астрология, книгопечатанье, изучались тибетский, монгольский и другие языки. В монастырях были сконцентрированы все интеллектуальные и художественные ценности буддистов.

Почти каждая семья отдавала в монастырь учиться одного из сыновей в возрасте шести—семи лет.

К ламе-врачу обращались за медицинской помощью. Лама-астролог составлял гороскоп ребенку или будущей семье. Эти центры также играли важную коммуникативную роль.

На праздники туда стремились представители этих кочевых народов. Наиболее популярными праздниками были круговращение Майдари — торжественный обход храма со статуей Майтреи, будды грядущего; красочная мистерия Цам, представляющая собой танцы и пантомиму, которые исполнялись монахами в масках божеств буддийского пантеона — защитников учения и исторических лиц, связанных с утверждением буддизма в Тибете; в зимнее время — Цагаан сар — начало Нового года.

Фрагмент шаманского чума с помостом — символом «шаманской реки» и изображением духа-мамонта Эвенки.

Восточная Сибирь, Енисейская губ. Подкаменная Тунгуска. Фотография 1907–1908 гг. РЭМ 5659-96

Шаманский чум, сооружаемый для проведения наиболее значимых шаманских ритуалов — камланий по случаю эпизоотий оленей, эпидемий, серьезных болезней, календарных праздников, символизировал по представлению эвенкийских шаманов модель Космоса. Центральная коническая часть такого чума обозначала средний мир, а два отходящих в стороны коридора из деревянных фигур — изображений духов предков шамана — изображали проходы в верхний (справа) и нижний (слева) миры Вселенной. Обычно после ритуала проходы шаманского чума закрывались перегородками из фигур — изображений родовых предков.

она. Они адаптировали канонические тексты к национальным особенностям культуры народов, принявших буддизм, проповедуя Учение на местных языках и наречиях. В результате у бурят и тувинцев наряду с монашеской церковной формой буддизма сложилась так называемая народная буддийская традиция, имеющая ярко выраженную этнокультурную специфику. В шаманском пантеоне появились божества с буддийскими именами и титулами, шаманские картины и шаманские атрибуты с изображением будды и буддийскими символами — ваджра, отдельные фрагменты представлений о вселенной и душе претерпели изменения. Шаманы получили возможность получать образование в буддийских монастырях, в шаманстве появились сведения о священной книге. Появились священнослужители, сочетавшие функции шаманов и лам. Буддийское влияние на сибирский шаманизм нашло отражение в терминологии, мифах, культе. Многие народы ассоциировали костюм шамана и его духа-покровителя с птицей Гарудой (нанайцы, эвенки, буряты). В мифологии алтайцев, монголов, эвенков вошли образы

Ламы во время богослужения Тувинцы. Северная Монголия, Урянхайский край. Фотография начала XX в. РЭМ 687-38

Открытие праздника Ысыах Якуты. Восточная Сибирь. Якутская обл. Фотография 1911 г. ЭЗМ 3037-2

Праздник открывал старейший представитель того рода, который был организатором Ысыаха. На месте проведения праздника устанавливали коновязные столбы, молодые березки, ставили кожаные сосуды с кумысом, ритуальные кубки-чороны для кормления светлых божеств и питья кумыса участниками праздника.

Будды в местной огласовке. Шаманское божество нижнего мира Эрлик, или Илмун, связывают с индо-буддийским Ямой.

Христианизация, начавшаяся в XVII веке у народов Западной Сибири, активизировалась в XVIII веке. В Восточной Сибири якуты, эвенки, ненцы были христианизированы в XVIII — середине XIX века, а народы Южной Сибири и Дальнего Востока — только во второй половине XIX века. У эвенов, камчадалов и якутов христианство привилось в значительной степени, а у других коренных народов Сибири (чукчи, коряки, эскимосы, удэгейцы, орочи) практически не имело силы. Христианское влияние отразилось в мировоззрении и культовой практике народов Сибири. В мифологии эвенков, юкагиров, алтайцев и других включены имена Христа и Сатаны как двух творцов мира, в сюжеты мифа вплетены мотивы о вавилонской башне, сюжеты о рае и аде, отдельные фрагменты о потопе и творении мира, земли, человека.

Основная часть народов Сибири после христианского крещения продолжала практиковать шаманство, и, по сути, являлась двоеверцами. Внешнее использование христианских предметов трактовалось по-своему. Крещеные эвенки, якуты, манси, ханты носили поверх одежды христианские кресты и воспринимали их как обереги. Христианские иконы и их подобие в виде металлических маскеток с изображением Иисуса Христа, Святителя Николая, мученика Власия вошли в обиход народов Сибири, но восприятие их было близким к шаманскому — как духов-покровителей вселенной. Архангел Михаил изображенный на металлической пластине, прикрепленной к головному убору эвенкийского шамана, считался его духом-помощником в борьбе со злыми духами.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Ритуал гостеприимства у бурят является важным элементом национального праздника Нового года — Сагаалган (белый, или счастливый месяц), который отмечается первого числа первого весеннего месяца по лунному календарю (по современному календарю чаще всего падает на февраль). В первый день Сагаалгана родственники и соседи, одетые в лучшие праздничные одежды, ходят друг к другу в гости, обмениваются поздравлениями и подарками, устраивают праздничные застолья, являющиеся обязательным элементом новогоднего торжества. По представлениям бурят, чем обильнее новогодние угощения, тем богаче и удачнее будет весь предстоящий год. Хозяева выставляли на стол множество мясных и особенно молочных продуктов — «белую» пищу, имевшую символическое значение и олицетворявшую счастье и благополучие. В течение всего дня буряты ходили из юрты в юрту, поздравляли друг друга и присаживались к праздничному столу. Считалось, чем больше гостей заглянет в первый новогодний день в дом, тем удачнее будет наступающий год.

Главным ежегодным праздником якутов являлся Ысыах, который проводился в конце июня месяца, когда на севере Якутии пробуждается природа, появляется новый приплод, доятся кобылицы. Праздник сопровождался различными ритуальными обрядами: восхвалением природы, воспеванием богов-покровителей людей и скота, восхвалением коня. Место, где проводится Ысыах, украшалось молодыми березками и резными коновязными столбами сэргэ.

Следует отметить, что ни один скотоводческий народ не имеет такого разнообразия коновязей, как якуты. Научный сотрудник Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера В.Ф. Яковлев разработал классификацию коновязей, разделив их в соответствии с назначением на три группы. В первую, надворную, группу входят коновязи, которые ставят у жилья и используют по прямому назначению. Ко второй группе относятся культовые столбы, используемые при проведении религиозных обрядов. И третья группа коновязей устанавливается на традиционном празднике Ысыах, который тесно связан с культом коня. В каждой из групп имеются коновязи разного назначения, различные по конструктивному решению и декору. Например, свадебные коновязи устанавливали на усадьбе жениха. Столбы высотой 2—2,5 м вырезали из сосны. Коновязь жениха имела наверху в виде головы коня, а коновязь невесты — в виде кубка-чорона. Большим разнообразием отличались культовые коновязи:

шаманские с рогатыми навершиями, коновязи духам семейного очага, маленькие коновязные столбы, которые ставились в хотонах (хлевах) и были связаны с конем. Последние вырезались из осины и украшались резным орнаментом в виде валиков и пестрым волосяным шнурком сэлэкэ. К этой же группе относятся коновязи, которые ставились на могилах.

Так как праздник Ысыах был тесно связан с культом коня, навершия сэргэ вырезались в виде головы коня, кумысного кубка, птиц и т.д., а также украшались традиционным национальным орнаментом.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Пышный свадебный обряд был характерен для тюрко- и монголоязычных народов Сибири. Он происходил в несколько этапов: встреча свадебного поезда невесты, обряд поклонения невесты семейным покровителям семьи жениха, родовому очагу, обряд освящения новой юрты или временного свадебного жилища, переодевание невесты из девичьего костюма в женский, переплетание волос, свадебный пир. Интересно, что у хакасов родители невесты не присутствовали на свадьбе, их заменяли посаженные мать и отец. У ненцев и нганасан на свадебном пире новобрачные не присутствовали. Для кетов характерно освящение брака шаманом, который производил гадание об успешности брака. Участие шамана в свадьбе для защиты от «злых духов» считалось необходимым у тунгусов. У нганасан одним из ключевых свадебных обрядов было приобщение жениха к огню матери невесты, так как, по представлениям нганасан, огонь всегда принадлежал женщине — хозяйке чума. Это происходило несмотря на очевидную патрилокальность брака. Свадебный обряд народов Нижнего Амура, а также сахалинских нивхов имеет некоторые особенности, связанные с пережитками группового брака, одним из важнейших элементов является обычай «топтанья котлов». У отдельных групп нанайцев соблюдался обряд поклонения невестой священным столбам дома жениха. Основным моментом свадебного пира у ульчей являлась совместная еда жениха и невесты из особой ритуальной посуды остатков пищи, которой отец невесты перед этим «кормил» в тайге духа-хозяина местности. Кроме того, «кормили» водой духов-хозяев земли, водкой — деревянных идолов, охранителей дома жениха. Свадьба у нивхов справлялась только при браке с уплатой калыма. Обычно же матери брали дочерей брата на воспитание в возрасте 4—5 лет. Дети росли вместе и к достижению брачного возраста уже привыкали друг к другу.

Второй тип свадебной обрядности локализуется на Крайнем Северо-Востоке Сибири (ительмены, коряки, чукчи и юкагиры до XVIII века,

пока не сказалось якутское и эвенское влияние). У юкагиров вопрос о браке решался положительно, если жениху удавалось поднять дерево и перебросить его через жилище — конический чум. Если юноша не нравился невесте, ему предлагали дерево потолще. Согласием на брак также являлось, когда отец невесты начинал пользоваться поленницей дров, нарубленных потенциальным зятем. По юкагирской традиции после заключения брака муж поселялся в доме у жены, вместе с ним переселялись и те родственники, которых он кормил и опекал. Наиболее важной частью свадебного обряда у чукчей было помазание жениха и невесты кровью жертвенного оленя, принесение жертв закату и рассвету. При приобщении к семье жениха невеста мазала оленьей кровью нарты и «кормила» костным мозгом священные предметы. Ключевым моментом свадебного ритуала у ительменов было «хватаение невесты», которое происходило по истечении установленного срока отработки за невесту. Девушку обматывали частой сетью от колен до подмышек, обвязывали ремнями и сверху наде-

Переезд невесты в дом жениха Якуты. Якутская обл., Якутский окр. Фотография начала XX в. РЭМ 3039-13

Невеста и сваха на конях Хакасы. Восточная Сибирь, Енисейская губ., Ачинский у. Конец XIX – начало XX в. Из собрания РЭМ

Ламы-печатники
Буряты.
Восточная Сибирь,
Забайкальская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2450-19

вали много одежды. Жених должен был, уловив минуту, порвать все покрытия. В случае неудачи это действие могло повторяться в течение 2—3 лет и более, и все это время жених был обязан работать в хозяйстве девушки.

Большое количество детей у народов Сибири всегда приветствовалось. Чем больше детей, тем богаче считала себя семья. В случае отсутствия детей проводили обряды испрашивания души ребенка: у хозяйки домашнего очага, на различных культовых местах, у духов умерших шаманов, во время захоронения последа ребенка обращались к соответствующим божествам — подателям душ детей (хакасы — к богине Ымай идже, якуты — к Айыысыт и т.д.). Если не было своих, детей брали на воспитание у родственников. «Брать в дети» — характерный момент для традиционной культуры многих народов Сибири.

Обряды, связанные с рождением ребенка, основывались на представлениях о последе как двойнике ребенка. Обряд захоронения последа представлял собой достаточно сложный ритуал, сопровождавшийся действиями, направленными на то, чтобы исключить возможность вредоносного влияния злых духов на ребенка. Важнейшим обрядом с новорожденным было имянаречение, которое отражало не только традиционные представления сибирских народов о мире и реинкарнации человека, но и социальную структуру общества.

ФОЛЬКЛОР

Основной формой фольклора у бесписьменных коренных народов Сибири было устное творчество: мифы, предания, героический эпос, сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки.

Самым ранним видом его являлись мифологические предания, отражавшие архаические представления о происхождении Вселенной, земли, животных, птиц и человека. В создании земли согласно космогоническим мифам многих народов активное участие принимали водоплавающие птицы (гагара и утка), а у народов Северо-Востока — Великий Ворон (корякский Куйкыннюку и ительменский Кутх — творцы и демиурги, эскимосский Кошкли и чукотский Куркыль — частично обладали функциями творца). Мифологическим создателем рельефа земли сибирские народы считали также мамонта — «там, где он проходил, образовывались реки, где бивнями касался земли — росли горы, а на месте его отдыха — озера». В мифах эвенков творцами представлены не только птицы, змея, лягушка, но и два брата — хозяин Верхнего мира Сэвэки и Нижнего — Харги. Творцами и демиургами в мифах других народов представлены: у ненцев — небесное божество Нум, его жена Я-небя (Земля-мать) и дух Подземного мира Нга; у хантов и манси — верховный, небесный бог Нуми-Торум, у народов Амура —

божественная пара Хадау и Мамельди; у кетов — Верховное начало Есь (небо), его жена Хоседам, сын земли Бангрэхып и богатырь Альба; у народов Южной Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов) — божество Верхнего мира Ульгень и Нижнего мира Эрлик; у тувинцев — Бурхан и Эрлик; у бурят — Великая Мать-богиня Эхэбурхан и верховное божество Хухэ Мунхэ тенгри («Вечное Синее Небо»); а у южных по происхождению якутов — Юринг айыы Тойон («Белый светлый господин») и Арсан Дуолай (божество Нижнего мира).

Широко известными в мифологии народов сибирского региона были сюжеты о небесной охоте, происхождении созвездий, утренней и вечерней звезды, Большой Медведицы, Полярной звезды («кол, золотой кол, вбитый в небо»), Млечного пути («небесная дорога»), Солнца, Луны и возникновении пятен на ней.

Особое место в фольклоре занимал героический эпос, в котором воспевались подвиги богатырей, боровшихся с враждебными племенами, чудовищами, злыми духами за процветание своего рода, племени, семьи. Наиболее любимыми эпосами, в которых воплотился народный идеал героя, являлись: бурятский — о богатыре Абай Гэсэре, якутский олонхо о Нюргун Боотуре Стремительном, селькупский о богатыре Итте, приамурский — о Мэргене и т.д. В 2005 году якутский эпос Олонхо был признан ЮНЕСКО «шедевром устного и нематериального наследия человечества».

Распространенными были также исторические предания и рассказы, в которых изображались конкретные события с участием не отдельного охотника, воина, богатыря, а коллектива людей. Несмотря на отсутствие точной датировки событий, этот вид повествовательного фольклора являлся важнейшим источником изучения исторического развития народов Сибири.

Любимыми были также сказки о животных, бытовые и волшебные сказки, песни-импровизации, личные песни, загадки и пр. Волшебные сказки представляли собой художественную трансформацию мифологических преданий. Особенностью бытовых сказок (или рассказов) являлось отражение повседневных и социальных сторон жизни, борьбы героя с врагами за благополучие своего коллектива. Сказки были первыми источниками, которые открывали перед детьми знания об окружающей природе, животном и растительном мире. Нередко рассказчиками их были профессиональные сказители.

Народы Сибири относились к различным жанрам повествовательного фольклора, как к неписанной истории, и старались передавать его из поколения в поколение в неизменном виде.

ОБРАЗОВАНИЕ

В конце XIX — начале XX века коренное население Сибири и Дальнего Востока было практически безграмотным. Согласно официальным данным 1908 года грамотных из их среды насчитывалось около 1% (от 0,5% на обширной территории Якутской области и Енисейской губернии до 1,2% в Приморской области). Церковноприходские школы, где дети могли получить элементарные знания, располагались только в оседлых населенных пунктах. Народы, проживающие в тайге и тундре, ведущие кочевой образ жизни, оставались неграмотными. Широко распространенным способом передачи той или иной информации своим сородичам или соседям у хантов, манси, тофаларов, хакасов, якутов, эвенков и юкагиров было пиктографическое (рисунчатое письмо). Охотники, отправляясь в тайгу, наносили рисунки на стволе дерева. С этой же целью использовалась и береста. Любовные, пиктографические письма на бересте, созданные юкагирской девушкой в XIX веке, поражали красотой изображения и содержанием многих исследователей. Своеобразной книгой, повествующей о жизни и культуре народа, являлись также рисунки, выполненные чукчами и азиатскими эскимосами на клыках моржа.

Единственным сибирским народом, который пользовался старомонгольским письмом, были буряты. В монастырях буддийские монахи переводили необходимые им и верующим тибетские канонические тексты и печатали их при помощи ксилографических дощечек бар (тибетск. Dpar — букв. «образец», «матрица»).

Основные мероприятия по ликвидации неграмотности среди коренного населения Сибири начали проводить с 1930-х годов. Первые буквари, учебная литература, созданная известными учеными североведами, была составлена на латинской графической основе. С 1939 года алфавит для всех коренных народов Сибири был переведен на русскую графическую основу.

Сказитель
Якуты.
Восточная Сибирь,
Якутская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1085-89

НАРОДЫ КАВКАЗА

НАРОДЫ КАВКАЗА

Народы Кавказа

В.А. Дмитриев

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Кавказ — своеобразная горная страна, занимающая территорию между Восточной Европой и Ближним и Средним Востоком. Кавказ, более тяготеющий к Передней Азии, является, тем не менее, продолжением ведущего водораздела Восточной Европы между Днестром и Волгой. На его линии находятся наиболее значимые горные вершины Кавказа: на севере Эльбрус (5642 м) и Казбек (5033 м), а на юге — Арарат (5165 м). Геоморфологически Кавказ — относительно молодая зона Земли, образование которой связано с процессами поднятия древнего морского дна в виде конуса кристаллических пород в центральной части Северного Кавказа, изливанием магматической лавы в западной части Южного Кавказа и сминанием земной коры при движении континентальных платформ.

Кавказ образуют две горные системы: Большой Кавказ, протянувшийся от Таманского полуострова между Черным и Азовским морями до Апшеронского полуострова на Каспийском море, и Малый Кавказ в юго-западной части страны, переходящий далее в нагорья Передней Азии. Низменность между ними названа в честь двух больших рек, Куры и Риони, и разделена Сурамским хребтом. Южнее нижнего течения Куры находятся Мильская и Карабахская степи, упирающиеся у берегов Каспия в Талышский хребет, за которым лежит субтропическая Ленкорань. С юга от Большого Кавказского хребта отходит множество горных отрогов, разделяющих западную часть края на множество ущелий, а в центральной формирующих большие межгорные низины Восточной Грузии. Северные склоны Большого Кавказа принято называть Северным

Кавказом, а территории к югу от него — Южным Кавказом, или Закавказьем. В более узком смысле Северным Кавказом называют ту его часть, которая находится между Черным морем и рекой Аксай. Он состоит из нескольких горных хребтов, идущих параллельно Главному Водораздельному хребту. Восточнее располагается Дагестан, половина которого заключена между Главным Водораздельным и отошедшим от него Боковым хребтами. Перед горами Кавказа с севера за реками Кубань и Терек лежит Предкавказье, в центре которого находятся Ставропольская возвышенность и Пятигорье.

Кавказ богат реками, высокогорными ледниками и озерами. Из них самым знаменитым является озеро Севан в Армении, входящее вместе с озерами Ван, Урмия и некоторыми другими в зону высокогорных озер, где в IX веке до н.э. возникло государство Урарту. Однако если не считать болотистых низовий реки Риони, в большей части Кавказа воды хронически не хватало или она прибывала неравномерно, что сделало ее главной экономической и жизненно необходимой ценностью.

Климат Кавказа разнообразен: от субтропиков в приморских долинах до почти полярного на высокогорье. Природные условия всегда благоприятствовали быстрому развитию земледелия и животноводства, что создавало все условия для биологического существования человека. Богатые полезные ископаемые Кавказа давали возможность для развития мелкотоварного промышленного производства и ремесленничества, но быстро истощились в индустриальную эпоху. Исключения составляют залежи нефти, строительного камня, минеральных вод. Кроме того, имеются месторождения каменного угля, марганца, меди, полиметаллов.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Этническая история народов Кавказа представляет собой длительный процесс, начало которого уходит в далекое прошлое. Впервые человек появился на Кавказе в самом начале древнекаменного века, предположительно в результате прямой миграции из центра африканского континента, где собственно начался процесс антропогенеза. В дальнейшем состав населения региона неоднократно менялся и усложнялся, пока не сформировались существующие и сейчас ареалы распространения местных антропологических типов.

В эпоху неолитической революции, приведшей к возникновению земледелия и скотоводства (XII—X тыс. до н.э.) Кавказ был частью ядра ее осуществления, допускается, что несколько позже произошло выделение кавказской языковой семьи. Изначально носители кавказских языков проживали не только на Кавказе, но и в местностях к югу от него. К IV тысячелетию до н.э. все зоны Кавказа, включая высокогорную, оказались заселенными человеком. Миграционные процессы Древности привели к появлению на Кавказе носителей индоевропейских языков, а Средневековья — тюркских.

Отголосками ранней истории народов Евразии являются древние мифологические представления о Кавказе как границе миров или сказания о священной горе Каф, возвышавшейся над миром. Согласно библейским сказаниям Эдем локализовался где-то рядом с Южным Кавказом, а Ноев ковчег после потопа остановился на горе Арарат.

Археологические источники подтверждают версии о древних корнях местной культуры, дают свидетельства раннего этногенеза большинства кавказских народов, позволяют отметить во II тысячелетии до н.э. сложение на Кавказе государств полисного типа, давших начало образованию местных царств, таких, как, например, Кулха и Урарту. На Северном Кавказе в конце II — начале I тысячелетия до н.э. образуются местные формы культурного единства, представленные памятниками археологических культур, на западе — прикубанской, в центральной части — кобанской, на востоке — каякентско-харачоевской и культурами горного Дагестана.

Цивилизационный конфликт Востока и Запада в финальный период Древности, распад древнеперсидской (Ахеменидской) империи и распространение в Передней Азии эллинизма оказались благоприятным фоном для становления государств, находившихся в начальной точке этнополитической истории армян, грузин, азербайджанцев — Картли (Иберии), Лазики (Эгриси), Армении, Агвании (Кавказской Алба-

нии). В первых веках новой эры возникают армянский, грузинский, агванский алфавиты. В 301 году Армения одной из первых в мире признала христианство своей официальной религией. В 326 году эту религию приняла Восточная Грузия, с середины IV века христианизировались Западная Грузия, Абхазия и Албания. Двумя волнами, в VI—VIII и XI—XII веках, христианство православного толка распространилось и на Северном Кавказе. С VIII века началось распространение ислама в Азербайджане и Дагестане, вместе с мусульманством пришла и арабская письменность.

Однако, начиная со II века до н.э. и до середины XIX века Ближний Восток и Кавказ были ввергнуты в почти непрерывавшуюся череду войн и нашествий, в которой в соперничестве за обладание Кавказом сражались войска мощных империй Евразии (византийско-иранские войны VI—VII вв., арабо-хазарские войны VIII—IX вв., нашествие сельджуков в XI в., монголо-татарские походы XIII—XIV вв., борьба Османской Турции и Сефевидского Ирана за Кавказ XVI—XVIII вв. и др.). В этой эпохе войн относительно благоприятным отрезком времени был период X—XII веков, когда ослабление внешней опасности совпало с импульсами развития местного феодального общества. Ренессанс местной государственности начался с усиления Абхазского царства на северо-западе Южного Кавказа и княжества Тао-Кларджетия на юго-западе. В X веке на территории Азербайджана выделились феодальные владения Ширван и Аран, в горном Дагестане усилились царства Серир, Гумик, Кайтаг, Зирехгеран, Табасаран, в центре Северного Кавказа было образовано Аланское царство, на Северо-Западном Кавказе оформились племенные союзы адыгов — Зихия и Касогия. Венцом этого процесса стало создание объединенного Грузинско-Абхазского царства, включавшего часть армянских земель и азербайджанского Ширвана. Грузинское царство достигло наибольшего расцвета во времена правления царя Давида Строителя (1089—1125) и его правнучки царицы Тамар (1184—1213).

В XVI веке Кавказ, постоянно подвергавшийся набегам со стороны Османской Турции и Сефевидского Ирана, был поделен между ними.

С начала XVIII века активизировала свои притязания на земли Кавказа Российская империя. Одолев в серии войн XVIII—XIX веков геополитических противников на юге — Турцию и Иран, — Россия, отчасти выполняя просьбы местного населения и его элиты о покровительстве, а отчасти оказывая прямое военное давление, включила территорию Кавказа в свои пределы. Пребывание Кавказа в составе российской государственности, хоть и имело свои различия в царский и советский периоды, отличалось и

На с. 444—445

Общественный танец
Карачаевцы.
Кубанская обл.,
аул Учкулан.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 212-30

Эльбрус
Фотография
начала XX в.
РЭМ 9945-2

Эльбрус (от иранск. «сверкающий») – высочайшая гора Кавказа и Европы. Одноименная гора находится в Иране. Кабардинское название Эльбруса *Yuaxhъэмахуэ* может быть переведено как «гора счастья», балкарское Менгитау – «гора вечного ледника». В русской поэзии XIX в. он именовался Шат-горой (от тюрк. карачаево-балкарского термина, обозначавшего предмет в виде развилки), что объясняется наличием у Эльбруса двух вершин (высота восточной 5621 м, западной 5642 м, седловины 5350 м). Первое восхождение на Эльбрус относится ко времени начала изучения Кавказа в русской науке. Так, в 1829 г. на восточную вершину поднялись академик А.Я. Купфер, участник отряда генерала Г.А. Эммануэля, и его проводник горец Киллар.

общей направленностью развития этнических процессов. Она содержалась в модернизации общества, трансформации его институтов, но не полной, а с сохранением ряда традиционных черт общественной организации и ментальности. Вторая особенность состояла в том, что при общем курсе на интеграцию народов поддерживались процессы этнической консолидации и дифференциации. В силу этого этнический фактор на Кавказе к концу XX века только приобрел большую актуальность.

Начать рассказ о народах Кавказа лучше с упоминания о русских, а также выступающих здесь вместе с ними украинцах и белорусах, хотя обычно восточных славян не относят к числу коренных народов края. Основная их масса переселилась из различных районов России на Кавказ начиная с середины XIX века, расселяясь в равнинных районах Северного Кавказа, на Черноморье, в городах Закавказья. Благодаря этому появлялись такие удивительные многонациональные общности, как, например, бакинцы (жители города Баку, столицы Азербайджана), выделявшиеся особой культурой. Среди славянского населения нельзя не отметить кавказских казаков и сектантов, не желавших подчиняться строгим российским законам и нашедших прибежище на Кавказе, хотя на позднем этапе сложения казачества этот процесс направлялся уже государством. Старожильческую группу казаков составили те, кто в середине XVI века занял места между реками Сунжа и Терек в равнинной части современной Чечни и почти полностью воспринял культуру соседнего горского населения. Позднее к ним переселились казаки с Волги, тем самым образовалось

Терское Казачье войско, в состав которого принимали и горцев. Кубанское Казачье войско появилось позднее. Его главными элементами были потомки запорожских казаков, поселенные на побережье Черного моря в конце XVIII века, и донские казаки, занявшие в середине XIX века земли по реке Кубань. На их культуру оказали влияние проживавшие на этих землях адыги. Общеизвестны высокие воинские качества мужчин-казаков, их верность присяге, трудолюбие и выносливость казачек, православный дух казачества. Нельзя не отметить, что на Кавказе в царское время на казачество возлагались полицейские функции.

Православные сектанты, среди которых наиболее значимыми были молокане и духоборы, селились по большей части в тех местах Закавказья, которые напоминали природу среднерусской полосы, в этих же районах возникали и селения субботников — русских, исповадовавших иудаизм.

Славянская колонизация Кавказа вовлекла в этот процесс и другие европейские народы. В результате на Северном Кавказе, в Закавказье, на Черноморском побережье возникли поселки немцев, эстонцев, поляков, чехов.

Кавказ издавна являлся зоной как военного, так и мирного контакта горцев с населением соседних территорий; в результате пришедшие сюда из степей с севера или с нагорий юга также становились кавказцами.

В засушливых степях севернее Ставропольского плато живут ставропольские туркмены, или тухмены, переселившиеся в степное Предкавказье в XVII — начале XVIII века на последнем этапе великих миграций древности и

средневековья. Они очень долго сохраняли кочевой образ жизни, обычаи, костюмы соплеменников, оставшихся в закаспийских полупустынях.

До середины 1930-х годов кочевниками в основном были и ногайцы — часть большого некогда тюркского народа, возникшего внутри Золотой Орды. В числе ногайских семейств есть рода монгольского происхождения. Сейчас ногайцы живут тремя отдельными группами в Дагестане, Ставрополье и верхнем течении Кубани.

Западную часть Кавказа на север от Главного Водораздельного хребта заселяют адыгские народы. В прошлом существовали объединения адыгов, близкие к ранним государствам. От одного из них (зихской конфедерации) в IX—X веках пошло распространение христианства, сказавшееся и на истории Древней Руси. В результате древней и временами очень трагичной истории зихов адыгская общность на настоящее время состоит из адыгейцев, живущих по среднему течению Кубани, черкесов, расселенных в ее верхней части, кабардинцев, занимающих равнинные земли по течению реки Малки. На побережье Черного моря вблизи от российских курортов проживает немногочисленная этническая группа черноморских шапсугов. В российской истории и в общинах, разбросанных по всему миру, адыги известны как черкесы. Именно адыгам мир обязан формированию общего образа горца Северного Кавказа. Кабардинцев и в XX веке называли «парижанами Кавказа», писали о том волнении, с которым весь Кавказ следил за изменениями переменчивой кабардинской моды.

Вместе с черкесами на Кубани живут абазинцы, близкие по культуре черкесам, а по языку абхазам. В прошлом их селения славилась искусной золотошвейной вышивкой и тонкой выделкой кож.

Юго-восточнее адыгов в горных местностях по верховьям Кубани и притокам Малки расположены этнические территории карачаевцев и балкарцев. Фактически они составляют единый народ, но их разделяет высокий Эльбрус с окрестностями. Этногенез карачаевцев и балкарцев очень сложен, в нем принимали участие и древние жители Большого Кавказа, и переселявшиеся в горы степные кочевники раннего Средневековья: аланы, болгары, кипчаки. В X—XII веках территория Карачая явилась центром христианизации Северного Кавказа.

Долины горных рек и высокогорные котловины по обе стороны хребта в центральной части Большого Кавказа и чуть позднее предгорья и часть земель на равнине вдоль течения Терека заселены осетинами. Вошедшее в русский язык название народа имеет грузинское происхождение. Самоназвание осетин (дигорцы или иронцы) связано с двумя основными частями Северной Осетии, жителей же Южной Осетии они именуют «южанами». Через осетинские земли по самому важному на Северном Кавказе перевалу проходит Военно-Грузинская дорога, часть основного пути, соединяющего Восточную Европу с Анатолией и Ближним Востоком. Осетины считаются потомками аборигенного горского населения и ираноязычных алан, создавших на Северном Кавказе на рубеже I—II тысячелетий н.э. сильное христианское государство, разрушенное монголами.

Каменный мост через р. Чорох Грузины-лазы. Юго-Западная Грузия. Фотография 1910-х гг. РЭМ 5366-56

Исеченный горными хребтами и ущельями Кавказский перешеек существовал как постоянная транспортная магистраль Евразии только благодаря единой воле живших там людей. Забота о поддержании сохранности дорог и мостов возлагалась на жителей близлежащего селения. Обычно выбиралась семья, которая в случае необходимости организовывала дорожные работы. Возводимые на головокружительной высоте мосты строились из камня, плелись из канатов и лиан, ими служили шаткие настилы и переброшенные между скалами стволы деревьев. Прочные арочные мосты, как правило, являлись памятниками древних и средневековых государств, или, напротив, строились уже по современной промышленной технологии. Превращение узких троп в полнокровные транспортные артерии состоялось после вхождения Кавказа в состав России.

Восточнее Осетии до границ с Дагестаном находятся земли вайнахов — двух родственных народов (ингушей и чеченцев); третья часть этой общности — кистины — живут на южных склонах хребта в окружении грузинских горцев. Ингуши называют себя «галгай», чеченцы — «нохч». Разделение ингушей и чеченцев началось примерно с конца XVIII века и было вызвано их различным отношением к российской власти, к которой ингуши, например, предпочли продемонстрировать лояльность. Чеченцы же серией

войн конца XVIII — середины XIX века и более позднего времени заслужили славу упорного противника российской армии. В истории русско-чеченских отношений XVI—XVIII веков было совместное освоение равнинной зоны, в ходе которого чеченцы освоили выращивание кукурузы, что на некоторое время превратило равнину в житницу всего Восточного Кавказа.

Восточнее Чечни начинается многонациональный Дагестан с его разнообразными природными условиями. В равнинной его части ближайшими соседями чеченцев являются кумыки, в горной — аварцы. В XVII веке на территории кумыков находилось несколько феодальных владений: Эндериевское, Аксаевское, Костовское, шамхальство Тарковское, князья которых были авторитетны и для других народов. Кумыкский язык до распространения русского в Дагестане был языком межнационального общения.

Из кумыкской среды в Дагестане вышло много знатоков и проповедников ислама. Многие средневековые источники по истории Дагестана были написаны кумыкскими летописцами. Женщины Кумыкии славились своим кулинарным искусством. Происхождение названия народа не выяснено, одни связывают его с кавказской почвой, другие — с названиями степных народов предмонгольского времени. Дагестанские горцы часто понимают этноним «кумык» как словосочетание «житель речных долин».

Аварцы называют себя «маарулал» («горцы»), а свой язык — «болмац» («язык ополчения»), сложившийся изначально как прообраз литературного общенационального языка, позволяющего контактировать между собой многочисленным общинам, пользовавшимся собственными диалектами. Общеаварский язык называют еще «языком гостя». Большое значение имело усвоение арабской графики для записи местных хроник и правовых документов. Предполагается, что слово «аварец» произошло от названия страны Серир, существовавшей в IX—X веках, и в этом слове отразилось не то арабское «трон», не то персидское «гора». При распаде Серира его части вошли в Аварское ханство.

Аварский народ, первый по величине этнос Дагестана, является самым крупным и среди ряда родственных ему аваро-андо-дидойских народностей. Все они немногочисленны, и самая

крупная из них насчитывает около восьми тысяч человек. Занимая высокогорье Дагестана, эти этносы жили в нескольких селениях внутри почти закрытых от внешнего мира горных котловин, что способствовало сохранению своеобразия людских коллективов и их культуры.

На втором месте по численности в Дагестане находятся жители гор его центральной части — даргинцы (самоназвание «дарган»). С ними объединяются два близких даргинцам народа: кайтагцы, сохранившие в названии воспоминания об одноименном государстве Средневековья, и кубачинцы, живущие в самом известном за пределами Дагестана ауле Кубачи. Самоназвание кубачинцев часто переводят как «убийцы людей», но не в прямом смысле, а как обозначение ремесленников, прославивших себя в изготовлении, точнее, сборе и украшении оружия.

Самый центр Дагестана занимают лакцы. Арабские источники IX—X веков помещали здесь горное царство Гумик.

В юго-восточной части Дагестана и северных районах Азербайджана проживают лезгины и целый ряд близких им народов: табасаранцы, рутульцы, цахуры, агулы, будущцы, крызы, хиналугцы. Названные последними народы живут в высокогорных селах, каждое из которых является единственным их населенным пунктом.

Происхождение лезгин и их соседей восходит к ранней истории Кавказа. Оно связано с древ-

Долина р. Хурзук
Карачаевцы.
Кубанская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 5331-35

ней Кавказской Албанией, позднее — с ранне-средневековым государством Лакз. Лезгины занимают земли по обе стороны современной границы Российской Федерации и Азербайджана.

К югу от Кавказского хребта история развивалась в ритмах раннего образования государств, протянувших нить к современным национальным государствам азербайджанцев, армян, грузин. Войны, переселения народов, расцвет и падение мировых империй не прервали эту нить.

Азербайджанский народ представляет собой сложный продукт взаимодействия древнейшего населения восточной части Кавказа, наследия иранского мира и традиций тюркской цивилизации. Слово «Азербайджан» восходит к измененному названию древневосточной страны Атропатена. В начале XIX века Северный Азербайджан вошел в состав России, а в конце XX — стал независимым государством. Южный Азербайджан является частью Ирана, число проживающих там азербайджанцев больше, чем к северу от реки Аракс.

Армянский народ (самоназвание «хайк») сформировался на Армянском нагорье в своих основных качествах еще в IV веке до н.э. Их государство было частью политического пейзажа Древнего Востока, и в конце XX века оно снова появилось на карте мира. Мечта о его восстановлении сотнями лет была частью национального сознания армян, рассеянных по всему обитаемому пространству земного шара. В числе многих особенностей поведения армян присутствует сложившаяся в диаспоре приспособляемость к различному в национальном и религиозном отношении окружению. В сознании армян стойко держится представление о древности и богатстве национальных традиций, возвеличиваются события прошлого, имена исторических деятелей, художников, писателей. Культивируется и память о драматических событиях, обидах, причиненных соседями; среди наиболее трагических воспоминаний самыми сильными являются обращение к «дням геноцида» — массовой резни армян на территории Турции в 1915 году. По языковым и культурным особенностям выделяются: восточная, охватывавшая территорию современной Республики Армения, и западная (т.н. Турецкая Армения) зоны.

Грузины (самоназвание «картвели») занимают горные долины, высокогорные участки и плоскогорья между Большим и Малым Кавказом, сосредоточившись в стратегическом центре всего кавказского края. Состоящий из большого

числа этнографических групп народ отличается и единством общего сознания, и индивидуализмом каждого отдельного человека. Гордый, независимый и одновременно тонкий, артистический нрав грузина знают все, кто так или иначе связан с Кавказом. Считается, что основной костяк древнегрузинских племен сложился на местной основе. Пламенная любовь к своему государству и его героической истории составляет важную черту сознания грузин. Грузины всегда ощущали себя форпостом православного мира среди восточных народов. В XIX веке под властью Российской империи были собраны почти все грузинские земли. Некоторое число грузин-лазов и месхов проживало в пограничных районах Турции. С XVI века в результате насильственного переселения изолированно существует грузинская этническая общность в центральном Иране.

Между Грузией и адыгскими землями по побережью Черного моря лежит земля абхазов, которую называли «страной души». Этногенез абхазов («апсуа») связывает их с древним населением земель к югу от Кавказа. В Средние века государство абхазов существовало в одном ряду с Аланским и Грузинским. В бытовой культуре абхазов ее аборигенный потенциал соединился с влияниями со стороны родственных адыгских народов и соседней Западной Грузии. Абхазия выступает во многих проявлениях как заповедник ранних традиций кавказской общности, особенно той ее горной части, которая связана с Черным морем.

Среди относительно крупных народов Закавказья проживают несколько довольно малочисленных: курды, айсоры, удины, таты, тальши. На Западном Кавказе есть селения греков, часть из которых появилась на Кавказе давно, а другая переселилась из Анатолии во второй половине XIX века.

В горах Восточного Кавказа и в грузинских городах и селах проживали евреи, которые составляли в своей цивилизации особую ветвь восточных евреев, связанных с Месопотамией и Ираном. Об их происхождении существует легенда, согласно которой евреи Кавказа имеют прямое отношение к десяти исчезнувшим племенам Израиля.

Болезненный процесс присоединения Кавказа к России в XIX веке вызвал волну переселения части горского населения в Османскую Турцию. Составляя заметную по своей активности часть населения Турции, Сирии, Иордании и других стран, выходцы из Абхазии, с Северного Кавказа, из Дагестана фигурируют на Ближнем Востоке под собирательным названием «черкесы».

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

В результате тысячелетнего освоения Кавказа различными народами в регионе представлены четыре антропологических типа южной ветви европеоидной расы и один тип монголоидной расы. Монголоидами являются ногайцы, относящиеся к южно-сибирскому типу этой расы и проживающие в степной части Дагестана, Ставрополя и Карачаево-Черкесии. Высокую степень смешения признаков монголоидной и европеоидной рас демонстрируют ставропольские туркмены.

Кавкасионский (т. е. типично «кавказский») тип представлен народами центральной части Кавказа. Он характерен для восточных (моздокских) кабардинцев, осетин (в большей степени южных), ингушей, чеченцев, аварских и андоцезских народов Северного Дагестана, лакцев и части даргинцев, а также горных и части равнинных грузин. Считается, что кавкасионский тип сложился еще во времена позднего палеолита.

Аджарцы, абхазы, западные адыги Причерноморья принадлежат к понтийскому антропологическому типу. По мнению российского ученого В.П. Алексеева, понтийский тип является развитием собственно кавкасионского. Его грузинский коллега М.Г. Абдушелишвили рассматривает происхождение понтийского типа в связи с древним населением Анатолии и Южного Кавказа.

Представителями каспийского антропологического типа являются лезгинские народы Южного Дагестана, азербайджанцы.

Армяне, айсоры, талыши отнесены к армяноидному, или переднеазиатскому, типу, также широко распространенному к юго-западу от Кавказа.

Кавкасионский, понтийский, переднеазиатский антропологические типы принадлежат к представленной в Южной Европе ветви европеоидной расы; каспийский тип относится к Памирской ветви европеоидной расы. Относительно нескольких семей Гагринского района Абхазии существует версия о принадлежности их к потомкам африканских рабов, то есть к экваториальной расе.

ЯЗЫК

Языковая классификация народов Кавказа дает не менее сложную картину. При разных подходах выделяются четыре языковых семьи: индоевропейская, алтайская, семито-хамитская и кавказская, относящаяся собственно к региону.

К индоевропейским языкам относятся составляющие самостоятельные группы армянский и язык греков-ромеев, осетинский и курдский языки иранской группы. Армянский, наряду с

древними языками Анатолии и Балкан, принадлежит к числу языков, рано выделившихся из общего массива. Существует версия (разделяемая не всеми учеными) об очаге происхождения индоевропейских языков на территории Закавказского нагорья. Осетинский язык восходит к языкам арийских скотоводов, курдский — к древнеиранскому. С середины XIX века органической частью Кавказа стало восточнославянское население.

На алтайских языках тюркской ветви разговаривают живущие на Северном Кавказе кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, трухмены и азербайджанцы Южного Кавказа. Проникновение тюркских языков на Кавказ началось с эпохи Великого переселения народов. Проводниками тюркского языкового воздействия на севере выступали преимущественно древние болгары и кипчаки, на юге — огузы, в числе предков ногайцев были южносибирские тюрки.

Семитские языки представлены на Кавказе весьма ограниченно: в их числе айсорский (язык потомков древних ассирийцев) и иврит, используемый дисперсно расселенными грузинскими и горскими евреями в качестве языка богослужения.

Кавказские языки имеют древнее происхождение. Их классификация восходит к схеме, предложенной в 1940-х годах грузинскими учеными. Эти языки принято разделять на южнокавказские (картвельские) и северокавказские. К южнокавказским относятся грузинский общенациональный и языки этнических групп грузин. Северокавказские языки делятся на западную и восточную ветви. Западная, или адыго-абхазская, группа включает абхазский и абазинский языки в одной подгруппе и адыгейский и кабардино-черкесский в другой. Промежуточное положение между ними занимали убыхский и садзский языки. Восточносеверокавказские языки (или дагестанско-нахские) объединяются в подгруппы: вайнахскую (чеченский, ингушский, бацбиевский) и дагестанскую (аваро-андо-цезские, включающие аварский, ботлихский, годоберинский, ахвахский, каратинский, багвалинский, тиндийский, чамалинский, андийский, цезский, бежтинский, гунзибский, хваршинский, гинухский языки, и лакско-даргинские, включающие лакский, даргинский, кубачинский, кайтагский языки). Южнодагестанские языки составляют лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, будухский, крызский, арчинский, удинский, хиналугский.

Большую научную и практическую проблему создает наличие в каждом языке множества диалектов, притом что часто различие между языками и диалектами весьма условно. Обычным для Кавказа было явление билингвизма —

Лезгин. Переходный антропологический тип между кавкасионским и каспийским Дагестан, с. Ацхур. Фотография середины XIX в. РЭМ 8764-6423/2

Аварец.
Переходный
антропологический
тип от кавкасионского
к каспийскому
Дагестанская обл.
Фотография конца
XIX – начала XX в.
РЭМ 212-38

Чеченка
Терская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 212-45

Армянка.
Переднеазиатский
антропологический
тип
Елисаветпольская губ.,
г. Шуша.
Фотография
конца XIX в.
Из собрания РЭМ

Грузин-хевсур.
Кавкасионский
антропологический
тип
Тифлисская губ.,
Тионетский у.
Фотография конца
XIX – начала XX в.
РЭМ 4214-5a

знания собственного языка, а также (в необходимом объеме) языка, который обеспечивал контакты между народами и общинами.

Описанная классификация предусматривает представление об общем происхождении кавказских языков на Кавказе и прилегающей части Ближнего Востока. Единство языков относится к эпохе позднего палеолита — неолита, а распад на три основные группы (северо-западную, северо-восточную и юго-восточную [южную]) — к VIII—VII тысячелетиям до н.э. с последующей дифференциацией на отдельные языки и диалекты.

Согласно разработанной относительно недавно гипотезе о существовании в восточном Средиземноморье в XV—XIII тысячелетиях до н.э. прасемейной группы ностратических языков (объединившей индоевропейские, урало-алтайские, палеоазиатские, картвельские и другие языки), кавказские языки принадлежат к этому единству. Северокавказские языки, относящиеся к другой праязыковой семье, сложились отдельно от ностратических. В рамках предложенной концепции при расселении наследников раннего северокавказского единства и языкового воздействия в древности образовался так называемый языковой мост, связавший предковые формы адыгских, кетского, китайского и индейского на-дене языков. С этой точки зрения кавказское языковое единство является не генетическим, а историческим явлением.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Ведущее место в хозяйстве народов Кавказа занимало земледелие, однако в ряде мест — в высокогорье обеих горных систем Кавказа и в степных районах Северного Кавказа и Азербайджана — лидировало скотоводство. Вспашка и обмолот являлись сугубо мужским делом, женщины летом обрабатывали землю мотыгами, пропалывали растения, осенью собирали урожай. Участие мужчин в жатве, например, в Восточной Грузии было связано с работой в прошлом крестьян из феодально-зависимых сословий.

На характер хозяйственной деятельности сильное воздействие оказывал рельеф местности. В равнинных землях применялся тяжелый плуг, которому требовалось не менее четырех-шести пар волов. В горах землю вспахивали легким плугом, чуть прочерчивающим борозду; в высокогорье и лесистых причерноморских горах практиковалась ручная обработка земли. Обычным явлением в горах было превращение склона в несколько террас, где выращивалось зерно. Террасное земледелие существовало в горах Кавказа с IV тысячелетия до н.э., позволяя отчасти преодолеть постоянную нехватку земли. Благодаря постоянным усилиям и высокому уровню агротехники горцы достигали высокой урожайности, но из-за малоземелья своего хлеба

Абхазы.
Понтийский
антропологический
тип
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
Фотография конца
XIX – начала XX в.
РЭМ 213-2

Азербайджанка.
Каспийский
антропологический
тип
Из собрания РЭМ

Мужчины с сельскохозяйственными орудиями Карачаевцы. Терская обл., Тебердинский аул. Фотография начала XX в. РЭМ 212-10

Обмолот молотильной доской Армяне. Ереванская губ. Фотография 1913 г. РЭМ 6490-21

Молотильная доска трибулум – древнейшее орудие обмолота, характерное для средиземноморских стран. Доски использовались поодиночке или попарно, обычно для тяжести на них вставляли мальчики. Трибулум встречается в ранних погребальных памятниках, очевидно, выполняя функцию символического транспортного средства на пути в загробный мир. Согласно поверьям некоторых этнографических групп грузин, гром – это звук от движения молотильной доски по обратной стороне небесного свода.

в горах не хватало, что заставляло население вступать в обменные отношения с жителями равнин. Важно отметить, что на равнине земля принадлежала общине и до 1917 года — помещикам, а в горах по праву освоения находилась в частном пользовании.

При разнообразии сортов зерновых и местных приемов агротехники можно говорить

о крупных ареалах выращивания растений и влиянии на хозяйство вертикальной зональности. Ведущим злаком высокогорья был холодоустойчивый и нетребовательный к наличию влаги ячмень. Широкое распространение от среднегогорья до равнин имела пшеница мягких и твердых сортов. В местах, постоянно подвергавшихся военным действиям, в частности, в долинах

Восточной Грузии, были выведены такие сорта пшеницы, которые не осыпались до начала зимы, чтобы крестьяне могли скрываться в убежищах в осеннее время. С широким ареалом выращивания пшеницы было связано распространение молотильной доски, в ее нижнюю поверхность были вставлены острые камни, которыми выбивались зерна и измельчалась солома, доску тянули быки. Подобная доска была известна по всей территории Римской империи под названием трибулум, в некоторых районах Кавказа она используется и поныне. Граница распространения трибулума на Кавказе проходит от Северного Дагестана до Черного моря почти по границе Восточной и Западной Грузии. К северо-западу от нее пшеницу обмолачивали копытами быков, а адыгские народы и абхазы предпочитали культивировать просо. Просо было популярно в Западной Грузии. В районах с влажным климатом у берега Каспийского моря, особенно в Тальше, выращивали рис. С XVII века началось победное шествие кукурузы, распространившейся преимущественно в приморских и предгорных районах.

Выращивали фасоль, горох, ряд овощных культур, издавна культивировались лук, чеснок, пряновкусовые растения, в пищу употреблялось множество дикорастущих трав. Широкое распространение имело садоводство, которое в Закавказье было связано с выращиванием субтропических фруктов. Феноменом Дагестана было наличие садов в глубоких горных долинах, а горные адыги прививали культурные растения к дикорастущим лесным деревьям.

Не позднее VI тысячелетия до н.э. Южный Кавказ стал одним из очагов происхождения виноградарства. Виноград преимущественно шел на вино, лишь в Армении и Азербайджане

его сушили и получали кишмиш. Четко выделяются две зоны виноградарства: причерноморская (до границ Западной Грузии) и занимавшая земли к востоку от нее. В Причерноморье лоза пускалась вверх по стволу дерева (даже лесного), в Восточной Грузии, Армении виноградные кусты высаживались низкими шпалерами. Гроздь давили преимущественно ногами, сушло забраживалось чаще с мезгой. Подобные способы, а также обилие микроландшафтных зон позволяли получать качественные и очень разнообразные сорта вин. В Грузии лучше получались сухие вина, а в Армении — десертные; наличие сортов винограда с высокой сахаристостью позволяло изготавливать известные армянские и грузинские коньяки. Вино, первоначально бывшее средством эйфорического общения с миром богов, превратилось в компонент рыцарских пиров, а впоследствии стало необходимым атрибутом разного рода праздников и мужских пиров. Развившаяся практика широкого многодневного застолья особо отличала грузинскую культуру. Пир мог состояться в городском дворе, на берегу реки, в крестьянском доме у винохранилища марани, где мужчины принимали гостей.

Из более чем десяти видов скотоводства можно выделить три основных, бытовавших на Кавказе: кочевое равнинное с привязкой к водным источникам, наблюдавшееся у ногайцев; стойловое (придомное или на открытых площадках) в равнинных районах; отгонно-пастбищное (транссюманс, с долговременными поселениями пастухов в приальпийской зоне, с частично стойловым содержанием скота, яйлажное и т.д.), преобладавшее в горных и предгорных местах. Отгонно-пастбищное овце-

Толчение винограда ногами
Грузины.
Кутаисская губ.
Фотография 1907 г.
РЭМ 1421-1

По одной из легенд виноград, растущий в Грузии и Абхазии, происходит из косточек, выброшенных из кувшина с божественным напитком, перелетевшего через Кавказский хребет. Наиболее древним способом выдавливания сока из ягод считается топчение ногами. Белое вино производили из чистого сока белых виноградных гроздьев, если же виноградные отжимки находились некоторое время вместе с соком, получались красные вина. Сбор и давка винограда были окрашены праздничным настроением удачного завершения хозяйственного года.

водство требовало долговременного пребывания мужчин вне дома (зачастую пастухи находились под открытым небом круглосуточно), постоянной настороженности при охране стада. Пастухи, выполнявшие «настоящую мужскую работу», были очень уважаемы в народе.

Ведущим в хозяйственном отношении домашним животным являлась овца. Были выведены местные породы овец, среди которых наиболее известны тушинская (грубошерстная), карачаевская (грубошерстная, курдючная), лезгинская (тонкорунно-грубошерстная), карабахская и другие. Выпас овец был строго организованным мужским делом. Овцы давали мясо (мясо ягненка карачаевской овцы славилось на курортах и в российских столицах, сам ягненок был дорогим подарком), шерсть, кожу, молоко. Овец стригли пружинными ножницами два раза в год, весенняя шерсть шла на набивку матрасов, осенняя годилась на качественные валяные и тканые изделия. Доили, как и стригли, мужчины, молочные продукты часто составляли единственную пищу пастухов. Типичным для горных районов были объединения пастухов, позволявшие распределять нелегкие обязанности между собой. Их основой были семейно-родственные отношения, которые, впрочем, не исключали аренды и распределения прибавочного продукта, что позволило в овцеводческом хозяйстве

в середине XIX века перейти к найму работников из других мест и расчетам на товарной основе. На Западном Кавказе разводили коз, что стало следствием древней Балкано-Кавказской традиции: козел был жертвенным животным (в частности, в обрядах почитания молнии), козья шерсть являлась ценной добавкой при изготовлении ковров и других тканых изделий.

Крупный рогатый скот имел несколько другое значение. Быков разводили как тягловый скот, нужный для пахоты и перевозки грузов, рабочий скот усиленно подкармливали. Корова на Большом Кавказе не везде принималась всерьез как источник молока. Молодой скот рассматривался, скорее, как источник мяса для общественных празднеств. Отдельное животное было единицей исчисления различного рода штрафов и взаимных выплат. В горах Северного хребта коровы были малорослыми, но легко взбирались по крутым склонам, самостоятельно находя пищу. Некоторые породы, как, например, хевсурская, признаны ценным результатом народной селекции. Южнее хозяйственная роль коров была значительнее, что не исключало и символического отношения к ним. В Армении стада коров отгонялись в горы, но пасли их женщины, откочевавшие вверх из селений. Мужья посещали своих жен в летнее время, но только один раз — в День св. Шушаник.

Корова считалась чисто женским животным, что усиливалось запретом нерожавшим женщинам доить их. Сакральное значение крупного рогатого скота охватывало широкие территории, особенно на Западном Кавказе, где была известна легенда о корове, выходящей из моря и самостоятельно приходящей к месту ее приношения. Из других видов крупного рогатого скота в равнинных районах Восточного Кавказа были известны буйволы, самки которых давали очень жирное молоко.

В качестве вьючных животных использовались волю, верблюды (в Азербайджане, а также при перевозках на дальние расстояния, организованных курдскими погонщиками), ослы, мулы и лошади. Ослов разводили в центральной части Большого Кавказа, в Дагестане, где селекционировали и мулов, в Армении. Ишак мог перевозить на себе груз, вес которого достигал 80 кг. Лошадь, хотя и поднимала до 120 кг, не использовалась в перевозках грузов, ее основное предназначение объясняла поговорка «Конь — крылья джигита», то есть вооруженного наездника, находящегося в набеге. Хороший конь составлял единое целое с наездником, сам чувствовал дорогу. Для управления конем нагайка всаднику была не нужна, она служила скорее символом устрашения для противника. Верховых лошадей разводили повсеместно, но лучшими породами считались кабардинская и карабахская, находившиеся в родстве с арабскими.

Нужно вспомнить также о разведении свиней, хотя это животное считалось нечистым в

мусульманских землях. В христианской части Кавказа свиноводство сохранилось в его древней форме — свободном выпасе полудиких животных, так же, как было в те времена, когда свинья стала первым одомашненным человеком животным. В Сванетии поросенка называли «ангелом бога».

Благоприятный климат и обилие рыбы давали возможность заниматься рыболовецким промыслом в течение всего года. Археологические и исторические источники свидетельствуют о том, что люди начали ловить рыбу еще в глубокой древности. Различались орудия и приемы рыбной ловли в горах, в нижнем течении рек, в прибрежной полосе моря и на озерах. Испеченная на вертеле рыба была лакомым блюдом. К Новому времени рыболовство заметно утратило свое промысловое значение по сравнению с Древним миром и средневековьем, сохранив его на высоком уровне лишь в отдельных местах. Этнографические данные говорят об ограничении потребления рыбы в ряде местностей, но в то же время и об использовании ее в обрядах плодородия и в лекарской практике.

Все виды хозяйственной деятельности были связаны между собой и с элементами образа жизни в локальные разновидности хозяйственно-культурного типа. Примером может служить Дагестан с тремя подобными вариантами: равнинным, среднегорным и высокогорным. На равнине преобладали развитые полеводство, использовавшее ирригацию, и стационарное скотоводство; в основе питания был выпечной хлеб, в транспорте преобладали колесные кон-

Земледельческие террасы в горах Грузии-хевсуры. Тифлисская губ., Тианетский у. Фотография 1908 г. РЭМ 1261-13

Часть земледельческих террас возникла вследствие движения плуга поперек склона, но большая их часть специально укреплялась во избежание потерь почвы. Особой заботой были удобрение участка и его полив; известны случаи, когда на наделы специально заносилась плодородная земля. Отсутствие какой-либо геометрической формы земельных участков в горах делало бессмысленным измерение их площади — наделы сопоставлялись по затратам труда, объемам посеянного или выращенного зерна.

Верхом
Балкарцы.
Терская обл.
Фотография 1911 г.
РЭМ 212-27

Пастух с отарой овец
Карачаевцы.
Кубанская обл.
Фотография 1900-х гг.
РЭМ 5331-29

В горных районах большая часть скота в летнее время отгонялась к альпийским лугам. Перегонять скот на высокогорные пастбища начинали в мае после завершения окота и возвращения части стада с равнинных пастбищ. Во время выпаса скот требовал круглосуточной заботы: ночью его нужно было охранять, днем умело организовать передвижение. Как правило, на летние пастбища уходили мужчины. Быт пастуха, как и его экипировка определялись долговременным пребыванием под открытым небом. Обычно на 700–800 голов овец и коз приходилось 8–9 состоявших в родстве пастухов во главе со старейшиной.

струкции, селения расплзались большим пятном, одноэтажные дома строили из глины. В горных районах зерно выращивали на искусственных террасах, земли которых обязательно удобрялись и орошались при больших затратах труда; скотоводство было отгонным; в сельском хозяйстве преобладал женский труд, тогда как мужчины были заняты в отхожих промыслах; грузы перевозили зимой и летом на саях; глав-

ным блюдом являлось вареное тесто с различными начинками; в горных долинах расцвело садоводство; селения из каменных домов, расположенных амфитеатром, занимали горные склоны. В высокогорье преобладало скотоводство, со скотом постоянно передвигалась и часть населения; земельные участки располагались на крутых горных склонах; мужчины поголовно уходили на заработки; в пище преобладали пресный хлеб и мучная болтушка; грузы перевозили во вьюках на лошадях или переносили вручную; селения состояли всего из нескольких каменных домов, находившихся на горном хребте и принадлежавших родственникам. Специфической чертой Дагестана было то, что именно в горах особенно развивалось ремесло.

ТРАНСПОРТ

В обеспечении культурно-экономического единства Кавказа большое значение имели транспортные пути. Транспортными путями являлись речные долины, крупные реки (Кура, Риони, Кубань, Терек) были судоходны в нижней части, вдоль русла шли большие и малые дороги. Второй составляющей транспортных магистралей были горные перевалы, правда, проходимые далеко не во все времена года. Дорожная сеть Кавказа состояла преимущественно из трудно проходимых горных троп, сливавшихся кое-где в дороги, ведущие в дальние страны. Одной из главных магистралей стал путь вдоль берега Каспийского моря, ведущий в Иран, в истории Евразии он являлся частью Великого Шелкового пути, проходившего от Китая

Погонщик
с навьюченным ослом
возле арбы
Ботлихцы.
Дагестанская обл.
Фотография 1911 г.
РЭМ 212-12

Арба
Карачаевцы.
Кубанская обл.
Фотография 1911 г.
РЭМ 212-31

до Средиземного моря. Другая проходила через Центральный Кавказ по верховьям Терека и Арагви через Крестовый перевал, Тбилиси, Ахалцихе и далее в Анатолию. Путь вдоль Черного моря функционировал не всегда из-за Колхидских болот, осушенных только в 1930-х годах.

В горных районах преобладали пешие способы передвижения, грузы переносились в заплечных мешках, дорога от моря до моря по Большому Кавказу с учетом остановок занимала от 4 до 8 недель. Мореплавание было развито слабо, местное население ограничивалось прибрежным плаванием.

Взвешивание коконов шелка в лавке Азербайджанцы. Бакинская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 3-ф90-8

Оружейник Грузины-имеретины. Кутаисская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 5551-11

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Ремесло издавна выдвинуло Кавказ в число наиболее известных центров домашних и кустарных промыслов. Монгольское нашествие долго отрицательно сказывалось на состоянии ремесел на Северном Кавказе, но не уничтожило промыслов Дагестана и Южного Кавказа и не нарушило общекавказского разделения труда. Первым по важности и древности следует назвать ювелирный промысел, точнее, обработку серебра. Легенды связывают его происхождение с древними мастерами халебами. Есть версия, что все названия серебра в мире восходят к двум корням, существующим в адыго-абхазских и картвельских языках. Ювелирное дело существовало как искусство изготовления украшений, деталей одежды и оружейного убора. Национальные стили ювелирного промысла имели большую устойчивость, однако к концу XIX века сложилось доминирование дагестанской (кубачинско-лакской), тбилисской, владикавказской школ и ряда центров армянского златокузнечества. В Азербайджане процветали обработка золота и эмальерный промысел.

Многие условия способствовали тому, что на Кавказе сформировался центр изготовления оригинального оружия, особенно холодного. Любой свободный мужчина был вооружен кинжалом, типичным образцом которого являлся

прямолезвийный кинжал-меч. В Средние века распространилась сабля иранского образца, имевшая местные подражания. В XVII—XIX веках в среде адыгских народов была изобретена шашка, ее специфически кавказский облик пленил воинов многих народов, вплоть до русского офицерства. Благодаря этому в конце XIX века выжили оружейные центры Дагестана, Тбилиси и других мест. Примечательной чертой кавказского оружия было использование форм и клейм оружия иранского, турецкого, европейского происхождения в сочетании с собственными изобретениями. Их переплетение являло уникальные образцы, созданные оружейниками глухих ущелий северных и южных склонов Большого Кавказа.

Кузнечество также имеет древние корни. Собственная металлургия Кавказа во все времена существовала только в Армении и на Северо-Западном Кавказе (адыго-абхазо-сванский регион), мастера Дагестана работали на привозном сырье, особо ценя русские кустарные гвозди. Из железа делали орудия труда, очень важные очажные предметы, оружие. Кузнец был больше, чем работник, в ряде мест он выполнял функции лекаря, жреца, судьи; сама кузница стала подобием храма. Из меди делали различную домашнюю утварь: большие медные блюда, тазы, большие и малые сосуды для воды, подойники, кружки. Чтобы избежать вредного действия

Молодой крестьянин
Грузины-хевсуры.
Тифлисская губ.,
Тианетский у., с. Рошка.
Фотография 1907 г.
РЭМ 1261-1

Оружие вошло в мужской костюм и стало элементом повседневной жизни. На Кавказе оружие являлось не просто атрибутом экипировки, но почти частью тела. Повсеместно кинжал был признаком свободного мужчины, сабля или шашка – знаком принадлежности к категории соратников или сражающихся соплеменников.

Кинжал с ножами
Кабардинцы.
Кубанская обл.,
с. Хабез.
XIX–XX вв.
РЭМ 6322-2

На рукояти данного кинжала выгравирована дата: «1320 год Хиджры (1804 год от Р.Х.)», на клинке – клеймо мастера, на устье ножен – имя владельца. Это колющее оружие восходит либо к скифскому мечу-акинаку, либо к древневосточному оружию конца II тысячелетия до н.э. Кинжал больших размеров является наиболее архаичной формой. Обнажение клинка вне боя исключалось; сам клинок являлся мужским символом, ножны – женским.

Подарочный набор
кавказского оружия
Народы Северного
Кавказа и Дагестана.
1880-е гг.
РЭМ 4473-1–6

Кавказское оружие давно вошло в ряд особо престижных подарков, в том числе так называемых «даров властителям». Одним из таких даров был комплекс полного вооружения черкесского воина, преподнесенный цесаревичу Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II.

Продажа керамики
Грузины.
Кутаисская губ.
Фотография
начала XX в.
Из собрания РЭМ

Кувшины
для хранения вина
Грузины.
Тифлисская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 213-125

меди, сосуды лудили. Обилие медной посуды в доме было признаком зажиточности, и потребность в такого рода изделиях была велика. Основным приемом обработки была выколотка изделия или его деталей из медного листа. Литые изделия были редкостью или, как кубачинские котлы с фигурными изображениями, высоко ценимыми раритетами. На дорогах Южного Кавказа можно было встретить бродячих мастеров-медников, носивших в кожаном мешке за спиной различной формы молоточки, наковаленки и инструменты для чеканки и гравировки. В городах и горных селениях были стационарные мастерские. Из северодагестанских и имеретинских селений медная утварь попадала на Северный Кавказ, где не было собственного ее производства. При наличии множества местных мастерских потребности жителей Восточного Кавказа в значительной степени удовлетворяли медники из селения Лагич на севере Азербайджана, где совместно проживали азербайджанцы и таты.

Обработка дерева процветала в лесистых районах Западного Кавказа (особенно в Имеретии и Аджарии) и в центральной части Северного Кавказа, где утварь из дерева заменяла металлическую и керамическую. В Дагестане обращает на себя внимание не только изготовление мелкой утвари (ложкарников, солонков, сундучков для рукоделия), но и крупных предметов — больших резных ларей для зерна в аварских районах, элементов сельской архитектуры

в лезгинских. Инкрустацией по дереву славилось аварское селение Унцукуль. В горах Большого Кавказа (с северокавказской, грузинской или дагестанской стороны) в старинных жилищах центральное место занимал подпиравший матицу резной деревянный столб, являвшийся семейным святилищем. Даже в бедных лесом Армении и Азербайджане не умирало искусство резьбы по дереву, реализовавшееся в мелкой пластике или в деталях архитектурного украшения жилища. Немалое значение имел факт особого отношения к дереву, восходящего к почитанию некоторых пород: груши, ореха, абрикоса, боярышника, кизила, платана.

Обработка камня, без сомнения, принадлежала к области отношений человека и Вечности. Благодаря текстам на древних и средневековых памятниках Кавказа ученые имеют ценный источник по истории многих народов региона. Еще в глубокой древности Кавказ был очагом мегалитических памятников: от дольменных гробниц на Северо-Востоке до циклопических крепостей Южного Кавказа и вишапов — менгириобразных камней с изображением дракона с чертами рыбы и барана, встречающихся в Южной Грузии и Армении. Позднее с тем же смыслом обрабатывали камень для производства надгробных стел, для оформления родников и храмовых сооружений. Несомненно, наивысшим мастерством отличались изделия каменотесного промысла в армянских селениях, где из базальта вырубали покрытые каменным кружевом памятные стелы — хачкары, резьба по туфу украшала дома и кварталы в городах, целиком из каменного массива был вырублен большой христианский храм Гегард.

По библейским текстам можно предположить, что Эдем, где из земного праха (т.е. глины)

Чаши и черпак
Кабардинцы. Терская обл.,
Нальчикский окр. Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 8761-6447, 8761-6431, 8761-6433, 8761-6451

Изготовлением деревянной утвари занимались, как правило, сами хозяева или пастухи. Лучшим материалом для чаш и черпаков являлись твердые породы дерева, например, самшит, или образовавшиеся на стволе дерева наросты-капы. Чаши служили мерками, определявшими дневной рацион семьи, а также величину податей и подаяний.

Солонка
Аварцы.
Дагестанская обл.
Начало XX в.
РЭМ 8761-6113

В горах Дагестана соль хранили в деревянных резных солонках, иногда совмещенных со стаканчиками для ложек.
В оформлении больших аварских ложкарников учултан обязательно присутствовала символика жилища.

Орудия женского труда:
чесалка для шерсти,
ткацкие приборы –
челнок и прибивалка
Грузины.
Тифлисская губ.
Начало XX в.
РЭМ 259-8, 1501-162, 8761-5544

Данные предметы входили в комплект подарков невесте со стороны жениха. Чесалка, имевшая общую форму по всему Кавказу, считалась сильным оберегом. Особенно сильными апотропейными свойствами наделялось изображение руки на предмете, в данном случае – на прибивалке.

Сосуд для шербета
Азербайджанцы.
Елисаветпольская губ.
XIX в.
РЭМ 7293-41

Блюдо
Армяне.
Ереван. XX в.
РЭМ 8409-45

Сосуды для питья
вина: ковши –
азарпеша, сосуды
с витым горлом –
каркара, сосуды
с горизонтальным
горлышком – кула
Грузины.
Тифлисская губ.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 3210-2, 3210-8,
4644-8, 4644-3, 8763-116,
11718-1

Кувшин
Грузины-карталинцы.
Тифлисская губ.,
Гори.
1870–1880-е гг.
РЭМ 5139-10

Все, что связано на Кавказе с употреблением вина, являлось священным актом, в том числе и разливание по бокалам. Для этого использовались кувшины самых различных форм, украшенные разнообразными орнаментальными композициями. Обычно наполненные точками треугольники изображают виноградники, а завитки — виноградную лозу. Данный кувшин в свое время был отобран для личной коллекции Александра III.

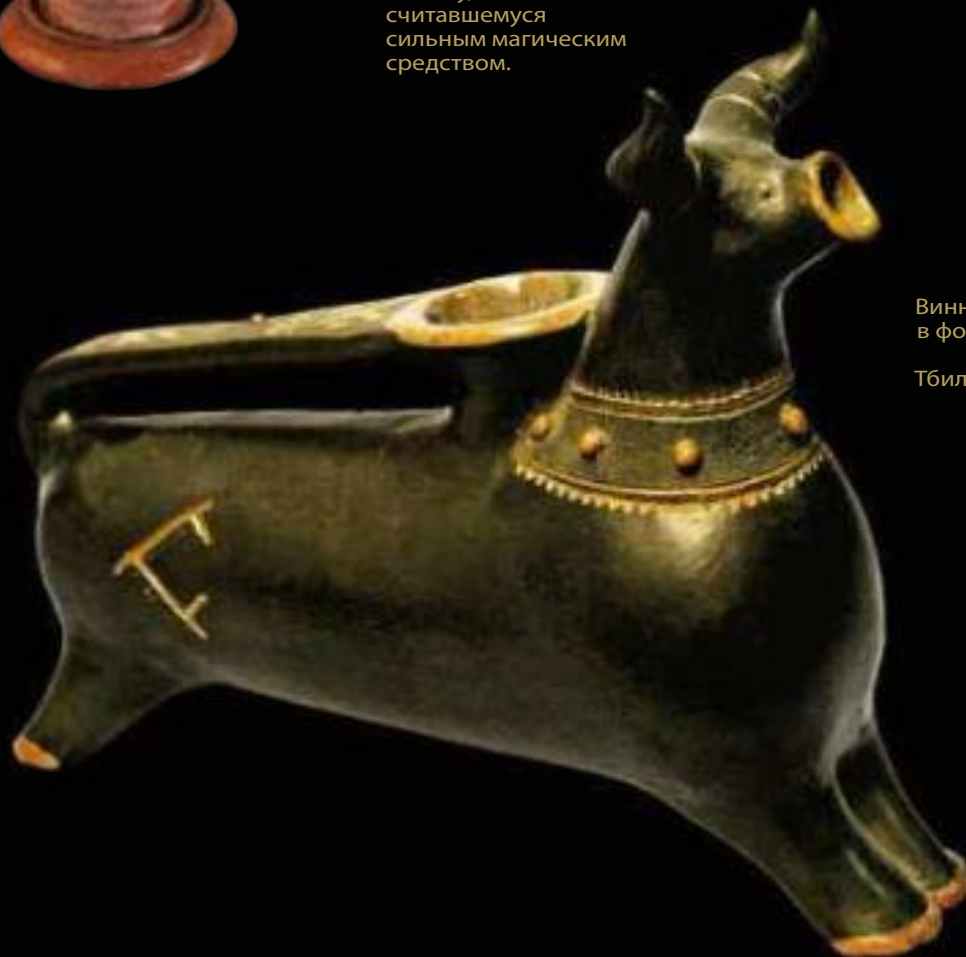
Винный сосуд
в форме оленя
Грузины.
Тифлисская губ.
Начало XX в.
РЭМ 467-191

Форма сосуда позволяет уподобить вино оленьему молоку, считавшемуся сильным магическим средством.

Марани – сосуд для вина
Грузины.
Тифлисская губ.
Начало XX в.
РЭМ 8761-15736

Винный сосуд
в форме быка
Грузины.
Тбилиси. XX в.
РЭМ 8031-2

Сосуд состоит из множества сообщающихся емкостей и воспроизводит вид винохранилища под открытым небом на крестьянской усадьбе или церковном дворе. Марани использовали на мужских пиршествах в качестве круговой чаши или подносили на свадебном пиру новобрачным. «Носик» оформлялся в виде головы рогатого самца-производителя: быка, барана, козла или оленя. В абхазской и грузинской мифологии олень был связан с божествами леса и охоты, баран являлся спутником богини-матери, белый козел посвящался божееству молнии, бык – Великому Богу.

был создан первочеловек, находился недалеко от Кавказа. Указание на Кавказ вряд ли было случайным, учитывая древность и повсеместность керамического промысла на Кавказе. Исключением является только Северный Кавказ, где этот вид деятельности пришел в упадок с монгольского времени. Кавказское гончарство отражает всю мировую историю обработки глины. В Армении сохранялись навыки женского лепного искусства в выколотке или жгутовой технике изготовления керамики, отражавшие раннюю стадию обработки глины. В лакском селении Балхар женщины лепили горшки на медленном круге, расписывая их криволинейными узорами, известными с IV тысячелетия до н.э. В разных районах на быстром круге формовали керамику мужчины, представляя стадию развитого ремесленного производства. Весьма разнообразно по формам и технологиям гончарное дело в Грузии, где известны подглазурная роспись, черное лаковое лощение и другие виды обработки поверхности сосуда. Кумыкские селения Сулибекент и Каякент обслуживали весь Восточный Кавказ. Нельзя не вспомнить, что большинство домов в городах было покрыто черепицей, а водопровод и канализация с использованием гончарных труб на Кавказе известны со времени Урарту.

Обычным представлением о занятиях населения является признание того, что мужские промыслы больше связаны с рынком, а женские удовлетворяли домашние потребности. Для Кавказа это положение верно за одним существенным исключением: сделанные женскими руками ковры испокон веков были предметом вывоза. В Средневековье кавказские ковры и тонкие сукна (т.н. «лезгинские») достигали Нидерландов, Германии, Италии. Армянское слово *карпет*, обозначающее «ковер», закрепилось во многих европейских языках.

Зонами массового производства ковров были Армения, Азербайджан, Южный Дагестан. На Кавказе производили все виды ковровых изделий — как ворсовые, так и безворсовые. В азербайджанских ворсовых коврах количество узелков достигало 260—300 тысяч на кв. м, в других местах делали менее плотные ковры. Безворсовые ковры различались по способу переплетения: *сумах*, *килим*, *зили*, *верни* и т.д. По всему Кавказу известны армянские безворсовые *килимы* — ковры, отличающиеся по характерному крабовидному узору. В Северном Дагестане ковроделие было развито слабее, грузинские ковры не получали высокой оценки специалистов, исключение составляли оригинальные безворсовые ковры *пардаги*, делавшиеся в горной Грузии. В районах массового ковроделия этим ремеслом занимались все женщины, и почти в каждом селении был собственный уникальный

узор. По типу узоров селения объединялись в группы, например, в Азербайджане — Куба, Ширван, Баку, Казах и пр. Ковры типа Куба делали и азербайджанки, и татки, Карабах — армянки и азербайджанки. Можно говорить о ковровой композиции как определенной картине мира, выполненной своеобразным способом.

В тех местах, где не делались собственно ковры, их замещали близкие по функции, но иные по материалу изделия. Адыгские народы плели узорные циновки из рогоза, кумыки использовали для этого нити из растительных волокон, курды применяли тростник. В центральной и восточной части Северного Кавказа и на его южных склонах делали войлочные кошмы, *вайнахи* и кумыки предпочитали мозаичную технику, *балкарки* делали войлоки с двусторонне валяным узором, *ногайцы* выполняли узоры стежками, широко была известна аппликационная техника узора. На Северном Кавказе войлоки валяли женщины, катая его по земле руками; на южных склонах Большого Кавказа валяние было мужским делом, и войлок катили ногами. Мужчины на Кавказе, бывало, вторгались в некоторые типично женские занятия: так, в азербайджанских городах можно было увидеть ремесленников, вышивавших шелком.

Шелк попал на Кавказ по трассе Великого Шелкового пути, ответвления которого проходили в разное время и по Каспийскому побережью, и через горы Центрального Кавказа. Распространение получили ткани как привозные, так и местного производства. Накопление в горах образцов шелка, узорных и вышитых изделий из Китая, Ирана, Византии, арабских стран, Турции привели к феномену так называемых «кайтагских вышивок» — художественных композиций, в которых использовались привозные образцы и их местное воспроизводство, высоко ценимых в качестве украшений интерьера. Что касается местной индустрии шелкоткачества, то ее «слабым местом» было отсутствие умения правильно разматывать нить шелкопряда, вследствие чего нитку приходилось свивать из коротких и толстых обрезков. Сновали нити на прядильных станках, почти для всей восточной части Кавказа такие станки делали горские евреи из аула Мюгюджа.

Вышивание шелком было широко распространено среди женщин и девушек в городских зажиточных семьях. Более престижным было вышивание золотными нитями, различавшееся стиливыми национальными особенностями в Азербайджане, Дагестане, на Северо-Западном Кавказе; горожанки Западной Армении уделяли много внимания кружевам. Горянки из крестьянских семей в часы досуга пряли шерстяные нити или ткали на специальных станках и на пальцах узорные ленты. Если в руках горской женщины

в часы, свободные от полевых работ, не было веретена, то окружающие подозревали, что она тяжело больна. В знатных семьях вышивание являлось престижным времяпрепровождением, в крестьянских — особым занятием невесты и ее подруг. Множество предметов вышивалось ими для подарков в предсвадебный период.

В экономике кавказского хозяйства гендерный принцип разделения труда дополнялся многими другими. Прежде всего, следует отметить динамическое сочетание стационарности и подвижности населения в течение года. Подавляющее большинство не являлось кочевниками, живя в постоянных селениях и городах; при этом земледельцы, особенно в горах, выходили на свои участки, расположенные отнюдь не на усадьбе, а скотоводы большую часть года находились вдали от своих семей. Различные стороны жизни кавказских народов определяло явление отходничества, диктуемое в первую очередь малоземельем в горских селах и межобщинными неурядицами. Особенно оно было свойственно Армении и Дагестану. Значительная часть мужчин уходила на заработки в летнее время года. Работники могли переходить из своего селения в соседнее, находившееся ниже или выше в горах, поэтому различалось и время проведения одних и тех же полевых работ. По знакомым дорогам грузины-сваны уходили на сенокос на северные склоны Большого Кавказа, а ингуши — на строительство домов-башен в Осетию или в грузинские провинции Тушетию и Хевсуретию. К концу XIX века почти в каждом селении можно было встретить одного или нескольких кубачинских или лакских ювелиров, а в городах — целые кварталы выходцев из Дагестана. Также частой фигурой был ремесленник-армянин, в городах — дворник-курд, точильщик-лакец, рутулец или агул; сапожник-айсор; турок-переносчик тяжестей; на базарах городов и предгорных селений появлялись и женщины-лезгинки. География отхода постоянно расширялась.

В плане обмена товарами сельская периферия была экономически инертна. Отчасти эта инертность преодолевалась в ходе хозяйственного взаимодействия горных и равнинных обществ, а также (в Средневековье) насильственным изъятием части необходимого продукта горской верхушкой, проводимым с большой жестокостью. Часть продукта горцы присваивали в межобщинных столкновениях или в набегах на равнинные земли, полоса такого контакта сложилась в пограничье горного Дагестана и Восточной Грузии. Еще одним механизмом обмена были посреднические операции в мелкой торговле, выполняемые разъездными купцами, проникавшими из города в горные аулы. Эту посредническую функцию выполняли кав-

казские евреи (горские, грузинские и исчезнувшие как общность прикубанские), малочисленными группами, а иногда и просто семьями расселенные по всему региону. В XVIII—XIX веках в поселках близ ведущих политических центров происходила концентрация еврейского населения. Еврейская торговля охватывала небольшие области, в дальних торговых связях большая роль принадлежала армянским купцам.

Присоединение Кавказа к России вызвало изменения в его экономике как в виде появления товарного хозяйства славянских колонистов, так и индустриального развития некоторых городов-центров добывающей промышленности (Баку, Грозный), а также внедрения новых видов хозяйства (чаеводство, курортное дело, туризм и т. п.).

Начиная с эпохи Николая I кавказцы служили в императорском конвое, в конце XIX века черкесские и чеченские мужчины уже нанимались охранниками в богатые дома юга России.

Обработка шерсти и ткачество Карачаевцы. Кубанская обл. Фотография начала XX в. РЭМ 212-16

Безворсовый ковер сумах
с изображением драконов
Армяне.
Елисаветпольская губ.
Начало XX в.
РЭМ 5729-3

В дизайне данного ковра заметно влияние ирано-скифского искусства. Компонировка декора откровенно дуалистична, что отражается не только в чередовании красного и белого цветов, но и в рядности расположения элементов декора. Крупные S-образные фигуры трактуются как изображения дракона (арм. вишап, груз. гвешапи). В мифологии Кавказа дракон является хтоническим символом и парен солнечному герою-змееборцу, одной из ипостасей которого является св. Георгий.

Ворсовый ковер
Азербайджанцы.
Бакинская губ., Шемаха. 1900–1904 гг.
РЭМ 377-1

Ковры группы Куба–Ширван относятся к наиболее ярким образцам ковроделия народов Южного Кавказа. Для них характерна высокая плотность плетения и обилие цветовых оттенков, в данном случае – пятнадцать, включая пять разновидностей голубого и зеленого, а также закрытая композиция орнамента, состоящего из геометрических, зооморфных и цветочных мотивов.

Торговля коврами
Грузины.
Тифлис.
Фотография начала XX в.
РЭМ Ф88-35

Предметы
золотошвейного
промысла: подчасник
и чехол для подушки
Адыгские народы.
Кубанская обл.
XX в.
РЭМ 7564-3, 4915-83

В золотошвейном
промысле чаще всего
использовалась
техника вышивки
«вприкреп по настилу»
или гладью; среди
узоров преобладали
растительные мотивы,
в том числе
модификации «древа
жизни».

Ковровый станок и ковры
Армяне.
Ереванская губ.
Начало XX в.
РЭМ 7640-77, 435-6

По преданию,
записанному в Нагорном
Карабахе, ковроткачеству
людей научил черт, чтобы,
увлекая человека
красотой изделий, извести
его тяжелым трудом.
Ткали на вертикальном
станке, иногда
значительных размеров.
В случае необходимости
женщины привлекали к
этому занятию соседок,
отплачивая им участием
в такой же работе.

Селение в Дагестане
Дагестан.
Фотография XX в.
РЭМ Ф 157-13

Выбор места для селения в Дагестане определялся экономией земельной площади, близостью воды и хозяйственных угодий, возможностями обороны, расположением на солнечной стороне. Улицы были узкими, часто они пересекались навесами, балкончиками, перегораживались арочными проходами, что позволяло по необходимости перекрывать их для защиты от врагов. Основным строительным материалом был камень. Дома задней частью врезались в горный склон, в передней выстраивались в два-три этажа.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

До середины XIX века на территории Кавказа одновременно существовали города восточного типа, находившиеся на торговых путях его южных районов, и многочисленные небольшие области с сельским населением, жившим полунатуральным и натуральным хозяйством, часто весьма изолированно.

Размеры и формы сельских поселений определялись ландшафтом и общественным устройством. Основным принципом было совместное поселение родственных семей, составлявших в высокогорье отдельное село родичей, а в других местах селившихся по патронимным кварталам. На равнине и отчасти в предгорьях села старались разместить у реки; в горах под жилище отводились негодные в хозяйственном отношении места. В среднегорной части селились на горных склонах, в высокогорье — на хребтах.

Принцип организации горского жилища базировался на территориальном сближении всех построек вплоть до объединения их в одну, вытянутую по вертикали, конструкцию. Так возникла каменная башня — типичное для центральной части Большого Кавказа жилище времен позднего средневековья (осет. ганах или мысыг; ингушск. гала; груз. цихе сахли). Наличие башни являлось признаком мощи родственного объединения. Сильные семьи достраивали свои селения до замковых комплексов (осет. галуан, ингушск. воув). С падением оборонительной

роли башни к Новому времени вокруг них стали пристраивать одно-двухэтажные дома и хозяйственные помещения. Подобные поселки типичны для высокогорья по обе стороны Кавказского Водораздельного хребта.

Тип селения-усадыбы был характерен для высокогорья и для верхней части лесистых долин Западного Кавказа. Крупные селения могли быть и на равнине, и в горных районах: на Западном Кавказе в предгорьях селения занимали большую площадь, включая и компоненты местного рельефа. В горах Дагестана дома располагались на склоне амфитеатром, так что крыша дома была двориком для усадьбы семьи, жившей выше. Для горных поселений правильнее говорить о двух частях системы: основном доме в поселке и сезонных жилищах при полях, на пастбищах или в местах хозяйственной деятельности.

Горное селение делилось на тесно застроенные кварталы, где проживали группы родственных семей, имело значение также взаимное расположение кварталов по вертикали с приоритетом верхних. В каждом горном селении была площадка в середине села или каждого квартала, а также над селением, где собирались мужчины. Местами общего сбора мужчин были аульные или квартальные мечети и площади. Ниже у водного источника обычно встречались женщины. Выше селения располагалось кладбище. Чуть в стороне от селения могло находиться строение, где проводила время аульная молодежь. Здесь, или в мечети, или в постройке на

площади предоставлялся ночлег странствующим. В систему селения входили также расположенные вдалеке от него хутора.

Равнинные поселения Западного Кавказа представляли собой систему хуторов и усадеб, разбросанных среди лесов и полевых угодий в порядке, продиктованном местным рельефом. Сама усадьба также имела неопределенные очертания и, как правило, была окружена забором или зарослями колючек; попасть на территорию можно было через главные ворота, калитки или перелазы. Усадьба разделялась оградами на хозяйственный и внешний дворы, а также на участки, где выращивались злаки и овощи. Во внешнем дворе односельчане могли собираться на свадьбу, похороны, поминки, особенно его выделение было характерно для усадеб знати. Во дворе обязательно оставляли хотя бы одно большое тенистое дерево, под которым в жаркие дни собирались люди. Он мог быть выгорожен и как отдельный участок с домом для приема гостей и другими постройками.

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Первоначально города на Южном Кавказе возникли как политические и религиозные центры. К раннему средневековью они обрели свою специфику и очень долго сохраняли ее. К концу XVIII века в Грузии насчитывалось более сорока городов, хотя в западной части многие из них потеряли свой городской вид; около сорока находилось в Северном Азербайджане и Восточной Армении. К началу XIX века одни города представляли собой порты-фактории (Батуми, Сухуми), другие — крепости и ремесленно-

торговые центры в узлах транспортных путей (Ахалцих, Кутаиси, Карс, Тбилиси, Дербент, Баку, Нуха, Шемаха и др.). В 1856 году российской статистикой из 33 кавказских городов в пределах Закавказья было отмечено 25. Сказочный азиатский колорит отличал города, бывшие до начала XIX века феодальными столицами восточной части Кавказа. Особое значение имел город Тифлис (совр. Тбилиси), бывший средоточием связей всего Кавказа. Официальной датой его основания считается 458 год, время построения царем Вахтангом I Горгасалом, одним из выдающихся деятелей древней Грузии, укреплений

Башенный комплекс Осетины. Терская обл., с. Нар. Фотография конца XIX в. РЭМ 448-2

Жилой дом и усадьба с коновязью Грузины-гурийцы. Кутаисская губ. Фотография 1900-х гг. РЭМ 213-214

Признаком внешнего двора усадьбы была коновязь — столб или дерево с обрубленными сучьями, к которому въехавший в дом гость мог привязать коня и тем самым обозначить свое появление.

Панорама Тбилиси
Фотография
начала XX в.
РЭМ 5365-26

вокруг уже давно существовавшего города. В Средние века город неоднократно подвергался захватам иноземными войсками, но впоследствии восстанавливал свое значение грузинской столицы. В грузинской традиции испокон веков за Тбилиси закрепилось название Калаки (букв. «город»). В XIX веке за органическое сочетание азиатских и европейских черт в архитектуре и планировке Тбилиси путешественники часто называли его «Меккой Кавказа» и «Парижем Востока».

Градообразующим центром каждого города выступала крепость-дворец с альтернативой в виде рыночной площади, а основной структурной единицей поселения — квартал. Направления узких улиц между кварталами определялись рельефом, внутри были тесные проходы. И в городах, и в селениях усадьба отделялась от внешнего пространства глухой стеной, в жилище попадали из внутреннего дворика, часто переходящего в сад.

Торговая часть южнокавказского города находилась в центре, как и дворец властителя. Ее основными элементами являлись площадь, караван-сарай и мечеть, вокруг которых располагались мастерские ремесленников и лавки местных торговцев. Торговцы делились на баззас, занимавшихся дальней торговлей, аттар, торговавших мелочным галантерейным товаром, баккал — бакалейщиков, дукал — торговцев напитками.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Большое разнообразие видов кавказского жилища благодаря классификации, предложенной этнографами В.П. Кобычевым и А.И. Робакидзе, может быть сведено к нескольким основным типам, связанным с группами народов или отдельными этносами.

Ногайцы долгое время сохраняли кочевнические жилища: юрту — терме и кибитку — отав. Юрта была также известна курдам, юртоподобное жилище — алачиг — использовали в горах азербайджанские пастухи.

На равнинах и предгорьях вокруг Большого Кавказа адыго-абхазские народы, осетины, вайнахи, западные грузины и грузины-кахетинцы, часть аварцев, кумыки, тальши строили из турлука (обмазанные глиной прутья) и саманного (сырого из смеси глины с соломой и навозом) кирпича дома из одной или нескольких комнат под двух—четырёхскатной крышей из растительных материалов. Дом часто имел крытую терраску со стороны двора.

Ранние для Западного Кавказа жилища имели плетеные стены и были круглыми в плане. В XIX веке обычно круглую плетеную постройку с конусообразной крышей строили как временное жилище для новобранцев. Жилой постройкой причерноморских народов был четырехугольный дом со стенами из рубленых досок или плетеными, состоявший из одной—двух комнат и общего помещения с оча-

гом. Со стороны, обращенной к внутреннему двору, к дому пристраивали открытую террасу под навесом, где члены семьи работали и отдыхали.

Недолговечность жилища адыгских народов может быть объяснена вековой нестабильностью на открытых для внешних вторжений землях в предгорьях. Смена места обитания вошла в обычай, что отразилось в правиле адыгских народов равнины перемещать селение каждые 20—25 лет. Черкесские дворяне до середины XIX века даже гордились неустроенностью своего дома, подчеркивая, что их жизнь проходит в походах.

Карачаевцы, часть балкарцев, осетин, горных адыгов делали срубные жилища, причем у карачаевцев дома были объединены вокруг перекрытого двора — арбаза.

Каменный дом — от полуземлянки до двух-трехэтажного дома с плоской крышей (так называемая «горская сакля») — был типичен для всех горцев средних зон Большого и Малого Кавказа. В реальности такого названия не существовало, а местные жители называли постройку по-балкарски уллу юй, по-осетински хждзар или ужладзыг хждзар, по-чеченски цџа, по-грузински чардахиани сахли, дуроиани сахли или квиткири, по-хиналыгски цџџа и т.д. Структура жилища во многом определялась его расположением на горном склоне и строительными принципами плоскокровельного перекрытия на столбовой опоре,

так как выполненные из камня без связующего раствора стены не являлись несущими конструкциями. Выступы этажных перекрытий позволяли превращать их в навесы и подобие балкончиков, использовавшихся для хозяйственных целей.

Максимальное устремление ввысь демонстрировали каменные жилища замкового типа, дома-крепости балкарцев, осетин, ингушей, горных чеченцев, грузин-сванов, тушин, хевсуров, называемые жилыми и боевыми башнями. Большая полуземлянка, перекрытая ступенчатопирамидальным сводом и земляной засыпкой, была типична для армян (глхатун или хазарашенк), грузин Картли (дарбази), азербайджанцев (карадам) и курдов Нагорного Карабаха, а также населения некоторой части Юго-Осетии. В плоскокрышем жилище из глиняных блоков жили на Апшеронском полуострове и в селах Араратской долины. В Южной Осетии и в армянской провинции Зангезур существовали жилые пещеры, имевшие сложное архитектурно-строительное оформление.

Если определять главный признак привязки типов жилища к районам, то нельзя не отметить ее близость к тому, как выделялись пространственные ареалы антропологических типов народов Кавказа.

Городские дома строили из камня, хотя широко применялась и глина. Они были в один-два этажа, в последнем случае на втором этаже появлялся живописный деревянный балкончик.

Ковровый базар
Азербайджанцы.
Бакинская губ.,
Шемаха.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 213-118

ИНТЕРЬЕР

На планировку дома влияли особенности хозяйства и принципы семейных отношений. Как правило, в жилищах равнинных селений народов Кавказа на нижнем этаже находились помещения для содержания скота, хранения молочных продуктов, зерна, дров и утвари. В жилище грузин-хевсур женщины жили в комнате нижнего этажа, именуемой шина, где находился открытый очаг, а мужчины — на втором этаже — черхо. Сообщение между этажами проходило по столбам с зарубками, приставленным к отверстию в перекрытии.

Основным помещением северокавказского дома равнинной местности являлся так называемый унэшхуэ (кабард. «большой дом»). Формально оно было общим для всей семьи, но фактически предназначалось для родительской пары. Его признаком был очаг, венчавшийся высоким дымарем. Со второй половины XIX века для женатых сыновей стали пристраивать отдельные комнаты без очага — лэгунэ (адыг. «дом сородича по плоти»). В жилище также была либо специальная комната, либо отдельное помещение на усадьбе, кунацкая хьаклэщ, предназначавшиеся для приема гостей-мужчин; при их отсутствии в ней проводил время хозяин дома или собирались молодые мужчины. Со временем турлучный дом заменило более комфортное жилище из сырцового или обожженного кирпича.

В традиционном дагестанском доме обычно было несколько комнат, но жизнь семьи сосредоточивалась в одной из них. Передвижной мебели не было. Постельные принадлежности убирали в стенные ниши, одежду хранили в сундуках, для посуды делали ниши под потолком, зерно и молочные продукты держали в деревянных ларях и глиняных сосудах. Дагестанское жилище имело холодный каменный или земляной пол, что стало одной из причин широкого бытования

ковров. Большие ковры покрывали полы дворцовых зданий, настенные ковры украшали и формировали пространство дома. Ковры также могли заменять мебель. В религиозных и семейных ритуалах ковер являлся плоскостью, отделявшей человека от земли.

Сакральным центром жилого пространства у горцев Северного Кавказа и Дагестана был очаг с открытым огнем, горевшим в центре дома или помещенным в камин у стены. Огонь, горевший в очаге, считался священным. В него нельзя было бросать мусор, запрещалось раздувать огонь воздухом изо рта. К огню приближался для моления только глава семьи. В зону очага не допускались чужие по крови и посторонние, исключение делалось только для хозяйки дома.

За очагом было место хозяина дома, часть дома по правую сторону от огня была мужским пространством, по левую — женским. Над очагом висела железная цепь, главная святыня дома, в местных верованиях к ней относились как к части вертикальной оси мира, воплощению небесного огня. Другой святыней был центральный столб. У народов Малого Кавказа, например, армян, основная комната содержала углубленный глиняный очаг, а специальное гостевое место устраивалось рядом с помещением для скота.

Старинное горское жилище было слабо освещено. Маленькие окна почти не пропускали свет, поскольку предназначались для незаметного наблюдения изнутри. К дымному огню очага в полумраке добавлялись тусклые огни напольных и подвесных светильников. На Южном Кавказе пользовались переносными маленькими масляными или нефтяными лампами, в которых фитиль вставлялся в горизонтальный носик. Для освещения служили лучины, свечи из бараньего жира, иногда с добавлением картофеля, и просто жир или масло, налитые в чашечку светильника.

Усадьба равнинной местности
Кабардинцы. Кубанская обл.,
Баталпашинский у.,
Хахандуков аул. Фотография
конца XIX – начала XX в.
РЭМ Ф 92-6

Подвесной
надочажный светец
Осетины.
Терская обл.
Конец XIX в.
РЭМ 8761-7233

Скатерть
Грузины.
Тифлисская губ.
Начало XX в.
РЭМ 10549-4

Переносные столики
Кабардинцы, ногайцы.
Кубанская обл.; Дагестанская обл.
Начало XX в.
РЭМ 8761-15736, 333-20

Трехногие низкие переносные столики бытовали у оседлых народов в различных гористых регионах от Пиренеев до Гиндукуша, а также у кочевников-ногайцев. Количество ножек в том числе определялось сакрализацией числа «три». У ряда народов Северного Кавказа высота такого столика была примерно равна высоте колена сидящего мужчины. Пищу выкладывали на столешницу, иногда делая в центре углубление для соуса или приправы. Столики, которых в доме было несколько, хранили на колышках, вбитых в стену. При приеме гостей столики накрывались на двух-трех человек. В домашних культах такой столик являлся жертвенником, на котором глава семьи совершал моление. В фольклоре адыгских народов герой, демонстрируя ловкость, танцует на столике.

Напольный светец
Каратинцы.
Дагестанская обл.,
Андийский окр.,
с. Карата. Вторая
половина XIX в.
РЭМ 2034-330

В горских святилищах наряду с традиционными переносными светильниками использовались высокие вертикальные светецы на трех ножках, где сочетались свечи с масляными фитилями. Вероятно, что они восходят к напольным светецам, которые много лет назад стояли в христианских храмах и были восприняты на Северном и Восточном Кавказе через грузинское и абхазское посредничество из церкви Византии.

Сумах –
безворсовый ковер
Лезгины-кюринцы.
Дагестанская обл.
Конец XIX в.
РЭМ 4462-1

В традиционном дагестанском жилище с каменным или земляным полом для защиты от идущего снизу холода лучше всего подходили ковры, выполненные в технике сумах, имевшие с изнанки слой выпущенных нитей, создававших теплоизоляцию. Данный ковер происходит из коллекции великого князя Георгия Александровича в Абстуманском дворце в Грузии. В декоре ковра можно видеть часто встречающиеся медальоны в виде многоугольников, которые могли быть символами накрытых столиков или блюд с различными дарами.

Веера для раздувания
огня в очаге
Адыги-бжедухи.
Кубанская обл. XX в.
РЭМ 2006-38; 7564-6

Представители дворянства в традиционной одежде Грузины. Фотография второй половины XIX в. РЭМ 8764-6403

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Народный костюм на Кавказе гораздо хуже поддается систематизации, чем жилище: у него нет таких четких ареалов бытования, в то же время далеко не всегда типы одежды совпадают с отдельным этносом, подчиняясь субэтническим делениям и межэтническим связям. Сложно говорить об общей типологической схеме костюма для всего Кавказа, можно только отметить близость кроя мужской и женской одежды в отдельных регионах, различие девического и женского комплексов, обязательность для всех головного убора и пояса (чаще ювелирного), использование в костюме изделий из драгоценных металлов, преимущественно серебра.

В мужской плечевой одежде Южного Кавказа доминировали виды халатообразной чухи с разрезными рукавами, на Северном Кавказе чуха была превращена в приталенную черкеску, имевшую два варианта: северокавказский на клиньях и имеретинский на сборках. В комплекс одежды свободного мужчины входили меховой головной убор (папах) и кинжал. Папаху носили постоянно, даже в помещении. Использование меха имело не только практическое значение,

но также было связано с исконной ролью мужчины как охотника. Более ранние разновидности папах имели заостренную форму, низкий вариант с расширяющимися кверху краями околыша появился в начале XX века. Повсеместно на Кавказе этот вид головного убора является предметом мужской гордости, прикосновение к нему постороннего воспринимается как оскорбление. Значение папах как символа мужчины проявляется в обряде сватовства, когда жених забрасывал ее в окно комнаты своей избранницы. Шутливое отношение к чрезмерному почитанию этого головного убора нашло свое выражение в распространенных на Кавказе специфических мужских состязаниях похищения и возвращения папах типа азербайджанской игры «сюр-папах». Обобщенный образ кавказца включал также элементы походного костюма, такие как головной убор в виде капюшона — башлык и войлочный плащ-бурку или другую накидку. Кинжал являлся главным украшением мужского костюма, фактически неснимаемой его частью.

Женский костюм имел некоторые региональные различия. Так, длинная рубаха из тяжелой дмотканины была свойственна женщинам южной и восточной части Большого Кавказа, на

Мужчина
в традиционном
костюме
Курды.
Южный Кавказ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 213-126

Уличный торговец
Грузины.
Тифлис.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 213-30

Специфическую прослойку в среде торговцев Тбилиси составляли кинто (от груз. кинти – «покрывало», подкладывавшееся под носимый на голове большой подностабаки). Среди них были владельцы лавок и духанов (маленьких ресторанов), но основной массой являлись торговцы продуктами питания. Кинто выделялись своеобразной одеждой: они носили широкий черный подпоясанный серебряным поясом архалух, давший группе еще одно название – карачохели (букв. «в черной одежде»), и заправленные в сапоги широкие штаны. Принципом торговли кинто было сочетание живого диалога с покупателем и импровизированных театральных действий, проводившихся с ошеломляющим напором с использованием «интернационального» сленга, часто бессмысленного, но понятного горожанам и веселящего их.

Северном Кавказе и в Грузии женщины предпочитали длинное распашное платье. Кабардинки носили под платьем кафтанчик с видными из разреза серебряными застежками; грузинки-карталинки и восточные армянки под вырез платья надевали вышитый нагрудник — гулспири, а пояс сарткели дополняли расшитые полосы, спускавшиеся долу; азербайджанки в качестве верхней одежды носили и длинное платье, и короткий архалух. Ювелирные предметы, носившиеся женщинами, были не столько украшениями, сколько оберегами. Они обеспечивали магическую защиту от «злых» сил природы, опасных в различные периоды жизни. Они «защищали» также и мужчин от сил, бывших для них «опасными», но покровительствовавших женщинам. Относительно мало ювелирных изделий носили женщины Северного Кавказа (пояс и нагрудник) и грузинки, значительно больше — азербайджанки и армянки. Много различных украшений входило в костюм женщин Дагестана: порой они сплошным слоем нашивались на переднюю часть одежды, таким образом охраняя чрево, грудь и голову. Магической силой наделялись серебро, круглой формы предметы,

цепочки, колокольчики, изображения животных и птиц.

Во второй половине XIX века повсеместное распространение в мужской одежде народов Кавказа получил северокавказский комплекс на основе черкески с нагрудными кармашками, заполненными газырями. Впоследствии он был также заимствован казаками, полюбился русским офицерам. Северокавказский мужской костюм сложился в XVII—XVIII веках как костюм воина-наездника в адыгской аристократической среде. Адыгский вариант костюма отличался жесткой нормативностью размеров и являлся законченным образцом выражения «кавказского» стиля облика мужчины. Он состоял из рубахи, штанов, бешмета с наглухо закрытой грудью и стоячим воротничком, черкески, папахи, узкого пояса с подвесками и кожаной обтягивающей стопу обуви. Праздничный адыгский женский костюм сохранил внешние признаки воинского доспеха, что позволяет провести аналогии с амазонками — девами-воительницами. Для него характерна вытянутость всей композиции комплекса по вертикали, чему способствовали котурны — обувь особой формы, приподнимавшая женщину над земной поверхностью. В фольк-

Мужчины
в верхней одежде
различных типов
Абхазы.
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
Фотография начала XX в.
РЭМ 5356-24

лоре адыгов женские котурны сопоставляются с конем мужчины-всадника.

Общедагестанский комплекс одежды в основе имел головной убор, обувь, рубаху и штаны, дополненные в мужской одежде шубой-накидкой. Позднее мужской комплекс одежды сблизился с северокавказским на основе черкески и бешмета. Женщины носили сложной формы головные уборы, платье-рубаху, в некоторых селах — архалух, а также шаровары, нижняя часть которых украшалась вышивкой. Принципами организации дагестанской женской одежды, как и женского костюма большинства народов Кавказа, являлись многослойность, скрадывание форм тела, присутствие различного рода оберегов. Замужней женщине необходимо было закрывать волосы. Так, например, головной убор кубачинки состоял из несшитого чепца — чухта, большого платка-накидки — каза, драпировавшего верхнюю часть туловища, и верхнего цветного или однотонного платка — кате. Шуба в дагестанской женской одежде являлась атрибутом либо невесты, либо старухи. Девичья одежда была нарядней женской, свадебный костюм отличался от девичьего большим числом оберегов.

Горные тропы требовали особой формы обуви, поэтому и мужчины, и женщины носили шерстяные вязаные сапоги — чадоби с плетеной подошвой и загнутыми носами, украшенные традиционными узорами. Такая обувь обязательно входила в приданое невесты, являясь частью самого свадебного ритуала. Специальные нарядные вязаные или войлочные сапоги женщины надевали один раз в жизни: на саму свадьбу или на обряд первого выхода за водой.

Срединное положение между традиционной одеждой женщин Дагестана, осетинок и кабардинок занимает чеченский костюм. Основу одежды замужней женщины составляли длинное платье-рубаху — коч и шаровары — хечи; во время полевых работ женщины подтыкали рубаху за вздержку штанов. Волосы закрывали чепцом с мешком для кос — чухтом, девушки набрасывали платок на голову, открывая косы.

Девочка в нарядной одежде Азербайджанцы. Бакинская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 90-30

Мужчины в повседневной одежде Горские евреи. Бакинская губ., Куба, Еврейская слобода. Фотография начала XX в. РЭМ 214-170

Одежда горских евреев была близка азербайджанской. Мужчины, как и другие кавказцы, носили кинжал. Женский костюм отличался от мусульманского лишь некоторыми деталями.

Дворяне Боташевы
Кабардинцы.
Терская обл.
Фотография 1890 г.
РЭМ 5331-10

Жестко регламентированный адыгский этикет служил образцом для подражания, и поведение представителей княжеского сословия было особо значимо: малейшее отступление от кодекса чести (в первую очередь воинского) становилось темой для обсуждения окружающих.

Мужчина и женщины в повседневной одежде Кабардинцы.
Терская обл.
Фотография конца XIX – начала XX в.
РЭМ Ф 92-17

Одежда азербайджанцев является отражением процесса сложения самого народа. Основу мужского костюма, близкого к типичному для Южного Кавказа образцу, составляли шаровары и архалук с прямым стоячим воротничком и суженными к кистям рук рукавами. Он мог быть двубортным, что являлось редкостью для остальных областей Кавказа, где в мужской одежде доминировал однобортный архалук. Поверх архалука носили разной длины чуху с разрезными рукавами, которые могли быть и ложными — несшитыми и при ношении забрасываться за спину. Чуха с газырями получила распространение только с конца XIX века. В отличие от чухи архалук обязательно подпоясывался. Типичным мужским головным убором являлась высокая остроконечная папаха из плотного меха. Под нее надевали маленькую вышитую шапочку — арпачин, которая оставалась на голове, если снимали папаху, например, во время молитвы. Костюм знатного человека могла дополнять длинная шуба, носившаяся, скорее, как накидка, так как имела очень узкие рукава.

Азербайджанская женская одежда шилась из ярких тканей, в костюме присутствовали серебряные и золотые украшения. У некоторых групп азербайджанок Нахичевани шаровары

шили и носили так, как это было принято у кочевников Среднего Востока.

Грузинская одежда демонстрирует зависимость большинства ее компонентов от локальной и социальной принадлежности групп населения. В мужской одежде на востоке преобладал комплекс с архалуком или его модификациями, на западе — с черкеской, в том числе короткой, на юго-западе — с короткой чухой. Женщины вместе с длинным платьем носили головной убор, состоявший из обшитого бархатом или шелком ободка и легкой вуали.

Армянские костюмы, как мужской, так и женский, отличались большим разнообразием. Основные типы костюма привязывают к двум провинциям исторической Армении — Восточной и Западной (Турецкой). С вхождением части Восточной Армении в состав России началось переселение на ее земли армян из Турции, Персии и других земель. Прибывшие селились в армянских городах и селах, а также в других местностях Кавказа. С переселенцами была принесена и вся многообразная картина народной одежды, причем в одном и том же селении стали приживаться разные ее виды. В городах возникали синтетические формы костюма, сочетающие признаки восточного и западного типов, элементы общекавказского кроя и городской

моды. В восточноармянском типе женской одежды присутствует весьма сложный головной убор, который готовили на длительный срок ношения, примечательной чертой западноармянского женского костюма являлся фартук. Столь же своеобразно на общекавказском фоне выглядит западноармянский мужской костюм, включавший вышитую рубаху с расшитыми лентами на рукавах, жилет, короткую куртку и шаровары с очень широким шагом. Сходный комплекс одежды был принят у части курдов.

Традиционный мужской костюм курда включал широкие шаровары — хевалькрас, жилетки элэк, или пэстэк, а также рубаху — крас. Основой головного убора служил войлочный колпак — кюлав, на который наматывали платки с кистями: чем больше их было, тем наряднее считался убор. На ногах носили шерстяные носки и обувь из кожи, в сельской местности ее часто шили из кожи головы быка. В курдский мужской костюм обязательно входил пояс — пэшт, или кямбар, по материалу и конструкции которого различались племенные общности курдов, а также различные образцы оружия: сабли — шемшир, кинжалы — хенджар, в том числе и многолезвийные, топорцы — наджах, пики — мэрах, ружья, пистолеты и т.д.

Женщины с детьми
в повседневной одежде
Абхазы.
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
Фотография начала XX в.
РЭМ 5351-12

Женщина
в праздничной одежде
Кубачинцы.
Дагестанская обл.,
аул Кубачи.
Фотография начала XX в.
РЭМ 3364-1а

Девушки
в праздничной одежде
Чеченцы.
Северный Кавказ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ Ф 92-41

Парадной одеждой
чеченских девушек
было глабали – платье
с кружевами и
застежками, нашитыми
на его разрез.

Мужской парадный костюм
Гурийцы.
Кутаисская губ.
Первая половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский праздничный костюм
Грузины-карталины.
Тифлисская губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Испокон веков красный цвет символизировал благополучие и имел особое значение, распространявшееся на женщину, в частности, в период свадебных ритуалов.

Женский праздничный костюм
Кубачинцы.
Дагестанская обл.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский костюм
Азербайджанцы.
Бакинская губ.,
Шемаха. Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский костюм
Армяне.
Ставропольская губ.,
Кизлярский у.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный костюм
Грузины.
Тифлисская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской костюм
Грузины.
Тифлисская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской костюм
Черкесы. Северный
Кавказ. Первая
половина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской
повседневный костюм
Кабардинцы.
Терская обл.
XX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный костюм
Адыгские народы.
Кубанская обл.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный костюм
Курды. Эриванская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской
праздничный костюм
Курды. Эриванская губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Котурны
Черкесы.
Черкесская
автономная обл.,
с. Кесаево.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 8762-14963

Женщина в праздничном костюме Армяне. Тифлисская губ., Ахалцихе. Фотография начала XX в. РЭМ 213-180

Старуха, замужняя женщина и девушка в повседневных костюмах Армяне. Тифлисская губ. Фотография 1905 г. РЭМ 747-4

В костюме богатой армянки из южногрузинского города Ахалцихе, где армяне составляли значительную часть населения, использованы дорогие ткани.

Богато украшенный головной убор включает феску, вышитый ободок вард, украшение из монет надо лбом, свисающие у висков нити жемчуга с золотыми кружками и кружевной платок, имеется также множество шейных и нагрудных украшений. Традиционно в костюм входит серебряный пояс с массивной пряжкой.

Подвески и серьги Аварцы. Дагестанская обл., Гунибский окр., аул Чох. 1900–1904 РЭМ 501-9; 7422-33; 502-9

Традиционным сюжетом декора дагестанских ювелирных изделий было изображение существа с признаками птицы и зверя, что позволяет связать его с мифическим крылатым конем. Развернутые в стороны, симметрично размещенные головки напоминают о принципе двойственности, характерном для организации социальной жизни и мифологической картины мира многих народов Кавказа. Парными предметами такой конструкции можно было обозначить все четыре стороны света. Подобные подвески женщины носили нашитыми на одежду или чаще вплетенными в волосы около висков.

Хлебная лавка
Армяне.
Ереванская губ.,
Александрополь.
Фотография 1900-х гг.
РЭМ 213-76

На Кавказе, особенно в районах Малого Кавказа, очень распространен древнейший способ выпечки хлеба из пресного теста. К хлебу относились с глубоким почтением: хлебом клялись, его нельзя было бросать на землю, рядом с хлебом запрещалось громко разговаривать и ругаться, особым правилом был запрет резать его ножом. По легенде, оскорбление хлеба и сыра было причиной масштабных природных катастроф.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

Обретшая в последнее время мировую популярность кавказская кулинария также не являлась однородным явлением. Так, например, можно говорить об аскетичности системы питания горцев Большого Кавказа и разнообразии южнокавказской кухни. Грузинская кухня, как и армянская, славилась обилием приправ, но была не так калорийна. Горцы почти не употребляли рыбы, а в Грузии и Армении ее искусно готовили. Рубленое мясо отличало армянскую и азербайджанскую кулинарию, но в мужском застолье мясные блюда присутствовали повсеместно: знаменитый шашлык — испеченные на углях кусочки мяса — в своем генезисе восходил к пиру воинов в походе. Наиболее популярна была баранина: ее пекли, варили, сушили для долгого хранения; горцы Северного Кавказа консервировали вареную баранину, залив ее курдючным жиром.

Варианты систем питания определялись видами хлебных и молочных продуктов. Примечательно, что в лексике кавказских народов едой считается именно хлеб, а остальные виды питания относятся к категории приправ. Там, где преобладали посевы ячменя и пшеницы, основой стола был печеный хлеб из молотой на ручных или водяных мельницах муки. Так, например, в Армении на вертикальной стене глиняной печи пекли тонкие хлебные полотнища из пресного

теста — лаваш. Такими тонкими лепешки получались из-за высокого содержания клейковины в местных сортах пшеницы. В процессе замешивания теста и выпекания хлеба участвовали женщины из всех семей рода. Только в городских пекарнях при хлебных лавках этим занимались мужчины. Технология выпечки предусматривала быстрое получение большого количества хлеба, что позволяло обеспечить потребности семьи на длительное время. Тонкий хлеб составлял основу блюда-трапезы: в лаваш заворачивали сыр или зелень, к тому же лепешка служила то ложкой, то салфеткой и потом съедалась.

В горах центральной части Большого Кавказа на каменном или железном противне выпекали толстые пресные лепешки. В Восточной Грузии в печах из пресного и кислого теста готовили хлебцы-пури. На праздники делали пироги с начинкой, чаще всего с сыром. У балкарцев излюбленным блюдом были хычины — испеченные на сковороде блинчики с начинкой из мяса и зелени; считалось, что чем они тоньше, тем лучше. У адыгских народов, в Абхазии и Западной Грузии доминировала паста — круто сваренная просяная крупа, на Северо-Восточном Кавказе — вареные клецки, в Дагестане и Грузии были популярны хинкали — большие пельмени с разнообразной начинкой. В Азербайджане и Армении были распространены различные виды плова из вареного и жареного риса в сочетании с растительными и животными добавками.

Юго-восток являлся центром популярности выпечных изделий из сладкого теста.

Все народы Кавказа употребляли в пищу молоко, в большей степени коровье и овечье. Козье молоко считалось целебным продуктом, а буйволиное — лакомством. Свежее молоко использовали в качестве приправы и давали детям и больным, в пищу же преимущественно употреблялись кисломолочные продукты, сделанные из снятого молока. Из кислого молока собирали сметану на масло и делали различные продукты молочно-кислого брожения: айран, мацони и др. В некоторых районах Западного Кавказа сливки на масло снимали и со свежего молока. В пищу обычно употреблялось топленое масло.

Самым популярным продуктом у народов Кавказа был сыр. Существовало множество видов и способов его приготовления. Выделялись молодые (мягкие) сыры, а также выдержанные в соляном растворе, высушенные и копченые. Традиционным западнокавказским способом сыроделания являлось подогревание сыворотки, восточнокавказским — сычужное сквашивание. Сыр ели с молочной сывороткой, зеленью, хлебом, клали в пироги. О древности сыроварения говорят запреты на передачу кому-либо закваски и нежелание торговать сыром.

Весьма разнообразны были употребляемые на Кавказе напитки. Сохранившие наследие тюркских кочевников карачаевцы, используя бактерии спиртового брожения, делали легко опьяняющий кефир, с монгольскими воинами было связано знакомство с молочной водкой. Массовое распространение имела культура вина, привычная для Абхазии, христианских Грузии и Армении, но и в мусульманских районах не вытесненная до конца. В Сванетии, Хевсуретии, Осетии гнали зерновую водку. Осетия проявила себя как родина хорошего пива, которое очевидцы сопоставляли с английским портером. Потреблению алкогольных напитков, как правило, придавалось ритуальное значение, в частности, в поминальной обрядности. Горцы Северо-Западного Кавказа пили легкую просяную брагу, но могли употреблять и более крепкую с добавлением меда. На Северо-Восточном Кавказе был распространен т.н. «калмыцкий чай», сваренный из кирпичного чая с молоком и овечьим жиром. В Азербайджане обрел популярность черный чай, который заваривали при помощи русского или азиатского самовара и пили из стаканчиков колоколовидной формы вприкуску с сахаром. Причерноморские города были знакомы с кофе, пришедшим из Турции.

УТВАРЬ

Утварь народов Кавказа напрямую связана с их традиционной хозяйственной деятельностью и включает в себя емкости для воды, утварь для приготовления пищи, обработки молочных и других продуктов, сосуды для их хранения, различную посуду, в том числе парадную. Особо широко были распространены керамические изделия, как лепные, так и изготовленные на гончарном круге. В горных условиях утварь делали в основном из дерева; медная посуда повсеместно имела в той или иной степени парадный характер.

Большую группу составляли сосуды для воды — кумганы и водоносы, различавшиеся в разных областях Кавказа по форме и орнаментации. Широкие плоскодонные водоносы бытовали на Южном Кавказе, биконическими пользовались женщины дагестанского аула Кубачи, на северо-востоке Большого Кавказа предпочитали сосуды с высоко поднятым шаровидным туловом. В большинстве мест утварь для воды делалась из луженой меди, реже — из дерева или глины. Символика декора таких сосудов весьма разнообразна и отражает представления народов Кавказа о трехчастности мира, небесном происхождении воды и ее природном круговороте. При этом форма сосуда уподоблялась абрису женского тела, что указывает на их сакральную связь.

Разнообразную по формам категорию утвари составляли маслобойки. В одних местностях масло сбивали в деревянных вертикальных маслобойках (горные грузины использовали ее горизонтально) с помощью мутовки, как было принято у оседло-земледельческих народов; в других местах — в горизонтальных кожаных или керамических емкостях, и хотя такой способ считается характерным для кочевников, им пользовались, в частности, армяне.

Утварь для потребления вина на Кавказе развивалась вместе с эволюцией культуры застолья в сторону усложнения, что было особенно характерно для утвари, употреблявшейся на пирах грузинских дворян. Винные сосуды отличались сложной формой и утонченным орнаментальным стилем, в иконографии утвердились сюжеты, демонстрирующие престижные виды мужской деятельности — охоту, войну, пиршества, при этом грузинские народные мотивы сочетались с принципами и элементами иранского прикладного искусства дворцового стиля. Отдельное место среди винных сосудов занимали рога, являвшиеся жертвенным предметом в древних охотничьих культурах. При их оформлении использовалось серебро, символически связанное с лунным светом, а на остром конце часто делалось навершие, изображавшее птицу — символ неба и «души» предмета. Семантически

Чаша побратима
Абхазы.
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 4922-2

Чаша пастуха
Абхазы.
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
1900-е гг.
РЭМ 1247-84

Абхазский пастух носил на поясе одну–две деревянные кружки, которые вырезались из корневища кавказского остролистого клена, отличавшегося особо плотной и вязкой структурой.

На Кавказе были широко распространены различные виды сообщающихся сосудов, в том числе сдвоенные «чаши побратима».

Из них пили при примирении кровных врагов, заключении договоров, клятвах представителей двух объединившихся родов. Устройство чаши таково, что никто не мог выпить из нее больше половины, не рискуя позорно облиться вином.

Винные рога
Грузины. Тифлисская губ.
Вторая половина XIX в.
РЭМ 6868-13

Агаман – сосуд для соли
Армяне.
Кавказ.
Место не установлено.
Начало XX в.
РЭМ 8761-573

Соль высоко ценилась и рассматривалась не только как необходимая приправа к пище, но и как символ семейного благополучия. В армянской семье одним из первых обрядов в жизни человека наряду с крещением было посыпание младенца щепоткой соли. Практически в каждом доме находились керамические агаманы для соли, выполненные в виде фигуры беременной женщины с признаками пола и элементами прически. Соль извлекалась из отверстия на «чреве». Одновременно агаман являлся и домашним святилищем.

Утварь для обработки молока: медный и деревянный подойники и форма для сыра
Азербайджанцы, абхазы, адыги-шапсуги.
Северный и Южный Кавказ.
Начало XX в.
РЭМ 8761-5819; 8761-6271; 2947-23

Из молочных продуктов первое место в традиционной кавказской кухне во всех отношениях принадлежало сыру. Отжимали его только руками, формуя в корзинках или чашках. Первый изготовленный круг сыра посвящали домашнему божеству, отдельно готовились сыры для календарных праздников.

Обеспечение дома водой издавна считалось обязанностью женщин. Только в городах могли существовать профессии водоноса и торговца водой, в сельской местности роль мужчин в добыче воды ограничивалась работами по оформлению доступа к роднику.

В Дагестане и Армении считалось богоугодным делом построить у источника красивое каменное сооружение. Питьевую воду никогда не брали из колодцев, предпочитая родниковую, реже речную.

К источнику нельзя было подходить в неопрятном виде и без украшений, которые являлись для женщины ее личными и семейными амулетами. Вступление молодой женщины в семью мужа признавалось после ее первого выхода за водой.

Кумган для омовений и медные сосуды-водоносы
Армяне, кабардинцы, чеченцы.
Эриванская губ., Терская обл.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 7640-16; 1260-50;
7982-1

Женщины у родника
Табасаранцы.
Дагестан.
Фотография XX в.
РЭМ Ф801-25

рог обладал признаками земного и небесного, был емкостью для животворящей влаги.

Характер кухонной утвари зависел от системы питания и ее главных компонентов, поэтому существовали специфические приспособления для выпечки хлеба, варки крупяных паст, жарения мяса и др. Особым своеобразием отличались шлемоподобные крышки для сохранения тепла выложенного на блюдо плова.

В зависимости от развития уровня металлообработки, традиций использования утвари и семейного благосостояния в доме могло находиться различное количество медной посуды, обладание которой являлось показателем престижа дома. Как правило, все медные сосуды — кувшины, подносы, кружки, светильники — были покрыты орнаментом, в мотивах которого присутствовала символика сакрального отношения к явлениям окружающего мира.

Посохи
Кабардинцы, грузины.
Терская обл.,
Нальчикский окр.;
Тифлисская губ., Гори.
Начало XX в.
РЭМ 8761-6462; 1500-70

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Социальное устройство Кавказа в дороссийское время определялось нормами феодального строя, хотя в науке проблема так называемого «горского феодализма» является дискуссионной до сих пор. При всей сложности и неравномерности отношений главными силами были крестьянская община и фамилии феодалов. На Южном Кавказе еще существовала царская власть, в ослабленном виде сохранившаяся с древности до Нового времени только в Грузии. В Армении и царская власть, и слой крупных феодалов уже давно были истреблены, в Азербайджане к концу средневековья утвердилось сословие ханских династий тюркского происхождения. Сходно выглядели местные правители Дагестана, шамхал Казикумухский или Тарковский, уцмий Кайтагский, хан Аварский, майсум Табасаранский, султаны Дербентский и Элисуиский. Находясь в поле вассалитета иранского шаха, они, стараясь выйти из него, могли заявлять о готовности перейти в подчинение России. Показательным был социальный строй средневековой Кабарды, объединявший крестьянское (сословие свободных — тфокотли, зависимых — лагунепыты и оги), княжеское (пши) и дворянское (уорки) землепользование при сакральной поддержке верховенства княжеского дома, или Дагестана, где между феодалами (беки) и крестьянами (уздени) стоял слой детей феодалов от неравных браков — чанка. Основой феодальной власти было прямое насилие над крестьянами, осуществляемое в том числе и в виде сезонных военных походов.

Сословие крестьян делилось на группы феодально-зависимых (в Дагестане — уздени) и относительно свободных общинников (райяты, чагары). Еще одним сословием были рабы из числа военнопленных (лаги, кулы, караваша, унауты), которые могли быть и у феодалов, и у свободных общинников. В государствах Южного Кавказа, если не считать их горной периферии,

---

На Кавказе посох являлся атрибутом мужчины, характеризовавшим его статус. В мифологическом сознании он сопоставлялся с мужским детородным органом или со змеей; в сказочных сюжетах посылался вперед и исполнял роль своего хозяина.

Посох старшего — знак власти главы семьи. Аналогией посоха являлась палка, вручавшаяся главе артели.

Сельский староста прикосновением палки назначал на общественные работы.

На одном из посохов имеется текст: «Илья Арчовадзе! Что ты поручил мне, я исполнил». Этот посох был даром мужчине, пожеланием обретения лучших личностных качеств.

подавляющее число крестьян было зависимо или закрепощено. В горах Большого Кавказа, преимущественно в Дагестане, феодальные владения, подобные Хунзахскому ханству в Аварии, сосуществовали с объединениями крестьянских общин, так называемых «вольных обществ», отстаивавших свою свободу. В XVI—XVIII веках в горах Северного Кавказа с востока на запад прошла волна побед крестьянских общин над дворянскими семьями, особенно проявившаяся у чеченцев и черноморских адыгов. Данные события не были победой над феодальным строем, так как верхушка патриархальных крестьянских общин сразу же обнаруживала стремление к узурпации власти и земли. Проведенные в 1860—1880-х годах российской администрацией реформы ликвидировали царскую и ханскую власть на Кавказе и лишили дворянство функций управления. Сельская община была возведена, хоть и не полностью, в статус единицы землепользования и налогообложения, подчиненной непосредственно русскому военно-гражданскому начальству. Утратили значение феодальные кодексы юридических норм, такие как кодексы Рустам-хана и Умма-хана в Дагестане, свод законов царя Вахтанга в Грузии, восходивший к законам византийского императора Юстиниана, и т.п. При полном непринятии на местах российских правовых норм в сельской местности произошло расширение зоны действия обычного (т.е. основанного на обычаях) права, так называемого «адата», а в исламских районах и мусульманского права — шариата.

«Вечным» обстоятельством общественной жизни на Кавказе, особенно в сельских и мусульманских районах, является полиюридизм (сочетание различных правовых норм) и включение населения в несколько политико-социальных систем. Примером может служить распространение у горцев обычая кровной мести, порожденного нормами патриархально-родового общества, но ограничиваемого всеми последующими правовыми системами. От члена семьи, в отношении которой было совершено тяжкое преступление, адат требовал кровомщения (бескомпромиссного по древним нормам Северо-Западного Кавказа или ограниченного специальными правилами на Восточном Кавказе), шариат — примирения за выкуп, российские законы — передачи дела в суд, причем кровомстителю грозило уголовное преследование. Как правило, при этом присутствовала еще одна нормативная сила — общественное мнение.

К числу известных за пределами Кавказа черт общественного быта относится обычай гостеприимства, обязывавший семью оказывать гостю уважение, защиту, предоставлять кров и развлечения. Не следует переоценивать значение обычая как готовность служить всякому

Мужчины-азербайджанцы
Азербайджан.
Место не установлено.
Фотография начала XX в.
РЭМ 213-166

Женщины-ботлихи
с детьми
Дагестанская обл.,
аул Ботлих.
Фотография 1912 г.
РЭМ. 2370-1

пришельцу, так как в значительной степени гостеприимство возникло из правила не допускать постороннего человека к самостоятельным поступкам внутри общины, а также стремления поддерживать межобщинный обмен при нетерпимости закрытых обществ к чужим. Феноменом гостеприимства является выделение на усадьбе отдельного помещения, а иногда и специального дома для размещения гостя — кунацкой.

Для описания типичного индивидуального поведения человека «кавказской» культуры недавно был предложен термин «лектоническое поведение личности», определяющий стремление достичь одобрения окружающих через соревнование в достижении успеха на базе соблюдения национальных и общинных тради-

ций. Такой тип поведения предполагает красноречие, хотя цветистость речи отличает восточных поэтов, более встречавшихся в южной части края, а горцам по этикету приличествовало немногословие, весомость неторопливо произнесенной короткой, но содержательной фразы. Отсюда следовало несколько правил: скромность в родной среде («Язык хвалящий, что хулящий»), «Краса воина в его добыче»), смещенность этикета в сторону пространственного поведения («Место старшего во главе стола», «Пропускай мужчину со стороны кинжала, женщину со стороны плети», «Конный встанет перед пешим», правило отдавать в компании уважаемому человеку место в центре или с правой стороны и т. д.) и очень глубокое уважение к устному и письменному слову.

СЕМЬЯ

Основой организации семьи является признание авторитета старших и главенства в семье мужчины. Старшим повсеместно оказывали знаки уважения. Одним из признаков авторитета старших были суды старейшин в селениях, явление третейского суда из стариков при разрешении внутриобщинных споров. С уважением к старшим связан и феномен кавказского долгожительства.

Другим обычаем было так называемое «избегание» — этикетная ограниченность контактов в семье между людьми разного кровного родства, то есть между мужем и женой, родителями и детьми, женой и родителями мужа и т.п. Для исполнения этого обычая межкомнатные двери в доме размещали так, чтобы невестка, выходя из комнаты, не встретила случайно со свекром. Уважение, направленное на каждую семью, демонстрируется проявляемым почтением к женщине. В ее присутствии мужчины, как и при стариках или родном отце, стояли, вели себя скромно; впрочем, и женщины вставали при появлении мужчин.

Материнство рассматривалось как основное предназначение женщины, обеспечивающее ей высокую степень уважения в обществе; бездетность же порицалась. Дети до трех лет воспитывались без различия пола, в большой семье они находились под присмотром всех женщин, живших одним двором. Обычаи предписывали каждой матери сдержанность в проявлении чувств по отношению к собственному ребенку в присутствии посторонних, а в ряде случаев и родственников мужа. Таким образом скрывалась связь матери и ребенка. Лишь в раннем детстве допускались контакты ребенка с бабушкой и тетками по отцовской линии. Данные правила были известны во всех районах Кавказа и строго соблюдались в горной местности, ослабляясь в городах.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

При явном доминировании старших нормой является выделение молодежи, которой разрешается относительно вольное поведение в общине. В прошлом молодые мужчины, включая подростков и молодых мужей, образовывали группы, которые имели и свои особые места сбора. В определенное время года они жили отдельным коллективом по законам военного сообщества; данный стиль молодежной агрессивности оказался востребованным в условиях войны на Кавказе.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

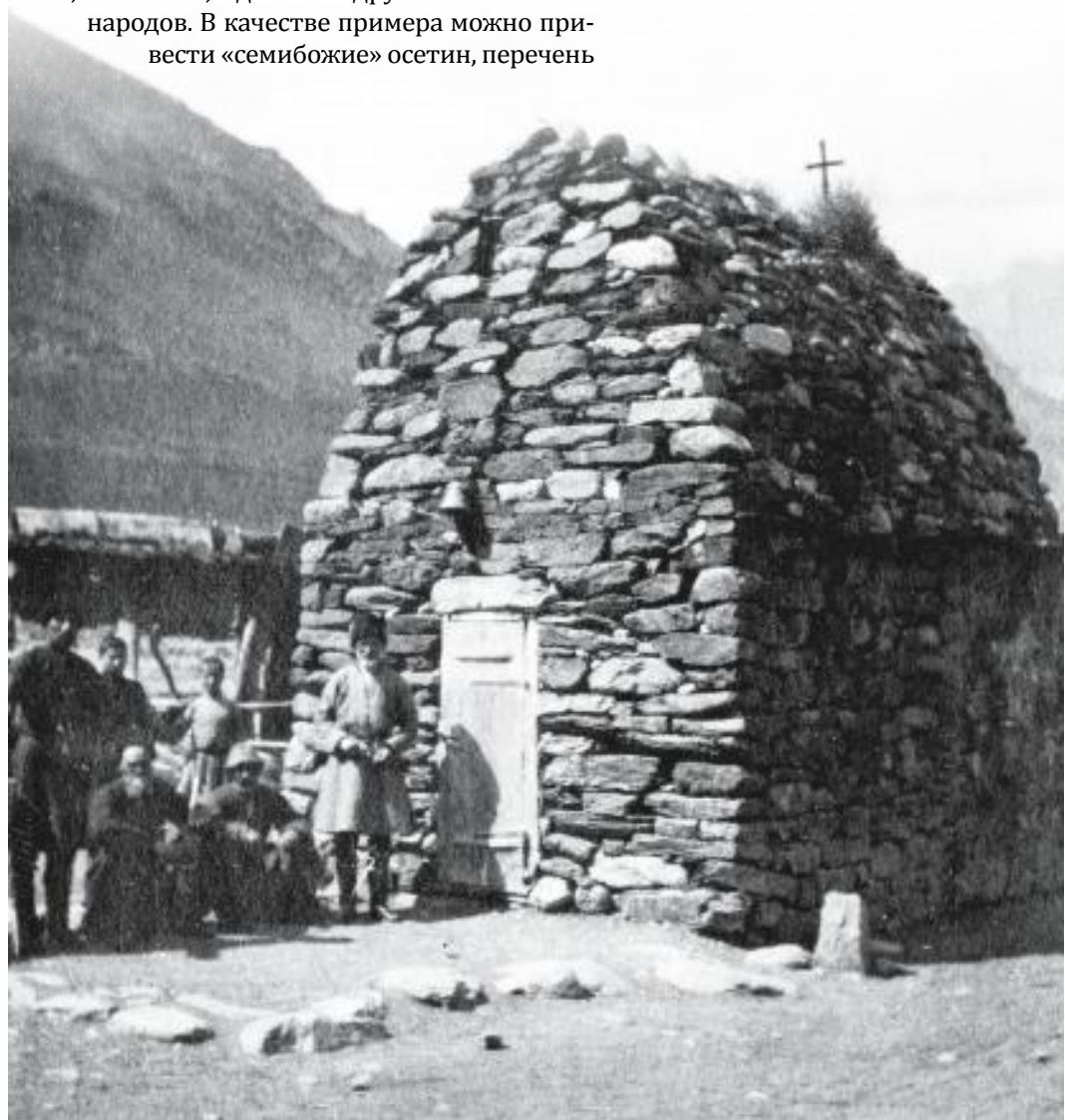
Религиозная картина мира народов Кавказа складывалась из догматики мировых религий, в основном, христианства и ислама, бытовых верований и представлений, бывших как общекавказскими сакральными сюжетами, так и пережитками древних политеистических мифологических систем. Низший уровень народной мифологии включал в себя веру в магическую силу амулетов и ритуальных действий, а также в людей, способных приносить удачу («человек со счастливой ногой») или несчастье («люди с дурным глазом»), почитание священных деревьев, камней, отдельных горных вершин, водных источников, железных предметов и т.д. Были распространены культы огня и домашнего очага, семейных и родовых святилищ, матери, предков, героических персонажей прошлого. Следы магических действий можно найти в представлениях о пиршествах, в течение которых якобы останавливалось бытовое время, и компонентах погребально-поминальной обрядности. Элементами магии были пронизаны обряды вызывания дождя, проводившиеся в засушливое время года, а также вся идеология поединка: состязания на праздниках, скачки, поединки борцов, брачных партнеров, схватки с животными, в фольклоре борьба с персонажами сакрального мира. Ранние мифологические представления сохранялись в народной ортопраксии: кузнечных культах на Западном Кавказе, культах быка в Причерноморье на Большом Кавказе, оленя в грузинских селах, винохранилища (марани) в Грузии и Армении, повсеместном почитании змеи, культах рыбы, мужского и женского плодородия и т.п. Широкое распространение имела вера во вредоносных человекоподобных существ, подобных джиннам, чаще женского пола (албасты, чанка, халанасы, удж, каджи и др.), обитавших в лесах, реках и пещерах. Общими для народов Южного Кавказа и Ирана были представления о зловредных многоголовых и рогатых великанах-дэвах;

уродливые великаны (иныж, эмеген, ваюг, вампол и др.) были олицетворением зла и в северокавказской мифологии. Повсеместно на Кавказе бытовали сказания о прикованных к горам героях-богоборцах, о драконах-вешапах, властителях воды, об окаменевших преступниках и пр. Персонажами народной демонологии являлись «старуха с клыками», «белый барашек», духи в виде кошки, змеи, красивого мальчика. По космогоническим мифам, восходящим к эпохе раннего металла, земная твердь, окруженная морем или горами, имела круглую форму, на краю света находилось древо жизни, соединявшее небо, землю и подземный мир. Образы драконов, мирового древа или прорастающего зерна часто присутствуют в композициях народного искусства.

В числе пережитков сложных религиозных систем, созданных народами Кавказа до принятия ими мировых религий, были, например, персонификация солнца, луны и других небесных светил. В традиционных эпосах центральное место занимали персонажи, одерживавшие победу над хтоническими существами, но впоследствии погибавшие, бросив вызов еще более могучим силам: Абрскил, Амирани, Сасрыква, Сосруко, Соска-Солса, Шарвили и т.п. Свои пантеоны имелись в этнической истории армян, грузин, вайнахов, адыгов и других кавказских народов. В качестве примера можно привести «семибожие» осетин, перечень

Христианский храм из неотесанного камня Осетины. Терская обл. Фотография начала XX в. Из собрания РЭМ

Предки осетин приняли православие, проникшее на территорию Северного Кавказа из Византии в VI–VII вв. В условиях возрастающего влияния ислама православие у осетин находило поддержку в лице Грузии, а с XVIII в. – России. Мусульманство, воспринятое от кабардинцев, исповедует лишь часть верующих осетин.

семи богов языческого пантеона, объединенных числом «божественной гармонии», связанных с природными силами и покровительствовавших разным видам человеческой деятельности. Представления о божествах-покровителях вошли в христианство и ислам в качестве культа святых. Распространение на Кавказе мировых религий привело к принятию их мифологических установок, а также сложению синкретизма религиозных представлений разного происхождения.

РЕЛИГИЯ

Кавказ характеризуется как зона столкновения различных религиозных течений. Ведущая роль принадлежит христианству и исламу. Православными являются грузины, часть абхазов, большая часть осетин. Грузия приняла христианство в 334 году. Самостоятельную грузинскую православную церковь возглавляет грузинский патриарх. Самые популярные фигуры в пантеоне — покровитель мужчин св. Георгий, имеющий черты, роднящие его с эпическим героем-змееборцем, и св. Нина, покровительница женщин. По традиции Нина Капподокийская вспоминается как основательница православия в Грузии, ее символ — крест из виноградной лозы, перевязанной отрезанными косами святой.

С 303 года армяне исповедуют самостоятельную ветвь христианства, их церковь носит название Армянской апостольской церкви. В старом

написании армянскую церковь называли григорианской по имени ее основателя — св. Григория Просветителя. Церковь возглавляет Католикос всех армян. Его резиденция находится в небольшом городке Эчмиадзин, недалеко от Еревана. Армянское христианство иногда не совсем верно называют монофизитским, хотя в догматике присутствует признание и божественной и человеческой природы Христа (сосуществуют «неслиянно и несмешанно»). Представлены на Кавказе и христиане несторианского толка (айсоры или современные ассирийцы).

Ислам в регионе также неоднороден. Азербайджанцы принадлежат к его шиитской ветви, принятой также в Иране. Народы Дагестана и Северного Кавказа, за исключением той части осетин, которые принадлежат к христианской церкви, исповедуют ислам суннитской ветви, на западе — ханафитского толка, на востоке — шафиитского. В Чечне, Ингушетии, части Дагестана сложился своеобразный местный вариант суфизма, связанный с проведением особого моления — «зикра». Наиболее распространенной формой зикризма является объединение Кунта-хаджи, названного по имени чеченского проповедника второй половины XIX века и относимое к суфийской ветви кадирийа.

Иудаизм является религией кавказских евреев, представляющих особую ветвь восточного еврейства. Синагога кавказских евреев ориентирована не на Восток, как принято в ашкеназской традиции, а на запад, что соответствует реальной направленности храма на Иерусалим.

Необходимо подчеркнуть, что приверженность мировым религиям и использование понятий «христианин» или «мусульманин» для самоидентификации не означали строгого следования их догматике.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Годичный цикл праздников у народов Кавказа был образован сочетанием установок принятого в мире 12-месячного календаря и местных циклов хозяйственно-ритуальной деятельности. У мусульман отмечались окончание месячного поста; праздники жертвоприношения, ночного путешествия пророка в Иерусалим, ночи предопределения и день рождения Мухаммеда; в силу особенностей исламского календаря даты праздников были переходящими. У азербайджанцев, особенно в городской среде, в начале мусульманского года отмечались дни Ашура, посвященные шиитским святым Али и Хуссейну. Свой годичный цикл праздников был у кавказских евреев. В Армении и Грузии действовал цикл христианских двенадцатых праздников, но уделялось большое внимание дням икон и дням местных святых, являвшихся покровителями храмов, ремесленных цехов или отдельных фамилий, а сами праздники были обогащены традиционно-этническими обрядами.

Исторически сосуществовали три даты начала Нового года, из которых осенняя (в сентябре—октябре) выявляется по историческим реконструкциям, а зимняя (середина декабря — начало января) утвердилась в большинстве календарных систем Южного и Северного Кавказа. Начало года в дни весеннего равноденствия было связано с открытием трудового периода земледельцев и скотоводов. Весной в Азербайджане и Южном Дагестане отмечали праздник Навруз (букв. «новый»), воспринятый под иранским культурным воздействием. В горных районах Грузии, Дагестана севернее Дербента и на Северном Кавказе хозяйственный год начинался с Праздника проведения первой борозды. Яркими внецерковными праздниками перехода от зимы к весне были грузинский Берикаоба («действие Берика» — карнавальное старца, связанного с мифологемой умирания/воскрешения) и армянский Берекендан («оживление плодов»).

В течение хозяйственного года ритуалами в соответствии с локальными традициями отмечались узловые точки процессов трудовой деятельности и важные природные явления. Повсеместно в летние месяцы проводились обряды, связанные с магией воды (например, армянский обряд вызывания дождя Вардавар), солнца, грозовой активности. Летом проходили специ-

фические женские праздники — дни св. Марии (Майрам) или св. Шушаник. У осетин в летнее время отмечался праздник всех мальчиков, родившихся в данном году, — Кæхцгæнæн (букв. «делание чаши», «сбор подарков в чашу»). Датой окончания хозяйственного цикла была глубокая осень, в православном календаре отмеченная именем св. Георгия.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Рождение ребенка отмечалось обрядовыми действиями, продолжавшими ритуалы охраны рожениц. Оружие считалось сильным оберегом беременной женщины; в момент рождения мальчика его отец стрелял из ружья или пистолета или другим способом оповещал мир о произошедшем событии. Рождение девочки ничем не отмечалось. Для женщины появление потомства означало повышение ее статуса. Реальным праздником, в котором участвовала только женская половина семьи, было первое укладывание младенца в колыбель, проходившее обычно на третий день со дня рождения. В колыбели с жестким дном ребенок проводил первые месяцы жизни. Затем отмечались моменты первого бритья головы, первого шага, по истечении года исполнялся обряд гадания о судьбе, но далее дни рождения не отмечались. У христиан обычно ребенка крестили через неделю, у евреев на восьмой день делали обрезание мальчиков, у кавказских мусульман обрезание совершали часто после двух лет или уже в сознательном возрасте.

При том, что на Кавказе допускались ранние браки, свадьбы обычно совершались тогда, когда невеста овладевала многими хозяйственными навыками, а семья жениха была в состоянии выплатить брачный выкуп. При существовании брачных обрядов, совершавшихся по религиозным канонам, нормой являлся брак по сговору, основанный на выплатах стороной жениха определенного выкупа стороне невесты и предсвадебном дарообмене. Брак уводом (похищение невесты) имел некоторую престижность, но в прямой форме мешал одной из основных целей брака — установлению связей между семьями. Широко практиковалось обручение младенцев и несовершеннолетних, строго запрещались браки между родственниками по крови, по свойству и искусственному родству, но в горном Дагестане сохранялись следы более древнего обычая — внутриобщинных браков.

Свадебная церемония сильно варьировала по отдельным местностям, но всегда состояла из ряда ритуалов, связанных с перемещением невесты из родительского

На с. 500

Сельская мечеть Каратинцы. Дагестанская обл., аул Карата. Фотография 1912 г. РЭМ 2371-7

Мечеть, возводимая в центре селения или отдельного квартала, приняла на себя функции места сбора мужчин, своеобразного мужского клуба.

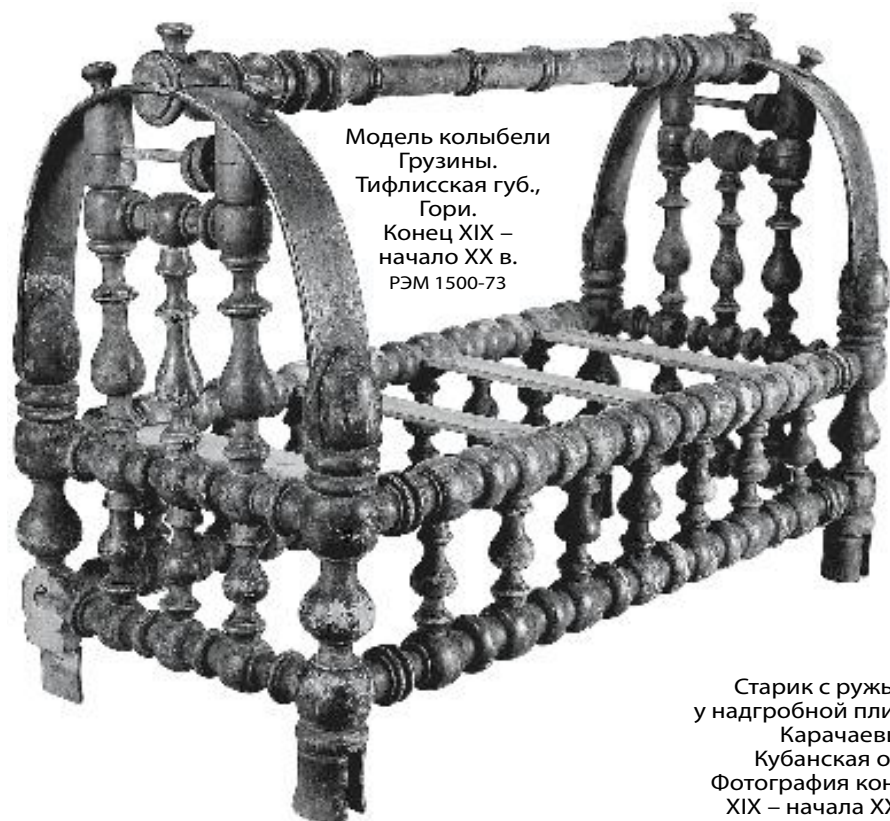
Мишени къабак Кабардинцы. Северный Кавказ. Начало XX в. Из собрания РЭМ

Время пахоты у адыгских народов сопровождалось различными ритуалами, и церемония возвращения пахарей была одним из комплексных обрядов. В нем присутствовали два главных компонента: эротически-шутовские действия человека, наряженного в козью шкуру и маску с рогами, и стрельба по мишеням, висевшим на священном знамени или рядом с ним. Несколько позднее мишени оформились в самостоятельный предмет. Они изготовлялись из дерева и представляли собой фигурки различных животных. Попадание в цель было связано с магией удачи в делах. Выше всего расценивалось поражение всадника или оленя. Стрелок, попавший в изображение свиньи, подвергался насмешкам.

Женщина у колыбели Армяне. Эриванская губ. Фотография начала XX в. РЭМ 213-98

Для Кавказа и Передней Азии была характерна колыбель-качалка с плоским жестким дном, в которой ребенок проводил первый год жизни. Не вынимая ребенка из колыбели, мать могла взять его с собой на полевые работы или в гости к родственникам. Колыбель старались изготавливать из пород дерева, считавшихся благотворными для физического и умственного здоровья ребенка. Жестко фиксированное положение младенца на спине вело к некоторой деформации затылочной части черепа.

Модель колыбели Грузины. Тифлисская губ., Гори. Конец XIX – начало XX в. РЭМ 1500-73

Старик с ружьем у надгробной плиты Карачаевцы. Кубанская обл. Фотография конца XIX – начала XX в. Из собрания РЭМ

дома и принятием ее в новой семье, продолжавшихся в среднем до года. Пересечение всех границ жилого пространства свадебным поездом у горцев Северо-Западного Кавказа сопровождалось игровыми схватками, часто с настоящим сопротивлением односельчан невесты участникам свиты жениха. Такие же схватки могли быть и при въезде свиты в родное селение новобрачного. Свадебные действия также включали в себя театрализованные игры ряженных, вводивших в обряд представления об удачном сопротивлении внешнему врагу.

Шуточное противодействие появлению в доме нового члена семьи обычно прекращалось после того, как невеста исполняла обряд присяги очагу дома родителей жениха. Постельный обряд в наиболее архаичном варианте церемонии совершался в доме родителей невесты. Для породнившихся патронимий, особенно принявшей невесту, образование новой семьи было действием, нарушавшим их закрытость. Этим объясняется свадебное и послесвадебное скрывание жениха (избегание им контактов с родственниками в течение года) и избегание невестой общения с родственниками мужа, продолжавшееся в основных чертах до рождения ребенка. Замужним женщинам, как по адатам, так и по шариату, разрешалось иметь собственное имущество, право на которое, как и на общение с собственными детьми, они имели только при условии подчинения жестким внутрисемейным нормам.

Форма похоронной обрядности у народов Кавказа зависела от конфессиональной принадлежности. Почти у всех народов покойника требовалось похоронить в течение светового дня, у христиан похороны можно было отложить на три дня для проведения поминок. Общей нормой являлось проведение поминок через сорок

дней, полгода и год после смерти. Поминки сопровождались обильным пиршеством, раздачей имущества покойного и его семьи, в сельской местности спортивными состязаниями и конными скачками. Во всех погребально-поминальных ритуалах прослеживались архаические верования в продолжающееся общение живых с умершими предками и надежда на обеспечение их благосклонности.

Особой разновидностью семейных обрядов были ритуалы побратимства, целенаправленного воспитания чужих детей (аталычество), усыновления, примирения кровных врагов.

ФОЛЬКЛОР

Одним из способов передачи народных традиций было устное творчество. Мифы и легенды сохранялись веками, их древние формы были доступны к записи учеными в XIX—XX веках, как и бытовые, обрядовые и трудовые песни. Большим уважением, неприкосновенностью в любых ситуациях пользовались сказители — хранители фольклорных текстов и приемов их исполнения. Адыгский джегуако мог беспрепятственно проходить между воинами на поле битвы, говорить неприятную правду в лицо князю, во главе военной партии у абхазов шел певец со скрипкой в руках, вдохновляя всех на подвиги. Грузинский мествире, сжимая мешок волынки, напевно

повествовал о героях прошлого, в гуще народных праздников всегда были армянский гусан или азербайджанский ашуг.

У большинства народов Кавказа сохранились и были зафиксированы обширные пласты древних героических сказаний: нартский эпос у абхазов, адыгских народов, карачаевцев, балкарцев и осетин, особый вариант нартских сказаний у вайнахов; в Грузии — цикл легенд о богоборце Амирани, охотничьи легенды, сказания о борьбе с захватчиками, предания о царице Тамар и т. д.; в Армении — исторический эпос «Давид Сасунский»; в Азербайджане — поэма «Лейла и Меджнун», лирические песни (баяты), большие лирические или героические песенные сказания (дастаны), например, «Дастан о Кер-оглы», вожаке крестьянского восстания и остролове.

Большим разнообразием отличалась кавказская музыкальная культура: типичными фигурами на Северном Кавказе были мужчина

Маски участников тайных союзов в свадебном празднестве Кубачинцы. Дагестанская обл., с. Кубачи. XX в. РЭМ 10466-2; 8762-14326; 8761-6707

Ритуальный бой на свадьбе между односельчанами невесты и приехавшими за ней всадниками Черноморские шапсуги. Кубанская обл., Туапсинский окр., с. Большое Псеушхо. Фотография 1909 г. РЭМ 3353-13

Девушка с музыкальным инструментом – исполнительница сольной партии Грузины-гурийцы. Кутаисская губ. Фотография 1900-х гг. РЭМ 213-135

со скрипкой, поставленной вертикально на колено, девушка-гармонистка, пастух со свирелью. По народным поверьям, звук свирели укрощал природные стихии, помогал находить клады, разыскивать утопленников. Наряду с сольными исполнителями, среди которых были женщины (игравшие в Грузии на щипковых инструментах-чонгури), для Южного Кавказа типичными являлись и ансамбли из нескольких музыкантов. Популярностью пользовались выступления ряженных. На Северном Кавказе и в Дагестане они больше были связаны с обрядовыми действиями (новогодние праздники, свадьба, обряды плодородия, исцеления больных, вызывания дождя, обряды мужских и женских тайных союзов и т.п.). На Южном Кавказе эти выступления, не порывая с обрядностью, имели отчетливые признаки театра, даже с профессиональными актерами, как, например, грузинская Кееноба — весенний Праздник победы над силами природы и врагами страны,

Ансамбль профессиональных музыкантов сазандари Тифлис. Фотография начала XX в. РЭМ Ф88-44

Повсеместно на музыкальных инструментах играли мужчины, но из этого правила были свои исключения. В Чечне, Осетии, Ингушетии женским инструментом являлась гармоника (чечен. кехат-пондар, осет. ирон-кандзал-фандыр), игре на которой девочек обучали с семи—восемью лет. В Западной Грузии девушки исполняли сольные партии на струнном инструменте чонгури, обучение игре на нем было частью домашнего воспитания. Музыкальные инструменты входили в число подарков, преподносимых женихом в предсвадебный период. На чонгури в домашней обстановке исполнялись лирические мелодии; девушки могли сыграть несколько произведений в присутствии сверстников, ненадолго появиться в мужской компании. В знатных семьях музыка и пение были такой же частью досуга, как и вышивка. Женская музыкальная культура может рассматриваться в свете института девичества, дававшего девушке право на более свободное поведение, проявлявшееся в некоторых исконно мужских занятиях. В таком контексте уместно вспомнить легенды о кавказских девушках-воительницах.

Угловая арфа
Грузины-сваны.
Кутаисская губ.,
Лечхумский у. XIX в.
РЭМ 8761-7310

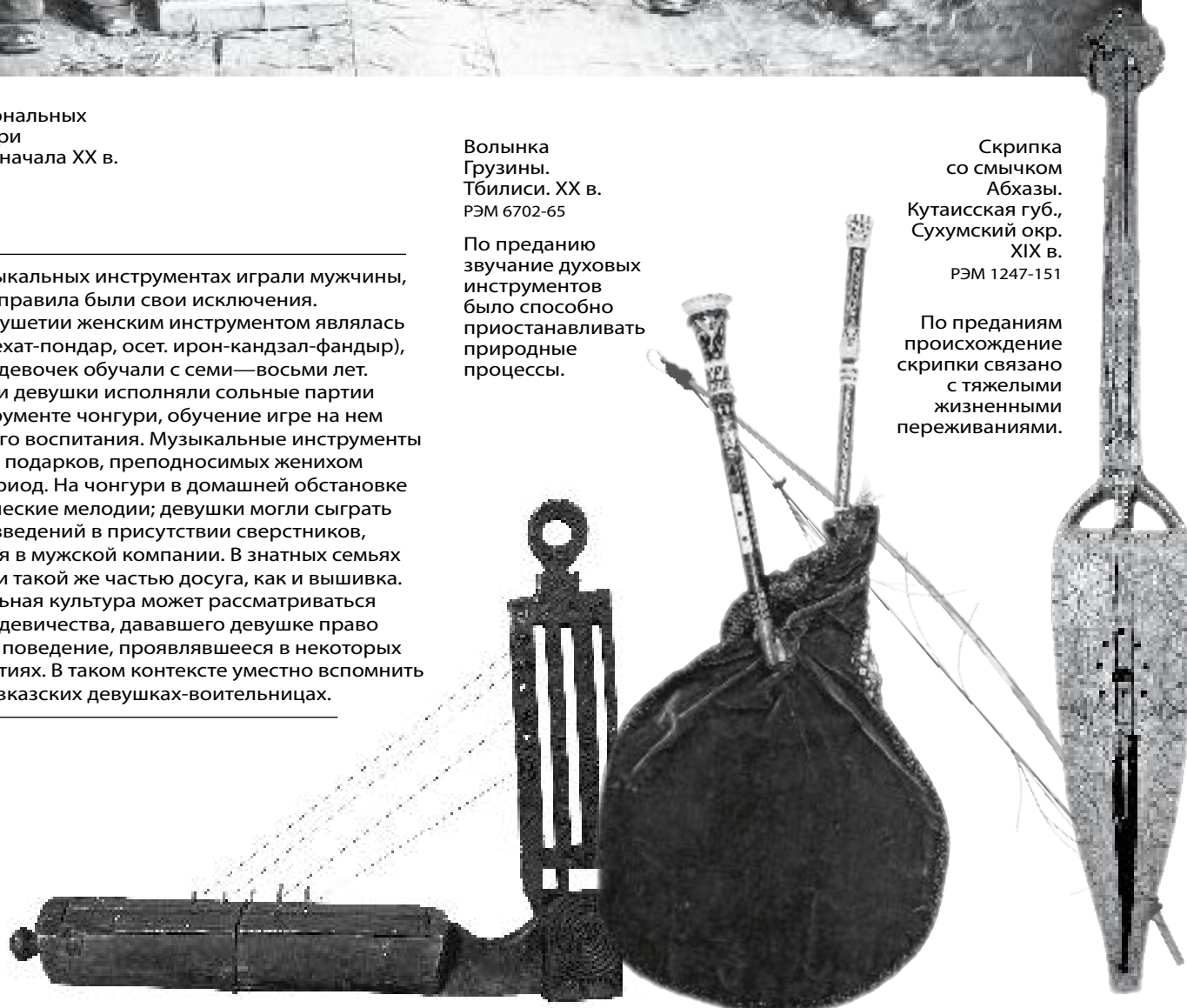
Один из древнейших в мире музыкальных инструментов, возникший после изобретения охотничьего лука.

Волынка
Грузины.
Тбилиси. XX в.
РЭМ 6702-65

По преданию звучание духовых инструментов было способно приостанавливать природные процессы.

Скрипка со смычком
Абхазы.
Кутаисская губ.,
Сухумский окр.
XIX в.
РЭМ 1247-151

По преданиям происхождение скрипки связано с тяжелыми жизненными переживаниями.

Осетинская семья
Фотография
1878–1916 гг.
Из собрания РЭМ

Танец «лезгинка»
Лезгины.
Дагестанская обл.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4928-5

имеющий глубокую смысловую нагрузку. Яркими театральными формами были в Закавказье теневой театр или азербайджанское представление «Килим-арасы» (букв. «В середине ковра»), действующие лица в котором изображались куклами, надетыми для положительных персонажей на руки, а для отрицательных — на ноги.

Из ритуальных форм выросла культура танца, как и кавказская кухня, получившая всемирное признание. В танцах на Южном Кавказе допускалась большая экспрессия, а на Северном Кавказе, напротив, требовалась сдержанность: например, у адыгов не разрешалось поднимать руки выше пояса, падать на колени, касаться земли рукой и т.д.; в танце у чеченцев строго запрещались любые соприкосновения партнеров.

ОБРАЗОВАНИЕ

Письменность была изобретена на Южном Кавказе весьма рано. Автором армянского алфавита считается Месроп Маштоц (361—440). Ранние памятники грузинской письменности относятся к IV веку н.э. В первые века нашей эры существовал и агванский алфавит, но он был забыт с гибелью Кавказской Албании. Армянская и грузинская письменность, восходящие, предположительно, к сирийскому раннесредне-

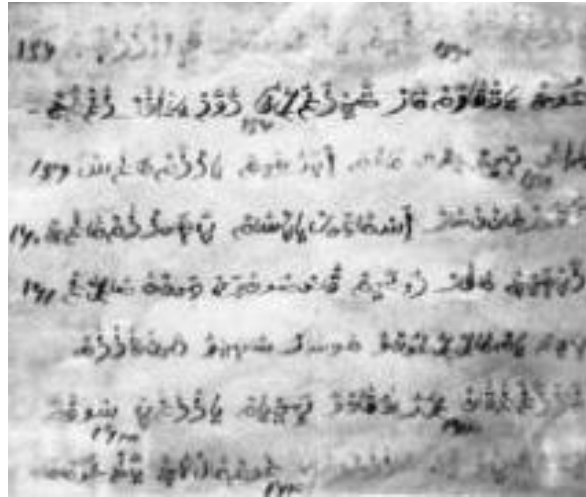
вековому письму и сейчас сохраняющие свою национальную роль, имели массовое распространение в собственной этнической среде как признак верности культуре и религии. Азербайджан и Дагестан, включая вайнахские земли, при принятии мусульманства примкнули к книжному миру ислама, где письменность является признаком ученого (алима) и законоведа (муфтия), знатоков Писания, возвеличенных над массой. В этих странах записывали законы и локальные исторические хроники, готовили (пусть поверхностных) знатоков Корана и сунны (исламского предания), обучали в мектебе мусульманских школяров — сохстов. Евреи сохраняли в обрядовых целях свой древний алфавит. Но сами языки народов Дагестана и Северного Кавказа оставались до советского времени бесписьменными, отдельные попытки создать свой алфавит не меняли картины в целом. Владение навыками чтения ценилось высоко, а неграмотными людьми буква любой письменности воспринималась знаком Бога и самостоятельным амулетом. Подпись заменяли отпечаток текста на перстне или родового знака — тамги, которым также метили скот, отмечали границу родовой земли. Тамгу вырезали на двери кунацкой в память вечной дружбы с гостеприимным хозяином.

Основой социализации личности было семейное воспитание. С трех лет мальчиков и девочек воспитывали по-разному: мальчикам внушали

идеалы воинского поведения, девочкам преподавали навыки домашнего хозяйства. При воспитании в дворянских семьях больше уделялось внимания обучению изысканным, хотя и непрактичным формам поведения. Исключение составляли нормы социализации у части городского населения или в среде армянской диаспоры, когда обучение трудовым и торговым навыкам проходило без оглядки на имущественный и социальный статус. В воспитательном процессе наиболее значимая роль принадлежала не столько родителям, сколько поколению дедов и бабок, а также других родственников, соседей и односельчан и в целом — социума. В присутствии стариков горская молодежь демонстрировала лучшие физические качества, показывала следование этикетным нормам. В горской среде особым влиянием на молодого человека обладал брат его матери, абхазских и адыгских дворян часто по обычаю аталычества воспитывали в семье приемных родителей. В городах суровую школу профессиональной и моральной социализации молодежь проходила в ремесленных мастерских и цехах.

У грузин и армян, как народов с древней национальной письменностью, обучение грамоте могло проходить в домашней среде, но особую роль играли школы при монастырях и духовные академии. Так, в Грузии известны академии в Икалто, Гелати, грузинские монастыри в Греции (Иверский на горе Афон), Святой земле (монастырь Креста около Иерусалима). В мусульманских районах существовали школы — медресе, обучавшие арабской грамоте. По официальным данным, в 1913 году в Дагестане при мечетях и синагогах имелось 787 школ, где обучалось 7220 человек.

Периодически у разных народов Кавказа предпринимались попытки создания национальных алфавитов на основе греческой, грузинской, арабской графики, а в XIX веке русскими учеными был сформирован ряд национальных алфавитов на основе кириллицы. Для грамотных были доступны списки древней и средневековой грузинской и армянской литературы, местных мусульманских хроник. В истории армянского языка большое значение имело создание печатной книги; первая печатная книга на армянском языке вышла в Венеции в 1512 году. В 1629 году в Риме был выпущен первый тираж грузинских печатных книг. На рубеже XIX—XX веков сложилась грузинская гражданская литература, связанная с творчеством Ильи Чавчавалзе, Ираклия Церетели и пр., от фигуры Мирзы Фатали Ахундова ведет начало азербайджанская литература Нового времени. Для национальной культуры народов Дагестана и Северного Кавказа имело большое значение появление еще в 1830-х годах участников местного просвещения, опиравшихся

Фрагмент алфавита кабардинского языка, разработанного на основе арабского письма кабардинским сказителем, поэтом и народным просветителем Бекмурзой Пачевым. Кабардинцы. Начало XX в. Из собрания РЭМ

на русскую письменную традицию — Хана-Гирея, Шоры Бекмурзовича Ногмова и Косты Хетагурова. В 1860—1861 годах на восточном факультете Санкт-Петербургского университета учился первый абазинский литератор Адиль-Гирей Кешев (Каламбий). Первый чеченский историк и этнограф Умалат Лаудаев прошел обучение во 2-м Петербургском кадетском корпусе, в своей работе «Чеченское племя» он писал: «Из чеченцев я первый пишу на русском языке о своей родине, еще так мало известной».

В 1849 году уроженцам Кавказа было разрешено за казенный счет поступать в высшие учебные заведения империи, для чего были открыты 16 вакансий в Санкт-Петербургском университете, две — в Педагогическом институте и две — в Санкт-Петербургском коммерческом училище. Положение от 12 ноября 1868 года выделяло для выходцев с Кавказа 65 мест в Петербургском, Московском, Харьковском и Новороссийском университетах и 61 место в различных специальных учебных заведениях. В Петербурге в 1912—1913 годах выходили газеты «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», издававшиеся лакским этнографом и революционером Саидом Ибрагимовичем Габиевым, и осетинский журнал «Хуры тын». В Санкт-Петербургском университете на отделении восточных языков историко-филологического факультета 28 декабря 1844 года по высочайшему повелению императора Николая I была основана кафедра армянского языка и литературы, где работали возглавивший ее Н.Л. Бероев, К.П. Патканов, Н.Г. Адонц, И.А. Орбели. Наряду с Лазаревским институтом в Москве (основан в 1815 г.) и кафедрой армянского языка Казанского университета (учреждена в 1839 г.) она стала центром научной арменистики. Одной из целей кафедры было обучение направлявшейся с Кавказа молодежи из семей местной аристократии и русских чиновников «для удовлетворения потребностей государственной службы».

НАРОДЫ КРЫМА

НАРОДЫ КРЫМА

Народы КРЫМА

Л.А. Слостникова

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Крымский полуостров — самая южная часть Европейской России — с трех сторон окружен водами Черного и Азовского морей и соединен с материком узким Перекопским перешейком. Полуостров пересечен горным плато с пологими северными склонами и более крутыми южными. Эти горы защищают Южный берег Крыма от северных ветров. Таким образом Крымский полуостров делится на несколько природно-климатических районов: степной (северный), предгорный и горный (центральные), восточный (керченский) и южнобережный. Северная и северо-западная части полуострова (районы Перекопа и Тарханкута) представляют собой песчаные, глинистые или солончаковые степи со скудной растительностью. В восточной части степного Крыма (Керченский полуостров) почвы плодородные, глинисто-черноземные. Центральная часть Крыма (предгорья), а также горы с плодородными долинами, как и Южное побережье, отличаются большим разнообразием почв и растительности, особенно в условиях субтропического климата Южнобережья.

Склоны Крымских гор покрывают леса из бука, дуба, граба, вяза, приморской сосны. В мягком аналогичном средиземноморскому климате Южного берега Крыма растут лавр, кипарис, инжир, гранаты, множество видов вечнозеленых растений. Природные условия Крыма с древности были благоприятны для развития земледелия, скотоводства, мореходства. Наличие на Керченском полуострове естественных запасов железа стимулировало развитие архаичного металлургического производства. Через полуостров шли торговые пути, связывавшие Приазовье и Северное Причерноморье со странами Средиземноморья.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Территория Крыма была населена с давних пор. Скифы, сарматы, готы, гунны, римляне, хазары, печенеги, татаро-монголы — вот неполный список племен и народов, в разное время войной приходивших на территорию Крыма. Чрезвычайно глубокий след в культуре и истории народов Крыма оставила древнегреческая цивилизация. Колонизация греками северного побережья Черного моря проходила с VIII века до н.э. Ими были основаны Пантикапей, Нимфей, Феодосия и многие другие поселения в Восточном Крыму. На западе полуострова (в районе современного Севастополя) греки основали Херсонес, превратившийся со временем из торговой фактории в крупный центр сельскохозяйственного и ремесленного производства; впоследствии он стал основным опорным пунктом римлян на Черном море. Около 480 года до н.э. независимые греческие полисы в Восточном Крыму объединились в единое Боспорское государство, существовавшее до IV века н.э. (оно было разгромлено появившимися здесь гуннами). В III веке в Крыму распространилось христианство, пришедшее сюда, очевидно, из Малой Азии. В это же время Крым подвергся нашествию «варварских» племен: готы, нанеся поражение скифам, захватили почти весь полуостров (кроме Херсонеса), а затем были оттеснены гуннами на юго-западное нагорье и Южный берег Крыма, где смешались с местным земледельческим населением преимущественно аланского происхождения. В конце IX века на восточную и юго-восточную части полуострова совершали набеги печенеги, занявшие обширные пространства, за исключением Херсонеса и Боспора. В середине XI века по территории Крыма прокатилась новая волна тюркско-кочевников. Это были половцы (кипчаки), захватившие территории,

На с. 508–509

Семья
Крымские татары.
Таврическая губ.,
Ялтинский у.,
д. Дерекой.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-10345

ранее завоеванные печенегами. Кипчаки владели большей, в основном степной, частью Крымского полуострова до начала XIII века. Впервые появившись в Крыму в 1223 году, татаро-монголы вернулись на полуостров в 1239 и, разгромив в степных районах живших там кипчаков, разграбив города и поселки в предгорьях и на побережье, превратили Таврику в один из улусов Золотой Орды. Независимыми от Орды остались готское княжество Феодоро в юго-западной части полуострова и генуэзские города-колонии на юге и юго-востоке: Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава) и Каламита (Инкерман). В XIV веке генуэзские колонии играли роль торговых ворот Золотой Орды, так как туда вели сухопутные караванные дороги из Центральной Европы, Руси, Приуралья, с Дальнего Востока, и отсюда начинался морской путь в Италию, Египет и страны Ближнего Востока.

В XIII—XIV веках в северной части Крыма обитали кочевники, а в южной (приморской) население оставалось оседлым: там находились города с развитой сельскохозяйственной округой и около сорока феодальных замков. Средневековые обитатели полуострова жили компактными группами по этнической и религиозной принадлежности; городское население было более неоднородным, чем сельское. Кроме греков в городах проживало большое количество

алан, генуэзцев, армян, евреев, представителей многих других национальностей.

В 1443 году после распада Золотой Орды было основано независимое Крымское ханство, включавшее Крымский и Таманский полуострова и Причерноморские степи. Во главе новообразованного государства утвердилась династия Гиреев. Столицей первоначально был город Крым (совр. Старый Крым), а затем ею стал Бахчисарай. Уже во второй половине XV века Крымское ханство попало в вассальную зависимость от Турции, захватившей в результате удачных боевых действий генуэзские владения в Причерноморье, и находилось в таком положении до 1774 года, когда Крым перешел под протекторат России. 8 апреля 1783 года был опубликован манифест о присоединении Крымского ханства к России.

В конце XIX века Крым входил в состав Новороссийского края как часть Таврической губернии. Согласно переписи 1897 года, здесь проживало около 565 тысяч человек, при этом доля русского населения почти равнялась общему количеству татар, значительную часть населения составляли украинцы, а также немцы, евреи (включая крымчаков и караимов), греки и армяне. Сформировавшимися на территории Крымского полуострова, то есть его коренными народами, считают крымских татар (самоназва-

Вид с. Гурзуф и горы Аю-Даг Таврической губ. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 587-39

Различия природно-климатических зон придают Крымскому полуострову неповторимое своеобразие: живописны утопающие в садах селения в долинах гор и предгорьях, органично вписываются в широкие просторы приземистые дома степного Крыма; «Малой Италией» выглядят среди вечнозеленой растительности южнобережные поселки. Особый колорит Крыму придают развалины строений времен греков и тавро-скифов и остатки средневековых крепостных стен и замков, построенных еще готами и генуэзцами. В XIX веке в Крыму, главным образом на его южном берегу, стали возводиться роскошные дворцы богатых вельмож, благоустроенные поместья, с печами и ванными, водопроводом и канализацией.

Виноградники на Южном берегу Крыма между Гурзуфом и Алуштой Таврическая губ. Фотография начала XX в. РЭМ Ф 587-41

ние «къырымлы», или «къырымтатарлар»), караимов (караи) и крымчаков (крымчак).

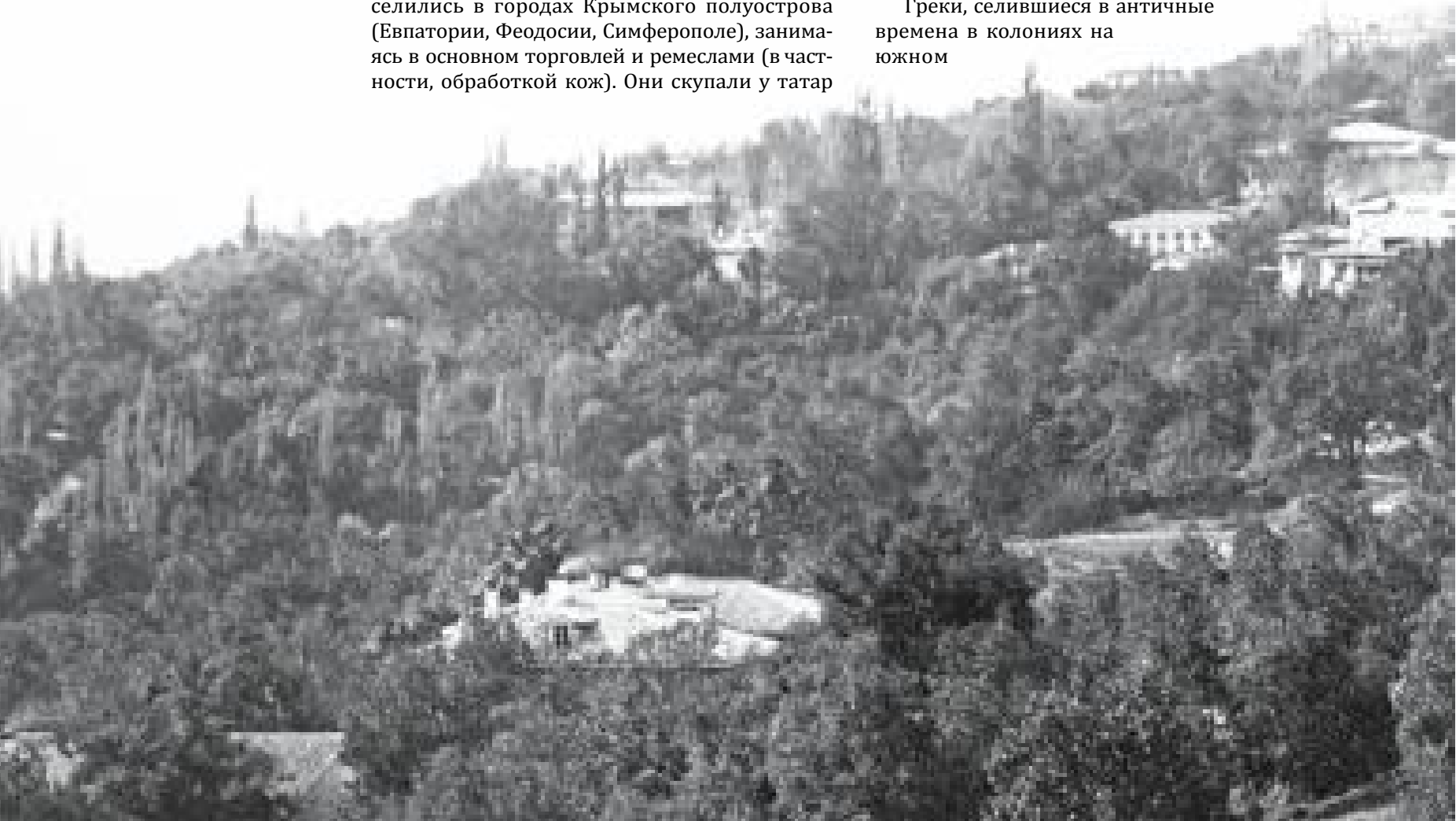
В этногенезе крымских татар принимали участие не только тюркские племена (гунны, праболгары, печенеги, кипчаки, турки-османы, татаро-монголы), но и потомки тавров, готов, итальянцев, то есть оседлого населения горных и прибрежных районов Крыма. Сложились три группы крымских татар, имеющие некоторые антропологические и диалектные различия: степные (северокрымские) татары — «ногъай», южнобережные — «ялыбойлю» и горные — «тат». Этническое разнообразие, уходящее корнями в древность и средневековье, проявлялось в середине XIX века даже внутри групп.

Этногенез караимов, также в течение многих веков живущих в Крыму, до сих пор точно не выяснен. По данным антропологии, языка и фольклора их можно считать потомками хазар (тюркоязычного населения Крыма, входившего в состав Хазарского каганата) и, может быть, части древних евреев, появившихся на полуострове одновременно с финикийцами, поселения которых были известны в Крыму за несколько веков до новой эры. В течение нескольких веков караимы Крыма жили в крепостном комплексе Чуфут-кале (букв. «Еврейская крепость», старинное название — Кырк-ер). Первоначально жителями и строителями крепости были аланы, примерно в XIV веке сюда пришли караимы. В XIX веке они постепенно расселились в городах Крымского полуострова (Евпатории, Феодосии, Симферополе), занимаясь в основном торговлей и ремеслами (в частности, обработкой кож). Они скупали у татар

сады и виноградники по рекам Каче и Альме, но не обрабатывали их сами, а сдавали в аренду. Следует отметить, что среди караимов не было нищих, так как бедным помогала община.

Еще одним немусульманским народом Крыма являются крымчаки, или крымские евреи, возможно, являющиеся потомками тех, кто появился здесь еще в античные времена. Крымчаков называли также «константинопольскими евреями», считая, что в Крым они переселились в отдаленные времена с территории Турции. Существует также версия об их тюркском происхождении. Как и караимы, крымчаки проживали в городах, в частности, Карасубазаре, Феодосии и Керчи, в основном были ремесленниками: сапожниками, шапочниками, медниками; занимались выделкой кож, сафьяна, изготавливали многие предметы, употреблявшиеся в быту крымскими татарами. По обычаям, типу, языку и занятиям они почти не отличались от караимов, за исключением религиозных воззрений. Разногласие в вопросах веры объясняется тем, что крымчаки как последователи ортодоксального иудаизма вступали в браки с появившимися в XIX веке на Крымском полуострове евреями-ашкеназами, браков же крымчаков с караимами не зафиксировано. Крымчаки имели общие синагоги с ашкеназами, но отличались от них тем, что носили такую же одежду, как крымские татары, и говорили на языке, очень близком крымско-татарскому.

Греки, селившиеся в античные времена в колониях на южном

побережье Крымского полуострова, впоследствии частью вошли в состав крымско-татарского народа, частью переняли татарский язык, но сохранили христианскую религию — они известны под именем греко-татар, или урумов. Часть греков (румей) продолжали говорить на диалекте крымско-румейского (греческого) языка. В 1778 году почти все греки (около 20 тысяч человек) были переселены российским правительством из Крыма в Мариупольский уезд «для защиты их от притеснений мусульман». При этом жители некоторых греческих деревень Крыма, чтобы не быть переселенными, приняли мусульманство и назвали татарами. Поэтому и в конце XIX века в некоторых селениях Южного берега Крыма татары носили греческие фамилии и соблюдали христианские обычаи. В конце XVIII века в Крым были переселены архипелажские греки, а позднее — анатолийские. Из греков-переселенцев был образован Балаклавский греческий батальон, созданный для усмирения волнений среди татар. В XIX веке часть мариупольских греков вернулась в Крым.

Примерно в XII веке, судя по эпиграфическим памятникам, в Крыму появились армяне-григориане. Первоначально они селились в Восточном Крыму — Феодосии, Старом Крыму, Судаке, впоследствии — в Бахчисарае и на Мангупе. В 1778 году около 11 тысяч крымских

армян в числе других христиан были переселены российским правительством в Таганрогское градоначальство, где основали округ с центром в городе Нахичевань. С начала XIX века в Крыму стали появляться новые армяне-переселенцы, как григориане, так и католики. Армянские колонии располагались в основном в северной и северо-восточной частях Крыма.

Жителями крымских городов были также цыгане. Они попали в Крым из Бессарабии еще во времена Крымского ханства, приняли мусульманство и в отличие от многих других цыган жили оседло в городах — Карасубазаре, Симферополе, Бахчисарае. В конце XIX века в Крыму появились и кочевые цыгане, переселившиеся туда из Польши.

При присоединении Крыма к России мусульманам гарантировалась неприкосновенность религии. Тем не менее с конца XVIII по начало XX века было несколько волн татарской эмиграции в Турцию. Причинами тому послужили протурецкая агитация верхушки крымско-татарского общества, разорение жителей полуострова войнами и обезземеливание. По словам Петра Симона Палласа, только в 1790 году число переселившихся из Крыма татар составило около 80 тысяч человек. В 1860—1863 годах вследствие вызванного войной ухудшения экономического положения по официальным

Татарка с ребенком
Горные крымские
татары.
Таврическая губ.,
Ялтинский у.,
д. Шумы. Фотография
начала XX в.
РЭМ 1315-53

Степные крымские
татары
Таврическая губ.,
Перекопский у.,
д. Муллалар.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1123-4

Группа цыган
Таврическая губ.
Фотография XIX в.
РЭМ 8764-10431

О появлении цыган
в Крыму существуют
различные версии:
по одной они пришли
в Крым вместе
с татаро-монголами,
по другой –
переселились туда
из Египта, по третьей –
спустились с гор
Кавказа (из района
Грузии), по четвертой –
являются выходцами
из Малой Азии.
Наиболее вероятным
является их
переселение в Крым из
Бесарабии во времена
Крымского ханства.

данным в Турцию переселилось более 180 тысяч человек, в основном, из Перекопского, Евпаторийского и Севастопольского уездов, более всех пострадавших от военных действий. В Перекопском уезде из 320 селений было покинуто 278. Последняя волна татарской эмиграции приходится на 1902—1903 годы, когда ежедневно в Турцию отправлялось до 600—800 человек.

В конце XVIII и, особенно, с начала XIX века население полуострова стало пополняться пере-

селенцами: русскими (в основном из центральных губерний России), украинцами, представителями других народов, тогда же вернулась из Турции часть татар и ногайцев. Многие колонисты переселялись в Крым из-за границ Российской империи. Так, в начале XIX века в Крыму появились болгарские колонии. Болгары переселялись из Турции, где они были овцеводами и вели кочевой образ жизни. Также в XIX веке в Крыму появились немецкие, швейцарские, чешские и эстонские колонии.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

По антропологическому типу крымские татары делились на три группы. Степные (северокрымские) татары (ногъай) во многом сохраняли антропологический монголоидный тип. Южнобережных татар (ялыбойлю) отличал более высокий, чем у степных татар, рост, густые бороды. Для горных татар (тат) было характерно наличие черт как северного, так и южного типов. Крымчаки антропологически близки татарам предгорий и Южного берега Крыма.

Для караимов характерен европеоидный антропологический тип с отдельными признаками монголоидности.

ЯЗЫК

Языки крымских татар, караимов и крымчаков относятся к кипчако-половецкой подгруппе западнохуннской ветви тюркской группы алтайской языковой семьи. Основные диалекты крымско-татарского языка: кипчакский, или степной — чэль шивеси и огузский, или южнобережный — ялыбой шивеси.

Наречие татар Ялтинского уезда отличалось от наречий других горных татар, живших на юго-восточном побережье Крымского полуострова (в сторону Феодосии), что объясняется разнородностью племен, населявших в древности побережье. До 1927 года письменность крымско-татарского языка базировалась на арабской графике, затем были попытки перевести ее на латиницу, в настоящее время в крымско-татарской письменности используется кириллица.

Караимы
Таврическая губ.,
Феодосия.
Фотография
начала XX в.
РЭМ Ф-204-1

Семья
мариупольских греков
Мариупольские греки.
Екатеринославская губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4929-1

Продавцы баклажанов и капусты на базаре Крымские татары. Таврическая губ., Симферополь. Фотография начала XX в. РЭМ 1315-3

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Во времена Крымского ханства только на Южном берегу Крыма существовали очаги оседлого земледелия. Основным занятием жителей степных районов было кочевое скотоводство, сохранялись такие пережитки патриархальных отношений, как родовое владение имуществом и землей, кровная месть, племенное деление. Существенным источником дохода Крымского ханства была работорговля. Татарские мурзы и беи набирали многочисленные отряды, нападали на соседние земли, в том числе русские и украинские, доход от продажи невольников шел на пополнение янычарского войска. По свидетельству католического миссионера К. Дюбаи, в первой половине XVIII века из Крыма ежегодно вывозилось 20 тысяч рабов, а около 60 тысяч невольников из славян, грузин, валахов, молдаван, абхазцев, адыгов, венгров использовались в самом ханстве, в основном, для сельскохозяйственных работ.

В XVIII веке в Крыму было развито скотоводство, особенно в его степной части. Татары разводили овец, лошадей, коз, крупный рогатый скот. Смушки крымских овец славились тонкостью и вывозились сотнями тысяч. Постепенно, по мере распашки земель, скотоводство прихо-

дило в упадок, и в конце XIX века овцеводство сохранялось только в крупных имениях Южного берега Крыма, где основные пастбища были в горах, на яйле. Крупный рогатый скот содержался исключительно для сельскохозяйственных работ, но и там он вытеснялся лошадьми. Пастьба коз в Крыму была запрещена, так как козы сильно портили леса.

В конце XIX века главным занятием населения в степной части полуострова стало земледелие. Выращивали зерновые: пшеницу (она занимала половину всей посевной площади), ячмень, рожь, овес, просо. В начале XX века в Крыму начали сеять кукурузу. Феодосия, Керчь, Евпатория и другие города являлись крупными хлебными рынками.

Значительную массу земледельцев составляли арендаторы. В Крыму существовало два рода аренды пахотной земли: за деньги и с доли. Аренда за деньги была распространена незначительно; в основном, еще со времен Крымского ханства, практиковалась аренда с доли (скопщина, или десятина), при которой землевладелец разрешал арендаторам производить на предоставленной им земле посевы, косить сено, пасти скот с уплатой за это определенной доли урожая (обычно 10%, то есть десятины) и отбывания некоторых натуральных повинностей.

Иногда землевладелец предоставлял и жилье, причем десятишники селились в имениях без определенного срока и без всяких письменных условий. Право жительства прекращалось по первому требованию землевладельца. В некоторых уездах Крыма почти все помещицкие земли обрабатывались арендаторами. Отсутствие у основной массы крымских татар документов на землю приводило к утрате ими своих наделов.

Освободившиеся и казенно-оброчные земли в степных районах Крыма — Симферопольском, Феодосийском, частично Евпаторийском уездах — выделялись переселенцам из центральных губерний России. Казенные поселяне, наделавшиеся государственной землей, занимались кроме земледелия добычей соли, виноделием, ловлей рыбы, торговлей и ремеслами (были каменщиками, плотниками, печниками и т.п.). В начале XX века 2/3 русского населения края проживало в городах; русские работали на заводах и в каменоломнях, в соледобывающей промышленности, на железной дороге и в морских портах.

Переселенцам из Европы также выделялись земли в степной части Крыма, и поэтому их основным занятием было земледелие. Немцы сами просили у России земли в степях, обязуясь сделать их плодородными. Им было поставлено условие, что переселение совершится, если каждая семья придет с капиталом не менее 400 рублей. Первоначально переселились 1700 семей. Немцы получили в собственность по 60—65 десятин лучшей земли и были надолго освобождены от натуральных и денежных повинностей. Все это, а также прогрессивное ведение ими сельского хозяйства привело к тому, что их колонии, как и несколько колоний швейцарцев, были наиболее зажиточными в Крыму.

Болгары селились в Феодосийском и Симферопольском уездах, где занимались хлебопашеством и огородничеством, отчасти виноделием и овцеводством.

Кроме зерновых в степной полосе Крыма выращивались также бахчевые культуры — дыни и арбузы. В селениях по долинам рек было развито огородничество. В Феодосийском и Симферопольском уездах сельские жители получали дополнительный доход от сезонного сбора лесных орехов (фундука). В курортных районах и деревнях татары разводили домашнюю птицу для продажи в городах.

Еще с античных времен в Крыму, особенно в Ялтинском, Феодосийском и Симферопольском уездах, было развито виноградарство. Южнобережные вина считались лучшими в России. 2/5 всей площади виноградников принадлежало татарам, но вследствие требований религии, запрещавшей мусульманам производить вино, они были вынуждены дешево продавать вино-

град прямо с куста или сдавать сок в виде еще не перебродившего сусла. Для выжимки винограда широко использовались простые винтовые прессы — «тарпаны» или примитивные «скендже» в виде ящика из продырявленных досок. В удельном виноделии производились ликерные вина, в имении князя Голицина «Новый Свет» близ Судака — шипучие, в районе Гурзуфа в удельных имениях и у частных владельцев — церковные. Вина Судакской долины уступали южнобережным и ценились дешево.

Также с давних времен в Крыму существовало садоводство, которым занимались татары, русские, караимы, армяне. Выращивали яблоки, груши, черешни, вишни, сливы, абрикосы, персики, грецкие орехи, инжир. Большинство садов находилось на северном склоне Крымских гор, в долинах рек Альмы, Качи, Салгира и Большой Карасу. Владельцы мелких садов (чаще всего ими были татары) сами ухаживали за ними, переселяясь для этого в местность, где находились их сады, на все лето, и сами продавали выращенный урожай. Владельцы крупных садов обычно сдавали их в аренду московским купцам и богатым татарам, как правило, на одно лето. Монополистами же, устанавливавшими цены на фрукты, являлись российские купцы, в руках которых находился вывоз фруктов из Крыма в Москву и Санкт-Петербург.

В Ялтинском и Симферопольском уездах было развито табаководство. Занимались им татары, малоазийские турки и греки. Для обработки земли под посадку табака нанимались мужчины в самом Крыму, а для сбора листьев — девушки в материковых уездах Таврической губернии. По южному склону Крымских гор, то

Нанизывание табачных листьев для сушки Крымские татары. Таврическая губ., Ялтинский у., д. Шумы. Фотография начала XX в. РЭМ 1315-41

Женщина за ткацким станом Крымские татары. Таврическая губ. Фотография начала XX в. РЭМ 2022-23

Девушки с прялкой ореке и приспособлением для наматывания нитей саргыч Крымские татары. Таврическая губ., Феодосийский у., д. Ай-Серез. Фотография начала XX в. РЭМ 4103-16

есть в Ялтинском уезде, были наиболее дорогие земли под табачные плантации, так как там выращивался дорогой сорт табака — «дюбек».

Помимо табаководства проживавшие в Крыму в XIX веке греки занимались земледелием, виноделием, торговлей, а также рыболовством, которое было наиболее распространено в районе Балаклавы, где лов велся круглый год, Феодосии и Ялты. Кроме того, среди греков встречались ремесленники, чернорабочие, каменщики, лодочники, извозчики.

Цыгане, по роду своих занятий населявшие Крым, делились на несколько групп: аювджи — вожаки медведей (в конце XIX века занимались торговлей вразнос или попрошайничеством), курбеты — торговцы лошадьми, извозчики, демерджи — кузнецы, халайджи — лудильщики, куюмджи-ве-алтунджи — ювелиры, элекчи, даулджи — музыканты. Особенно славились музыканты из предместья Бахчисарая.

ТРАНСПОРТ

В конце XIX века основным в Крыму был гужевой транспорт. Коневодством и извозом занимались степные татары. Существовали два типа телег: мажара (четырёхколесная телега) и арба (двухколесная). На извилистых дорогах крутых горных склонов часто можно было проехать только верхом на лошади. Караимы, занимавшиеся мелочной торговлей, развозили свой товар во вьюках. Тем не менее в начале XX века в Крыму кроме извозчиков уже существовало регулярное автомобильное и автобусное сообщение между городами. В Евпатории ходил трамвай. Кроме сухопутного между городами побережья существовало морское сообщение (пароходами, шлюпками, паровыми катерами). В 1875 году была проложена железная дорога от станции Лозовая (близ Харькова) до Севастополя, а к 1904 году — до Феодосии и Керчи. Работали на железной дороге, как правило, выходцы из центральных губерний России.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

В Крыму, в отличие от других губерний Российской империи, в начале XX века насчитывался высокий процент городского населения (около 43%), но промышленность была развита слабо. Преобладали кустарные промыслы и мелкое производство: мукомольное, консервное, табачное. Обработка кожи и выделка из нее обуви, бытовых предметов и конской упряжи,

гончарное производство, изготовление деревянной утвари, медной посуды, серебряных ювелирных украшений, валяные войлоки — вот далеко не полный список занятий ремесленников Крыма. С конца XVII века большинство мастерских было сосредоточено в городах. Часто на городском базаре располагалась и мастерская ремесленника, и лавка, где он продавал свой товар.

Основными центрами кустарных промыслов в Крыму были Бахчисарай, Карасубазар и Богатырская волость Ялтинского уезда. В Бахчисарае и Карасубазаре в большом количестве продавались изделия как крымских, так и турецких ремесленников. Изготовлением обуви и головных уборов занимались в основном крымчаки и караимы; кузнецами и ювелирами были цыгане; медниками — татары. В Богатырской волости была развита обработка дерева. Татары этой местности изготавливали телеги, грабли и другой деревянный инвентарь. Также татары занимались изготовлением изделий из шерсти, в частности, торб.

Повсеместно в татарских селениях было распространено искусство вышивания и узорного ткачества. Полотенца для украшения стен, женские и девичьи головные покрывала, курточки и другие предметы одежды украшались вышивкой цветными шелковыми нитями, золотой и серебряной нитью, битью в техниках: гладь, стяги, тамбур. Для вышитых изделий крымских татар XVIII — середины XIX века характерно большое разнообразие орнаментов. Кроме повсеместно распространенных изображений растительных побегов и ваз с цветами на старинных вышивках из южнобережных селений можно увидеть стилизованное, а иногда и очень реалистичное изображение корабля, водорослей, рыб, даже кальмаров. Характерными для этой части Крыма были также вышитые полотенца с геометрическим узором из ромбов на фоне блесков из серебристой расплющенной проволоки — бити, с узором в виде вихревой розетки или катящегося колеса. В более позднее время (вторая половина XIX — начало XX века) под воздействием различных причин, в том числе миграций, эти мотивы почти полностью исчезли из вышивок, вытесненные растительным орнаментом. Но даже в стилизованных изображениях на поздних крымско-татарских вышивках можно узнать цветы гвоздики, лапчатки, акации, гиацинта, лотоса, плоды граната, лист аканта — растений, большинство из которых встречается в Крыму. В целом же растительные орнаментальные мотивы типичны и для степного, и для горного Крыма и прослеживаются здесь с древности. В килимной технике (кыбырыз) ткались концы полотенец для рук и лица.

Караимки достигли совершенства в золотом шитье. Ритуальные предметы караимов покрывали вышитые растительные узоры, излюбленный мотив которых — букет в корзине. У крымчаков наряду с вышивкой двусторонней гладью и золотым шитьем более, чем у других народов Крыма, получило распространение вышивание крестом, односторонней гладью.

Кузнец за работой
Цыгане.
Таврическая губ.,
Симферопольский у.,
с. Нейгац.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4624-29

Татарский дом
в предгорье
Крымские татары.
Таврическая губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 2022-7

Татарские дома
в степном Крыму
Крымские татары.
Таврическая губ.,
Евпаторийский у.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 4425-4

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

Основную массу городского населения составляли греки, армяне, караимы и крымчаки; крымские татары были преимущественно жителями сельской местности.

В южнобережных селениях одноэтажные каменные дома с плоскими крышами располагались на склоне горы многими ярусами так, что крыша нижнего дома служила двором-террасой верхнего, а улицы представляли собой узкие неровные лестницы. Деревенские дома в Бахчисарайском районе строили из дерева. Одноэтажные представляли собой сруб, сложенный из массивных дубовых досок на невысоком каменном фундаменте. Свод двухскатной крыши делался из массивных брусьев, потолка не было. В двухэтажных домах стены первого этажа складывали из камня, а второй представлял собой деревянный сруб.

В степных татарских селениях улицы были широкие, образованные одноэтажными с двухскатной крышей домиками из обмазанного глиной плетня или саманного кирпича. В одну

линию с домом и под одной с ним крышей пристраивался хлев.

То обстоятельство, что к началу XIX века почти все сельское население Крыма (за исключением переселенцев) было мусульманским, наложило отпечаток на облик крымских поселений. В каждом селении стояла каменная, крытая черепицей мечеть, высокий минарет которой виднелся издалека. В городах и крупных селениях мечетей было несколько, по количеству кварталов.

На окраинах городов и селений на мусульманских кладбищах над обычными могилами устанавливались мраморные или каменные плиты — баш таш — с надписями, иногда декорированные резьбой: мужские — изображением чалмы (сарыкъ), женские — фески (фес). Над могилами знатных или святых строились мавзолеи — дюрбе. Украшали города и селения Крыма каменные с резьбой фонтаны. В каждом селении были кофейни — къавехане, служившие местом

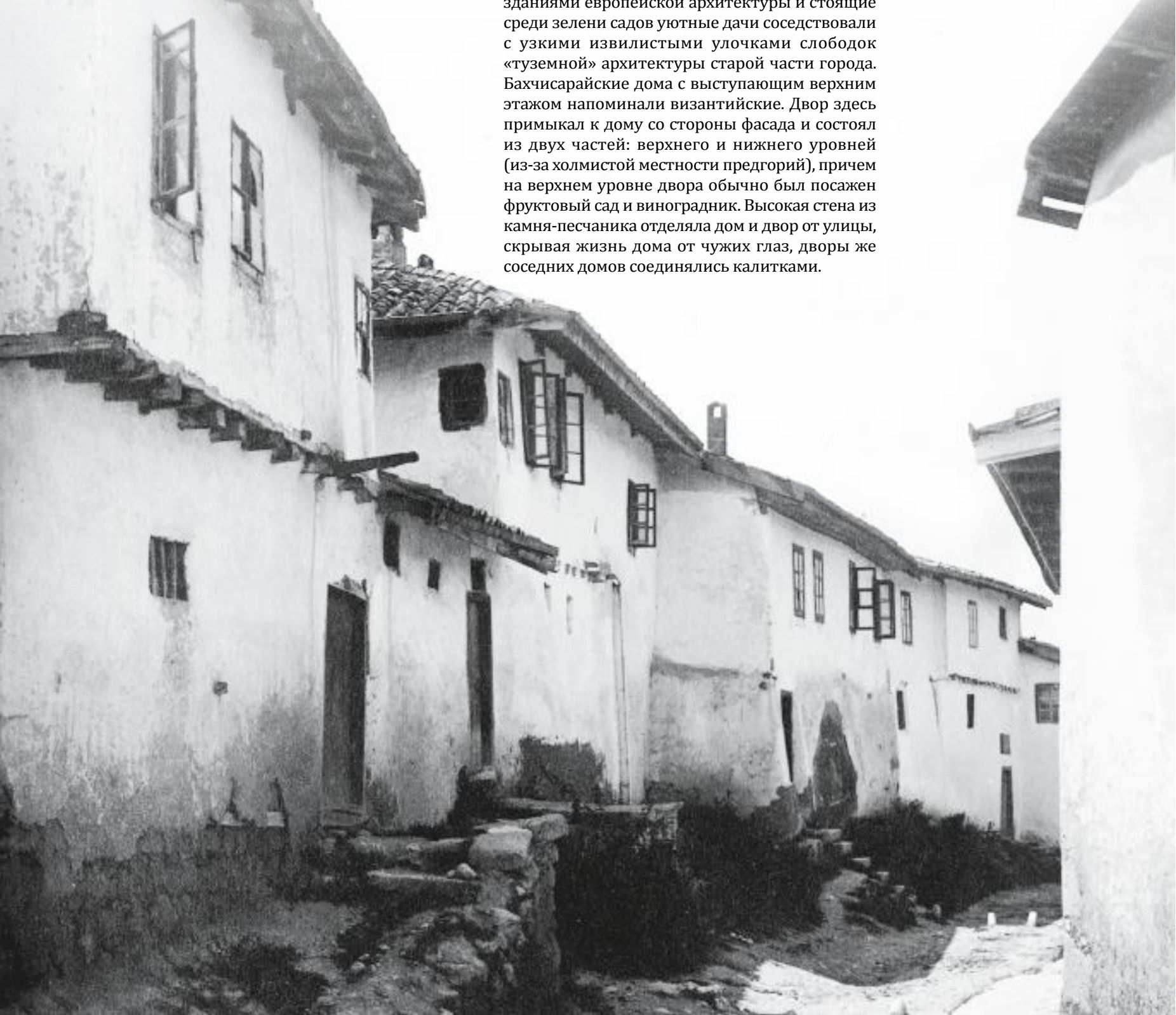
общения мужчин. Известный русский путешественник А. Демидов так описал татарскую кофейню первой половины XIX века в своем «Путешествии в Южную Россию и Крым»: «Внутренность каждого кофейного дома разделяется на квадратные пространства, отделяемые друг от друга деревянными решетками <...>. Вы входите в любую из этих клеток и в каждой найдете множество праздных татар, армян, караимов, которые, усевшись на диванах, с длинными черешневыми чубуками в руках, проводят целые часы только в том, что молча курят трубку, лишь изредка произносят они несколько слов голосом тихим, не изменяя нисколько величественного,

почти совершенно неподвижного положения <...>. Все эти люди, столь несходные по нравам, образу мыслей, обычаям и привычкам, проводят время в кофейных домах очень миролюбиво, играют в триктрак, курят трубки, пьют прекрасный кофе, и между ними никогда не бывает ни шуму, ни ссоры».

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Для крымских приморских городов и Симферополя была характерна смешанная застройка, при которой новые улицы — мощеные, с посаженными вдоль них деревьями, с 2—3-этажными зданиями европейской архитектуры и стоящие среди зелени садов уютные дачи соседствовали с узкими извилистыми улочками слободок «туземной» архитектуры старой части города. Бахчисарайские дома с выступающим верхним этажом напоминали византийские. Двор здесь примыкал к дому со стороны фасада и состоял из двух частей: верхнего и нижнего уровней (из-за холмистой местности предгорий), причем на верхнем уровне двора обычно был посажен фруктовый сад и виноградник. Высокая стена из камня-песчаника отделяла дом и двор от улицы, скрывая жизнь дома от чужих глаз, дворы же соседних домов соединялись калитками.

Улица Бахчисарая
Крымские татары.
Таврическая губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 3931-16

Селение на Южном
берегу Крыма
Таврическая губ.,
Ялтинский у., д. Шелен.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 8764-10328

Спальня в доме
зажиточного татарина
Крымские татары.
Таврическая губ.,
Ялтинский у.,
д. Кызыл-Таш.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1511-3

Женщины в комнате
Крымские татары.
Таврическая губ.,
Ялтинский у.,
д. Альма-Тархан.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1315-64

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Природно-географическая среда и разнообразие народов, населявших территорию Крыма в течение многих веков и оставивших потомкам богатые строительные традиции, обусловили различие типов жилых построек в Крыму. Стены приземистых одноэтажных домов степного Крыма, окруженных широким двором, делали из обмазанного глиной плетня или клали из саманных кирпичей, крыши покрывались толстым слоем глины, смешанной с соломой.

Дома предгорий несколько отличались от домов степной части Крыма. Они были, в основном, одноэтажными, с тремя стенами, сложенными из дикого камня на глиняном цементе, и четвертой из плетня, обмазанного глиной. Дом покрывался двухскатной черепичной крышей, часто образующей навес.

В домах крымских татар стекол в окнах часто не было; в оконном проеме делалась вертикальная решетка из палочек, иногда окно заклеивалось бумагой.

В южнобережных селениях одноэтажные каменные дома с плоскими крышами располагались на склоне горы многими ярусами так, что крыша нижнего дома служила двором-террасой верхнего, а улицы представляли собой узкие неровные лестницы. Деревенские дома в Бахчисарайском районе строили из дерева. Одноэтажные представляли собой сруб, сложенный из массивных дубовых досок на невысоком каменном фундаменте. Свод двухскатной крыши делался из массивных брусев, потолка не было. В двухэтажных домах стены первого этажа складывали из камня, а второй представлял собой деревянный сруб.

ИНТЕРЬЕР

В крымских домах, как правило, было 2—3 комнаты. В одной из комнат в углу делался глиняный камин — оджак с вытяжной трубой из плетня, обмазанного глиной. Отдельная комната служила спальней, в ней же стояла колыбель — бешик. Рядом со спальней строили помещение для купанья — сув долабы. В сенях (аят) находился ручной ткацкий станок — тезья, на котором крымские татарки ткали.

Пол комнат покрывали тканые безворсовые ковры или (у степных татар) узорные войлоки. Вдоль стен, увешанных вышитыми полотенцами, платками и покрывалами, раскладывались подушки для сидения. Для постельных принадлежностей делалась специальная ниша в стене, где укладывали их стопкой на сундуках. Медная и керамическая посуда располагалась на полках вдоль стен. Для еды ставился невысокий деревянный столик — хона.

В Бахчисарае деревянный потолок комнат часто украшался росписью, как и карнизы стен (изображались чаще всего цветы в вазах).

Тюркские историко-культурные корни крымских татар проявились в убранстве их свадебного жилища. Под потолком комнаты новобрачных радиально натягивались шнуры, на которые вешались вышитые полотенца, головные покрывала и мужские тканые пояса — учкуры, закрывая потолок. Они же наряду с узорноткаными полотенцами покрывали стены и скругляли углы комнаты. На пол стелились цветные войлоки и шерстяная ткань. Комната начинала напоминать округлое куполообразное жилище, то есть внутренность кочевой юрты. Интересно отметить, что такой вид свадебное жилище имело и в степной части Крыма, и в горной.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Длительное проживание на одной территории, в определенных географических и природных условиях не могло не привести к тому, что у населявших Крым народов, различных по этническим корням, при сохранении религиозных отличий наблюдается сходство в традиционной одежде, на которую большое влияние оказал в том числе и средневековый турецкий костюм.

Мужская и женская одежда, за исключением нательных рубах, шилась, как правило, из фабричных тканей. Нижнюю рубаху крымский татарин заправлял в штаны, в которые был вложен матерчатый поясочек учкур. Сверху штаны подпоясывали шерстяным или шелковым кушаком (часто в пеструю полоску), бедняки — веревкой. Поверх рубахи носили короткую безрукавку, куртку с короткими или длинными рукавами, часто расшитую шнуром или золотой нитью, поверх куртки могли надеть и длинный кафтан. Зимней одеждой служили овчинные тулупы или простеганные на вате куртки. Одеждой крымских пастухов и татар, занимавшихся извозом, были широкие плащи без рукавов — япынджа и башлыки. Голову покрывали низкой черной барашковой шапкой, летом могли носить также тюбетейку — такъие или красную феску. Отличительной деталью головного убора побывавших в Мекке была чалма, обернутая вокруг фески или шапки. Наиболее распространенной мужской обувью были сапоги с подковами на каблуках, кожаные башмаки или постолы из воловьей кожи.

Мужской костюм караимов и крымчаков в большей степени, чем у крымских татар, включал в себя элементы европейского («городского») костюма, наряду с этим в караимском традиционном мужском костюме длительное время сохранялось старинное халатообразное верхнее одеяние — джубе, или бонюш.

Женщины носили длинные нательные рубахи, которые по покрою почти не отличались от мужских, но были значительно длиннее, а также штаны, доходившие до ступни и завязывавшиеся на щиколотке тесемкой. На рубаху надевался распашной короткий кафтан — збун с рукавами до локтя или длинное платье — антер, сшитые обычно из фабричной ткани. Длинные узкие рукава платья застегивались у кисти на пуговицы или крючки, имели на конце фигурный выступ или нарукавное украшение из бархата или атласа с золотым шитьем или галуном. В костюм входил также трапециевидной формы нагрудник и полукруглое нагрудное украшение с нашитыми на них рядами монет или бляшек. У караимок наибольшее распространение получили нагрудники, сплетенные из мелкого жемчуга или имитирующего его белого бисера. Поверх платья надевалась вышитая короткая

Дети в праздничных костюмах Крымские татары. Таврическая губ. Фотография начала XX в. РЭМ 2022-27

Одежда детей у крымских татар, караимов и крымчаков по составу и покрою почти не отличалась от одежды взрослых. При этом у детской одежды, как правило, отсутствовал грудной вырез, кафтанчик глухо застегивался на груди. Распашная одежда для младенцев делалась с разрезом на боку, чтобы удобнее было ребенка переодевать. Уже 3–4-летние малыши носили шапочки-фесы.

Старик и старуха в старинных костюмах Горные крымские татары. Таврическая губ., Ялтинский у., с. Ай-Серез. Фотография начала XX в. РЭМ 4103-13

Намазлык
Крымские татары.
Таврическая губ.
Начало XX в.
РЭМ 2610-1

Костюм невесты
Караимы.
Таврическая губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Ритуальные
предметы:
полоса,
надеваемая во
время молитвы,
и сумочка для
молитвенника
Караимы.
Таврическая губ.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 8118-9, 8118-10

Мужской костюм
Крымские татары.
Таврическая губ.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Женский
праздничный костюм
Крымские татары.
Таврическая губ.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Шебенти –
девичье головное
покрывало и учкур –
мужской пояс
Крымские татары.
Таврическая губ.
Конец XIX в.
РЭМ 4911-8; 762-12

Каждая бляха представляла собой слегка выпуклую пластину, украшенную чаще всего чеканным орнаментом. Такого типа поясные пряжки известны практически у всех народов черноморского региона, в том числе у болгар, греков, турок.

Гюнюш –
женский пояс
Караимы.
Таврическая губ.
Начало XX в.
РЭМ 8762-24539

Нарядная
женская обувь
Крымские татары.
Таврическая губ.
Начало XX в.
РЭМ 8762-24145

Девушки
в праздничной одежде
Крымские татары.
Таврическая губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 1511-18

Портрет мурзака
(дворянина)
в традиционном
костюме
Крымские татары.
Фотография XX в.
РЭМ 8764-10381

курточка или шубка, отороченная по краям мехом. Нарядный пояс был кожаным или из галуна, с массивной двухчастной пряжкой. Пряжки состояли, как правило, из двух блях — перцевидной (бута) или круглой формы, представлявших собой слегка выпуклую пластину, украшенную чаще всего чеканным орнаментом. Такого типа поясные пряжки известны практически у всех народов черноморского региона, в том числе болгар, греков и турок.

В комплект повседневной женской одежды входил треугольный вязаный шерстяной платок, повязывавшийся на талии. Обувь зависела от достатка в семье, погоды, назначения. Как правило, она шилась из сафьяна черного, желтого или красного цвета. В дождливую погоду носили башмаки — терлик или нарядную открытую обувь на высокой деревянной подошве — налын, табалдрык.

Наиболее распространенным головным убором крымских татарок были небольшие шапочки — фесы. Уже с двух-трех лет девочка, а потом девушка носила фес конической или цилиндрической формы с плоским верхом. Жесткой основой фесов служил картон, который обычно покрывался бархатом красновато-коричневых тонов, а снизу подшивалась подкладка из хлопчатобумажной ткани. Мягкие фесы встречались реже. Это были фетровые красные фески, куполообразные или с вшитым круглым доньшком. У бедных повседневные фесы не украшались. На околыш нарядных детских и девичьих фесов надо лбом обычно нашивались монеты или имитирующие их бляшки. У молодых женщин околыш и верх фесов чаще украшала вышивка золотой нитью, золотой или серебряный галун. Существовали съёмные украшения: налобное (в виде металлической фигурной пластины с отходящими в стороны цепочками из мелких бляшек) и височные (пластины с подвесками).

На фес девушка могла накинуть легкое головное покрывало шебенти с вышитыми двухсторонней гладью концами. Женщины старшего возраста, как правило, носили более плотные головные покрывала — марама, помимо вышивки украшенные рельефным тканым узором. В Бахчисарае до конца XIX века бытовали покрывала, закрывавшие всю женскую фигуру.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

В традиционной пище народов Крыма большое место занимала растительная пища. Огородные культуры (помидоры, перец, огурцы, баклажаны и т.п.), корнеплоды (чеснок, лук, морковь), бахчевые (тыквы, арбузы, дыни) и бобовые (фасоль, горох, чечевица), фрукты употреблялись в свежем виде и заготавливались впрок. Мясо также являлось традиционной пищей в Крыму, особенно баранина и говядина. Жарили мясо на вертеле (шиш кебабы) и на углях (кебап), с ним готовили голубцы из виноградных листьев (япарак сармасы), из капусты (лахана сармасы), перца (бибер сармасы). Из баранины со специями делали копченую колбасу (суджукъ, асып). Мясо заготавливали впрок: его вялили, солили в деревянных кадках. Также долго хранилась в специальной посуде обжаренная с луком баранина, залитая жиром. Употребляли в пищу мясо птицы, как домашней, так и дичь. Из мучной пищи в Крыму были широко распространены различные пироги с начинкой, нередко слоеные (кобете, бурма) или жареные в масле пресные (чиберек), пельмени (таташ). Хлеб пекли из пшеничной или ржаной муки.

У крымских народов существовало множество видов сладких мучных изделий: печенье къурабие и бакълава, рогалики с орехом и др. Среди молочных продуктов основное место занимало кислое молоко — къатыкъ, ёгъурт и творог — ырымчыкъ. Из коровьего, козьего и овечьего молока готовили сыры, а из кобыльего татары делали кумыс. Жители Крыма употребляли также сливки — къаймакъ и сливочное масло.

К общенациональным блюдам Крыма можно отнести различные виды супов — шорба: мясные, овощные и молочные. Из напитков употре-

бляли черный кофе, чай, компот из сухофруктов, напиток из кислого молока, разбавленного подсоленной водой с чесноком — язма, или айран. Имелись, естественно, местные особенности в питании. Так, например, в рационе жителей степного Крыма преобладали мясомолочные продукты, а для побережья характерно более широкое употребление овощей, фруктов, рыбы.

Культура питья кофе пришла в Крым из Турции, куда, в свою очередь, его завезли, скорее всего, из Мекки и Медины турки-паломники. Сначала кофе вызвал протест духовенства, так как в кофейнях стало собираться больше посетителей, чем в мечетях. По мусульманским религиозным предписаниям запрещается употреблять в пищу обугленные вещества, чем и воспользовалось духовенство — ведь кофейные зерна следует обжаривать перед помолом. Упо-

Бохча – салфетка для хранения и переноски мелких предметов домашнего обихода и одежды
Караимы. Таврическая губ.
Конец XIX в.
РЭМ 2801-4

Утварь для приготовления пищи Крымчаки. Таврическая губ.
Начало XX в.
РЭМ 7502-2, 3, 5

Утварь для приготовления пищи Крымские татары. Таврическая губ.
Начало XX в.
РЭМ 803-76; 8761-15060; 803-133; 993-34

Женщина за приготовлением кофе Крымские татары. Таврическая губ. Фотография начала XX в. РЭМ 6465-6

требление кофе в стране было запрещено султанскими указами на несколько десятилетий вплоть до конца XVII века. Поскольку Аравия входила тогда в состав Османской империи, то распространению кофе в Турции способствовали его относительная доступность и дешевизна. Тесные связи Турции и Крымского ханства привели к тому, что он стал любимым напитком и в крымских городах. Кофе по-турецки варят очень крепким и пьют из маленьких фарфоровых или керамических чашечек, запивая холодной водой. У крымских татар кофе пьют часто со сливками или молоком, и он является обязательным угощением для гостей.

УТВАРЬ

У каждого народа Крыма помимо общераспространенных блюд имелись свои национальные, но утварь, использовавшаяся для приготовления пищи, была практически одинаковой. Это — изготовленные местными медниками сковороды — лекенче, котлы — казан, миски — саан, миски с крышкой для супа — чорбатаз и др. У народов, исповедовавших иудаизм, в соответствии с требованиями религии соблюдалось разделение посуды, использовавшейся для приготовления мясной и молочной пищи, поэтому и в караимском, и в крымчакском доме можно было увидеть две одинаковые по форме и объему сковороды, но одна из них использовалась для приготовления творожной запеканки, а вторая — для мясных блюд. Предметом особой гордости хозяйки был большой латунный или медный таз для варки варенья.

Полотенца в домах крымчаков, как и у крымских татар, были разнообразными по назначению: для лица, для рук, чайное, для посуды. Концы полотенец, как из домотканой, так и покупной фабричной ткани украшались вышивкой.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

У крымских татар в сельской местности органом самоуправления являлся сельский сход. При этом большую роль в решении возникающих вопросов играло духовенство, поскольку в исламе религиозные и обычно-правовые нормы очень близки.

Караимы жили замкнутыми общинами, но при этом поддерживали связи с единоверцами в других странах (Турции, Египте, Персии, Литве). Деятельность караимских общин в России со времен Николая I регулировалась Управлением религиозных дел караимов при консистории, впоследствии Таврическим и Одесским караимским духовным правлением. Высшая духовная власть в караимской общине принадлежала гахаму, что на иврите означает «мудрец», однако, существует также версия, что этот термин происходит от тюркского «каган» (правитель у хазар). Гахам обладал правами в судебно-правовой сфере, но не вмешивался в военные и административные дела, находившиеся в ведении царской администрации.

Основой социальной организации крымчаков также была община. Она управлялась коллегиально — избиралось несколько мужчин, пользующихся доверием членов общины. Для решения некоторых вопросов привлекался ребы — руководитель религиозного братства крымчаков. Община, объединяя крымчаков одного города, являлась коллективным владельцем определенной собственности: доходных домов, лавок и пр. Доходы от коллективной собственности, как и установленный денежный сбор с недвижимости шли на поддержку нуждающихся крымчаков, для выдачи кредитов. Для надзора за распределением средств избиралось несколько доверенных лиц.

СЕМЬЯ

У крымских татар в основу хозяйства новой семьи ложилось приданое жены. Женившийся сын отделялся от родителей, заводя собственное хозяйство. Иногда отец выделял сыну часть земли в безвозмездное пользование. Если сын оставался в родительском доме, то старались сделать перепланировку, при которой у молодой семьи появлялась не только своя комната, но и кухня, поскольку молодожены вели самостоятельное хозяйство — «свой казан».

Хахам Хизкияу Медини и члены его семьи Крымчаки. Таврическая губ., Карасубазар. Фотография конца XIX в. РЭМ 425-5

Хахам (букв. «ученый», «мудрец») являлся высшим духовным лицом у крымчаков. Во второй половине XIX в. Хизкияу Медини основал в Карасубазаре (совр. Белогорск) семинарию, где в течение многих лет обучил несколько поколений крымчаков. Он поддерживал связи со многими деятелями культуры России, Турции, Америки. В круг его общения входили, например, такие деятели русской культуры, как Л.Н. Толстой и И.К. Айвазовский.

Для караимской и крымчакской семьи также были характерны патриархальность, безусловное подчинение главе дома. Обычно семья состояла из мужа, жены и нескольких детей. Иногда женатые сыновья жили в доме родителей, но, как правило, старались обзавестись собственным жильем. Глава семьи пользовался неограниченной властью. В его отсутствие семья подчинялась старшему сыну.

В XIX веке у караимов и крымчаков были распространены ранние браки: девушку выдавали замуж в 11—13 лет, юноша мог жениться с 16 лет. В начале XX века возрастной ценз несколько увеличился: вступление в брак стало возможно девушкам с 16 лет и юношам с 18-ти, хотя у караимов в это время мужчины зачастую женились в 30—40 лет. У крымских татар девушку могли засватать в 8—12 лет, молодого человека — в 20—25. Свадьба же проходила через 2—5 лет, а то и больший промежуток времени.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

У крымчаков мужчины по возрасту делились на четыре группы: до 13 лет они имели статус мальчиков, от 13 лет и до женитьбы — неженатых мужчин, затем — женатых мужчин, к четвертой, наиболее почетной группе относились

старики, прошедшие обряд кройки савана. Главой семьи являлся отец, женская половина семьи подчинялась его жене.

Невестка до рождения ребенка находилась в бесправном положении и выполняла самую тяжелую домашнюю работу. Женщины ели отдельно от мужчин, при выходе на улицу, как и крымские татарки, прикрывали лицо.

Аналогичным было положение женщины в татарской и караимской семьях. Караимская девушка до замужества не имела права молиться в кенесе. Замужние женщины, караимки и крымские татарки, могли входить только на хоры кенасы и мечети, отделенные от общего помещения густой решеткой.

То, что главой семьи был отец, нашло отражение в застольном этикете: во время трапезы на самое почетное место во главе стола садился отец, рядом с ним размещалась мать семейства, а затем старшие и младшие дети. Если в доме были старики или гости, то место во главе стола предоставлялось им. Уважительное отношение к старшим, к родителям нашло отражение и в фольклоре крымских татар: «Кому сделает добро тот, кто не делает добра своему отцу?», «Кто печется о своем отце и матери, о том Бог печется», — гласит народная мудрость.

Православная церковь
в Коктебеле
Таврическая губ.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 735-20

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Элементы языческих верований и обычаев сохранились в большей или меньшей степени практически у всех населявших Крым народов. Крымчаки верили в предопределенность всего происходящего — късмет, в магические средства, в частности, в действенность лечения с помощью семи ключей и воды из семи колодцев.

Для караимов Крыма характерно сохранение некоторых берущих начало из тюркской традиции верований: поклонение богу неба и света Тенгри. Отголоском их древних верований является также поклонение деревьям — священным дубам караимского родового кладбища «Балта-Тиймез» (букв. «топор не коснется»).

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

По вероисповеданию крымские татары — мусульмане-сунниты. Мусульманами были также цыгане Крыма.

Караимы — приверженцы одного из направлений иудейской религии, именуемого «караимизм». Учение караимизма появилось в IX веке на Ближнем Востоке, в Крыму оно было принято в X веке. Название его производят от слова «кара» — «писание», так как эта иудейская секта признает только саму Тору, но отвергает ее толкование, Талмуд, расходясь тем самым с ортодоксальным иудаизмом.

Существуют различия между караимами и иудеями не только в отношении к Талмуду, но и в обрядности. Вследствие различий в календарной системе у них не совпадают даты религиозных праздников (так же, как у православных

и католиков). Караимы, в отличие от иудеев, не признают праздники, не упомянутые в Торе. Различается также трактовка ими некоторых заповедей и установлений Пятикнижия, а также обычаев, касающихся различных сторон быта, начиная с юридических отношений и кончая ритуалами в обрядах жизненного цикла.

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

У крымских татар календарными праздниками были: Йыл-геджеси (самая длинная ночь в году), Наврез (начало нового года и весны), Дервиза (день осеннего солнечного равноденствия, начала осени), Хыдырлез (праздновался в ноябре), Ораза байрам (малый праздник разговенья по истечении 30-дневного поста) и Курбан байрам (праздник жертвоприношения). Таким образом, с религиозными мусульманскими праздниками соседствовали древние праздники земледельцев. В день Навреза проводили первую борозду. Ее проводил, прочитав молитву, самый уважаемый старец, он же бросал в землю горсть семян будущего урожая.

Перед празднованием Дервизы проводили тщательную уборку дома, мальчики очищали хлев и окуривали его дымом, девушки рассеивали золу на поле и виноградниках. В день праздника после молитвы и жертвоприношения барана девочки надевали овчьи тулупы, олицетворяя приближение зимы, женщины с горок скатывали сито, гадая о грядущем урожае, девушки качались на качелях. Во время праздника проводились состязания певцов и танцоров, соревнования по национальной борьбе

(куреш) и бросании камня вдаль. Заканчивался праздник всеобщим танцем.

У мариупольских греков одним из своеобразных проявлений сложившейся еще на территории Крыма культуры является традиционный храмовый праздник — Панаир. Устраивали Панаир один или несколько сельчан, обычно это были те, кто обещал в жертву какому-либо святому теленка или ягненка. После богослужения устраивался общественный пир, а затем борьба и скачки. Борец вызывал желающих сразиться с ним. Во время поединка борцы обхватывали друг друга, стараясь повалить на землю. Победивший три раза подряд получал приз — голову животного, принесенного в жертву. Скачки на лошадях проходили по кругу. Победитель на скачках также получал приз.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Рождение ребенка было радостным событием, особенно, если рождался мальчик. У крымских татар и караимов ребенку дарили сырое яйцо, желая, чтобы он был «таким же чистеньким, кругленьким, беленьким и здоровым». При первом купании ребенка крымские татары желток смешивали с соленой водой. У караимов и крымчаков на восьмой день жизни мальчику в соответствии с требованиями религии делали обрезание и устраивали праздник сунет-той. Рождение девочки отмечали через две недели, обычно в субботу. Если девушки не могли присутствовать при обряде обрезания, то в этом торжестве они принимали участие.

В караимской общине свадьба одного из ее членов была большим праздником для всех. Условиями заключения брака были единоверие, этническая принадлежность к караимам, совершеннолетие вступающих в брак, отсутствие между ними запретного родства и взаимное согласие. Последнее носило формальный харак-

Интерьер синагоги Караимы. Таврическая губ., Евпатория. Фотография начала XX в. РЭМ 735-3 а

тер, так как молодые беспрекословно подчинялись воле старших.

Традиционная караимская свадьба в XIX веке длилась несколько дней и включала в себя обручение, предварительные подарки, подписание брачного договора, одевание жениха и невесты, венчание, свадебное застолье. В брачном договоре кроме выдержек из Ветхого Завета и перечисления взаимных обязательств сторон указывалось приданое невесты и имущество, приносимое в новую семью женихом. Приданое невесты состояло как из покупных вещей, так и изготовленных или украшенных (обычно вышитых) ею самой. Это были отрезки ткани на платья, посуда, украшения, в том числе нитки кораллов и жемчуга, вышитые рубахи, головные покрывала и т.п. Приданое раскладывалось матерью невесты в доме и демонстрировалось знакомым, а затем укладывалось в сундуки и салфетки бохча для перевозки его в дом жениха.

Мечеть в Бахчисарае Таврическая губ. Фотография начала XX в. РЭМ 735-10

Надгробные памятники Крымские татары. Таврическая губ. Фотография конца XIX в. РЭМ 2894-3

У крымчаков молодые люди могли познакомиться на каком-либо торжестве. После сватовства следовало зарученье — встреча родителей жениха и невесты для определения размера приданого. Свадьба начиналась в ночь на воскресенье и длилась до следующего воскресенья. В свадебные ритуалы крымчаков входили, как и у крымских татар, купанье невесты и купанье и стрижка жениха. Жених и невеста во время венчанья, которое проводил по иудейскому религиозному ритуалу крымчакский священнослужитель ребы, стояли под специальным, установленным на четырех столбах балдахинном. В течение сорока дней после свадьбы невеста не должна была выходить из дома и показываться посторонним.

Свадьба у крымских татар также длилась несколько дней. Кроме демонстрации приданого, взаимного одаривания, она включала в себя также ритуал окрашивания волос и первых суставов пальцев невесты хной, окрашивания хной пальцев жениха и его ритуальное бритье. Если у крымчаков отец дарил дочери-невесте пояс, то у крымских татар пояс на невесту надевал ее брат, и он же выносил ее из родительского дома на арбу, отвозящую в дом жениха.

В похоронной обрядности крымчаков наряду с предписанными иудаизмом ритуалов выполнялись и ритуалы, являющиеся языческими пережитками. Так, на поминках обязательными были круто запеченные яйца, посыпанные смесью соли и перца, пирожки с мясом и «черная халва» (в нее добавляли черный перец).

Караимы по возможности хоронили своих умерших на родовом кладбище рядом с Чуфут-кале, погибшим на чужбине устанавливались особые безмогильные памятники.

Большую роль в ритуалах караимов играл войлочный ковер. Белый войлок (белая шкура) был символом счастья, здоровья. При провозглашении Гахама старейшины трижды поднимали его на белом войлоке; затем кусочки этого войлока присутствующие разбирали на память и на счастье. В определенный момент свадьбы жених и невеста вставали на белый войлок, а присутствующие в это время их посыпали монетами, миндалем, сахаром и зерном. Черный войлок, напротив, использовался в погребальной обрядности: вечером после похорон проводился обряд Айяк-ичмек («Пить из кубка»), в котором газзан с кубком вина и хлебом ставился в центр расстеленного на полу черного войлока.

ФОЛЬКЛОР

Много о характере народа могут рассказать его пословицы и поговорки. Караимы говорили: «Проси у Неба, но держись за Землю», «Чем опозориться, пусть лучше душа вон», «Бедняк — позор богача». «Родовое гнездо караимов» — крепость Чуфут-кале — вошла в фольклор народа.

Легенды крымских татар поэтично рассказывают о происхождении названий многих мест полуострова, его достопримечательностей. Среди них наиболее известны легенды о Медведь-горе (Аю-Даг), о русалке и фонтане в

Танец дорт киз («четырёх девушек») на празднике Дервиза Крымские татары. Таврическая губ., Симферополь. Фотография начала XX в. РЭМ 8764-10365

Национальный танец на Панаире Греки мариупольские. Екатеринославская губ., Мариупольский у. Начало XX в. РЭМ 3270-9

Мариупольские греки и в XIX в. сохранили особенности языка и культуры, сформировавшиеся в Крыму еще во времена средневековья. В женский костюм по-прежнему входили характерная вышитая рубашка, длинное покрывало и украшение булония, вкальывавшееся в головной убор.

Мисхоре. В легенде о Золотой колыбели причудливо отразились сложные взаимоотношения жителей Южного берега и северных районов Крыма в древности.

Своеобразным явлением духовной жизни крымчаков являются появившиеся в середине XIX века «Джонки» — рукописные сборники, содержащие записи на крымчакском или древнееврейском языке молитв, библейских текстов, сказаний, пословиц, народных песен, иногда семейных хроник.

ОБРАЗОВАНИЕ

Татарские школы (и низшие — мектебы, и высшие — медресе) были подчинены Магометанскому Духовному правлению, и преподавателями в них были обычно представители духовенства. В начале XX века в Крыму насчитывалось около 500 мектебов с 16—17 тысячами учащихся и 33 медресе с 1440 софтами (студентами). Обучение в мектебах было обязательным для всех детей: и мальчиков, и девочек. Посещать мектеб можно было с 4 лет, обучение в нем было совместным. Продолжалось оно от 3 до 6 лет, и было платным, так как содержались мектебы на местные средства. Плата могла вноситься не только деньгами, но и продуктами. Тем не менее, грамотных среди татар было очень мало, что объясняется и низким уровнем образованности самих преподавателей, и особенностями преподавания. Так, обучая чтению на древнеарабском языке, учитель сообщал лишь смысл прочитанного отрывка, который нужно было выучить наизусть, не делая его построчный перевод, что крайне затрудняло обучение. В мектебах учили чтению Корана, основам морали. Только в небольшом количестве мектебов в начале XX века преподавался счет и было введено обучение не только чтению, но и письму. В медресе изучались богословие, философия, юридические науки, но в богословском толковании. Обучение могло продолжаться от 5 до 15 и более лет.

В течение XIX века российским правительством предпринимались попытки организовать систему русских школ для татар. В них предполагалось обучение общеобразовательным предметам, причем первое время на родном языке. Но успеха это предприятие не имело. В 1913 году в Крыму было всего 60 русско-татарских школ, в них обучались 2299 мальчиков и 284 девочки.

У крымчаков мальчики старше 8 лет посещали религиозную школу (хедер, или талмудтору), но большинство не заканчивало полный курс и оставалось или неграмотным, или малограмотным. В начале XX века в результате реформ еврейского образования, проводившихся российским правительством во второй половине XIX — начале XX века, подавляющее большинство детей крымчаков получали начальное образование (как мальчики, так и девочки) не только в религиозных школах, но и в городских учебных заведениях. В результате этого количество владеющих русским языком среди крымчакской молодежи возросло по сравнению с людьми старшего возраста; причем, если количество хорошо владевших древнееврейским языком среди них уменьшилось, то количество плохо, но знающих древнееврейскую грамоту оставалось высоким. Появились семьи, где грамотны были оба супруга.

Национальная борьба куреш во время праздника Крымские татары. Таврическая губ. Фотография конца XIX в. РЭМ 8764-22976

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

СРЕДНЯЯ АЗИЯ
КАЗАХСТАН

Народы Средней Азии и Казахстана

Л.Ф. Попова

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА

Средняя Азия и Казахстан — это обширный регион площадью 4 млн. кв. км, в рамках которого сложилась единая историко-этнографическая область. Он простирается от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке, от Западно-Сибирской равнины на севере до Иранского нагорья и хребтов Гиндукуша на юге. Большую часть поверхности Средней Азии занимают равнины, на которых расположены зоны степей, полупустынь и пустынь, переходящие на юге и юго-востоке страны в мощные горные массивы.

Зона степей располагается в северной части региона на территории Казахстана. Казахские степи составляют важнейшую часть огромного степного коридора Евразии, простирающегося от Венгерской равнины до Западной Маньчжурии. Это пространство не раз становилось ареной важнейших исторических событий древности и средневековья, являлось дорогой переселений, миграций и завоеваний, здесь зарождались новые народы и культуры.

К югу от степей начинается зона полупустынь с более суровым климатом, но достаточным травостоем для выпаса скота. Наибольшую площадь равнинной части Средней Азии занимают пустыни с жарким и сухим, резко континентальным климатом. Разнообразие пустынь в Средней Азии определяется, прежде всего, особенностями почвенного покрова — это пески,

лёсс, глина, коренные породы. Больше всего растительности в песчаных пустынях, где больше влаги и меньше засоленность почвы. Благоприятным фактором для скотоводства является и практическое отсутствие в пустынях снежного покрова.

Пояс гор начинается небольшими Балханскими горами на западе Туркмении, которые переходят в Копетдаг и далее к юго-востоку в Тянь-Шанскую и Памирскую горные системы. В северо-восточной части Казахстана расположены Алтайские горы, а в Центральном Казахстане — Казахский мелкосопочник. Горы, особенно ледники Памира и Тянь-Шаня, являются местом, откуда берут начало все реки Средней Азии.

Большинство рек региона не имеют стока в Мировой океан. Две самые крупные реки — Амударья и Сырдарья — впадают в Аральское море, Урал и Эмба — в Каспийское, которое, как и Аральское, является огромным озером. Только реки северной части степной зоны — Тобол, Ишим и Иртыш — несут свои воды в акватории Мирового океана.

В долинах рек Средней Азии и Казахстана еще в древности населением региона был создан антропогенный ландшафт — оазисы, где процветали земледельческие общества. Земледельцы перенесли срок вегетации культурных растений на лето, который в естественных условиях приходился на зимний, более влажный период. Однако данное вмешательство в природные условия региона не нанесло вреда его экологии.

НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА: ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Серединное положение региона между Восточной Европой и Дальним и Ближним Востоком обусловило важную роль Средней Азии в международных отношениях и торговле Евразии, сделало ее местом встречи разных народов и культур. Так, по территории Средней Азии — через Ферганскую долину, Ташкентский, Самаркандский, Кашкадарьинский оазисы, через отроги Западного Памира и далее в Афганистан — проходил важный отрезок Великого Шелкового пути из Китая в Средиземноморье. Через Среднюю Азию и Казахстан перекатывались волны мощных миграций и полчища завоевателей, что влияло на состав населения, формирование его языков, культуры.

Население региона смогло освоить все экологические ниши занимаемой территории и адаптироваться к самым неблагоприятным природно-климатическим условиям. Это определило главную особенность культурного облика Среднеазиатско-казахстанского региона, состоящую в тесном соседстве и взаимодействии двух типов цивилизации — оседлой, земледельческой и кочевой, скотоводческой. Первая сложилась в долинах рек и гор, вторая — в зоне степей и пустынь. На границах степей и оазисов возникло полукочевое хозяйство с различным соотношением доли земледелия и скотоводства. Оседлый образ жизни в регионе вели таджики, часть узбеков, часть туркмен, группы каракалпаков и киргизов, а кочевой и полукочевой — казахи, киргизы, часть туркмен, каракалпаков и узбеков. Этническая история этих народов — основных насельников региона — представляет собой сложный многоэтапный процесс, уходящий корнями в древнейшее время.

В эпоху неолита в IV — начале III тысячелетия до н.э. на юге Туркмении сложилась древнейшая на территории Средней Азии раннеземледельческая культура — анаусская. Во II тысячелетии до н.э. она переросла в цивилизацию древневосточного типа, погибшую вследствие экологических изменений.

Уже с конца эпохи бронзы в начале I тысячелетия до н.э. территорию Средней Азии и Казахстана заселили по преимуществу индоевропейцы, среди которых преобладали племена, говорящие на восточноиранских языках. В культурно-экономическом отношении население эпохи бронзы и раннего железа развивало столь характерное для региона двухукладное хозяйство — оседло-земледельческое и кочевое скотоводческое. В оазисах возникают общества урбанистического облика. Насельники степей переживают кардинальный скачок в своем развитии — переход к всадничеству и масштабному подвижному скотоводству, то есть собственно номадизму. Формируется эпохальный тип культуры ранних кочевников, который специалисты именуют скифским. К скифскому кругу культур, ставших важным этническим субстратом для многих народов Средней Азии, принадлежали дахи низовьев Сырдарьи, массагеты Восточного Прикаспия и саки, обитавшие на широкой территории региона. Таким образом, в Средней Азии уже в древности расселение приняло системный характер, что привело к сложению его трехчленной структуры: город—сельская округа—кочевая степь, ставшей одной из характерных черт среднеазиатской цивилизации.

Еще в первой половине I тысячелетия до н.э. на отдельных территориях Средней Азии появляются черты культурного своеобразия, позволяющие говорить о сложении историко-

На с. 538–539

Чайхана в Коканде
Узбеки.
Фотография
1900–1902 гг.
РЭМ 46-88

Многочисленные чайные – чайханы, располагавшиеся на базарах и в городских кварталах, всегда являлись излюбленным местом отдыха мужского населения и в сельской местности, и в городах. По мусульманским законам женщины не должны были посещать публичные места и встречались только у кого-нибудь дома, на женской половине. Зато мужские собрания были обычной практикой социальной жизни.

Аул в окрестностях
Ашхабада
Туркмены.
Фотография 1902 г.
РЭМ 41-5

культурных областей — Парфиены (Прикопетагская полоса юга Туркмении), Арейи (восточная часть юга Туркмении), Бактрии (юг Таджикистана и Узбекистана, современный Северный Афганистан), Согдианы (Зеравшанский и Кашкардарьинский оазисы), Хорезма (низовья Амударьи). Эти области являлись своего рода культурными ячейками среднеазиатского общества, проявившими устойчивость в исторических перипетиях периода древности.

С конца VI века до н.э. ряд областей Средней Азии находился в составе Персидской державы Ахеменидов, оказавшей большое влияние на экономические и политические институты многих государств древности, их культурные традиции. Караванные дороги, одна из которых доходила

до Бактрии, способствовали развитию торговых связей между различными частями страны. Разделение Персидского государства на сатрапии, границы которых обычно соответствовали государственным и этническим границам покоренных областей, способствовало этнической консолидации их населения. Так, в пределах северо-восточных Приамударьинских сатрапий складывался Хорасан как этнокультурная область, ставшая одним из центров сложения таджикского этноса.

Среднеазиатские области познакомились с письменностью именно под влиянием Ахеменидов, создавших единую общегосударственную письменность — арамейскую. Из канцелярского арамейского письма позднее возникли четыре

Юрта в горах
Казахи.
Семиреченская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 9462-54

идеографические системы письма: парфянская, персидская, согдийская и хорезмийская. Они сохранялись в Средней Азии и Иране вплоть до арабского завоевания.

В последующий эллинистический период Средняя Азия входила в империю Александра Македонского (349—312 до н.э.), обширное государство Селевкидов (312—64 до н.э.), местные государства — Греко-Бактрийское царство и Парфию. Исторические условия способствовали дальнейшему росту городов, развитию ремесла и торговли, в том числе с Ираном, Индией, Китаем. Бактрию в то время называли «страной тысячи городов». Искусство Парфии и Греко-Бактрии, сложившееся с участием греческого наследия, внесло крупный вклад в развитие местной художественной культуры Средней Азии.

С конца I тысячелетия до н.э. Средняя Азия испытывает воздействие кочевых объединений, сумевших создать под своей властью государственные образования. На рубеже эр в Семиречье и Тарбагатае возникло государство Юэбань под властью северных хунну, а во II веке до н.э. — государство Усунь. Возможно, что имеется этногенетическое родство между усунями и вошедшими в состав казахского и киргизского народов племенами уйсуней (ушуней). Общий облик культуры усуней был сходен с культурой саков.

Значительное влияние на развитие Средней Азии оказало Кушанское царство, созданное на землях древней Бактрии кочевым народом юечжи, вышедшем из Северо-Западного Китая во II веке до н.э. В период своего расцвета в начале III века кушаны властвовали над значительной частью Средней Азии, Афганистаном, Западным Пакистаном, Северной Индией, составляя историческую величину, равновеликую Риму, Парфии, Китаю. При Кушанах начинается распространение буддизма из Индии в Среднюю Азию и на Дальний Восток. В целом для культуры Кушан характерно сосуществование разнообразных языков, культур и религиозных культов.

Кушанское царство пало под ударами иранского государства Сасанидов (224—651), куда в середине VI века вошли многие области Средней Азии, Закавказья, Передней Азии. На культурные традиции этих территорий оказал воздействие тот значительный подъем литературы, науки, изобразительного искусства, который был характерен для эпохи Сасанидов. Одной из главных тем сасанидского искусства была религиозная, прокламировавшая зороастризм. Для этнической истории Средней Азии сасанидский период был ознаменован появлением на юге региона нового крупного этнического массива — западноиранского, который сыграл важную роль

в этногенетических процессах на территории Туркмении, Таджикистана и Узбекистана.

Грозными соперниками Сасанидского Ирана, остановившими его продвижение на Восток, явились эфталиты — объединение племен, образовавших обширное, но непрочное варварское государство на территории Средней Азии, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана. В Средней Азии эфталитское объединение распалось в 560-х годах под ударами тюркских правителей — вершителей исторических судеб многих народов Евразии на протяжении последующих двухсот лет.

Завоевания тюркских каганов VI—VIII веков в этнической истории Средней Азии открыли новый этап, характеризующийся интенсивной тюркизацией региона, то есть непрерывным притоком волн тюркоязычного населения, оказавшего сильное воздействие на иранский мир.

Тюркский каганат — первая евразийская империя — возник на территории Центральной Азии в 551 году и вскоре достиг максимума своего расширения, простираясь от Маньчжурии до Черного моря, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Племена древних тюрков дали начало четырем основным тюркским ветвям, на базе которых сложились крупнейшие кочевые народы средневековья — собственно тюрки, огузы, кыргызы и кипчаки. Именно эти народы, в свою очередь, сыграют основную роль в становлении современных народов Средней Азии, прежде всего кочевых.

В Средней Азии тюрки господствовали над важнейшей частью Великого Шелкового пути, что обогащало их правящие круги. Междоусобицы привели империю к распаду в 603 году на Восточнотюркский каганат в Монголии и Западнотюркский каганат в Средней Азии и Джунгарии. Сильное тюркское государство возродилось в качестве Второго каганата в 691 году, заняв земли от верховьев реки Керулен до границ Тохаристана (средневековое название Бактрийских земель). Однако после неудачных битв с арабами начался закат его могущества, а после гибели правящей династии при столкновениях с тюркскими же племенными союзами уйгуров, басмылов и карлуков в 744 году Второй Тюркский каганат перестал существовать.

Тюркские государства способствовали консолидации тюркоязычного населения Евразии через общеимперскую идеологию, единый литературный язык и древнетюркскую письменность, созданную на основе арамейского алфавита, единую социально-политическую номенклатуру. В древнетюркскую эпоху сложились те формы кочевого быта, которые определили облик культуры кочевых народов Средней Азии в позднейшее время. Это сборно-разборное жилище — юрта, жесткое седло со стремянами,

сложносоставной лук, транспортабельная утварь из кожи, дерева и войлока.

Событием эпохального значения для региона явилось его арабское завоевание, растянувшееся почти на столетие. Первыми в 651 году были завоеваны города Хорасана, а к середине VIII века окончательно покорены отдаленные северо-восточные области Мавераннахра (от арабск. «земля за Амударьей»). Вовлечение Средней Азии в единую политическую и экономическую систему халифата позволило начать восстановление разрушенных городов, оживить ремесло и торговлю. Средняя Азия оказалась под воздействием арабской культуры, одним из признаков которой является арабский язык, ставший средством культурного и политического общения. Арабы принесли и новую религию — ислам. Утверждение ислама проходило в столкновении, главным образом, с зороастризмом и многими местными культурами. В результате их адаптации с исламом возникли различные формы религиозного синтеза, составившие особенность духовной культуры народов региона. С конца VIII века, когда начали складываться религиозно-правовые школы в исламе — мазхабы, на территории Средней Азии утвердился ханафитский мазхаб. Это направление отличается мировоззренческой гибкостью, либерализм, широкое пользование обычным правом (адат).

В конце VIII века усиление наместников позволило окраинным областям халифата стать независимыми от багдадского халифа. Практически самостоятельно правили династии Тахиридов (821—873) в Хорасане, Мамунидов (995—1017) в Хорезме и Саманидов (874—999) в Мавераннахре.

Столицей государства Саманидов стала Бухара — один из крупнейших центров мусульманского мира. Время Саманидов явилось периодом расцвета экономики, науки и культуры. Широко распространился таджикско-персидский язык (фарси-дари), письменная литературная форма которого была общей для таджиков и персов. На нем создавали свои выдающиеся произведения поэт Рудаки и великий творец иранского эпоса «Шахнамэ» Фирдоуси (около 940—1020/30).

В рамках государства Саманидов продолжилось сложение таджикского этноса на основе синтеза местного ираноязычного населения и тюркоязычных элементов. Название «таджик» впервые зафиксировано в источниках на рубеже X—XI веков в контексте общности «турк ва тозик» (букв. «тюрк и таджик»), что указывает скорее не на этнический, а на социальный аспект термина. Складывающийся культурный и политический союз таджиков и тюрков будет определять ситуацию в регионе все последующие столетия, и в этом союзе термин «таджик» пона-

чалу означал чиновную верхушку, купечество, городское население, а «тюрк» — военно-кочевую аристократию.

Важнейшим событием в кочевом мире в IX—XI веках явилось сложение в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи государства огузских племен. Огузы стали ведущим компонентом в сложении туркмен, приняв участие также в этногенезе казахов, каракалпаков, узбеков, киргизов, за пределами региона — татар и башкир. Государство огузов было союзником Киевской Руси в борьбе с Хазарским каганатом и Великой Булгарией. В XI веке оно пало под ударами кипчакских племен, что знаменовало окончание древнетюркской эпохи в истории Средней Азии и Казахстана. В XI веке усиление тюркского компонента в регионе происходит в связи с активной политической деятельностью тюркских династий Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, государственного объединения кипчаков.

В государстве Караханидов, возникшем в Восточном Туркестане и Семиречье в конце X века, продолжало складываться ядро узбекского этноса на основе союза тюркских племен, сильнейшими из которых были карлуки, чигили и ягма. Уйгурско-карлукский язык Караханидского государства явился классическим вариантом тюркского литературного языка тюрки, под влиянием которого развивались все его позднейшие локальные варианты. Караханиды в 1005 году овладели Мавераннахром, что придало новый импульс тюркизации населения оазисов, усилилось сближение жителей Среднеазиатского междуречья, Семиречья и Восточного Туркестана. В 60—80-е годы XI века это государство распалось под ударами Сельджукидов.

В конце X — начале XI века часть огузов, получивших по имени своего предводителя наименование сельджукской группировки, ушла из Приаралья в Северный Хорасан. Смешение огузов с населением этой области стало решающей стадией формирования туркменской народности. В борьбе за усиление своего политического влияния сельджуки завоевали громадные пространства в Иране, Ираке, Средней и Малой Азии, а их правители получили от багдадского халифа титул султана. Резиденцией правителей империи Сельджукидов стал город Мерв. После раскола Сельджукского султаната в начале XII века Средняя Азия и Иран вошли в состав Восточносельджукского султаната, расцвет которого был связан с крупными строительными и ирригационными работами. Однако он стал клониться к упадку в середине XII века после поражений, нанесенных киданями, огузами, государством Хорезмшахов.

Территорию степей от реки Урал на западе до Среднего Иртыша на востоке в IX веке занимала кимакская федерация племен. В социальном и

Группа всадников
Киргизы.
Южная Киргизия.
Фотография 1902 г.
РЭМ 43-104

Конный всадник является одним из основных символов кочевой культуры Средней Азии. Обучение верховой езде составляло важнейшую часть воспитания и социализации киргизских детей. Обряд первой посадки на коня проводился, когда мальчику исполнилось 5–6 лет. По этому случаю на него надевали кожаный пояс с металлическими бляшками как знак подрастающего мужчины – воина и скотовода. Близкие родственники дарили мальчику седло, нагайку и комплект праздничной конской упряжи с посеребренными накладками. Юные всадники могли продемонстрировать свое умение управлять лошадью на скачках, поскольку в роли седоков выступали обычно дети из-за их небольшого веса. Как правило, скакали без седел и стремян, что требовало от всадника особой ловкости.

культурном отношении эти племена ярче всего развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде в VI—VIII веках. Среди кимакских племен по силе и мощности выделялись кипчаки. Захват огузских земель в бассейне Сырдарьи обеспечил им политическую гегемонию в Кимакской федерации и вхождение в их состав различных этнических групп — кимаков, канглы, огузов, печенегов и др. Перед монгольским нашествием кипчаки занимали огромную степную территорию от Иртыша до Дуная. Эти обширные земли в арабских и персидских источниках XI—XV веков стали называться Дешт-и-Кипчак — Кипчакская степь. Кипчаки, известные в Европе как команы, на Руси — половцы, сыграли особо важную роль в образовании казахской народности.

В начале XII века на большую часть территории Средней Азии распространилась власть государства Хорезмшахов, расширившего свои границы от северных берегов Каспийского моря до Персидского залива и от Кавказа до Гиндукуша. Хорезм являлся форпостом мусульманской цивилизации в евразийских степях, связующим звеном славяно-булгаро-хазарского, тюркского кочевого и средневосточного культурных миров. К этому времени относятся строительство прекрасных шатрово-купольных мавзолеев Ургенча, повсеместный расцвет ремесленного производства и художественного творчества. Однако в 1221 году процесс культурного развития на территории Средней Азии был прерван монгольским нашествием, которое разорило страну.

Страны и народы, завоеванные монголами, были поделены между сыновьями Чингисхана, каждому из которых был выделен улус (удел)

с определенным количеством войска и зависимыми людьми. Значительная часть Средней Азии и Восточный Казахстан вошли в состав владений Чагатая, Северный и Центральный Казахстан — в состав улуса Джучи (Золотую Орду). Улусные правители — Чингизиды — получали подати со своих уделов, содержали собственный двор, войска, администрацию. Гражданское управление над оседлым населением осуществлялось с помощью прежней местной бюрократии.

Монгольские завоевания способствовали массовому переселению многих народностей и племен, оттеснению части таджикоязычного населения в горы, усилению в Средней Азии кочевнического элемента. Политическая культура монголов оказала значительное воздействие на социальные процессы в завоеванных областях. Однако завоеватели в целом не изменили этнического облика Средней Азии. Напротив, постепенно произошел процесс их тюркизации как в языковом, так и в бытовом отношении. Как пишет арабский историк XIV века Ал-Омари, монголы «смешались и породнились с кыпчаками, и все они стали точно кыпчаки».

В XIV веке под влиянием внутренних противоречий многие монгольские улусы теряют свою целостность. Чагатайский улус не стал исключением: его западные области оказались поделены между вождями тюрко-монгольских племен, а северо-восточные обособились в государство Моголистан, где проходили завершающие этапы этногенеза узбеков, казахов и киргизов. В состав этого государства вошли земли Восточного Туркестана, степи Прииртышья и Прибалхашья.

Существенное передвижение значительных групп населения Средней Азии продолжилось в государстве Тимура — политика и полководца, происходившего из тюркизированного монгольского племени барлас. В 1370 году Тимур победил в борьбе за власть в Мавераннахре, принял титул эмира и стал единолично управлять страной от имени потомков Чингисхана. Тимур создал сильную армию, опираясь на которую завоевал огромную территорию от Инда до Волги и от Сирии до Китая. Важной частью политики Тимура было объединение Средней Азии как центра своей империи. Столицей новообразованного государства стал Самарканд.

Тимур уделял большое внимание развитию науки и культуры. Пленные мастера и ремесленники строили в городах Мавераннахра великолепные дворцы, мечети, мавзолеи. Новые архитектурные приемы позволили возводить стройные здания с огромными куполами. Высокого совершенства достигла декоративная отделка зданий с помощью наборной мозаики. В XV веке культурный подъем был связан с деятельностью внука Тимура — Мирзы Мухаммеда Тарагая, известного под именем Улугбека, и плеяды знаменитых ученых и литераторов, живших в Герате и Самарканде. При Улугбеке в Самарканде была возведена знаменитая обсерватория, а в медресе даже читались лекции по астрономии. В Герате, ставшем во второй половине XV века центром государства Тимуридов, создавал свои выдающиеся произведения Алишер Навои — поэт, философ, мудрец.

В степных районах в XV веке после распада Золотой Орды утвердились Ногайская Орда и Узбекское ханство. Последнее получило свое название по имени хана Узбека. Тюркоязычные кочевые племена, входившие в Узбекское ханство, имели собирательное название узбеки-казахи. Обострение междоусобиц в Узбекском ханстве вызвало массовую откочевку части племен во главе с султанами Джанибеком и Гиреем в западные пределы Семиречья, ставшие центром объединения казахских племен. В середине XV века

здесь возникло Казахское ханство. В начале XVI века в связи с уходом из казахских степей остальной части узбекских племен во главе с Шейбаниханом границы Казахского ханства расширились, а все население, обитавшее на территории бывшего Узбекского ханства, стало называться казахами. Активный процесс становления казахского этноса в XVI веке привел к образованию трех племенных объединений — жузов (Старшего, Среднего и Младшего), занимавших определенную территорию. Жузы находились в отношениях соподчинения — последний род Старшего жуза был выше первого рода Среднего.

Шейбани-хан, завоевавший в начале XVI века центральный Мавераннахр, вскоре подчинил себе все бывшие владения Тимуридов. Так возникло государство Шейбанидов (1500—1598) со столицей в Самарканде, а с 1560 года — в Бухаре. После перенесения столицы в Бухару появилось название Бухарское ханство.

Наездник
Туркмены. Мерв.
Фотография 1901 г.
РЭМ 40-35

Туркмены могли не только отразить военную опасность со стороны соседних племен или народов, но и сами совершали грабительские набеги или нанимались для этой цели на службу к среднеазиатским правителям. Их военной славе в немалой степени способствовали скакуны местных ахалтекинской и йомутской пород, выведенных путем многовековой селекции.

Караван с товарами
Казахи. Оренбургская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 5470-9

Еще в 1510 году после поражения, нанесенного шахом Ирана, от государства Шейбанидов откололось независимое Хивинское ханство (центр — Ургенч, позднее Хива), а бывшие хорасанские владения Тимуридов отошли к Ирану. Хивинское ханство, ставшее, наряду с Бухарским ханством, важнейшим центром завершающей стадии этногенеза узбеков, включало территорию древнего Хорезма, кочевья туркмен на Мангышлаке, северную часть Хорасана.

В период существования государства Шейбанидов за тюркоязычным населением Мавераннахра и Хорасана закрепился этноним «узбеки». Достиг высокого развития литературный староузбекский язык. Наиболее известными поэтами и писателями Шейбанидского государства были Нисари, Васифи, Бинаи, Мушфики. При Шейбанидах огромного размаха достигло строительство зданий различного назначения. Выросло искусство переписки, оформления и иллюстрации рукописей. Именно в XVI веке сформировалась местная бухарская школа книжной миниатюры.

Если в XVI веке в обоих узбекских ханствах сохранялась экономическая и политическая стабильность, то к началу XVII века обострились династические смуты, приведшие к воцарению в Бухарском ханстве новой династии Джанидидов (Аштарханидов) (1599—1753). Однако и она не смогла справиться с общественным кризисом, охватившим в начале XVIII века многие области Средней Азии. Во второй четверти XVIII века Бухара и Хива были завоеваны правителем Ирана Надир-шахом, но после его смерти в 1747 году снова стали независимыми. Кризис завершился очередной сменой династий — в Бухаре утвердились Мангыты (1753—1920), а в Хиве — Кунградская династия (1763—1920). Наиболее значительным представителем последней был хан Мухаммед-Рахим (1806—1825), который завершил объединение Хивинского ханства и подчинил себе мелкие соседние владения (аральское, каракалпаков и др.). Он учредил верховный совет, провел налоговую реформу, увеличил государственные доходы. Это был период стабилизации внутреннего положения. В 1839—1840 годах Россия, соперничая с Англией в борьбе за Среднюю Азию, предприняла большое наступление на Хивинское ханство, которое закончилось неудачно. Овладели Хивой русские войска лишь в 1873 году. По договору 1873 года Хивинское ханство отказалось от земель по правому берегу Амударьи и превратилось в протекторат России с сохранением внутренней автономии.

Время правления Мангытов характеризуется упорной борьбой с феодальной раздробленностью. С начала XIX века Мангыты вели ожесточенную борьбу с Кокандским и Хивинским ханствами за подчинение мелких соседних вла-

дений. По договору 1868 года и дополнительному договору 1873 года Бухарское ханство признало протекторат России. Династия Мангытов и Кунградская династия просуществовали до 1920 года, когда они были свергнуты в ходе большевистской революции, провозгласившей Бухарскую и Хивинскую народные советские республики.

Третьим центром узбекской государственности явилось Кокандское ханство — государство в Ферганской долине, возникшее в 1758 году после обособления от Бухары. Кокандские ханы происходили из узбекского племени минг. В первой половине XIX века Кокандское ханство достигло наибольшего расширения, присоединив Ташкент, Ходжент, Каратегин, Дарваз, Куляб, Алай. На границах с кочевьями казахов был построен ряд сильных крепостей — Ак-Мечеть, Аулие-Ата, Пишпек. В середине XIX века внутреннее положение в ханстве было нестабильным, что осложнилось началом военного наступления России на Среднюю Азию. В 1865 году русские войска заняли Ташкент и Ходжент. В феврале 1876 года Кокандское ханство было упразднено, а его территория вошла в состав России как Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства.

Казахское ханство в XVIII веке также переживало драматические события, связанные с вторжением в 1723 году западных монголов Джунгарского ханства. Застигнутые врасплох, казахи вынуждены были бежать в пределы среднеазиатских ханств, оставляя скот, имущество, провиант. Во главе сопротивления джунгарам встали батыры — военные вожди незнатного происхождения, сумевшие создать народное ополчение. В 1730 году джунгары потерпели поражение от объединенного казахского войска, которое возглавил хан Младшего жуза Абулхаир. В 1731 году он присягнул на верность России, надеясь упрочить свою власть и заручиться военной поддержкой могучей державы. Однако до конца XVIII века власть России на казахской земле была скорее номинальной. Реальные политические и административные реформы были осуществлены только в первой половине XIX века, когда постепенно большая часть Казахстана была включена в состав России.

Завершающие этапы формирования киргизов протекали на Тянь-Шане в XVI—XVIII веках, где происходил процесс взаимодействия двух основных компонентов — средневековых племенных объединений Притяньшанья и собственно киргизских племен, переместившихся сюда в конце XV века из Прииртышья и Алтая после распада Моголистана. Под натиском джунгар киргизы откочевали в Ферганскую долину, Каратегин, Бадахшан и на Памир, откатившись назад после разгрома Джунгарского ханства.

Однако часть киргизов осталась в указанных областях.

О начале процесса сложения этнической общности у туркмен в XVII веке свидетельствует работа «Родословие туркмен» хивинского хана-историка Абулгази, где автор говорит о пришедших к нему главах туркменских племен с просьбой о сочинении для их народа единой генеалогии. Однако это не мешало туркменским племенам на протяжении XVI—XVIII веков вести жестокую борьбу за земли и политическую гегемонию, сопровождавшуюся непрерывными миграциями племен. В это время значительная часть туркмен осела в оазисах Ахала, Атрека, Мургаба, Теджена. Завоевание туркменских земель Россией проходило в кровопролитных сражениях и завершилось в 1881 году взятием крепости Геок-Тепе. Это был последний рубеж завоеваний России в Средней Азии. На территории Туркмении была образована Закаспийская область.

Приближение России к колониальным владениям Великобритании вызвало большое беспокойство последней. Границы Средней Азии оформились в результате политического компромисса между этими государствами на основании Памирского разграничения 1895 года и договора от 18 (31) августа 1907 года, согласно которому Южный Иран, Афганистан и Тибет оставались сферами влияния Англии, Россия же закрепляла за собой Среднюю Азию и устанавливала контроль над Северным Ираном.

Таким образом, вследствие бурных исторических коллизий, имевших место на территории Средней Азии и Казахстана, этническое лицо народов Средней Азии оказалось неоднородным. Наиболее сложным является состав узбеков. Под этим именем во второй четверти XX века были объединены очень разные во многих отношениях группы: во-первых, тюркоязычное древнее оседлое население городов и земледельческих селений Ферганской долины, Хорезма, Ташкентского оазиса и некоторых других мест, которое в прошлом было известно под именем сарты; во-вторых, сохранявшие родоплеменное деление потомки племен группы тюрк и ряда других, переселившихся в Среднюю Азию до XV века; в-третьих, собственно узбеки, которые вели кочевой образ жизни и являлись потомками племен, переселившихся в Среднюю Азию из степей Дешт-и-Кипчака в конце XV века.

Таджики в культурном отношении разделяются на равнинных (северных) и горных (южных). Различия между ними были весьма контрастными по многим культурным параметрам.

Припамирские народности — язгулемцы, рушанцы с локальной группой хуфцы, бартангцы, шугнанцы, ишкашимцы и ваханцы — проживают в области Бадахшан. Эти народности имеют много общих черт, сформированных сложными условиями существования в высокогорье, но в то же время каждая из них имеет свое самосознание и культурное своеобразие.

Среднеазиатские арабы
Самаркандская обл.
Фотография начала XX в.
РЭМ 5908-37

Среднеазиатские
цыгане
Самаркандская обл.
Конец XIX в.
РЭМ №50-17а

Бухарские евреи
Самаркандская обл.
Фотография 1902 г.
РЭМ 49-13

Этнический облик казахов оказался довольно однородным, хотя по ряду признаков можно выделить три комплекса казахской культуры — западный, северо-восточный и южный, границы которых примерно совпадали с территориями казахских жузов. Казахские племена и их родовые подразделения имели свою культурную специфику, но ее проявления не были ярко выражены. Ряд культурных особенностей имела социальная группа «ак сук» («белая кость»), находящаяся вне родовой структуры казахского общества и состоящая из чингизидов, которым принадлежала политическая власть.

Киргизы делились на четыре крупных отдела: правое крыло с тремя отделами, левое крыло, отделение «ичкилик» и группу племен некиргизского происхождения. Однако основные варианты киргизской культуры — северный и южный — определили как племенная структура, так и, в значительной мере, территориальный фактор.

У туркмен культурные особенности в наибольшей степени совпадали с племенными. Туркменские племена имели сложную генеалогическую лестницу, особенностью которой был строгий дуализм при делении племени на отделы, колена, роды. Особый статус имели «овляды» — «святые» племена сеид, ших, ходжа, махтум, ведущие происхождение от потомков Пророка Мухаммеда. Эндогамные группы аналогичного происхождения имелись в составе таджиков и узбеков-сартов, а также казахов.

Культурные варианты у каракалпаков также были определены их родоплеменной структурой, но, как и у казахов, они не являлись системными. Все каракалпаки делились на две группы: «конграт» и «он-торт-уруу» с последующим разветвлением на различные таксономические уровни племенной структуры.

Кроме упомянутых крупных народов на территории Средней Азии и Казахстана проживают сравнительно небольшие по численности группы представителей других национальностей, основная масса которых находится за пределами региона (дунгане, корейцы, уйгуры, арабы, белуджи, курды, ирани и др.). Некоторые из этих групп — среднеазиатские арабы, евреи, цыгане, переселились в регион еще в древности и раннем средневековье, развившись в новых условиях в самостоятельные этносы. Ряд народов нашли в Средней Азии вторую родину только во второй половине XIX века. Группы дунган переселились в долину р. Чу из китайской провинции Синьцзян, спасаясь от преследования китайских властей после поражения национально-освободительного движения 1862—1877 годов. Причиной переселения части белуджей из Афганистана на территорию современной Туркмении явились притеснения со стороны афганских чиновников. Группы курдов появились в пределах Туркмении, гонимые голодом, поразившим население северного Ирана в конце XIX века. Поселения корейцев в Средней Азии появились только в 1920-х годах в результате депортации их с Дальнего Востока.

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕГИОНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Антропологический облик населения Средней Азии и Казахстана до монгольского нашествия был преимущественно европеоидным. Вместе с тюркскими этническими элементами стала проникать и монголоидность, но до XIV—XV веков она проявлялась неотчетливо. В настоящее время «чистый» европеоидный тип представляют припамирские и горные таджики, сохранившие его благодаря изолированному проживанию высоко в горах. Небольшая монголоидность характерна для памиро-ферганского типа европеоидной расы, к которому принадлежат таджики и большая часть узбеков, а также для закаспийского типа той же расы, к которому относятся туркмены. Последних отличает такая яркая расовая особенность, как долихоцефалия — удлиненная форма головы. У каракалпаков, кочевых узбеков, казахов, а особенно у киргизов признаки монголоидности преобладают. Эти народы относятся к переходной малой южносибирской расе.

ЯЗЫК

В отношении языка коренное население Средней Азии и Казахстана представляет две большие языковые семьи — алтайскую и индоевропейскую. Первая представлена как восточной своей группой, к которой относится киргиз-

ский язык, так и западной, в которую входят казахский, каракалпакский, туркменский и узбекский языки. Для разговорных тюркских языков региона характерно наличие диалектов.

Индоевропейская языковая семья представлена в Средней Азии западной, северо-западной и восточной группами иранских языков. К западной группе относится таджикский язык, на котором говорят также среднеазиатские евреи, белуджи Таджикистана, часть среднеазиатских арабов и цыган. В таджикском языке лингвисты диалектов не выделяют, отмечая лишь наличие говоров. Языками северо-западной группы являются курдский и белуджский. В восточную группу входит язык ягнобцев (этнографическая группа таджиков в верховьях Зеравшана), являющийся реликтом согдийского языка, а также памирские языки — шугнанский, рушанский, бартангский, орошорский, образующие шугнано-рушанскую группу диалектов, язгулемский, ишкашимский и ваханский языки.

Языковые отличия не были препятствием для контактов между народами региона, поскольку для многих районов было характерно двуязычие. Все старые тюркские языки были близки благодаря общим литературным традициям и общей арабской основе письменности, что позволяло свободно читать и понимать любые тексты. Персидский язык являлся своего рода латынью Средней Азии, оставаясь языком науки, литературы, религии, власти.

Туркмен-сарык
Закаспийская обл.
Фотография 1901 г.
РЭМ 41-7

Таджик
Сырдарьинская обл.,
кишлак Нанай.
Фотография 1902 г.
РЭМ 11-18 а

Киргиз
Ферганская обл.
Фотография 1902 г.
РЭМ 43-120

Рисовые поля
Узбеки.
Шахрисябз.
Фотография 1902 г.
РЭМ 42- 14

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ УКЛАД

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

В хозяйственном отношении к началу XX века большая часть населения региона занималась земледелием, удельный вес которого в экономической системе увеличился за счет деятельности переселенцев-славян, а также в связи с кризисом кочевого скотоводства, ускорившем процесс оседания кочевников. Преобладающим типом являлось орошаемое земледелие. Богарное неполивное земледелие практиковалось ограниченно, в основном в предгорных районах с достаточным количеством осадков.

Наиболее крупные земледельческие оазисы Средней Азии расположены в ее южной части. Это Ферганская долина, орошаемая водами Сырдарьи и многочисленных горных рек, Бухарский и Самаркандский оазисы в долине реки Зеравшан, Ташкентский оазис, питаемый водами рек Чирчика и Ангрена, Мургабский, Тедженский оазисы — вдоль рек Мургаба и Теджена. Ахальский и Атекский оазисы, расположенные в подгорной части Копетдага, орошаются небольшими речками, стекающими с гор. Значительные площади орошены вдоль среднего течения Амударьи. Далеко к северу от этого зеленого пояса отстоит Хорезмский оазис, расположенный в дельте Амударьи. На долю его жителей выпала самая упорная борьба с природой, поскольку оазис со всех сторон окружен пустыней, песчаные волны которой знойный ветер неумолимо гонит в сторону полей и садов. Река Амударья, которую в древности называли Джейхун — «кипящая», имеет крутой нрав своего течения, поэтому взять у нее воду для орошения было не просто.

Чтобы направить часть потока реки в прорытые магистральные каналы и более мелкие арыки, по которым вода подавалась на поля, земледельцы перегораживали реку плотинами.

Отдельные оросительные системы могли быть очень масштабными, как, например, самаркандская, насчитывавшая восемь головных каналов по несколько километров длиной, на которых было сооружено 680 плотин. Головная плотина через реку Зеравшан представляла собой гигантское заграждение длиной до 7 км, возведенное из бревен, хвороста, дерна, камней. Сохранности оросительных систем постоянно угрожали бурные паводки, когда потоки воды прорывали плотины, иногда несколько раз за сезон, сводя на нет плоды колоссального труда людей.

Создание оросительных систем требовало и грамотных инженерных решений. Так, важно было правильно рассчитать уклон канала — если он будет небольшим, то недостаточный ток воды приведет к быстрому заиливанию канала, а если слишком большим, то вода быстро размывает его русло. В тех случаях, если вода не могла поступать на поля самотеком, сооружались водоподъемные сооружения — чигири.

Земля без воды не имела для земледельца ценности по пословице «родит не земля, а вода». Сельское общество в лице выборного мираба строго регулировало потребление воды. У мираба имелись водяные часы (сосуд с маленьким отверстием на дне по типу античной клепсидры) для точного отпуска воды на поля согласно праву каждого земледельца на известную меру времени полива.

Природные факторы — изменения русла рек, длительные периоды засухи, засоление почвы являлись причинами изменения границ оазиса, а то и полного его исчезновения. К этому приводили также и войны, междоусобицы, набеги жестоких завоевателей, которые сопровождались уничтожением населения и разорением хозяйства. Наиболее катастрофические последствия для земледельцев имело монгольское завоевание — даже в индустриальном XX веке

во многих районах Средней Азии масштаб ирригационных сооружений не мог достичь уровня XII века.

В подгорных районах Ферганы, юга Таджикистана и восточных районах Узбекистана, получили распространение менее масштабные оросительные системы на небольших реках. Они не требовали очень больших затрат труда, но и не позволяли оросить значительные площади. В этих местах оазисы представляли собой узкие полосы, протянувшиеся вдоль рек и каналов. Еще одним приемом искусственного орошения почвы являлось применение кяризов в предгорных районах, где подъемы рельефа соответствуют конусам выноса подземных вод. Кяризы представляют собой систему колодцев, соединенных подземной водозаборной галереей, по которой вода из водоносного пласта выводилась на поверхность у подошвы холма. Оросительная мощность кяриза небольшая, но если их много, то площадь поливных земель может быть и довольно обширной, как, например, в Ахальском оазисе. Кяризы, при периодической очистке, исправно действовали многие десятилетия.

Дефицит воды побуждал население создавать ее резервные запасы, сооружая разного рода водохранилища. В городах ими являлись хаузы — довольно глубокие бассейны, которые могли питаться подземными водами. В Бухаре, например, хаузы были непроточными, отчего вода в них быстро портилась, становясь источником различных заболеваний.

Зоной, пригодной для земледелия, являются в Средней Азии и горные долины. Высокогорное земледелие на Памире тоже орошаемое, поскольку отличительная особенность климата этой горной системы состоит в том, что количество осадков уменьшается по мере увеличения высоты. Горцы широко используют влагу ручьев и родников, поскольку воду из мало-мальски крупной реки взять можно только в очень немногих местах. Вследствие этого горные ирригационные системы с инженерной точки зрения

очень оригинальны — это каналы из дерева и дерна, удерживаемые на скалистых обрывах с помощью кронштейнов, всякие желобоводоводы, специальные отстойники и водосливы. Если на равнине возделывались в основном плодородные лессовые пласты, то в горах земледельцы постоянно сталкивались с проблемой сохранения тонкого слоя почвы и нехватки посевных площадей. Поэтому они выработали своеобразные приемы планировки полей и очень высокую культуру полива, сокращающую до минимума смыв почвы и разрушение ее структуры. Тем не менее, урожаи были невысоки, хлеба хватало лишь на несколько месяцев, что обусловило гораздо большую роль скотоводства в хозяйстве горных таджиков в отличие от равнинных.

Богарное земледелие велось в предгорьях на высоте от 400 до 2000 м, занимая в отдельных районах до половины и более всех возделываемых земель. В масштабах региона богарным культурам принадлежало всего 2% засеваемых площадей. При достаточном количестве осадков богарные земли давали высокие урожаи зерновых, в засушливые же годы земледельцы могли не оправдать даже посеянного. Поэтому богарное земледелие всегда сочеталось либо с орошаемым земледелием, либо со скотоводством у тех групп, которые вели полукочевое хозяйство.

Основным пахотным орудием в Средней Азии являлся омач, относящийся к архаичному типу однорукояточных прямогрязильных рал. Ареал распространения этого типа орудий очень широк — от Передней Азии до Монголии. Омач, имевший чугунный наконечник, только рыхлил землю на глубину 15—18 см, поэтому вспашку осуществляли несколько раз в продольном и поперечном направлениях. В горных районах часто употребляли кованый железный наконечник, так как литой чугунный был слишком хрупок для каменистой почвы. Локальные варианты омача отличались лишь формой остова, изготавливаемого из цельной естественно изогну-

Пахарь
Туркмены.
Мерв.
Фотография 1902 г.
РЭМ 40-80

той под тупым углом части ствола дерева, степеню его массивности, высотой насадки дышла и ручки для управления. Тягловой силой при вспашке была пара быков, реже — лошади, в горных районах на очень маленьких участках люди иногда пахали на себе. Универсальным сельскохозяйственным орудием в Средней Азии являлся кетмень — вид мотыги с широкой рабочей частью, которым также могли рыхлить землю. Бороной в Средней Азии служила деревянная доска, с зубьями и без, на которую вставал земледелец, или рама с закрепленным на ней сучковатым хворостом. Сев осуществлялся вручную, обычно из полы одежды. Воду на поля пускали несколько раз за сезон, в зависимости от потребностей возделываемых культур. Жатвенным орудием являлся серп слабоизогнутой формы, без зазубрин, наряду с которым в Хорезме бытовал серп другого типа — с зазубринами и с сильным изгибом лезвия. Обычным способом обмолота был прогон животных по колосьям. В Ферганской долине и Ташкентском оазисе пшеницу обмолачивали с помощью плетеной из веток волокуши. Веяли повсеместно на ветру вручную с помощью лопат. Мельницы в Средней Азии работали на силе воды или животных, также в хозяйствах широко использовались ручные каменные жернова.

Всю орошенную землю делили на три сектора — полевые угодья, участки для огородов и садов. Основными зерновыми культурами, которые выращивали в Средней Азии, были пшеница и ячмень. Особенно разнообразны в регионе сорта мягкой пшеницы, родиной которой и является Средняя Азия наряду с Афганистаном и Северо-Западной Индией. Также широко, особенно в Хорезмском оазисе, культивировалось сорго, дающее наиболее высокие урожаи, и просо, которое предпочитали полукочевые и кочевые группы населения. Очень высоко ценился рис, возделывание которого требовало большого количества воды. В связи с трудоемкостью культуры рисоводческие хозяйства имели специализированный характер, существуя за счет обмена риса на другие товары. Бобовые — горох, фасоль, чечевица — ценились за их высокие питательные свойства, поэтому их особенно широко высевали в горных районах Таджикистана, где население получало невысокие урожаи зерновых.

Среди технических культур ведущее место занимали растения-красители (сафлор, марена) и хлопок — «белое золото» Средней Азии. Недостатками местных сортов хлопка являлись невысокая урожайность, а также необходимость дополнительных усилий при его обработке, так как коробочка среднеазиатского хлопчатника в период созревания не раскрывается. Несмотря на высокие трудовые затраты, разведение

хлопка стимулировалось большой потребностью населения в хлопчатобумажных тканях. Длинноволокнистые американские сорта хлопка стали культивировать в русском Туркестане в последней четверти XIX века, чтобы расширить сырьевую базу российской промышленности.

Большое место в земледелии занимало культивирование масличных растений — кунжута и льна-кудряша, а также огородничество и бахчеводство. На огородах оседлое население выращивало, прежде всего, морковь, лук, зелень. Именно эти овощи необходимы для приготовления плова — излюбленного праздничного блюда оседлых народов региона. Несъедобную тыкву-горлянку выращивали как материал для сосудов, табакерок, кальянов, специально деформируя плод в процессе его роста.

Вкусовые качества среднеазиатских арбузов и дынь были отмечены еще в раннесредневековых источниках как особая достопримечательность этого края. «На отменность мервских плодов указывает то, что дыни режутся ломтями и вывозятся в Ирак, и я не знаю, возможно ли это в каком другом городе», — сообщает арабский географ X века Аль-Истахри.

Путешественники восхищались красотой среднеазиатских садов, равно в пору их цветения и во время сбора урожая, когда напоенные солнцем плоды яблонь, абрикосов, персиков отяжеляли ветви деревьев. Для Средней Азии характерно большое разнообразие и диких плодовых культур. Так, одним из мировых очагов культуры яблони является Семиречье, где произрастают близкие к культурным крупные сладкие виды. Недаром название бывшей столицы Казахстана Алма-Аты означает «яблочный город». Ведущим способом заготовки плодов была их сушка. Сушеные фрукты составляли важнейшую часть среднеазиатского экспорта.

Виноградную лозу разводили в Средней Азии еще в древности. Каждый оазис гордился своими сортами винограда, прежде всего изюмными и столовыми. Специальных винных сортов винограда Средняя Азия не знает, однако изготовление вина из столовых сортов практиковалось издавна.

Традиции скотоводства в Средней Азии имеют столь же длительную историю развития, как и земледельческие. Для региона характерны три типа скотоводческого хозяйства: кочевничество, отгонное и стойловое скотоводство.

Кочевание — это передвижение кочевого коллектива вместе со стадами с одного сезонного пастбища на другое ради свежей кормовой базы для скота — основного богатства кочевников. «Здоровы ли твой скот и люди?» — именно так звучало у кочевников традиционное приветствие. В Средней Азии сложилось три способа кочевания, обусловленных географическими

условиями: меридиональный, вертикальный и стационарный. Первый характерен для Северного и Центрального Казахстана, то есть его степных частей, и юго-запада Туркмении. При этом зимние кочевья скотоводов располагались в наиболее южных районах их обитания, а летние — в северных, где скот меньше страдал от смертоносного гнуса. Кочевые маршруты постепенно закрепились за определенными родами номадов, хотя согласно обычному праву земля считалась «божьей», на ней должно быть место всем, а лучшие угодья достаются тем, кто успел занять их первым.

Вертикальное кочевание применялось скотоводами в горных местностях. Зиму проводили в горных долинах, где люди и скот защищены от холодных ветров. Весной животных выпасали на южных склонах гор, где снег тает быстрее и появляется молодая трава. Так постепенно скотоводы поднимались на альпийские луга в высокогорье. С приближением зимы скот перегоняли вниз на весенне-осенние пастбища, где за лето восстанавливался травяной покров. К зиме возвращались в долины. Кочевые пути в горах часто не приходилось выбирать — это были естественные проходы, единственно возможные в данной местности. Улучшение этих проходов, строительство и укрепление мостов составляло особую заботу при вертикальном кочевании.

Стационарное кочевание было распространено в наиболее засушливых районах Средней Азии — на большей части территории Туркмении, на полуострове Мангышлак и в южных районах Узбекистана. При этом виде кочевания зиму

проводили в песках, где снежный покров практически отсутствует, а корма для скота вполне достаточно — это полынь, осоки, солончаковая растительность, которая необходима животным. В других районах при дефиците солончаков соль скоту давали специально. Главной проблемой в зоне пустынь является дефицит воды. Основным способом обводнения пастбищ являлось строительство колодцев, которое требовало огромных затрат труда из-за очень глубокого залегания водоносных слоев. Глубина отдельных колодцев составляла 200 метров. Они имели сравнительно узкое отверстие, но сильно расширялись ко дну для увеличения количества собираемой воды. Скот пригоняли к колодцу на водопой не реже чем один раз в 2—3 дня, а в знойную пору и чаще, поэтому его пасли на сравнительно небольшом расстоянии от колодца.

В состав стада у кочевников входили лошади, овцы, верблюды, реже — крупный рогатый скот, который наименее приспособлен к длительным кочевкам. Самой престижной частью поголовья считался конский табун. Конь как верховое животное составлял с всадником, в известном смысле, одно целое. Конь белой масти у казахов являлся наивысшим по ценности жертвенным животным. К культурным явлениям мирового значения можно отнести туркменского ахалтекинского скакуна.

В Средней Азии разводили как мериносные, так и курдючные породы овец, среди которых особенно знаменита гиссарская порода. Баран выступал в качестве условной денежной единицы, применяемой для обмена, для выплаты

Стрижка барана
Казахи.
Семиреченская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 700-74

Сушение шелковичных
коконов
Узбеки.
Шахрисябз.
Фотография 1902 г.
РЭМ 42-96

штрафов, калыма и др. Традиционный культ барана был связан с представлением о воплощении в этом животном космической благодатной силы, называемой у тюркских народов кут, а у иранских — фарн.

Незаменимым помощником кочевника в условиях засушливых зон обитания являлся верблюд. Выносливое, неприхотливое животное, способное несколько дней обходиться без воды и нести при этом груз более 100 кг, было окружено особой заботой и почитанием номадов.

Крупный рогатый скот (коров и волов) содержали те группы кочевников, которые перегоняли стада на сравнительно близкое расстояние. Киргизы в высокогорных зонах разводили яков.

Длина перекочевки зависела от разных факторов, в том числе и от количества скота.

Доение овец
Казахи.
Семиреченская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 9462-60

Кочевать на дальние расстояния с маленьким поголовьем нецелесообразно — ему хватит пропитания и поблизости. Бедные семьи, потерявшие скот, вынуждены были переходить к оседлому образу жизни, однако при первой возможности стремились снова вернуться к кочеванию, поскольку в глазах кочевников оседлый образ жизни был не престижен. Ощущение движения и простора ассоциировалось у них с полноценным существованием. Как писал о казахах среднеазиатский историк XVI века Ибн Рузбихан, «кроме своего полного недостатков образа жизни, они не признают ничего более благородного и приятного». Тем не менее, процесс оседания кочевников во все века имел постоянный характер, являясь в регионе существенным фактором этнических процессов.

Самым тяжелым временем для номадов являлась зима, когда животные должны были пастись на довольно ограниченной территории зимовья. Страховочные запасы сена на зиму были невелики, а многие группы кочевников не создавали их совсем. Лошади зимой тебенюют, разрыхляя копытами снег, чтобы найти растительность, а остальная часть стада пасется на расчищенных участках. Самым страшным бедствием зимой являлось обледенение почвы. Лошади не могли взломать наст, вследствие чего начинался джунт — массовый падеж скота, в одночасье обрекавший на голод и нищету весь кочевой коллектив.

Весеннюю перекочевку ждали с особым нетерпением, хотя весна и была самым хлопотным сезоном. Мужчины ухаживали за молодняком, клеймили скот, объезжали лошадей, стригли овец, снимали шерсть с верблюдов. Женщины более всего были заняты доением: овец нужно доить два—три раза в день, кобылиц и верблюдиц — четыре—пять раз. Молочные

продукты в это время заготавливали впрок — сбивали и перетапливали масло, сушили сыр.

На летних выпасах кочевники проводили самое благодатное время года, наслаждаясь теплом, изобилием пищи, а также возможностью общения с родичами. Если зимой кочевая община распадалась на небольшие аулы, чтобы прокормиться на маленькой территории зимовья, то летом, наоборот, собиралась вместе на обширных летних пастбищах, что способствовало оживлению социальных связей.

Кочевой цикл завершался в ноябре—декабре, после возвращения на зимовку, где происходил забой скота для зимнего пропитания. Эти дни были периодом игр и развлечений, пиров и взаимных угощений.

Отгонное скотоводство приобрело особое значение у горных земледельцев, не имеющих достаточного объема пастбищных угодий подле жилищ. Скот летом выгоняли в высокогорную зону, причем делали это только женщины, для мужчин же существовал ритуальный запрет на посещение летовки первые семь дней. На летовках женщины занимались заготовкой молочных продуктов. Отношение к скоту у горцев носило следы архаичных воззрений. Так, например, павшую корову женщина оплакивала как близкого родственника.

Стойловое содержание скота применялось на равнинах, где земельные угодья были заняты посевами, соответственно существовала опасность их потравы, а подножного корма было не достаточно. Основной уход земледельцы осуществляли за рабочим скотом — быками. Молочный скот держали в небольшом количестве для нужд семьи, мясо же покупали на базарах.

Подсобным занятием в оазисах, особенно развитым в Ферганской долине, являлось шелководство, которое было известно населению Средней Азии еще в доарабское

время. Шелководство было исключительно женским занятием, и согласно обычаю, полученный от продажи коконов доход поступал в личное распоряжение женщины. Размотка коконов требовала особой выучки и сноровки, поэтому находилась в руках мужчин-ремесленников.

Охота в культуре народов Средней Азии сохраняла много архаичных традиций. Это в равной мере касалось спортивной аристократической охоты с ловчей птицей, а также промысловой охоты, игравшей заметную роль в системе занятий кочевого населения и земледельцев горных областей. Промысловики практиковали как индивидуальную, так и коллективную загонную охоту, прежде всего на диких парноко-

Охотник с беркутом
Казахи.
Семипалатинская обл.
Фотография 1920-х гг.
РЭМ 6101-131

Охота с ловчей птицей
в Средней Азии являлась
аристократическим
развлечением, но в то
же время и одним из
подсобных промыслов
кочевого населения.

Караван верблюдов.
Привал
Казахи. Оренбургская обл.
Фотография начала XX в.
РЭМ 5470-8

Корзина для перевозки соломы
Узбеки.
Наманган.
Фотография 1902 г.
РЭМ 46-64

Перекочевка
Киргизы.
Южная Киргизия.
Фотография 1902 г.
РЭМ 43-71

пытных животных. Во время облав на зверей охотники выпускали борзых собак. Ловчей промысловой птицей являлся, прежде всего, беркут. Среди орудий лова в широком пользовании находились силки, различные ловушки, капканы. В XIX веке преобладало огнестрельное оружие — фитильные и кремневые ружья с деревянными сошками, появились также пистонные ружья и

берданки. Зимой казахские и киргизские охотники использовали ступательные лыжи, плетенные из прутьев.

Распределение охотничьей добычи производилось строго в соответствии с древними обычаями — туша делилась на двенадцать частей, добывший зверя получал шкуру, голову, определенную часть туши. Всякий встречный имел право попросить часть добычи, поэтому охотник был иногда вынужден пробираться домой тайком. После свежевания туши охотники готовили специальные блюда из внутренностей. Киргизские охотники для укрепления сил выпивали желчь своей добычи.

ТРАНСПОРТ

Средняя Азия и Казахстан с древних времен находилась на пересечении торговых путей между Востоком и Западом, что обусловило развитие вьючного караванного и колесного способа передвижения по грунтовым дорогам. Во главе каждого каравана, состоящего иногда из нескольких сот верблюдов, стоял караванбош, который руководил движением и отвечал за товар. Глава каравана должен был хорошо знать маршрут и обычаи народов, по земле которых пролегла дорога. С караваном обычно отправлялась пушка, а люди вооружались ружьями, поскольку караваны часто подвергались нападениям воинственной части кочевников.

Основным видом колесного транспорта в Средней Азии являлась узкая двухколесная повозка — арба, в которую запрягались лошадь или осел. Существовали два типа арбы — хорезмский и кокандский. Хорезмская арба считается более древней, она массивнее кокандской, имеет не гнутые ободья, а составленные из закругленных тесаных брусков, извозчик арабакеш сидит на передке, а не верхом, как в других областях.

В горных местностях колесный транспорт не применялся из-за непроходимых скалистых участков. Для их преодоления из жердей и бревен сооружались карнизы овринг, опирающиеся на вставленные в расщелины скалы колья. По оврингу пробирались пешком, при необходимости с грузом, снятым с вьючных животных.

Широчайшее распространение имело передвижение верхом на коне, а у оседлых народов также на осле или муле. Среднеазиатское конское седло, называемое в исследовательской литературе «сартовским», отличается выделенная головка передней луки и широкая низкая задняя лука. Для кочевых народов региона наиболее характерным было седло южносибирского типа с высокой округлой передней лукой.

У населения в бассейнах рек Амударья и Сырдарья, на побережьях Каспийского и Аральского морей видную роль играл водный транспорт, основным видом которого был плоскодонный беспалубный каюк с мачтой с четырехугольным большим парусом, веслами и шестами. Для переправы через реки использовали плоты — камышовые или из жердей, лежащих на бурдюках — сал — из телячьих шкур. Сал горные таджики применяли также при пересечении водных преград вплавь.

РЕМЕСЛА И НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

В Средней Азии и Казахстане в силу специфики развития социальных организмов сосуществовали три стадийно различных способа промышленного производства. У кочевых этносов и у горцев ведущую роль играли домашние промыслы. В этих же обществах уже выделились специалисты-ремесленники, работавшие на заказ, но не утратившие связь с основным занятием. В зонах древней оседлости ремесло являлось самостоятельной отраслью хозяйства, имеющей в городах и крупных селениях цеховую организацию. Во главе цеха стоял старшина, который руководствовался уставом — рисоля. У каждого цеха имелся свой пир — святой покровитель. Например, пиром кузнецов и гончаров считался святой Дауд.

Ведущее место в промышленной деятельности населения Средней Азии занимало производство тканей и других текстильных изделий. Это определяло культурную специфику Средней Азии и в начале XX века. Отношение к тканям в среднеазиатских культурах было сакрализовано, те или иные их качества наделялись особыми знаковыми свойствами, поэтому ткани и изготовленная из них одежда имели теснейшую связь с нормами этикета. В мусульманском мире ткачество относилось к числу наиболее уважаемых ремесленных занятий.

Сырьем для производства тканей у оседлых народов являлись местные хлопок и шелк, у кочевников — шерсть. В то время как у равнинных таджиков и узбеков-сартов прядение осуществлялось только женщинами с помощью ручной прялки чарх, у горцев имелась традиция

Ткачиха
Узбеки.
Самаркандская обл.,
аул Тиаглы.
Фотография 1902 г.
РЭМ 248-13

Ткачество в кочевой среде было сезонным занятием, возможным только в летнее время, поскольку основа будущего изделия, которая могла достигать в длину до десятка метров и более (например, для бау), навивалась особым образом только на земле, на вбитых в землю колышках. На ночь ткачиха обычно сворачивала работу и убирала ее в юрту.

Прядение хлопка
Туркмены.
Мерв.
Фотография 1902 г.
РЭМ 40-61

Взбивание шерсти для войлока
Казахи.
Акмолинская обл.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1019-24 а

Катание войлока
Казахи.
Южный Алтай.
Фотография XX в.
РЭМ 1019-24 б

Войлочный ковер можно было скатать довольно быстро — за 6–8 часов, однако, для этого нужны были коллективные усилия. Хозяйка, по обычаю родовой взаимопомощи, для изготовления войлоков приглашала родственниц и соседок. После работы помощницы получали вознаграждение продуктами.

мужского прядения. Только мужчины изготовляли грубую пряжу из козьей шерсти, используя при этом наиболее архаичный тип веретена — палочку с расщепом на одном конце, где закреплялось начало будущей нити. Держа палочку правой рукой за середину, прядильщик производил кругообразные движения в воздухе с одно-временным вращением ее вокруг своей оси. Такой тип веретена, помимо Шугнана и Рушана, зафиксирован также в Афганистане и в Тибете.

В кочевом мире практически все текстильное производство находилось в женских руках. Если у женщины хоть на минуту освобождались руки, она бралась за веретено. У туркмен бытовало веретено с пряслицем в нижней части, приводимое во вращательное движение пальцами правой руки. Этот тип известен в Дагестане, Азербайджане, Грузии, Турции, что указывает на общность средне- и переднеазиатских текстильных традиций. Тип веретена, распространенный у казахов, киргизов, полукочевых узбеков, сохранил древнюю кипчакскую форму — пряслице располагалось в верхней части. При работе женщины прокатывали стебель прялки по правому бедру.

У таджиков и оседлых узбеков ткачами были только мужчины, которые работали в мастерских на горизонтальном ткацком станке с ножными педалями. Многие текстильные центры имели специализацию в изготовлении определенных сортов ткани. Так, лучшие хлопчатобумажные ткани производились в Самарканде, Ура-Тюбе, полушелковые и шелковые — в Маргелане, Бухаре, Ходженте, Самарканде, бархат в конце XIX века выделывали только в Бухаре. В орнаментике тканей преобладали два вида рисунков: в полоску и абровый (от араб.

абр — «облако»), выполненный в технике резервированного крашения, известной в мире под названием икат. Она заключалась в том, что нанесение контуров узоров и окраска производились на нитях основы перед тканьем. Для этого необходимые участки нитей последовательно туго обматывались хлопчатобумажными нитками и окрашивались в два—три и более цветов; затем поступали на ткацкий стан. Из-за того, что краска немного затекала по краям обмотки, контуры узоров приобретали расплывчатые, «облачные», очертания. В этой орнаментальной технике вырабатывали полушелковые и чисто шелковые ткани, великолепные бархаты. Абровые ткани считались очень дорогим подарком и поэтому входили в состав посольских и личных даров эмиров Бухары.

Ткацкое ремесло находилось в тесной связи с красильным промыслом, находящимся, по большей части, в руках бухарских евреев.

В культурном наследии Средней Азии особое место занимает ковроделие туркмен, развитое ими до высочайшего технического и художественного уровня. Ворсовое ткачество на горизонтальном ткацком станке было известно также южным киргизам, а на вертикальном — западным казахам. Полукочевые узбеки изготавливали ковры архаичного типа, сшивавшиеся из узких полос, сотканых на горизонтальном узконавойном станке — ормек. Такой ковер имел особо длинный ворс, что и определило его название джультырс («медвежья шкура»). На ормеке изготавливали ковровые изделия и каракалпаки.

В отличие от ворсового ткачества валяние войлока имело в кочевой среде повсеместное распространение вследствие несложной техно-

логии производства и большой потребности в этом материале. Сравнительно легкий, прочный, пластичный, хорошо удерживающий тепло, войлок служил идеальным материалом для верхней одежды, покрытия остова юрты, настенных и постилочных ковров, различных емкостей для хранения и перевозки вещей, предметов конского и верблюжьего убранства. Этнические или локальные различия могли проявляться в особенностях техники изготовления и орнаментации изделий: различают вкатанный узор, мозаику, аппликацию тканью и кожей, простегивание, наложение узора шнуром.

Излюбленным способом орнаментации текстильных изделий в Средней Азии и Казахстане являлась вышивка — колоритный компонент в неповторимом облике культуры каждого народа региона. Вышивание повсеместно являлось домашним занятием женщин. Исключением составляло золотное шитье. Единственным золотошвейным центром являлась Бухара, где на территории резиденции эмира находились специализированные мастерские, в которых работали лишь мужчины. Золотошвейные изделия — парадные халаты, декоративные покрывала, конское убранство — предназначались для эмира и его приближенных, а также для посольских даров.

Особенно высокое развитие искусство вышивания получило у равнинных таджиков и узбеков-сартов, в быту которых вышивкой деко-

рировались, прежде всего, предметы интерьера, в том числе занавесы и покрывала. Изящество растительного орнамента, филигранность тысяч стежков, безупречные цветовые решения ставят таджикскую вышивку в ряд высших достижений среднеазиатской культуры. Практически каждый крупный город имел свою самобытную традицию вышивания с ее характерными стилизованными особенностями.

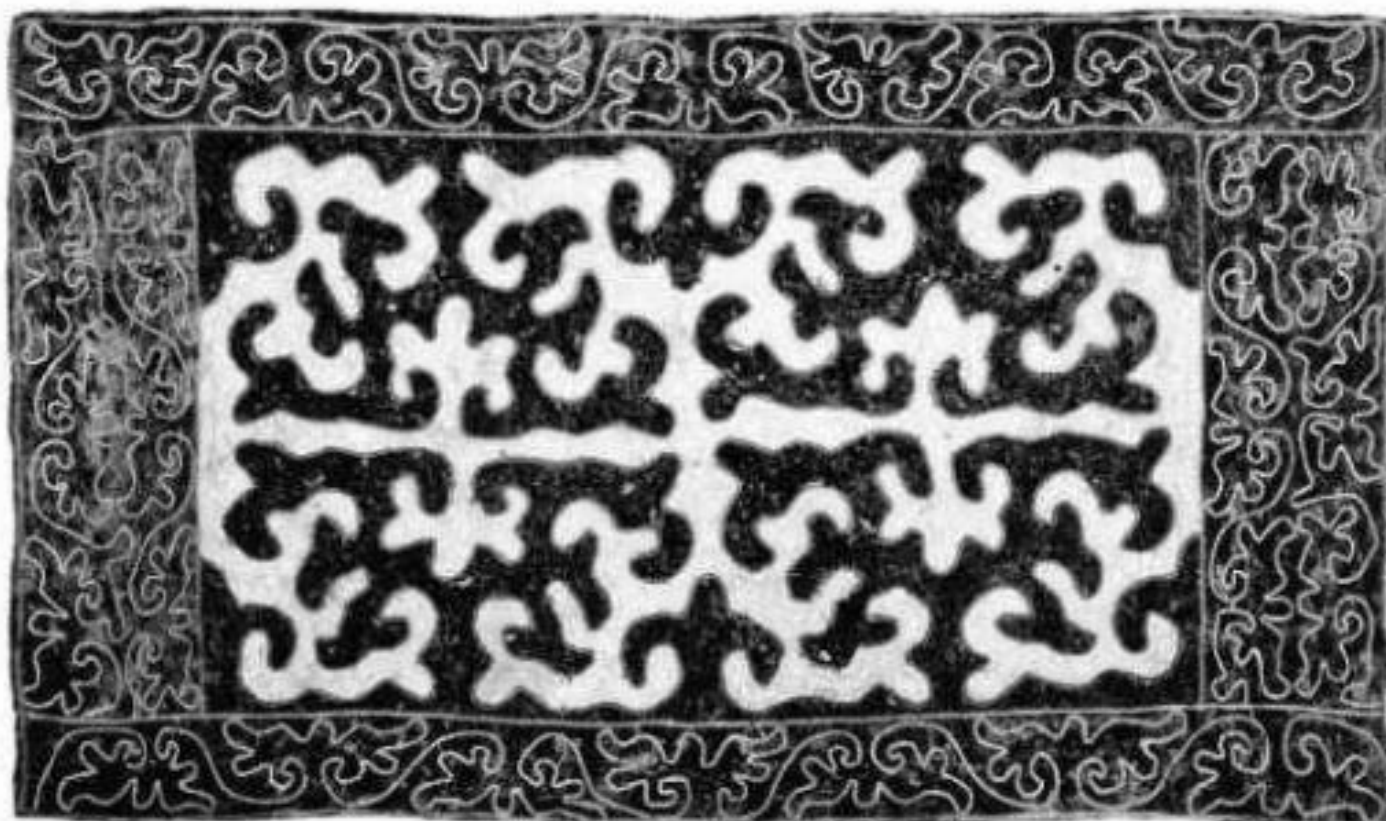
У кочевых народов вышивка также имела широчайшее распространение, отличаясь геометрическим и зооморфным орнаментом, в композиции которого отразилась картина мира номадов.

Одним из способов декорирования хлопчатобумажных тканей у оседлых народов являлось набивание узоров посредством деревянных штампов. В цветовой гамме среднеазиатской набойки преобладали сочетания теплых красно-коричневых тонов. Самым популярным видом изделий с набивным рисунком являлись скатерти — дастархан. Набойка также использовалась в качестве подкладки для халатов, одеял, матрасов, попон и др.

Большое развитие в регионе получила традиция шитья в лоскутной технике курок. Эта техника имела ярко выраженный характер оберега и поэтому чаще всего применялась для изготовления детской одежды, свадебных занавесов и конского убранства.

Войлочный ковер сырмак
Казахи.
Акмолинская обл.
1908 г.
РЭМ 8613-4

Кочевники Средней Азии практиковали различные способы орнаментации войлоков, из которых наибольшей прочностью и ярким графическим узором отличались мозаичные войлоки сырмак, бытовавшие у восточных казахов и северных киргизов. Для их изготовления брали два войлочных полотна разного цвета, вырезали в центре одинаковый узор, а затем меняли его местами — после сшивания получались два войлока с контрастными фоном и узором.

Ковры занимают особое место в прикладном искусстве туркмен. Еще в XIX веке европейцы оценили их качество, изысканный орнамент и благородную цветовую гамму и превратили их в предметы престижного коллекционирования. Для туркмен же, знакомых с ковроткачеством с глубокой древности (сохранились единичные образцы старинных туркменских ковров в турецких мечетях и европейских церквях, ранние образцы которых датируются XIII веком), ковры являлись, прежде всего, необходимой принадлежностью быта. Коврами большого размера устилали пол в юрте, делая его удобным для сидения, ковры меньшего размера предназначались для завешивания входа в юрту, на ковриках с особой орнаментальной композицией туркмены совершали намаз — ежедневную пятикратную молитву, в ковровых сумках и мешках, развешиваемых на стенах юрты, хранили одежду и различные домашние вещи. В ковровой технике изготавливали также праздничные (свадебные) попоны на верблюда и ленты, которые снаружи и изнутри скрепляли войлочный покров юрты. Ковер сопровождал туркмена на протяжении всей жизни, начиная с колыбели в виде плотного коврика, за углы подвешиваемого в юрте, до могилы, к которой покойного несли на носилках, застеленных специальным ковром. Ковры отдельных туркменских племен различались по рисунку и манере выработки. Для самих туркмен главное отличие заключалось в геометризованных узорах центрального поля, называемых ими *гель*, что в переводе значит *цветок*, а по существу являвшихся древней эмблемой или гербом каждого племени и потому никогда не заимствовавшихся друг у друга.

Ковер
Туркмены-йомуды.
Западная
Туркмения.
XIX в.
РЭМ 26-57

Баштык –
настенный
мешок для вещей
Киргизы.
Южная Киргизия.
Конец XIX в.
Из собрания РЭМ

Каршин –
напольный мешок
(передняя часть)
Каракалпаки.
Дельта Амударьи.
Вторая половина
XIX в.
РЭМ 4128-13

Мешочек
для зеркала
Таджики.
Таджикистан,
Варзобский р-н.
XX в.
РЭМ 5746-19

Преобладали растительные мотивы, изображения деревьев и кустов, цветов, яблоч, плодов граната и другие, которые, по народным представлениям, символизировали счастье и благополучие. Геометрические узоры чаще сочетались с растительными, составляя причудливые орнаментальные композиции. В XIX — начале XX века единственным центром, где в Средней Азии сохранялось производство бархата, являлась Бухара, здесь же в то время вырабатывалось наибольшее количество самых различных видов высококачественных и высокохудожественных абровых тканей, получивших широкую известность во всем регионе и далеко за его пределами.

Орнамент являлся отражением глубинных представлений народа о мироустройстве, образах добра и благополучия. Например, квадрат — это идеальная форма для «своего» пространства. В центре квадратной композиции всегда помещался символ максимального блага — им могла быть многолепестковая розетка, солнечный символ, изображение рогов. По краям, в кайме, которая как граница защищает «свой» мир, находились знаки-обереги — это чаще всего трилистники, прерывистые «пунктирные» линии и др.

Абровые ткани
Таджики. Бухара. Конец XIX в.
РЭМ 58-209, 8762-21489, 8762-21463;
5155-60; 8762-21415; 8762-21422

Изготовление
хлебных печей
Узбеки.
Коканд.
Фотография 1902 г.
РЭМ 46-68

Удельный вес металлообрабатывающего производства в системе среднеазиатского ремесла был невелик. Традиция литья металлов из местных руд сложилась в Средней Азии еще в древности, но в XIX веке сырье было по большей части привозным. В зоне древней оседлости основными специальностями по обработке металла были чугунолитейное, литье бронзы, кузнечно-слесарное, медночеканное, ювелирное.

Ассортимент изделий из чугуна был небольшим, но их производство веками носило массовый характер — это наконечники для омача, котлы, масляные светильники, жаровни для углей, кувшины для кипячения воды, бубенчики, дверные молотки и ручки, а также оружие: чеканы, топоры, а позднее — стволы пушек.

На Памире постоянно ощущалась острая нехватка металла, отчего населению приходилось заменять его деревом, костью, рогом. Небольшие объемы металла из местного сырья выплавляли только в Рушане (долина р. Ванч), куда жители соседних мест сами приезжали для покупки кузнечных изделий. В этой области был ярко выражен культ кузницы, который на равнине приобрел сглаженные формы.

У кочевых народов среди металлообрабатывающих производств лидировало ювелирное, получившее особенное развитие у туркмен. Киргизы также умели плавить металл из шлихового железного песка, добываемого на оз. Иссык-Куль. Такие железные изделия, как ножи, удила, подковы, ножницы для стрижки овец, конские путы находили широчайшее применение в скотоводческом хозяйстве.

Изготовление изделий из обожженной глины на территории Средней Азии имеет тысячелет-

ние традиции. Ареал производства и потребления керамики охватывал только регионы с оседлым населением. Характерной особенностью керамического производства в Средней Азии являлось сосуществование архаичных способов изготовления сосудов и развитых технологий. Первые сохранялись до середины XX века в селениях горного Таджикистана (Дарваз, Каратегин, Ягноб), где керамика изготовлялась женщинами без гончарного круга. В городах этим ремеслом занимались только мужчины, применяя в мастерских ножной гончарный круг.

Население отдавало предпочтение глиняной посуде не только ввиду ее дешевизны, но и в силу представлений о ее ритуальной чистоте. В священный месяц рамазан в городах пищу ели только из глиняной посуды и перед началом поста обычно покупали новую. Глина и сосуды из нее почитались наравне с хлебом.

Для нужд земледельцев гончары изготавливали сосуды для чигирей, для строительства — жженный кирпич и водопроводные трубы, для изготовления тюбетеек — формовочные болванки. Ни один дом не мог обойтись без хлебных печей, а также сосудов различного назначения, в том числе и для ритуальных омовений, которые полагалось осуществлять мусульманину перед пятью ежедневными молитвами.

Масштабы деревообрабатывающих ремесел были ограничены дефицитом и дороговизной этого материала в Средней Азии. У жителей оазисов существовал обычай сажать дерево по случаю рождения сына, чтобы в будущем оно послужило уже взрослому мужчине при строительстве собственного дома. Такие деревянные части стационарного жилища, как колонны кры-

тых террас (айванов), внутренние опорные столбы, двери, ставни обычно украшались изящной резьбой. Мастерство деревообделочников востребовалось при изготовлении орудий труда, транспортных средств (седел, повозок), посуды, колыбелей и др.

В кочевом быту дерево служило прежде всего для изготовления каркаса юрты, а также предметов ее интерьера — сундуков, шкафчиков, подставок для стопок домашнего имущества. Ведущими приемами декорирования являлась резьба и роспись, а у казахов — богатая инкрустация костяными накладками.

Ремесленники в оседлой среде выделяли различные сорта кож, среди которых особенно ценился саур зеленого цвета, изготавливавшийся из конской или ослиной кожи. Саур имел характерную шероховатую поверхность, получаемую за счет наложения кож под пресс поверх зерен проса. Обработанные кожи оседлое население использовало для шитья обуви, изготовления упряжи, скатертей для вымешивания теста, сундуков, разного рода футляров и пеналов, переплетов для рукописей, а также аксессуаров костюма — поясов, кошельков, ножен, кисетов.

У скотоводов обработка кожи также велась очень широко, но ее качество было невысоким, поэтому кочевники охотно покупали русские кожи или же отдавали свое сырье на обработку городским мастерам. Кожаные вещи — сосуды, пояса, конские подседельники — обычно украшались тиснением.

Экономико-географическое положение Средней Азии и Казахстана определило важнейшую роль региона в торговых отношениях на евразийском пространстве. Центрами торговли являлись города и торговые селения. Торговля на базарах начиналась с раннего утра. Тогда же открывались и мастерские. Однако прежде чем приступить к работе, нужно было обязательно зайти в мечеть. За этим строго смотрел раис — «блюститель нравственности», на попечении которого были все базары и торговые ряды города.

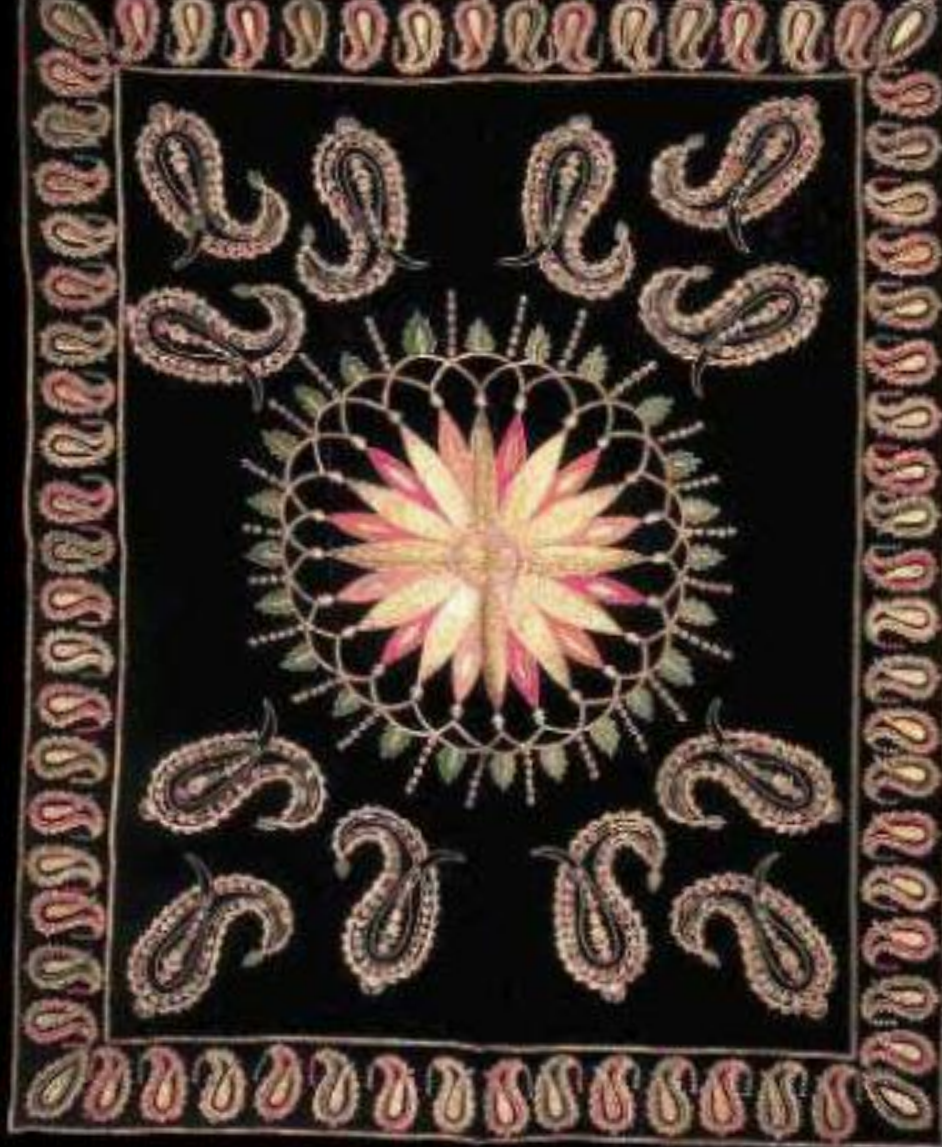
Базары и торговые ряды размещались по видам изделий. Основное место среди товаров занимала разнообразная продукция ремесленников. Практически никогда не было отбоя от покупателей у торговцев лепешками, сладостями и мороженым. Тонкий аромат витал над рядами с чаем и пряностями. Напротив, специфический запах доносился со стороны скотных базаров, поэтому их старались вынести за городские ворота.

Торговля в крупных городах Средней Азии осуществлялась за деньги, но сохранялась и меновая торговля. Широкое обращение имели бухарские монеты, чеканившиеся в трех видах — золотые тилля, серебряные теньга, медные

Шкафчик для посуды
Казахи.
Акмолинская обл.
Начало XX в.
РЭМ 1471-60

Панно золотошвейное
Узбеки. Бухара.
Конец XIX в.
РЭМ 4457-10

Ойнадон –
настенная сума
Среднеазиатские арабы.
Узбекистан,
Кашкадарьинская обл.
XX в.
РЭМ 10370-53

Халат парадный
Узбеки.
Бухара.
Конец XIX в.
РЭМ 4463-6

Халат в традиционной культуре народов Средней Азии был одним из важнейших маркеров социального и имущественного положения своего владельца. Знаковая система халата складывалась из качества ткани, ее цвета и орнамента. Получив халат от высокопоставленного лица, чиновник мог сразу определить степень его повышения или понижения по служебной лестнице.

Пояс мужской
Узбеки.
Бухарский эмират.
Конец XIX в.
РЭМ 5474-111

Настенная сумка
Казахи.
Северный Казахстан.
Начало XX в.
РЭМ 1062-77

Блюдо
Таджики.
Узбекистан. Риштан.
Конец XIX в.
РЭМ 245-31

Чистые и яркие тона синего и голубого цветов в риштанской керамике получались благодаря особой технологии приготовления красок и обжига изделий, секреты которых хранились местными мастерами.

Кинжал с ножнами
Узбеки.
Бухарский эмират.
Конец XIX в.
РЭМ 6965-1 а, б

Сосуд для воды
и чаша
Узбеки.
Бухара, Самарканд.
Конец XIX в.
РЭМ 8761-12249,
22-69 а, б

Изготовлением орнаментированной посуды из меди занимались в Средней Азии ремесленники наиболее крупных ремесленных центров — Бухары, Самарканда, Карши, Ташкента, Коканда и Хивы.

Медная посуда не имела такого широкого распространения, как керамическая, и бытовала преимущественно в городах среди зажиточных слоев населения. Чаще всего ее рассматривали как надежное вложение капитала, свидетельство высокого имущественного положения владельца и использовали для украшения жилища.

Из меди, красной или желтой, изготовлялись чайники традиционной вытянутой формы и невысокие, заимствованные от русских, кувшины и тазики для омовений, ведра для бани, подносы, на которые было принято раскладывать сладости и фрукты, котелки для жидкой пищи и многие другие необходимые в хозяйстве и ритуальной практике предметы. Медь считалась сакрально чистым материалом, и отношение к медным изделиям было особенным.

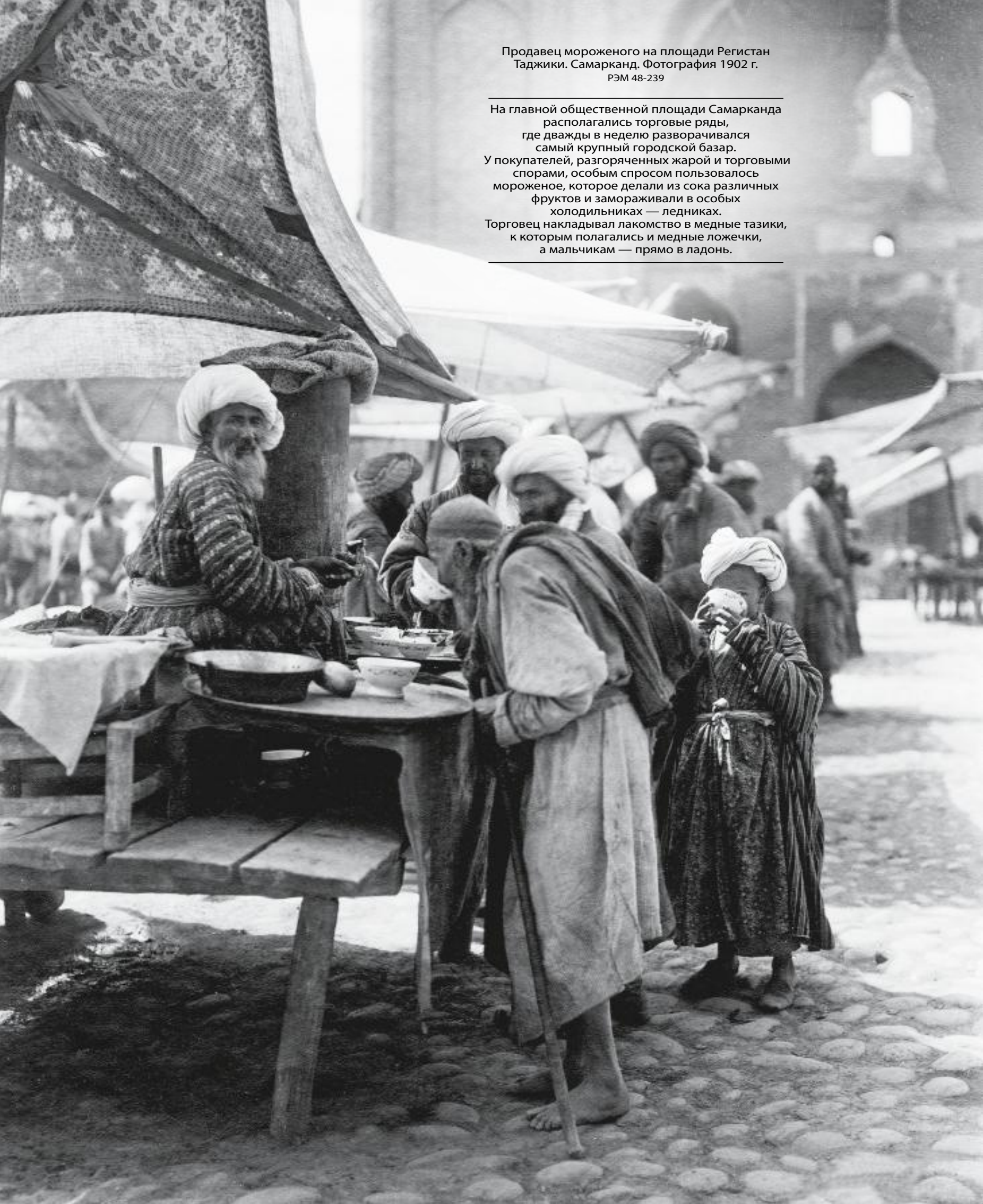
Специальные мастера орнаментировали их чеканным, гравированным, иногда прорезным узором. К началу XX века наряду с растительными мотивами стали вводиться изображения птиц, змей, животных, фантастических существ, архитектурных памятников, иногда в узор вплетались надписи — имя мастера или владельца, благопожелания и стихотворные строки.

Продавец мороженого на площади Регистан
Таджики. Самарканд. Фотография 1902 г.
РЭМ 48-239

На главной общественной площади Самарканда
располагались торговые ряды,
где дважды в неделю разворачивался
самый крупный городской базар.
У покупателей, разгоряченных жарой и торговыми
спорами, особым спросом пользовалось
мороженое, которое делали из сока различных
фруктов и замораживали в особых
холодильниках — ледниках.
Торговец накладывал лакомство в медные тазы,
к которым полагались и медные ложечки,
а мальчикам — прямо в ладонь.

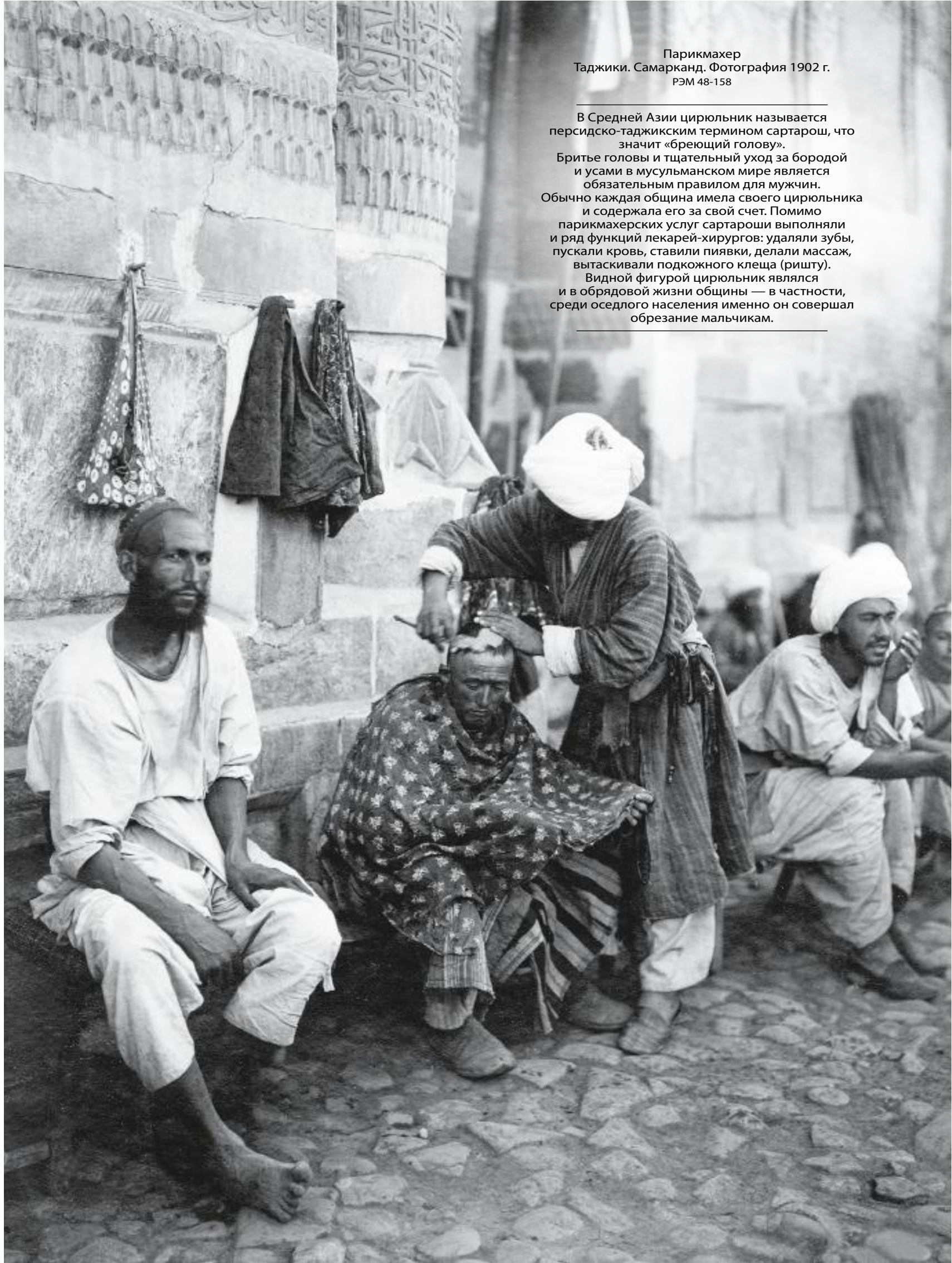

В Средней Азии цирюльник называется персидско-таджикским термином сартарош, что значит «бреющий голову».

Бритье головы и тщательный уход за бородой и усами в мусульманском мире является обязательным правилом для мужчин. Обычно каждая община имела своего цирюльника и содержала его за свой счет. Помимо парикмахерских услуг сартароши выполняли и ряд функций лекарей-хирургов: удаляли зубы, пускали кровь, ставили пиявки, делали массаж, вытаскивали подкожного клеща (ришту).

Видной фигурой цирюльник являлся и в обрядовой жизни общины — в частности, среди оседлого населения именно он совершал обрезание мальчикам.

фельс, или пул (народное название). Теньга была основной денежной единицей Бухарского эмирата. Одна серебряная теньга содержала в разное время от 44 до 64 пулов. В 1892 году теньга была приравнена к 20 копейкам. Поставщиком серебра в Среднюю Азию был Китай, а в конце XIX века — Россия. Золото ввозили из Европы, хотя осуществлялась и местная добыча путем промывки золотоносных песков. На территории Бухарского эмирата обращались и иностранные монеты — русские рубли, персидские краны, афганские и индийские рупии. Стоимость этих денег колебалась от курса теньги, что было питательной почвой для спекуляции менял, без которых трудно представить большой среднеазиатский базар.

Меновая торговля велась, в частности, с кочевым населением, которое поставляло жителям оазисов скот и продукты животноводства — кожи, кость, шерсть, а также изделия из них. Взаимная польза от торговых контактов оседлых и кочевников породила такое интересное явление как институт «торгового друга», когда скотовод имел в городе «приятеля», помогавшего продать скот и приобрести нужные товары. Расчеты между «приятелями» имели форму взаимных услуг и подарков. Обычно скотовод брал на выпас несколько голов скота горожанина, привозил ему мясо, масло, сыр, шерсть, соль.

Предприятиями, обслуживавшими оптовую торговлю, являлись караван-сарай, которые одновременно были постоянными дворами. Владелец караван-сарая — саройбон — встречал и размещал прибывших, принимал товары в подвалы под свою ответственность. В сбыте товара

сайробону помогали маклеры даллол, без которых не совершалась ни одна крупная сделка.

После вхождения Казахстана и Средней Азии в состав Российской империи большую роль в региональной торговле стали играть ярмарки пограничных российских городов: Оренбурга, Троицка, Петропавловска и др.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

ПОСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ТИПА

С занятиями населения и его социальной организацией тесно связаны типы поселений, которые в среднеазиатском регионе были весьма многообразны: город (шахр), пригородные селения (загородные кварталы), торговые селения на больших торговых путях, ремесленные селения, селения зоны орошаемого земледелия (компактные кишлаки и кишлаки с хуторским расселением), кишлаки богарной зоны, селения горных таджиков, селения полукочевого населения и сезонные поселения кочевников.

Торговые селения располагались на границах оазисов, являясь важным звеном внутренней торговли региона. Раз в неделю сюда стекались жители окрестных селений, степных и горных районов, странствующие торговцы. Эти селения соединяли черты города и кишлака — между жилыми кварталами располагались поля и сады.

Селения зоны орошаемого земледелия обычно имели компактную улично-квартальную планировку, где каждая усадьба утопала в зелени садов. Яркой особенностью поселений в Хорезмском и Среднесырдарьинском оазисах являлся

их хуторской характер. Посреди пахотных земель возвышались усадьбы — хаули, представлявшие собой подобие маленькой крепости с глинобитными стенами. Группа таких усадеб объединялась в один приход и называлась «мечеть». Обитателями хаули являлись члены большой неразделенной семьи.

Кишлаки маловодной богарной зоны представляли собой лишенную зелени беспорядочную группу глинобитных построек, около которых недавно осевшие кочевники и полукочевники ставили юрты.

В горном Таджикистане и на Памире сельские поселения имели гнездовую планировку. Жилища располагались ступенями на крутых склонах, причем плоские кровли лежавших ниже домов служили двором или улицей для расположенных выше. В одном селении жила одна или несколько семейно-родственных групп.

Поселения кочевников и полукочевников были мобильными. Аульная община располагалась на стоянке в юртах до той поры, пока в достатке был подножный корм для скота. Юрты ставили, группируясь по родственным семьям.

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА

Города в крупных оазисах являлись центрами управления, ремесла, торговли, а также религиозного образования. Часть городов, таких как Самарканд, Ходжент, Пенджикент, Бухара, согласно переписи 1897 года, была населена преимущественно ираноязычным населением, другая часть — Ташкент, Маргилан, Коканд, Хива — тюркоязычным, но независимо от этого население городов зачастую именовалось «сар-

Установка юрты
Казахи.
Фотография
начала XX в.
РЭМ 9642-57

Сборка юрты являлась делом женщин семьи, которые затрачивали на это около часа. Участие мужчин ограничивалось поднятием купольного круга с помощью специального шеста-бакан с развилкой на конце. В символическом плане это действие рассматривалось как акт оплодотворения, недаром круг поднимал многодетный, благополучный и сильный мужчина. После установки юрты хозяева устраивали праздничную трапезу, благословляя свое жилище.

На с. 570

Продавцы лепешек
Узбеки.
Бухара.
Фотография 1901 г.
РЭМ 42-99

Курение чилима
Узбеки, таджики.
Самарканд.
Фотография 1902 г.
РЭМ 48-291

Хаули
Узбеки.
Южный Хорезм.
Начало XX в.
РЭМ Ф850-98

Обитателями хаули являлись члены большой неразделенной семьи. Внутреннее пространство усадьбы делилось на внешнюю мужскую и внутреннюю женскую части. Уникальной особенностью являлся крытый двор, что помогало жителям защититься от лучей палящего солнца.

Бухара
Фотография 1902 г.
РЭМ 42-30

тами». Как замечал исследователь Средней Азии Л.Н. Соболев: «Сарт не есть особое племя, как то пытались многие доказать. Сартот называется безразлично узбек и таджик, живущий в городе и занимающийся торговлей. Это род мещанства, сословие, но не племя».

Многие города Средней Азии сохраняли средневековую структуру. Старейшей частью города была территория вокруг цитадели — арка, или урда, где изначально находилась резиденция правителя, канцелярия главного сановника, казна и сокровищницы, тюрьма, иногда мастерские, обслуживающие нужды двора. Бухарский

арк располагался на высоком холме, по гребню которого шла стена с зубцами. В арк вели громадные тяжелые ворота, на которых висела плеть как знак безграничной власти эмира.

Рядом с арком находилась соборная пятничная мечеть с кафедрой, откуда провозглашалась хутба — молитва за правящего государя и всех мусульман. Наличие такой мечети было важным преимуществом города, так как способствовало привлечению окрестного населения и способствовало оживлению торговли на базарах. Города были не только центрами религиозной жизни, но и мусульманского образования. В Бухаре в XIX веке находилось около сорока медресе — духовных академий ислама, в которых обучались тысячи студентов. Культовые сооружения, построенные в Бухаре и Самарканде в XV веке при Тимуре и Тимуридах, представляют собой исполинские здания с огромными стрельчатыми порталами, которые при этом кажутся почти ажурными благодаря сверкающей майоликовой облицовке с изящными арабесками голубого и синего цветов. Вокруг арка располагалась укрепленная часть города — шахристон, также обнесенная стеной с несколькими воротами. Жилая застройка делилась на кварталы — махалля и гузар, которые представляли собой общины, формируемые по профессиональному, родственному или этническому принципу.

Жизнь квартала была довольно замкнутой. В квартале непременно была мечеть, так что

общность его жителей скреплялась и принадлежностью к одному приходу. Мечеть содержали на собственные средства. Такая слитность общинной и религиозной систем была залогом их особой устойчивости в мусульманских обществах. Квартал имел свой большой арык и водоем — хауз. Дома были обращены входом на одну улицу, которая имела ворота, запиравшиеся на ночь. Улицы среднеазиатских городов всегда производили на европейских путешественников унылое впечатление, поскольку взору открывались лишь глухие стены домов и заборы усадеб с закрытыми воротами. Но если ворота отпирались для гостя, его встречал уютный зеленый дворик, где имелось глинобитное возвышение для трапез и отдыха в теплое время года.

Летом жители большинства городов (кроме Бухары, Ходжента, Исфары) переселялись в пригородные дачные поселки, где занимались садоводством и огородничеством. Таким образом,

---

Регистан — главная общественная площадь Самарканда. С трех сторон ее окружают здания медресе — Улугбека, Шир-дор и Тилля-кари, построенные в первой половине XV века и представляющие собой великолепные памятники исламской архитектуры.

Улица в Китабе
Таджики, узбеки.
Фотография 1902 г.
РЭМ 42-33

Площадь Регистан
в Самарканде
Фотография 1902 г.
РЭМ 48-33

Надверный занавес
Деталь
Туркмены.
Закаспийская обл.
Начало XX в.
РЭМ 7985-1

можно говорить о биллокальности среднеазиатских горожан.

Средоточием жизни города были базары. «Узкие улицы и тенистые базары были битком набиты двигающимся, стоявшим и сидевшим народом, — описывает свои впечатления от бухарского базара русский путешественник Е. Марков. — Целые потоки ярко-пестрых тюбанов и еще более ярких и пестрых халатов текли со всех сторон и во все стороны. Ни в каком самом многолюдном европейском городе вы никогда не увидите такого непрерывного движения и толкотни народных масс, как в центрах пресловутой восточной лени и апатии... Что они тут делают, куда и зачем идут, из-за чего спешат и толкаются, они и сами хорошо не знают. Улица, базар, это их жизнь; они тут живут, вот и все».

ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА

Традиционное жилище ярче всего характеризует адаптацию населения к экологическим условиям своего существования. Так, особенности стационарного жилища земледельцев Средней Азии соотносятся с двумя культурными зонами — зоной гор и предгорий и зоной оазисов. В первую зону входят два района: к одному относятся Памир, Припамирье, Верхний Зеравшан, Нуратинские горы, юго-западные отроги Таласского Алатау — Угамский и Чаткальский хребты; к другому — предгорья Копетдага. В зоне оазисов выделяются три района: земельные районы междуречья рек Сырдарья и Амударья (Бухарская, Самаркандская, Ферганская группы); Хорезмский оазис и районы среднего течения Амударья; южные районы Туркмении и частично юг Узбекистана.

В горной зоне Таджикистана строились жилища двух основных типов, главное различие между которыми состояло в устройстве очага. Границей ареалов их распространения являлся Гиссарский хребет. К северу от него преобладало отопление камином, имевшим вытяжной колпак и дымоход, а к югу жилище было преимущественно курным с центральным открытым очагом. Это различие определило особенности устройства крыши, которая в горах, как и повсюду в Средней Азии, была плоской, земляной, покоящейся на поперечных балках. Однако в курном жилище крыша имела светодымовое отверстие в виде ступенчатого сруба. Другой особенностью крыши горного жилища являлась ее капитальность, требовавшая поддержки балок опорными столбами. Стены домов в горных областях клали из камня. В Каратегине, Гиссаре и Кулябе наряду с каменными возводили и глинобитные стены пахса. Только там известна стропильная двускатная крыша с камышовым покрытием.

В предгорьях Копетдага оседлое население камень использовало только для основания дома, а стены возводились из сырцового кирпича. Жилище состояло из одной-двух комнат с айваном. Колонны айванов сверху имели украшение в виде завитков, напоминающих капители ионийского ордера, что являлось очень древней местной архитектурной традицией. Очаг располагался в коридоре или на айване.

В равнинном Междуречье жилище не имело резких конструктивных различий. На равнинах основным строительным материалом являлся лесс — тонкий суглинок, более или менее богатый углекислой известью. Лессовое тесто лой служило для сооружения глинобитных стен, а также для изготовления разнообразных строительных материалов: гуваля — овальных комков длиной до 30 см, сырцового и жженого кирпича. Лой применяли и в качестве связующего раствора, а его смесь с соломой использовалась для штукатурки стен и обмазки крыш.

Наибольшее распространение в Междуречье имели кирпичные стены, а также стены из однорядного или двухрядного деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичом, или гуваля. Ведущими видами очагов в этой области являлись камин мури, или сандал — двухступенчатая выемка в полу для древесных углей. Над выемкой зимой ставили небольшой столик, накрывали его одеялом, помещая под это покрывало ноги. Сандал получил распространение у жилищной части населения, так как древесный уголь был дорог.

Все постройки располагались по периметру двора. Характерной чертой являлось деление усадьбы на внешнюю мужскую и внутреннюю женскую половины. В Хорезме сложился уникальный тип сельских жилищ — замкнутая усадьба-дом хаули под одной кровлей, где проживала большая неразделенная семья.

Особенность жилищ Южной Туркмении, созданных земледельческим дотуркменским населением, составляло купольное перекрытие крыши из сырцового кирпича. Аналогии такому типу жилища имеются в Восточном Хорасане и в Северном Афганистане. Другой особенностью жилищ этого района являлось широкое использование растущего здесь в изобилии камыша для заполнения каркаса домов.

Для кочевых и полукочевых групп населения Средней Азии было характерно переносное жилище, однако его бытование отмечено и у оседлых народов Южного Узбекистана и Южного Таджикистана. Основными видами этого типа жилища являлась юрта — кииз уй, маленькая юрта — жолым уй (у казахов), полусферический шалаш — лочиг, или капа (у узбеков), кос (у казахов), орача (у туркмен), конический шалаш — курке (у казахов).

Юрта — поистине выдающееся изобретение кочевой цивилизации, она как нельзя более ярко характеризует особенности быта nomадов. Юрта портативна, сравнительно легка, быстро разбирается и собирается, хорошо защищает и от зноя, и от зимней стужи. В Средней Азии была распространена юрта тюркского типа, у которой имелось два подтипа — кыпчакский и найманский. Для кыпчакского подтипа характерен полусферический купол, образующийся за счет значительного угла изгиба купольных жердей и большого, но невысокого купольного круга. У юрт найманского подтипа жерди имели небольшой сгиб близко от конца, а круг был высоким и небольшим, отчего купол имел конусообразную форму. Найманский подтип внешне сходен с монгольским типом юрты, но для последнего характерны совершенно прямые жерди. Кыпчакский подтип был распространен у полукочевых узбеков, почти всех туркмен, большей части казахов, южных и памирских киргизов. Найманский подтип был характерен для семиреченских и

алтайских казахов, хорезмских узбеков и каракалпаков, туркмен-човдуров и эрсари.

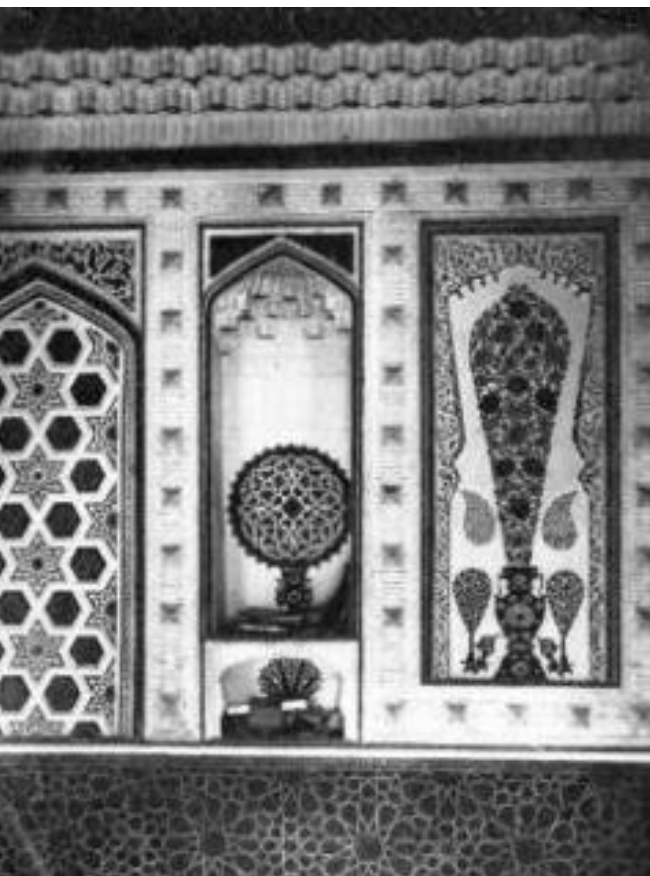
Помимо деревянного остова конструкцию юрты составляли циновки и войлочное покрытие. Особое внимание в магических целях уделялось декору двери юрты.

Войлочное покрытие юрты бытовало в двух вариантах. Первый, более распространенный, состоял из трех частей: двух трапециевидных покрышек купола, нескольких прямоугольных покрышек для стен и небольшого войлока ромбовидной или округлой формы для покрытия верхнего круга. Второй вариант, встречавшийся только у казахов и киргизов в юртах кыпчакского типа, включал два—три больших войлока, покрывавших юрту от купольного круга почти до земли, не доходя 20—25 см, и один—два войлока для верхнего круга.

Шалаши служили жилищем на кратковременных стоянках, сезонным жилищем, укрытием для пастухов. Статус этих жилищ относительно юрты был невысоким, за исключением шалаша лочиг, или капа, который узбеки-карлуки почи-

Есик — дверной занавес Киргизы. Ферганская обл. Начало XX в. РЭМ 10176-17

Ашкана — узорная циновка-ширма Киргизы. Северная Киргизия. Конец XIX в. РЭМ 8762-23008

Роспись стен на мужской половине дома Узбеки. Самарканд. Фотография 1902 г. РЭМ 48-49

Двор мужской половины богатого дома Узбеки. Бухара. Фотография 1902 г. РЭМ 42-47

Прием гостей в юрте Казахи. Семипалатинская обл. Фотография 1913 г. РЭМ 3040-22

В юрте на почетном месте располагались самые ценные вещи семьи, сложенные стопкой джук на специальной деревянной подставке. Пол устилали самым лучшим войлочным ковром. Здесь мог находиться хозяин дома и наиболее уважаемые гости.

тали своим традиционным жилищем и именно его готовили к свадьбе.

В ряду сезонных находились пещерные жилища, существовавшие, например, у таджиков долины р. Сох. Интересно, что еще во второй половине XX века некоторые пожилые люди предпочитали летом жить в пещерах и даже справляли там свадьбы своих детей и внуков.

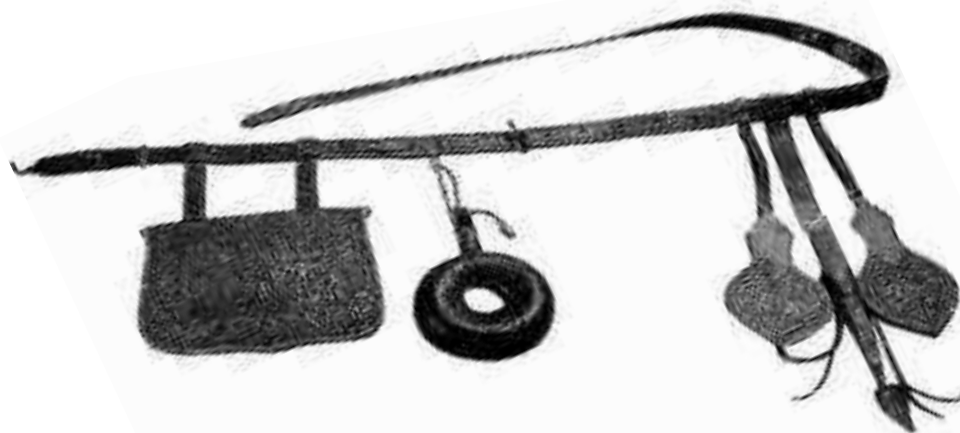
ИНТЕРЬЕР

Общий тип дома в Междуречье состоял из трех элементов: комнаты, передней и открытой террасы-айван. Интерьер стационарного жилища во многом зависел от типа очага. В курном жилище стены и потолок практически не декорировались, все внимание уделялось деревянным деталям — опорным столбам, дверям, ставням, которые украшались резьбой. В жилище с бездымными очагами стены украшались вышитыми занавесами, потолок покрывался обильной росписью, в Бухаре особое развитие получила резьба по ганчу — алебастровой штукатурке. В стенах домов обычно имелись ниши для спально-постилочных принадлежностей, посуды и т.п. Глинобитный пол застилали паласами или войлоками.

Внутреннее пространство юрты имело четкое членение на культурные зоны. В центре находился очаг — сакральный центр жилища, за очагом напротив входа располагалось почетное место. В левой женской половине юрты находилось супружеское ложе, а ближе к двери — утварь и запасы провианта. Правая мужская половина предназначалась для гостей, здесь хозяин дома хранил конское снаряжение, различные предметы скотоводства.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Костюм народов Средней Азии был един в своей основе, причем для обоих полов и всех возрастов, что является весьма архаичной чертой культуры. В состав традиционного костюма входили рубаха, штаны, халат, обувь и головной убор. Последний в наибольшей степени содержал отличительные половозрастные и этнические признаки. Архаичной чертой среднеазиатского костюма являлся и туникообразный покрой плечевой одежды. Однако в последней трети XIX века прежние формы костюма значительно изменились под влиянием индустриального общества и других факторов. Поэтому категория «традиционный костюм» для Средней Азии является неоднозначной и ее необходимо соотносить с двумя временными периодами: серединой XIX века и концом XIX — началом XX века, которым соответствовали разные, в известной степени, варианты костюма.

На уровне этнокультурных пластов следует выделить, во-первых, костюм таджиков и оседлых узбеков, во-вторых, костюм народов «кипчакского» круга — казахов, киргизов, каракалпаков, дештикипчакских узбеков, в-третьих, туркмен. Следующим уровнем является костюм конкретного этноса, который также не был един. Так, у казахов сложились западный, северо-восточный и южный комплексы, соотносимые с территориями трех жузов. У туркмен ярко выделялись племенные варианты костюма, у киргизов имелась специфика северного и южного комплексов, у таджиков различия в костюме жителей равнинных и горных областей, у узбеков — оседлых и кочевых групп. Значительные особенности имелись в костюме бухарских евреев, особенно в головных уборах. В костюме казахских султанов выделялись сословные черты.

Мужская нательная одежда на территории Средней Азии шилась преимущественно из хлопчатобумажных тканей белого цвета. В конце XIX века преобладала нераспашная рубаха, основным этническим различием которой являлась форма ворота: вертикальная — у казахов и киргизов, треугольная — в Ферганской долине, горизонтальная — у остального населения. Духовные лица и узбекская аристократия носили рубаху с горизонтальным воротом. Реликтовое явление составляла узбекская стеганая на вате рубаха — гуппича, которую носили только дети и старики. Гуппи на староузбекском языке означает «доспех», что породило у исследователей версию о генетической связи стеганых рубах с защитным вооружением.

Женские рубахи-платья шили из разнообразных тканей, но при их выборе действовал универсальный принцип — яркие цвета, особенно красный, предназначались для девушек и молодых женщин, для пожилых был уместен белый или какой-либо темный цвет. Ворот у женских рубах всегда был вертикальным. Для каждого народа был характерен особый способ оформления ворота: вышитой или плетеной тесьмой (таджики и узбеки-сарты), нашитыми лентами (часть казахов), металлическими бляшками или

Пояс мужской
Казахи.
Западный Казахстан.
Середина XIX в.
РЭМ 8763-613

Конструктивной особенностью казахских мужских кожаных поясов кисе являлось наличие специальных подвесок — сумочки для огнива, мешочков для пуль, пороховницы и ножен.

Костюм невесты
Казахи.
Западный
Казахстан.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Мужской
парадный костюм
Казахи.
Западный Казахстан.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Костюм
мужской парадный
Узбеки, таджики.
Бухара.
Конец XIX –
начало XX в.
Из собрания РЭМ

Саукеле – свадебный
головной убор
Казахи.
Западный Казахстан.
Середина XIX в.
РЭМ 215-1

Женский
праздничный костюм
Туркмены-текинцы.
Закаспийская обл.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Костюм невесты
Каракалпаки.
Дельта
Амударьи.
Середина XIX в.
Из собрания РЭМ

Воротник невесты
Дунгане. Токмак,
Семиреченская обл.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Женский костюм
Таджики. Куляб,
Южный Таджикистан.
Начало XX в.
Из собрания РЭМ

вышивкой (туркмены), полосой ткани контрастного цвета (каракалпаки, кочевые узбеки), специальным нагрудником (киргизы). Изменение покроя рубахи-платья у казахов и киргизов состояло в появлении отрезной талии, пришитых оборок на подоле, стоячего воротника. У таджиков и узбеков платье стали шить на кокетке, с отложным воротником.

Штаны в Средней Азии относятся к типу штанов с широким шагом, то есть между штанинами вшивался клин, что придавало свободу движениям, как при верховой езде, так и при сидении на полу. У кочевых народов широко бытовали теплые верхние штаны, которые шили из овчины, шерстяной домотканины, замши. Зимой при верховой езде полы халатов и шубы кочевник обычно заправлял внутрь широких верхних штанов.

Помимо штанов в киргизском женском костюме, а как реликт и в казахском, имелся еще один вид поясной одежды — бельдемчи, которая походила на распашную юбку. Особый вид одежды, имевшийся только у одного народа, — это редкое явление для среднеазиатского костюма. Женщина надевала бельдемчи после рождения первенца.

Основным видом верхней наплечной одежды в Средней Азии являлся халат, который получил особое развитие в мужском костюме, являясь важным его элементом и в знаковом отношении. Символический «язык» халата определяли цвет, орнамент и качество его ткани. Верхний халат обычно не подпоясывался, за исключением траура (у оседлых народов) либо охоты или военного набега (у кочевников). Халат являлся наиболее распространенным предметом дарения, опосредовавшим тем самым и социальные отношения.

В непогоду или в дорогу поверх халата мужчины накидывали чекмень — род плаща из сукна. Особенно ценились чекмени из верблюжьего сукна, надежно защищавшие от ветра и дождя. Парадные чекмени в середине XIX века стали шить из фабричного сукна российского производства, что определяло большой объем его импорта в регион.

В конце XIX века, а у казахов раньше, в состав костюма обоих полов прочно вошел камзол с приталенным силуэтом. Вероятно, эта одежда распространилась под влиянием казанских татар, игравших большую роль в экономической жизни региона.

Древнейшим видом зимней одежды являлась казахская шуба — купи на основе из пластов естественно свалывшейся верблюжьей шерсти, а также нагольный тулуп из овчины — тон, бытовавший у кочевников. Весьма престижными у казахов и киргизов считались шубы из меха лисы или волка. Их обычно покрывали

тканью: бархатом, сукном или сатином — в зависимости от достатка семьи.

Подпоясывание одежды мужчинами было обязательным, а пояс в знаковом отношении являлся символом самого мужчины. Социальная зрелость юноши маркировалась, в частности, началом ношения пояса. У оседлых народов основными видами пояса являлись кушак и поясной платок. Интересно, что эти предметы, в случае необходимости, могли исполнять роль головной повязки, скатерти и молитвенного коврика. У кочевых народов традиционно преобладали пояса из кожи — узкий кисе с подвесками и широкий белдик с наборными бляшками и массивной пряжкой. Женщины у таджиков и оседлых узбеков одежду не подпоясывали, делая это только на похоронах. Кочевницы подпоясывались в торжественных случаях или при сборах в дорогу.

Наиболее архаичной была обувь горных таджиков и памирцев, у которых преобладали поршни — мужские сапоги на плоской подошве без каблука, женские сапожки простейшего покроя из двух половин, деревянные калоши с тремя шипами на подошве. Зимой горцы носили вязаные чулки-джураб, яркий орнамент которых сообщал о месте проживания человека. Оседлое население равнинных оазисов носило мягкие сапоги вместе с кожаными туфлями без задника. Ведущим типом обуви у кочевников, удобным для верховой езды, были жесткие сапоги на высоком каблуке. Узбекская знать во время конных выездов надевала парадные сапоги из зеленой шагрени, изящный каблук которых был скошен к середине подошвы, позволяя всаднику особенно ловко держаться в стремянах. У казахских и киргизских охотников бытовала маскировочная обувь, на подошву которой крепились конские копыта.

Согласно традиционным представлениям существовала особая связь человека с головным убором. Свой головной убор никогда не дарили, опасаясь, что с ним уйдет жизненная сила.

Детские головные уборы народов Средней Азии и Казахстана, которые обычно не различались по полу, отличало обилие нашитых оборок. В 9—12 лет девочке в знак перехода в другой возрастной класс заплетали 4—5 кос и надевали шапочку типа тюбетейки, которая у кочевников и узбеков Хорезма имела специальные украшения. У казахов и киргизов поверх шапочки надевалась теплая войлочная шапка с выдровой опушкой и султанчиком из перьев, у оседлых народов — небольшой платок.

Мужские головные уборы были комплексными и состояли из тюбетейки, поверх которой у таджиков и узбеков повязывалась чалма, а у кочевников надевалась шапка. Чалма, в целом воспринимаемая как атрибут мусульманской

Казашка
Семиреченская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 9462-50

Невеста
в свадебном костюме
Казахи.
Семипалатинская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 3040-16

культуры, различалась по размеру, цвету, манере повязывания. Большую белую чалму носили духовные лица, ремесленники — небольшую чалму серого или синеватого цветов, крестьяне — повязку из цветных платков. Наиболее типичными были шапки из овчины, имевшие много разновидностей. Так, для туркмен, каракалпаков и кочевых узбеков были характерны шапки мехом наружу, для казахов и киргизов — мехом внутрь, с бархатным покрытием верха. Особое распространение у киргизов получил войлочный колпак с отгибающимися полями.

Женские головные уборы, которые надевались после рождения первого ребенка, также были комплексными, но более сложными. Символом женщины-матери в регионе являлся тюрбан, хотя в ряде мест он рано вышел из быта и был заменен платками. Специфической чертой женского костюма в Средней Азии являлось широкое распространение головных накидок, что было связано с обычаем избегания мужской родни мужа, а также с воздействием мусульманских норм, требующих, чтобы женщина не появлялась при посторонних с открытым лицом.

Неотъемлемой частью женского среднеазиатского костюма являлись украшения. Они

Женщина
племени сарык
Туркмены.
Фотография 1901 г.
РЭМ 41-14

Нагрудное украшение
Таджики, узбеки.
Бухара. Начало XX в.
Из собрания РЭМ

Кош-тилло –
налобное украшение
Таджики, узбеки.
Бухара. XIX в.
РЭМ 4651-2

Пояс мужской
Таджики, узбеки.
Бухара.
Конец XIX – начало XX в.
РЭМ 4467-10

Накосное украшение
Туркмены.
Мерв.
Конец XIX в.
РЭМ 10829-9

Женские ювелирные украшения у народов Средней Азии составляли особую сферу культуры, насыщенную магией и сложной символикой форм, металлов и камней, связанной с традиционными представлениями о жизненной миссии женщины. Повсеместно излюбленным материалом для украшений являлось серебро — символ чистоты, здоровья и благородства. Золоту отдавали предпочтение только бухарские евреи.

Ювелиры в зонах древней оседлости были знакомы с различными техниками художественной обработки металла — литьем, штамповкой, филигранью, чеканкой. Широкое распространение имели изделия в технике «басма» с основой из мастики, покрытой листиками золоченой фольги со штампованным орнаментом и вставками из бирюзы. Наряду с бирюзой, которую привозили из Ирана, применялись сердолик, коралл, жемчуг, иногда берилл, рубин и шпинель. Помимо камней женские украшения могли декорироваться перьями птиц — символами счастья и благополучия, а в Хорезме — также их когтями, которые считались сильными оберегами.

У равнинных таджиков и узбеков-сартов особым видовым многообразием отличался свадебный комплекс украшений для головы, включавший в начале XX века налобные украшения баргак, кош-тилло, височные украшения гаджак, серьги. В названии кош-тилло сохранилось указание на брови (кош — букв. «брови»), семантика которых в народной этимологии связывается с образом птицы. Со временем образ получил известную условность, но и в диадемах XIX — начала XX века можно «увидеть» стилизованную птичью головку в центральной части и «распахнутые крылья», насечки на которых имитируют перья.

могли быть нашивными и съёмными. Первые наиболее характерны для костюма кочевых народов, в первую очередь туркмен. К съёмным относились специальные украшения для головы, шеи, груди, живота, рук, а также для кос. Все они были связаны с обширным пластом представлений о способах магической стимуляции репродуктивной функции женщины и ее защиты.

Наиболее богатым и сложным был комплекс украшений невесты, особенно у таджиков и узбеков-сартов. Для кочевых народов характерна сложная конструкция самого свадебного головного убора и богатейшая система его нашивных украшений, которую демонстрируют казахский и каракалпакский саукеле, хасава у туркмен-йомудов и др.

Саукеле являлся обязательной составной частью костюма казахской невесты. Семья девушки заказывала его у мастера задолго до свадьбы, так как на изготовление одного саукеле уходил целый год. Стоил этот головной убор очень дорого из-за обилия серебряных и позолоченных украшений, кораллов, жемчуга, золотного шитья, а также сложности ювелирной работы. Невеста надевала саукеле в кульминационный момент свадебных торжеств — при ее переезде в аул мужа. Впоследствии молодуха носила его по торжественным случаям до рождения первого ребенка, после чего меняла головной убор на женский. Саукеле хранился в семье и всегда оставался собственностью женщины. Как правило, она передавала его своей старшей дочери. Если женщина умирала бездетной, то головной убор возвращался родителям.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА

В регионе сложились две основных системы питания — оседлого и кочевого населения. Главное их отличие заключалось в различном удельном весе в рационе мясной, молочной, мучной и растительной пищи. У кочевников также ярче была выражена сезонность питания — весной и летом потреблялись молочные продукты, зимой — мясные.

Круг этикетных и ритуальных действий, связанных с трапезой, имел у народов Средней Азии много общих черт. Гостеприимство почиталось святой обязанностью и важнейшей добродетелью. Повсеместно большой устойчивостью обладали правила распределения пищи между членами семьи и сотрапезниками. У кочевых народов строго соблюдались принципы членения туши барана или лошади на определенные части, каждая из которых обладала иерархической ценностью, соотносимой с социальным статусом участников застолья. Древние корни

имели обычаи складчины при устройстве различных общественных трапез. Широко бытовал обычай коллективного потребления напитков с распитием их по кругу из одного сосуда. Сохранялись архаичные представления о необходимости делиться пищей в тех или иных обстоятельствах.

Мучные и крупяные продукты были основой рациона оседлых народов. Отдельные группы кочевников до середины XIX века вообще не знали муки, хотя блюда из проса издавна находились в обиходе номадов. У каракалпаков, например, они назывались «пищей предков». Также кочевники в жиру жарили небольшие лепешечки баурсаки, которые обязательно сопровождали праздничную трапезу.

Важнейшей повседневной едой в зонах оседлости являлся хлеб нан, приготовляемый

Сушка сыра
Казахи.
Семипалатинская обл.
Фотография 1920-х гг.
РЭМ 6101-126

Чаши для кумыса и ложка для разливания кумыса Киргизы. Южная Киргизия. XX в. РЭМ 8761-13447, 13453, 13465

Коокор – сосуд для кумыса Киргизы. Южная Киргизия. Конец XIX в. РЭМ 6909-8

Во время перекочевков мужчины приторачивали коокор к седлу – считалось, что от равномерного взбалтывания при верховой езде кумыс приобретал особый вкус. У киргизов дядя по материнской линии дарил племяннику маленькую флягу по достижении им 7–9 лет как символ того, что он становится мужчиной. Интересно, что фляги делали только мужчины, в то время как остальную утварь для молока – женщины.

обычно из пшеничной муки. Лепешки готовили практически в каждом доме. Для этого во дворе устанавливалась особая печь — тандыр, представляющая собой массивный керамический сосуд без дна. Хлеб пекли на его разогретых внутренних стенках. По традиции, лепешки всегда должны были быть на столе, и любая трапеза обычно начиналась с того, что глава семьи разламывал лепешку и раздавал по первому куску всем присутствующим. К хлебу относились как к святыне — им клялись, клали в качестве оберега в детскую колыбель, использовали в свадебных ритуалах.

Большой популярностью пользовались пирожки и пельмени: мелкие чучвора, вареные в воде, и крупные, вареные на пару — манты. Блюда из длинной лапши лагман с мясом и овощами являлись заимствованием от уйгуров, а вот бешбармак — крупная лапша с отварной бараниной издавна бытовала в кочевнической традиции как самое торжественное блюдо.

Из круп варили жидкие каши, а также различные похлебки, приправляемые кислым молоком. Как правило, это была пища для завтрака. Более калорийную мясную пищу ели вечером. Крупяные блюда часто готовили для ритуальных трапез. Из пророщенных зерен пшеницы на Новруз — праздник нового года — готовилось блюдо сумалак, обладавшее особыми энергетическими свойствами. Зерна долго толкли в ступе, соединяли с солодом и мукой, после чего уваривали всю ночь до вязкой консистенции.

Самым престижным блюдом у оседлого населения считался плов, неразрывно связанный с любой праздничной трапезой или торжественным обедом. В каждом оазисе были свои варианты плова, но особенным разнообразием его рецептура отличалась у бухарских евреев,

которые для каждого конкретного торжества готовили определенный вид плова, отличавшийся как ингредиентами, так и технологией приготовления.

Для плова, как, впрочем, и для других мясных блюд, повсеместно предпочитали баранину. Закономерно, что у кочевников ассортимент блюд из мяса был намного шире. У казахов и киргизов излюбленной пищей являлось отваренное мясо кобылицы, которое запивали бульоном. Широкую популярность имел нарын — мелко нарубленные вареное мясо, колбаса и лук, политые бульоном. В кочевых культурах имелось много блюд из внутренностей животных, которые считались особым лакомством. Например, у киргизов к ним относилось легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде. Широко практиковалось изготовление колбасы казы (у казахов), чучук (у киргизов) из конского мяса и жира. Древнейшим способом приготовления мяса являлось запекание бараньей туши в земле на углях.

Рыба занимала заметное место только в рационе каракалпаков, которые употребляли ее в жареном, вареном, сушеном виде, готовили уху с клецками из просяной муки, пекли своеобразный хлеб из икры с мукой.

Молоко в Средней Азии повсеместно предпочитали сквашивать, используя его широчайшим образом — для заправки различных блюд, в качестве самостоятельного напитка, как сырье для получения творога и сыра, который обычно сушили на зиму. У кочевых народов региона из молока в процессе его обработки различные продукты экстрагировались без малейших отходов. Этот подход к переработке молока характерен и для кочевников Центральной Азии. В регионе практиковались пять основных способов сбива-

ния масла, которые генетически связаны с наиболее архаичными пластами культуры: вытапливание из сливок, взбивание сливок руками, «толчение» мутовкой по вертикали, раскачивание сосуда, вращение мутовки. Так, способ раскачивания сосуда роднит среднеазиатские традиции с обычаями Передней Азии и Закавказья.

В Средней Азии наряду с безалкогольными напитками (чай, кислое молоко и другие напитки на его основе) были известны и алкогольные — вино мусаллас, род пива буза, кумыс.

Потребление вина у оседлого населения, вопреки нормам ислама, было весьма широким. Однако выделяли и потребляли его тайно, опасаясь блюстителя нравов — раиса. Вино на продажу делали только бухарские евреи. Городом, наиболее приверженным питью вина, слыл Самарканд.

Мусаллас изготавливали обычно из разных сортов винограда. Такое вино выпивалось в течение зимы, поскольку оно плохо хранилось. Виноградный сок сливали в большой хум с поливой внутри и плотно закрывали пробкой. О степени брожения и готовности вина судили, прикладывая ухо к стенкам хума. Распитие вина было обставлено церемонией, где очень важную роль играл виночерпий. Пиалу с вином передавали по кругу. Проблема нормы в потреблении вина решалась на основе высказывания из притчи: «Одобрятся пьяница, пьющий столько, чтобы сесть верхом на льва и чтобы лев его не сбросил, а не столько, чтобы черный ворон вырвал глаза у валяющегося пьяным на дороге».

Буза представляла собой род пива, изготовлявшегося на основе проса. Этот напиток имел довольно широкое распространение у кочевников. У киргизов, в частности, он сопровождал зимние мужские посиделки, заметно поднимая настроение собравшихся.

Кумыс из заквашенного молока кобылиц являлся одним из символов кочевых культур региона, поскольку, помимо пищевой ценности, наделялся особыми сакральными свойствами.

Молочная водка, перегоняемая из кумыса, была известна киргизам и восточным казахам. Конструкция аппарата и техника выгонки водки у этих народов полностью аналогична таковым у монголов.

Чай, без которого трудно представить среднеазиатское застолье, завоевал в нем прочное место относительно недавно — со второй половины XIX века, а в горах еще позднее. На формирование среднеазиатской чайной церемонии повлияли обычаи, сопровождавшие распитие вина, с передачей пиалы по кругу и запрещением ставить ее на скатерть. Однако если вино пили из глиняных пиал, то чай — только из фарфоровых. Интересно, что в ряде районов имелось обыкновение съедать чайные листья. В Средней Азии предпочитали зеленый чай, за исключением Ташкента, где потребляли только черный. Большой популярностью пользовался чай с молоком. Был распространен и такой вид чая, как ширчой, кипятившийся с молоком в котле, приправляемый солью и перцем.

Сундук
Казахи.
Казахстан.
Конец XIX в.
РЭМ 8761-13181

Семья
Киргизы.
Южная Киргизия.
Фотография
конца XIX в.
РЭМ 8764-16455

УТВАРЬ

Утварь для приготовления и хранения пищи у народов Средней Азии и Казахстана в целом едина по своему бытовому назначению. Однако у оседлых и кочевых народов региона она значительно отличается по материалу изготовления, форме, декору. Если у таджиков и оседлых узбеков ее по преимуществу изготавливали из керамики и меди, то у кочевников — из дерева, кожи и внутренних органов животных. К числу тех предметов утвари, которые находились в обиходе повсеместно, относились чугунные котлы разных размеров, фарфоровые пиалы для чая, самовары.

Большую роль в домашнем хозяйстве играли сосуды для воды, которые особенно архаичные формы — в виде тыквы, птицы, животного — имели в женской керамике горных таджиков. У кочевников в ходу были бурдюки из снятой чулком кожи, в которых воду можно было перевозить и хранить в довольно больших объемах. Повсеместно пользовались спросом сосуды из тыквы-горлянки, поскольку в них вода долгое время оставалась свежей и прохладной.

Сосуды для молочных продуктов были наиболее специализированы. Интересно, что в горном Таджикистане сосуд для молока женщина несла очень торжественно — на ладони, поднятой на уровень плеча, повернув пальцы назад или в сторону.

Для приготовления кумыса казахи и киргизы использовали крупный пирамидальный сосуд

саба из конской кожи, в котором напиток взбивался специальной мешалкой с богатым декором. Кумыс мужчины держали в сосудах оригинальной якоробразной формы с высоким узким горлышком, которые приторачивали к седлу.

Древнейший тип маслобойки, имевший распространение также в Иране и на Кавказе, существовал у горных таджиков — это керамический сосуд с отверстием, который катали на боку. В других регионах преобладали деревянные маслобойки, долбленные или бондарные.

Столовая утварь включала глубокие чаши для жидкой пищи, блюда для плова или мяса, подносы для фруктов.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ОБЩИНА

Социальные отношения на Востоке отличались большим консерватизмом. Основным элементом социальной организации у народов Средней Азии и Казахстана являлась община, виды которой были весьма многообразны — это квартал в городах и крупных селениях, цех городских ремесленников, община кочевников и полукочевников, основанная на генеалогических связях. Устойчивость сохраняла и кровнородственная семейная община.

СЕМЬЯ

У оседлых народов Средней Азии традиционно существовала такая архаичная форма семьи, как большая семья, когда под одной крышей проживали три—четыре поколения кровных родственников. Долее всего, до начала XX века такие семьи, насчитывавшие иногда до ста человек, сохранялись в Хорезме и в горном Таджикистане. Большая семья представляла собой общину со своими земельными угодьями, единой экономикой, когда все доходы поступали в «общий котел», а потребление пищи было совместным. Постепенно большая семья приобрела переходную форму неразделенной семьи, при которой братья отца проживали отдельно, а затем ускорился процесс выделения малых парных семей. Тем не менее, этнографы еще в середине XX века фиксировали пережитки большесемейных отношений, когда отец считал личным оскорблением уход из семьи женатого сына.

Кочевым народам большая семья также была известна, ее члены могли жить в нескольких юртах, однако при этом выделялась «большая» отцовская юрта, являвшаяся центром жизни семьи. Распаду большой семьи у кочевников способствовал обычай выделения сына после женитьбы, когда он получал инчи — долю семейного имущества на обзаведение своим хозяйством. Однако обычно выделенный сын продолжал жить вместе с семьей отца еще два-три года. Младший сын не имел права выдела, поскольку должен был содержать родителей в старости и унаследовать их имущество. Принцип минората в наследовании характерен для большинства народов региона.

В Средней Азии сложились две модели заключения браков — дальние браки, когда запрещались браки с родственниками по мужской линии до седьмого колена родства (родовая экзогамия), и кузенные браки, заключаемые между детьми братьев иногда в рамках большой семьи (семейно-родственная эндогамия). Первые характерны для казахов, каракалпаков и части киргизов — народов с родоплеменной системой социальной организации. Вторые были традиционными для таджиков, туркмен и узбеков. Распространение кузенных браков у туркмен составляет известную этнографическую загадку, так как при родоплеменном устройстве общества у этого народа можно было бы ожидать наличия родовой экзогамии. Видимо, постоянные войны, переселения, переделы территории обитания, которыми сопровождалась вся история туркменского народа, привели у него к изменению сущности рода и традиционных внутриродовых отношений.

При различных принципах выбора брачного партнера форма брака в регионе была единой —

так называемый «брак покупкой», когда семья жениха должна была выплатить семье невесты калым, состоящий, преимущественно, из определенного количества скота. Сторона невесты готовила приданое, куда входила одежда и домашний скарб, а у кочевников обычно и юрта. У оседлого населения равнинных областей калым постепенно уступил место махру — выплате, которую женщина получала согласно шариату на случай развода с мужем.

Архаичными формами брака являлся так называемый «брак в колыбели», когда родители договаривались поженить своих маленьких детей без калыма, а также брак похищением.

У кочевников большую роль играл обычай левирата, когда вдова обязательно выдавалась замуж за брата умершего мужа. В основе этого института лежали экономические соображения — имущество вдовы должно было остаться внутри рода. В результате левиратного брака разница в возрасте мужа и жены могла быть очень большой, что становилось трагедией для женщины. Наряду с обычаем левирата существовал и обычай сорората — женитьбы на сестре умершей жены, но он соблюдался реже.

В Средней Азии, как и во всех исламских регионах, было принято многоженство. Однако очевидно, что полигамия в качестве брачной нормы была распространена и в доисламский период.

Важнейшей функцией молодой семьи являлось продолжение рода. Увеличение семьи было особенно актуально для кочевых сообществ, где богатство и сила рода напрямую зависели от его численности.

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Деление на возрастные классы являлось характерной чертой культуры всех народов Средней Азии. В целом выделялось четыре возрастных этапа — детство, юность, зрелость, старость, хотя во многих культурах существовали и более дробные деления. Ориентиром для выделения возрастных границ был 12-летний цикл восточного календаря, по которому и вели счет годам жизни. Каждый знал год своего рождения (Мыши, Быка и т.д.) и, соотнося его с текущим годом и количеством прожитых 12-летних циклов, вычислял свой возраст. Сверстников джура связывали особые эмоциональные и ритуальные отношения.

Старость, по представлениям народов Средней Азии, у женщин наступала после окончания репродуктивного периода, а у мужчин рубежной датой считался возраст Пророка — 63 года, после чего года уже обычно не считали. Архаичные представления о земном сроке сохранялись у памирцев, которые имели обычай прижизненных поминок.

Моли́тва в медресе
Тилля-кари
Самарканд.
Фотография 1902 г.
РЭМ 48-256

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Мифологическая система у народов Средней Азии и Казахстана представляет собой синкретическое явление, в котором выделяются несколько пластов: мусульманская, иранская, тюрко-монгольская мифология, а также шаманистические воззрения. Последние основаны на представлениях о духах и необходимости посредника между ними и человеческим коллективом. Этническое своеобразие мифологической картины определяет специфика сплава этих пластов и степень выраженности каждого из них. Роль мусульманской мифологии (предания о Мухаммеде, пророках, культ святых и др.) в целом универсальна, но закономерно ярче проявляется в зонах оседлости, где ислам получил более глубокое укоренение. Иранская мифология определяет, прежде всего, мировоззрение таджиков, но ее отдельные элементы органично вошли в культуру многих народов региона. Так, например, широко распространены сказания, в которых фигурируют шайтаны, дуальная категория пэри и дэвы (хорошие и плохие духи), почитаемые чудотворцы чильтаны. Таджики, в свою очередь, не избежали влияния тюркских

мифологических представлений, например, о вредоносном существе албасты, духах-хозяевах различных мест и др. Древнетюркская мифология сохранилась относительно слабо, за исключением культа богини Умай, культа предков, отголосков почитания неба Тенгри.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ

Религиозная ситуация в регионе Средней Азии и Казахстана характеризовалась господством суннитского направления ислама. Часть припамирских народностей являлась исмаилитами — приверженцами одной из сект шиизма. Среднеазиатские евреи исповедовали иудаизм.

Яркой особенностью среднеазиатского ислама явилось его укоренение в форме суфийской идеологии, которая стала распространяться с XII века. Успех суфизма — мистического направления в исламе — был связан с его близостью к повседневным религиозным нуждам народных масс, обращением к внутреннему миру человека в противовес нормативному исламу, регламентирующему все стороны жизни своих адептов. Суфии создали широкую сеть святых мест, практика поклонения которым включила различные местные формы культа. Большую роль в утверждении суфизма сыграли и устойчивые инсти-

Дервиши
Таджики. Бухара.
Фотография 1901 г.
РЭМ 42-85

Дервиши входили в братство каландарийя, члены которого должны были нищенствовать и вести бродячий образ жизни, проповедуя религиозные истины. Движение каландарийя возникло в XI в. в Хорасане и Средней Азии, став вскоре очень популярным, распространившись до Восточного Туркестана на востоке и до Ирака и Сирии на западе. Идеология каландарийя отличалась от доктрин других мусульманских братств включением индуистских и буддийских духовных традиций, нарочитым отказом от ряда суфийских практик. Члены братства должны были удовлетворяться одной одеждой и одним куском хлеба, жить только за счет милостыни и поэтому обычным атрибутом дервиша был кашкуль – сосуд для подаваний из тыквы или коксового ореха, богато украшенный тонкой резьбой и вставками из бирюзы. Сосуд никогда не пустовал, поскольку приносящие милостыню надеялись на духовную помощь и божественное покровительство. Членом братства отличал экзотический внешний вид – начисто выбритые голова, брови, усы и борода, высокие войлочные колпаки, одежда из лоскутов как знак ритуальной нищеты. Главу общины дервишей выделял черный халат джанда с вышивкой в виде крупных грубых стежков, широкий пояс и чалма вокруг колпака. Подчеркнутая грубость одежд символизировала презрение к мирским благам. Дервиши обычно следовали группой, исполняя хором религиозные песнопения и выкрикивая в экстатическом состоянии фразы из Корана.

туты суфизма — братства или ордена (тариаты). В Средней Азии были активны такие влиятельные братства как накшбандийа, кадирийа, йасавийа, представлявшие две среднеазиатские линии мистицизма: «умеренного» городского, отраженного в доктринах Абд ал-Халика ал-Гидждувани, и кочевого «тюркского» — Ахмада ал-Йасави, сохранившего элементы шаманистских верований тюркских народов.

Особенностью шаманства на территории Средней Азии и Казахстана являлось наличие двух его вариантов — иранского и тюркского, имевших определенные различия. Так, у таджиков и узбеков-сартов шаманами были преимущественно женщины, у тюркских народов — мужчины. Таджикские шаманы использовали для своих сеансов бубен, а тюркские — струнный инструмент. Во время камлания тюркские шаманы демонстрировали различные трюки — ходили по лезвию сабли, вонзали в себя кинжал и т.д., для таджиков же это было не характерно. Оба варианта испытали воздействие мусульманства. В ритуальный обиход многих шаманов вошли молитвенные коврики, четки, религиозные книги, а сами они выступали в повседневной жизни как примерные мусульмане.

ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Все этапы земледельческого цикла у народов Средней Азии сопровождались комплексом обрядовых действий, символически направленных на стимулирование плодородия. Центральным аграрным культом являлся культ деда-земледельца Бобо Дехкона — покровителя земледелия. Еще в начале XX века среди горных таджиков в каждом селении имелся свой Бобо Дехкон. Это был крепкий хозяин и уважаемый человек. Он начинал все земледельческие работы, посвящал мальчиков в земледельцы, давая им в руки серп.

Особая роль воды в жизни земледельческого населения Средней Азии вызвала к жизни развитый культ воды. Одним из его проявлений в древнем Хорезме были жертвоприношения, проводимые либо по случаю маловодья и засухи, либо, напротив, при открытии нового канала. Кровь жертвенного быка спускали в канал или в Амударью, а мясо готовили для коллективной трапезы. Именно в Хорезме важное место в культовой системе занимала Анахита — зороастрийская богиня, олицетворявшая водную стихию. Святым покровителем чигиря у каракалпаков

Куклы-марионетки
«китайские солдаты»
Узбеки.
Ташкент.
Конец XIX –
начало XX в.
РЭМ 1313-39/ 1, 2

Народные гулянья – сайль – у оседлого населения Средней Азии приобретали особенный размах в дни празднования нового года Новруз, отмечаемого в дни весеннего равноденствия. Особенно пышно сайль обставлялся в Бухаре и длился до сорока дней. За городом на обширном пространстве устанавливали около 500 палаток, где кипела ярмарочная торговля. Для увеселения гуляющих работала карусель, давал представления приезжий цирк-балаган, выступали канатоходцы. Большой популярностью пользовались спектакли кукольного театра. В Средней Азии были известны как театр перчаточных кукол, так и театр марионеток, спектакли которого демонстрировались ночью в специальной палатке, чтобы в темноте не было заметно кукловодов. Кукольные спектакли всегда сопровождал ансамбль музыкантов, в состав которого входили барабан и духовые инструменты – карнай и сурнай.

был Наиладжбаба. Прежде, чем пустить чигирь в работу, читали молитву в его честь.

Для кочевых и полукочевых народов региона особую важность составлял комплекс обрядов, направленных на приумножение скота и, соответственно, продуктов скотоводства. Так, весной особо отмечались «первые» события — первый приплод, первый кумыс, первая стрижка овец и др.

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Среди календарных событий для народов Средней Азии и Казахстана особую важность имеют религиозные праздники мусульманского лунного календаря — рамазан (праздник окончания поста) и курбан (праздник жертвоприношений). Эти праздники сопровождались богослужениями и закланием жертвенных баранов, мясом которых следовало поделиться с неимущими.

Праздник нового года Новруз, восходящий к древним зороастрийским представлениям о неизбежной победе света над тьмой, отмечается по солнечному календарю 21—22 марта. Наиболее сложный «сценарий» Новруз имел у горных таджиков и припамирских народностей, в котором важное место занимал как подготовительный этап (уборка дома, приобретение новой посуды, приготовление обрядовой пищи и др.), так и события новогоднего дня (внесение в дом веток ивы, домашняя трапеза, гостевание). В городах, особенно в Бухаре, Новруз сопровождался грандиозными многодневными гуляньями и пышными зрелищами, в том числе иллюминацией и фейерверками.

Для кочевых народов важнейшим событием календарного цикла, знаменующим начало нового жизненного витка, являлась первая весенняя перекочевка. Ее начало могло совпасть с Новрузом, отмечаемым по старому календарю кочевников 14 марта.

Во время первой перекочевки люди надевали самую нарядную одежду, для лошадей и верблюдов предназначалось праздничное убранство, вьюки покрывали коврами и войлоками. В целом кочевой караван более всего походил на свадебную процессию, в чем можно видеть осуществление важнейшей мировоззренческой идеи символического брака с Природой.

ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Комплекс детской обрядности у народов Средней Азии и Казахстана включал мощный пласт магических действий, направленных на охрану жизни новорожденного и «формирование» его счастливой судьбы. После рождения ребенка купали, заворачивали в старую рубаху деда, чтобы тем самым сообщить ему долголетие. Послед оседлые народы закапывали в

чистом месте двора, кочевники — обычно под порогом юрты. Пуповину, как правило, привязывали к тому предмету, который мог символизировать дальнейшую судьбу ребенка. Так, у туркмен пуповину девочки привязывали к ткацкому станку, а мальчика — к хвосту домашнего животного, чтобы он стал богатым скотоводом.

Отличительной чертой среднеазиатской детской обрядности являлось соблюдение сорокадневного переходного периода чилля, когда мать и ребенок изолировались от внешнего мира. В это время предпринимались различные бдения — в комнате ночью не гасили свет, в «опасные» дни люди сидели около младенца круглые сутки и т.д. У туркмен и узбеков южного Хорезма, так же, как у турок и азербайджанцев, в рамках сорокадневного чилля выделялся еще малый чилля — от недели до 12 дней. У названных народов имелся обычай пометать дом роженицы каким-либо растительным знаком — пучком соломы, деревцем и т.п.

Большим праздником являлось обрядовое положение ребенка в колыбель, проводимое на 5—7 день его жизни. Тогда же мог иметь место обряд имянаречения, осуществлявшийся муллой или родственником. Имя произносилось обязательно шепотом на ухо ребенку — сначала ложное, а затем настоящее. В колыбель клали обереги — сначала камень, затем — нож или ножницы, зеркало, лепешку, гребень, перец, пучки пряных трав, а затем уже — младенца.

Среднеазиатская колыбель бешик, или гавора представляла собой тип колыбели-качалки с продольной ручкой, ареал бытования которой был очень широк — от Кавказа, Поволжья до Ирана и Египта. На дне колыбели имелось отверстие для стока мочи, отводимой специальными трубочками. У туркмен бытовала люлька другого типа — в виде гамака из шерстяного паласа.

По исполнению ребенку года устраивался обряд первой стрижки волос. Мальчику при этом обычно оставляли айдар — пучок волос на темени, девочке кокил — два пучка на висках. Остальные волосы бережно хранились матерью или использовались как амулет.

У кочевых народов в цикл детской обрядности входил обряд «разрезания пут», приуроченный ко времени, когда ребенок начинал ходить. Малышу связывали ножки пестрой веревочкой, а потом ее разрезали, магически освобождая ноги для ходьбы. Также большое значение в кочевом мире имел обряд первой посадки мальчика на коня.

Исключительное место в обрядах жизненного цикла занимал суннет — обряд обрезания мальчика. Он проводился обязательно до 12 лет в нечетные годы жизни (предпочтительно в 3, 5 или 7 лет) и сопровождался очень крупным празднеством. Обряд знаменовал приобщение

мальчика к мусульманской общине, но в то же время в нем явственны черты возрастной инициации, учитывая групповой характер обряда. Общественная важность суннет объясняется тем, что инициация ребенка — это в известном смысле инициация всех взрослых его родственников, чей социальный статус в связи с этим повышался. Для мальчика обрезание было важнейшим этапом социализации: с этого момента он мог поститься и молиться, надевать чалму, учиться, посещать мужские собрания, носить оружие, резать скот.

Основная структура свадебного обряда в Средней Азии была одинакова и включала следующие этапы: сватовство — свадьба — после-свадебные церемонии. При этом общерегиональную особенность брачного ритуала составляло наличие в нем отголосков древнего матрилокального брака. Это проявлялось в том, что кульминация свадьбы обычно приходилась на торжества в доме невесты, причем у ряда народов (казахов, киргизов, каракалпаков) в ходе этих торжеств отчетливо выделялось два этапа. Первый включал в себя обычай «тайных» добрачных свиданий жениха и невесты, которые де-юре признавались обычным правом началом брачных отношений. Второй этап свадьбы в доме невесты, который мог отстоять от первого на несколько месяцев, повторял многие обрядовые моменты первого этапа (встреча жениха, установка свадебного жилища, борьба за невесту и т.д.) и продолжался уже в доме отца жениха. Обычай добрачных свиданий жениха и невесты был характерен и для оседлых народов. Показательно, что мусульманское бракосочетание — никох, осуществляемое муллой, почти всегда проходило в доме невесты. Общее распространение имел обычай возвращения молодухи домой через год после замужества. Наиболее ярко этот обычай (кайтарма) был выражен у туркмен. Молодуха могла оставаться у родителей от одного до десяти лет, пока не будет выплачен калым. Муж должен был посещать жену тайно, а в случае своего обнаружения рисковал поплатиться жизнью.

Общими важнейшими моментами свадьбы в доме мужа являлись следующие обряды: трехдневная изоляция невесты за свадебным занавесом, смотрение лица новобрачной, скрытого специальной занавеской, приобщение к новому очагу посредством ритуального «кормления» огня. В доме свекра молодая строго должна была соблюдать обычай избегания мужской родни мужа, а также она не должна была называть родственников мужа по имени.

Обязательной частью игровой программы свадебных церемоний являлись состязания, символизировавшие борьбу партии жениха за невесту. Так, у казахов, киргизов, туркмен проводи-

лась погоня за невестой, причем некогда проигрыш жениха был основанием для отказа невесты от брака. У всех народов региона, за исключением туркмен, было популярно козлодрание кок бёрю — состязание между двумя конными командами с целью отобрать у противника тушку козла и забросить ее в установленное место. Козел в брачном ритуале был магически связан с началами плодородия. Интересно, что у туркмен название кок бёрю закрепилось за упомянутой выше погоней за невестой, которая держала тушку козла впереди седла.

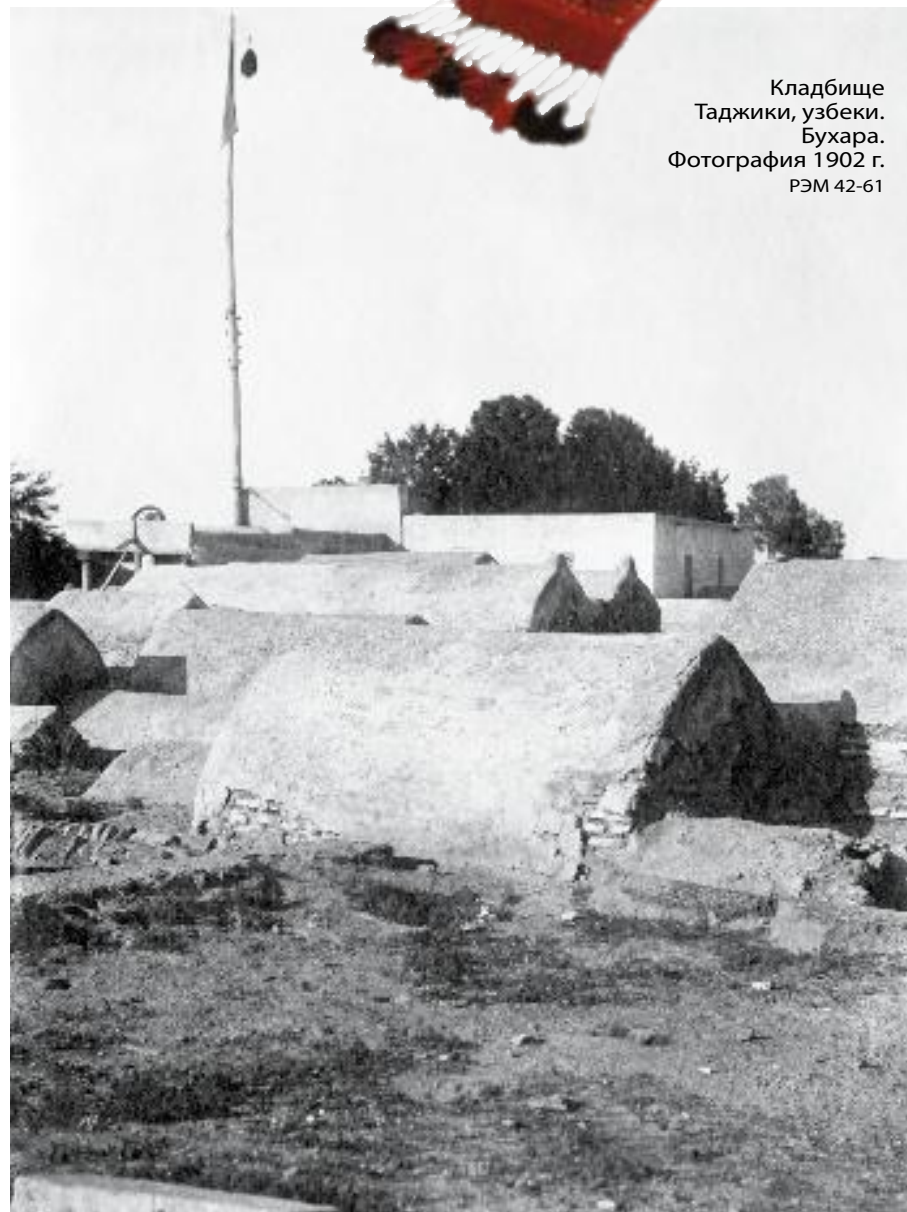
На свадьбах любимым развлечением женщин, даже старух, являлись качели, раскачивание на которых сопровождалось песнями эротического содержания.

В погребально-поминальной обрядности у народов Средней Азии особенно тесно переплелись исламские и неисламские ритуальные нормы. Умиравшего никогда не оставляли одного, к нему также приглашали муллу для чтения 36 суры Корана, игравшей роль мусульманской отходной молитвы. После смерти начиналось выражение скорби, хотя ислам и запре-

Траурная шапочка Киргизы. Южная Киргизия. Конец XIX в. РЭМ 14-29

Кладбище Таджики, узбеки. Бухара. Фотография 1902 г. РЭМ 42-61

Женщины на поминках
Киргизы.
Южная Киргизия.
Фотография 1902 г.
РЭМ 43-65

Поминальные обряды и культ предков у народов Средней Азии имели особое социальное значение. После смерти члена семьи его родственники надевали траурную одежду. Ее варианты зависели от той степени родства, в которой человек находился по отношению к умершему. Траур соблюдался в течение года, вплоть до проведения годовых поминок. Женщины снимали все украшения, а декоративные элементы одежды закрывали. Киргизки, например, заменяли носимую под тюрбаном шапочку на ее траурный вариант, который отличался синими и черными цветами вышивки.

щает ее внешние формы. Покойного предписывалось хоронить в тот же день, но кочевникам приходилось обходить эту исламскую норму, поскольку родичам для обязательного прощания с покойным требовалось время для возвращения с кочевий. В те ночи, когда умерший был с людьми, устраивались ночные бдения чилля, кузет, во время которых не гасили свет.

У равнинных таджиков и узбеков-сартов тело перед погребением обмывали профессиональные специалисты, которых не было у горных таджиков, памирцев и кочевых народов. После этого тело заворачивали в саван, состоявший у мужчин из трех полотнищ специальной ткани, у женщин — из пяти. Погребальные носилки выносили из дома с соблюдением определенных правил. Так, в юрте для этого разбирали одну решетчатую стенку или приподнимали юрту, чтобы пронести носилки под стенами. Перед порогом стационарного дома носилки три раза ставили и поднимали. У горных таджиков вокруг пустых носилок женщинами исполнялся специальный танец. Сопровождать умершего на кладбище могли только мужчины.

Кладбища в старых городах могли находиться среди жилых кварталов. Также хоронили в родовых склепах, а богатых кочевников часто погребали при мазарах или старых могильниках, приписываемых каким-либо героям и т.п.

Обычно могила имела подбой и была ориентирована на юго-запад к Мекке. Вопреки запретам ислама в регионе имела развитая традиция намогильных сооружений.

Поминки устраивались на 3-й, 7-й, 40-й день и в год. В Приаралье (Хорезм, Западный Казахстан) поминальной датой являлись еще и 100 дней. Чем пышнее были поминальные действия, тем больше уважения выказывалось духам предков, культ которых в Средней Азии и Казахстане имел очень развитые формы. У кочевых народов устроители поминок, на которые иногда съезжались тысячи родичей и соседей, стяжали немало доброй славы, как у современников, так и у потомков.

На поминках у кочевых народов главным событием были скачки, дальность дистанции которых зависела от степени важности поминальной даты. Так, самой продолжительной у казахов и киргизов была аламан-байга на 30—40 км, проводившаяся в ходе годовых поминок. У киргизов для этой даты были предписаны конные ристалища, мужские и женские, целью которых было выбить соперника из седла.

Помимо основных ритуальных действий, праздники и обряды включали различные игры, состязания спортивного характера, выступления поэтов, музыкантов, актеров. Все эти зрелища носили ритуальный характер и в своей миро-

воззренческой основе были тесно связаны с идеологией того или иного обряда. Также несомненна общественная функция состязаний, в которых проявлялось межродовое или межобщинное соперничество. Чрезвычайно большое значение имела и эмоциональная атмосфера игрищ, когда азарт, страсть, накал борьбы придавали событию незабываемые ощущения, учитывая, что победителя могли ждать баснословно богатые призы.

Общерегionalное распространение получили такие виды борьбы, как гуштин и куреш. Киргизам также известна борьба всадников. Стрельба в цель зарбузи, кабак, могла осуществляться из ружья, лежа или с колена (у оседлого населения), а также на скаку. Горные таджики практиковали и гулак — стрельбу из лука. Мишень, как правило, подвешивалась на шесте, а стрелять нужно было по нити, на которой она висела. У хуфцев мишенью служил козленок, которым потом играли в кок бёрю. Сходные правила проведения состязаний в стрельбе существовали еще у средневековых огузов, и имели, таким образом, очень древние корни.

ФОЛЬКЛОР

В программу обрядов входило исполнение различных фольклорных текстов, сопровождаемых музыкой. Для музыкальной культуры региона характерно инструментальное разнообразие — это и духовые (флейтовые, язычковые), струнные (щипковые, смычковые), ударные, самозвучащие инструменты. Среднеазиатский комплекс музыкальных инструментов ближе всего кавказскому. Условно можно выделить две региональные традиции в музыкальной культуре: одна объединяла узбеков, таджиков, туркмен, а вторая — казахов и киргизов.

Музицирование являлось в целом мужской сферой; женщины у таджиков и узбеков играли только на бубне дойра, а во время танца использовали каменные кастаньеты или деревянные ложки. Женским инструментом также повсеместно являлся варган.

Сказители эпоса, которые в течение многих часов могли приковывать внимание слушателей, часть стихов читали речитативом, а часть исполняли нараспев под музыкальное сопровождение. Казахи и киргизы использовали для этого смычковый кобыз, кыяк с двумя струнами из конских волос, который у этих народов применялся также шаманами для своих камланий. Таджикские сказители исполняли эпос под игру на рубобе — двухструнном щипковом инструменте с гладкой шейкой без ладов. Региональная традиция характеризуется преобладанием у кочевых народов героического эпоса, а у оседлых — романического. Пожалуй, наиболее ярким явлением эпической культуры региона предстает киргизский героический эпос «Манас», который играл у киргизов роль этнообразующего фактора и является одним из ведущих этнических символов этого народа.

Неизменный интерес публики всегда вызывали состязания певцов-импровизаторов. Это сложное искусство, требующее остроумия, находчивости, виртуозного владения словом и музыкальным инструментом, было особенно популярно у казахов и киргизов. Казахские акыны аккомпанировали себе на двухструнном щипковом инструменте домбра, а киргизские — на трехструнном комузе. Киргизский комуз уникален тем, что ни один народ в регионе не имел такого трехструнного инструмента со средней мелодической струной и столь большим разнообразием в настройке струн.

Скачки
Киргизы.
Ферганская обл.
Фотография 1902 г.
РЭМ 43-102

Музыканты
Туркмены.
Мерв.
Фотография 1902 г.
РЭМ 40-91

На равнинах в зонах древней оседлости у таджиков и узбеков получило развитие профессиональное исполнение многочастных вокально-инструментальных произведений — макама.

В музыкальную ткань праздников и повседневности вплетались и резкие звуки сигнальных инструментов — карная, имеющего вид длинной трубы с раструбом, одностороннего барабанчика дауылпаз, который приторачивали к седлу во время охоты с ловчими птицами, рога из обожженной глины, посредством которого банщики и мельники сообщали о готовности к работе.

Танец был присущ народному творчеству оседлого населения, сохранив наиболее архаичные свои формы у горных таджиков — это танцы и пантомимы, изображающие животных и птиц, а также демонические существа. Аксессуарами исполнителей были маски животных,

что позволяет предполагать тотемистическую природу этих танцев.

«Служители Мельпомены» — кукольники, канатоходцы, фокусники, комедианты были объединены в Средней Азии в особый цех. Свои представления они устраивали во время массовых празднеств или в базарные дни, по преимуществу в городах или крупных селениях.

ОБРАЗОВАНИЕ

Образование в регионе вплоть до начала XX века носило преимущественно религиозный характер. С приходом российской власти система религиозных учебных заведений осталась неприкосновенной. Начальные школы — мектебы — обычно работали при мечети. Ученики после освоения арабского алфавита переходили к чтению и заучиванию Хафтияка, включавшего выдержки из Корана и основные молитвы, необходимые при выполнении обрядов. В учеб-

На с. 595

Акробаты
Узбеки.
Самарканд.
Фотография 1902 г.
РЭМ 48-309

Аульная школа
Казахи.
Акмолинская обл.
Фотография 1908 г.
РЭМ 1594-8

ную программу средних и высших школ — медресе — входило изучение арабской грамматики, богословско-юридической литературы, а также астрологии, географии, истории, медицины, математики. Полный курс обучения в медресе длился не менее 10 лет.

У казахов наиболее образованным слоем населения являлись султаны-чингизиды, которые обучались в домашних условиях, а после присоединения к России — в учебных заведениях Омска, Оренбурга, Санкт-Петербурга. В целом потребность в грамотных чиновниках дала ощутимый импульс к развитию образования в казахских степях. В 1880-х годах начали работу русско-казахские школы. Знаменателен 1883 год, когда в Ханской ставке, в Букеевской орде, открылась первая школа для казахских девочек.

19 декабря 1884 года в доме богатого ташкентского купца Сейид-Гани Азимбаева состоялось открытие первой русско-туземной школы. Преподавателем был назначен один из лучших знатоков местных языков и обычаев В.П. Налив-

кин. В отличие от обычных русских школ русско-туземные школы предназначались исключительно для коренных жителей края и включали учебную программу мусульманских мектебов. Российские власти надеялись, что этот тип школ составит конкуренцию традиционным религиозным учебным заведениям и будет способствовать российскому влиянию на среднеазиатское общество.

В 1890-е годы на территории Туркестана по инициативе татарской интеллигенции стали возникать новометодные школы, в которых преподавание традиционных религиозных предметов совмещалось с изложением основ светских дисциплин, в том числе и русского языка. Популярность этих школ у местного населения даже вызвала беспокойство русских властей.

Развитию образования в регионе на рубеже XIX—XX веков способствовало открытие новых типографий для издания книг и периодики, создание библиотек и других учреждений культуры.

На с. 596

Музыкант,
играющий на кобызе
Казахи.
Семиреченская обл.
Фотография 1913 г.
РЭМ 9462-63

